

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
Сочиненій
Н.В. Гоголя

ИЗДАНИЕ
А.Ф. МАРКОСА
С. ПЕТЕРБУРГЪ.

СОЧИНЕНІЯ Н. В. ГОГОЛЯ

ИЗДАНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

РЕДАКЦІЯ

Н. С. Тихонравова.

Съ біографією Н. В. Гоголя, составленной В. И. Шенрокомъ, двумя портретами Гоголя, гравированными на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ, двумя автографами и тремя собственноручными рисунками.

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1900 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1900.

301071

Типографія А. Ф. Маркса, Измайлов. просп., 29.

109289

ПРОИЗВЕДЕНІЯ

(1834—январь 1842)

не вошедшія въ первое изданіе.

сочиненій ГОГОЛЯ.

ПРОГРАММА ЛЕКЦІЙ ПО ИСТОРИИ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

Такъ какъ учебный годъ состоитъ изъ двухъ полугодичныхъ курсовъ, то я полагаю приличнымъ лекціи по исторіи среднихъ вѣковъ раздѣлить на двѣ части: *до крестовыхъ походовъ* и *послѣ крестовыхъ походовъ*. Итакъ,

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

До крестовыхъ походовъ.

Отдѣленіе I.

Отъ разрушенія Западной Имперіи до Карла и Гарунтъ-аль-Рашида.

Прежде всего необходимо разсмотрѣть статистическое состояніе Западной Имперіи за 50 лѣтъ до ея разрушенія; механизмъ правленія ея; силы и средства; состояніе войскъ; образъ управленія дальнихъ и ближнихъ провинцій; состояніе христіанства; образъ мыслей того времени; вліяніе наукъ; вліяніе варваровъ, занимавшихъ первыя должности въ государствѣ. Средства для защиты. Невозможность существованія Имперіи и причины разрушенія ея.

Потомъ силы и средствъ дикихъ и свѣжихъ народовъ, извѣстныхъ подъ именемъ варваровъ. Невозможность отраженія ихъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ. Причины и

силы, побуждавшія ихъ къ нападенію; вліяніе характера ихъ, ихъ обычаевъ, образа жизни.

Состояніе Італіи по занятіи ея герулами. Состояніе бывшихъ провинцій Имперіи: Франціи, Испаніи, Англіи, Швейцаріи, Германіи подъ распоряженіемъ новыхъ властелиновъ. Въ чемъ состояло различіе правленій отъ римскихъ намістниковъ.

Время царствованія Теодорика и вліяніе его на Европу. Нравы, законы, постановленія новыхъ народовъ. Различныя виды феодализма у франковъ, алемановъ, бургундовъ, готтовъ. Что происходитъ между тѣмъ въ уцѣлѣвшей Восточной имперіи. Завоеванія Юстиніановы и составленіе греческаго Экзархата. Образъ управленія Экзархатомъ. Причины появленія ломбардовъ въ Італіи и завоеваніе Экзархата и другихъ земель Італіи. Мѣры восточныхъ императоровъ къ удержанію Экзархата. Причины бунтовъ въ Римѣ и хитрые поступки первыхъ папъ къ возвышенію своего достоинства.

Возрастаніе силы франковъ правленіемъ папальныхъ меровъ. Стараніе папъ воспользоваться могуществомъ меровъ и съ помощію ихъ утвердить власть свою надъ Римомъ. Опасенія, произведенныя въ Европѣ появленіемъ аравитянъ. Разсмотрѣніе этого новаго народа, разсмотрѣніе его отечества—Аравіи. Какое вліяніе имѣла чудная и ужасная страна ихъ. Обстоятельства и причины, вдохнувшія въ нихъ такой сверхъестественный энтузіазмъ. Разсмотрѣніе новой религіи: ея духъ и сила, ея вліяніе. Быстрыя завоеванія аравитянъ въ Азіи, въ Африкѣ и наконецъ въ Европѣ; завоеваніе Испаніи и встрѣча съ франками. Франція подъ правленіемъ короля Пипина; его постановленія и перемены.

Отдѣленіе II.

Вѣкъ аравійскаго просвѣщенія отъ Карла и Гарунъ-аль-Рашида до крестовыхъ походовъ.

Періодъ I. Вѣкъ аравійскаго просвѣщенія.

1. Быстрое преобразованіе аравитянъ изъ завоевателей въ просвѣтителъ. Способность къ этому арабовъ. Вліяніе, произведенное правленіемъ Гарунъ-аль-Рашида. Характеръ

правления его. Характеръ арабовъ того времени. Аравійская роскошь. Арабскіе философы. Состояніе наукъ и искусствъ. Направленіе арабскихъ познаній. Арабская архитектура. Статистическое состояніе государства Гарунова.

Управление Западомъ императора Карла Великаго. Его войны. Его цѣль и намѣренія. Характеръ его правленія. Противоположность его государству государству Гаруна. Европейскія силы. Медленное теченіе просвѣщенія. Вліяніе Карла Великаго.

2. Время раздѣленія, разстройства и разрушенія двухъ великихъ силъ въ мірѣ — арабской и франковъ. Безсильные наслѣдники Карла. Начертанія и намѣренія Карловы стираются ими, и новые герцоги и графы становятся почти независимыми отъ короля. Упадокъ государства Гарунова. Средства, употребляемыя къ отвращенію сего: войска изъ турокъ. Силы, произведшія паденіе: слабость калифовъ, отдѣленіе независимыхъ владѣльцевъ, новые секты и расколы и тѣ же турецкія войска. Разсмотрѣніе отдѣльныхъ калифатовъ въ Аравіи. Возрождающійся блескъ калифата въ Испаніи.

Періодъ II. Время нормандскихъ набѣговъ.

Эпоха появленія норманновъ. Ихъ происхожденіе. Изображеніе сѣвера Европы и отечества ихъ — Скандинавіи и вліяніе, которое могла имѣть на нихъ дикая сѣверная природа. Сила дикой религіи ихъ. Ихъ нравы, обычаи. Причины, побудившія ихъ оставить сѣверныя Образъ войны и нападеній ихъ. Ужасъ въ Европѣ, производимый ихъ нападеніями; вторженія ихъ во Францію, въ Англію; встрѣча съ Альфредомъ; мудрыя распоряженія этого государя къ отраженію и польза, принесенная государству. Составленіе войскъ въ Европѣ изъ норманновъ; путешествованія ихъ въ Константинополь на службу греческимъ императорамъ. Состояніе тогдашней Восточной Имперіи. Завоеванія ихъ въ Россіи и основаніе княжествъ.

Отдѣленіе и возвышеніе Германіи. Отонъ провозглашается Западнымъ императоромъ и становится первымъ лицомъ въ Европѣ. Выгоды, доставленныя папамъ императорами. Внутреннее управленіе Германіи. Причины постепеннаго приобритенія духовенствомъ вліянія и власти въ государствахъ.

Бенедиктинскія аббатства. Степень невѣжества, варварства и суевѣрія. Обращеніе генуэзскихъ утесовъ и венеціанскаго болотца въ удобное жителство для промышленности.

Періодъ III. Время споровъ между императоровъ и папою.

Состояніе Германіи при малолѣтнихъ государяхъ. Вліяніе папской политики въ Европѣ. Намѣреніе папы Гильдебранта освободить духовенство отъ власти государей и подчинить своей. Причины, побудившія его къ этому. Гильдебрантова цѣль и орудія. Новыя строгія постановленія для духовенства. Власть императора совершенно пересиливается папскою. Замѣчательныя происшествія въ остальной Европѣ. Англія сильно и упорно осаждается нормандскими корсарами. Правленіе датчанина Канута. Деспотизмъ Вильгельма Завоевателя и ниспроверженіе прежнихъ законовъ и правъ англосаксовъ.

Усилившаяся власть турокъ и первыя стычки съ войсками константинопольскаго императора.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Отъ крестовыхъ походовъ до открытія Америки и сокрушенія папской власти.

Отдѣленіе I.

До окончанія крестовыхъ походовъ и появленія монголовъ.

Періодъ I. Первый крестовый походъ.

Причины и естественность этого необыкновеннаго явленія, соединившаго народы Европы въ одно. Первый крестовый—порожденіе одного чистаго энтузіазма безъ всякихъ постороннихъ цѣлей и корыстолюбія. Стихія, составлявшія это вооруженіе, средства, образъ войны. Состояніе силы королевства Іерусалимскаго. Острова христіанскіе среди ... и невозможность удержаться среди магометанскихъ сосѣдей, между которыми грознѣе другихъ становится Саладинъ, и по поводу сего составленіе крестоваго похода.

2-й крестовый — съ тѣмъ же энтузіазмомъ, съ большими еще силами, но уже съ корыстолюбивыми и политическими

видами папъ. Препятствія со стороны грековъ, турковъ, моровыхъ повѣтрій, климата и истребленіе войскъ Конрадомъ и Людовикомъ VII. Паденіе Іерусалима во власть Саладина и вліяніе этого событія на Европу, возбуждившаго энтузіазмъ, месть и третій крестовый походъ.

3-й походъ вооруженъ подъ начальствомъ Филиппа Августа и Ричарда, разстроившаго Англію. Присоединеніе къ прежнимъ препятствіямъ, останавливавшимъ успѣхи крестоносцевъ, несогласія ихъ предводителей. Папа выигрываетъ одинъ. Всеобщее рвеніе охладѣваетъ, къ сожалѣнію, многихъ ревностныхъ энтузіастовъ, рѣшающихся составить братства, независимыя общества, мимо условій гражданскихъ. Положеніе, права и вліяніе этихъ обществъ — рыцарскихъ орденовъ. Еще нѣсколько крестовыхъ походовъ поднимается, но уже главная цѣль не та. Освобожденіе гроба Христа только предлогъ; но завоеваніе Константинополя, Египта, и страсть къ странствованіямъ примааниваетъ крестоносцевъ. Последнее неудачное предпріятіе Людовика IX.

Слѣдствія крестовыхъ походовъ, состояція — первое, въ соединеніи и сближеніи народовъ Европы между собою и отъ того взаимная шлифовка и образованіе; путешествія и странническая жизнь и отъ того расширеніе свѣдѣній о мірѣ и людяхъ. Перенесеніе восточныхъ нравовъ, обычаевъ, арабійскаго просвѣщенія и византійскаго и отъ того — происхожденіе рыцарства, новой готической архитектуры, облагороженной арабскою. Облегченіе участи людей военныхъ въ 4-хъ....., долгое время не выдавшихъ своихъ грозныхъ повелителей; захватываніе духовенствомъ многихъ свѣтскихъ владѣній и размноженіе нищенствующихъ монаховъ: францискановъ, доминиканцевъ, августиновъ, кармелитовъ, трубадуровъ, ро..... и проч.

Отдѣленіе II.

До сокрушенія папской власти.

Періодъ I. Время завоеваній монгольскихъ и верховнаго величія папы.

Происхожденіе народовъ монгольскихъ. Изображеніе средней Азіи. Ея недоступность и вліяніе на обитавшіе въ ней народы. Первоначальная религія, образъ жизни, характеръ,

страсти монголовъ. Средства, давшія возможность Чингисъ-Хану сдѣлаться ихъ верховнымъ повелителемъ. Разлитіе войскъ Чингисъ-Хановыхъ тремя полосами: одна объ..... Китай, Корею и, кажется, Японію; другая протекаетъ Россію и Польшу; взглядъ на тогдашнее состояніе Россіи, не имѣвшей возможности противиться имъ. Третія обращаетъ въ пепелъ цвѣтущій югъ Азіи, овладѣваетъ Багдадомъ, Персіей, Индіей. Раздѣленіе огромнаго монгольскаго государства на многія и причины кратковременности.

Обозрѣніе всемірной монархіи папъ. Средства къ увеличенію власти [папъ]—постоянствомъ и мудростью. Деспотическое правленіе Иннокентія III; введеніе новыхъ положеній въ церковь и страшной инквизиціи. Безжалостные поступки съ европейскими владѣтелями. Намѣреніе папъ истребить весь Швабской домъ императоровъ, оказавшихъ упорство; войны Гвельфовъ и Жибеллиновъ.

Ослабленіе феода..... Въ какомъ видѣ является Европа послѣ крестовыхъ походовъ. Венеція вдругъ показывается передъ глазами всей Европы сильнѣйшею своимъ богатствомъ и всемірною торговлею, и выводитъ за собою другія республики: Геную и Флоренцію. Остальная Италія—гнѣздилище заговоровъ, интригъ, бунтовъ и отъ того образовавшійся хитрый, мстительный, характеръ итальянцевъ. Города болѣе или менѣе возвышаются торговлею. Вся морская торговля захвачена Венеціей, сухопутная Ганзейскимъ союзомъ, постоянно останавливая покушенія быстро образовавшагося португальскаго перехватить торговлю.

Формы управленія обрабатываются основательно въ Германіи. Государи мимо панскаго покровительства становятся сильнѣе, потому что получаютъ мало по малу непосредственное управленіе народомъ, благодаря крестовымъ походамъ, истребившимъ множество сильныхъ вассаловъ. Во Франціи Филиппъ-Августъ и Людовикъ кладутъ крѣпкое основаніе монархической власти; возрастаетъ вдругъ до неограниченной власти волею страннаго и мудраго тирана Людовика XI; и совершенное униженіе феодализма. Испанія освобождается совершенно отъ магометанъ и посредствомъ браковъ совокупляется въ одну монархію. Монархи глубокою религіозностью облачаютъ свою власть и дѣлаютъ ее неограниченною. Австрійскій домъ, тоже посредствомъ браковъ, усиливается и непомѣрно превышаетъ прочихъ германскихъ

феодаловъ. Все сливается въ крупныя массы. Всеобщее усиленіе поднять гражданъ и унижить феодаловъ. Въ Англіи — парламентъ и депутаты. Вотъ причины ослабленія феодализма.

Время покушеній на низверженіе папскаго ига.

Избраніе разомъ двухъ папъ, и раздоры отъ этого объемлютъ Европу и ослабляютъ всеобщее мѣненіе. Университеты, алхимики и начало возрождающихся знаній быстро помогаютъ тому и приготавливаютъ Европу къ всеобщему взрыву. Образъ преподаванія, вліяніе ихъ на Европу. Алхимики; вліяніе занятій ихъ. Суевѣріе, раздуваемое нищенствующими монахами; ихъ корыстолюбіе и жадность. Первое негодованіе противъ нихъ и противъ множества несправедливыхъ положеній. Богемія извергаетъ первыхъ реформаторовъ; костры и мщеніе папъ и слѣдствія этого.

БИБЛЮГРАФІЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

Источники для исторіи среднихъ вѣковъ трехъ родовъ:

Одни, обнимающіе вполнѣ всѣ событія, — собственно всеобщія исторіи среднихъ вѣковъ.

2. Отдѣльныя исторіи государствъ, событій и явленій среднихъ вѣковъ.

3. Современные лѣтописи, матеріалы, требующіе ученой разработки.

Что касается до первыхъ, то ихъ очень немного. Почти нѣтъ такого сочиненія, которое бы представило полную исторію среднихъ вѣковъ въ строгомъ порядкѣ и планѣ, съ высокою художественною отдѣлкою и вообще съ достоинствами совершенно классическаго созданія. Причиною этому необыкновенное обиліе и разнообразіе предметовъ, изъ которыхъ сложена средняя исторія, объять которыхъ вполнѣ почти невозможно и требуетъ глубокаго многосторонняго генія. Однакоже, многими исполненными таланта и большихъ свѣдѣній, были сдѣланы попытки, замѣчательныя и важныя во многихъ отношеніяхъ, для исторіи среднихъ вѣковъ. Прежде всего должно упомянуть о Гиббонѣ, котораго «Исторія упадка римской имперіи», — сочиненіе, означенное гла-

бокою ученостію, увлекательною силою повѣствованія и многостороннимъ умомъ, — первая проложила путь для созданія исторіи среднихъ вѣковъ, объяснила и открыла начала ея еще въ нѣдрѣ древняго міра. — Гизо въ своей «Исторіи европейской цивилизаціи» раскрылъ первоначальныя стихіи гражданственности среднихъ вѣковъ и сдѣлалъ много изслѣдованій въ отношеніи Сочиненіе Гюльмана «Исторія городовъ въ средніе вѣки» исполнено съ необыкновенною отчетливостію и бросаетъ свѣтъ на всю средину средней исторіи — на сильнѣйшій пунктъ ихъ гражданственнаго развитія. Исторія Галлама, подъ названіемъ: «Европа въ средніе вѣки», замѣчательна въ отношеніи конституціонныхъ перемѣнъ. Исторія средняя Демингеля, которой вышло два тома, показываетъ въ авторѣ много начитанности, вмѣщаетъ много фактовъ, но не имѣетъ высокаго единства и достоинствъ историка. Его «Сокращеніе средней исторіи», изданное въ одной книгѣ, вмѣщаетъ почти всѣ событія, хотя въ сухомъ и сжатомъ видѣ. Присоединивъ сюда исторію среднюю Лудена, замѣчательныя во многихъ отношеніяхъ «Записки» (Іоанна) Миллера, можно окончить небольшою итогъ собственно всеобщихъ исторій среднихъ вѣковъ.

Итакъ, чтобы обширнѣе и полнѣе узнать средніе вѣки, непременно нужно прибѣгнуть къ источникамъ второго рода — къ отдѣльнымъ исторіямъ государствъ и событій. Этими источниками средняя исторія очень богата. Начнемъ по порядку съ каждаго государства.

Исторія среднихъ вѣковъ Италіи разработана съ болѣею отчетливостію, нежели исторія другихъ государствъ. Причина: въ Италіи жизнь ученаго была нераздѣльна съ жизнью государственною; историки ея болѣею частію сами были участниками въ политическихъ переворотахъ своихъ государствъ. Отъ того въ ихъ сочиненіяхъ обстоятельнѣе являются тогдашнія отношенія, удовлетворительнѣе опредѣлены (всѣ) элементы дѣятельной жизни. Изъ сочиненій, относящихся къ общей исторіи Италіи, болѣе всего замѣчательны два сочиненія Муратори: *Scriptores rerum Italicarum* и *Antiquitati (sic!) Italicae medii aevi*, раскрывающія яено существованіе городовъ и республикъ итальянскихъ въ средніе вѣки. Кромѣ того исторію Италіи среднихъ вѣковъ обрабатывали: Денна (*Rivoluzioni d'Italia*), оба Вилья-

ни, Гвичіардини и наконецъ изъ новѣйшихъ Симонъ Сисмонди [*Histoire des républiques Italiennes au moyen âge*]. Сверхъ того въ Италіи каждое государство и городъ имѣетъ своихъ историковъ. Такъ, исторію Венеціи обрабатывали Андрей Навагіеро, Марино Сануто, Барцони, Петръ Вембо и другіе, а въ послѣдующее время графъ Дарю, котораго «Исторія Венеціи» есть очень удовлетворительное сочиненіе. Исторію Генуи писали Жюстиніани, Уберто Фоліето; Флоренціи — Сципіонъ Аммирато и особенно Махіавель; Неаполя — Жіанонъ, Доминико Дегравіана; Сіэны — Орlando Малавольти и проч. Исторію и жизнеописаніе папъ писали Брюи, Боверь, Анастазій и множество другихъ; собственно же церковную исторію — Орзи, Райнальди, Флѣри, Мозгеймъ.

Исторія Франціи была обрабатываема въ разныя времена вполне и по частямъ, но эпоха ея началась съ XIX столѣтія. Изъ принесшихъ ей болѣе услугъ нужно замѣтить слѣдующихъ: Гизо, развившій очень много новаго въ отношеніи къ феодальнымъ временамъ Франціи и въ отношеніи ко всей средней исторіи въ двухъ сочиненіяхъ: *Histoire de la civilisation de France* и *Essais sur l'histoire de France*; Сисмонди (полнѣйшая исторія); Тьері, бросившій много замѣчательныхъ мыслей въ своемъ сочиненіи: «*Lettres sur l'histoire de France*», Капфигъ (издавшій нѣсколько сочиненій о разныхъ эпохахъ Франціи), Барантъ (Исторію герц. бург.), Монтель, Мишеле и другіе.

Исторія Англіи можетъ похвалиться историками сильнаго таланта: Юмомъ, Робертсономъ, отчасти Галламомъ въ его «Конституціонной исторіи Англіи», Лингартомъ и особенно Тьері въ его «Исторіи завоеванія Англіи норманнами».

Исторія Испаніи обширнѣйшая и полнѣйшая другихъ — Маріяна; кромѣ того занимались ею Гардонъ, Биглондъ и проч.

Исторію Германіи обрабатывали Струвіусъ, Шмитъ, Луденъ, Менцель и Раумеръ (въ своей «Исторіи Гогенштауфеновъ»).

Швейцарія имѣетъ полную исторію свою въ сочиненіи Іоаннеса Мюллера, — сочиненіи, исполненномъ великаго историческаго достоинства.

Исторія византійская состоитъ изъ непрерывной хроники, веденной современными лѣтописцами. Замѣчательные изъ нихъ: Зонара, Кедринъ и др.; по искусству изложенія:

Прокопій, Константинъ Багрянородный, Анна Комнина. Но сочиненіе, которое болѣе всего можетъ представить въ ясномъ видѣ все существованіе византійской имперіи, это есть—сочиненіе Гиббона.

Исторіей аравитянъ занимались многіе ученые, хотя совершенно полной и удовлетворительной до сихъ поръ нѣтъ. Изъ арабскихъ писателей замѣчательны Абулфеда и Абул-гараджъ. Изъ европейскихъ древнѣйшій—Гербелотъ («Восточная Библіотека»); извѣстный оріенталистъ — Гаммеръ, Оклай, Кардонъ, Мильцъ и др.

Исторія сѣверной Европы болѣе всего разработана геніальными трудами Шлецера; Швеція имѣетъ очень (полную и) обширную исторію Олофа Далина.

Сверхъ этихъ сочиненій, отдѣльно изданныхъ, нужно упомянуть еще о большихъ собраніяхъ исторій разныхъ государствъ, предпринимаемыхъ съ середины XVIII столѣтія разными учеными обществами. Изъ нихъ лучшая—Гальская «Всемирная исторія» въ 70 томахъ, а нынѣ издающаяся подъ именемъ «Исторіи европейскихъ государствъ» (еще не оконченная).

Слѣдуетъ упомянуть о сочиненіяхъ, которыя обнимали только нѣкоторыя явленія и событія среднихъ вѣковъ. Такъ, напримѣръ, исторія крестовыхъ походовъ имѣла многихъ писателей; изъ нихъ замѣчательнѣе Герень (О вліяніи крестовыхъ походовъ), Мишо (*Bibliographie des croisades*). Кромѣ того замѣчательны: «Исторія рыцарства» Сентъ-Пале, «Исторія ганзейскихъ городовъ» Сарторіуса, «Исторія инквизиціи» Морента, «Исторія состоянія римскаго права въ средніе вѣки» Савиньи и др.

Третій разрядъ источниковъ собственно лѣтописи, веденныя епископами, монахами, обыкновенными историками среднихъ вѣковъ. Они болѣею частію находятся неизданныя, въ рукописяхъ, въ ученыхъ архивахъ европейскихъ столицъ; болѣе всего находится въ Парижѣ—въ Королевской Библіотекѣ, много въ Ватиканѣ и, относительно народовъ славянскихъ, въ Имп. Пуб. Библіотекѣ въ Петербургѣ и др. Были предпринимаемы попытки издать ихъ, но полныхъ хорошихъ собраній доселѣ не было. Во Франціи Гизо предпринялъ изданіе всѣхъ французскихъ лѣтописцевъ, начиная отъ Григорія Турскаго и до середины XIII вѣка; но это изданіе еще до сихъ поръ не вышло. Датское «Обще-

ство» издало нѣсколько сагъ и эддъ норманскихъ, объясняющихъ начало сѣверной исторіи.

Сверхъ всѣхъ указанныхъ источниковъ, важны для среднихъ вѣковъ, относительно духа времени, жизни частной, сочиненія, относящіяся не прямо къ исторіи; какъ-то: частныя біографіи, извѣстія о состояніяхъ тогдашнихъ искусствъ, ремеслъ, наукъ и проч.

Сюда можно включить также созданія поэтическія, выражающія вѣрно минувшій бытъ народный: историческія баллады, народныя пѣсни, которыми особенно богата христіанская Испанія, Шотландія, народы славянскіе, — народы, терпѣвшіе большія потрясенія и не имѣвшіе гражданскаго образованія. Сюда можно отнести памятники и развалины временъ феодальныхъ, которыхъ множество находится по Рейну, Дунаю, въ Испаніи, Италіи, Франціи и вообще въ государствахъ, гдѣ жизнь и начала образованности гражданской долго боролись съ неукротимымъ невѣжествомъ.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ЛЕКЦІЙ ПО ИСТОРИИ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

I.

Взглядъ на состояніе римской имперіи въ послѣднее время ея существованія и на причины, произведшія разрушеніе ея.

Всѣ извѣстные народы и земли къ концу древняго міра были совокуплены въ одну монархію — римскую. Ее составляли греки, сиріане, египтяне, карфагене, всѣ еллинскіе и малоазійскіе и другіе народы, давно утратившіе свою національность и свой прежній образъ въ политическихъ потрясеніяхъ и переворотахъ, и народы, еще не начинавшіе образованной и политической жизни, — народы европейскіе: галлы, бритты и другіе. Политическія тѣла, образованныя этими націями, составляли: 1) придворные, преданные интригамъ, неразлучнымъ съ серальнымъ правленіемъ государства, 2) честолюбивые и корыстолюбивые правители провинцій, ноступавшіе съ ними какъ съ арендами, 3) люди,

занятые торговлей, всемірные граждане, равнодушные къ выгодамъ націи, 4) ученые и философы, погруженные въ занятія, совершенно отвлеченныя отъ жизни, 5) сибариты, равнодушные ко всему кромѣ своихъ чувственныхъ наслажденій и жизни совершенно частной, 6) народъ, почти вездѣ находившійся въ состояніи рабства подъ деспотизмомъ сатраповъ, вовсе не входившій въ связь государственную. Словомъ, ничто не обнаруживало въ нихъ здоровой политической связи и прочной государственной жизни. Изъ такихъ частей составила римская имперія. Всѣ эти части, не имѣя въ себѣ ничего цѣлаго, никакой связи, тѣмъ менѣе могли составить во взаимномъ соединеніи общее цѣлое.

Націю преобладающую составляли римляне, — народъ, прошедшій суровую воинственную жизнь, съ простыми республиканскими, грубыми и мужественными доблестями, еще не имѣвшій времени и не достигшій развитія жизни гражданственной. Все, что заимствовалъ онъ у побѣжденных народовъ, было блестящее и наружное — роскошь, безъ утонченнаго образа мыслей, понятій и жизни этихъ народовъ. Онъ сократилъ свой собственный переходъ и, не испытавъ мужества, прямо изъ юношескаго состоянія перешелъ къ старости. Отсюда — жадность къ богатству, къ мѣстамъ и почестямъ, доставлявшимъ богатство; спорящіе правители провинцій, консулы, сражающіеся за богатые земли и верховную власть въ республикѣ; наконецъ совершенная невозможность республиканской формы правленія.

Управленіе такою имперіею могло быть только въ рукѣ одного, и съ оружіемъ въ рукахъ. Это было осуществлено императоромъ Августомъ. Осторожный и опытный умъ его ввелъ правленіе совершенно военное: увеличилъ войска, установилъ префектовъ съ правомъ давать высшій судъ въ городахъ, которые имѣли свою представляемость и продолжали управляться своими магистратами; провелъ военные дороги, разставилъ войска во всѣхъ мѣстахъ имперіи, завелъ четыре флота: равенскій, мизненскій, понтійскій и юліевъ, и такимъ образомъ облекъ имперію въ самовластное и твердое управленіе. Слабость, недостатокъ душевной твердости послѣдующихъ кесарей, оглушенныхъ приливомъ роскоши и страшнаго изобилія имперіи, ихъ серальная жизнь была причиною, что образъ правленія Августа обратился

въ деспотизмъ. Начальники преторіанскаго войска увидѣли наконецъ, что имѣють власть низводить и свергать императоровъ. Императоры для утвержденія своего стали употреблять два опасныя средства—лѣстить войску и усыплять чернь зрѣлищами и раздачею денегъ. Отсюда ввелась въ Римъ ужасная праздность, искоренившая всѣ правила въ народѣ, жажда къ наслажденіямъ настоящимъ, начиная отъ двора до низшихъ сословій. Правители богатыхъ провинцій, восточныхъ, африканскихъ, европейскихъ, думали только о своемъ обогащеніи: эгоизмъ сдѣлался всеобщимъ, и жизнь эпикурейская стала выраженіемъ всего общества. Политизмъ обезсиленный, давно сокрушенный въ своихъ началахъ, исполнялся только наружно. Философія лишилась практическаго примѣненія къ жизни, обременилась терминами, сухими изложеніями и осталась въ школахъ. Мистицизмъ, суевѣріе и даже колдовство воцарились въ нѣдрѣ этого странно-смѣшаннаго общества. Весь міръ римскій обратился въ какое-то усыпленіе, жизнь, преданную настоящему, не означавшуюся никакими сильными порывами. Отнятіе оружія у гражданъ имперіи отняло у нихъ все самочувствіе и унизило духъ ихъ. Уже войска не набирались изъ южныхъ изнѣженныхъ провинцій; но ограничивались Галліей, Испаніей и вообще сѣверной Европой.

Христіанство произвело сильное внутреннее движеніе и потрясло многосложный составъ имперіи. Христіанство было принято низшимъ сословіемъ, угнетеннымъ, безотвѣтнымъ. Принявшіе его имѣли другія обязанности, другую власть и вовсе отдѣлились отъ языческаго правительства, и такимъ образомъ положено было начало разъединенію государственныхъ стихій; гоненія еще болѣе усилили это разъединеніе. Между тѣмъ правленіе, тѣмъ далѣе, становилось менѣе исполненнымъ твердости и связи: уничтоженіе престолонаслѣдованія, быстрыя перемѣны императоровъ и безсильная ничтожная жизнь ихъ,—словомъ, всѣ элементы, означающіе паденіе; и если что спасало всемірную имперію, то это неизмѣримая ея огромность и недостатокъ внѣшнихъ силъ, могущихъ дѣйствовать наступательно.

Между тѣмъ изъ-за Рейна и Дуная начинались уже неболышія нападенія на границы, — нападенія народовъ, нѣкогда трепетавшихъ римскаго оружія. Эти нападенія заставили римскихъ императоровъ почти всѣ войска изъ внутри

государства 'обратить на границы. Потребность безопасности и охранения границъ такого необъятнаго государства требовала увеличенія войскъ. Увеличеніе войскъ произвело непомѣрные налоги и подати. Механизмъ правленія становился сложнѣе и сложнѣе. Императоръ Константинъ наконецъ рѣшился произвести сильный переворотъ; переворотъ въ образѣ мыслей—торжественнымъ принятіемъ христіанства; переворотъ въ правленіи—преобразованиемъ имперіи въ четыре великія провинціи: восточную, илирійскую, гальскую, итальянскую, подъ начальствомъ четырехъ префектовъ съ властью почти неограниченною (безъ апелляцій); переворотъ въ состояніи государства—установленіемъ другой столицы, въ Византіи. Принятіе христіанства, спасительное для всего міра, производитъ въ Римѣ противоположное дѣйствіе: языческій, эпикурейскій, извѣженный образъ мыслей римлянъ, не постигшій высокихъ правилъ христіанства, произвелъ безконечныя споры, занявшіе все государство, образовавшіеся въ партіи, равнодушныя къ жизни и выгодамъ государственнымъ.

Установленіе четырехъ неограниченныхъ префектовъ отдаляетъ провинціи отъ непосредственной зависимости императора и вручаетъ ихъ болѣе власти правителей. Установленіе другой столицы и пребываніе въ ней императора поселяетъ незамѣтное начало политическаго раздѣла между восточными и западными провинціями. Гоненія, воздвигнутыя на язычниковъ, пробудили усыпленную жизнь внутри государства и взаимное сильное ожесточеніе между гражданами и заставили Константина вызвать войска, находившіяся на границахъ, и размѣстить ихъ во внутрь государства для прекращенія мятежей. И такимъ образомъ границы имперіи остались открытыми для нападений. Императоръ Юліанъ новымъ переворотомъ увеличилъ всеобщее разстройство. Ненависть къ прежнему правительству, утѣснявшему его въ юности, заставляла его дѣйствовать совершенно противоположно. Введеніемъ язычества онъ ожесточилъ еще болѣе внутреннюю борьбу уже слишкомъ потрясенной монархіи. Стремленіе европейскихъ варваровъ, накопившихся вслѣдствіе разныхъ переворотовъ еще въ большемъ количествѣ, становится сильнѣе; правленіе такимъ обширнымъ тѣломъ—рѣшительно невозможнымъ при такихъ обстоятельствахъ. И Θεодосій, твердымъ характеромъ правленія своего

сдержавшій на время его существованіе, рѣшился передъ смертію произвести новый переворотъ раздѣленіемъ имперіи на восточную и западную, — раздѣленіемъ, давшимъ новое средство и силы европейскимъ варварамъ ее разрушить. Но слѣдуетъ теперь обратиться къ народамъ, причинившимъ ея паденіе.

II.

О движеніяхъ народовъ германскихъ, причинившихъ разрушеніе западной римской имперіи.

Вся неримская Европа заселена двумя великими семействами народовъ: германскимъ и славянскимъ. Народы германскіе занимали западъ, народы славянскіе — востокъ. Эти двѣ части Европы совершенно противоположны одна другой: восточная — вся изъ равнинъ и большею частію открытыхъ пространствъ; западная пересѣкается множествомъ горъ, рѣкъ, лѣсовъ, вся состоитъ изъ рубежей. Это имѣло разительное вліяніе на образованіе двухъ великихъ поколѣній народовъ.

Восточно-славянская половина долго оставалась неузнанною для римлянъ, давшихъ ей имя Сарматин. Западно-германская половина, близостью границъ къ Риму, стала узнаваться ранѣе и наконецъ обратила къ себѣ всю дѣятельность римлянъ. Римляне уже различали разныя наименованія племенъ. По Дунаю они встрѣчали гермундуровъ, квадовъ, маркоманновъ, по Рейну, отъ устья и до впаденія его въ море: вангіоновъ, трибоковъ, неметовъ, матіакоръ, убіевъ, тенктеровъ, узипетровъ и наконецъ батавовъ и фризовъ, въ срединѣ Германіи: хатовъ, херусковъ (обитателей Гарца), фозовъ, сигамбровъ, бруктеровъ, ангриваріевъ, хазуаріевъ и на востокъ, въ пограничности съ Европой славянской, свевовъ. Это были племена германскія, которыхъ можно привести въ одно подъ именемъ обожателей Туиста или Тевта, сына Герты.

Племена по морю Балтійскому сдѣлались извѣстными римлянамъ уже послѣ. Ихъ можно назвать племенами Одиновыми, по имени чтимаго ими героя. Они были: саксоны, кимвры (голландцы), готы, ругин, бургунды, ломбарды и герулы. Гдѣ же Европа славянская граничила съ германскою, находились племена, носившія въ себѣ смѣсь двухъ поко-

лѣній. Такимъ образомъ въ вандалахъ, ругіяхъ, свевахъ замѣтно много славянскаго.

Всѣ эти германскія племена имѣли фамиліное между собою сходство и рѣзко отличались физическимъ образованіемъ своимъ отъ народовъ южныхъ. Они были хорошо сложенны, имѣли свѣтлые глаза и волосы и атлетическую крѣпость членовъ. Всѣ они находились на грубой степени нравственнаго развитія и пребывали долго въ одинаковомъ положеніи по причинѣ дикости страны, отсутствія образованныхъ сосѣдей, образа жизни и занятій.

Жили они разсѣянно, племенами. Иногда племена соединялись въ конфедеративныя общества, но безъ всякаго пожертвованія свободою или имуществомъ. Вся связь состояла въ собраніяхъ при новолуніи или полнолуніи, предсѣдаемыхъ старѣйшинами, жрецами и бардами. Вожди имѣли только власть во время войны; одна личная храбрость возводила его въ это достоинство, оставшееся потомъ навсегда въ его фамиліи; власть его состояла въ исполненіи всеобщаго желанія, доходы—подарки, которые изъ уваженія къ его храбрости присылали ему племена.

Дикое положеніе Европы съ лѣсами и суровымъ климатомъ должны были вдохнуть имъ склонность къ войнѣ. Эта склонность была велика. Подвиги, сила и искусство владѣть оружіемъ были единственною ихъ цѣлю. Храбраго окружали всегда дружины, которыя составлялись иногда въ значительномъ количествѣ и почти никогда не бросали оружія. Время безъ войны посвящалось звѣриной охотѣ и праздности. Поля обрабатывались рабами и не обращались въ постоянную собственность; но каждый годъ бросаемый жребій перемѣнялъ владѣльцевъ.

Жилища ихъ были землянки, или хижины изъ высушенной на солнцѣ грязи, обыкновенно на берегу рѣки или на рубежѣ лѣса; одежда—звѣриныя кожи. Ихъ пиришества вкругъ пылающихъ дубовъ, на которыхъ они опивались своимъ ячменнымъ напиткомъ или римскимъ виномъ, оканчивались междоусобными бранями и нападеніями на сосѣдей. Азартная игра, въ которую проигрывали они себя и семейства свои, показывала слѣпую стремительность воли ихъ дикой природы. Преступленія у нихъ были трусость и пороки, происшедшіе отъ слабости души.

Религія ихъ, какъ народа не исполнѣ осѣдлаго, была одно-

сложна. Прославившійся битвами получалъ по смерти божескую почесть, и первый вождь ихъ Тевтъ, сынъ Герты, былъ главное божество. Будущая жизнь въ Валгалѣ составляла продолженіе битвъ и подвиговъ; нѣкоторыя божества были потомъ переняты отъ римлянъ.

Такое воинственное развитіе германскихъ племенъ было очень опасно Риму, гдѣ обиліе роскоши, доставленной насильственнымъ образованіемъ, произвело уже слишкомъ сильное разслабленіе нравственное и физическое. Въ продолженіе четырехъ вѣковъ римляне употребляли разныя средства защищенія: ссорили между собою германскихъ вождей, подкупали ихъ, дѣйствовали оружіемъ и хитростью. Адріанъ, Маркъ Аврелій и Каракалла силою оружія потѣснили ихъ далѣе за Рейнъ и Дунай. Эти пораженія заставили племена и отдѣльныя дружины вождей германскихъ соединяться въ большіе союзы, изъ которыхъ прежде показалось соединеніе племенъ придунайскихъ подъ именемъ алемановъ, потомъ прирейнскихъ подъ именемъ франковъ. Съ этихъ поръ движенія ихъ имѣли болѣе единства, а потѣсненіе съ сѣвера сдѣлало нападенія ихъ еще стремительнѣе.

Потрясеніе, произведшее первое большое движеніе народовъ, было сдѣлано племенами Одиноваго происхожденія и прежде всего готами, долго, до того времени, безпокойно блуждавшими въ странахъ Скандинавіи, прибалтійскихъ и финскихъ. Подъ предводительствомъ вождей своихъ они поворотили на востокъ, вытѣснивъ прежде вандаловъ и свевовъ, и вступили въ обширныя равнины Европы славянской; неудерживаемые преградами мѣстоположенія ни упорствомъ славянскихъ племенъ, ни распространились по всему славянскому востоку и утвердили власть отъ Балтійскаго до Чернаго моря. Тревожили римско-дунайскія провинціи, пиратствовали на Черномъ морѣ и Босфорѣ и опустошали Малую Азію. Ихъ было три отдѣленія: на востокъ отъ Днѣпра—острोगоты, на западъ—визиготы и еще западнѣе—гепиды, тоже готская вѣтвь. Это переселеніе произвело то, что многія племена прибалтійскія показались въ срединѣ Европы, и римляне уже изъ нихъ начали принимать на жалованье въ свои войска, а между тѣмъ франки опустошили части Галліи.

Новый переворотъ произвелъ новое движеніе и всеобщую перемѣну мѣстъ. Переворотъ этотъ произведешъ уже силою

азіатскою. Гунны, народъ монголо-калмыцкаго образованія, вслѣдствіе разныхъ переворотовъ въ Средней Азіи, изгнаны къ Каспійскому морю и откочевываютъ оттуда въ славянскую Европу. Сильною конницею, новостью и дикостью своихъ нападеній ниспровергли обширную власть готовъ и столѣтняго короля ихъ Гермаприха, утвердивъ на ихъ земляхъ свое владычество. Большая часть визиготовъ съ вождями своими, не желая покориться, выпросили позволенія императора Валенса перейти Дунай съ условіемъ принять аріанство. Они поселились въ двухъ Мизіяхъ, но, недовольные поступками императорскихъ намѣстниковъ, опустошительно прошли владѣніе императора до Адріанополя и умертвили его. Тогда же были сдѣланы нападенія на имперію западную отъ алеманъ и другихъ племенъ, сдвинутыхъ съ мѣстъ своихъ.

Необходимость защиты противъ гунновъ, противъ бунтовавшихъ правителей, противъ императоровъ-самозванцевъ, были причиною, что Имперія терпѣла въ нѣдрѣ своемъ эти дикія орды, давала имъ привилегіи и употребляла въ войска.

Въ это время произошло важное событіе собственно въ римскомъ мірѣ. Императоръ Θεодосій, благоразуміемъ и твердостью характера поддержавшій во все время своего царствованія угрожаемую со всѣхъ сторонъ Имперію, наконецъ раздѣлилъ ее между двумя несовершеннолѣтними сыновьями. Восточная, съ греческимъ населеніемъ, утонченною роскошью, ученостью и теологическими спорами досталась старшему—Аркадію; западная, съ преобладаніемъ римскаго населенія, уже мѣшавшимся съ народами варварскими, видѣвшая въ границахъ своихъ когорты германскихъ народовъ,—Гонорію. Верховный надзоръ былъ порученъ Стиликону, зятю императора, происхожденіемъ вандалу, но обладавшему большими достоинствами правителя и полководца. Воспитатель Аркадія Руфимъ, подъ именемъ слабаго государя своего, управлялъ востокомъ: жадностью, скупостью, тиранствомъ и отвлеченіемъ Аркадія отъ верховнаго попечителя Стиликона, жившаго въ Римѣ, онъ вызвалъ его на мѣщеніе и былъ по тайному его приказанію умерщвленъ. Безсильнаго Аркадія окружили другіе любимцы, разстроившіе Имперію, и открыли поле дѣйствія визиготамъ и честолюбивому вождю ихъ Алариху, который съ толпами своими опустошилъ Фракію, Македонію, разрушилъ многіе віотійскіе и пелопоннесскіе города,

но былъ разбитъ пришедшимъ на помощь Стиликономъ, обратился на Эпиръ и оттуда заставилъ уstraшеннаго императора избрать себя начальникомъ имъ же ограбленныхъ провинцій съ титуломъ военачальника иллирійской префектуры. Вслѣдъ за тѣмъ всѣ вестготы провозгласили его своимъ королемъ.

Облеченный этою двойственною властью, тайно вспомошествоваемый византійскимъ дворомъ, Аларихъ обратился на Италию, — Италию, выставившую всѣ войска свои подъ начальствомъ Стиликона защищать Ретію отъ нападенія алеманновъ. Онъ безпрепятственно опустошилъ итальянскія провинціи и осадилъ Гонорія въ Миланѣ и потомъ въ Асти, куда императоръ бѣжалъ изъ Милана. Прибывшій Стиликонъ освободилъ своего государя, разбилъ Алариха при Поленціи (403); хитростью, угрозами и снисхожденіемъ заставилъ его удалиться изъ Италиі съ титуломъ генерала Гоноріева. Съ этого времени Римъ былъ оставленъ императорами. Гонорій для безопасности перенесъ резиденцію свою въ Равенну, снабженную выгоднымъ портомъ, укрѣпленіями и неприступными болотами.

Между тѣмъ племена свевовъ, а съ ними вандаловъ и другихъ народовъ, предводимые вождемъ своимъ Родогастомъ, перешли тирольскія Альпы и ринулись въ Италию, но, отраженные Стиликономъ, остановились на время между Дунаемъ и Альпами, и, усилившись племенами аланъ и бургундовъ, устремились на Галлію, опрокинули союзныхъ Риму ринуарскихъ франковъ, ограбили Майнцъ, опустошили Галлію, гдѣ бунтовали римскіе правители, и прошли Испанію, наполнивъ ея цвѣтущія провинціи дикими своими толпами. Такимъ образомъ, Испанія населилась свевами, вандалами, аланами. Въ это время Имперія лишилась послѣдней своей защиты: обвиняемый въ честолюбивыхъ видахъ на императорскую корону, Стиликонъ былъ умерщвленъ по повелѣнію слабодушнаго Гонорія. Этимъ скоро воспользовался Аларихъ и вступилъ съ своими визиготами снова въ Италию, взявъ голодомъ Римъ, провозгласилъ городского префекта Приска Отала императоромъ; но, склоненный лстивыми обѣщаніями Гонорія, свергъ Отала. Раздраженный вѣроломствомъ Гонорія, взявъ въ третій разъ всемірную столицу, обратилъ цѣлыя толпы жителей въ рабовъ и уже располагалъ отплыть въ Африку для завладѣнія богатыми римскими провинціями,

но на этомъ намѣреніи постигла его смерть (въ 411). Гонорій и равенскій дворъ льстивыми обѣщаніями, отдачею руки дочери Θεодосія и сестры Гонорія Платидіи, умѣли преклонить новаго предводителя визиготовъ Атольфа и отправить его въ Галлію противъ возстававшихъ одинъ за другимъ похитителей (Константина, потомъ Іовина), которымъ не въ силахъ былъ противиться храбрый Констансъ. Партія цезарей-самозванцевъ была уничтожена Атолфомъ, и Констансъ искусно умѣлъ избавиться его вліянія, направивъ силы его въ Испанію противъ севовъ, аланъ и вандаловъ. Тамъ началась долгая борьба между варварскими народами, въ продолженіе которой сильно опустошены римскіе города въ Испаніи, совершенно истреблены алане, прогнаны въ горы астурии и свевы, сильно прижаты къ морю вандалы, а король визиготовъ Валлія, провозглашенный послѣ убитаго Атольфа, простеръ свои владѣнія по обѣимъ сторонамъ Пиринеевъ: въ южной Франціи и сѣверовосточной Испаніи, между тѣмъ какъ Констансъ съ согласія императора позволилъ бургундамъ (въ 415) поселиться въ земляхъ въ юго-восточной части Франціи и южной Германіи.

При такомъ положеніи дѣлъ умеръ Гонорій. Платидія, дочь Θεодосія, прежде супруга Атольфа, потомъ Констансова, вступила въ правленіе подъ именемъ малолѣтняго императора Валентіана III, своего сына, раздѣляя попечительную власть свою съ двумя сенаторами: патриціемъ Аэціемъ, начальникомъ войскъ, и Бонифаціемъ, правителемъ Африки,—людьми исполненными достоинствъ и вмѣстѣ личной ненависти другъ къ другу. Проникнувъ намѣреніе Аэція сокрушить его власть и не имѣя силъ противустать, Бонифацій призвалъ въ Африку испанскихъ вандаловъ подъ начальствомъ предприимчиваго вождя ихъ Гензериха. Кочевыя племена независимыхъ мавровъ усилили его войска и помогли ему произвести ужасное рабительство богатыхъ африканскихъ провинцій. Раскаившійся Бонифацій рѣшился противиться; восточная и западная имперія выслали въ одно время свои флоты противъ этихъ варваровъ, но ихъ силы были разсѣяны: вандалскій вождь обратилъ Каррагенъ въ свою столицу, непросвѣщенные толпы сдѣлавъ обладателями опустошенныхъ городовъ, и Африка погибла для Рима безвозвратно.

Лишившись Африки, западная имперія лишилась житницы,

снабдивавшей продовольствіемъ разоренныя провинціи Италіи, и пріобрѣла страшнаго сосѣда. Гензерихъ покрылъ Средиземное море своими кораблями, захватилъ острова Балеарскіе, Сицилію, Корсику, Сардинію и пиратствами своими преграждалъ всякое плаваніе. Еще болѣе могъ онъ грозить и содержать въ страхъ обѣ имперіи своимъ союзомъ съ остроготами и визиготами, а потомъ съ Аттилою, предводителемъ гунновъ. Но обратимся къ гуннамъ.

Въ славянской Европѣ произошло много переменъ. Покорители ея, гунны, мало были связаны съ покоренными народами: кочевали отдѣльно, не смѣшиваясь съ другими племенами, довольствуясь ихъ данью. Но власть ихъ стала обширнѣе, когда предводителемъ ихъ явился Аттила. Проницательный, несмотря на варварскую свою природу и наружность, онъ въ малое время оружіемъ и переговорами успѣлъ покорить всѣ сопредѣльные народы съ славянами, даже татаръ и азіатскія орды до Китая и тѣмъ составляетъ огромное собраніе кочевыхъ и земледѣльческихъ народовъ; обратилъ независимыхъ королей и князей въ исполнителей своихъ намѣреній и придворныхъ; заставилъ вѣрять войска въ неотразимость своего оружія, собиралъ дань съ греческаго императора и грозился потопить его владѣніе несмѣтными силами. Заговоры византійскаго двора и покушенія на жизнь его не имѣли успѣха. Только оружіе Марціана на время отразило его. Отказъ руки сестры императора Валентіана и тайное приглашеніе Гензериха обратили силу его на западъ. Римлянѣ обмануль онъ извѣстіемъ, что идетъ на вестготовъ, но начальникъ римскихъ войскъ Аэцій проникнулъ его намѣреніе, собралъ послѣдніе остатки войскъ въ Галліи, наемниковъ въ Италіи и союзно съ вестготами, франками и бургундами поражаетъ его при Шалонѣ на Марнѣ (451). Обладатель полуміра отступилъ съ своими королями, данниками и ордами; чрезъ годъ мстително ворвался въ Италію, разорилъ Аквилею, обратилъ въ прахъ Падуу, Верону, Веченцу, заставивъ убѣжавшихъ жителей основать въ болотахъ при Адріатическомъ морѣ Венецію, но склоненный св. папою Львомъ Великимъ, подарками и обѣщаніями императора, оставилъ Италію. Смерть (453) избавила римлянъ отъ сего опаснаго сосѣда.

Связь, содержавшая вмѣстѣ покоренныя племена, разрушилась съ его смертію. Славяне, остроготы, гепиды возвра-

тили свою независимость; кочевой остатокъ гунновъ снова перешелъ въ Азію, предводимый (455) Ирнакомъ, юнѣйшимъ изъ сыновей Аттилы.

А между тѣмъ императоръ Валентіанъ самъ своею рукою убилъ единственнаго защитника имперіи Аэція, и имѣлъ такую же участь отъ оскорбленнаго имъ патриція Максима, который провозгласилъ себя императоромъ и женился на вдовѣ его; но мстительная императрица тайно пригласила Гензериха. Вандальскій пиратъ прибылъ съ своимъ флотомъ—и все, что было пощажено Аларихомъ и Атилою, было предано наконецъ совершенному разрушенію. Все, что можно было взять, Гензерихъ увезъ вмѣстѣ съ толпами невольниковъ въ Африку. Ограбленная Италія уже вовсе не была похожа на государство. Нѣсколько римскихъ сенаторовъ и предводителей наемныхъ войскъ провозглашались императорами и свергались, но это уже не имѣло почти никакого вліянія и даже было незамѣтно. Бывшій при Аттилѣ сенаторъ Орестъ свергнулъ Іюлія Непоса, поставленнаго дворомъ византійскимъ, и доставилъ императорство сыну своему Ромулу Момулу, прозванному за малолѣтство Августуломъ; но, не имѣя чѣмъ заплатить небольшому наемному войску, состоявшему изъ геруловъ, ругіевъ, турцелинговъ, и, отказавъ имъ въ 3-ей части итальянскихъ земель, былъ убитъ предводителемъ ихъ Одоакромъ, который сослалъ въ заточеніе малолѣтняго Ромула, корону императорскую и регалии отправилъ въ Константинополь и, испросивъ отъ восточнаго императора титулъ римскаго патриція, управлялъ въ качествѣ короля поселившимися на итальянской землѣ варварскими войсками. Такъ (476) окончилась западная римская имперія, существовавшая только по имени.

III.

Взглядъ на земли западной имперіи по занятіи ихъ народами германскими. Отношенія германцевъ къ оставшимся римлянамъ и первыя стихіи новой жизни.

Опустошительныя наводненія варварскихъ народовъ совершенно измѣнили видъ земель, составлявшихъ западную римскую имперію. Цвѣтуція римскія деревни, загородные дома, жилища римскихъ патриціевъ были истреблены. Все высшее

сословіе, составлявшее классъ *privilegii*, большою частію выселилось въ разныя времена въ Византію, провинціи восточныя или отчасти вступило въ число обитателей городовъ. Весь низшій классъ былъ или истребленъ, или проданъ и обращенъ въ рабство, или тоже поступилъ въ число обитателей городовъ. Итакъ, единственные остатки римской гражданственности находились въ городахъ, пользовавшихся вначалѣ своимъ городovýmъ правленіемъ съ правами республиканскихъ кантоновъ въ отношеніи къ внутреннему бытію, избравшихъ изъ себя правителей: дуумвировъ, квадрумовъ, преторовъ, эдилловъ, потомъ ограниченныхъ въ своей власти, зависящихъ совершенно отъ префектовъ провинцій, потомъ утѣсненныхъ контрибуціями, сильно ограбленныхъ римскими и варварскими войсками и, наконецъ, оставленныхъ на произволъ и возвратившихъ вновь свое старое правленіе. Больше сохранилась римская образованность въ трехъ главныхъ городахъ Италіи: Римѣ, Неаполѣ и Равеннѣ, въ городахъ по Рейну и близъ него: Вормсѣ, Майнцѣ, Спирѣ, Страсбургѣ, также въ Тулузѣ, Сарагоссѣ и другихъ городахъ Испаніи. Образованность эта была на низшей степени. Ученые, художники, даже высшія ремесла удалились въ Константинополь; только духовенство было уважено германскими завоевателями, уже принимавшими христіанство. Пребываніе епископовъ въ городахъ доставило покровительство городамъ и обитателямъ ихъ.

По разрушеніи западной имперіи, земли ея являются въ такомъ видѣ: Испанія была занята вестготами, захватившими южную половину Франціи. Сवेвы удержали сѣверо-западный уголъ Испаніи; Франція была занята въ срединѣ еще оставшимися римскими обитателями и войсками, на юго-востокѣ — бургундами, на сѣверо-востокѣ — франками, на сѣверо-западѣ — армориканами; бургундское королевство занимало Швейцарію и часть юго-восточной Франціи, отъ Базеля и до самаго моря; аллеманы или швабы составляли королевство отъ Базеля вдоль до Кельна. Бавары занимали земли на римской сторонѣ Дуная; остроготы — въ Панноніи и Норикѣ, перешедшіе оттуда въ Италію; къ Нѣмецкому морю — фризы и саксоны. Славяне, ворвавшіеся въ пространство отъ Дуная до Балтійскаго моря и занимавшіе безчисленными племенами всю юго-восточную Европу.

Въ концѣ V вѣка уже во всѣхъ земляхъ прежней римской имперіи была христіанская вѣра.

Занявши земли, бродящіе воины сдѣлались осѣдлыми и обладателями помѣстьевъ, ихъ вожди — королями. Земли вездѣ почти были раздѣлены поровну и розданы по жребію. Оттуда произошло названіе аллодіальныхъ земель, отъ слова *loos* — жребій (оттуда *alod*). Прежнимъ жителямъ были оставлены нѣкоторыя части земель, хотя не вездѣ въ одинаково равномъ количествѣ: визиготы и бургунды завладѣли двумя третями земель, половиною лѣсовъ, садовъ, домовъ и третьею частію рабовъ; остроготы и герулы — одною третью; англосаксы раздѣлились съ бриттами поровну. Жители городовъ были почти свободны, состоя въ управленіи епископовъ, и только платили небольшія дани королямъ. Занявши земли, германскія племена не перемѣнили своихъ обычаевъ: занимались только охотою и праздностію. Земледѣльцами были покоренные оружіемъ прежніе рабы или римляне, доставшіеся въ рабство.

Механизмъ правленія почти нигдѣ еще не образовался. Всѣ аллодіальные владѣтели были совершенно независимы, не связаны никакими обязанностями и общественными повинностями и только собирались попрежнему на совѣщанія національныя одинъ разъ въ годъ, въ началѣ весны. Короли имѣли власть во время военныхъ предпріятій и никакой власти надъ имѣніемъ каждаго. Они довольствовались подарками во время годовичныхъ собраній и продовольствіемъ во время пребыванія своего въ провинціяхъ. Но власти имъ много прибавляло титуло патриція и намѣстниковъ восточныхъ императоровъ, которыхъ они жадно искали для приданія себѣ болѣе значенія между племенами. Увеличенію власти короля способствовало желаніе сохранить свои владѣнія отъ нападений, и уже при самомъ началѣ ввелись конфискаціи имѣній въ пользу короля. Римскія земли, занятыя германскими племенами, были раздѣлены, хотя безпорядочно, на провинціи, которыя подраздѣлились на графства, у иныхъ даже на сотни и десятки. Каждая провинція имѣла свои частныя собранія всякій мѣсяць для совѣщанія, произнесенія суда и рѣшенія частныхъ споровъ. Въ провинціяхъ предсѣдали герцоги, въ графствахъ — графы и такъ далѣе. Они вмѣстѣ и предсѣдали на собраніяхъ, и вели на войну. Всеобщія національныя собранія бывали разъ

въ годъ и состояли изъ всѣхъ сословій народа, гдѣ предсѣдательствовали старѣйшіе герцоги и графы, а вмѣсто прежнихъ друидовъ и жрецовъ — епископы, положившіе такимъ образомъ начало своего сильнаго вліянія.

Законодательство носило въ себѣ прежніе обычаи германцевъ. Искъ оканчивался штрафомъ или примиреніемъ. Денежный штрафъ былъ положенъ на всѣ преступленія; убійство каралось попрежнему наслѣдственнымъ мщеніемъ, но исполнялось во всей силѣ только у бургундовъ; у другихъ оно замѣнилось платою *weregild*. Плата соразмѣрялась достоинству убитаго: былъ ли онъ епископъ, король, герцогъ, графъ, вольный, рабъ. Вообще нація побѣдительная имѣла преимущество надъ побѣжденными. Перемѣна жизни, владѣніе землями и множество происшедшихъ оттуда новыхъ отношеній сдѣлали уже совершенно невозможнымъ прежнее немногосложное управленіе и простоту германскихъ обычаевъ. И потому многіе короли рѣшились составить не большіе письменные кодексы, взятые большею частію изъ кодекса Θεодосіева и примѣненные къ національнымъ обычаямъ довольно безпорядочно. Самыя древнѣйшія собранія были: законы салическіе, законы бургундовъ и аллемановъ.

Всеобщее смѣшеніе римлянъ съ народами преобладавшими, несмотря на родъ занятій, совершенно отдѣлявшій двѣ стихіи, произвело, однаковъ, смѣсъ въ обычаяхъ и въ языкѣ: вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства, они приняли и латинскій языкъ въ церковнослужебныхъ и даже въ законы. Такое соединеніе римскаго съ преобладающимъ тевтоническимъ произвело испорченное смѣшеніе нарѣчія, названное простонароднымъ или деревенскимъ (*rustique*), а впослѣдствіи романскимъ, изъ котораго уже произошли всѣ европейскіе языки.

Но рассмотримъ порознь прежнія провинціи римской имперіи и жизнь новыхъ, на лицѣ ихъ образовавшихся, націй до времени, когда Карлъ Великій соединилъ ихъ воедино подъ громкимъ названіемъ «западной имперіи».

IV.

Состояніе Италіи подъ владычествомъ готовъ, греческаго экзархата, ломбардовъ; ихъ вліянія и отношенія къ римлянамъ.

Италія послѣ всѣхъ означенныхъ переворотовъ явилась къ концу V вѣка опустошенною, лишенною почти всѣхъ

средствъ существованія для небольшого числа обѣднѣвшихъ ея жителей. Одоакръ роздалъ своимъ войскамъ третью часть земель; для правленія составилъ сенатъ изъ одиннадцати сенаторовъ и въ продолженіе 14 лѣтъ былъ королемъ геруловъ, отражая на сѣверѣ Италіи небольшіе отряды безпкойныхъ племенъ. Между тѣмъ на Востокѣ императоръ Зенонъ, желая избавиться отъ новыхъ сосѣдей своихъ, остроготовъ, установившихся въ Панноніи, еще съ позволенія Марціана, для защиты Дуная, въ 455, обратилъ предводителя ихъ Теодорика на Италію съ правомъ завоевать ее. Вспомоществуемый вестготами, личнымъ искусствомъ и храбростію, онъ овладѣлъ Вероной, Римомъ, разбилъ при рѣкѣ Адигѣ Одоакра, осадилъ его въ Равеннѣ, согласился съ нимъ на миръ и половинный раздѣлъ земель, потомъ умертвилъ его и провозгласилъ себя обладателемъ Италіи. Его успѣхи и слава доставили ему въ одинъ годъ Иллирію, Паннонію, Норикъ, Ретію. Баварцы сдѣлались его данниками, у бургундовъ отняли часть Нарбонна, у вестготовъ Провансъ и часть Септиманіи. Резиденція его была въ Равеннѣ. Остроготы получили третью часть земель и единственное право нести службу военную; мѣста гражданскія были предоставлены римлянамъ. Въ городахъ были римскіе префекты, въ округахъ и провинціяхъ готскіе графы. Такимъ образомъ въ самомъ началѣ было замѣтно различіе между двумя націями, римскою и готскою; различіе исповѣданій еще болѣе увеличило раздѣлъ: римская нація была католическая, готская — аріанская. Оттого Италія во все пребываніе готовъ состояла изъ двухъ несмѣшиваемыхъ стихій, и ничего готскаго не вошло въ смѣшеніе, составившее итальянскую націю. Теодорикъ строгимъ безпристрастіемъ содержалъ въ согласіи обѣ націи, несмотря на свой аріанизмъ. Воспитанный при дворѣ греческомъ, онъ окружилъ себя просвѣщенными римлянами и запретилъ просвѣщеніе готамъ; былъ возродителемъ исчезнувшей въ Италіи образованности; исправилъ разрушавшіеся памятники. Ученый Боэцій, префектъ Кассіодоръ, Симмахъ, епископъ Эннидій были его сподвижники. Его умъ и слава дали ему значительный перевѣсъ надъ всею Европою. Государи новыхъ королевствъ искали его союза и покорялись его вліянію. Тридцать четыре года правилъ онъ готами и, очернивъ послѣдніе дни свои подозрительностію и гоненіемъ прежнихъ

друзей своихъ, умеръ въ Равеннѣ 28-го августа 526. Италія давно не наслаждалась такимъ спокойствіемъ. Ссоры въ его фамиліи, интриги и убійства, ослабившія готовъ, дали средство императору Юстиніану воспользоваться такимъ состояніемъ Италіи для присоединенія ея къ восточной имперіи. Полководецъ его Велизарій, разрушившій въ Африкѣ царство вандаловъ, прибылъ съ войскомъ въ Италію. Король Витигесъ, а послѣ него Тотила сильно отстаивали владѣнія остроготовъ, по все было разсѣяно или разбито. Евнухъ Нарцесъ послѣ битвы при Лентагіо окончилъ покореніе Италіи. Вся Италія была обращена въ провинцію восточной римской имперіи подъ именемъ экзархата. Власть императора восточнаго признавалась во всѣхъ городахъ, его имя упоминалось при церковнослуженіяхъ, изображеніе его было въ правительственныхъ мѣстахъ, его монеты обращались по всей Италіи. Экзархъ представлялъ собою вице-императора и имѣлъ власть почти неограниченную: утверждалъ папу, назначалъ герцоговъ въ города; Равенна была его резиденція. Нарцесъ, первый экзархъ, управлялъ 15 лѣтъ и, наконецъ, раздраженный немилостью византійскаго двора, тайно пригласилъ въ Италію ломбардовъ, занявшихъ со времени Юстиніана прежнія жилища остроготовъ въ Панноніи. Предводителемъ націи былъ тогда Албоинъ, побѣдитель гепидовъ. При вступленіи ломбардовъ въ Италію неукрѣпленные города сдавались почти добровольно, и скоро болѣе половины земель было въ ихъ власти. Равенну спасли неприступныя болота, Римъ—мужество префектовъ. Албоинъ установилъ свою столицу въ Павіи. 36 первыхъ сподвижниковъ его раздѣлили завоеванныя земли на 36 герцогствъ, изъ которыхъ значительнѣе были Сполето, Фріуль и Беневентъ. Отношенія къ туземнымъ жителямъ остались въ тѣхъ же правахъ, какъ и при готахъ. Такимъ образомъ, они владѣніями своими разорвали надвое владѣнія греческихъ императоровъ. Экзархи удержали пространство Италіи отъ устья По до Арно: Равенну съ городами Генуей, Кремоной и другими, а на другомъ концѣ Италіи Римъ, Неаполь съ окрестностями и берегами Кампаніи и Луканіи. По смерти Албоина въ земляхъ ломбардскихъ произошла аристократическая анархія: 30 герцоговъ, обратившихъ свое достоинство въ наслѣдственное, тиранствовали каждый въ своей провинціи, окружили себя военными дружинами

своихъ соотечественниковъ, установили въ большихъ городахъ, на мѣсто римскихъ префектовъ, ломбардскихъ графовъ, въ малыхъ—капеляновъ, и въ 10 лѣтъ такого правленія опустошили города, возстановленные Теодорикомъ, и разогнали множество христіанскихъ жителей въ Сицилію и Корсику. Когда одна половина Италіи страдала подъ игомъ ломбардскимъ, другая, составлявшая владѣніе императора греческаго, съ отвращеніемъ покорялась угнетительному правленію экзарховъ, означившихъ себя жадностію, корыстолюбіемъ, скупостію и пренебрежительнымъ обращеніемъ съ римлянами. Положеніе ея становилось еще тягостнѣе отъ безпрестанно тревожившихъ ее безпокойныхъ сосѣдей — ломбардскихъ герцоговъ. Наконецъ, императоръ Константъ II рѣшился освободить итальянскія владѣнія свои отъ ломбардовъ, но, разбитый ими, вмѣсто того ограбилъ Римъ и другіе города и съ похищенными сокровищами искусствъ и художествъ отплылъ изъ Италіи. Жестокость Юстиніана II и другихъ императоровъ становила съ каждымъ годомъ нестерпимымъ ихъ правленіе.

Ломбардскіе герцоги, наскучивъ безпорядочностію своей аристократіи, избрали, наконецъ, короля Отариса. При Агилульфѣ начался переходъ ломбардовъ къ нѣкоторой образованности: была принята христіанская вѣра — событіе, послужившее къ тѣснѣйшему слитію націй римской и ломбардской; показалась всеобщая наклонность къ земледѣлію. Король Ротарисъ уже выдалъ свой кодексъ законамъ на собраніи въ Павіи (643), умноженный потомъ Гримуальдомъ и Луитпрандомъ. Луитпрандъ сильно увеличилъ владѣнія и власть ломбардцевъ. Ломбарды совершенно прикрѣпились къ итальянской землѣ постоянными занятіями и земледѣліемъ. Развалины древней Италіи покрылись пажитями, особенно въ сосѣдствѣ монастырей Монтъ-кассина, Новалеза и Нонантула. Ломбардскіе нравы и обычаи пустили глубокіе корни въ составъ итальянской націи. Луитпрандъ былъ слишкомъ опасенъ для греческаго экзархата своимъ благоразуміемъ, своими союзами и честолюбивыми предпріятіями. Но увеличивавшіяся неудовольствія итальянцевъ противъ императора дали значительный перевѣсъ ломбардамъ, и король Астольфъ, вступившій въ Равенну (въ 752), почти добровольно отворившій ему ворота, окончилъ существованіе греческаго экзархата. Послѣдній

экзархъ Евтихій убѣжалъ въ Неаполь, и съ тѣхъ поръ императорскіе герцоги подъ слабою зависимостію сицилійскаго патриція правили Неаполемъ, Гаетою, Амальфи и другими городами, составившими область подъ именемъ Калабріи. Между тѣмъ Астольфъ, а послѣ него Дидіеръ стремились простереть владычество свое и на Римъ, но были остановлены могуществомъ франкскихъ королей, утвердившихъ свое верховное владычество въ Италіи.

V.

Взглядъ на состояніе Рима и начало духовной и свѣтской власти папъ.

Римъ, прежняя столица всего древняго міра, совершенно опустѣлъ. Пребываніе главнаго епископа, стеченіе пилигримовъ, приходившихъ поклониться гробу апостоловъ Петра и Павла, очень мало и медленно споспѣшествовали къ возобновленію ограбленныхъ дворцовъ его и храмовъ. Вліяніе римскаго первосвященника, избираемаго епископами, уже съ самаго начала было сильнѣе, нежели герцога, поставленнаго экзархомъ. Нѣсколько епископовъ святостію своею и примѣрною жизнію увеличили это вліяніе. Григорій Святой и Великій, которому первому приписываютъ принятіе имени папы, ревностію къ вѣрѣ, краснорѣчивыми поученіями, которыя слушала вся Италія, обращеніемъ въ христіанство ломбардовъ, миссіями къ англо-саксамъ и другимъ племенамъ распространилъ духовную власть римскихъ епископовъ. Нѣсколько императоровъ, принявшихъ разныя ереси, встрѣтили оппозицію въ римскихъ папахъ. Ихъ гоненія и жестокіе поступки, мученическая смерть папы Мартына—все это мало-по-малу возрастило нерасположеніе къ нимъ папъ, а утѣшеніе герцоговъ предало ихъ покровительству народъ, ожидавшій только случая отложиться отъ императора. Наконецъ, истребленіе иконъ, произведенное императоромъ Леономъ III, вспомошествоваемымъ патріархомъ константинопольскимъ Фотіемъ, возстановило уже явно противъ него папу Григорія II (726), за нимъ весь Римъ и всю Италію. Римляне изгнали изъ города императорскихъ чиновниковъ, установили правленіе, похожее на древнее республиканское, и главою республики провозгласили папу. Такимъ образомъ римскій первосвященникъ сдѣлался одинъ правителемъ Рима съ правомъ независимаго герцога, и произошло совершен-

ное отдѣленіе западной церкви. Только опасеніе слишкомъ возросшей власти ломбардовъ заставляло папъ признавать по имени владычество императоровъ; но когда византійскій дворъ не въ силахъ былъ доставить никакого вспоможенія, тогда папа Захарій, а послѣ него Стефанъ II обратились къ власти болѣе сильнѣйшей — къ королю франковъ.

VI.

Состояніе франковъ подѣ начальствомъ королей-предводителей. Ихъ отношенія къ завоеваннымъ провинціямъ. Анархія при неимѣющихъ власти короляхъ и владычество меровъ.

Племена германскія, составившія союзъ франковъ, вслѣдствіе опасеній непрерывныхъ нападеній еще неустановившихся народовъ, слились совершенно въ одну націю. Всѣ имѣли королей-предводителей изъ одной царственной линіи (Меровинговъ) и до Кловиса находились почти постоянно въ границахъ, назначенныхъ имъ императоромъ Іуліаномъ для защиты Рейна; при Кловисѣ сдѣлали нападеніе (486) въ расторгнутую по частямъ Галлію. Тогда сѣверо-западную часть Галліи владѣли арморикане и бретоны, прежніе данники римлянъ; середина Галліи, между Сеной и Лоарой, гдѣ замѣтны были остатки римской цивилизаціи, занята была римляно-галлами и войсками подѣ начальствомъ римскаго генерала Сіагрія, правившаго въ качествѣ намѣстника восточнаго императора; бургунды занимали сѣверо-восточную часть отъ устья Лоары до Альпъ; вестготы—юго-западную, собственно три Аквитаніи и часть Нарбонна. Изъ такихъ разнородныхъ началъ составилось впослѣдствіи французское государство.

Франки, подѣ начальствомъ Кловиса, разбили Сіагрія при Соассонѣ (486), а потомъ при Толбіакѣ аллемановъ, напавшихъ на земли франковъ рипуарскихъ, и приняли вмѣстѣ съ вождемъ своимъ христіанскую вѣру. Это облегчило Кловису завоеваніе римскихъ городовъ и приклонило на его сторону духовенство. Нѣсколько разъ поразили онъ бургундовъ и, наконецъ, подѣ предлогомъ религіозной ревности, повелъ франковъ на аріанъ вестготовъ, отнялъ у нихъ три Аквитаніи, оставивъ имъ только Септиманію. Побѣжденные націи остались почти на прежнихъ правахъ, но салическіе

законы, принесенные Кловисомъ, давали во всемъ преимущество франкамъ предъ римлянами; римляне аквитанскіе пользовались большею независимостью, нежели обитатели Сены и Лоары, гдѣ Кловисъ установилъ центръ своей власти. Безпрерывное начальство надъ войсками и рядъ блестящихъ побѣдъ дали ему средство сохранить власть гораздо болѣе, нежели сколько имѣли ее короли у франковъ. Желая сдѣлать неограниченнѣе эту власть, онъ истребилъ родственниковъ своихъ, получившихъ при раздѣлѣ богатія земли, и испросилъ у восточнаго императора титулъ патриція, увеличившее достоинство его въ глазахъ народа и давшее ему право раздѣлить впослѣдствіи Францію между четырьмя своими сыновьями: Тьері царствовалъ въ Мецѣ, въ землѣ восточныхъ франковъ (въ Остразіи), Клодомиръ въ Орлеанѣ, Шильдебертъ въ Парижѣ, Клотарь въ Соассонѣ. Сыновья распространили покореніе: Тьері завоевалъ Турингію и присоединилъ ее къ Остразіи, другіе три соединенными силами покорили и присоединили Бургундію, оставивъ въ ней прежнее правленіе, законы и обычаи; воевали съ вестготами и остроготами и смертью своею доставили Клотарю одному всю власть надъ Франціей (558). Онъ присоединилъ еще нѣсколько земель къ Бургундіи, покорилъ часть южной Саксоніи и раздѣлилъ земли франковъ вновь между четырьмя сыновьями (561): Зигебертъ былъ король Остразіи, Шильперикъ—Соассона, Карибертъ—Парижа, Контранъ—Орлеана и Бургундіи. Раздѣленіе было чрезвычайно безпорядочно: земли были череполосныя, и даже самые города были раздѣлены пополамъ. Это было впослѣдствіи причиною междоусобныхъ войнъ. Смерть Кариберта произвела новое раздѣленіе; вся Франція тогда состояла изъ трехъ частей: Остразіи, принадлежавшей Зигеберту, Нейстрін—Шильперигу и Бургундіи—Контрану.

Жены двухъ королей, Зигебертова Брунгильда и Шильперикова Фредегонда, личною ненавистію своею произвели междоусобную народную войну, продолжавшуюся 40 лѣтъ, которую попеременно возжигали беспокойные подданные, любимецъ Брунгильды, римлянинъ Протадіусъ, желавшій унижить франкскихъ аллодіаловъ, и мелочныя распри полудикихъ завоевателей Франціи. Въ продолженіе этой войны было перерѣзано и отравлено происками обѣихъ королевъ множество лицъ королевской фамиліи и сильно увеличили

власть свою аллодіалы. Война кончилась перевѣсомъ аристократической, или франкской, партіи,—партіи вассаловъ Остразіи, надъ римско-галльской, или гото-римскою.—И престарѣлая Брунгильда, преданная остразійскими вассалами сыну Фредегонды Клотарю II, была привязана къ дикой лошади и пущена въ поле.

Клотарь II, склонившій на свою сторону остразійскихъ вассаловъ, сдѣлался правителемъ всей Франціи (613). Но уже прежніе аллодіалы много усилили власть свою добытыми на войнѣ и жалованными землями королей. Клотарь для большаго привлеченія къ себѣ далъ и вассаламъ Нейстріи почти такія же права. Все это вело къ тому, что власть королей видимо ослабѣла, а между тѣмъ избираемые во время малолѣтства ихъ попечители или министры двора изъ знатнѣйшихъ левдовъ, или вассаловъ, называвшіеся палатными мерами (*majordomes*), нечувствительно заняли ихъ мѣсто, предсѣдали въ судилищахъ во время мира и предводили войсками на войнѣ. Короли со времени Дагоберта I, называемые празднолюбцами, почти были невидимы для народа. Одинъ только разъ въ годъ показывались они на всеобщемъ національномъ собраніи, пріѣзжая туда въ германской колесницѣ, запряженной быками, украшенные длинными волосами и бородой, единственными знаками ихъ королевскаго достоинства. Дѣятельность меровъ сдѣлала власть ихъ необходимою. Палатный меръ Эброинъ долго боролся съ левдами Остразіи, желая ограничить ихъ независимость. Пипинъ Геристаль, происходившій изъ знаменитаго епископскаго дома въ Мецѣ, умѣлъ достоинство мера оставить въ своей фамиліи наследственно. Военныя доблести побочнаго сына его Карла Мартела, его побѣды надъ сарацинами (въ долинахъ между Пуатье и Туромъ), надъ фризами и саксонами прибавили значительность мерскому достоинству. Сынъ его, Пипинъ Короткій, меръ Остразіи, а впоследствии и Нейстріи, исполненный личной храбрости, дальновидности и честолюбія, привлечшій на свою сторону папу Захарія, духовенство и сильныхъ вассаловъ, заставилъ себя провозгласить королемъ въ національномъ собраніи на Мартовскомъ полѣ (752) и вывелъ вмѣстѣ съ собою новую династію Карлоинговъ. Послѣдній Меровингъ Шильдерикъ III окончилъ дни свои въ монастырѣ, но отпрыски царственной фамиліи его сохранились донинѣ въ домѣ Монтескю. Призванный

папою Стефаномъ II, Пипинъ явился въ Италиі, побѣдами своими усмиривъ короля ломбардскаго Астольфа и принудилъ уступить захваченныя земли папѣ, и когда Астольфъ отступился отъ своего слова, онъ явился во второй разъ въ Италиі и оставилъ для безопасности своихъ комиссаровъ. Послѣ этого отнялъ у одного изъ потомковъ Кловиса, Вефры, Аквитанію (769). Пользуясь несогласіемъ арабовъ въ Испаніи, присоединилъ къ Франціи Септиманію (759). Для увеличенія власти своей раздробилъ нѣкоторыя массивныя владѣнія: въ Бургундіи замѣстилъ древнихъ герцоговъ и патрицевъ графами; въ землѣ аллемановъ уничтожилъ единство герцога. Честолюбивыхъ дѣйствій его некому было остановить: начинавшіе образовываться владѣтели земель были чужды дѣйствіямъ государственнымъ. Епископы тоже вели жизнь частныхъ франковъ, были заняты небольшими войнами, охотою, домашними отношеніями. Такимъ образомъ Пипинъ оставилъ сыновьямъ своимъ, Карлу и Карломану, такое пространство земель и власти, какого никогда не имѣли Меровинги.

VII.

Состояніе королевства вестготовъ въ Испаніи и
ЗАВОЕВАНІЕ ЕЯ АРАБАМИ.

Испанія издавна отличалась смѣшеніемъ націй, разнообразіемъ колоній, трудолюбіемъ жителей, изобиліемъ блестящихъ талантовъ даже во время упадка имперіи. Христіанство, окруженное язычниками и жидами, отличалось стремительною ревностію. Послѣ нѣсколькихъ годовъ гражданственной тишины, она вдругъ наводнилась вандалами, свевами и аланами, опустошившими ея провинціи, несмотря на самое упорное сопротивленіе жителей. Готы мужествомъ своихъ предводителей и великимъ соединеніемъ силы получили послѣ долгихъ битвъ преобладаніе надъ Испаніей. Вандалы были вытѣснены въ Африку, аланы истреблены, свевы выдвинуты къ сѣверо-западной приморской сторонѣ Испаніи. Король Валлія, первый испано-вестготскій король, имѣлъ владѣнія по обѣимъ сторонамъ Пиринеевъ: почти всю Испанію и южную Галлію. Тулуза была столицею. Но, по взятіи франками Аквитаніи, она была перенесена въ Толедо. Вестготы взяли отъ туземныхъ жителей двѣ трети земель; законы, организмъ правленія, обычаи остались тѣ

же, и обѣ націи пользовались равными правами. Король Аларихъ II (506) поручилъ составить двумъ юрисконсультамъ—одному римскому, другому готскому—кодексъ законовъ (сбивчивый, неудовлетворительный); но, несмотря на это, двѣ націи долго не могли ужиться, и католическіе христіане не могли сносить терпѣливо владычество аріанъ. Король Леовигильдъ, отнявшій у свевовъ послѣднія земли, не могъ совершенно принудить покориться своихъ римскихъ подданныхъ, пока, наконецъ, Рекаредъ не принялъ католической вѣры (527). Тогда епископы получили значительный перевѣсъ въ правленіи, и католики съ энтузіазмомъ начали преслѣдовать аріанъ, жидовъ и язычниковъ, убѣжавшихъ въ горы Астуріи, гдѣ издревле укрывались непокорившіяся банды туземцевъ, христіане, язычники, изгнанники, анахореты. Государство вестготовъ было нестройно, безпорядочно и не составляло политическаго тѣла. Короли были извергаемы и убиваемы, дворъ исполненъ интригъ. Законы были передѣлываемы нѣсколько разъ при Вернудо II и Вернудо III, подъ вліяніемъ епископовъ; исполнены нетерпимости, сильнаго вліянія духовенства, отзывавшагося въ послѣдствіи инквизиціею. Часто дѣла государственныя были рѣшаемы на епископскихъ соборахъ. Безпечность вестготскихъ вассаловъ и графовъ, покоренныхъ жаркимъ испанскимъ климатомъ, изобиліемъ страны, были причиною, что владѣнія вестготовъ не образовывали связаннаго политическаго тѣла и менѣе всего могли представить сильный отпоръ предприимчивому покорителю. Графъ Юліанъ, правитель города Цеуты, оскорбленный королемъ Родригомъ, похитителемъ престола, и убійствомъ короля Витицы, соединился противъ него съ сыновьями прежняго короля и епископомъ севильскимъ и призвалъ съ запада на помощь аравитянъ. Намѣстникъ эмира Музы Тарикъ прибылъ въ Испанію съ войсками изъ арабовъ, мавровъ и другихъ африканскихъ племенъ и, представши къ Кальпской скалѣ, далъ ей свое имя: Гибралтаръ, и, несмотря на все упорство, оказанное религіозною ревностію христіанъ и мужествомъ Родрига, разбилъ совершенно готовъ при Ксересѣ и Гвадалетѣ (713); взявъ Толедо и въ качествѣ намѣстника эмировъ африканскихъ правилъ Испаніею. Арабы завели колоніи на опустѣлыхъ земляхъ. Покоренные оружіемъ вестготы должны были платить пятую часть своихъ доходовъ, а покорившіеся добровольно

десятину. Несмотря на такое неотяготительное положеніе владычество магометанъ казалось христіанамъ невыносимымъ. Часть вестготовъ, не хотѣвшая покориться, отступила съ оружіемъ въ рукахъ къ горамъ аsturійскимъ, скрывалась долго въ пещерахъ нотрдамскихъ и кабадонгскихъ, превратилась въ горскихъ наѣзтниковъ, подъ предводительствомъ Пелагія и другихъ безпрестанно тревожила владѣнія мусульманъ. Религіозный фанатизмъ положилъ совершенное раздѣленіе между двумя націями. Бандитская и вмѣстѣ пустынножизненная жизнь, исполненная непрерывныхъ приключеній, оставила глубокіе слѣды въ характерѣ испанской націи.

VIII.

Состояніе Европы неримской и народовъ, основавшихся на земляхъ, не принадлежавшихъ римской имперіи.

Половина европейскихъ народовъ за Рейномъ и Дунаемъ была еще въ грубомъ и хаотическомъ состояніи, почти не показывала признаковъ своего образованія въ политическія тѣла, и причина была та, что они занимали земли, на которыхъ не было никогда еще гражданственной жизни. Изъ германскихъ племенъ сильнѣйшія были оставшіеся въ сосѣдствѣ франковъ при Нѣмецкомъ морѣ—саксоны, фризцы, и въ срединѣ Германіи—бавары. Саксоны были многочисленнѣе и сильнѣе всѣхъ другихъ. Всѣ стремительныя страсти прежнихъ германцевъ сохранились въ нихъ долго вмѣстѣ съ прежнею вѣрою въ Одена. Звѣрная, рыбная ловля и пиратство были ихъ занятія. Въ половинѣ V вѣка часть саксоновъ и англовъ съ нѣсколькими вождями переселились въ Англію, основали нѣсколько королевствъ и показали признаки образованности, но саксоны, оставшіеся въ Германіи, долго оставались въ первобытной дикости. Въ половинѣ VIII столѣтія германскій апостолъ англичанинъ Винфридъ, извѣстный подъ именемъ святого Бонифація, проповѣдывалъ между саксонами, фризами и баварами христіанство и установилъ для того свое епископство въ Майнцѣ, бывшемъ почти на границѣ саксонскихъ и франкскихъ земель; но обращеніе въ христіанство, особенно между саксонами, было чрезвычайно медленно, и онъ былъ умерщвленъ упорными язычниками.

Славяне. Славяне были самые древніе обитатели восточной Европы. Доказательство этого въ ихъ религіи, довольно многосложной, порожденной долгою осѣдлостію. Разсѣянная жизнь, открытыя пространства Россіи, немѣніе никакихъ союзовъ и взаимной связи между племенами были причиною ихъ непрерывныхъ покореній многочисленными націями, умѣвшими повиноваться одному вождю. Въ продолженіе двухъ или трехъ столѣтій безпрестанно перемѣнялись властители славянъ, совершенно скрывавшіе ихъ отъ Европы преобладаніемъ своихъ націй. По уничтоженіи гунновъ, когда уже всѣ почти племена германскія ворвались въ предѣлы прежней западной имперіи, племена славянскія постепенно занимали мѣста, оставляемые германскими, и наполнили Европу отъ Рагузы до Балтійскаго моря и Даніи. Ихъ можно раздѣлить на западныхъ, восточныхъ и южныхъ. Сѣверо-западные или венецкіе—между Эльбою и Балтійскимъ моремъ. Первоначальныя ихъ племена: ободриты въ Мекленбургіи, померяне или вильцы отъ Одера до Вислы, зорбы въ Верхней Саксоніи и лузиціане. Далѣе слѣдуютъ племена юго-западные: ляхи или поляки въ нынѣшней Польшѣ, чехи—въ землѣ маркомановъ. Южные славяне находились большею частію по Дунаю и назывались антами и дунайскими славянами. Восточные славяне, которыхъ можно раздѣлить на южныхъ, уже занимавшихся земледѣліемъ и стадами, имѣвшихъ религію, занесенную изъ древней языческой Греціи, отличавшихся кроткими нравами и называвшихся разными именами отъ рѣкъ и мѣстъ жительства, составившихъ Малую Россію, и сѣверныхъ, ведшихъ суровую жизнь въ срединѣ лѣсовъ, занимавшихся звѣриной ловлей, уже смѣшанныхъ съ племенами финскими, образовавшихъ Великую Россію...

Въ такомъ положеніи находились славяне до того времени, пока мѣсть новый народъ татарскаго или турецкаго происхожденія—авары не вступили въ Европу. Вторженіе ихъ въ срединѣ VI вѣка подвергло славянъ юго-восточныхъ, южныхъ и юго-западныхъ, а также и болгаръ, ихъ владычеству. Ханъ ихъ Баянъ, которому платили дань всѣ означенныя племена, покорилъ гепидовъ, тревожилъ греческаго императора безпрестанными нападеніями и, наконецъ, былъ имъ разбитъ подъ стѣнами Константинополя въ 626 году. По смерти Баяна начались раздоры между аварскими вож-

дями; тогда многія славянскія племена начали отдѣляться и въ томъ числѣ славяне дунайскіе или анты получили отъ императора Ираклія позволеніе поселиться въ Иллиріи и съ этихъ поръ начали называться славянами иллирійскими. Такимъ образомъ произошло начало древнихъ королевствъ или банатовъ Кроаціи, Далмаціи, Славоніи, Босніи и Сербіи. Иллирійскіе славяне пиратствовали по морю Адріатическому и въ Архипелагѣ; славяне венецкіе хищническими нападеніями тревожили владѣнія франковъ; восточные не простирали своихъ дѣйствій внѣ земель своихъ и скоро были вновь покорены народомъ турецкаго происхожденія—козарами.

IX.

Состояніе восточной римской имперіи во время религіозныхъ споровъ, битвъ съ персами и завладѣній арабовъ.

Въ римской восточной имперіи сохранилась еще образованность древняго міра, умноженная выходцами, бѣжавшими изъ западныхъ земель. Верховное величество императора, многочисленный дворъ, проконсулы провинцій, полномочные императорскіе любимцы, цирки, всенародныя зрѣлища, многолюдство черни, непомѣрное богатство и совершенная бѣдность напоминали римскій міръ и представляли рѣзкую противоположность полудикой и младенческой жизни государствъ, основавшихся на земляхъ прежней западной имперіи.

Восточную имперію составляли три счастливые берега трехъ частей свѣта: Европы, Азіи и Африки съ теплымъ и роскошнымъ климатомъ. Азія, великая и малая, доставляла всѣ нѣжныя произведенія людямъ, клонившимся къ утонченной роскоши; кромѣ того, она доставляла искусныхъ ристальщиковъ, художниковъ, комедіантовъ и все, что могло удовлетворить прихоти того вѣка; ея верховная митрополія была Антиохія, первая зиждительница христіанства. Египетъ доставлялъ самую нужную потребность для всей имперіи: хлѣбъ; его митрополія была Александрія, самый шумный и дѣятельный городъ, бывшій издавна узломъ торговли, прибѣжищемъ сектъ и разнородныхъ мнѣній, школъ, ученыхъ, кладовая всей имперіи. Греческая Европа была только потребительницею всѣхъ этихъ богатствъ. Городъ Аѳины былъ воспитателемъ и рассадникомъ всего юношества римско-гре-

ческаго. Константинополь былъ жилищемъ придворныхъ, императорскихъ охранительныхъ войскъ, празднои черни, увеселеній и празднествъ.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на жизнь и мысли, занимавшія общество имперіи. Съ востока, отъ странъ персидскихъ и индійскихъ, печувствительно наносились мнѣнія гностиковъ, вѣснвившіяся въ тогдашнее христіанство, уже положившія начало сектъ. Споры и пренія становились любопытнѣе и заманчивѣе. Каждый патріархъ производилъ какое-нибудь измѣненіе въ догмахъ, имѣлъ жаркихъ противниковъ и защитниковъ. Эта область споровъ невольно заняла мысли и занятія высшаго класса. Низшій классъ народа обратилъ всю жизнь свою на ристалища и кровавыя представленія со всею силою пристрастія.

Опасные непріатели въ восточной римской имперіи были: съ востока—персы, отдѣленные почти открытыми, не защищенными землями, а съ сѣверной или римской стороны—европейскіе варвары, попеременно занимавшіе земли Панноніи и Дакіи.

Таково было состояніе имперіи восточной римской, когда Аркадій, слабый и безхарактерный, началъ собою рядъ императоровъ византійскихъ. Воспитатель его Руфимъ, начальникъ войскъ готъ Кайнасъ и евнухъ Эвтропій, одинъ за другимъ, правили имперіей, производя всеобщій ропотъ жадности, корыстолюбіемъ и деспотизмомъ. Супруга его Евдокія превратила дворъ въ жилище забавъ и разврата. Іоаннъ Златоустъ, вооружившійся громомъ краснорѣчія противъ всеобщаго развращенія двора, заплатилъ изгнаніемъ и заточеніемъ. Аркадій оставилъ престолъ также слабому сыну Θεодосію II (408), бывшему все время подъ опекою евнуховъ-любимцевъ и въ послѣдствіи умной сестры своей Пулхеріи. Составленные при немъ законы юрисконсультомъ Антіохомъ, подъ именемъ Θεодосіева кодекса, были приняты въ обѣихъ имперіяхъ и распространены между варварскими народами. Духовное преніе и споры приняла жаркое направленіе по поводу новаго мнѣнія патріарха константинопольскаго Несторія, дерзко отвергавшаго божественность Дѣвы Маріи; это вооружило сильную оппозицію, предводимую св. Кирилломъ, патріархомъ Александрійскимъ. Соборъ, созванный Θεодосіемъ въ Ефесѣ, ниспровергъ Несторія, но скоро новый ересеначальникъ Евтихій провозгласилъ новое

ученіе, отстранявшее два естества въ Иисусѣ, вооружилъ снова противъ себя могущественную партію православныхъ, но искусно увернулся на второмъ сѣссскомъ соборѣ, прозванномъ соборомъ разбойниковъ. Среди этихъ преній, угрожаемый съ сѣвера нападеніями Аттилы, умеръ Θεодосій. Сестра его Пульхерія, предложивъ руку свою храброму генералу Марціану, возвела его на престолъ кесарей. Твердостью своею онъ отразилъ Аттилу и халкидонскимъ соборомъ ниспровергнулъ Евтихію. Съ его смертію прервалась Θεодосіева линія на востокъ и на западъ. Сынъ еракійскаго мисника, дослужившійся почестей съ помощію Аспара, начальника войскъ, провозгласилъ себя императоромъ подъ именемъ Леона I-го, и вооруженіемъ огромнаго флота противъ вандаловъ, стоившаго несмѣтныхъ суммъ и разбитаго Гензерихомъ, нанесъ сильный уронъ имперіи. Послѣ ничѣмъ не замѣчательнаго Зенона вступилъ (491) Анастасій, оеологъ и покровитель еретиковъ. Низверженіе православнаго патріарха Македонія и принятіе стороны Евтихіевой усилило ожесточеніе между сектами до того, что уже принимались за оружіе, и битвы между гражданами происходили даже въ улицахъ Константинополя. Уничтоживши кровавыя зрѣлища и сраженія звѣрей, Анастасій далъ мѣсто циркамъ и бѣгамъ на колесницахъ, къ которымъ устремилась вся жизнь общественная. Участіе, принятое въ двухъ спорящихъ ристателяхъ, было такъ сильно, что цвѣтъ платьевъ ихъ, голубого и зеленого, сдѣлался девизомъ двухъ партій, къ которымъ присоединились и религіозныя причины. Партію голубыхъ большею частію составляли православные; на сторонѣ зеленыхъ были еретики. А между тѣмъ персы, управляемые царями Сассанидами (свергнувшими въ 223 году владычество Парвовъ-Арзасидовъ), уже начинали вторгаться въ римскую Арменію, тогда какъ съ сѣвера вторгались славяне въ Иллирію и Эракію. Противъ персовъ Анастасій употребилъ войска, противъ славянъ выстроилъ стѣну между Мраморнымъ и Чернымъ моремъ. Послѣ него Юстинъ Эракіянинъ, необразованный солдатъ, сдѣлавшись государственнымъ казначеемъ, купилъ престолъ на похищенные изъ казны деньги у евнуха и завѣщалъ государство племяннику своему Юстиніану, государю честолюбивому, получившему блестящее воспитаніе, тщеславному, исполненному мыслей о величіи кесарскаго достоинства. Вступивши на престолъ

онъ велѣлъ собрать воедино всѣ законы и постановленія прежнихъ августовъ. Квесторъ Трибоніанъ съ помощію другихъ юрисконсультовъ составилъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ: *Кодексъ*—собраніе постановленій всѣхъ императоровъ (528), *Институціи*—сокращеніе римскихъ законовъ для преподаванія въ школахъ (533), *Пандекты или дигесты* (50 кн.), вмѣщавшіе всѣ прежнія собранія законовъ: Грегоріаново, Θεодосіево, Гермогеново, и 2000 трактатовъ разныхъ юрисконсультовъ; *Новеллы*—собственно Юстиніановы постановленія. Разстроенное состояніе варварскихъ государствъ, занявшихъ земли западной имперіи, дали ему мысль о возвращеніи ихъ снова подъ владычество августовъ. Велизарій, уже прославившійся храбрымъ защитеніемъ восточныхъ провинцій противъ персовъ, былъ отправленъ съ 50-ю кораблями и войскомъ, не болѣе 5000, въ Африку для завоеванія царства вандаловъ. Изнеможеніе вандаловъ подъ вліяніемъ африканскаго климата, немѣнне укрѣпленныхъ городовъ и личное искусство и распоряженіе Велизарія дали ему средства овладѣть Африкой и начать покореніе остроготовъ, оконченное Нарцесомъ. Африка и Италія составили провинцію восточнаго императора, все Средиземное море очутилось вновь во владѣніи римскомъ. Между тѣмъ императоръ рѣшилъ прекратить партіи сектъ, уже составившихъ жизнь государства, остріемъ оружія и силою законовъ, но истощилъ свои собственные и обезлюдилъ провинціи. Принятое имъ покровительство въ цirkѣ партіи голубыхъ, дало имъ всю дерзость производить разбойничества и притѣсненія. Зеленые, лишенные покровительства законовъ, составили ожесточенную оппозицію уже противъ самого императора и правительства. Бунтъ и сраженіе, произведенное ожесточеніемъ партій, страшно опустошили Константинополь, истребивъ около 30 тысячъ жителей и обративъ въ пепель лучшія зданія въ городѣ. Начавшіяся оборонительныя войны противъ персидскаго Хозрои и на сѣверѣ противъ болгаръ и славянъ такъ истощили казну, что Юстиніанъ долженъ былъ приняться за налоги, несправедливости, и законодатель-императоръ издалъ нѣсколько безчестныхъ законовъ. Взятая имъ изъ театра супруга Θεодора еще болѣе усилила несправедливости развратнымъ поведеніемъ своимъ и вмѣшательствомъ въ дѣла правленія. Дряхлый Юстиніанъ, покрытый славою и без-

славіемъ, умеръ въ 565 году. Его расточительность, страсть къ нововведеніямъ, постройкамъ, перемѣнамъ, слабое, подзрительное и часто жестокое правленіе оставило въ совершенномъ разстройствѣ имперію. При племянникѣ его, Юстинѣ, ломбарды отняли большую часть Италіи, персы опустошительнѣе стали вторгаться въ Сирію. Вступившій послѣ него императоръ Тиберій съ помощію храбрыхъ генераловъ Маврикія и Юстиніана отразилъ персовъ и далъ на время правильное теченіе внутреннему управленію, вновь возмущенному нападеніемъ персовъ при Маврикіѣ и бунтомъ войскъ, возведшихъ похитителя Фоку, котораго низвергъ Ираклій (610) въ то самое время, какъ Хозрой II наводнилъ войсками Сирію и предалъ пламени Антіохію, Дамаскъ, Іерусалимъ и грозилъ ввести на мѣсто христіанства религію маговъ. Послѣ перемѣнъ счастія и многихъ потерь Ираклій перешелъ за Тавръ; соединившись съ хозарами, два раза разбилъ Хозроя при Иссъ и Моссулъ и предписалъ сыну его Сирою миръ (628). Этимъ миромъ навсегда окончились брани съ персами. Но скоро новый непріятель, несравненно опаснѣйшій, сталъ на восточныхъ границахъ имперіи. Въ 632 году вступили въ Сирію войска аравитянъ, предводимыя двумя Абубекровыми полководцами: Абу-Обеидахомъ и Каледомъ. Жители, занятые сектами и преніями, облегчили имъ входъ; измѣна намѣстниковъ предала имъ лучшіе города. Многочисленное войско, высланное устранившимъ Иракліемъ, подъ начальствомъ Мануила, все было разбито. Ираклій, лишенный средствъ отразить ихъ, видѣлъ, какъ взята была Антіохія и вся Сирія. Аравитскіе завоеватели перешли въ Африку, взяли Александрію, гдѣ ожесточеніе сектъ было такъ велико, что многіе перешли на сторону непріятелей. Ираклій однимъ годомъ пережилъ ея паденіе и умеръ въ 641 году. Имперія осталась безъ Африки, питавшей все ея народонаселеніе, безъ Александріи, разливавшей дѣятельность и промышленность во всѣ направленія ея, безъ Сиріи и Антіохіи, безъ денегъ, безъ доходовъ и заключалась только въ одной Европѣ да на берегахъ мало-азійскихъ. Два императора изъ Иракліевой фамиліи въ тотъ же годъ были возведены и умерщвлены. Юстинъ II удержался на престолѣ. Въмѣсто того, чтобы отнять завоеванныя арабами провинціи, онъ съ помощію тягостныхъ налоговъ соорудилъ флотъ и отправился съ нимъ

въ Италію, не приносящую никакихъ почти доходовъ, съ намѣреніемъ очистить ее отъ ломбардовъ и даже перенести столицу свою въ Римъ изъ боязни къ мятежному Константинополю; но, разбитый ломбардами, онъ ограбилъ итальянскія провинціи; награбленная добыча вмѣстѣ съ флотомъ досталась арабамъ, и самъ онъ умеръ вдали Константинополя, убитый въ Сиракузахъ возмущившимся войскомъ. При сынѣ его Константинѣ Погонатѣ уже арабскія суда показались подъ стѣнами Константинополя; но огонь, приведенный Калиникомъ, спасъ его. Юстиніанъ II безразсудною жестокостію довершалъ внутреннее разстройство имперіи. Филиппъ Варданъ, умертвившій его (711), былъ въ свою очередь свергнутъ тогда же. Арабы овладѣли уже и послѣдней, вандальскою, Африкою. Анастасій-Артемій (713) хотѣлъ еще употребить всѣ силы противъ похитителей-арабовъ, но былъ убитъ войсками, возведшими простаго гражданина Θεодосія III. Аравитяне вновь съ несравненно большимъ флотомъ показались подъ стѣнами Константинополя и осадили его; храбрый полководецъ Леонъ въ продолженіе двухъ лѣтъ выдерживалъ осаду: чума и голодъ истребили около 300.000 жителей въ имперіи, но осада была выдержана, арабы отражены, и храбрый Леонъ III провозглашенъ былъ императоромъ. Несмотря на всѣ достоинства свои, онъ произвелъ слишкомъ сильное потрясеніе въ изнеможенномъ государствѣ истребленіемъ иконъ. Пренія были вытѣснены новыми, все государство раздѣлилось на двѣ стороны. Манихеяне, еutihianцы, несторіане, яковиты перестали быть дѣйствителями, были только партіи за иконы и противъ иконъ: православные принадлежали къ первой, еретики держались второй, а Леонъ противъ воли сдѣлался сподвижникомъ еретиковъ. Сынъ его Константинъ V Копронимъ даже уничтожилъ было монастыри. Гоненіе противъ иконъ продолжалось и при наслѣдникѣ его, Леонѣ IV, и было причиною совершеннаго уничтоженія власти императоровъ въ Италіи и раздѣла церковей латинской, греческой. Наконецъ, съ восшествіемъ на престолъ императрицы Ирины (747), открывшей себѣ путь злодѣяніями и привлеченіемъ на сторону свою монаховъ, было прекращено это гоненіе и обращено на противную партію. Такимъ образомъ къ концу этого времени въ Константинополѣ образовалось совершенно духовное го-

сударство: монахи заседали въ совѣтахъ и вмѣсто важныхъ гражданскихъ дѣлъ были предлагаемы пренія о предметахъ религіозныхъ, отлученія и проскрипціи.

X.

Первобытная жизнь арабовъ. Переворотъ на образованіе націи, произведенный Магометомъ, и завоеванія ихъ.

На образованіе арабовъ произвели глубокое вліяніе почва и климатъ страны. Полуостровъ аравійскій представляетъ сліяніе двухъ сильныхъ противоположностей: растительной и губящей силъ природы. Безводіе, кипящіе пески, каменные пустыни, смертоносный вѣтеръ самумъ дѣлаютъ почти три четверти земель его вовсе необитаемыми. Оазы очень рѣдки и своимъ небольшимъ пространствомъ земли могли только служить временнымъ убѣжищемъ. Берега Краснаго моря, королевство Іеменъ, берега Персидскаго моря удобны для жизни. Главное произведеніе: ладанъ, кассія, финиковая пальма, кофе, бальзамовое дерево. Рука завоевателя не могла здѣсь найти пищи, и только одна торговля въ отдаленной древности пролагала незамѣтный путь чрезъ пустынный полуостровъ. Уже давно находились города: Саака, или Сааба, Мока, Ятребъ и, среди пустынь, Мекка.

Жители Аравіи отличались рѣзкою особенностію. Они были стройны, худощавы, оливковаго цвѣта, съ глазами и волосами угольной черноты. Прерываемая пустынями и необитаемыми мѣстами земля должна была создать разсѣянную и бродящую жизнь. Обитатели были двухъ родовъ: жители городовъ въ Іеменѣ и вообще въ южной Аравіи, называемые хадрами, и пустынные, бродящіе: бедеви, или бедуины. Арабы жили отдѣльными племенами подъ начальствомъ своихъ шейковъ, избираемыхъ изъ благородныхъ фамилій. Иногда нѣсколько шейковъ съ ихъ племенами признавали надъ собою власть одного независимаго эмира. Взаимной связи между ними было мало. Паслѣдственное мнѣніе, подъ тропическимъ вліяніемъ климата, достигало высшей степени; брани были часто съ ожесточеніями, и часто многія племена, боясь мести, удалялись изъ полуострова. Такъ населилась арабами часть Сиріи, а въ Египтѣ Абиссинія. Ихъ отличительныя черты: быстрая воспламеняемость, велико-

душіе, гостепріимство, заглушаемыя мщеніемъ и жадностію къ корысти, гордость, и чувство независимости, вдохнутое необозримымъ пространствомъ пустынь, наконецъ, сильное воображеніе, можетъ-быть, воздвигнутое рѣзкою противоположностію страны.

Религія. Единства религіи не было въ Аравіи. Гоненія и нетерпимость были причиною множества изгнанниковъ разныхъ сектъ, поселившихся въ Аравіи. Эти изгнанники религіи были: сабеяне, или древніе халдеи, почитавшіе семь боговъ, или ангеловъ, правящихъ семью планетами, производящими вліяніе на міръ; маги, послѣдователи Зороастра; іудеи, имѣвшіе въ нѣкоторыхъ городахъ свои синагоги, и, наконецъ, христіане, состоявшіе изъ разныхъ угнетенныхъ сектъ: марціонитовъ, манихеевъ, яковитовъ, несторіанъ и др. Всякій арабъ слѣдовалъ своему произволу въ принятіи вѣры. Въ городахъ и южныхъ плодотворныхъ странахъ болѣе преобладала идолопоклонническая, въ пустыняхъ болѣе духовная. Храмъ Кааба въ Меккѣ, гдѣ находился знаменитый черный камень, былъ во всеобщемъ уваженіи и привлекалъ толпы поклонниковъ. Надзоръ надъ нимъ былъ порученъ знаменитой фамиліи шейковъ Корейшитовъ, древнихъ правителей Мекки. Таково было состояніе религіи народа до Магомета, произведшаго всеобщій переворотъ и преобразовавшаго всю Аравію въ одну націю.

Магометъ былъ изъ знаменитой фамиліи Корейшитовъ (род. въ Меккѣ 571), его дѣдъ Гашемъ былъ стражемъ камня Каабы. До 40 лѣтъ своего возраста онъ былъ бѣденъ, путешествовалъ съ чужими караванами. Понередѣнно обращался съ христіанами, іудеями, магами, находясь то въ городахъ сирійскихъ среди людной греческой жизни, то въ раскаленныхъ пустыняхъ Аравіи, склонный къ мечтательности, онъ получалъ идею о преобразованіи религіи, видя съ соболѣзнованіемъ слабое вліяніе ея надъ арабами и раздробленіе ихъ націй. Онъ началъ проповѣдывать о единствѣ Бога, о своемъ посланничествѣ на земли, проповѣдывалъ имъ правила, занятія у христіанъ, сабеянъ, маговъ, іудеевъ, смѣшанныя съ собственными мечтаніями. Желая сильнѣе дѣйствовать на пламенную, чувственную природу арабовъ, общался рай, облеченный всею роскошью восточныхъ красокъ, и сопровождалъ все это рѣчами, исполненными энтузіазма, и звучными стихами. Ему вѣрили сначала жена

его Кадиша, невольникъ его Саитъ и двоюродный братъ его 15-лѣтній Али, въ послѣдствіи Абубекеръ, одинъ изъ уважаемыхъ гражданъ Мекки, наконецъ, множество народа. Всѣ почти Корейшиты вооружились противъ нововводителя, но Магометъ избѣгнуть смерти бѣгствомъ въ Ятребъ (Медину), положившимъ начало магометанской эры. Медина, соперница и непріятельница Мекки, приняла его съ восторгомъ. Послѣдователи возросли. Тогда пророкъ взялъ въ руки оружіе и повелъ новыхъ почитателей Мослима на непризнававшую его Мекку. Послѣ многихъ битвъ, гдѣ Корейшиты употребляли всѣ силы противустать ему, Магометъ получилъ верхъ. Король іеменскій отдался ему добровольно; многіе шейки и эмиры подчинили себя его власти, и Аравія увидѣла надъ собою одного повелителя. Пророкъ умеръ (на 63 году), но нація осталась послѣ него соединенною силою религіи и энтузіазма.

Толпы родственниковъ Магометовыхъ изъявляли притязаніе занять его мѣсто. Ближе всѣхъ былъ Али, женатый на дочери его, Фатимѣ, первый изъ правовѣрныхъ и самый жаркій его послѣдователь; но множество противниковъ и вліяніе послѣдней супруги Магомета, Аеши, было причиною, что шейки и эмиры провозгласили мудраго Абубекера калифомъ, или намѣстникомъ пророка. Абубекеръ собралъ всѣ мысли и правила Магомета, его стихи, мечтанія, видѣнія, записанныя въ разное время учениками, въ одну книгу, называемую «Коранъ».

Главныя положенія Корана были: Богъ единъ, безъ всякаго раздѣленія власти; Его министры, исполнители воли—ангелы и небесныя силы; власть Его проявлялась въ мірѣ чудесами и видѣніями; возвѣстители Его воли на землѣ—пророки, изъ которыхъ главнѣйшіе четыре: Авраамъ, Моисей, Іисусъ и Магометъ, послѣдующій былъ выше предыдущаго. Должно было вѣрить въ безсмертіе души, въ воскресеніе, послѣдній судъ, въ наказаніе добрыхъ и злыхъ. Правила, приспособленныя къ жизни и климату, полагались для всякаго правовѣрнаго слѣдующія: молитва пять разъ на день, милостыня, омовеніе, обрѣзаніе, постъ рамадана, воздержаніе крѣпкихъ напитковъ и нѣкоторыхъ мясъ. Алкоранъ состоялъ изъ двухъ частей; къ нимъ послѣ прибавлены сказанія и анекдоты о Магометѣ, составившіе третью часть, подъ именемъ Сунны; это произвело двѣ секты: принявшіе

всѣ три назывались суннитами, принявшіе только двѣ первыя—шіитами.

Смерть пророка усилила энтузіазмъ и желаніе распространить защищаемую имъ вѣру. Полководцы Абубекера Абу-Обеидахъ и Каледь, «Божій Мечъ», вступили въ Сирію и начали покореніе взятіемъ города Бостры. Изнѣженность жителей Сиріи, занимавшія ихъ секты, пренія и партіи, измѣна и малодушіе намѣстниковъ открыли свободное поле ихъ дѣйствіямъ. Абубекеръ умеръ; Али опять былъ отстраненъ, возшелъ Омаръ, также тестъ Магомета (634). Каледь окончилъ завоеваніе Сиріи. Дамаскъ, Антиохія были взяты, Омаръ вступилъ во Іерусалимъ и заложилъ мечеть. Другой полководецъ его, Амру, перешелъ въ Африку и осадилъ Александрію, занятую ожесточенными преніями и партіями. Копты и яковиты, преслѣдуемые дворомъ византійскимъ, приняли его сторону. Многочисленное народонаселеніе, необыкновенные источники богатства и морской силы дали возможность Александріи безъ помощи императора выдержать 14-мѣсячную осаду, послѣ чего она была взята (640), и весь Египетъ призналъ власть калифа. Третій полководецъ Омара Заидъ вступилъ въ Персію, разбилъ войска визиря Рустана, разрушилъ столицу Ктезифонъ и основалъ города Куфу и Бассору. Арабы ниспровергали всѣ идолы, статуи, образа, храмы, разрушили 4000 церквей, взяли 36000 городовъ и укрѣпленныхъ мѣстъ. Послѣ Омара опять былъ отстраненъ Али, несмотря на множество приверженцевъ, и провозглашенъ калифомъ слабый и престарѣлый Отманъ, но фанатизмъ придавалъ силу аравитянамъ. Полководецъ Абдала продолжалъ завоеванія въ западной Африкѣ взятіемъ Триполи; другой эмиръ, Моавія, изъ рода Омміадовъ, покорилъ Нубію, овладѣлъ частью Архипелагскихъ острововъ и разрушилъ колоссъ Родосскій. Покореніе Персіи продолжалось. Персидскій царь Ездежертъ долженъ былъ бѣжать изъ столицы своей Истакара (Персеполя). Персія обратилась въ область калифа. Персы приняли исламизмъ, и арабы, преимущественно партизаны Али, поселились во множествѣ на персидской почвѣ. Отманъ былъ убитъ. Партія Али сдѣлалась уже слишкомъ сильною и возвела его въ званіе калифа. Исканіе честолюбиваго Моавіи и множество противниковъ возобновили старую вражду. Али былъ умерщвленъ тайно. Моавія провозглашенъ былъ на-

мѣстникомъ пророка. Мученическая смерть Али и сыновей его, почитаемыхъ за истинно правовѣрныхъ, произвела множество новыхъ энтузіастовъ; всѣ шіиты приняли сторону Али. Фамилія Али осталась въ сильномъ уваженіи: многіе искали родства съ ними, чтобы имѣть право на уваженіе и на престолъ. Зеленый цвѣтъ былъ отличительнымъ ихъ девизомъ.

Моавія началъ собою рядъ калифовъ Омміадскихъ и перенесъ столицу изъ пустынной Аравіи въ Дамаскъ: отсельъ начало перехода арабовъ къ новой гражданственности. На новой почвѣ, подъ новымъ небомъ, Моавія уже началъ оставлять суровую жизнь прежнихъ калифовъ. Досельъ калифы даже среди цвѣтущихъ покоренныхъ странъ сохраняли простые обычаи: калифъ на расходы получалъ всего пять золотыхъ монетъ, хотя всѣ родственники Магометовы получали на содержаніе большія суммы; остатокъ доходовъ раздавалъ онъ добродѣтельнѣйшимъ людямъ въ государствѣ и нищимъ. Власть калифа была велика, потому что соединяла въ себѣ власть религіозную и свѣтскую: калифъ былъ папа и государь вмѣстѣ. Власть его не была ограничена ни національными собраніями, ни вліяніемъ дворянства, ни привилегіями духовенства, ни конституціями вольныхъ городовъ. Несмотря на разбросанность владѣній арабовъ и отдаленность эмировъ, строгое исполненіе законовъ Корана давало единство далеко раскинутому государству и утверждало верховность калифа. Арабы, принявши во владѣніе земли восточной имперіи, означили ихъ совершеннымъ преобразованиемъ, разрушеніемъ многихъ старыхъ городовъ и постройкою новыхъ въ аравійскомъ вкусѣ. Всѣ туземцы платили арабамъ только десятую долю своихъ доходовъ. Внутреннее правленіе въ городахъ, законы, обычаи и религія остались неприкосновенными; гоненіе арабовъ было только противъ жидовъ. Просвѣщеніе покоренныхъ провинцій произвело глубокое впечатлѣніе на побѣдителей, и они мало-по-малу входили въ жизнь подданныхъ прежней греческой имперіи и начали узнавать языкъ и обычаи ихъ. Моавія въ началѣ царствованія долженъ былъ бороться съ партіей Али; между тѣмъ въ Африкѣ взялъ былъ Кареагенъ, и эмиръ Акбахъ, доходившій до Атлантическаго океана, построилъ Каироанъ, оставшійся метрополіей западной Африки. Корабли арабовъ подступали подъ Константинополь, но были

отражены. При калифѣ Валидѣ Муза окончилъ покореніе Африки; посланный отъ него намѣстникъ Тарикъ покорилъ Испанію, и только мужество Карла Мартела остановило разлитіе арабскаго владычества въ западной Европѣ. Между тѣмъ покоренія продолжались на востокъ: эмиръ Котаибъ прошелъ Транзоксіану, оттуда въ Туркестанъ и установилъ резиденцію свою въ Самаркандѣ, въ сосѣдствѣ владѣній императора китайскаго; Казимъ, намѣстникъ Котаиба, вторгнулся въ Индію и овладѣлъ правымъ берегомъ рѣки Инда. Въ Малой Азіи арабы встрѣчали болѣе сопротивленія, и покореніе ея было медленно отъ гористыхъ мѣстоположеній и мужественныхъ жителей; однакожъ, арабы остались обладателями горы Тавра и части Арменіи, сосѣдственной съ Кавказомъ. Всѣ покушенія противъ Константинополя были тщетны, и сильный, многочисленный флотъ калифа Солимана былъ совершенно разбитъ греческимъ огнемъ и храбростью Леона Изаврянина. Царственный домъ Омміадовъ былъ ненавидимъ и почитаемъ за похитителей калифскаго престола; кромѣ партіи Али усилилась еще партія Аббасидовъ, приверженная къ поколѣнію Аббаса, одного изъ дядей пророка. Притязанія Аббасидовъ на престолъ произвели внутреннюю борьбу и частыя брани между черными и бѣлыми, т. е. между Аббасидами и Омміадами, кончившіяся совершеннымъ истребленіемъ Омміадовъ. Только одинъ изъ нихъ, Абдерамъ, убѣжалъ въ Африку, сыскалъ тамъ себѣ приверженцевъ и, пользуясь раздорами испанскихъ арабовъ, утвердилъ тамъ свою власть, отдѣливъ это государство вовсе отъ калифата. Домъ Омміадовъ, продолжавшійся 90 лѣтъ, окончился убіеніемъ 14-го калифа Мервана II. Аббу-Аббасъ-Абдалахъ-Эль-Сафахъ началъ рядъ калифовъ Аббасидовъ. Послѣдовавшій ему братъ его Абу-Джафаръ-Аль-Манзоръ построилъ Багдадъ и перенесъ туда столицу свою изъ Дамаска, обширнаго своего калифата, и вліяніемъ своимъ сильно двинулъ гражданственное развитіе арабовъ.

АЛЬФРЕДЪ.

НАЧАЛО ТРАГЕДІИ ИЗЪ АНГЛІЙСКОЙ ИСТОРИИ.

ДѢЙСТВІЕ I.

Народъ толпится по набережной.

Одинъ изъ народа. Ай, что ты такъ тѣснишь! Пустите хоть душу на покаянье!

Другой изъ народа. Да посторонитесь, ради Бога!

Голосъ третій. Эхъ, какъ продирается! Чего тебѣ? Ну, море, вода—больше ничего. Чтò, не видѣль (развѣ) никогда? Думаешь, такъ прямо и увидишь короля?

[Туркиль]. Ну, теперь, какъ Богъ дастъ, авось будетъ лучшее время, когда прійдетъ король. Вотъ не прогонитъ ли собакъ датчанъ?

[Другой]. Ты откуда, братъ?

[Туркиль]. Изъ графства Гертингаль, Томсъ Туркиль, сеорль.

[Другой]. Не знаю.

[Туркиль]. Бѣжалъ изъ Колдингама.

[Другой]. Знаю—гдѣ монахи сожгли. Ахъ, страхъ тамъ какой! Такого нехристіанства и отъ жидовъ, чтò распяли Христа, не было.

Женщина изъ толпы. А чтò же тамъ было?

[Другой]. А вотъ чтò. Когда узнали монахи, что уже подступаетъ Игваръ съ датчанами, которые, тетка, такой народъ, что не спустятъ ни одной женщины, будь хоть немного смазлива... дѣло женское... ну, понимаешь... такъ игу-

меня, — вотъ святая, такъ, точно, святая, — уговорила всѣхъ монахинь и сама первая изрѣзала себѣ все лицо; да, изуродовала совсѣмъ себя. И какъ увидѣли эти звѣри — нѣтъ хорошихъ лицъ, то его не оставили, а пережгли огнемъ всѣхъ монахинь.

Голосъ. Боже ты мой!

Голосъ въ толпѣ. Эхъ, англосаксы!

Другой. Сильный народъ, проклятый! конечно, нечистая сила.

[Третій]. Что, какъ въ вашемъ графствѣ?

[Первый]. Что, въ нашемъ графствѣ! Вотъ я другой мѣсяцъ обѣдни не слушалъ.

[Третій]. Какъ?

[Первый]. Всѣ церкви пусты, епископа со свѣчей не сыщешь.

[Другой]. Отъ датчанъ дурно, а отъ нашихъ еще хуже. Всякій такъ подличаетъ съ датчаниномъ, чтобы больше земли притянуть къ себѣ. А если какой-нибудь сеорль, чтобы убѣжать этой проклятой чужеземной собачьей власти, и поддастся въ покровительство тану, думая, что если платить повинности, то ужъ лучше своему, чѣмъ чужому, — еще хуже: такъ закабалить его, что и бретонъ такого рабства не знаетъ.

[Третій]. Ну, наконецъ, мы приободримся немного. Теперь у насъ, говорятъ, будетъ такой король, какъ и не бывало, — мудрый, какъ въ писаніи Давидъ.

[Третій]. Отчего-жъ онъ не здѣсь, а за моремъ?

[Другой]. А гдѣ это — за моремъ?

[Первый]. Въ городѣ, въ Римѣ.

[Третій]. Затѣмъ же тамъ онъ?

[Первый]. Тамъ онъ обучался, потому что умный городъ, и выучился, говорятъ, (онъ тамъ) всему, всему, что ни есть на свѣтѣ.

Другой голосъ. Какой городъ, ты сказалъ?

[Первый]. Римъ.

[Другой]. Не знаю.

[Первый]. Рима не знаешь? Ну, уменъ ты!

[Третій]. Да что это Римъ? Тамъ, гдѣ святѣйшій живетъ?

Первый. Ну, да. Пресвятая Дѣва! если бы мнѣ довелось побывать когда-нибудь въ Римѣ! Говорятъ, городъ больше всей Англіи и дома изъ чистаго золота.

Другой. Мнѣ не такъ Римъ, какъ бы хотѣлось увидѣть папу. Вѣдь посуди ты: выше ужъ нѣтъ никого на свѣтѣ, какъ папа. И епископъ, и самъ король ниже папы. Такой святой, что, какіе ни есть грѣхи, то можетъ отпустить.

[Первый]. Вонъ, слышишь ли? кто-то говоритъ, что видѣлъ папу.

Голосъ народа на другой сторонѣ. Ты видѣлъ папу?

Брифрикъ (изъ толпы). Видѣлъ.

[Голоса народа]. Гдѣ-жъ ты его видѣлъ?

[Брифрикъ]. Въ самомъ Римѣ.

[Голоса народа]. Ну, какъ же? Чтò онъ? Какой?

(Народъ сталкивается въ ту сторону).

Голоса. Да пустите! Ну, чего вы лѣзете? Не слышали рассказовъ глухихъ?

Брифрикъ. Я расскажу по порядку, какъ я его видѣлъ. Когда тетка моя Маркинда умерла, то оставила мнѣ всего только половину *hydes* земли. Такъ я сказалъ себѣ: «За чѣмъ тебѣ, Брифрикъ, сынъ Квикельма, обрабатывать землю, когда ты можешь оружіемъ добиться чести?» Сказавши это себѣ, я поѣхалъ кораблемъ къ французскому королю. А французскій король набиралъ себѣ дружину изъ людей самыхъ сильныхъ, чтобъ охраняли его въ случаѣ сраженія, или когда выѣдетъ куда, то и они бы выѣзжали, чтобы, если посмотрѣть, такъ хорошій видъ былъ. Когда я попросился, меня приняли. Славный народъ! Латы лучше не во сто мѣръ нашихъ. Кольчуги такія-жъ, какъ и у насъ, только не всѣ желѣзные: въ одномъ мѣстѣ—смотришь—рядъ колецъ мѣдныхъ, а въ другомъ есть и серебряныя. Мечъ при каждомъ, стрѣлъ нѣтъ, только копьѣ. Топоръ больше чѣмъ въ полпуда,—о, куда больше! А желѣзо такое... фи! то, чтò у стараго Вульфинга на бердышѣ, ни къ чорту не годится?

Вульфингъ (изъ толпы). Знай себя!

[Брифрикъ]. Вотъ мы отправились съ французскимъ королемъ въ Римъ, чтобъ папѣ почтеніе отдать. Городъ такой, что никакъ нельзя рассказать; а дома и храмы Божіи не такъ какъ у насъ строятся, что крыши вострыя, какъ копье, а вотъ круглыя совсѣмъ такъ, какъ бы натянутый лукъ, и шпировъ совсѣмъ нѣтъ. А столпы вездѣ, и такъ много и рѣзбы, и золота... великолѣпіе такое—такъ и ослѣпило глаза. Да, теперь насчетъ папы скажу. Въ одинъ вечеръ пришелъ товарищъ мой, нѣмецъ Арнуль, славный

воинъ... перстней у него и золотыхъ крестовъ, добытыхъ на войнѣ, куча, и на гитарѣ такъ славно играетъ... «Хочешь», говорить, «видѣть папу?» — «Ну, хочу». — «Такъ смотри же, завтра я приду къ тебѣ пораньше. Будетъ самъ папа служить». Пошли мы съ Арнулемъ. Народу по улицамъ—Боже ты мой! Больше, чѣмъ здѣсь. Римлянки и римляне въ такихъ нарядахъ—такъ и ослѣпило глаза. Мы протолкались на лучшее мѣсто, но и тамъ, если бы я немножко былъ ниже, то ничего бы не увидѣлъ за народомъ. Прежде всѣхъ пошли мальчишки лѣтъ десяти, со свѣчами, въ вышитыхъ золотомъ (платяхъ), и какъ вышли они—такъ и ослѣпили глаза. (А ходъ-то весь) для всѣхъ былъ высланъ краснымъ сукномъ, краснымъ, краснымъ, вотъ какъ кровь... Ей-Богу, такое красное сукно, какого я и не видалъ. Если-бъ изъ этого сукна да мнѣ верхнюю мантию, то вотъ, говорю вамъ передъ всѣми, что не только бы свой новый шлемъ, что съ камнемъ и позолотою, который вы знаете, но если бы прибавить къ этому ту сбрую, которую промѣнялъ Кеифусъ рыжій за гнѣдого коня, да бердышъ и рукавицы стараго Вульфинга и еще коня въ придачу—ей-Богу, отдалъ бы за эту мантию! Красная, красная, какъ огонь...

Голосъ въ народѣ. Чортъ знаетъ что! Ты рассказывай о папѣ, а какая нужда до твоихъ мантий!

Вульфингъ (*изъ толпы*). Хвастунъ! расхвастался!

Брифрикъ. Сейчасъ. Вотъ, вслѣдъ за ребятами пошли тѣ—какъ ихъ? Они съ одной стороны сдаютъ на епископовъ, только не епископы, а такъ, какъ наши таны, или бароны въ рясахъ, имя не помню, шепелявое какое-то имя,—то эти всѣ таны, или епископы, какъ вышли, такъ и ослѣпили глаза. А какъ показался самъ папа, то такой блескъ пошелъ—такъ и ослѣпилъ глаза. На епископахъ-то все серебряное, а на папѣ золотое. Гдѣ епископы выступаютъ, тамъ серебряный полъ, а гдѣ папа, тамъ золотой; гдѣ епископы стоятъ, тамъ серебряный полъ, а гдѣ папа, тамъ золотой.

Голосъ изъ толпы. Бровингъ, корабль! ей-Богу, корабль!

(*Всѣ бросаются, Брифрикъ первый, и тѣснятся уще около набережной*).

Голоса въ толпѣ. Да ну, стой, ради Бога!—Задавили!—Да дайте хоть назадъ выбраться.

Голосъ женщины. Ай, ай! косолапый медвѣдь, руку выломилъ! Ой, пропусти! Кто въ Христа вѣруеть, пропустите!

Брифрикъ (*оборачиваясь*). Чего лѣзешь на плечи? Развѣ я тебѣ лошадь верховая? Гдѣ-жъ король? Гдѣ-жъ корабль? Экая тѣснота!

Голосъ въ народѣ. Да нѣтъ корабля никакого!

[Голосъ изъ толпы]. Кто выдумалъ, что король ѣдетъ?

[Голосъ въ народѣ]. Да кто же? ты говоришь!

[Голосъ изъ толпы]. И не думалъ.

[Голоса въ народѣ]. Да кто-жъ сказалъ, что король?— Джонъ Шпингъ сказалъ, что король ѣдетъ.—Эй, Шпингъ, зачѣмъ ты сказалъ, что король ѣдетъ?

[Шпингъ]. Ей-Богу, любезный народъ, совсѣмъ было похоже на корабль!

[Брифрикъ]. Впередъ молчи, дуракъ, если не хочешь самъ поплыть.

Старуха (*пролзая впередъ*). Нашли, чего толпиться! И куда? Вѣдь никого нѣтъ.

[Брифрикъ]. А, Кудредъ! Откудова, пріятель?

[Кудредъ]. Изъ дому.

[Брифрикъ]. Короля видѣть пришелъ?

[Кудредъ]. И побольше чѣмъ видѣть.

[Брифрикъ]. А что еще.

[Кудредъ]. Жалобу прямо самому королю.

[Брифрикъ]. На кого.

[Кудредъ]. На королевскаго тана Этельбальда.

[Брифрикъ]. Ты шутишь, братецъ?

[Кудредъ]. Нѣтъ, не шучу.

Голоса въ народѣ. Вишь, на Этельбальда жалуется!—Онъ сошелъ съ ума.—Да онъ вѣдь сильнѣе всѣхъ въ королевствѣ.—Войска и богатства у него больше, чѣмъ у короля.

Эгбертъ. Кто несетъ жалобу на Этельбальда, тотъ подай мнѣ руку; хотя ты и простой сеорлъ, а я танъ, но я пожимаю, потому что ты честный человекъ. Я тебѣ буду помогать.

Кисса. Эй, другъ, напрасно ты связываешься съ... А я расскажу королю, что ты жидъ, а не христіанинъ, язычникъ скверный, что ты никогда не крестишься. Я знаю, кому ты молишься; у тебя на дому есть деревянный болванъ, ты ему цѣлуешь руки, язычникъ скверный! Тебѣ нужно монастырское покаяніе, если не...

Брифрикъ. За что-жъ жалуешься?

[Кудредь]. За что?—Этельбальдъ, хоть и королевскихъ тановъ всѣхъ старше, но подлецъ и мошенникъ. Когда датчане ворвались въ Вессексъ и начали грабить, я прибѣгнулъ къ нему, свиньѣ. Думалъ: онъ богачъ и столько имѣетъ земли, что зачѣмъ ему бы обижать меня. Я общался ему, если надобность, первому явиться въ его войскъ и лошадь привести свою и все вооруженіе мое... А онъ, мошенникъ, какъ только датчане ушли, совсѣмъ зачислилъ меня въ свои рабы. За что я долженъ ему мостить чертовскій мостъ къ его замку и на моихъ двухъ лошадяхъ, самыхъ благородныхъ, возить фашиинникъ? А теперь, когда я отлучился по надобности въ графство Гексганъ, онъ взялъ мою собственную землю, родительскую землю, которой было у меня больше двухъ гидесъ, и отдалъ въ ленъ какому-то; а мнѣ отдалъ двадцать шаговъ песчанику за кладбищемъ. «Вотъ тебѣ», говоритъ, «земля!» Да развѣ я, старый плутъ, рабъ твой? Я вольный, я сеорль. Я, если-бъ только захотѣлъ, прикупилъ еще два hydes земли, да выстроилъ церковь и домъ,—я бы самъ былъ таномъ! Никто, по законамъ англосакскимъ, не можетъ обидѣть и закабалить вольнаго человѣка. Развѣ я сдѣлалъ какое преступленіе?

[Брифрикъ]. Да ходилъ ли ты съ жалобою въ нашъ ширгемотъ?

[Кудредь]. Подлецы! всѣ держатъ его сторону.

[Брифрикъ]. Ну, да все-таки какъ же порѣшили?

[Кудредь]. Вотъ, на тебѣ бумагу, если ты прочтешь.

[Брифрикъ]. Что ты? Такъ у васъ судьи пишутъ? Слышь, ты, народъ? писанная бумага! У насъ во всемъ ширствѣ, да и [во всемъ] Вестъ-Вессексѣ, ни одинъ ширъ, ни алдерманъ не умѣетъ писать. Вишь ты, какія каракульки! Тутъ гдѣ-нибудь должно быть А В С, я ужъ знаю: меня было начиналъ учить одинъ церковникъ.

Туркиль (*Вульфину*). Я думаю, нѣтъ мудренѣе науки, какъ письмо.

[Вульфингъ]. Попы все-таки прочтутъ.

Брифрикъ (*обращаясь къ Киссѣ*). Высокородный танъ, прочти-ка; ты, вѣрно, знаешь?

Кисса. Поди прочь! я тебѣ не пошъ.

Гунтингъ. Давай, я прочту.

Туркиль. Кто онъ?

Вульфингъ. Не знаю.

Голосъ. Это, видишь, тотъ, что былъ школьнымъ учителемъ. Да теперь датчане разорили школу.

[Гунтингъ читаетъ.] «Да будетъ вѣдомо: Schirgemot Агельмостангъ, въ графствѣ Герефортъ, во время царствованія Этельреда, гдѣ...»

[Голосъ.] А, при покойномъ королѣ! Храбрый былъ король, всю жизнь бился съ этими мерзкими датчанами.

[Гунтингъ (продолжаетъ).] «...гдѣ засѣдали: Дунстанъ, епископъ, Кеолрикъ, алдерманъ, Варвикъ, его сынъ, и Эсквинъ, сынъ Центвина, и Туркиль-косоглазый, какъ комиссары короля, засѣдали...»

Вульфингъ. Слышишь, Туркиль? это ты!

Туркиль. Развѣ я косоглазый?

[Гунтингъ (продолжаетъ).] «...въ присутствіи Брининга, шерифа, Агельварда де-Фрома, Леофина де-Фрома черного, Годрига де-Штока и всѣхъ тановъ графства Герефорта, Кудредъ, сынъ Эгвиновъ, представилъ суду противъ высокороднаго графа и тана королевства въ томъ, что якобы онъ, Кудредъ, отъ него, высокороднаго графа Этельбальда...»

Въ народѣ крикъ и давка. Пусти, пусти! — Куда теперь сторониться? — Батюшки, батюшки, тресну! Со всѣхъ сторонъ придавили!

Высокій (болтаетъ сверху руками). Что эти бабы лѣзутъ? Желаль...

Брифрикъ. Чего народъ лѣзетъ? (*Продирается*).

[Кто-то въ толпѣ.] Да взбѣленился, просто: никого нѣтъ. Какой-то дуракъ опять пронесъ, что корабль показался...

Кричитъ Кудредъ. Бумагу, бумагу, бумагу дай!.. Экій трусъ, изорвалъ!

Кисса. Да кто сказалъ, что король ѣдетъ?

[Голоса.] Я не говорилъ.—Я не говорилъ.—Опять, вѣрно, Шпингъ.

Шпингъ. Нѣтъ, высокородный танъ, и языкомъ не ворошилъ.

Брифрикъ. Ей-Богу, глухой народъ! Ну, что, хоть бы и въ самомъ дѣлѣ былъ король?

Вульфингъ. А самъ, небось, первый полѣзъ.

Брифрикъ. Что-жъ? только посмотреть.

Одинъ изъ народа. Вотъ таны поѣхали на лошадахъ. Это, вѣрно, встрѣчать короля.

Рыцарь на лошади. Дорогу, дорогу! Народъ, посторонись!

[Эгбертъ]. Кому дорогу?

[Рыцарь]. Посторонись, говорятъ тебѣ. Дорогу королевскому тану Этельбальду!

Эгбертъ. Отнеси ему эту пощечину. (*Бьетъ его и убегаетъ*).

Рыцарь (*кричитъ*). Мы увидимся, проклятый длинно-рукій чортъ!

[Вульфингъ]. Вонъ поѣхалъ графъ Эдвигъ. Видѣлъ?

[Туркиль]. Видѣлъ. Славное вооруженіе.

[Вульфингъ]. Вонъ Этельбальдъ. Гляди, какой около него строй стоитъ: въ толпѣ рыцарей, какъ въ лѣсу. Эхъ, какъ одѣты славно! Какія кирасы, щиты! Ей-Богу, если-бъ хотѣли, побили датчанъ.

[Туркиль]. Отчего-жъ не хотятъ?

[Вульфингъ]. А такъ; сами держатъ руку непріятелей.

[Туркиль]. Ну, вотъ!

[Вульфингъ]. Почему-жъ не побить? Вѣдь нашихъ впятеро будетъ больше. Если собрать всѣхъ саксоновъ и англовъ, то однихъ всадниковъ будетъ на всю дорогу отъ Лондона до Йорка; а датчанъ всѣхъ-на-всѣхъ трехъ тысячъ не будетъ.

[Туркиль]. Э, любезный пріятель мой! какъ твое имя? Вульфингъ?

[Вульфингъ]. Вульфингъ.

[Туркиль]. Такъ будемъ пріятелями.

[Вульфингъ]. Вотъ тебѣ рука моя.

[Туркиль]. Не говори этого, любезный Вульфингъ: имъ помогаетъ нечистая сила,—тотъ самый сатана, о которомъ читалъ намъ въ церкви священникъ, что искушаетъ людей. Они, братъ, море заговариваютъ: вдругъ изъ бурнаго сдѣлается тихо, какъ ребенокъ; а захотятъ — начнетъ вѣть, какъ волкъ. Наши всадники давно бы совладали съ ними... Народъ опять стѣснился, да и сами таны махаютъ шапками. Посмотримъ: вѣрно, король, наконецъ, ѣдетъ.

Голосъ въ народѣ. Ну, теперь корабль, такъ корабль!

Туркиль. Опять пошла тѣснота.

Голоса. Корабль съ тремя вѣтрилами! — Зачѣмъ дерешься?—Не лѣзь впередъ!

[Вульфингъ]. Вотъ и люди, какъ мухи, стоятъ на палубѣ.

[Туркиль]. А что-жъ не видно короля?

[Вульфингъ]. Гдѣ-жъ теперь его увидишь? Людей многое множество. Вонъ что-то блеснуло передъ солнцемъ.

[Туркиль]. Скоро идетъ корабль; видно, что заморской работы: вонъ какъ окошечки блестятъ! У насъ такихъ кораблей нѣтъ!

[Вульфингъ]. Это долженъ быть, что блеститъ, танъ.

[Туркиль]. Нѣтъ, вонъ тотъ больше блеститъ. Смотри, какой шлемъ, какое богатое убранство.

[Вульфингъ]. Это все тѣ таны, что поѣхали за нимъ въ Римъ съ посольствомъ.

[Туркиль]. Гдѣ-жъ король? Вѣдь король въ коронѣ?

Вульфингъ. Да еще не короновался.

[Туркиль]. А вонъ снялъ шляпу... Таны машутъ... Вивать, король!

Весь берегъ кричитъ: Вивать, король! Здравствуй, король!

Воины вновь машутъ.

[Туркиль]. Здравствуй, король!

Народъ. Здравствуй, король!

Всадникъ на лошади. Разступись, народъ! (*Машетъ алебардой*).

Народъ пятится. *Прижатые кричатъ: Что онъ такъ кричитъ? Кто это?*

[Туркиль]. Танъ Кенульфъ, сынъ Эгальдовъ, танъ изъ Мидльсекса, славный воинъ.

(Корабль подходитъ къ самому берегу. За столпившимся народомъ видны только головы).

Альфредъ (*сходя съ корабля*). Здравствуйте, добрые мои подданные!

[Народъ]. Здравствуй, король! Вивать!

(Король и свита поднимаются на лошадей въ народъ).

Народъ. Вивать, вивать, король!

Альфредъ. Благодарю, благодарю васъ, мои добрые. Я самъ не менѣ радъ видѣть васъ и мою отцовскую землю Англосаксію.

Эгбертъ. Слышишь? Англосаксію! Опъ, вѣрно, не знаетъ, что Мерси и Эстъ-Англъ ужъ не наши.

(Король утѣшаетъ. Таны и народъ съ восклицаніями тянутся за нимъ).

[Вульфингъ]. Молодецъ король — видный, рослый, лучше всѣхъ! Какъ онъ славно выступалъ, славно... Я думаю, латы его стоять больше, чѣмъ твоя жизнь.

[Эгбертъ]. Пойдемъ, посмотримъ.

[Туркиль]. Пстой, зачѣмъ же итти? Намъ за ними не

угнаться: они на лошадяхъ и во всю рысь поѣдутъ въ Йоркъ.

[Вульфингъ]. Отчего же не въ Лондонъ?

[Туркиль]. Видишь, въ Лондонѣ приготовить все, какъ слѣдуетъ, а когда приготовятъ, тогда и онъ поѣдетъ.

Эгбертъ (*возвращаясь*). Нѣтъ, я не хочу быть послѣднимъ. Я такой же танъ. У меня тоже было въ услуженнѣ 16 тановъ Sith, ситкундменовъ. Правда, я потерялъ много въ войну, у меня теперь нѣтъ этого; но я защищалъ землю нашу. Отчего графъ Эдвигъ, Кенульфъ, не говоря ужъ о собакахъ Этельбальдѣ, молокососъ сынъ его, рыжебородый Киль,—почему они имѣютъ право провожать короля въ первомъ ряду? Отчего я долженъ слѣдовать еще за двумя танами? Я хотѣлъ было сбить съ сѣдла копьемъ плута Килия, да не хотѣлъ только сдѣлать этого при королѣ.

Кисса. Дьяволъ ему на шею! Я радъ, по крайней мѣрѣ, что король пріѣхалъ. Датчанъ — опять за море, завоюемъ опять Эстъ-Англь, Мерси и Нортгумберландъ также: хоть и разоренная страна, однакоже, есть добрыя земли для скота и для пашень.

[Эгбертъ]. Мнѣ король понравился — добрый молодецъ! Пойду къ нему прямо и суну ему руку, по древнему саксонскому обычаю. Скажу: «Король, вотъ тебѣ рука! при первой надобности, всегда привожу 14 тебѣ всадниковъ, вооруженныхъ, съ добрыми конями, и самъ пятнадцатый; а надежный ли человекъ?—вонъ, гляди, сколько рубцовъ у меня!» Пойдемъ, Кисса, выпьемъ его здоровье. Эй, Кудредъ! тебѣ обидно на Этельбальда. Будь завтра въ Лондонѣ, спроси тана Эгберта, тана изъ графства Сомерсетскаго. Меня знаютъ.

Кудредъ. Ну, теперь, я думаю, король укротитъ немного тановъ.

[Вульфингъ]. Да чтò-жъ король? Вѣдь король не можетъ сказать тану: «Отдай такую-то землю, я тебѣ приказываю». Чтò скажетъ витенагемоть?

[Кудредъ]. Да безпорядковъ, вѣрно, будетъ меньше. Чтò ни скажетъ, а все будетъ лучше. По крайней мѣрѣ, можно будетъ по дорогѣ пройти безопасно. Чѣмъ живешь, Вульфингъ?

[Вульфингъ]. Одинъ hydes земли держу отъ тана.

[Кудредъ]. (Платишь хлѣбомъ?)

[Вульфингъ]. Нѣтъ, еще никогда не мараль рукъ своихъ въ землѣ.

[Кудредъ]. Кто-жъ ты?

[Вульфингъ]. Пастухъ. Шестъ десятковъ овецъ и три десятка рогатой скотины моей собственной выгоняю на Гельгудскую пажить. Если же хочешь, пришлецъ, отдохни у меня. Ты будешь ѣсть сыръ и молоко, какихъ не сыщешь во всемъ Бессексѣ. А завтра раннимъ утромъ мы отправимся въ Лондонъ смотрѣть королевскій праздникъ. Гляди: чего народъ опять смотритъ? Чего вы, храбрые мужи, столпились?

Голосъ въ народѣ. Корабль, опять корабль!

[Вульфингъ]. Въ самомъ дѣлѣ корабль! Что-жъ это? Вѣрно, тоже королевская свита?

Туркиль. Вишь, это уже не такой! Мачта и паруса со всѣмъ не такъ сдѣланы. Постой, разсмотрѣть поближе: и народъ какъ будто не такъ одѣтъ.

Одинъ изъ толпы, всплескивая руками. Саксонцы! убѣжимъ, убѣжимъ!

Кудредъ. Что такое?

[Туркиль]. Морской король!

[Кудредъ]. Нѣтъ, что ты?

Туркиль. Какъ христіанинъ, не лгу! Развѣ вы не видите, что датскій корабль?

Народъ. Ай, народъ, точно—датчане! Вонъ машутъ, чтобы остались! Да, какъ бы не такъ! Бѣжимъ, друзья!

(Всѣ въ безпорядкѣ убѣгаютъ).

(Корабль виденъ у берега. Руальдъ виситъ на мачтѣ).

Голосъ Губбо. Перекидай канатъ.

Руальдъ *(сверху)*. Кормщикъ, бери ниже: тамъ мель.

(Нормандъ плыветъ съ канатомъ въ зубахъ).

Руальдъ. Еще ниже, еще ниже. А, народъ проклятый! весь разбѣжался. Теперь прямо. Нормандъ, хватай крюкомъ.

[Нормандъ]. Стой!

Губбо *(выходитъ съ корабля)*. Ну, вотъ мы и въ Англіи. Тащите старшую лодку на берегъ. *(Вытаскиваютъ лодку).*

Губбо. Что, мои храбрые берсеркеры, дожидаться ли намъ Ингвара, или теперь налетѣть и окропить наши доспѣхи алою, какъ вечерняя заря, передъ бурнымъ вечеромъ зари, кровью саксонцевъ, а?

[Воины]. Наши копья готовы!

[Руальдъ]. Не лучше ли, король мой Губбо, послать провѣдать и узнать о числѣ непріятелей?

[Губбо]. Это ты, Руальдъ, говоришь? Тебя, вѣрно, не море пеленало. За эти слова тебя стоить вышвырнуть въ море. «Какой храбрый, когда спрашиваетъ о числѣ?» говорилъ отецъ мой Лодбродъ, побѣдившій на 33 сраженіяхъ.

[Руальдъ]. Губбо, сынъ Лодбродовъ! ты меня укоряешь трусостью. Когда же мы вмѣстѣ съ братомъ Гримуальдомъ срамили себя предъ дружиною? Развѣ я когда-нибудь въ жизни грѣлся у очага, или спалъ подъ крышей? Развѣ платье мое на мачтѣ сушилось, а не на мнѣ?

[Губбо]. Прости, Руальдъ. Братъ твой Гримуальдъ былъ славный воинъ. Мы лишились, други, храброго товарища. Великій Оденъ! какая была буря и битва! Вѣтеръ оборвалъ... наши платья, и морскія брызги насъ... Капли сыпались на лицо наше... Клянусь моимъ мечомъ и копьемъ, ничего бы не пожалѣлъ за такую участь! Завидная участь! Теперь Гримуальдъ пируетъ съ легиономъ храбрыхъ; самъ Оденъ наливаетъ ему чашу изъ широкаго черепа и говоритъ ему: «А сколько ты, Гримуальдъ, получилъ ранъ на послѣдней битвѣ?»—«Ранъ 17 и 4», отвѣчаетъ ему Гримуальдъ, «сильный воинъ».—«Вотъ тебѣ, Гримуальдъ, безсмертныя лани, съ лоснящеюся, какъ серебро, шерстью! Веселись, храбрый витязь, поражая ихъ далеко достаемымъ копьемъ».—Слушай, Стемидъ, теперь [не] время; но когда будемъ пировать на покрытыхъ пылью саксонскихъ трупахъ и зажжемъ альбіонскіе дубы, ты спой намъ пѣсню о подвигахъ Гримуальда. Знаешь, какую пѣсню?—такую, чтобы въ груди все встрепенулось—отвага, самое бѣшеное веселье, и руки схватились за рукоятки мечей. Но слѣдуетъ теперь сказать вамъ, мои товарищи, что мы будемъ дѣлать. Англія—земля хорошая: скота, пажитей и земель въ ней много. Въ Нортумберландѣ и въ Мерси, гдѣ уже поселились соотечественники наши, жители бѣдны; но здѣсь жилища, а болѣе всего церкви очень богаты, и золота въ нихъ много. Каждому достанется на золотую цѣпь. Мечи у англосаксовъ славные; они достаютъ ихъ издалека. Мы можемъ тутъ себѣ выбрать любые мечи и копья, и все вооруженіе. А еще я скажу теперь такое, что больше всего нравится, товарищи, и мнѣ, и вамъ: это англосаксонскія дѣвы, бѣлизною лица, какъ наши скандинавскія снѣга, окропленные алою кровью

молодыхъ ланей. Но стойте, товарищи: въ Англіи воиновъ, которые станутъ подъ мечомъ и копьемъ на коняхъ, несмѣтное множество. Только изъ нихъ Одень никого не приметъ въ Валгалу къ себѣ, потому что они презрѣнные христіане. Помните и то, что нынѣ будутъ наши соотечественники, и какъ только нападёмъ съ одной стороны, они упадутъ съ другой.

[Одинъ изъ воиновъ]. Видите ли, какъ тутъ хорошо и тепло? Въ нашей Скандинавіи нѣтъ этого. Тутъ зимы всего только два мѣсяца.

Руальдъ. Я себѣ отвоюю лучший замокъ во всей Англіи. Девять десятковъ англосаксонскихъ рабовъ будетъ прислуживать мнѣ за чашею пиршества.

[Одинъ изъ воиновъ]. Что, конунгъ Губбо, правда ли, что есть гдѣ-то земля еще теплѣе?

[Губбо]. Есть.

[Одинъ изъ воиновъ]. И что зимы совсѣмъ не бываетъ?

Губбо. Ну, этого нѣтъ, чтобы зимы совсѣмъ не было; зима есть. Нужно, однакожь, попробовать. Мы съ тобою, Элгадъ, пустимся потомъ далѣе, — скучно долго жить на одномъ мѣстѣ, — чтобы и тамъ, по ту сторону океана, вспоминали насъ въ пѣсняхъ. Клянусь всей моей сѣруей, приѣдемъ оттуда на вызолоченномъ кораблѣ; красная какъ огонь мантия, и вся будетъ убрана дорогими камнями; шлемъ... крыло на немъ будетъ, какъ вечерняя звѣзда, сіять. Потомъ приѣду къ первой царевнѣ въ мірѣ, скажу: «Прекрасная царевна, я король, пришелъ, горя любовью къ твоимъ голубымъ очамъ. Его рука поразила сто и сто десятковъ витязей; и приѣхалъ король Губбо взять тебя этою самою рукой вмѣстѣ съ приданымъ, которое приготовилъ тебѣ престарѣлый отецъ твой».

[Воины]. Вивать, король Губбо!

[Губбо]. Вивать и вы, товарищи! Теперь идемъ. Вы два, Авлугъ и Ролло, оставайтесь беречь лодки. А мы — никому не спускать и насыщать кровью мечи наши, пока есть!...

Альфредъ (*окруженный танами и графами королевства*). Благодарю, благодарю васъ, благородные тапы, за ваше поздравленіе. Я надѣюсь, что вы окажете, съ своей стороны, мнѣ всякую помощь, разогнать варварство и невѣжество,

въ которомъ тяготѣетъ англосакская нація.

Графъ Эдвигъ. Я всегда готовъ. 50 вооруженныхъ всадниковъ всякую минуту можешь требовать, государь.

Графъ Этельвальдъ. Рука моя и моихъ 80 вассаловъ принадлежитъ тебѣ, государь мой.

Сифредъ. Всякое законное требованіе государя готовъ выполнить. 20 конныхъ и 140 пѣшихъ стрѣлковъ!

Клеобальдъ. Въ моей странѣ лошадей мало, но пѣшихъ, сколько могу собрать...

Альфредъ. Вы ошибаетесь, друзья: не этой помощи я требовалъ отъ васъ, на которую, конечно, имѣю всегда право. Но я разумѣлъ о томъ благодѣтельномъ просвѣщеніи, котораго нѣтъ въ Англіи; я васъ просилъ способствовать мнѣ научить англосаксовъ, искоренить грубость нравовъ, которая, какъ старая кора, пристала къ нимъ.

(Таны въ безмолвіи. Нѣкоторые разставляютъ руки, разсуждая, что это значитъ).

Эдвигъ. Какъ же, государь, ты говоришь, что англѣ и саксы грубы? Да вѣдь они покорили Англію!

Альфредъ. Ну, противъ этого мнѣ ничего не остается говорить. Этотъ, кажется, кромѣ войны и думать ни о чемъ не хочетъ. Видѣлъ ли ты, Эдвигъ, своего сына?

Эдвигъ. Видѣлъ, государь.

Альфредъ. Что-жъ, какъ нашелъ его?

Эдвигъ. Хорошъ малый, да чуть ли къ чернокожию не пристрастенъ и копьемъ плохо владѣетъ.

Альфредъ. Нѣтъ, Эдвигъ, ты долженъ благодарить Бога за такого сына. Этотъ день побудь съ нимъ, а завтра пришли ко мнѣ. Мы съ нимъ были друзья во всю бытность въ Римѣ. Давно не видѣлъ я Англіи. Прежнее время свое какъ сквозь сонъ помню. Вѣдь тутъ должны уцѣлѣть еще остатки римскихъ памятниковъ. Существуетъ ли та стѣна, которую выстроилъ императоръ Константинъ въ Лондонѣ, и бани, вы[строенныя] близъ Тюрка римлянами?

Эдвигъ. Не знаю, государь, о какихъ ты римлянахъ говоришь.

Альфредъ. Римляне—народъ, который завоевалъ Англію и которому были подвластны бритты.

Эдвигъ. Бритты были, это правда; а римлянъ, государь, никакихъ не было.

Альфредъ. Ты не знаешь, потому что не читалъ. Рим-

ляне были народъ великій; они покорили весь міръ, и въ томъ числѣ бриттовъ.

[Эдвигъ]. Воля твоя, король, римляне и живутъ въ Римѣ. Нѣтъ, король, это тебѣ солгали. У насъ есть старики, которые помнятъ, какъ покорили саксы, народъ, котораго храбрѣе еще никого не было,—и тѣ говорятъ, что были здѣсь только бритты.

[Альфредъ]. Ну, объ этомъ тоже нечего долго толковать. Хороши наши таны! Я, любезные, хочу слышать отчетъ объ нынѣшнемъ положеніи государства и о всѣхъ происшествіяхъ, бывшихъ безъ меня, по кончинѣ брата моего Этельреда. Объ отдыхѣ моемъ не беспокойтесь; отдохнуть я успѣю. Ты, Этельбальдъ, такъ какъ старшій въ государствѣ и первый совѣтникъ въ витенагемотѣ, расскажи мнѣ подробно все.

[Этельбальдъ]. Все хорошо, государь; со стороны датчанъ только худо. Впрочемъ, дорога отъ Йорка до Лондона исправлена и была мощена все время; звѣринецъ твой въ исправности; всѣ королевскія твои латы, щиты отцовскіе и добытые покойнымъ братомъ твоимъ Этельредомъ я сохранилъ въ исправности.

[Эдвигъ]. Вретъ, старый медвѣдь: лучшее копье стянулъ себѣ.

[Альфредъ]. Ты, Этельбальдъ, говоришь о моемъ хозяйствѣ. Это дѣло пустое. Я просилъ тебя рассказать, какъ государство, въ какомъ положеніи?

Графъ Эдвигъ. Въ гадкомъ положеніи государство; сеорлы и бретонскіе рабы ничего не выплачиваютъ, поля очень опустошены датчанами; не на что вооружить рыцаря, лошади—мерзость.

[Альфредъ]. Зачѣмъ вы позволили датчанамъ взять Мерси и Эстъ-Англию?

[Эдвигъ]. Что же дѣлать, король? Покойный король, братъ твой, храбро сражался, да сильнѣе перетянула сила. Они знаютъ съ дьяволомъ; съ ними изъ моря приходятъ морскія чудовища.

[Альфредъ]. Братъ мой Этельредъ сражался, какъ должно славному, доблестному саксонцу; но вы были виною; непокорность вассаловъ была причиною.

Сифредъ. Если-бъ я имѣлъ землю въ Эстъ-Англии или Мерси, я бы защищалъ ее моею рукою и руками моихъ вассаловъ; но у меня свои земли есть.

Альфредъ. Да умѣли ли вы свои защитить? Отчего по всей дорогѣ, которой мы ѣхали, пустыя пажити и двѣ развалившіяся церкви? Малолюдный гирдь датчанъ издѣвался надъ вами, а вы, хорошо вооруженные и христіане, могли вынести это?

[Окружающіе]. Браво, король! Вотъ король! Прозорливъ, какъ горный орелъ! Такого намъ нужно короля!

[Сифредъ]. Я никогда не былъ безчестнымъ и всегда готовъ, и если бы графъ Мидльсексъ не поссорился со мною, я бы не выпустилъ датчанъ: и Вессексъ, и его бы владѣнія спасти.

[Альфредъ]. И виною вы же, вы черезъ свои мелкія ссоры! Мнѣ очень не нравится это ваше феодальное обыкновеніе; Богъ знаетъ, что такое! Всякій управляетъ, какъ ему хочется, высшему не повинуются, между собою несогласны. [Въ] государствѣ должно быть такъ, какъ въ римской имперіи: государь долженъ повелѣвать всѣмъ по своему усмотрѣнію, какъ ему захочется.

Одонъ (*потупляетъ глаза*). Гм! я что-то не вполне понялъ это. Вѣдь англосакскій всякій танъ—вольный и свободный человѣкъ, развѣ возьметъ землю собственно отъ короля.

[Альфредъ]. Отчего я не вижу здѣсь ни одного епископа? Одинъ только дряхлый старикъ и вышелъ меня встрѣтить.

[Одонъ]. Епископъ вессекскій убитъ во время войны съ датчанами, а Адельстанъ изъ Кента умеръ.

[Альфредъ]. И никто не позаботился о томъ, чтобы избрать на мѣсто!

Арвальдъ. Нѣтъ, король, въ томъ нѣтъ намъ укоризны. Всѣ таны нарочно собрались, но некого было избрать: не нашли такого, который могъ бы читать Святое Письмо.

[Альфредъ]. Будто ужъ въ Англіи нѣтъ ни одного священника, умѣющаго читать? Вѣдь еще отцомъ Этельвульфомъ заведена была коллегія.

[Сифредъ]. Коллегіи давно ужъ нѣтъ.

[Альфредъ]. Гдѣ же она?

[Сифредъ]. Сожжена датчанами.

[Альфредъ]. Опять датчане! Да что это за бичъ такой—датчане? Или Англія состоитъ вся изъ трусовъ, или въ самомъ дѣлѣ датчане... (*Входитъ вѣстникъ*). Что это за человѣкъ? Что ты?

[Вѣстникъ]. Король!

[Альфредъ]. Что?

[Вѣстникъ]. Датчане ворвались и грабятъ Лондонъ.

Король (*съ изумленіемъ*). Какъ легки на поминъ! Ну, господи таны и графы, намъ приходится сію минуту думать о вооруженіи. Нечего дѣлать, нужно все отложить въ сторону.

[Эдвигъ]. Я готовъ; всѣ вассалы при мнѣ, государь.

Этельбальдъ. Для тебя, государь, все радъ принести.

Арвальдъ. Въ одну минуту буду снаряженъ. (*Уходитъ*).

[Альфредъ]. Да, шумно начинается мое царствованіе! Дайте же и вы всѣ, благородные таны, клятву: ни пади земли не уступить датчанамъ!

[Таны]. Спасителемъ Іисусомъ и Дѣвой Маріей клянемся!

[Альфредъ]. Идемъ и сейчасъ на коней! Но прежде я хочу осмотрѣть войска ваши. Ну, король, яви теперь дѣятельность души. Вотъ тебѣ то поле, которое ты рвался воздѣлать! Много работы предстоитъ. Страшная перспектива: внести туда пламенный огонь наукъ и познаній, гдѣ ихъ въ поминъ нѣтъ, гдѣ нѣтъ букваря во всемъ государствѣ; подвести подъ законы и укротить своевольное неустройство этихъ безпокойныхъ магнатовъ государства, глядящихъ лѣснымъ [звѣремъ]; а вдобавокъ и на плечахъ непріятель. Дай, Боже, силы! (*Уходитъ*).

Цеолинъ. Какъ мнѣ нравится король!

Эдринъ. Ты не знаешь его еще, Цеолинъ, хорошо: это Богъ, (а не человекъ).

Эдринъ. Что, Кедалла, у тебя всѣ вооружены?

[Кедалла]. Всѣ.

[Эдвигъ]. Что, король? Вѣдь, кажется, молодецъ?

[Кедалла]. Да, кажется, храбръ; да что-то такъ...

[Эдвигъ]. Что?

Кедалла. Мудреный что-то.

ДѢЙСТВІЕ II.

Альфредъ, графъ Этельбальдъ, графъ Эдвигъ, Цеолинъ и Кедалла
(*съ толпою воиновъ, входятъ на сцену*).

Альфредъ. Мнѣ еще не вѣрится, чтобы мы были побѣждены. Горсть, разбойничья шайка, не болѣе, — и передъ этой шайкой не могли устоять пятнадцать тысячъ всадниковъ и цвѣтъ саксонской націи, и 90 тысячъ иѣвшихъ. — Что скажете вы на это, столпы этой націи, благородные таны?

Графъ Эдвигъ. Король, распусти насъ. Я соберу всѣхъ слугъ своего замка, самъ выгоню моихъ вассаловъ. Пусть каждый сдѣлаетъ то же.

[Альфредъ]. Графъ, ты сѣдъ волосомъ и даешь такой совѣтъ! Нѣтъ, благородные таны, все теперь зависитъ отъ насъ самихъ и отъ нашей рѣшительности. Уступимъ — мы потеряемъ все, возрастимъ гордость непріятельскую; клянусь, мы имъ дадимъ и увѣренность въ ихъ непобѣдимость — и тогда, кто противъ нихъ? Вы видѣли, какъ они неслись въ битвѣ. Одинъ шагъ назадъ — и дерзость ихъ возрастетъ, какъ Голиаѳъ. Бароны, одно намъ средство. Здѣсь нечего думать о жизни. Съ этими же самыми силами обратимъ отступление въ нападеніе, покаместъ не узнала о нашемъ пораженіи нація.

[Кедовалла]. Король, ты видѣлъ самъ, что наша храбрость не заслужила упрека. Я никогда не думалъ о своей жизни; но, клянусь Пресвятой Матерью, за нихъ стоитъ демонъ! Я видѣлъ самъ, какъ его темный образъ мчался рядомъ съ этимъ непобѣдимымъ Губбо. Мои вассалы въ первый разъ поблѣднѣли отъ страха.

[Альфредъ]. Какое черное невѣжество вѣетъ отъ Кедовалла!.. Тебя, я знаю, не увѣришь, потому что твоя душа (зачерствѣла) въ старой корѣ. Но, таны, какъ видно, что недавно приняли христіанскую вѣру и не смыслите ничего въ ней! Вы испугались злого духа: развѣ злой духъ можетъ устоять противъ Бога? развѣ есть что на свѣтѣ больше христіанскаго Бога? Вы видѣли, съ какимъ крикомъ и устремл[еннымъ] копьемъ стремились въ наши ряды эти морскіе люди, — а отчего? потому что призывали поминутно языческаго бога ихъ Одена, который пылъ и прахъ предъ Богомъ христіанскимъ. А вы не надѣетесь. Какіе вы христіане? За васъ Христосъ и Пресвятая Дѣва... (*Король идетъ*). Ни двухъ шаговъ земли датчанамъ!

Часть народа и всадниковъ (*бѣжитъ*). Король, датчане гонятся!

[Альфредъ]. Стой! Всѣ таны, ни съ мѣста! Далеко датчане?

[Часть народа и всадниковъ]. По пятамъ нашимъ (*летятъ*).

[Альфредъ]. Во имя Святой Маріи, не подавайся, какъ кельданскія скалы!

(Врывается на сцену дружина датчанъ. Саксонцы встрѣчаютъ копьями. Начинается сѣча).

Губбо. Сыны Одена! не полонъ будетъ пиръ нашъ, если не сокрушимъ англосаксовъ.

[Альфредъ]. Англосаксы! не забывайте: съ нами Христосъ и Марія!

Губбо. Ринальдъ, Ринальдъ! тихо гремитъ твой мечъ! Мало искръ вышибаетъ твое копье изъ непріятельскихъ латъ!

Ринальдъ. Нѣтъ, король Губбо, кровь отъ вражескихъ труповъ отуманиваетъ твой взоръ. Оденъ! готовъ мнѣ мѣсто въ Валгалѣ.

Альфредъ. Христіане, крѣпитесь! Святой Георгій на бѣломъ (конѣ) за насъ.

Губбо. Оденъ! рука моя дымится кровью, а Ингвара нѣтъ со мною. Ринальдъ, Ринальдъ! зачѣмъ избить шлемъ твой?.. Не дрожатъ ли твои перси?

[Ринальдъ]. Еще станетъ, король мой Губбо!.. Вотъ тебѣ, собака! Сыны Одена доставятъ череповъ на пиршественныя чаши.

[Альфредъ]. За Марію, за Христа, англосаксы!

[Губбо]. Уста мои запеклись, языкъ сохнетъ, а Ингваръ мой не летитъ на помощь.

[Ринальдъ]. Оденъ! готовъ мнѣ мѣсто въ Валгалѣ!

[Эдвигъ]. Вотъ тебѣ, собака датчанинъ! *(Протыкаетъ ему голову копьемъ).*

Альфредъ. Англосаксы! побѣда за нами!

Губбо. О... не будетъ тебѣ, Альфредъ, по коихъ поръ мечъ играетъ въ рукахъ моихъ!

Альфредъ. Остановитесь, датчане! Сдавайся, Губбо, и положи твое оружіе.

Губбо. Никогда! Ты думаешь, что, сыны Одена когда-нибудь соглашались быть чьими бы то ни было рабами?

[Альфредъ]. Мнѣ не нужно, Губбо, твоей свободы; я не отнимаю и на два слова, Губбо... *(Обѣ стороны опускаютъ копья.)*

[Альфредъ]. Я готовъ заключить съ тобою [миръ] и пощадить остатокъ твоихъ товарищей, съ тѣмъ, чтобы ты теперь же, немедля, отправлялся за море, принеся клятву, по обычаю твоей религіи, никогда не являться у береговъ Англіи. Оружіе все при васъ остается; все, что ни имѣете на себѣ, не будетъ тронуту.

[Губбо]. Король Альфредъ, я соглашаюсь.

[Альфредъ]. И такъ, храбрый, произнеси клятву.

[Губбо]. Клянусь самымъ Оденомъ, моею сбруею, моимъ вызубреннымъ мечомъ, что никогда я и вся храбрая моя дружина не будемъ нападать на твои владѣнія! И когда не выполню моей клятвы, да будемъ желты, какъ мѣдь на латахъ нашихъ! да обратятся наши конья на насъ же самихъ!

Альфредъ. Слышите вы всѣ клятву? Губбо, ты свободенъ,—ступай. Твои ладьи ждутъ у береговъ.

Губбо. Пойдемъ, товарищи! Намъ не стыдно глядѣть другъ на друга: мы бились храбро. Не сегодня—завтра, не здѣсь—въ другомъ мѣстѣ, нанесутъ наши ладьи гибель непріятелямъ, носящимъ золотое убранство!

ВВЕДЕНИЕ ВЪ ДРЕВНЮЮ ИСТОРИЮ.

[Отрывокъ].

Всеобщая исторія есть полное изображеніе жизни человѣчества во всѣ времена, во всѣхъ концахъ земли, отъ первоначальнаго его младенчества до нашихъ временъ.

Болѣе семи тысячъ лѣтъ прошло отъ созданія первыхъ двухъ человѣковъ и около половины этихъ лѣтъ совершенно потеряно для исторіи. Только съ появленіемъ первыхъ обществъ (слишкомъ за 2000 до Р. Х.) получаютъ начальныя свѣдѣнія о человѣчествѣ.

Исторія его заключается вся въ двухъ великихъ отдѣленіяхъ: въ первомъ—міръ древній, во второмъ—новый.

Оба они имѣли свое младенчество и полное развитіе. Для древняго міра младенчествомъ была эпоха восточнаго человѣчества, а зрѣлостью — собственно древній міръ, т. е. міръ грековъ и римлянъ. Для новаго младенчествомъ были времена рыцарства (иначе среднія), а зрѣлостью собственно новый міръ, т. е. три послѣднія столѣтія.

Новый міръ имѣетъ разительное отличіе отъ древняго: другая религія, другіе законы, другіе нравы, другіе народы,—все это отдѣляетъ его совершенно отъ древняго.

Древній міръ даже и во время совершеннаго образованія своего не достигъ того просвѣщенія, до котораго достигъ новый.

Народы древняго міра всѣ помѣщались вокругъ Средиземнаго моря; имъ извѣстна была только половина Европы, пятая часть Азіи и едва ли четвертая—Африки; а народы новаго міра наполняютъ теперь весь земной шаръ и владѣютъ землею въ двадцать разъ болѣе извѣстной прежде древнимъ народамъ.

Всю исторію древняго міра можно представить въ пяти періодахъ.

Въ первомъ помѣщается предъисторія или разсмотрѣніе міра до первыхъ обществъ; второй заключаетъ въ себѣ самыя древнія восточныя царства до установленія во всемъ древнемъ мірѣ первой всемірной монархіи — персидской; третій отъ первой всемірной монархіи персидской до второй всемірной монархіи — македонской; четвертый отъ второй всемірной монархіи до третьей всемірной монархіи — римской; пятый отъ установленія третьей всемірной монархіи — римской до паденія западной ея части и нашествія новыхъ, еще дикихъ народовъ.

І. Наброски изъ древней исторіи (1835 г.).

1. Мидія.

Мидія страна выше Персіи. Мидяне назывались всѣ племена, [жившія] за Тигромъ въ этой странѣ. Изъ книги Зендавеста видно, что въ южной ихъ части уже давно существовало образованное государство. Характеръ жителей, поня(тія), черты горцевъ по Геродоту изъ 6 племенъ. Между ними маги составили особенное. Арбакомъ, своимъ сатрапомъ, освобождаются отъ Ассиріи и составляютъ государство. При Дейокѣ (657—) имѣютъ новую столицу: Экбатану; при Фріортѣ покоря(ютъ) Персію (660); Ціаксаромъ обучаются въ военномъ искусствѣ, воюютъ съ лідіями, покоряютъ ассиріянъ, отражаютъ нападенія скиновъ и кимеріанъ и [полагаютъ границу] часть Евфрата. Наконецъ Астігомъ оканчиваютъ свое существованіе и покоряются персами.

2. Вавилонъ.

Вавилонъ покоряетъ ассиріянъ, потомъ захватывается халдеями, воинами-пастухами. Навуходоносоръ возноситъ за-

воеваніями свою вавилоно-халдейскую монархію и дасть ей блестящій вѣкъ, завоев(ываетъ) Финикію и разрушаетъ Тиръ, около 590 г. разоряетъ Іерусалимъ и уводитъ въ плѣнъ іудеевъ; опустошаетъ Египетъ, строитъ зданія и роетъ каналы [въ Вавилонѣ]. Послѣ него-[то] начинается время упаданія (sic) этого государства при Евильмеродахъ-Тиглассаръ-Набосоарнадъ, наконецъ покоряется Киромъ при Набошидъ (Валтасаръ) 532.

3. Малая Азія.

Малая Азія различнымъ мѣстоположеніемъ и окруженіемъ со всѣхъ сторонъ моремъ (sic) [наполнялась различными народами]: племена еракскія [преобладаютъ] сѣверною частью, на западѣ греческія, и (на) югѣ: въ срединѣ до Галиса — фригійскія), за Галисомъ — сирокашпадокійскія. До Кира только три государства имѣютъ исторію. Два государства извѣстны въ глубокой древности: небольшое государство Троя, обязанная извѣстн(остью) чрезъ разрушеніе грековъ. Цари: Тейцеръ, Дарданъ, Ерихонъ, Трой, Иль, Лаомедонъ, Гераклъ и Фриксъ управляли царствомъ [гордымъ и мидами] до покоренія Крезомъ.

Но сильнѣе ихъ всѣхъ и замѣчательнѣе лидійцы, вѣтвь карійцевъ. Воюютъ при Гигъ (680) съ греческими колоніями, терпятъ отъ кимеріянъ при Садіаттѣ и Алиаттѣ, покоряютъ Смирну, при Крезѣ завоев(ываютъ) Эфесъ, распространяются по всей передней Азіи до [Галиса] и составляютъ богатѣйшее государство, покамѣстъ не покоряется Киромъ.

4. Финикияне.

Положеніе земли и береговое плаваніе дѣлаетъ ихъ рыбаками; ... сильныхъ сосѣдей, заставляетъ искать другихъ земель, живетъ [въ морѣ], раждаетъ предпримчивость и возражда(етъ) охоту къ странствіямъ. Она не составляетъ государств(а), но множество независимыхъ городовъ, связанныхъ конфедеративно. Тиръ выгодностью положенія... привлекало богатство, а богатствомъ и древностью существованія первенство надъ другими городами. Цари только—верховные начальники республики: [.....] къ аристократіямъ сильныхъ фамлій, какъ во всѣхъ купеческихъ государствахъ). Посредствомъ [колоній] распространяются по

берегамъ Средиземнаго моря. Колоніи образуются изъ необходимости укрѣпить свою торговлю. Онѣ умножаются отъ множества (sic) бѣдняковъ, отъ которыхъ желаютъ избавиться аристократы, отъ политическихъ изгнанниковъ. Колоніи въ древнія времена ихъ на Архипелагѣ; но оттуда [вытѣсняются] греческими: онѣ укрѣпляются въ южной Испаніи. Тартестъ, Кадесъ, Картейя, въ части сѣверной Африки; на западѣ, въ Малой Сиртѣ, заводятъ Утику, Карфагенъ, Адруметъ; въ сѣверовосточной части Сициліи: Панормусъ, Лилибеумъ. Предполагаютъ ихъ даже на заливѣ Персидскомъ, на островахъ Багарейнскихъ: Тилосъ и Арадусъ. Множество новыхъ произведеній въ новооткрытыхъ земляхъ даютъ финикіанамъ монополію европейск(ой) торговли и расширяютъ этимъ самымъ и торговлю ихъ.

Но рассмотримъ торговлю азіатскую. Она производится между образованными и необразованными, (между) благородными и невосдѣланными матеріалами, между Сиріей и Малою Азіей, отдаленною Индіею и Китаемъ съ [.....] военно-купеческими, и центромъ ея служить Вавилонъ. Эта торговля двигается и пресѣ(кается) по причинѣ большихъ азіатскихъ переворотовъ: одно госуд(арство) обнимало другія; остальные не имѣли правильнаго теченія. Предметомъ товаровъ ея было золото, какъ матеріаль, бывший въ гораздо большемъ употребленіи, нежели во времена новыя. Его источникъ—Лидія, богатая золотымъ пескомъ изъ горъ на восточныхъ границахъ Бухаріи. На недостаточность его при такомъ употребленіи указываетъ другой источникъ—сѣверъ: Карпатъ, Алтай, Сибирь, облеченный мѣдами и баснословіями массагетовъ и аримасповъ, кравшихъ золото у грифовъ. Серебро въ [маломъ] употребленіи получается изъ западной страны Кавказа, Халиба; рудокопни въ Бактріи.

Употребленіе драгоценныхъ камней было необычайною принадлежностью востока: конныя сбруи, военныя украшенія), [царскихъ] сатраповъ: камни, сарды, ониксы, сародониксы (sic), смарагды и сафиры извлекаются изъ горъ на границахъ Малой Бухаріи. *Жемчугъ*, какъ необходимое (царское) украшеніе; (нитъ его) изъ Цейлона и Индіи.

Одежды больше бумажныя и шерстяныя. Хлопчатая бумага—изъ Индіи. Множество тонкой козьей шерсти, верблюжьей, было въ Тибетѣ, въ горахъ сѣверной Индіи, въ

странѣ Белужской или въ сосѣдствѣ кашемирскихъ овецъ. Верблюды вездѣ; ковры, шали; пестрые и яркіе цвѣта.

Наконецъ [третья] одна изъ важныхъ статей — ароматы; по всеобщей употребительности на жертвоприношенія (ладанъ, смирна, муро, корица, гвоздика) — и на убранство и наряды (Индія и Аравія).

Хлѣбъ въ торговлю поступалъ на время, въ экстренныхъ случаяхъ голода; по громозкости оставался больше въ неподвижномъ состояніи. Изобиліе его въ берегахъ Евфрата въ Малой Азіи, но болѣе всего въ Африкѣ: въ Египтѣ и (въ) Варваріи. Вино совершало небольшой кругъ торговли. Масло имѣло обширный кругъ по всеобщему употребленію и обычаю (свѣтильни, — уборка головы) — и по незнанію коровьяго — въ пищу (деревянное).

Итакъ, позади Финикіи находилась Азія, плодоносная, уже роскошная и изобрѣтательная, впереди — Европа, еще грубая, съ произведеніями нетронутыми.

Такова (была) торговля и ея обращеніе; (но) незначительный уголокъ Сирійскій, Финикій, мало могъ внести [дани] въ общую торговлю своихъ произведеній; но онѣ, безпрестанно [открывая] новыя и новыя произведенія Европы, даютъ ему всѣ средства, и онѣ вдвинулъ въ Азію присредиземно-морскую Европу и Африку. Они вносятъ бевдну серебра испанскаго, англійскаго олова, балтійскаго ястара и наконецъ пурпуръ, сдѣлавшійся.... по всеобщей употребительности роскошнымъ Востокомъ багрянницъ. Этими произведеніями своими они противопоставляютъ Востоку равно стоящія..... торговлю въ Тирѣ, дѣлаетъ ее несравненно обширнѣе старыхъ, почти новую половину міра, и быстрымъ морскимъ распространеніемъ на западъ получаютъ предприимчивость распространиться на востокъ и, несмотря на всѣ неудобства сухопутной торговли, проникаютъ всюду, какъ жиды въ [новыя] времена, даже входятъ въ неприступный Египетъ, и уже въ древности въ Мемфисѣ находится цѣлый кварталъ, заселенный финикіанамъ. Пользуясь безпечною азіатскихъ народовъ и неподвижностью ихъ, захватываютъ совершенно монополію всей торговли и превращаются совершенно массою всей своей націи въ купцовъ. Ихъ отечественную землю опустошаетъ Навуходоносоръ, сноситъ до тла ихъ (городъ) Тиръ. Ихъ облагаютъ данью египетскіе фараоны. Но все это по-

чувствуется въ колоніяхъ, едва чувствуясь въ жителяхъ, которыхъ влечетъ въ торговлю и отдаленная колонія. Города ихъ строятся и вновь и мгновенно получаютъ прежній блескъ. Богатство матеріаловъ зараждаю(тъ) фабрики финикійскія тканей, одѣвающихъ весь древній міръ. Совершенно практическое устремленіе жизни производитъ множество(во) изобрѣтеній, относящихся къ жизни практической. Всѣ, монеты, счетъ, всѣ улучшенія торговли и мореплаванія буква(льно) принадлежали имъ. Они первые зародили движеніе и вовлекли въ сообщеніе востокъ.

АЛЕКСАНДРЪ.

Блистательный характеръ съ эстетическою душою. Окружалъ себя щедростію, чтобы ослѣпить чернь. Искренень-какъ ровный съ друзьями; веселый предсѣдатель широты — для тщеславія, чтобы слышать дивящихся египототѣ, веселости, уму и непринужденности. Въ отношеніи къ поступкамъ своимъ, сначала — строгъ, и ученъ съ мудрымъ. Словомъ, во всемъ и надо всѣмъ хотѣлъ онъ быть царемъ. Ненасыщаемая жажда быть хвалимому, владѣть разомъ — надъ міромъ вакхическихъ блюдъ за чашей, надъ стойками, надъ чернью, въ кругу поэтовъ.

Называя себя богомъ, для того, чтобы скорѣе заставить покориться всѣ народы, дорожить дружбою афинянъ, писалъ самъ письма ко всѣмъ друзьямъ своимъ.

Великое намѣреніе — соединить тѣснѣе міръ и разнѣесть вездѣ греческое просвѣщеніе; завязать сильнѣе торговлю и устремить со всѣхъ сторонъ въ одно мѣсто народы (для этого—Александрія); если не изгладить, то уменьшить разность въ нравахъ между персами и греками, мирить европеизмъ съ востокомъ: отсюда утрата національности; пламенная религіозность исчезла и вмѣсто ея—одни суевѣрія, шаткая философія, начало схоластизма.

ТАРАСЪ БУЛЬБА.

Редакція, напечатанная въ „Миргородѣ“ (1835 г.).

I.

«А поворотись, сынку! цурь тебѣ, какой ты смѣшной! Что это на васъ за поповскіе подрясники? И этакъ всѣ ходятъ въ академіи?»

Такими словами встрѣтилъ старый Бульба двухъ сыновей своихъ, учившихся въ кіевской бурсѣ и пріѣхавшихъ уже на домъ къ отцу.

Сыновья его только-что слѣзли съ коней. Это были два дюжіе молодца, еще смотрѣвшіе исподлобья, какъ недавно выпущенные семинаристы. Крѣпкія, здоровыя лица ихъ были покрыты первымъ пухомъ волосъ, котораго еще не касалась бритва. Они были очень оконфужены такимъ приѣмомъ отца и стояли неподвижно, потушивъ глаза въ землю.

«Постойте, постойте, дѣти», продолжалъ онъ, поворачивая ихъ: «какія же длинныя на васъ свитки*!) Вотъ это свитки! Ну, ну, ну! такихъ свитокъ еще никогда на свѣтѣ не было! А ну, побѣгите оба: я посмотрю, не понадеете ли вы?»

«Не смѣйся, не смѣйся, батьку!» сказалъ, наконецъ, старшій изъ нихъ.

«Фу, ты какой пышный! а отчего-жъ бы не смѣяться?»

«Да такъ. Хоть ты мнѣ и батько, а какъ будешь смѣяться, то, ей-Богу, поколочу!»

*) Свиткой называется верхняя одежда у малороссіянъ.

«Ахъ, ты сякой, такой сынъ! Какъ! батька?» сказалъ Тарасъ Бульба, отступивши съ удивленіемъ нѣсколько назадъ.

«Да хоть и батька. За обиду — не посмотрю и не уважу никого».

«Какъ же ты хочешь со мною биться? развѣ на кулаки?»

«Да ужъ на чемъ бы то ни было».

«Ну, давай на кулаки!» говорилъ Бульба, засучивъ рукава. И отецъ съ сыномъ, вмѣсто привѣтствія послѣ давней отлучки, начали преусердно колотить другъ друга.

«Вотъ это сдурѣлъ старый!» говорила блѣдная, худощавая и добрая мать ихъ, стоявшая у порога и не успѣвшая еще обнять ненаглядныхъ дѣтей своихъ. «Ей-Богу, сдурѣлъ! Дѣти пріѣхали домой, больше году не видѣли ихъ, а онъ задумалъ, Богъ знаетъ что: биться на-кулачки!»

«Да онъ славно бьется!» говорилъ Бульба, остановившись. «Ей-Богу, хорошо!.. такъ-таки», продолжалъ онъ, немного оправляясь: «хоть бы и не пробовать. Добрый будетъ козакъ! Ну, здоровъ, сынку! почеломкаемся!» И отецъ съ сыномъ начали цѣловаться. «Добре, сынку! Вотъ такъ колоти всякаго, какъ меня тузилъ; никому не спускай! А все-таки на тебѣ смѣшное убранство. Что это за веревка висить? А ты, бейбасъ, что стоишь и руки опустил?» говорилъ онъ, обращаясь къ младшему. «Что-жъ ты, собачій сынъ, не колотишь меня?»

«Вотъ еще выдумалъ что!» говорила мать, обнимавшая между тѣмъ младшаго. «И придетъ же въ голову! Какъ можно, чтобы дитя било родного отца? Притомъ будто до того теперь: дитя малое, проѣхало столько пути, утомилось (это дитя было двадцати слишкомъ лѣтъ и ровно въ сажень ростомъ); ему бы теперь нужно опочить и поѣсть чего-нибудь, а онъ заставляетъ биться!»

«Э, да ты мазунчикъ, какъ я вижу!» говорилъ Бульба. «Не слушай, сынку, матери: она — баба, она ничего не знаетъ. Какая вамъ нѣжба? Ваша нѣжба — чистое поле да добрый конь, вотъ ваша нѣжба. А видите вотъ эту саблю? вотъ ваша матеръ! Это все дрянъ, чѣмъ набиваютъ васъ: и академія, и всѣ тѣ книжки, буквари и философія, — все это *ка зна що*, я плевать на все это!» Бульба присовокупилъ еще одно слово, которое въ печати нѣсколько выразительно, и потому его можно пропустить. «Я васъ на той

же недѣлю отправлю на Запорожье. Вотъ тамъ ваша школа, вотъ тамъ только наберетесь разуму!»

«И только всего одну недѣлю быть имъ дома?» говорила жалостно, со слезами на глазахъ, худощавая старуха-мать. «И погулять имъ, бѣднымъ, не удастся, и дому родного некогда будетъ узнать имъ, и мнѣ не удастся наглядѣться на нихъ!»

«Полно, полно, старуха! Козакъ не на то, чтобы возиться съ бабами. Ступай скорѣе да неси намъ все, что ни есть, на столъ. Пампушекъ, маговиковъ, медовиковъ и другихъ пундиковъ не нужно, а прямо такъ и тащи намъ цѣлаго барана на столъ. Да горѣлки, чтобы горѣлки было побольше! Не этой разной, что съ выдумками: съ изюмомъ, родзинками и другими вытребенъками, а чистой горѣлки, настоящей, такой, чтобы шипѣла, какъ бѣсы!»

Бульба повелъ сыновей своихъ въ свѣтлицу, изъ которой пугливо выбѣжали двѣ здоровыя дѣвки въ красныхъ монахахъ, увидѣвши прѣхавшихъ паничей, которые не любили спускаться никому. Все въ свѣтлицѣ было убрано во вкусъ того времени; а время это касалось XVI вѣка, когда еще только-что начинала рождаться мысль объ уни. Все было чисто вымазано глиною. Вся стѣна была убрана саблями и ружьями. Окна въ свѣтлицѣ были маленькія, съ круглыми матовыми стеклами, какія встрѣчаются нынѣ только въ старинныхъ деревянныхъ церквахъ. На полкахъ, занимавшихъ углы комнаты и сдѣланныхъ угольниками, стояли глиняные кувшины, синія и зеленые фляжки, серебряные кубки, позолоченныя чарки венеціанской, турецкой и черкесской работы, зашедшіе въ свѣтлицу Бульбы разными путями чрезъ третьи и четвертыя руки, что было очень обыкновенно въ эти удалыя времена. Липовыя скамьи вокругъ всей комнаты и огромный столъ посреди ея, печь, развѣхавшаяся на полкомнаты, какъ толстая русская купчиха, съ какими-то нарисованными пѣтухами на изразцахъ, — всѣ эти предметы были довольно знакомы нашимъ двумъ молодцамъ, приходившимъ почти каждый годъ домой на каникулярное время, — приходившимъ потому, что у нихъ не было еще коней, и потому, что не было въ обычаѣ позволять школярамъ ѣздить верхомъ. У нихъ были только длинныя чубы, за которые могъ выдрать ихъ всякій козакъ, носившій оружіе. Бульба, только при выпускѣ ихъ, послалъ имъ изъ табуна своего пару молодыхъ жеребцовъ.

«Ну, сынки, прежде всего выпьемъ горѣлки! Боже, благослови! Будьте здоровы, сынки: и ты, Остапъ, и ты, Андрій! Дай же, Боже, чтобъ вы на войнѣ всегда были удачливы! чтобъ бусурменовъ били, и турковъ бы били, и татарву били бы; когда и ляхи начнутъ что противъ вѣры нашей чинить, то и ляховъ бы били! Ну, подставляй свою чарку. Что, хороша горѣлка? А какъ по-латыни горѣлка? То-то, сынку, дурни были латынцы: они и не знали, есть ли на свѣтѣ горѣлка. Какъ бишь того звали, что латинскія вирши писалъ? Я грамоты-то не слишкомъ разумѣю, то и не помню; Горацій, кажется?»

«Вишь какой батька!» подумалъ про себя старшій сынъ, Остапъ: «все, собака, знаетъ, а еще и прикидывается».

«Я думаю, архимандрить», продолжалъ Бульба: «не давалъ вамъ и понюхать горѣлки. А что, сынки, признайтесь, порядочно васъ стегали березовыми да вишневыми по спинѣ и по всему, а можетъ, такъ какъ вы уже слишкомъ разумные, то и плетюгами? Я думаю, кромѣ суботки, драли васъ и по середамъ, и по четвергамъ?»

«Нечего, батько, вспоминать», говорилъ Остапъ съ обыкновеннымъ своимъ флегматическимъ видомъ: «что было, то уже прошло».

«Теперь мы можемъ росписать всякаго», говорилъ Андрій: «саблями да списами. Вотъ пусть только попадетъся татарва».

«Добре, сынку! ей-Богу, добре! Да когда такъ, то и я съ вами їду! ей Богу, їду! Какого дьявола мнѣ здѣсь ожидать? Что, я долженъ развѣ смотрѣть за хлѣбомъ да за свинарями? или бабиться съ женою? Чтобъ она пропала! Чтобъ я для ней оставался дома? Я козакъ. Я не хочу! Такъ что же, что нѣтъ войны? Я такъ поѣду съ вами на Запорожье, погулять. Ей-Богу, їду!» И старый Бульба мало-по-малу горячился и, наконецъ, разсердился совсѣмъ, всталъ изъ-за стола и, пріосанившись, топнулъ ногою. «Завтра же їдемъ! Зачѣмъ откладывать? Какого врага мы можемъ здѣсь высидѣть? На что намъ эта хата? къ чему намъ все это? на что эти горшки?» При этомъ Бульба началъ колотить и швырять горшки и фляжки.

Бѣдная старушка-жена, привыкшая уже къ такимъ поступкамъ своего мужа, печально глядѣла, сидя на лавкѣ. Она не смѣла ничего говорить; но, услышавши о такомъ

страшномъ для нея рѣшеніи, она не могла удержаться отъ слезъ; взглянула на дѣтей своихъ, съ которыми угрожала такая скорая разлука, и никто бы не могъ описать всей безмолвной силы ея горести, которая, казалось, трепетала въ глазахъ ея и въ судорожно сжатыхъ губахъ.

Бульба былъ упрямъ страшно. Это былъ одинъ изъ тѣхъ характеровъ, которые могли только возникнуть въ грубый XV вѣкъ, и притомъ на полукочующемъ Востокѣ Европы, во время праваго и неправаго понятія о земляхъ, сдѣлавшихся какимъ-то спорнымъ, нерѣшеннымъ владѣніемъ, къ какимъ принадлежала тогда Украина. Вѣчная необходимость пограничной защиты противъ трехъ разнохарактерныхъ націй—все это придавало какой-то вольный, широкій размѣръ подвигамъ сыновъ ея и воспитало упрямство духа. Это упрямство духа отпечаталось во всей силѣ на Тарасѣ Бульбѣ. Когда Баторій устроилъ полки въ Малороссіи и облекъ ее въ ту воинственную арматуру, которою сперва означены были одни обитатели пороговъ, онъ былъ изъ числа первыхъ полковниковъ; но при первомъ случаѣ перессорился со всѣми другими за то, что добыча, пріобрѣтенная отъ татаръ соединенными польскими и козацкими войсками, была раздѣлена между ими не поровну и польскія войска получили болѣе преимущества. Онъ, въ собраніи всѣхъ, сложилъ съ себя свое достоинство и сказалъ: «Когда вы, господа полковники, сами не знаете правъ своихъ, то пусть же васъ чортъ водить за носъ! А я наберу себѣ собственный полкъ, и кто у меня вырветъ мое, тому я буду знать, какъ утереть губы.»

Дѣйствительно, онъ въ непродолжительное время изъ своего же отцовскаго имѣнія составилъ довольно значительный отрядъ, который состоялъ вмѣстѣ изъ хлѣбопашцевъ и воиновъ и совершенно покорствовалъ его желанію. Вообще онъ былъ большой охотникъ до набѣговъ и бунтовъ; онъ носомъ слышалъ, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ вспыхивало возмущеніе, и уже, какъ снѣгъ на голову, являлся на конѣ своемъ. «Ну, дѣти, чтѣ и какъ? Кого и за чтѣ нужно бить?» обыкновенно говорилъ онъ и вмѣшивался въ дѣло. Однакожъ, прежде всего, онъ строго разбиралъ обстоятельства, и въ такомъ только случаѣ приставалъ, когда видѣлъ, что поднявшіе оружіе дѣйствительно имѣли право поднять его, хотя это право было, по его мнѣнію, только въ слѣдующихъ слу-

чалхъ: если сосѣдняя нація угоняла ихъ скотъ, или отрѣзывала часть земли, или комиссары налагали большую повинность, или не уважали старшинъ и говорили передъ ними въ шапкахъ, или посмѣивались надъ православною вѣрою—въ этихъ случаяхъ непременно нужно было браться за саблю; противъ бусурмановъ же, татаръ и турокъ, онъ почиталъ во всякое время справедливымъ поднять оружіе, во славу Божію, христіанства и козачества. Тогдашнее положеніе Малороссіи, еще не сведенное ни въ какую систему, даже не приведенное въ извѣстность, способствовало существованію многихъ совершенно отдѣльных партизановъ. Жизнь велъ онъ самую простую, и его нельзя бы было вовсе отличить отъ ридового козака, если бы лицо его не сохраняло какой-то повелительности и даже величія, особливо, когда онъ рѣшался защищать что нибудь.

Бульба заранѣе утѣшалъ себя мыслью о томъ, какъ онъ явится теперь съ двумя сыновьями и скажетъ: «Вотъ посмотрите, какихъ я къ вамъ молодцовъ привелъ!» Онъ думалъ о томъ, какъ повезетъ ихъ на Запорожье — эту военную школу тогдашней Украйны—представить своимъ сотоварищамъ и поглядить, какъ при его глазахъ они будутъ подвизаться въ ратной наукѣ и бражничествѣ, которое онъ почиталъ тоже однимъ изъ первыхъ достоинствъ рыцаря. Онъ вначалѣ хотѣлъ отправить ихъ однихъ, потому что считалъ необходимою заняться новою сформировкою полка, требовавшей его присутствія; но при видѣ своихъ сыновей, рослыхъ и здоровыхъ, въ немъ вдругъ вспыхнулъ весь воинскій духъ его, и онъ рѣшился самъ съ ними ѣхать на другой же день, хотя необходимость этого была одна только упрямая воля.

Не теряя ни минуты, онъ уже началъ отдавать приказанія своему асаулу, котораго называлъ Товкачемъ, потому что тотъ дѣйствительно похожъ былъ на какую-то хладнокровную машину: во время битвы онъ равнодушно шелъ по непріятельскимъ рядамъ, расчищая своею саблей, какъ будто бы мѣсиль тѣсто,—какъ кулачный боецъ, прочищающій себѣ дорогу. Приказанія состояли въ томъ, чтобы оставаться ему въ хуторѣ, покамѣстъ онъ дастъ знать ему выступить въ походъ. Послѣ этого пошелъ онъ самъ по куренямъ своимъ, раздавая приказанія нѣкоторымъ ѣхать съ собою, напоить лошадей, накормить ихъ пшеницею и

подать себѣ коня, котораго онъ обыкновенно называлъ Чортомъ.

«Ну, дѣти, теперь надобно спать, а завтра будемъ дѣлать то, что Богъ дастъ. Да не стели намъ постель! Намъ не нужна постель: мы будемъ спать на дворѣ».

Ночь еще только-что обаяла небо, но Бульба всегда ложился рано. Онъ развалился на коврѣ, накрылся бараньимъ тулупомъ, потому что ночной воздухъ былъ довольно свѣжъ и потому что Бульба любилъ укрыться потеплѣе, когда былъ дома. Онъ вскорѣ захрапѣлъ, и за нимъ послѣдовалъ весь дворъ. Все, что ни лежало въ разныхъ его углахъ, захрапѣло и зашѣло. Прежде всего заснулъ сторожъ, потому что болѣе всѣхъ напился для пріѣзда паничей.

Одна бѣдная мать не спала. Она приникла къ изголовью дорогихъ сыновей своихъ, лежавшихъ рядомъ. Она расчесывала гребнемъ ихъ молодя, небрежно включенныя кудри и смачивала ихъ слезами. Она глядѣла на нихъ вся, глядѣла всѣми чувствами, вся превратилась въ одно зрѣніе и не могла наглядѣться. Она вскормила ихъ собственной грудью; она возрастила, взлелѣвала ихъ—и только на одинъ мигъ видитъ ихъ передъ собою. «Сыны мои, сыны мои милые! что будетъ съ вами? что ждетъ васъ? Хоть бы недѣлку мнѣ поглядѣть на васъ!» говорила она, и слезы остановились въ морщинахъ, измѣнившихъ ея когда-то прекрасное лицо.

Въ самомъ дѣлѣ, она была жалка, какъ всякая женщина того удалого вѣка. Она мигъ только жила любовью, только въ первую горячку страсти, въ первую горячку юности, и уже суровый прельститель ея покидалъ ее для сабли, для товарищей, для бражничества. Она видѣла мужа въ годъ два, три дня, и потомъ нѣсколько лѣтъ о немъ не бывало слуха. Да и когда видѣлась съ нимъ, когда они жили вмѣстѣ, что за жизнь ея была? Она терпѣла оскорбленія, даже побои; она видѣла изъ милости только оказываемыя ласки; она была какое-то странное существо въ этомъ сборищѣ безженныхъ рыцарей, на которыхъ разгульное Запорожье набрасывало суровый колоритъ свой. Молодость безъ наслажденія мелькнула передъ нею, и ея прекрасныя свѣжія щеки и перси безъ лобзаній отцвѣли и покрылись преждевременными морщинами. Вся любовь, всѣ чувства, все, что есть нѣжнаго, страстнаго въ женщинѣ, все обратилось у ней въ одно ма-

теринское чувство. Она съ жаромъ, со страстью, со слезами, какъ степная чайка, вилась надъ дѣтьми своими. Ея сыновей, ея милыхъ сыновей берутъ отъ нея, берутъ для того, чтобы не увидѣть ихъ никогда. Кто знаетъ? можетъ-быть, при первой битвѣ, татаринъ срубитъ имъ головы, и она не будетъ знать, гдѣ лежать брошенные тѣла ихъ, которыя расклюетъ хищная подорожная птица и за каждый кусочекъ которыхъ, за каждую каплю крови она отдала бы все. Рыдая, глядѣла она имъ въ очи, которыя всемогущій сонъ начиналъ уже смыкать, и думала: «Авось-либѣ Бульба, проснувшись, отсрочить денька на два отъѣзду! Можетъ-быть, онъ задумалъ оттого такъ скоро ѣхать, что много выпилъ».

Мѣсяцъ съ выпины неба давно уже озарялъ весь дворъ, наполненный спящими, густую кучу вербъ и высокій бурьянъ, въ которомъ потонулъ частоколъ, окружающій дворъ. Она все сидѣла въ головахъ милыхъ сыновей своихъ; ни на минуту не сводила съ нихъ глазъ своихъ и не думала о снѣ. Уже кони, зачуя разсвѣтъ, все полегли на траву и перестали ѣсть; верхніе листья вербъ начали лепетать, и мало-по-малу лепечущая струя спустилась до самаго низу. Она просидѣла до самаго свѣта, вовсе не была утомлена и внутренно желала, чтобы ночь протянулась какъ можно дольше. Со степи понеслось звонкое ржаніе жеребенка. Красныя полосы ясно сверкнули на небѣ.

Бульба вдругъ проснулся и вскочилъ. Онъ очень хорошо помнилъ все, что приказывалъ вчера.

«Ну, хлопцы, полно спать! Пора! пора! Напойте коней! А гдѣ старѣ?» (такъ онъ обыкновенно называлъ жену свою). «Живѣе, стара, готовь намъ ѣсть, потому что путь великій лежитъ!»

Бѣдная старушка, лишенная послѣдней надежды, уныло поплелась въ хату. Между тѣмъ, какъ она со слезами готовила все, что нужно къ завтраку, Бульба раздавалъ свои приказанія, возился на конюшнѣ и самъ выбиралъ для дѣтей своихъ лучшія убранства. Бурсаки вдругъ преобразились: на нихъ явились, вмѣсто прежнихъ запачканныхъ сапоговъ, сафьянные красные, съ серебряными подковами; шаровары, шириною въ Черное море, съ тысячею складокъ и со сборами, перетянулись золотымъ очкуромъ. Къ очкуру прицѣплены были длинныя ремешки съ кистями и прочими побрякушками для трубки; козакинъ алаго цвѣта, сукна яркаго,

какъ огонь, опоясая узорчатымъ поясомъ; чеканные турецкіе пистолеты были задвинуты за поясъ; сабля брякала по ногамъ ихъ. Ихъ лица, еще мало загорѣвшія, казалось, похорошѣли и побѣлѣли: молодые черные усы теперь какъ-то ярче отбѣляли бѣлизну ихъ и здоровый, мощный цвѣтъ юности; они были хороши подъ черными бараньями шапками съ золотымъ верхомъ. Бѣдная мать! она, какъ увидѣла ихъ, она и слова не могла промолвить, и слезы оставились въ глазахъ ея.

«Ну, сыны, все готово! нечего мѣшкать!» произнесъ, наконецъ, Бульба. «Теперь, по обычаю христіанскому, нужно передъ дорогою всѣмъ присѣсть».

Всѣ сѣли, не выключая даже и хлопцевъ, стоявшихъ почтительно у дверей. Минуту продолжалось общее молчаніе.

«Теперь благослови, мать, дѣтей своихъ!» сказалъ Бульба. «Моли Бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь рыцарскую *), чтобы стояли всегда за вѣру Христову; а не то—пусть лучше пропадутъ, чтобы и духу ихъ не было на свѣтѣ! Подойдите, дѣти, къ матери. Молитва материнская и на водѣ, и на землѣ спасаетъ».

Мать, слабая какъ мать, обняла ихъ, вынула двѣ небольшія иконы, надѣла имъ, рыдая, на шею. «Пусть хранитъ васъ... Божья Матерь... не забывайте, сынки, мать вашу... пришлите хоть вѣсточку о себѣ»... далѣе она не могла продолжать.

«Ну, пойдемъ, дѣти!» сказалъ Бульба.

У крыльца стояли осѣдланные кони. Бульба вскочилъ на своего Чорта, который бѣшено отшатнулся, почувствовавъ на себѣ двадцатипудовое бремя, потому что Бульба былъ чрезвычайно тяжелъ и толстъ.

Когда увидѣла мать, что уже и сыны ея сѣли на коней, она кинулась къ меньшому, у котораго въ чертахъ лица выражалось болѣе какой-то нѣжности; она схватила его за стремя, она прилипнула къ сѣдлу его и, съ отчаяньемъ во всѣхъ чертахъ, не выпускала его изъ рукъ своихъ. Два дюжихъ казака взяли ее бережно и унесли въ хату. Но когда выѣхали они за ворота, она, со всею легкостью дикой козы, несообразной ея лѣтамъ, выбѣжала за ворота, съ непостижимой силою остановила лошадь и обняла одного изъ

*) Рыцарскую.

нихъ съ какою-то помѣшанною, безчувственною горячностью. Ее опять увели.

Молодые козаки ѣхали смутно и удерживали слезы, боясь отца своего, который, однакоже, съ своей стороны тоже былъ нѣсколько смущенъ, хотя не старался этого показывать. День былъ сѣрый; зелень сверкала ярко; птицы шепетали какъ-то въ разладъ. Они, проѣхавши, оглинулись назадъ. Хуторъ ихъ какъ-будто ушелъ въ землю, только стояли на землѣ двѣ трубы отъ ихъ скромнаго домика; однѣ только вершины деревъ, — деревъ, по сучьямъ которыхъ они лазали, какъ бѣлки; одинъ только дальній лугъ еще стлался передъ ними, — тотъ лугъ, по которому они могли припомнить всю исторію жизни своей, отъ лѣтъ, когда катались по росистой травѣ его, до лѣтъ, когда поджидали въ немъ чернобровую козачку, боязливо летѣвшую чрезъ него съ помощью своихъ свѣжихъ, быстрыхъ ножекъ. Вотъ уже одинъ только шестъ надъ колодезю, съ привязаннымъ вверху колесомъ отъ телѣги, одиноко торчитъ на небѣ; уже равнина, которую они проѣхали, кажется издали горою и все собою закрываетъ. — Прощайте и дѣтство, и игры, и все, и все!

II.

Всѣ три всадника ѣхали молчаливо. Старый Тарасъ думалъ о давнемъ: передъ нимъ проходила его молодость, его лѣта, его протекшія лѣта, о которыхъ всегда почти плачетъ козакъ, желавшій бы, чтобы вся жизнь его была молодость. Онъ думалъ о томъ, кого онъ встрѣтитъ на Сѣчѣ изъ своихъ прежнихъ сотоварищей; онъ вычислялъ, какіе уже перемерли, какіе живутъ еще. Слеза тихо круглилась на его зѣницѣ, и посѣдѣвшая голова его уныло понурилась.

Сыновья его были заняты другими мыслями. Теперь кстати сказать что-нибудь о сыновьяхъ его. Они были отданы по двѣнадцатому году въ кievскую академію, потому что всѣ почетные сановники тогдашняго времени считали необходимою дать воспитаніе своимъ дѣтямъ, хотя это дѣлалось съ тѣмъ, чтобы послѣ совершенно позабыть его. Они тогда были, какъ всѣ, поступавшіе въ бурсу, дики, воспитаны на свободѣ, и тамъ уже они обыкновенно нѣ-

сколько шлифовались и получали что-то общее, дѣлавшее ихъ похожими другъ на друга. Старшій, Остапъ, началъ съ того свое поприще, что въ первый годъ еще бѣжалъ. Его возвратили, высѣкли страшно и засадили за книгу. Четыре раза закапывалъ онъ свой букварь въ землю, и четыре раза, отодравши его безчеловѣчно, покупали ему новый. Но, безъ сомнѣнія, онъ повторилъ бы и въ пятый, если бы отецъ не далъ ему торжественнаго обѣщанія продержать его въ монастырскихъ служкахъ цѣлыя двадцать лѣтъ и что онъ не увидитъ Запорожья вѣнки, если не выучится въ академіи всѣмъ наукамъ. Любопытно, что это говорилъ тотъ же самый Тарасъ Бульба, который бранилъ всю ученость и совѣтовалъ, какъ мы уже видѣли, дѣтѣмъ вовсе не заниматься ею. Съ этого времени Остапъ началъ съ необыкновеннымъ стараніемъ сидѣть за скучною книгою и скоро сталъ на ряду съ лучшими. Тогдашній родъ ученія страшно расходился съ образомъ жизни. Эти схоластическія, грамматическія, риторическія и логическія тонкости рѣшительно не прикасались къ времени, никогда не примѣнялись и не повторялись въ жизни. Ни къ чему не могли привязать они своихъ познаній, хотя бы даже менѣе схоластическихъ. Самые тогдашніе ученые болѣе другихъ были невѣжды, потому что вовсе были удалены отъ опыта. Притомъ же это республиканское устройство бursы, это ужасное множество молодыхъ, дюжихъ, здоровыхъ людей, — все это должно было имъ внушить дѣятельность совершенно внѣ ихъ учебнаго занятія. Иногда плохое содержаніе, иногда частыя наказанія голодомъ, иногда многія потребности, пробуждающіяся въ свѣжемъ, здоровомъ, крѣпкомъ юношѣ, — все это, соединившись, рождало въ нихъ ту предпримчивость, которая послѣ развивалась на Запорожьѣ. Голодная бурса рыскала по улицамъ Кіева и заставляла всѣхъ быть осторожными. Торговки, сидѣвшія на базарѣ, всегда закрывали руками своими пироги, бублики, сѣмечки изъ тыквъ, какъ орлицы дѣтей своихъ, если только видѣли проходившаго бурсака. Консулъ, долженствовавшій, по обязанности своей, наблюдать надъ подвѣдомственными ему сотоварищами, имѣлъ такіе страшные карманы въ своихъ шароварахъ, что могъ помѣстить туда всю лавку зазѣвавшейся торговли. Эта бурса составляла совершенно отдѣльный міръ: въ кругъ высшій, состоявшій изъ польскихъ и русскихъ

дворянъ, они не допускались. Самъ воевода Адамъ Кисель, несмотря на оказываемое покровительство академіи, не вводилъ ихъ въ общество и приказывалъ держать ихъ по-строже. Впрочемъ, это наставленіе было вовсе излишне, потому что ректоръ и профессоры-монахи не жалѣли лозъ и плетей, и часто ликторы, по ихъ приказанію, поролли самихъ консуловъ такъ жестоко, что тѣ нѣсколько недѣль почесывали свои шаровары. Многимъ изъ нихъ это было вовсе ничего и казалось немного чѣмъ крѣпче хорошей водки съ перцемъ; другимъ, наконецъ, сильно надоѣдали такія безпрестанныя припарки, и они бѣжали на Запорожье, если умѣли найти дорогу и если сами не были перехватываемы на пути. Остапъ Бульба, несмотря на то, что началъ съ большимъ стараніемъ учить логику и даже богословіе, но никакъ не избавлялся отъ неумолимыхъ розогъ. Естественно, что все это должно было какъ-то ожесточить характеръ и сообщить ему твердость, всегда отличавшую козаковъ. Остапъ считался всегда однимъ изъ лучшихъ товарищей. Онъ рѣдко предводительствовалъ другими въ дерзкихъ предпріятіяхъ—обобрать чужой садъ или огородъ, но зато онъ былъ всегда однимъ изъ первыхъ, приходившихъ подъ знамена предприимчиваго бурсака, и никогда, ни въ какомъ случаѣ не выдавалъ своихъ товарищей. Никакія плети и розги не могли заставить его это сдѣлать. Онъ былъ суровъ къ другимъ побужденіямъ, кромѣ войны и разгульной ширушки; по крайней мѣрѣ, никогда почти о другомъ не думалъ. Онъ былъ прямодушенъ съ равными. Онъ имѣлъ доброту въ такомъ видѣ, въ какомъ она могла только существовать при такомъ характерѣ и въ тогдашнее время. Онъ душевно былъ тронутъ слезами бѣдной матери, и это одно только его смущало и заставляло задумчиво опустить голову.

Меньшой братъ его, Андрій, имѣлъ чувства нѣсколько живѣе и какъ-то болѣе развитыя. Онъ учился охотнѣе и безъ напряженія, съ какимъ обыкновенно принимается тяжелый и сильный характеръ. Онъ былъ болѣе изобрѣтателенъ, нежели его братъ; чаще являлся предводителемъ довольно опаснаго предпріятія и иногда, съ помощью изобрѣтательнаго ума своего, умѣлъ увертываться отъ наказанія, тогда какъ братъ его, Остапъ, отложивши всякое попеченіе, скидалъ съ себя свитку и ложился на полъ, вовсе не думая просить о по-

милованіи. Онъ также кишѣлъ жаждою подвига, но, вмѣстѣ съ нею, душа его была доступна и другимъ чувствамъ. Потребность любви вспыхнула въ немъ живо, когда онъ перешелъ за 18 лѣтъ. Женщина чаще стала представляться горячимъ мечтамъ его. Онъ, слушая философическіе диспуты, видѣлъ ее поминутно, свѣжую, черноокою, нѣжную. Предъ нимъ непрерывно мелькали ея сверкающія, упругія перси, нѣжная, прекрасная, вся обнаженная рука; самое платье, облипавшее вокругъ ея свѣжихъ, дѣвственныхъ и вмѣстѣ мощныхъ членовъ, дышало въ мечтахъ его какимъ-то невыразимымъ сладострастіемъ. Онъ тщательно скрываетъ отъ своихъ товарищей эти движенія страстной юношеской души, потому что въ тогдашній вѣкъ было стыдно и безчестно думать козаку о женщинѣ и любви, не отвѣдавъ битвы. Вообще въ послѣдніе годы онъ рѣже являлся предводителемъ какой-нибудь ватаги, но чаще бродилъ одинъ гдѣ-нибудь въ уединенномъ закоулкѣ Кіева, потопленномъ въ вишневыхъ садахъ, среди низенькихъ домиковъ, заманчиво глядѣвшихъ на улицу. Иногда онъ забирался и въ улицу аристократовъ, въ нынѣшнемъ старомъ Кіевѣ, гдѣ жили малороссійскіе и польскіе дворяне и дома были выстроены съ нѣкоторою прихотливостью.

Одинъ разъ, когда онъ зазѣвался, наѣхала почти на него колымага какого-то польскаго пана, и сидѣвшій на козлахъ возница, съ престрашными усами, хлынулъ его довольно исправно бичомъ. Молодой бурсакъ вскипѣлъ: съ безумною смѣлостью схватилъ онъ мощною рукою своею за заднее колесо и остановилъ колымагу. Но кучеръ, опасаясь раздѣлки, ударилъ по лошадамъ, онѣ рванули—и Андрій, къ счастью успѣвшій отхватить руку, шлепнулся на землю, прямо лицомъ въ грязь. Самый звонкій и гармоническій смѣхъ раздался надъ нимъ. Онъ поднялъ глаза и увидѣлъ стоявшую у окна брюнетку, прекрасную, какъ не знаю что, черноглазую и блѣлую, какъ снѣгъ, озаренный утреннимъ румянцемъ солнца. Она смѣялась отъ всей души, и смѣхъ придавалъ какую-то сверкающую силу ея ослѣпительной красоты. Онъ оторопѣлъ: онъ глядѣлъ на нее, совсѣмъ потерявшись, разсѣянно обтирая съ лица своего грязь, которою еще болѣе замазывался. Кто бы была эта красавица? Онъ хотѣлъ было узнать отъ дворни, которая кучею, въ богатомъ убранствѣ, стояла за воротами, окруживши играваго

молодого бандуриста; но дворня подняла смѣхъ, увидѣвши его запачканную рожу, и не удостоила его отвѣтомъ. Наконецъ, онъ узналъ, что это была дочь пріѣхавшаго на время ковенскаго воеводы. Въ слѣдующую же ночь, съ свойственною однимъ бурсакамъ дерзостью, онъ пролѣзъ черезъ частоколъ въ садъ, взлѣзъ на дерево, раскинувшееся вѣтвями, упиравшимися въ самую крышу дома; съ дерева перелѣзъ на крышу и чрезъ трубу камина пробрался прямо въ спальню красавицы, которая въ это время сидѣла передъ свѣчою и вынимала изъ ушей своихъ дорогія серьги. Прекрасная полячка такъ испугалась, увидѣвши вдругъ передъ собою незнакомаго человѣка, что не могла произнести ни одного слова; но когда увидѣла, что бурсакъ стоялъ, потушивъ глаза и не смѣя отъ робости поворотить рукою, когда узнала въ немъ того же самаго, который хлопнулся передъ ея глазами на улицѣ, смѣхъ вновь овладѣлъ ею. Притомъ въ чертахъ Андрія ничего не было страшнаго: онъ былъ очень хорошъ собою. Она отъ души смѣялась и долго забавлялась надъ нимъ. Красавица была вѣтрена, какъ полячка, но глаза ея, глаза чудесные, пронзительно-ясные, бросали взглядъ долгій, какъ постоянство. Бурсакъ не могъ поворотить рукою и былъ связанъ, какъ въ мѣшкѣ, когда дочь воеводы смѣло подошла къ нему, надѣла ему на голову свою блистательную діадему, повѣсила на губы ему серьги и накинула на него кисейную прозрачную шемизетку съ фестонами, вышитыми золотомъ. Она убирала его и дѣлала съ нимъ тысячу разныхъ глупостей, съ развязностью дитяти, которою отличаются вѣтренныя полячки, и которая повергла бѣднаго бурсака въ еще большее смущеніе. Онъ представлялъ смѣшную фигуру, раскрывши ротъ и глядя неподвижно въ ея ослѣпительныя очи.

Раздавшійся у дверей стукъ пробудилъ въ ней испугъ. Она велѣла ему спрятаться подъ кровать, и какъ только безпокойство прошло, она кликнула свою горничную, плѣнную татарку, и дала ей приказаніе осторожно вывести его въ садъ и оттуда отправить черезъ заборъ. Но на этотъ разъ бурсакъ нашъ не такъ счастливо перебрался черезъ заборъ: проснувшійся сторожъ хватилъ его порядочно по ногамъ, и собравшаяся дворня долго колотила его уже на улицѣ, покамѣстъ быстрыя ноги не спасли его.

Послѣ этого проходить возлѣ дома было очень опасно,

потому что дворня у воеводы была очень многочисленна. Онъ увидѣлъ ее еще разъ въ костелѣ. Она замѣтила его и очень пріятно усмѣхнулась, какъ давнему знакомому. Онъ видѣлъ ее вскользь еще одинъ разъ, и послѣ этого воевода ковенскій скоро уѣхалъ, и, вмѣсто прекрасной, обольстительной брюнетки, выглядывало изъ окошъ какое-то толстое лицо.

Вотъ о чемъ думалъ Андрій, повѣсивъ голову и потупивъ глаза въ гриву коня своего.

А между тѣмъ степь уже давно приняла ихъ всѣхъ въ свои зеленые объятія, и высокая трава, обступивши, скрyla ихъ, и только козацьи черныя шапки однѣ мелькали между ея колосьями.

«Э, э, э! что же это вы, хлопцы, такъ притихли?» сказалъ, наконецъ, Бульба, очнувшись отъ своей задумчивости: «какъ будто какіе-нибудь чернецы! Ну, разомъ, разомъ всѣ думки къ нечистому! Берите въ зубы люльки да закуримъ, да прищипоримъ коней, да полетимъ такъ, чтобы и птица не угналась за нами!»

И козаки, прилегши нѣсколько къ конямъ, пропали въ травѣ. Уже и черныхъ шапокъ нельзя было видѣть; одна только быстрая молнія сжимаемой травы показывала бѣгъ ихъ.

Солнце выглянуло давно на расчищенномъ небѣ и живительнымъ теплотворнымъ свѣтомъ своимъ облило степь. Все, что смутно и сонно было на душѣ у козаковъ, вмигъ слетѣло; сердца ихъ вострепнулись, какъ птицы, жадныя воли.

Степь, чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась прекраснѣе. Тогда весь Югъ, все то пространство, которое составляетъ нынѣшнюю Новороссію, до самаго Чернаго моря, было зеленою дѣвственною пустынею. Никогда плугъ не проходилъ по неизмѣримымъ волнамъ дикихъ растений. Одни только кони, скрывавшіеся въ нихъ, какъ въ лѣсу, вытаптывали ихъ. Ничто въ природѣ не могло быть лучше ихъ. Вся поверхность земли представлялась зелено-золотымъ океаномъ, по которому брызнули миллионы разныхъ цвѣтовъ. Сквозь тонкіе, высокіе стебли травы сквозили голубые, синіе и лиловые волoshки; желтый дрокъ выскакивалъ вверхъ своею пирамидальною верхушкою; бѣлая кашка зонтикообразными шапками пестрѣла на поверхности; занесенный, Богъ знаетъ, откуда колосъ ишеницы наливался въ гушѣ. Подъ тонкими ихъ корнями ныряли куропатки, вытянувъ свои шеи. Воз-

духъ былъ наполненъ тысячею разныхъ птичьихъ свистовъ. Въ небѣ неподвижно стояли цѣлою тучею ястребы, распластавъ свои крылья и неподвижно устремивъ глаза свои въ траву. Крикъ двигавшейся въ сторонѣ тучи дикихъ гусей отдавался, Богъ знаетъ, въ какомъ дальнемъ озерѣ. Изъ травы подымалась мѣрными взмахами чайка и роскошно купалась въ синихъ волнахъ воздуха. Вонъ она пропала въ вышинѣ и только мелькаетъ одною черною точкою. Вонъ она перевернулась крылами и блеснула передъ солнцемъ. Чортъ вась возьми, степи, какъ вы хороши!

Наши путешественники на нѣсколько минутъ только останавливались для обѣда, при чемъ ѣхавшій съ ними отрядъ, изъ десяти козаковъ, слѣзаль съ лошадей, отвязывалъ деревянные баклажки съ горѣлкою и тыквы, употребляемыя вмѣсто сосудовъ. Ъли только хлѣбъ съ саломъ или коржи; пили только по одной чаркѣ, единственно для подкрѣпленія,—потому что Тарасъ Бульба не позволялъ никогда напиваться въ дорогѣ,—и продолжали путь до вечера.

Вечеромъ вся степь совершенно перемѣнялась. Все пестрое пространство ея охватывалось послѣднимъ яркимъ отблескомъ солнца и постепенно темнѣло, такъ что видно было, какъ тѣнь перебѣгала по нимъ и они становились темнозелеными; испаренія подымались гуще; каждый цвѣтокъ, каждая травка испускала амбру, и вся степь курилась благовоніемъ. По небу, изголуба-темному, какъ будто исполинскою кистью наляпаны были широкія полосы изъ розоваго золота; изрѣдка бѣлѣли клоками легкія и прозрачныя облака, и самый свѣжій, обольстительный, какъ морскія волны, вѣтерокъ едва колыхался по верхушкамъ травы и чуть дотрогивался къ щекамъ. Вся музыка, наполнявшая день, утихала и смѣнялась другою. Пестрые овражки выпалзывали изъ норъ своихъ, становились на заднія лапки и оглашали степь свистомъ. Трепаніе кузнечиковъ становилось слышнѣе. Иногда слышался изъ какого-нибудь уединеннаго озера крикъ лебедя и, какъ серебро, отдавался въ воздухѣ. Путешественники, остановившись среди полей, избирали ночлегъ, раскладывали огонь и ставили на него котелъ, въ которомъ варили себѣ кулишъ; паръ отдѣлялся и косвенно дымился на воздухѣ. Поужинавъ, козаки ложились спать, пустивши па травѣ спутанныхъ коней своихъ. Они раскидывались по свиткахъ. На нихъ прямо глядѣли ночныя звѣзды. Они слы-

шали своимъ ухомъ весь безчисленный міръ насѣкомыхъ, наполнявшихъ траву; весь ихъ трескъ, свистъ, краканье— все это звучно раздавалось среди ночи, очищалось въ свѣжѣмъ ночномъ воздухѣ и доходило до слуха гармоническимъ. Если же кто-нибудь изъ нихъ подымался и вставалъ на время, то ему представлялась степь усѣянною блестящими искрами свѣтящихся червей. Иногда ночное небо въ разныхъ мѣстахъ освѣщалось дальнимъ заревомъ отъ выжигаемаго по дугамъ и рѣкамъ сухого тростника, и темная вереница лебедей, летѣвшихъ на сѣверъ, вдругъ освѣщалась серебряно-розовымъ свѣтомъ, и тогда казалось, что красные платки летали то темному небу.

Путешественники ѣхали безъ всякихъ приключеній. Нигдѣ не попадались имъ деревья; все та же безконечная, вольная, прекрасная степь. По временамъ только въ сторонѣ синѣли верхушки отдаленнаго лѣса, тянувагося по берегамъ Днѣпра. Одинъ только разъ Тарасъ указалъ сыновьямъ на маленькую, чернѣвшую въ дальней травѣ, точку, сказавши: «Смотрите, дѣтки, вонъ скачетъ татаринъ!»

Маленькая головка съ усами уставила издали прямо на нихъ узенькіе глаза свои, понюхала воздухъ, какъ гончая собака, и, какъ серна, пропала, увидѣвши, что козаковъ было тринадцать человѣкъ.

«А ну, дѣти, попробуйте догнать татарина! И не пробуйте; вовѣки вѣковъ не поймаете: у него конь быстрѣе моего Чорта».

Однакожъ, Бульба взялъ предосторожность, опасаясь гдѣ-нибудь скрывшейся засады. Они прискакали къ небольшой рѣчкѣ, называвшейся Татаркою, впадающей въ Днѣпръ, кинулись въ воду съ конями своими и долго плыли по ней, чтобы скрыть слѣды свой, и тогда уже, выбравшись на берегъ, они продолжали далѣе путь.

Черезъ три дня послѣ этого они были уже недалеко отъ мѣста, служившаго предметомъ ихъ поѣздки. Въ воздухѣ вдругъ заходило; они почувствовали близость Днѣпра. Вотъ онъ сверкаетъ вдаль и темною полосой отдѣлился отъ горизонта. Онъ вѣялъ холодными волнами и разстилался ближе, ближе и, наконецъ, обхватилъ половину всей поверхности земли. Это было то мѣсто Днѣпра, гдѣ онъ, дотолѣ спертый порогами, бралъ, наконецъ, свое и шумѣлъ, какъ море, разлившись по волѣ, гдѣ брошенные въ средину его

острова вытѣсняли его еще далѣе изъ береговъ и волны его стлались по самой землѣ, не встрѣчая ни утесовъ, ни возвышеній. Козаки сонли съ коней своихъ, взопли на паромъ и чрезъ три часа плаванія были уже у береговъ острова Хортицы, гдѣ была тогда Сѣчь, такъ часто перемѣнявшая свое жилище.

Куча народа бранилась на берегу съ перевозчиками. Козаки оправили коней; Тарасъ пріосанился, стянуть на себѣ покрѣпче поясъ и гордо провелъ рукою по усамъ; молодые сыны его тоже осмотрѣли себя съ ногъ до головы съ какимъ-то страхомъ и неопредѣленнымъ удовольствіемъ, и всѣ вмѣстѣ вѣхали въ предмѣстье, находившееся за полверсты отъ Сѣчи. При вѣздѣ, ихъ оглушили пятьдесятъ кузнечкихъ молотовъ, ударявшихъ въ 25 кузницахъ, покрытыхъ дерномъ и вырытыхъ въ землѣ. Сильные кожевники сидѣли подъ навѣсомъ крылецъ на улицѣ и мяли своими дюжими руками бычачьи кожи. Крамари подъ ятками сидѣли съ кучами кремней, огнивами и порохомъ. Армянинъ развѣсилъ дорогіе платки. Татаринъ ворочалъ на рожнахъ бараньи катки съ тѣстомъ. Жидъ, выставивъ впередъ свою голову, точилъ изъ бочки горѣлку. Но первый, кто попался имъ навстрѣчу, это былъ запорожець, спавшій на самой срединѣ дороги, раскинувъ руки и ноги. Тарасъ Бульба не могъ не остановиться и не полюбоваться на него.

«Эхъ, какъ важно развернулся! Фу, ты, какая пышная фигура!» говорилъ онъ, остановивши коня.

Въ самомъ дѣлѣ, это была картина довольно смѣлая: запорожець, какъ левъ, растянулся на дорогѣ. Закинутый гордо чубъ его захватывалъ на полъ-аршина земли. Шаровары алаго дорогого сукна были запачканы дегтемъ, для показанія полного къ нимъ презрѣнія.

Полюбовавшись, Бульба пробирался далѣе сквозь тѣсную улицу, которая была загромождена мастеровыми, тутъ же отправлявшими ремесло свое, и людьми всѣхъ націй, наполнявшихъ это предмѣстье Сѣчи, которое было похоже на ярмарку и которое одѣвало и кормило Сѣчу, умѣвшую только гулять да палить изъ ружей.

Наконецъ, они минули предмѣстье и увидѣли нѣсколько разбросанныхъ куреней, покрытыхъ дерномъ или, по-татарски, войлокомъ. Иные уставлены были пушками. Нигдѣ не видно было забора или тѣхъ низенькихъ домиковъ, съ

навѣсами, на тоненькихъ деревянныхъ столбикахъ, какіе были въ предмѣстїи. Небольшой валъ и засѣка, не хранимые рѣшительно никѣмъ, показывали страшную безпечность. Нѣсколько дюжихъ запорожцевъ, лежавшихъ съ трубками въ зубахъ на самой дорогѣ, посмотрѣли на нихъ довольно равнодушно и не сдвинулись съ мѣста. Тарасъ осторожно проѣхалъ съ сыновьями между нихъ, сказавши: «Здравствуйте, панове!» — «Здравствуйте и вы!» отвѣчали запорожцы. На пространствѣ пяти верстъ были разбросаны толпы народа. Онѣ всѣ собирались въ небольшія кучи. Такъ вотъ Сѣча! Вотъ то гнѣздо, откуда вылетаютъ всѣ тѣ гордые и крѣпкіе, какъ львы! Вотъ откуда разливается воля и козачество на всю Украйну!

Путники выѣхали на обширную площадь, гдѣ обыкновенно собиралась рада. На большой опрокинутой бочкѣ сидѣлъ запорожецъ безъ рубашки; онъ держалъ въ рукахъ ее и медленно зашивалъ на ней дыры. Имъ опять перегородила дорогу цѣлая толпа музыкантовъ, въ срединѣ которой отплясывалъ молодой запорожецъ, заломивши чортомъ свою шапку и вскинувши руками. Онъ кричалъ только: «Живѣ играйте, музыканты! Не жалѣй, Оома, горѣлки православнымъ христіанамъ!» И Оома, съ подбитымъ глазомъ, мѣрялъ безъ счету каждому пристававшему по огромнѣйшей кружкѣ. Около молодого запорожца четыре старыхъ вырабатывали довольно мелко своими ногами, вскидывались, какъ вихорь, на сторону, почти на голову музыкантамъ, и вдругъ, опустившись, неслись въ-присядку и били круто и крѣпко своими серебряными подковами тѣсно убитую землю. Земля глухо гудѣла на всю округу, и въ воздухѣ только отдавалось: тра-та-та, тра-та-та. Толпа, чѣмъ далѣе, росла: къ танцующимъ приставали другіе, и вся почти площадь покрылась присѣдающими запорожцами. Это имѣло въ себѣ что-то разительно-увлекательное. Нельзя было безъ движенія всей души видѣть, какъ вся толпа отдирала танецъ, самый вольный, самый бѣшеный, какой только видѣлъ когда-либо міръ, и который, по своимъ мощнымъ изобрѣтателямъ, носить названіе козачка.

Тарасъ Бульба крикнулъ отъ нетерпѣнія, и досады, что конь, на которомъ сидѣлъ онъ, мѣшалъ ему пуститься самому. Иные были чрезвычайно смѣшны своею важностью, съ какою они работали ногами. Черезчуръ дряхлые, присло-

нившись къ столбу, къ которому обыкновенно на Сѣчѣ привязывали преступниковъ, топали и переминали ногами. Крики и пѣсни, какія только могли притти въ голову человѣку въ разгульѣ веселья, раздавались на свободѣ.

Тарасъ скоро встрѣтилъ множество знакомыхъ лицъ. Остапъ и Андрій слышали только привѣтствія: «А, это ты, Печерица! Здравствуй, Козолупъ! Откуда Богъ несетъ тебя, Тарасъ? Ты какъ сюда зашелъ, Долото? Здравствуй, Застежка! Думалъ ли я видѣть тебя, Ремень!» И витязи, собравшіеся со всего разгульнаго міра восточной Россіи, цѣловались взаимно, и тутъ понеслись вопросы: «А что Касьянъ? что Бородавка? что Колоперъ? что Пидсытокъ?» И слышалъ только въ отвѣтъ Тарасъ Бульба, что Бородавка повѣшенъ въ Толопанѣ, что съ Колопера содрали кожу подъ Кизикирменомъ, что Пидсыткова голова посолена въ бочкѣ и отправлена въ самый Царьградъ.—Понурилъ голову старый Бульба и раздумчиво говорилъ: «Добрые были козаки!»

III.

Уже около недѣли Тарасъ Бульба жилъ съ сыновьями своими на Сѣчѣ. Остапъ и Андрій мало могли заниматься военною школою, несмотря на то, что отецъ ихъ особенно просилъ опытныхъ и искусныхъ наѣздниковъ быть имъ руководителями. Вообще можно сказать, что на Запорожьѣ не было никакого теоретическаго изученія или какихъ-нибудь общихъ правилъ; все юношество воспитывалось и образовывалось въ немъ однимъ опытомъ, въ самомъ пылу битвы, которыя оттого были почти безпрерывны. Промежутки же между ними козаки почитали скучнымъ заниматься изученіемъ какой-нибудь дисциплины. Очень рѣдкіе имѣли примѣрные турниры. Они все время отдавали гульбѣ—признаку широкаго размета душевной воли. Вся Сѣча представляла необыкновенное явленіе. Это было какое-то безпрерывное пиршество,—балъ, начавшійся шумно и потерявшій конецъ свой. Нѣкоторые занимались ремеслами, иные держали лавочки и торговали; но большая часть гуляла съ утра до вечера, особливо, если въ карманѣ звучала возможность и добытое добро не перешло еще въ руки торгашей и шинкарей. Это общее пиршество имѣло въ себѣ

что-то околдовывающее. Это не было какое-нибудь собрание бражниковъ, напивавшихся съ горя: это было, просто, какое-то бѣшеное разгулье веселости. Всякій, приходившій сюда, позабывалъ и бросалъ все, что дотолѣ его занимало. Онъ, можно сказать, плевалъ на свое прошедшее и съ жаромъ фанатика предавался волѣ и товариществу такихъ же, какъ самъ, не имѣвшихъ ни родныхъ, ни угла, ни семейства, кромѣ вольнаго неба и вѣчнаго пира души своей. Это производило ту бѣшеную веселость, которая не могла бы родиться ни изъ какого другого источника. Разказы, балагуры, которые можно было слышать среди собравшейся толпы, лежавшей на землѣ, такъ были смѣшны и дышали такимъ глубокимъ юморомъ, что нужно было имѣть только флегматическую наружность запорожца, чтобы не смѣяться отъ всей души. Это не былъ какой-нибудь пьяный кабакъ. гдѣ безсмысленно, мрачно, искаженными чертами веселья забывается человѣкъ; это былъ тѣсный кругъ школьных товарищей. Вся разниа была только въ томъ, что, вмѣсто сидѣнія за указкой и посплыхъ толковъ учителя, они производили набѣгъ, на пяти тысячахъ коней; вмѣсто дуга, на которомъ производилась игра въ мячикъ, у нихъ были не охраняемыя, безпечныя границы, въ виду которыхъ татаринъ выказывалъ быструю свою голову и неподвижно, сурово глядѣлъ турокъ, въ зеленой чалмѣ своей. Разниа та, что вмѣсто насильственной воли, соединившей ихъ въ школѣ, они сами собою кинули отцовъ и матерей и бѣжали изъ родительскихъ домовъ своихъ; что здѣсь были тѣ, у, которыхъ уже моталась около шеи веревка и которые е вмѣсто блѣдной смерти, увидѣли жизнь, и жизнь во всемъ разгулѣ; что здѣсь были тѣ, которые, по благородному обычаю, не могли удержать въ карманѣ своемъ копѣйки; что здѣсь были тѣ, которые дотолѣ червонецъ считали богатствомъ, у которыхъ, по милости арендаторовъ-жидовъ, карманы можно было выворотить безъ всякаго опасенія что-нибудь уронить. Здѣсь были всѣ бурсаки, которые не вынесли академическихъ лозъ и которые не вынесли изъ школы ни одной буквы; но вмѣстѣ съ этими здѣсь были и тѣ, которые знали, что такое Горацій, Цицеронъ и римская республика. Тутъ было множество образовавшихся опытныхъ партизановъ, которые имѣли благородное убѣжденіе мыслить, что все равно, гдѣ бы ни воевать, только бы воевать, потому

что неприлично благородному человѣку быть безъ битвы. Здѣсь было много офицеровъ изъ польскихъ войскъ. Впрочемъ, изъ какой націи здѣсь не было народа? Эта странная республика была именно потребность того вѣка. Охотники до военной жизни, до золотыхъ кубковъ, богатыхъ парчей, дукатовъ и реаловъ во всякое время могли найти здѣсь себѣ работу. Одни только обожатели женщинъ не могли найти здѣсь ничего, потому что даже въ предмѣстьи Сѣчи не смѣла показаться ни одна женщина.

Остапу и Андрію показалось чрезвычайно страннымъ, что при нихъ же приходила на Сѣчу гибель народа, и хотъ бы кто-нибудь спросилъ ихъ, откуда они, кто они и какъ ихъ зовутъ. Они приходили сюда, какъ будто бы возвращались въ свой собственный домъ, изъ котораго только за часъ передъ тѣмъ вышли. Пришедшій являлся только къ кошевому, который обыкновенно говорилъ: «Здравствуй! Чтѣ, во Христа вѣруешь?»—«Вѣрую», отвѣчалъ приходившій.—«И въ Троицу Святую вѣруешь?»—«Вѣрую».—«И въ церковь ходишь?»—«Хожу».—«А, ну, перекрестись!»—Пришедшій крестился.—«Ну, хорошо», отвѣчалъ кошевой: «ступай же въ который самъ знаешь курень». Этимъ оканчивалась вся церемонія. И вся Сѣча молилась въ одной перкви и готова была защищать ее до послѣдней капли крови, хотя и слышать не хотѣла о постѣ и воздержаніи. Только побуждаемые сильною корыстью жида, армяне и татары осмѣливались жить и торговать въ предмѣстьи, потому что запорожцы никогда не любили торговаться, а сколько рука вынула изъ кармана денегъ, столько и платили. Впрочемъ, участь этихъ корыстолюбивыхъ торгашей была очень жалка. Они были похожи на тѣхъ, которые селились у подошвы Везувія, потому что, какъ только у запорожцевъ не ставало денегъ, то удалые разбивали ихъ лавочки и брали всегда даромъ. Такова была та Сѣча, нмѣвшая столько приманокъ для молодыхъ людей.

Остатъ и Андрій кинулись, со всею пылкостью юношей, въ это разгульное море. Они скоро позабыли и юность, и бурсу, и домъ отцовскій, и все, чтѣ тайно волнуетъ еще свѣжую душу. Они гуляли, братались съ беззаботными бездомовниками и, казалось, не желали никакого измѣненія такой жизни.

Между тѣмъ Тарасъ Бульба начиналъ думать о томъ,

какъ бы скорѣе затѣять какое-нибудь дѣло: онъ не могъ долго оставаться въ недѣйтельности.

«Что, кошевой», сказалъ онъ одинъ разъ, пришедши къ атаману: «можетъ-быть, пора бы погулять запорожцамъ?»

«Негдѣ погулять», отвѣчалъ кошевой, вынувши изо рта маленькую трубку и сплюнувъ въ сторону.

«Какъ негдѣ? Можно пойти въ Турецчину или на Татарву».

«Не можно ни въ Турецчину, ни въ Татарву», отвѣчалъ кошевой, взявши опять въ ротъ трубку.

«Какъ не можно?»

«Такъ: мы общали султану миръ».

«Да онъ вѣдь бусурмень: и Богъ, и святое писаніе велить бить бусурменовъ».

«Не имѣемъ права. Если-бъ мы не клялись нашею вѣрою, то, можетъ-быть, какъ-нибудь еще и можно было».

«Какъ же это, кошевой? Какъ же ты говоришь, что права не имѣемъ? Вотъ у меня два сына, молодые люди: имъ нужно пріучиться и узнать, что такое война, а ты говоришь, что запорожцамъ не нужно на войну идти».

«Что-жъ дѣлать?» отвѣчалъ кошевой съ такимъ же хладнокровіемъ: «нужно подождать».

Но этимъ Бульба не былъ доволенъ. Онъ собралъ кое-какихъ старшинъ и куренныхъ атамановъ и задалъ имъ пирушку на всю ночь. Загулявшись до послѣдняго разгула, они вмѣстѣ отправились на площадь, гдѣ обыкновенно собиралась рада и стояли привязанныя къ столбу литавры, въ которыя обыкновенно били сборъ на раду. Не найдши палокъ, хранившихся всегда у довбиша, они схватили по полѣну и начали колотить въ нихъ. На бой прежде всего приближалъ довбишъ, высокій человѣкъ, съ однимъ только глазомъ, несмотря на то, страшно заспаннымъ.

«Кто смѣетъ бить въ литавры?» закричалъ онъ.

«Молчи! возьми свои палки да и колоти, когда тебѣ велять!» отвѣчали подгулявшіе старшины.

Довбишъ вынулъ тотчасъ изъ кармана палки, которыя онъ взялъ съ собою, очень хорошо зная окончаніе подобныхъ происшествій. Литавры грянули—и скоро на площадь, какъ шмели, начали собираться черныя кучи запорожцевъ.

За кошевымъ отправились нѣсколько человѣкъ и привели его на площадь.

«Не бойся ничего!» сказали вышедшіе къ нему навстрѣчу

старшины. «Говори міру рѣчь, когда хочешь, чтобы не было худого,—говори рѣчь объ томъ, чтобы итти запорожцамъ на войну противъ бусурмановъ».

Кошевой, увидѣвши, что дѣло не на шутку, вышелъ на середину площади, раскланялся на всѣ четыре стороны и произнесъ: «Панове запорожцы, добрые молодцы! позволитъ ли господарство ваше рѣчь держать?»

«Говори, говори!» зашумѣли запорожцы.

«Вотъ въ разсужденіи того теперь идетъ рѣчь, панове добродійство,—да вы, можетъ-быть, и сами лучше это знаете,—что многіе запорожцы позадолжались въ шинки жидамъ и своимъ братьямъ столько, что ни одинъ чортъ теперь и вѣры нейметъ. Притомъ же, въ разсужденіи того, есть очень много такихъ хлопцевъ, которые еще и въ глаза не видали, что такое война, тогда какъ молодому человѣку, и сами знаете, панове, безъ войны не можно пробытъ. Какой и запорожець изъ него, если онъ еще ни разу не билъ бусурмана?»

«Вишь, онъ хорошо говорить», сказалъ писарь, толкнувъ локтемъ Бульбу. Бульба кивнулъ головою.

«Не думайте, панове, чтобы я, впрочемъ, говорилъ это для того, чтобы нарушить миръ. Сохрани Богъ! Я только такъ это говорю. Притомъ же у насъ храмъ Божій—грѣхъ и сказать, что такое. Вотъ сколько лѣтъ уже, какъ, по милости Божіей, стоитъ Сѣча, а до сихъ поръ, не то уже, чтобы наружность церкви, но даже внутренніе образа безъ всякаго убранства. Хотя бы серебряную рясу кто догадался имъ выковать. Они только то и получили, что отказали въ духовной иные козаки. Да и даяніе ихъ было бѣдное, потому что они почти все еще пропили при жизни своей. Такъ я все веду рѣчь эту не къ тому, чтобы начать войну съ бусурманами, ибо мы обѣщали султану миръ, и намъ бы великій былъ грѣхъ, потому что мы клялись по закону нашему».

«Вишь, проклятый! что это онъ путаетъ такое?» сказалъ Бульба писарю.

«Да, такъ видите, панове, что войны не можно начать: честь рыцарская не велитъ. А по своему бѣдному разуму вотъ что я думаю: пустить съ челнами однихъ молодыхъ; пусть немного пошарпаютъ берега Анатолиі. Какъ думаете, панове?»

«Веди, ве́ди всѣхъ!» закричала со всѣхъ сторонъ толпа: «за вѣру мы готовы положить головы!»

Кошевой испугался. Онъ нимало не желалъ тревожить всего Запорожья. Притомъ ему все казалось неправымъ дѣломъ разорвать миръ. «Позвольте, панове, рѣчь держать!»

«Довольно!» кричали запорожцы: «лучшаго не скажешь!»—

«Когда такъ, то пусть по-вашему, только для насъ будетъ еще большее раздолье. Вамъ извѣстно, панове, что султанъ не оставитъ безнаказанно то удовольствіе, которыми потѣшатся молодцы. А мы, вотъ видите, будемъ наготовѣ, и силы у насъ будутъ свѣжія. Притомъ же и татарва можетъ напасть во время нашей отлучки. Да, если сказать правду, то у насъ и челновъ нѣтъ въ запасѣ, чтобы можно было всѣмъ отправиться. А я, пожалуй, я радъ, я слуга вашей воли».

Хитрый атаманъ замолчалъ. Кучи начали переговариваться, куренные атаманы совѣщаться, и рѣшили на томъ, чтобы отправить нѣсколько молодыхъ людей, подъ руководствомъ опытныхъ и старыхъ.

Такимъ образомъ, всѣ были увѣрены, что они совершенно по справедливости предпринимаютъ свое предпріятіе. Такое понятіе о правѣ весьма было извинительно народу, занимавшему опасныя границы среди буйныхъ сосѣдей. И странно, если бы они поступили иначе. Татары разъ десять перерывали свое шаткое перемиріе и служили обольстительнымъ примѣромъ. Притомъ, какъ можно было такимъ гулливымъ рыцарямъ и въ такой гулливый вѣкъ пробыть нѣсколько недѣль безъ войны?

Молодежь бросилась къ челнамъ осматривать ихъ и снаряжать въ дорогу. Нѣсколько плотниковъ явились вмѣстѣ съ топорами въ рукахъ. Старые, загорѣлые, широкочленистые запорожцы, съ просьбою въ усахъ, засучивъ шаровары, стояли по колѣни въ водѣ и стягивали ихъ съ берега крѣпкимъ канатомъ. Нѣсколько человекъ было отправлено въ скарбницу на противоположный утесистый берегъ. Днѣпра, гдѣ въ неприступномъ тайникѣ они скрывали часть пріобрѣтенныхъ орудій и добычу. Бывалые поучали другихъ съ какимъ-то наслажденіемъ, сохраняя при всемъ томъ степенный, суровый видъ. Весь берегъ получилъ движущійся видъ, и хлопотливость овладѣла дотошъ безпечнымъ народомъ.

Въ это время больной паромъ началъ причаливать къ берегу. Стоявшая на немъ куча людей еще издали махала руками. Куча состояла изъ козаковъ въ оборванныхъ свиткахъ. Беспорядочный костюмъ (у нихъ ничего не было, кромѣ рубашки и трубки) показывалъ, что они были слишкомъ угнетены бѣдою, или уже черезчуръ гуляли и прогуляли все, что ни было на тѣлѣ. Между ними отдѣлился и сталъ впереди приземистый, плечистый, лѣтъ пятидесяти человекъ. Онъ кричалъ сильнѣе другихъ и махалъ рукою сильнѣе всѣхъ.

«Богъ въ помощь вамъ, панове запорожцы!»

«Здравствуйте!» отвѣчали работавшіе въ лодкахъ, приостановивъ свое занятіе.

«Позвольте, панове запорожцы, рѣчь держать!»

«Говори!»

И толпа устыла и обступила весь берегъ.

«Слышали ли вы, что дѣлается на гетьманщинѣ?»

«А что?» произнесъ одинъ изъ куренныхъ атамановъ.

«Такія дѣла дѣлаются, что и рассказывать нечего».

«Какія же дѣла?»

«Что и говорить! И родились, и крестились, еще не видали такого», отвѣчалъ приземистый козакъ, поглядывая съ гордостью владѣющаго важной тайной.

«Ну, ну, рассказывай, что такое!» кричала въ одинъ голосъ толпа.

«А развѣ вы, панове, до сихъ поръ не слыхали?»

«Нѣтъ, не слыхали».

«Какъ же это? Что-жъ, вы развѣ за горами живете, или татаринъ заткнулъ клейтухомъ уши ваши?»

«Рассказывай! Полно толковать!» сказали нѣсколько старшинъ, стоявшихъ впереди.

«Такъ вы не слышали ничего про то, что жиды уже взяли церкви святыя, какъ шинки, на аренды?».

«Нѣтъ».

«Такъ вы не слышали и про то, что уже христіанину и пасхи не можно ѣсть, покамѣстъ разсобоцкій жидъ не положить значка нечистою своею рукою?»

«Ничего не слышали!» кричала толпа, подвигаясь ближе.

«И что ксендзы ѣздить изъ села въ село въ таратайкахъ, въ которыхъ запряжены—пусть бы еще кочи, это бы еще ничего, а то, просто, православные христіане. Такъ вы,

можетъ-быть, и того не знаете, что нечистое католичество хочетъ, чтобъ мы кинули и вѣру нашу христіанскую? Вы, можетъ-быть, не слышали и объ томъ, что уже изъ поповскихъ ризъ жидовки шьютъ себѣ юбки?»

«Стой, стой!» прервалъ кошевой, дотолѣ стоявшій, углубивши глаза въ землю, какъ и всѣ запорожцы, которые въ важныхъ дѣлахъ никогда не отдавались первому порыву, но молчали и между тѣмъ въ тишинѣ совокупляли въ себѣ всю желѣзную силу негодованія. «Стой, и я скажу слово. А что-жъ вы, врагъ бы поколотилъ вашего батька, что-жъ вы? развѣ у васъ сабель не было, что-ли? Какъ же вы пустили такому беззаконію?»

«Э, какъ пустили такому беззаконію!» отвѣчалъ приземистый козакъ. «А попробовали бы вы, когда пятьдесятъ тысячъ было однихъ ляховъ, да еще къ тому и часть гетьманцевъ приняла ихъ вѣру».

«А гетьманъ вашъ, а полковники что дѣлали?»

«Э, гетьманъ и полковники! А знаете, гдѣ теперь гетьманъ и полковники?»

«Гдѣ?»

«Полковниковъ головы и руки развозятъ по ярмаркамъ, а гетьманъ, зажаренный въ мѣдномъ быкѣ, и до сихъ поръ лежитъ еще въ Варшавѣ».

Содроганіе пробѣжало по всей толпѣ: молчаніе, какое обыкновенно предшествуетъ бурѣ, остановилось на устахъ всѣхъ, и, мигъ послѣ того, чувства, подавляемыя дотолѣ въ душѣ силою джогого характера, брызнули цѣлымъ потокомъ рѣчей.

«Какъ, чтобы нашу Христову вѣру гнала проклятая жидова! чтобы этакое дѣлать съ православными христіанами! чтобы такъ замучить нашихъ! да еще кого? полковниковъ и самого гетьмана! Да чтобы мы стерпѣли все это? Нѣтъ, этого не будетъ!» Такія слова перелетали во всѣхъ концахъ обширной толпы народа.

Зашумѣли запорожцы и разомъ почувствовали свои силы. Это не было похоже на волненіе народа легкомысленнаго. Тутъ волновались все характеры тяжелые и крѣпкіе. Они раскалялись медленно, упорно, но за то раскалялись, чтобы уже долго не остыть.

«Какъ, чтобы жидовство надъ нами пановало! А ну, паны братцы, перевѣшаемъ всю жидову! Чтобы и духу ея не

было!» произнесъ кто-то изъ толпы. Эти слова пролетѣли молніей, и толпа ринулась на предмѣстье, съ сильнымъ желаніемъ перерѣзать всѣхъ жидовъ.

Бѣдные сыны Израиля, растерявши все присутствіе своего и безъ того мелкаго духа, прятались въ пустыхъ горѣлочныхъ бочкахъ, въ печкахъ и даже запалзывали подъ юбки своихъ жидовокъ, но неумолимые, беспощадные мстители вездѣ ихъ находили.

«Ясневельможные паны!» кричалъ одинъ высокій и тощій жидъ, высунувши изъ кучи своихъ товарищей жалкую свою рожу, исковерканную страхомъ: «ясневельможные паны! мы такое объявимъ вамъ, чего еще никогда не слышали, такое важное, что не можно сказать, какое важное!»

«Ну, пусть скажутъ!» сказалъ Бульба, который всегда любилъ выслушать обвиняемаго.

«Ясные паны!» произнесъ жидъ. «Такихъ пановъ еще никогда не выдывано, — ей-Богу, еще никогда! Такихъ добрыхъ, хорошихъ и храбрыхъ не было еще на свѣтѣ...» Голосъ его умиралъ и дрожалъ отъ страха. — «Какъ можно, чтобы мы думали про запорожцевъ что-нибудь нехорошее. Тѣ совсѣмъ не наши, что арендаторствуютъ на Украинѣ! ей-Богу, не наши! То совсѣмъ не жида: то чортъ знаетъ что; то такое, что только поплевать на него, да и бросить. Вотъ и они скажутъ то же. Не правда ли, Шлема, или ты, Шмуль?»

«Ей-Богу, правда!» отвѣчали изъ толпы Шлема и Шмуль въ изодранныхъ яломкахъ, оба бѣлые, какъ глина.

«Мы никогда еще», продолжалъ высокій жидъ: «не соглашались съ непріятелями. А католиковъ мы и знать не хотимъ: пусть имъ чортъ приснится! Мы съ запорожцами — какъ братья родные...»

«Какъ? чтобъ запорожцы были съ вами братья?» произнесъ одинъ изъ толпы. «Не дождетесь, проклятые жида! Въ Днѣпръ ихъ, панове, всѣхъ потопить поганцевъ!»

Эти слова были сигналомъ: жидовъ расхватили по рукамъ и начали швырять въ волны. Жалкій крикъ раздался со всѣхъ сторонъ; но суровые запорожцы только смѣялись, видя, какъ жидовскія ноги въ башмакахъ и чулкахъ болтались на воздухѣ. Бѣдный высокій ораторъ, накликавшій самъ на свою шею бѣду, схватилъ за ноги Бульбу и жалкимъ голосомъ молилъ: «Великій господинъ, ясневельможный

пань! я зналъ и брата вашего покойнаго Дороша. Какой былъ славный воинъ! Я ему восемьсотъ цехиновъ далъ, когда нужно было выкупиться изъ плѣна у турковъ».

«Ты зналъ брата?» спросилъ Тарасъ.

«Ей-Богу, зналъ! Великодушный былъ панъ».

«А какъ тебя зовутъ?»

«Янкель».

«Хорошо, я тебя проведу». Сказавши это, Тарасъ повелъ его къ своему обозу, возлѣ котораго стояли козаки его. «Ну, полѣзай подъ телѣгу, лежи тамъ и не пошевелись, а вы, братцы, не выпускайте жидовъ».

Сказавши это, онъ отправился на площадь, потому что раздавшійся бой литавровъ возвѣстилъ собраніе рады. Несмотря на свою печаль и сокрушеніе о случившихся на Украинѣ несчастіяхъ, онъ былъ нѣсколько доволенъ представлявшимся широкимъ раздольемъ для подвиговъ, и притомъ для подвиговъ такихъ, которые представляли ему мученическій вѣнецъ по смерти.

Вся Сѣча, все, что было на Запорожьи, собралось на площадь. Старшины, куренные атаманы, по короткомъ совѣщаніи, рѣшили на томъ, чтобы итти съ войскомъ прямо на Польшу, такъ какъ оттуда произошло все зло, — желая внести опустошеніе въ землю непріятельскую и предвидя себѣ при этомъ добычу.

И вся Сѣча вдругъ преобразилась. Вездѣ были только слышны пробная стрѣльба изъ ружей, бряканье саблей, скрипъ телѣгъ; все подпоясывалось, облачалось. Шинки были заперты; ни одного человѣка не было пьянаго. Необыкновенная дѣятельность смѣнила вдругъ необыкновенную безпечность. Кошевой выросъ на цѣлый аршинъ. Это уже не былъ тотъ робкій исполнитель вѣтренныхъ желаній вольнаго народа; это былъ неограниченный повелитель; это былъ почти деспотъ, умѣвшій только повелѣвать. Всѣ своевольные и гуливые рыцари стройно стояли въ рядахъ, почтительно опутивъ головы, не смѣя поднять глазъ, когда онъ раздавалъ повелѣнія тихо, съ разстановкою, какъ главнобоко знающій свое дѣло и уже не въ первый разъ приводившій его въ исполненіе. Въ деревянной небольшой церкви служилъ священникъ молебенъ, окропилъ всѣхъ святою водою; всѣ цѣловали крестъ.

Когда все запорожское войско вышло изъ Сѣчи, головы

всѣхъ обратились назадъ. «Прощай, наша мать!» сказали почти всѣ въ одно слово. «Пусть же тебя хранить Богъ отъ всякаго несчастія!»

Проходя предмѣстіе, Тарасъ Бульба увидѣлъ съ изумленіемъ, что жидокъ его уже раскинулъ свою лавочку и продавалъ какіе-то кремешки и всякую дрянъ. «Дурень, что ты здѣсь сидишь?» сказалъ онъ ему: «развѣ хочешь, чтобы тебя застрѣлили, какъ воробья?»

«Молчите», отвѣчалъ жидъ: «я пойду за вами и войскомъ и буду продавать провіантъ по такой дешевой цѣлѣ, по какой еще никогда никто не продавалъ. Ей-Богу, такъ! Вотъ увидите».

Бульба пожалъ плечами и отъѣхалъ къ своему отряду.

IV.

Скоро весь польскій юго-западъ сдѣлался добычею страха; вездѣ только и слышно было про запорожцевъ. Скудельные южные города и села были совершенно стираемы съ лица земли. Арендаторы-жиды были вѣшаны кучами, вмѣстѣ съ католическимъ духовенствомъ. Запорожцы, какъ бы пируя, протекали путь свой, оставляя за собою пустыя пространства. Нигдѣ не смѣлъ остановить ихъ отрядъ польскихъ войскъ: они были расѣваемы при первой схваткѣ. Ничто не могло противиться азіатской атакѣ ихъ. Прелатъ, находившійся тогда въ Радзивилловскомъ монастырѣ, прислалъ отъ себя двухъ монаховъ съ представленіемъ, что между запорожцами и правительствомъ существуетъ согласіе, и что они явно нарушаютъ свою обязанность къ королю, а вмѣстѣ съ тѣмъ и народныя права. «Скажи епископу отъ лица всѣхъ запорожцевъ», сказалъ кошевой: «чтобы онъ ничего не боялся: это козаки еще только люльки раскуриваютъ». И скоро величественное аббатство обхвачилось сокрушительнымъ пламенемъ, и колоссальныя готическія окна его сурово глядѣли сквозь раздѣлявшіяся волны огня. Вѣгущія толпы монаховъ, солдатъ, жидовъ наводнили многолюдные города и деревни, почти оставленные на произволъ непріятеля.

Одинъ только городъ Дубно не сдавался. Этимъ были раздражены всѣ чины, въ числѣ которыхъ занималъ не послѣднее мѣсто Тарасъ Бульба. Они положили взять его

голодомъ. Толпы вольныхъ набѣдниковъ облегли со всѣхъ сторонъ его стѣны, расположились вмѣстѣ съ своими обо-зами, которые всегда почти за ними слѣдовали. Жители съ небольшимъ числомъ войскъ рѣшились вытерпѣть возможную степень бѣдствія и не сдаваться ни въ какомъ случаѣ. Запорожцы удвоили наблюденіе, чтобы никакое вспомо-ществованіе не могло прійти въ городъ, играли въ четъ и нечетъ, курили люльки и съ убійственнымъ хладнокровіемъ смотрѣли на городскія стѣны. Прошло двѣ недѣли и, не смотря на то, что они свои вольные набѣги гораздо болѣе предпочитали осадамъ городовъ, однакожь, ничто не могло преодолѣть ихъ терпѣнія.—Молодые, попробовавшіе битвъ и опасностей, сгорали нетерпѣніемъ, и въ числѣ ихъ были наши герои Остапъ и Андрій, вдругъ пріобрѣвшіе опытность въ военномъ дѣлѣ, пылкіе, исполненные отваги, желавшіе новыхъ встрѣтъ, жадные узнать новыя эволюціи и варіаціи войны и показать свое умѣніе играть опасностями. Остапъ, казалось, только на то и созданъ былъ, чтобы гулять въ вѣчномъ пирѣ войны. Онъ теперь уже казался чѣмъ-то атлетическимъ, колоссальнымъ. Его движенія пріобрѣли крѣпкую увѣренность, и всѣ качества его, прежде незамѣтныя, получили размѣръ шире и казались качествами мощнаго льва. Андрій также погрузился весь въ очаровательную музыку мечей и пуль, потому что нигдѣ воля, забвеніе, смерть, наслажденіе не соединяются въ такой обольстительной, страшной прелести, какъ въ битвѣ.

Этотъ долгій роздыхъ, который они имѣли подъ стѣнами города, имъ не нравился. Андрій сидѣлъ долго возлѣ обоза своего, тогда какъ уже всѣ запорожцы спали, кромѣ нѣкоторыхъ, стоявшихъ на сторожѣ. Ночь, іюньская прекрасная ночь, съ безчисленными звѣздами, обнимала опустошенную землю. Вся окрестность представляла величественное зрѣлище: со всѣхъ сторонъ, вблизи и вдали, были видны зарева горѣвшихъ деревень. Въ одномъ мѣстѣ пламя спокойно и величественно стлалось по небу; въ другомъ мѣстѣ оно, встрѣтивъ что-то горячее, вдругъ вырвавшись вихремъ, свистѣло и летѣло вверхъ подъ самыя звѣзды, и оторванные охлопья его гаснули подъ самыми дальними небесами. Въ одномъ мѣстѣ обгорѣлый черный монастырь, какъ суровый картезіанскій монахъ, стоялъ грозно, выказывая при каждомъ отблескѣ мрачное свое величіе. Въ дру-

гомъ мѣстѣ горѣло новое зданіе, потопленное въ садахъ. Деревья шипѣли и покрывались дымомъ; иногда сквозь нихъ просвѣчивалась лава огня, и гроздія грушъ, обвѣсившихъ вѣтви, принимали цвѣтъ червоннаго золота; даже видны были издали сливы, получившія фосфорическій, лилово-огненный цвѣтъ; и среди этого всего иногда чернѣло висѣвшее на стѣнѣ зданія тѣло бѣднаго жиды или монаха, погибавшее вмѣстѣ со строеніемъ въ огнѣ. Надъ нимъ висѣли вдали птицы, казавшіяся кучею темныхъ мелкихъ крапинокъ, въ видѣ едва замѣтныхъ крестиковъ на огненномъ полѣ. Среди тишины одни только спутанные кони производили шумъ, и звонкое ихъ ржаніе отдавалось съ раскатами, нѣсколько разъ повторявшимися дребезжащимъ эхомъ.

Онъ глядѣлъ безмолвно на эту страшную и чудную картину и вдругъ почувствовалъ какъ будто присутствіе чего-то; ему казалось, какъ будто возлѣ него кто-то стоялъ. Онъ оглянулся и въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ стоявшую подлѣ себя женщину. Смуглыя черты лица ея и азіатская фізіогномія показались ему какъ-то знакомыми. Онъ сталъ глядѣть пристальнѣе: такъ, это была татарка! та самая татарка, которая служила горничною при дочери ковенскаго воеводы. Онъ восторженно. Сердце сильнымъ ударомъ стукнуло въ его мощную грудь, и все минувшее, что было въ глубинѣ ея, что было закрыто, заглушено, подавлено настоящимъ вольнымъ бытомъ,—все это всплыло разомъ на поверхность, потопивши въ свою очередь настоящее; вся гордая сила, сила юности, зажглась вдругъ самымъ томительнымъ приливомъ безпокойства нестерпимаго и страднаго. Вопросы потокомъ излились изъ его груди: «Откуда? какъ? гдѣ твоя панна? какъ ты явилась здѣсь? что это значитъ? Говори, не мучь меня!»

«Тише, ради Бога, тише!» говорила татарка, и закуталась въ козацкій кобенякъ, который было сбросила съ себя. «Панна узнала васъ между запорожцами. Она въ городѣ».

«Милосердый Іисусъ! она здѣсь? Что ты говоришь? Она въ городѣ?»

Татарка кивнула утвердительно головою.

«Что-жъ она? говори, говори! Что-жъ ты молчишь?»

«Она другой день уже ничего не ѣла».

«Какъ!»

«Ни у одного изъ жителей въ городѣ нѣтъ ни куска хлѣба. Всѣ давно уже ѣдятъ одну землю».

«Спаситель Иисусъ! И вы до сихъ поръ не сдѣлали ни одной вылазки?»

«Нельзя: запорожцы кругомъ облегли стѣны. Одинъ только потаенный ходъ и есть; но на томъ самомъ мѣстѣ стоять ваши обозы, и если только узнаютъ этотъ ходъ, то городъ уже вашъ. Панна приказала мнѣ все объявить вамъ, потому что вы не захотите измѣнить ей».

«Боже, измѣнить ей! И я ее увижу! О!.. когда бы мнѣ не умереть только до того часа!» Вся грудь его была проникнута самымъ пронзительнымъ остриемъ радости. Онъ со всѣмъ пыломъ поспѣшности бросился по угламъ шатра своего, началъ вытаскивать все, что только могъ найти съестнаго, и скоро два небольшихъ мѣшка были нагружены пшеномъ и сухарями. Онъ далъ ихъ въ руки татаркѣ, закуталъ ее плащомъ и приказалъ сказать паннѣ, что онъ скоро будетъ самъ. Онъ велѣлъ татаркѣ, отнеся припасы, ожидать его прихода. Онъ теперь думалъ только, какъ бы безопаснѣе провести ее до мѣста, гдѣ былъ скрытъ подземный ходъ. Этотъ ходъ былъ подъ самымъ возомъ, наполненнымъ военными снарядами. Къ счастью его, запорожцы, по обыкновенной своей безпечности, всѣ спали мертвецки. Тихо шель онъ съ нею рука объ руку и, желая обойти спящихъ, толкнулъ ее нечаянно локтемъ: кобеньякъ слетѣлъ, и зарево яркимъ блескомъ освѣтило ея бѣлое платье. «Спаситель, она открыта! Все пропало». Онъ со страхомъ и мертвою, убитою душою повелъ глазами вокругъ. Боже, какое счастье! даже зоркій сторожъ, стоявшій на самомъ опасномъ постѣ, спалъ, склонившись на ружье. Татарка, закутавшись крѣпче въ кобеньякъ, полѣзла подъ телѣгу; небольшой четвероугольникъ дерну приподнялся — и она ушла въ землю.

Торопливо онъ воротился къ своему мѣсту, желая осмотрѣть хорошенько, всѣ ли спятъ и все ли спокойно.

«Андрій!» сказалъ въ это время, поднявши голову, старый Бульба: «какая это къ тебѣ татарка приходила?»

Если бы кто-нибудь въ то время посмотрѣлъ на Андрія, то бы почелъ его за мертвеца, вставшаго изъ могилы.

«Эй, смотри, сынъ! ей-Богу, отдѣлаю тебя батогомъ такъ,

что до преставленія свѣта будетъ болѣть спина! Бабы поведутъ тебя до добра».

Сказавши это, Бульба, — или былъ утружденъ заботами, или занятъ какимъ-нибудь важнымъ планомъ, вовсе не полагая, чтобы эта татарка была изъ города, а признавъ ее за какую-нибудь бѣглянку изъ села, съ которою сынъ его свелъ интригу, — какъ бы то ни было, только онъ повернулся на другую сторону и заснулъ.

Андрій отдохнулъ. Съ трепещущимъ сердцемъ бросился онъ къ обозамъ, обшарилъ, гдѣ только было съѣстное, нагрузилъ мѣшки и неизмѣримыя шаровары свои, и, во все продолженіе этого, сердце его млѣло, духъ занимался и, казалось, улеталъ при одной мысли о той радости, которая ждала его впереди. Еще разъ осмотрѣлся онъ вокругъ, не чувствуя ни сердца, ни земли, ни себя, ни міра, и поползъ подъ телѣгу. Небольшое отверстіе вдругъ открылось передъ нимъ и снова за нимъ захлопнулось.

Онъ вдругъ очутился въ совершенной темнотѣ. Онъ чувствовалъ подъ ногами своими ступени, идущія внизъ; кто-то схватилъ его за руку. Они шли долго; наконецъ, ступени прекратились, подъ нимъ была гладкая земля. Свѣтъ фонаря блеснулъ въ подземномъ мракѣ.

«Теперь идите прямо», говорилъ ему голосъ: это была татарка.

Коридоръ шелъ подъ городской стѣною и оканчивался такою же лѣстницею вверхъ. Наконецъ, онъ очутился среди города, когда уже занялась заря и перепархивалъ утренній вѣтеръ. Ни одна труба не дымилась. Мертвый видъ города прерывался слабыми болѣзненными стенами, которые не могли не поразить его. На стражѣ стояли часовые, блѣдные, какъ смерть; это были больше привидѣнія, нежели люди. Среди самой дороги попался имъ самый ужасный, поразительный предметъ: это была женщина, страшная жертва голода, лежавшая при послѣднемъ издыханіи, стиснувшая зубами изсохшую свою руку. Содрогнувшись, спѣшилъ онъ вслѣдъ за татаркою; онъ летѣлъ всѣми чувствами видѣть ту, за счастье которой онъ готовъ былъ отдать всю жизнь. Онъ взбѣжалъ на крыльцо; онъ взошелъ въ комнату. Вездѣ была тишина: все или спало, утомленное сграданіемъ, или безмолвно мучилось. Онъ вступилъ на порогъ спальни. О, какъ замерло его сердце! Какъ замлѣлъ онъ весь, когда

оно ему сказало, что черезъ секунду, чрезъ молнію мига, онъ ее увидитъ!

И онъ ее увидѣлъ, увидѣлъ ту, которая когда-то была беззаботна, весела, вѣтрена, шаловлива, которая когда-то надѣвала на него серьги и убирала его своими прекрасными, легкими, какъ крылья мотыльковъ, убрancements. Онъ опять увидѣлъ ее. Она сидѣла на диванѣ, подвернувши подъ себя обворожительную, стройную ножку. Она была томна; она была блѣдна, но бѣлизна ея была пронзительна, какъ сверкающая одежда серафима. Гебеновыя брови, тонкія, прекрасныя, придавали что-то стремительное ея лицу, обладающему священнымъ трепетомъ сладкой боязни въ первый разъ взглянушаго на нее. Рѣсницы ея, длинныя какъ мечтанія, были опущены и темными тонкими иглами виднѣлись рѣзко на ея небесномъ лицѣ.—Что это было за созданіе! И это созданіе, которое, казалось, для чуда было рождено среди міра, къ ногамъ котораго повергнуть весь міръ, всѣ сокровища казалось малою жертвою, это небесное созданіе терпѣло голодъ и все, что есть горькаго для жителей земли. Заплѣсневѣлая корка хлѣба, лежавшая на золотомъ блюдѣ, какъ драгоценность, показывала, что еще недавно здѣсь было чувствуемо все свирѣйство голода. Услышавши шумъ, она приподняла свою голову и обратила къ нему взглядъ долгій, сокрушительный. Онъ опять, казалось, исчезнулъ и потерялся. Лицо ея съ перваго раза ему показалось какъ будто другимъ: въ немъ были прежнія черты, но въ немъ же заключалась бездна новыхъ, прекрасныхъ, какъ небеса. Этотъ признакъ безмолвнаго страданія, этотъ болѣзненный видъ... о, какъ она была лучше прежняго! Онъ бросился къ ногамъ ея, приникъ и глядѣлъ въ ея могучія очи. Улыбка какой-то радости сверкнула на ея устахъ, и въ то же время слеза, какъ брильянтъ, повисла на ея рѣсницѣ.

«Царица!» сказалъ онъ: «что для тебя сдѣлать? чего ты хочешь?»

Она смотрѣла на него пристально и положила на плечо его свою чудесную руку. Съ пожирающимъ пламенемъ страсти покрывъ онъ ее поцѣлуями.

«Нѣтъ, я не пойду отъ тебя! Я умру возлѣ тебя! Пусть же у ногъ твоихъ, пожираемый голодомъ, я умру, какъ и

ты, моя панна! И за смерть, за сладкую смерть у твоихъ ногъ, ничего не хочу!»

«А твои товарищи, а твой отецъ? Ты долженъ идти къ нимъ», говорила она тихо. Уста ея еще долго шевелились безъ словъ, и глаза ея, полные слезъ, не сводились съ него.

«Что ты говоришь!» произнесъ Андрій со всею силою и крѣпостью воли. «Что бы тогда за любовь моя была, когда бы я бросилъ для тебя только то, что легко бросить! Нѣтъ, моя панна! нѣтъ, моя прекрасная! Я не такъ люблю: отца, брата, мать, отчизну,—все, что ни есть на землѣ, все отдаю за тебя, все! Прощай! Я теперь вашъ! я твой! Чего еще хочешь?»

Она склонилась къ нему головою. Онъ почувствовалъ, какъ электрически-пламенная щека ея коснулась его щеки, и лобзаніе,—у, какое лобзаніе!—слило уста ихъ, прикипѣвшія другъ къ другу.

V.

«Пане!» сказалъ жидъ Янкель, высунувъ свой яломокъ въ шатеръ, гдѣ сидѣлъ Бульба. Это былъ тотъ самый Янкель, котораго онъ избавилъ отъ смерти и который теперь маркиганствовалъ и шпіонничалъ при запорожскомъ войскѣ. «Пане, знаете ли, что дѣлается?»

«А что?»

«Идетъ пятнадцать тысячь войска польскаго и пушки везуть».

«Били двадцатерыхъ, побьемъ и пятнадцать!» отвѣчалъ Бульба.

«А знаете ли, еще что дѣлается?»

«А что?»

«Вашъ сынъ Андрій, ой, вей миръ, что это за славный рыцарь!..»

«Ну?»

«Онъ теперь держать сторону Польши».

«Какъ!» подхватилъ Бульба, вскочивши: «чтобы дитя мое... чтобы мой сынъ... Да я тебя убью, проглатый жидъ! Врешь ты, чортово племя!»

«Ай, ай! какъ можно, чтобы я вралъ! Пусть отцу моему не будетъ счастья на томъ свѣтѣ, если я вру!»

«Какъ! чтобы сынъ Тараса Бульбы да посягнуть на такое дѣло!»

«Далибугъ, ей же Богу, такъ!»

«Чтобы онъ продалъ Христову вѣру и отчизну!»

«Далибугъ, такъ. Я его видѣлъ самъ собственными глазами. Фай, какой важный рыцарь! Сто восемьдесятъ червонныхъ стоять однѣ латы... богатые латы: всѣ въ золотѣ. А если бы вы увидѣли, какъ онъ славно муштруетъ солдатами!»

Тарасъ Бульба былъ пораженъ, какъ громомъ. «Ты путаешь, проклятый Иуда! Не можно, чтобы крещеное дитя продало вѣру. Если бы онъ былъ турокъ или нечистый жидъ... Нѣтъ, не можетъ онъ такъ сдѣлать! ей-Богу, не можетъ!»

Но, однакоже, онъ вспомнилъ, что уже два дня, какъ его не видалъ; онъ вспомнилъ про татарку, появившуюся въ его ставкѣ, и глаза его сверкнули. Ярость, ярость желѣзная, могучая, ярость тигра вспыхнула на его лицѣ. «Вишь, чортова дѣтина, ты таки свое взяла! Породилъ же тебя чортъ, на позоръ всему роду».

Съ лицомъ, разгорѣвшимся отъ гнѣва, онъ вышелъ изъ ставки и далъ приказъ сдѣлать коней.

Между тѣмъ кошевой раздавалъ повелѣнія отъ себя быть всѣмъ въ готовности и не позволять никакимъ образомъ осажденнымъ соединиться съ приближавшимся польскими войсками. Непріятельскихъ войскъ было, однакоже, болѣе нежели пятнадцать тысячъ. Кошевой вмѣстѣ съ совѣтомъ старшинъ рѣшили на томъ, чтобы усилить болѣе ту линію, которая обращена къ непріятелю. Черезъ это цѣпь съ противоположной стороны города ослабѣла, и хотя польскія войска были отбиты съ перваго раза, и притомъ съ большимъ урономъ, но отрядъ, оставшійся въ городѣ, рѣшился воспользоваться малочисленностью прикрытія, и, дѣйствительно, сдѣлавши вылазку, прорвался черезъ цѣпь и успѣлъ соединиться почти въ виду запорожцевъ. Бульба рвалъ на себѣ волосы съ досады, что уже невозможно было уморить ихъ всѣхъ голодомъ. Запорожцы сдвинулись въ густую непроломную стѣну: маневръ, всегда доставлявшій имъ существенную выгоду, потому что тактика ихъ соединяла азіатскую стремительность съ европейскою крѣпостью. Непріятель, несмотря на то, что былъ вдвое сильнѣе, не былъ

въ силахъ удержать превосходства. Битва завязалась самая жаркая и кровопролитная. Тарасъ Бульба занималъ одно изъ главныхъ начальствъ, и три коронные полка, не въ состояніи будучи удержать его стремительной атаки, готовы были отступить и предаться бѣгству, какъ вдругъ онъ обратилъ всѣ силы свои совершенно въ другую сторону.

Онъ завидѣлъ въ сторонѣ отрядъ, стоявшій, повидимому, въ засадѣ. Онъ узналъ среди его сына своего Андрія. Онъ отдалъ кое-какія наставленія Остапу, какъ продолжать дѣло, а самъ, съ небольшимъ числомъ, бросился, какъ бѣшеный, на этотъ отрядъ. Андрій узналъ его издали, и видно было издали, какъ онъ весь затрепеталъ. Онъ, какъ подлый трусъ, спрятался за ряды своихъ солдатъ и командовалъ оттуда своимъ войскомъ. Силы Тараса были немногочисленны: съ нимъ было только восемнадцать человѣкъ; но онъ ринулся съ такимъ свирѣпствомъ, съ такимъ сверхъестественнымъ стремленіемъ, что ряды уступали со страхомъ передъ этимъ разгнѣваннымъ вепремъ. Врядъ ли тогда его можно было съ чѣмъ-нибудь сравнить. Шапки давно не было на его головѣ; волосы его развѣвались, какъ пламя, и чубъ, какъ змѣя, раскидывался по воздуху; бѣшеный конь его грызъ и кусалъ коней непріятельскихъ, дорогой акшаметь былъ на немъ разорванъ; онъ уже бросилъ и саблю, и ружье, и размахивалъ только одной ужасной, непомѣрной тяжести, булавой, усѣянной мѣдными иглами. Нужно было взглянуть только на лицо его, чтобы увидѣть олицетворенное свирѣпство, чтобы извинить трусость Андрія, чувствовавшего свою душу не совсѣмъ чистою. Блѣдный, онъ видѣлъ, какъ гибли и разбивались его поляки; онъ видѣлъ, какъ послѣдніе, окружавшіе его, уже готовы были бѣжать; онъ видѣлъ, какъ уже нѣкоторые, поворотивши коней своихъ, бросали ружья. «Спасите!» кричалъ онъ, отчаянно простирая руки: «куда бѣжите вы? Глядите: онъ одинъ!»

Опомнившіеся воины на минуту остановились и въ самомъ дѣлѣ ободрились, увидѣвши, что ихъ гонить только одинъ съ тремя утомленными козаками. Но напрасно силились бы они устоять противъ такой отчаянной воли.

«Нѣтъ, ты не уйдешь отъ меня!» кричалъ Тарасъ, настигая бѣгущихъ, начинавшихъ думать, что они имѣютъ дѣло съ самимъ дьяволомъ.

Отчаянный Андрій сдѣлалъ усиліе бѣжать, но поздно:

ужасный отецъ уже былъ передъ нимъ. Безнадежно онъ остановился на одномъ мѣстѣ. Тарасъ оглянулся: уже никого не было позади его, всѣ сотоварищи его полегли въ разныхъ мѣстахъ поля. Ихъ только было двое.

«Что, сынку?» сказалъ Бульба, глянувши ему въ очи.

Андрій былъ безотвѣтенъ.

«Что, сынку?» повторилъ Тарасъ: «помогли тебѣ твои ляхи?»

Андрій не произнесъ ни слова; онъ стоялъ, какъ осужденный.

«Такъ продать, продать вѣру? Проклятъ тотъ и часъ, въ который ты родился на свѣтъ!»

Сказавши это, онъ глянулъ съ какимъ-то изступленно-сверкающимъ взглядомъ по сторонамъ.

«Ты думалъ, что я отдамъ кому-нибудь дитя свое? Нѣтъ! Я тебя породилъ, я тебя и убью! Стой и не шевелись, и не проси у Господа Бога отпущенія: за такое дѣло не прощаютъ на томъ свѣтъ!»

Андрій, блѣдный какъ полотно, прошепталъ губами одно только имя; но это не было имя фодины, или отца, или матери: это было имя прекрасной полячки.

Тарасъ отступилъ на нѣсколько шаговъ, снялъ съ плеча ружье, прицѣлился... выстрѣлъ грянулъ...

Какъ хлѣбный колосъ, подрѣзанный серпомъ, какъ молодой барашекъ, почувствовавшій смертельное желѣзо, повисъ онъ головою и повалился на траву, не сказавши ни одного слова.

Остановился сыноубійца и думалъ: предать ли тѣло измѣнника на расхищеніе и поруганіе, чтобы хищныя птицы растрепали его и сыромахи-волки расмарнали и разнесли его желтыя кости, или честно погребсти въ землѣ?

Въ это время подѣхалъ Остапъ. «Батько!» сказалъ онъ. Тарасъ не слышалъ.

«Батько, это ты убилъ его?»

«Я, сынку!»

Лицо Остапа выразило какой-то безмолвный упрекъ. Онъ бросился обнимать своего товарища и спутника, съ которыми двадцать лѣтъ они росли вмѣстѣ, жили пополамъ.

«Полно, сынку, довольно! Понесемъ мертвое тѣло, похоронимъ!» сказалъ Тарасъ, который въ то время сжалъ въ груди своей подступавшее ѣдкое чувство.

Они взяли тѣло и понесли на плечахъ въ обгорѣлый лѣсъ, стоявшій въ тылу запорожскихъ войскъ, и вырыли саблями и коньями яму.

Тарасъ оставилъ копьё и взглянулъ на трупъ сына. Онъ былъ и мертвый прекрасенъ: мужественное лицо его, недавно исполненное силы и непобѣдимаго для женъ очарованія, еще сохраняло въ себѣ слѣды ихъ; черныя брови, какъ траурный бархатъ, отгѣняли его поблѣднѣвшія черты.

«Чѣмъ бы не козакъ былъ?» сказалъ Тарасъ: «и станомъ высокій, и чернобровый, и лицо, какъ у дворянина, и рука была крѣпка въ бою—пропалъ! пропалъ безъ славы!..»

Трупъ опустили, засыпали землею, и черезъ минуту уже Тарасъ размахивалъ саблею въ рядахъ непріятельскихъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Разница была въ томъ только, что онъ теперь бился съ бѣлымъ изступленіемъ, сгорая желаніемъ отомстить смерть сына. Прибывшій въ то время его собственный полкъ, подъ начальствомъ Товкача, доставилъ ему значительный перевѣсъ. Онъ, наконецъ, узналъ, кто былъ виною отступничества его сына, и положилъ, во чтѣ бы ни стало, взять городъ. И онъ бы исполнилъ это: свирѣпый, онъ бы протекъ, какъ смерть, по его улицамъ; онъ бы вытащилъ изъ замка ее своею желѣзною рукою, ее, обворожительную, нѣжную, блистающую; свирѣпо повлекъ бы ее, схвативши за длинные, обольстительные волосы, и его кривая сабля сверкнула бы у ея голубинаго горла... Но одно непредвидѣнное происшествіе остановило его на пути непримиримой мести.

VI.

Въ запорожское войско пришло извѣстіе, что Сѣча взята, разорена татарами и бѣлая часть оставшихся запорожцевъ забрана въ плѣнъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими пушками. Въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно козаки старались, не теряя времени, настигнуть хищниковъ на возвратной ихъ дорогѣ и перехватить добычу, потому что, тремя недѣлями позже, уже этого сдѣлать было невозможно, и плѣнные козаки могли вдругъ очутиться на рынкахъ Великой Азіи. Коневой положилъ, и мнѣніе его подкрѣпили прочіе чины, идти на помощь немедленно, разсуждая, что уже довольно они отомстили за измѣну полякамъ и смерть гетьмановъ, и

что опустошенные поля будутъ помнить, какъ гостили на нихъ запорожцы.

На это изъявилъ согласіе и Бульба, хотя ему чрезвычайно хотѣлось взять городъ. Уже онъ отправился, чтобы отдать приказъ выучить коней и мазать телѣги, какъ вдругъ остановился и сказалъ: «Я хотѣлъ спросить еще объ одномъ у тебя, атаманъ! Вѣдь, кажется, въ непріятельскомъ войскѣ есть нашихъ человѣкъ тридцать въ плѣну?»

«Я посылаю просить развѣна,—не соглашаются».

«Такъ мы, стало-быть, ихъ и оставимъ такъ?»

«Что-жъ дѣлать?»

«Какъ! чтобы они опять замучили ихъ?»

«А что-жъ дѣлать?» отвѣчалъ кошевой: «вѣдь помочь нельзя; мы, хоть и останемся, то не одолѣемъ, а между тѣмъ и свое прогуляемъ: татарва не станетъ ожидать насъ».

«Такъ, стало-быть, пусть еретичное поганство, какъ хочеть, такъ и ругается надъ христіанскою кровью?»

Кошевой пожалъ плечами.

«А миѣ кажется, атаманъ, такъ не бывать этому».

«А отчего-жъ бы не бывать?»

«Да такъ: я уже знаю».

«Ова, какъ важно!» сказалъ кошевой, прижавши пальцемъ золу въ своей люлькѣ.

«Слышали ли вы, панове, что кошевой хочеть сдѣлать?» сказалъ Бульба, выходя отъ кошевого и обращаясь къ запорожцамъ. «Онъ хочеть, чтобы мы теперь же отправились на Сѣчу, а товарищей, тѣхъ, что попались въ плѣнъ непріятелю, такъ бы и оставили, чтобы ихъ замучило поганое еретичество. Что вы скажете на это?»

«Не послушаемъ мы кошевого!» сказала въ одинъ голосъ часть запорожцевъ, отдѣлилась и стала на сторонѣ. Ихъ было около тысячи человѣкъ.

Кошевой вышелъ. Онъ уже слышалъ волненіе, которое произвелъ неугомонный Бульба.

«Чего вы хотите? Изъ чего подняли вы такой гвалтъ?» закричалъ онъ грозно.

«Мы не хотимъ итти на Сѣчу! Мы остаемся здѣсь!» кричала толпа.

«Что вы? сдурѣли? Я васъ, чортовы дѣти, перевяжу всѣхъ!»

«Какую онъ можетъ имѣть власть?» сказалъ Тарасъ, обращаясь къ запорожцамъ: «мы—вольные козаки!»

«А что-жь? мы вольные козаки!» говорили запорожцы.

«Дамъ я вамъ вольныхъ! Вы гдѣ вольные? — на Сѣчѣ; вотъ тамъ вы вольные! Тамъ вы можете снять съ меня достоинство, связать меня и убить, и все, что хотите; а тутъ вы ни слова. Знаете ли вы, что такое военное право?— А ты что тутъ заводишь бунтъ?» сказалъ онъ, обращаясь къ Бульбѣ.

«Нѣтъ, я не бунтъ чиню, а исполняю долгъ христіанскій!» хладнокровно отвѣчалъ Тарасъ. «Я стою за права наши, ибо мы должны защищать христіанскую кровь»

«Я тебя, старый чортъ, присмыкну къ обозу».

«А ну, попробуй!»

«Слушайте, пане-братцы!» сказалъ кошевой, нѣсколько смягчивши рѣчь. «За что же вы оставляете тѣхъ своихъ товарищей, которыхъ на Сѣчѣ забрала татарва въ полонъ? Или вы думаете, что татары поступать лучше, чѣмъ ляхи?»

«То татарва, а то ляхи—другое дѣло», отвѣчалъ Бульба. «Еще у бусурмана есть совѣсть и страхъ Божій, а у католичества и не было, и не будетъ. Постоите, хлопцы, и я скажу: что, если бы вы попались въ плѣнь, да начали бы съ васъ живыхъ драть кожу или жарить на сковрадахъ,— что бы вы тогда сказали? А изъ вашихъ земляковъ, изъ товарищей, изъ тѣхъ, что должны до послѣдней крови защищать, изъ тѣхъ товарищей ни одинъ бы не захотѣлъ подать руку помощи,—что бы вы тогда сказали?»

«А что бы сказали?» произнесли нѣкоторые: «сказали бы: вы помон, а не запорожцы!» Замѣтно было, что слова Тараса сильно потрясли ихъ.

«Стойте, хлопцыта, и я скажу!» кричалъ атаманъ. «Ну, скажите, панове-браты, куда вашъ умъ дѣлся? Посудите сами, гдѣ вамъ управиться съ такимъ непріятелемъ? Ихъ больше десяти тысячъ, а васъ, можетъ-быть, двѣ. Вѣдь пропадете всѣ на мѣстѣ!»

«Пропадать, такъ пропадать!» сказалъ Бульба.

«Оставайтесь же тутъ, если уже такъ захотѣли своей гибели! А тѣ, которые разумнѣе васъ, гайда, въ дорогу!»

«Вы дѣлайте свое, а мы будемъ дѣлать свое!» сказалъ Бульба.

Обѣ стороны неподвижно стали одна противъ другой и минуту сохраняли мертвое молчаніе.

Наконецъ, стоявшіе въ первыхъ рядахъ посѣдѣвшіе запорожцы, утупивъ глаза въ землю, начали говорить: «Оно, конечно, если разсудить по справедливости, то и вы исполняете честь рыцарскую, и мы поступаемъ по рыцарскому обычаю. На то и живетъ человекъ, чтобы защищать вѣру и обычаи. Притомъ жизнь такое дѣло, что если о ней сожалѣть, то уже не знаешь, объ чемъ не жалѣть. Скоро будемъ жалѣть, что бросили женъ своихъ. Нужно же попробовать, что такое смерть. Вѣдь попробовали же всякой невзгоды въ жизни. Въ томъ и другомъ случаѣ мы не должны питать другъ противъ друга никакой непріязни. Мы всѣ запорожцы, всѣ изъ одного гнѣзда, всѣхъ насъ вспоила Сѣчь, всѣ мы братья родные... Спрашиваемъ каждаго: не имѣетъ ли противъ насъ какого неудовольствія?»

«Никакого! всегда были довольны!» закричали всѣ въ одинъ голосъ.

«Ну, такъ пусть же на разставаньи... что будетъ впредь, то Богъ одинъ знаетъ; можетъ-быть, ни одинъ изъ насъ уже не увидитъ дружка дружку, такъ поцѣлуемся всѣ».

И двѣ тысячи войска перечељовались съ двумя тысячами. Кошевой обнялъ Тараса.

«Ну, прощайте же, пане-братья, молодцы! Дай же, Боже, чтобы все было такъ, какъ Богу угодно! Если мы положимъ головы, то вы расскажите про насъ, что такіе-то гуляки не даромъ жили. Если же вы поляжете и примете честную смерть, то мы повѣдаемъ, чтобы знала вся Украина, да и другія земли, что были такіе молодцы, которые и вѣру Христову знали оборонять, да и товарищество уважали. Прощайте! Пусть благословеніе Божіе будетъ и съ вами, и съ нами!»

Обѣ половины войска соединились вмѣстѣ, чтобы не дать узнать непріятелю о своемъ раздѣленіи, и отступили къ обгорѣлому монастырю, у подошвы котораго былъ глубокій яръ. Удалявшаяся половина съ кошевымъ атаманомъ опустилась по скату горы и яромъ, невидимая непріятелемъ, пробиралась въ тишинѣ и молчаніи.

Стоявшій на высотѣ отрядъ польскаго войска не могъ не замѣтить нѣкотораго движенія въ войскахъ запорожскихъ и уже рѣшился было въ тотъ же часъ сдѣлать на-

паденіе, но французскій артиллеристъ и инженеръ, служившій въ польскихъ войскахъ, большой знатокъ военного дѣла, остановилъ ихъ, сказавши: «Нѣтъ, нѣтъ, господа! Это не то, что вы думаете: это больше ничего, какъ самая дьявольская засада. О, этотъ народъ, запороги!» сказалъ онъ, положивши палецъ на свой ястребиный носъ, при чемъ голосъ его, дотолѣ хриплый, пискнулъ дискантомъ: «этотъ народъ, запороги, хитерь, какъ самъ чортъ, или какъ капитанъ-дьяволъ!»

«Ну, панове молодцы!» сказалъ Бульба по удаленіи войска: «теперь пришла намъ пора показать честь запорожскую. Глядите же: если придется до того, что уже не можно будетъ стоять противъ бусурменовъ, то, панове, чтобы всѣ полегли на мѣстѣ, чтобы ни одинъ не остался живъ, чтобы всѣ, какъ добрые товарищи, покотомъ улеглись въ одной могилѣ. Теперь, передъ великимъ часомъ, выпьемъ, пане-браты, горѣлки, потому что судьба наша теперь похожа на свадьбу, на которой долженъ веселиться всякій человекъ».

Пятьдесятъ козаковъ отправились къ обозамъ и вынули баклажки, готовясь отправлять должность виночерпьевъ. Двѣ тысячи козаковъ подставили свои рукавицы.

«Прежде всего, пане-браты», сказалъ Бульба, поднявши вверхъ свою рукавицу: «долгъ велитъ выпить за вѣру Христову! Чтобы пришло, наконецъ, такое время, чтобы по всему свѣту разошлась она и всѣ бусурмены подѣлались бы, наконецъ, христіанами! Да за однимъ уже разомъ и за Сѣчь, чтобы долго, долго она стояла на гибель всему бусурменству, чтобы съ каждымъ годомъ выходили изъ нея молодцы одинъ другого лучше, одинъ другого лучше. Да уже вмѣстѣ выпьемъ и за нашу собственную славу, чтобы сказали внуки и сыны тѣхъ внуковъ, что были когда-то такіе, что не постыдили товарищества и не выдали своихъ! Итакъ, панове-браты, чтобы такъ же весело, какъ эта горѣлка играетъ и шибаетъ пузырями, такъ бы и мы шли на смерть. Ну-те, всѣ разомъ за вѣру!»

«За вѣру!» повторили громко ближніе ряды, поднявши вверхъ рукавицы. «За вѣру!» подхватили дальніе.

«За Сѣчь!» сказалъ Бульба, поднявъ снова рукавицу.

«За Сѣчь!» грянули ближніе. «За Сѣчь!» отозвалось въ дальнихъ.

«За славу и за всѣхъ христіанъ, какіе живутъ на Божьемъ свѣтѣ!»

«За славу и христіанъ!» повторили ближніе. «За славу и христіанъ!» повторили дальніе.

«Теперь на коней, хлопьята!»

Всѣ очутились на коняхъ и выѣхали вмѣстѣ стройною кучею. Всѣ дышали силою, свыше естественной. Это не былъ дикій энтузіазмъ, порожденный отчаяніемъ: это было что-то совершенно другое. Какое-то вдохновеніе веселости, какой-то трепетъ величія ощущался въ сердцахъ этой гуливой и храброй толпы. Ихъ черные и сѣдые усы величаво опускались внизъ; ихъ лица были исполнены увѣренности. Каждое движеніе ихъ было вольно и рисовалось. Вся конная колонна ударила на непріятеля твердо, не совокупляя всей своей силы, но какъ будто веселясь и играя своимъ положеніемъ. Подъ свистъ пуль выступали они, какъ подъ свадебную музыку. Безъ всякаго теоретическаго понятія о регулярности, они шли съ изумительною регулярностью, какъ будто бы происходившею отъ того, что сердца ихъ и страсти били въ одинъ тактъ единствомъ всеобщей мысли. Ни одинъ не отдѣлялся; нигдѣ не разрывалась эта масса. Польскія войска, которыя было приняли ихъ стремительнымъ упорствомъ, начали отступать, пораженные робостью и думая, не сверхъестественная ли какая сила начала помогать козакамъ. Лучшія распоряженія арміи были совершенно уничтожены этою разрушительною силою. Вся эта конная толпа неслась какъ-то вдохновенно, не измѣняясь, не охлаждая, не увеличивая своего пыла. Это была картина, и нужно было живописцу схватить кисть и рисовать ее. Французскій инженеръ, который былъ истинный въ душѣ артистъ, бросилъ фитиль, которымъ готовился зажигать пушки, и, позабывшись, билъ въ ладони, крича громко: «Браво, месье запороги!»

Около двухъ тысячъ человѣкъ непріятеля было убито и столько же разсыпалось и обратилось въ бѣгство. Свѣжее новоприбывшее войско остановилось какъ бы въ недоумѣніи. Запорожцы, съ своей стороны, не рѣшались итти далѣе. Въ виду самого непріятеля, взяли они оставленные пушки, часть обоза съ провіантомъ и отступили такъ же страшно, въ такомъ же точно порядкѣ, къ обгорѣвшему монастырю, котораго положеніе чрезвычайно благоприятство-

вало укрытію. Бульба пировалъ вмѣстѣ съ запорожцами послѣ такой славной битвы; но, когда осмотрѣлъ и перечелъ ряды свои, ихъ оставалось всего только не больше тысячи. Между тѣмъ новыя войска приходили безпрестанно на помощь, и если что спасло его отъ непріятельскаго нападенія, такъ это глубокая догадка французскаго инженера, заставлявшаго опасаться скрытаго множества запорожцевъ.

Между тѣмъ Бульба узналъ, что запорожскіе плѣнники отправлены съ конвоемъ по варшавской дорогѣ. Въ головѣ его тотчасъ родилась мысль перехватить ихъ. Объявивши объ этомъ войску, онъ началъ тайно готовиться къ отступленію. Цѣлый день казаки мазали дегтемъ свои телѣги, чтобы не скрипѣли; большую половину пушекъ закопали въ землю, чтобы онѣ не могли достаться непріятелю, и продолжали безпрестанную перестрѣлку изъ мушкетовъ. Часть запорожцевъ скинула съ себя верхнюю одежду; изъ нея подѣлали чучель и разставили на стѣнахъ монастырскихъ, вездѣ, гдѣ была стража. За монастыремъ они нашли дорогу, о которой, по всѣмъ вѣроятностямъ, ничего не знали непріатели. Она прорывалась между двумя рытвинами и была совершенно завалена изрубленнымъ лѣсомъ и пепломъ. Пользуясь глубокимъ мракомъ ночи, они тронулись, потянулись гужомъ со всѣмъ обозомъ, прорывались около пяти верстъ и, наконецъ, пробрались на чистое поле, гдѣ совершенно уже не было видно непріателя. Запорожцы приуздали коней и понеслись. Еще полчаса времени—и они бы, вѣрно, встрѣтили своихъ закованныхъ земляковъ, они бы имѣли еще достаточное время броситься на проселочную дорогу и, благодаря быстротѣ татарскихъ коней, можетъ-быть, Сѣчь увидѣла бы вновь своихъ главныхъ защитниковъ.

Но, какъ нарочно, польскія войска вздумали сдѣлать нападеніе на монастырь. Дальновидный инженеръ искусно зажегъ лѣсъ, къ нему примыкавшій, увѣряя, что всѣ будутъ имѣть славное жаркое изъ козачьей дичи. Но глубокая тишина изумила ихъ. Изумленіе еще болѣе увеличилось, когда они увидѣли, вмѣсто замѣченныхъ ими издали запорожцевъ, одни чучела. По всѣмъ признакамъ они видѣли, что запорожцевъ было небольшое число. Это увеличило ихъ досаду, и начальствовавшій войсками, человекъ

запальчивый, въ ту же минуту отдалъ приказъ устремиться на преслѣдованіе.

Если бы Бульба не выбрался такъ громоздко, то онъ могъ бы быть до сихъ поръ гораздо далѣе и тѣмъ, можетъ-быть, ускользнуть отъ преслѣдованія. Но онъ пожалѣлъ оставить нѣсколько пушекъ, а чрезъ нѣсколько минутъ увидѣлъ подымавшуюся пыль отъ многочисленнаго, съ двухъ сторонъ шедшаго войска. «Вишь, чортъ побери! ляхи пронюхали», сказалъ онъ, выпустивъ изъ рта люльку, которую уже началъ было курить съ величайшимъ спокойствіемъ.

Видя невозможность дальнѣйшаго отступленія отъ такого множества, онъ, съ обыкновеннымъ своимъ хладнокровіемъ, далъ повелѣніе сдвинуть обозъ въ кучу и окружить его нѣсколькими рядами запорожцевъ. Этотъ маневръ считался совершенствомъ козацкой тактики и возбуждалъ всегда удивленіе даже въ самыхъ глубокихъ теоретикахъ тогдашняго военнаго искусства. Его цѣль состояла въ томъ, чтобы скрыть тылъ. Тутъ козаки никогда не были побѣждаемы: окружая обозъ непроломною стѣною, они со всѣхъ сторонъ были обращены лицомъ къ непріятелю. Пушки доставили имъ большую выгоду, не допуская ихъ къ близкой схваткѣ и не утомляя черезъ это ихъ рядовъ, тѣмъ болѣе, что непріятель, желая скорѣе настигнуть, отправился налегкѣ. Войска польскія, всегда отличавшіяся нетерпѣливостью, уже готовы были бросить, если бы одна оплошность со стороны запорожцевъ не облегчила ихъ.

Въ это время Остапъ, выстрѣлявшій на своей сторонѣ всѣ пушечные заряды, увлекаемый пылкостью и негодуя на бездѣйственное положеніе, отдѣлился немного подалѣе отъ обоза, вступилъ въ мелкую перестрѣлку, а потомъ и въ рукопашную битву. Его свирѣпое мужество разсѣяло часть рядовъ непріятельскихъ, но скоро онъ былъ схваченъ стиснувшимъ его множествомъ, и старый Тарасъ видѣлъ собственными глазами, какъ онъ поднять нѣсколькими руками, связанъ толстыми веревками и уведенъ въ толпу. Желаніе подать помощь и освободить любимаго сына заставило его позабыть важность своего поста. Онъ отдѣлился вмѣстѣ съ болѣею частью запорожцевъ отъ обоза и ударилъ въ средину непріятеля, гдѣ полагалъ находившимся Остапа. Запорожцы совершенно затерялись въ толпѣ, раздѣленные толпою. Каждый долженъ былъ дѣйствовать от-

дѣльно, и нужно было видѣть, какъ каждый изъ нихъ вѣроуялся, какъ молнія, на всѣ стороны, дѣйствуя и саблею, и ружейнымъ прикладомъ, и нагайкою, и кіемъ. Каждый видѣлъ передъ собою смерть и старался только подороже продать свою жизнь. Бульба, какъ гигантъ какой-нибудь, отличался въ общемъ хаосѣ. Свирѣпо наносилъ онъ свои крѣпкіе удары, воспламеняясь болѣе и болѣе отъ сыпавшихся на него. Онъ сопровождалъ все это дикимъ и страшнымъ крикомъ, и голосъ его, какъ отдаленное ржаніе жеребца, переносили звонкія поля. Наконецъ, сабельные удары посыпались на него кучею; онъ грянулся, лишенный чувствъ. Толпа стиснула и смяла, кони растоптали его, покрытаго прахомъ. Ни одинъ изъ запорожцевъ не остался въ живыхъ: всѣ полегли на мѣстѣ. И ни одинъ живой трофей не былъ свидѣтелемъ побѣды, одержанной польскими войсками.

VII.

«Долго же я спалъ!» говорилъ Бульба, осматривая углы избушки, въ которой онъ лежалъ, весь израненный и избитый. «Спалъ ли я это, или на-яву видѣлъ?»

«Да, чуть было ты навѣки не заснулъ!» отвѣчалъ сидѣвшій возлѣ него Товкачъ, лицо котораго одну минуту только блеснуло живостью и опять погрузилось въ обыкновенное свое хладнокровіе.

«Добрая была сѣча! Какъ же это я спасся? Вѣдь, кажется, я совсѣмъ былъ подъ сабельными ударами, и что было далѣе, я уже ничего не помню...»

«Объ томъ нечего толковать, какъ спасся; хорошо, что спасся».

Товкачъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые дѣлаютъ дѣла молча и никогда не говорятъ о нихъ.

На блѣдномъ и перевязанномъ лицѣ Бульбы видно было усиліе припомнить обстоятельства. «А что же сынъ мой?.. Что Остапъ? И онъ легъ также вмѣстѣ съ другими и заслужилъ честную могилу?»

Товкачъ молчалъ.

«Что-жъ ты не говоришь? Постой! помню, помню: я видѣлъ, какъ скрутили назадъ ему руки и взяли въ полонъ нечестивые католики... И я не высвободилъ тебя, сынъ мой, Остапъ мой! Измѣнила, наконецъ, сила!»

Морщины сжались на лбу его, и раздумье крѣпко осѣнило лицо, покрытое рубцами.

«Молчи, панъ Тарасъ. Чему быть, тому быть. Молчи да крѣпись: еще намъ больше ста верстъ нужно проѣхать».

«Зачѣмъ?»

«Затѣмъ, что тебя теперь ищетъ всякая дрянь. Знаешь ли ты, что за твою голову, если кто принесетъ ее, тому дадутъ 2000 червонцевъ?»

Но Тарасъ не слышалъ рѣчей Товкача. «Сынъ мой, Остапъ мой!» говорилъ онъ: «я не высвободить тебя!»

И приливъ тоски повергнулъ его въ безпамятство. Товкачъ оставался цѣлый день въ избѣ; но съ наступленіемъ ночи онъ увезъ безчувственного Тараса. Увернувъ его въ воловую кожу, уложилъ въ ящикъ наподобіе койки, укрѣпилъ поперекъ сѣдла и пустился во всю прыть на татарскомъ бѣгу. Пустынные овраги и непроходимыя мѣста видѣли его, летѣвшаго съ тяжелою своею ношею. Товкачъ боялся встрѣчъ и преслѣдованій, и хотя уже онъ былъ на степи, которой хозяевами болѣе другихъ могли считаться запорожцы, но тогдашнія границы были такъ неопредѣленны, что каждый могъ прогуляться на нехранимой землѣ, какъ на своей собственности. Онъ не хотѣлъ везти Тараса въ его хуторъ, почитая тамъ его менѣе въ безопасности, нежели на Запорожьи, куда онъ теперь держалъ путь свой. Притомъ онъ былъ увѣренъ, что встрѣча съ прежними товарищами, пирушки и новыя битвы оживятъ его скорѣе и развлекутъ его.

Онъ, дѣйствительно, не обманулся. Желѣзная сила Тараса взяла верхъ, несмотря на то, что ему было шестьдесятъ лѣтъ; черезъ двѣ недѣли онъ уже поднялся на ноги. Но ничто не могло развлечь его. Повидимому, самыя ширшества запорожцевъ казались ему чѣмъ-то фдкимъ. Съ нимъ неразлучно было то время, которому еще и двухъ мѣсяцевъ не прошло, — то время, когда онъ гулялъ со своими сыновьями, еще крѣпкими, свѣжими, исполненными силъ, — и на этомъ, дотолѣ ничѣмъ не колеблемомъ лицѣ, прорывалась раздражающая горестъ, и онъ тихо, понутивъ голову, говорилъ: «Сынъ мой! Остапъ мой!»

Запорожцы собирались на морскую экспедицію. Двѣсти челновъ спущены были въ Днѣпръ, и Малая Азія видѣла ихъ, съ бритыми головами и длинными чубами, предавав-

шими мечу и огню цвѣтушіе берега ея; видѣла чалмы своихъ магометанскихъ обитателей раскиданными, подобно ея безчисленнымъ цвѣтамъ, на смоченныхъ кровью поляхъ и плававшими у береговъ; она видѣла не мало запачканныхъ дегтемъ запорожскихъ шароваръ, мускулистыхъ рукъ съ черными нагайками. Запорожцы переѣли и переломали весь виноградъ; въ мечетяхъ оставили цѣлыя кучи навозу; персидскія дорогія шали употребляли вмѣсто очкуровъ и опоясывали ими запачканныя свои свитки. Долго еще послѣ находили въ тѣхъ мѣстахъ запорожскія коротенькія люльки. Они весело плыли назадъ; за ними гнался десятипушечный турецкій корабль и залпомъ изъ всѣхъ орудій своихъ разогналъ, какъ птицъ, утлые ихъ челны. Третья часть ихъ потонула въ морскихъ глубинахъ; но остальные снова собрались вмѣстѣ и весело прибыли къ устью Днѣпра съ двѣнадцатью боченками, набитыми цехинами. Но все это уже не занимало Тараса. Неподвижный сидѣлъ онъ на берегу, шевеля губами и произнося: «Остапъ мой, Остапъ мой!» Передъ нимъ сверкало и разстилалось Черное море; въ дальнемъ тростникѣ кричала чайка; бѣлый усъ его серебрился, и слеза капала одна за другою.

*

Когда жидъ Янкель,—который въ то время очутился въ городѣ Умани и занимался какими-то подрядами и сношеніями съ тамошними арендаторами, — когда жидъ Янкель молился, накрывшись своимъ довольно запачканнымъ саваномъ, и оборотился, чтобы въ послѣдній разъ плюнуть, по обычаю своей вѣры, какъ вдругъ глаза его встрѣтили стоявшаго назади Бульбу. Жиду прежде всего бросились въ глаза 2000 червонныхъ, которые были обѣщаны за его голову; но онъ тутъ же устыдился своей корысти и силился подавить въ себѣ эту вѣчную мысль о золотѣ, которая, какъ червь, обвиваетъ душу жида.

«Слушай, Янкель!» сказалъ Тарасъ жиду, который началъ передъ нимъ кланяться и заперъ осторожно дверь, чтобы ихъ не видѣли. «Я спасъ твою жизнь, теперь ты сдѣлай мнѣ услугу!»

Лицо жида нѣсколько поморщилось. «Какую услугу? Если такая услуга, что можно сдѣлать, то для чего не сдѣлать?»

«Не говори ничего. Вези меня въ Варшаву!»

«Въ Варшаву? какъ, въ Варшаву?» сказалъ Янкель. Брови и плечи его поднялись вверхъ отъ изумленія.

«Не говори мнѣ ничего. Вези меня въ Варшаву! Чтѣ бы ни было, а я хочу еще разъ увидѣть его, сказать ему хоть одно слово».

«Какъ можно такое говорить?» говорилъ жидъ, разставивъ пальцы обѣихъ рукъ своихъ: «развѣ панъ не слышалъ, что уже...»

«Знаю, знаю все: за мою голову даютъ 2000 червонныхъ. Знаютъ же они, дурни, цѣну ей! Я тебѣ двѣнадцать дамъ. Вотъ тебѣ 2000 сейчасъ!» (при этомъ Бульба высыпалъ изъ кожанаго гамана 2000 червонныхъ) «а остальные, какъ ворочусь».

Жидъ тотчасъ схватилъ полотенце и накрылъ имъ червонцы. «Славная монета!» сказалъ онъ, вертя одинъ изъ нихъ въ своихъ пальцахъ и пробуя на зубахъ.

«Я бы не просилъ тебя, я бы самъ, можетъ-быть, нашелъ дорогу въ Варшаву; но меня могутъ какъ-нибудь узнать и захватить проклятые ляхи, ибо я не гораздо на выдумки. А вы, жидаы, на то уже и созданы; вы хоть чорта проведете; вы знаете всѣ штуки. Вотъ для чего я пришелъ къ тебѣ! Да и въ Варшавѣ я бы самъ собою ничего не получилъ. Сейчасъ запрягай возъ и вези меня!»

«А какъ же, вы думаете, мнѣ спрятать пана?»

«Да ужъ вы, жидаы, знаете, какъ: въ порожнюю бочку, или тамъ во что-нибудь другое».

«Какъ можно въ бочку! Всякъ подумаетъ, что горѣлка!»

«Ну, чтѣ-жъ! То и хорошо».

«Какъ хорошо? Ахъ, Боже мой! какъ можно этакое говорить! Развѣ панъ не знаетъ, что Богъ на то создалъ горѣлку, чтобы ее всякій пробовалъ? Тамъ все такіе ласуны, что Боже упаси! А особливо военный народъ: будетъ бѣжать верстъ пять за бочкою, долобить какъ разъ дырочку, тотчасъ увидитъ, что не течетъ, и скажетъ: «жидъ не повезетъ порожней бочки: вѣрно, тутъ есть что-нибудь».

«Ну, такъ положи меня въ возъ съ рыбою».

«Охъ, вей миръ! не можно; ей-Богу, не можно! Тамъ вездѣ по дорогѣ люди голодные, какъ собаки; раскрадутъ, какъ ни береги, и пана нацунуютъ».

«Такъ вези меня хоть на чортѣ, только вези!»

«Стойте, стойте! Теперь возятъ по дорогамъ много кирпичу. Тамъ строятъ какія-то крѣпости. Панъ пусть ляжетъ на днѣ воза, а верхъ я закладу кирпичомъ. Панъ здоровый

и крѣпкій съ виду и потому ему ничего, что будетъ тяжело; а я сдѣлаю въ возу снизу дырочку, чтобы кормить пана».

«Дѣлай, какъ хочешь, только вези!»

И черезъ часть возъ съ кирпичомъ выѣхалъ изъ Умани, запряженный въ двѣ клячи. На одной изъ нихъ сидѣлъ высокій Янкель, и длинные, курчавые пейсики его развѣвались изъ-подъ яломка, по мѣрѣ того, какъ онъ подпрыгивалъ на лошади.

VIII.

Въ то время, когда происходило описываемое событіе, на пограничныхъ мѣстахъ не было еще никакихъ таможенныхъ чиновниковъ и объѣзчиковъ, этой страшной грозы предприимчивыхъ людей, и потому всякій могъ везти, что ему вздумалось. Если же кто и производилъ обыскъ и ревизовку, то дѣлалъ это большею частью для своего собственного удовольствія, особливо, если на возу находились заманчивые для глазъ предметы и если его собственная рука имѣла порядочный вѣсъ и тяжесть. Но кирпичъ не находилъ охотниковъ и въѣхалъ безпрепятственно въ главные городскія ворота.

Бульба, въ своей тѣсной клѣткѣ, могъ только слышать шумъ, крики возницъ, и больше ничего. Янкель, подпрыгивая на своемъ коренномъ, запачканномъ пылью, рысакѣ, поворотилъ, сдѣлавши нѣсколько круговъ, въ темную узенькую улицу, носившую названіе Грязной и вмѣстѣ Жидовской, потому что здѣсь дѣйствительно находились жида почти со всей Варшавы. Эта улица чрезвычайно походила на вывороченную внутренность задняго двора. Солнце, казалось, не заходило сюда вовсе. Совершенно почернѣвшіе деревянныя дома со множествомъ протянутыхъ изъ окошекъ жердей увеличивали еще болѣе мракъ. Изрѣдка краснѣла между ними кирпичная стѣна, но и та уже во многихъ мѣстахъ превращалась совершенно въ черную. Иногда только вверху оштукатуренный кусокъ стѣны, обхваченный солнцемъ, блисталъ нестерпимою для глазъ бѣлизною. Тутъ все состояло изъ сильныхъ рѣзкостей: трубы, тряпки, шелуха, выброшенные разбитые чаны. Всякій, что было только у него негодного, швырялъ на улицу, доставляя прохожимъ

возможныя удобства питать всѣ чувства свои этою дрянью. Сидящій на конѣ всадникъ чуть-чуть не доставалъ рукою жердей, протянутыхъ черезъ улицу изъ одного дома въ другой, на которыхъ висѣли жидовскіе чулки, коротенькіе панталонцы и конченный гусь. Иногда довольно смазливенькое личико еврейки, убранный потемнѣвшими бусами, выглядывало изъ ветхаго окошка. Куча жиidenковъ, залачканныхъ, оборванныхъ, съ курчавыми волосами, кричала и валялась въ грязи. Рыжій жидъ съ веснушками по всему лицу, дѣлавшими его похожимъ на воробьиное яйцо, выглянулъ изъ окна, тотчасъ заговорилъ съ Янкелемъ на своемъ тарабарскомъ нарѣчій, и Янкель тотчасъ вѣхалъ въ одинъ дворъ. По улицѣ шелъ другой жидъ, остановился, вступилъ тоже въ разговоръ, и когда Бульба выкарабкался, наконецъ, изъ-подъ кирпича, онъ увидѣлъ трехъ жидовъ, говорившихъ съ большимъ жаромъ.

Янкель обратился къ нему и сказалъ, что все будетъ сдѣлано, что его Осталь сидитъ въ городской темницѣ, и что хотя трудно уговорить стражей, но, однакожъ, онъ надѣется доставить ему свиданіе.

Бульба вошелъ вмѣстѣ съ тремя жидами въ комнату.

Жидаы начали опять говорить между собою на своемъ непонятномъ языкѣ. Тарасъ поглядывалъ на каждаго изъ нихъ. Что-то, казалось, сильно потрясло его. На грубомъ и равнодушномъ лицѣ его вслыхнуло какое-то сокрушительное пламя надежды, надежды той, которая посѣщаетъ иногда человѣка въ послѣднемъ градусѣ отчаянія. Старое сердце его начало сильно биться, какъ будто у юноши.

«Слушайте, жидаы!» сказалъ онъ, и въ словахъ его было что-то восторженное. «Вы все на свѣтѣ можете сдѣлать, выкопаете хоть изъ дна морского, и пословица давно уже говорить, что жидъ самого себя украдетъ, когда только захочетъ украсть. Освободите мнѣ моего Остала! Дайте случай убѣждать его отъ дьявольскихъ рукъ! Вотъ я этому человѣку обѣщать двѣнадцать тысячъ червонныхъ—я прибавлю еще двѣнадцать. Всѣ, какіе у меня есть, дорогіе кубки и закопанное въ землѣ золото, хату и послѣднюю одежду продамъ и заключу съ вами контрактъ на всю жизнь, съ тѣмъ, чтобы все, что ни добуду на войнѣ, дѣлится съ вами пополамъ!

«О, не можно, любезный панъ! не можно!» сказалъ со вздохомъ Янкель.

«Нѣтъ, не можно!» сказалъ другой жидъ.

Всѣ три жида взглянули одинъ на другого.

«А попробовать», сказалъ третій, боязливо поглядывая на двухъ другихъ. «Можетъ-быть, Богъ дастъ».

Всѣ три жида заговорили по-нѣмецки. Бульба какъ ни наострялъ свой слухъ, ничего не могъ отгадать. Онъ слышалъ только часто произносимое слово «Мардохай», и больше ничего.

«Слушай, панъ!» сказалъ Янкель: «нужно посоветоваться съ такимъ человѣкомъ, какого еще никогда не было на свѣтѣ. У, у! то такой мудрый, какъ Соломонъ, и когда онъ ничего не сдѣлаетъ, то уже никто на свѣтѣ не сдѣлаетъ. Сиди тутъ; вотъ ключъ и не выпускай никого». Жида вышли на улицу.

Тарасъ заперъ дверь и смотрѣлъ въ маленькое окошечко на этотъ грязный жидовскій проспектъ. Три жида остановились посрединѣ улицы и стали говорить довольно азартно. Къ нимъ присоединился скоро четвертый, наконецъ и пятый. Онъ слышалъ опять повторяемое: «Мардохай, Мардохай». Жида безпрестанно посматривали въ одну сторону улицы. Наконецъ, въ концѣ ея, изъ-за одного дрянного дома показалась нога въ жидовскомъ башмакѣ, и замелькали фалды полукафтаны. «А, Мардохай! Мардохай!» закричали всѣ жида въ одинъ голосъ.

Тошій жидъ, нѣсколько короче Янкеля, но гораздо болѣе покрытый морщинами, съ преогромною верхнею губою, приблизился къ нетерпѣливой толпѣ, и всѣ жида наперерывъ спѣшили рассказать ему, при чемъ Мардохай нѣсколько разъ поглядывалъ на маленькое окошечко, и Тарасъ догадывался, что рѣчь шла о немъ. Мардохай размахивалъ руками, слушалъ, перебивалъ рѣчь, часто плевалъ на сторону и, подымая фалды полукафтаны, засовывалъ въ карманъ руку и вынималъ какія-то побригуники, при чемъ показывалъ прескверные свои панталоны. Наконецъ, всѣ жида подняли такой крикъ, что жидъ, стоявшій на сторожѣ, долженъ былъ давать знакъ къ молчанію, и Тарасъ уже началъ опасаться за свою безопасность; но, вспомнивши, что жида не могутъ иначе разсуждать, какъ на улицѣ, и что ихъ языка самъ демонъ не пойметъ, онъ успокоился.

Минуты двѣ спустя, жида вмѣстѣ вошли въ его комнату. Мардохай приблизился къ Тарасу, потрепалъ его по плечу и сказалъ: «Когда мы да Богъ захочетъ сдѣлать, то уже будетъ такъ, какъ нужно».

Тарась поглядѣлъ на этого Соломона, какого еще не было на свѣтѣ, и получилъ нѣкоторую надежду. Дѣйствительно, видъ его могъ внушить нѣкоторое довѣріе: верхняя губа у него была, просто, страшилище. Толщина ея, безъ сомнѣнія, увеличилась отъ постороннихъ причинъ. Въ бородѣ у этого Соломона было только пятнадцать волосковъ, и то на лѣвой сторонѣ. На лицѣ у Соломона было столько знаковъ побоевъ, полученныхъ за удалство, что онъ, безъ сомнѣнія, давно потерялъ счетъ имъ и привыкъ ихъ считать за родимыя пятна.

Мардохай ушелъ вмѣстѣ съ товарищами, исполненными удивленія къ его мудрости. Бульба остался одинъ. Онъ былъ въ странномъ, небываломъ положеніи: онъ чувствовалъ въ первый разъ въ жизни безпокойство; душа его была въ лихорадочномъ состояніи. Онъ не былъ тотъ прежній, непреклонный, непоколебимый, крѣпкій, какъ дубъ: онъ былъ малодушенъ; онъ былъ теперь слабъ. Онъ вздрагивалъ при каждомъ шорохѣ, при каждой новой жидовской фигурѣ, показывавшейся въ концѣ улицы. Въ такомъ состояніи пробылъ онъ, наконецъ, весь день; не ѣлъ, не пилъ, и глаза его не отрывались ни на часъ отъ небольшого окошечка на улицу. Наконецъ, уже ввечеру поздно показался Мардохай и Янкель. Сердце Тараса замерло.

«Что? удачно?» спросилъ онъ ихъ съ нетерпѣніемъ дикаго коня.

Но прежде еще, нежели жиды собрались съ духомъ отвѣчать, Тарась замѣтилъ, что у Мардохая уже не было послѣдняго локона, который, хотя довольно неопытно, но все же висѣлъ кольцами изъ-подъ яломка его. Замѣтно было, что онъ хотѣлъ что-то сказать, но наговорилъ такую дрянь, что Тарась ничего не понялъ. Да и самъ Янкель прикладывалъ очень часто руку ко рту, какъ будто бы страдалъ простудою.

«О, любезный панъ!» сказалъ Янкель: «тенерь совсѣмъ не можно! ей-Богу, не можно! Такой нехорошій народъ, что ему надо на самую голову наплевать. Вотъ и Мардохай скажетъ. Мардохай дѣлалъ такое, какого еще не дѣлалъ ни одинъ человекъ на свѣтѣ; но Богъ не захотѣлъ, чтобы такъ было. Три тысячи войска стоятъ, и завтра ихъ всѣхъ будутъ казнить».

Тарась мигнулъ въ глаза жидамъ, но уже безъ нетерпѣнія и гнѣва.

«А если панъ хочетъ видѣться, то завтра нужно рано, такъ чтобы еще и солнце не всходило. Часовые соглаша-

ются и одинъ левентарь обѣщался. Только пусть имъ не будетъ на томъ свѣтѣ счастья! Ой, вей миръ, что это за корыстный народъ! и между нами такихъ нѣтъ. 50 червонцевъ я далъ каждому, а левентару...»

«Хорошо. Веди меня къ нему!» произнесъ Тарасъ рѣшительно, и вся твердость возвратилась въ его душу. Онъ согласился на предложеніе Янкеля переодѣться иностраннымъ графомъ, пріѣхавшимъ изъ нѣмецкой земли, для чего платье уже успѣлъ припасти дальновидный жидъ.

Была уже ночь. Хозяинъ дома, извѣстный рыжій жидъ съ веснушками, вытащилъ топкій тюфякъ, накрытый какою-то рогожею, и разостлалъ его на лавкѣ, для Бульбы. Янкель легъ на полу, на такомъ же тюфякѣ. Рыжій жидъ выпилъ небольшую чарочку какой-то настойки, скинулъ полукафтанье и, сдѣлавшись въ своихъ чулкахъ и башмакахъ нѣсколько похожимъ на цыпленка, отправился съ своею жидовкой во что-то похожее на шкафъ. Двое жиденковъ, какъ двѣ домашнія собачки, легли на полу возлѣ шкафа.

Но Тарасъ не спалъ. Онъ сидѣлъ неподвиженъ и слегка барабанилъ пальцами по столу. Онъ держалъ во рту люльку и пускалъ дымъ, отъ котораго жидъ сиросонья чихалъ и заворачивалъ въ одѣяло свой носъ. Едва небо успѣло тронуться блѣднымъ предвѣстіемъ зари, онъ уже толкнулъ ногою Янкеля.

«Вставай, жидъ, и давай твою графскую одежду!»

Въ минуту одѣлся онъ; вычернилъ усы, брови, надѣлъ на темя маленькую темную шапочку—и никто бы изъ самыхъ близкихъ къ нему козаковъ не могъ узнать его. По виду ему казалось не болѣе тридцати пяти лѣтъ. Здоровый румянецъ игралъ на его щекахъ, и самые рубцы придавали ему что-то повелительное. Одежда, убранныя золотомъ, очень шла къ нему.

Улицы еще спали. Ни одно меркантильное существо еще не показывалось въ городѣ съ коробкою въ рукахъ. Бульба и Янкель пришли къ строенію, имѣвшему видъ сидящей цапли: оно было низкое, широкое, огромное, почернѣвшее, и съ одной стороны его выскдывалась, какъ шея аиста, длинная, узкая башня, на верху которой торчалъ кусокъ крыши. Это строеніе отправляло множество разныхъ должностей. Тутъ были и казармы, и тюрьма, и даже уголовный судъ. Наши путники вошли въ ворота и очутились среди

пространной залы, или крытого двора. Около тысячи человек спали вместе. Прямо шла низенькая дверь, передь которой сидѣвшіе двое часовыхъ играли въ какую-то игру, состоявшую въ томъ, что одинъ другого билъ двумя пальцами по ладони. Они мало обратили вниманія на пришедшихъ и повертели головы только тогда, когда Янкель сказалъ: «Это мы... Слышите, паны, это мы!»

«Ступайте!» говорилъ одинъ изъ нихъ, отворяя одною рукою дверь, а другую подставляя своему товарищу для принятія отъ него ударовъ.

Они вступили въ коридоръ, узкій и темный, который опять привелъ ихъ въ такую же залу, съ маленькими окнами вверху.

«Кто идетъ?» закричало нѣсколько голосовъ, и Тарась увидѣлъ порядочное количество въ полномъ вооруженіи. «Намъ никого не велѣно пускать».

«Это мы!» кричалъ Янкель: «ей-Богу, мы, ясные паны!»

Но никто не хотѣлъ слушать. Къ счастью, въ это время подошелъ какой-то толстякъ, который, по всѣмъ примѣтамъ, казался начальникомъ, потому что ругался сильнѣе всѣхъ.

«Панъ, это-жъ мы! Вы уже знаете насъ, и панъ графъ еще будетъ благодарить».

«Пропустите, сто дьябловъ чортовой маткѣ! И больше никого не пускайте. Да саблей чтобы никто не скидалъ и не собачился на полу»...

Продолженія краснорѣчиваго приказа уже не слышали наши путники.

«Это мы, это я, это свои!» говорилъ Янкель, встрѣчаясь со всякимъ.

«А что, можно теперь?» спросилъ онъ одного изъ стражей, когда они, наконецъ, подошли къ тому мѣсту, гдѣ коридоръ уже оканчивался.

«Можно, только не знаю, пропустить ли васъ въ самую тюрьму. Теперь уже нѣтъ Яна: вмѣсто его стоитъ другой», отвѣчалъ часовой.

«Ай, ай!» произнесъ тихо жидъ. «Это скверно, любезный панъ!»

«Веди!» произнесъ упрямо Тарась. Жидъ повиновался.

У дверей подземелья, оканчивавшихся кверху остриемъ, стоялъ гайдукъ, съ усами въ три яруса. Верхній ярусъ

усовъ шелъ назадъ, другой прямо впередъ, третій внизъ, что дѣлало его очень похожимъ на кога.

Жидъ съежился въ три погибели и почти бокомъ подошелъ къ нему. «Ваша ясновельможность! ясновельможный панъ!»

«Ты, жидъ, это мнѣ говоришь?»

«Вамъ, ясновельможный панъ».

«Гм... а я просто гайдукъ!» сказалъ трехъ-ярусный усачъ съ повеселѣвшими глазами.

«А я, ей-Богу, думалъ, что это самъ воевода. Ай, ай, ай!..» При этомъ жидъ покрутилъ головою и разставилъ пальцы. «Ай, какой важный видъ! Ей-Богу, полковникъ! совсѣмъ полковникъ! Вотъ еще бы только на палець прибавить, то и полковникъ! Нужно бы пана посадить на жеребца, такого скорого, какъ муха, да и пусть муштруетъ полки!»

Гайдукъ поправилъ нижній ярусъ усовъ своихъ, при чемъ глаза его совершенно развеселились.

«Что за народъ военный!» продолжалъ жидъ: «охъ, вей миръ, что за народъ хорошій! Шнуречки, бляшечки... такъ отъ нихъ блеститъ, какъ отъ солнца; а цурки, гдѣ только увидятъ военныхъ... ай, ай!» Жидъ опять покрутилъ головою.

Гайдукъ завилъ рукою верхніе усы и пропустилъ сквозь зубы звукъ, нѣсколько похожій на лошадиное ржаніе.

«Прошу пана оказать услугу!» произнесъ жидъ. «Вотъ князь пріѣхалъ изъ чужого края, хочетъ посмотрѣть на козаковъ. Онъ еще съ роду не видѣлъ, что это за народъ козаки».

Появленіе иностранныхъ графовъ и бароновъ было въ Польшѣ довольно обыкновенно: они часто были увлекаемы единственно любопытствомъ посмотрѣть этотъ почти полу-азіатскій уголокъ Европы (Московію и Украину они считали уже находящимися въ Азіи); и потому гайдукъ, поклонившись довольно низко, почелъ приличнымъ прибавить нѣсколько словъ отъ себя.

«Я не знаю, ваша ясновельможность», говорилъ онъ: «зачѣмъ вамъ хочется смотрѣть ихъ. Это собаки, а не люди. И вѣра у нихъ такая, что никто не уважаетъ».

«Врешь ты, чортовъ сынъ!» сказалъ Бульба. «Самъ ты собака! Какъ ты смѣешь говорить, что нашу вѣру не уважаютъ? Это вашу еретичную вѣру не уважаютъ!»

«Эге, ге!» сказалъ гайдукъ: «а я знаю, пріятель, кто ты: ты самъ изъ тѣхъ, которые уже сидятъ у меня. Пстой же, я позову сюда нашихъ».

Тарасъ увидѣлъ свою неосторожность, но упрямство и досада помѣшали ему подумать о томъ, какъ бы исправить ее. Къ счастью, Янкель въ ту же минуту успѣлъ подвернуться.

«Ясновельможный панъ! какъ же можно, чтобы графъ да былъ козакъ? А если бы онъ былъ козакъ, то гдѣ бы онъ досталъ такое платье и такой видъ графскій?»

«Разсказывай себѣ!» И гайдукъ уже растворилъ было широкій ротъ свой, чтобы крикнуть.

«Ваше королевское величество! молчите! Молчите, ради Бога!» закричалъ Янкель. «Молчите! Мы ужъ вамъ за это заплатимъ такъ, какъ еще никогда и не видѣли: мы дадимъ вамъ два золотыхъ червонца».

«Эге, два червонца! Два червонца мнѣ ни по чемъ. Я цырюльнику даю два червонца за то, чтобы мнѣ только половину бороды выбрилъ. Сто червонныхъ давай, жидъ!» Тутъ гайдукъ закрутилъ верхніе усы. «А какъ не дашь ста червонныхъ, сейчасъ закричу!»

«И на чтѣ бы такъ много?» горестно сказалъ поблѣднѣвшій жидъ, развязывая кожаный мѣшокъ свой. Но онъ счастливъ былъ, что въ его кошелекъ не было болѣе и что гайдукъ далѣе ста не умѣлъ считать. «Панъ! панъ! уйдемъ скорѣе! Видите, какой тутъ нехорошій народъ!» сказалъ Янкель, замѣтивши, что гайдукъ перебиралъ на рукѣ деньги, какъ бы жалѣя о томъ, что не запросилъ болѣе.

«Чтѣ-жъ ты, чортовъ гайдукъ», сказалъ Бульба: «деньги взялъ, а показать и не думаешь? Нѣтъ, ты долженъ показать. Ужъ когда деньги получилъ, то ты не въ правѣ теперь отказать».

«Ступайте, ступайте къ дьяволу! а не то я сію минуту дамъ знать, и васъ тутъ... Уносите ноги, говорю я вамъ, скорѣе».

«Панъ! панъ! пойдемъ! ей-Богу, пойдемъ! Цуръ имъ! Пусть имъ приснится такое, что плевать нужно!» кричалъ бѣдный Янкель.

Бульба медленно, потупивъ голову, оборотился и шелъ назадъ, преслѣдуемый укорами Янкеля, котораго фла грусть при мысли о даромъ потерянныхъ червонцахъ.

«И на чтѣ бы трогать? Пусть бы, собака, бранился! То уже такой народъ, что не можетъ не браниться! Охъ, вей миръ, какое счастье посылаетъ Богъ людямъ! Сто червонцевъ за то только, что прогналъ насъ! А нашъ братъ: ему

и пейснки оборвуть, и изъ морды сдѣлають такое, что и глядѣть не можно, а никто не дастъ ста червонныхъ. О, Боже мой! Боже милосердый!»

Но неудача эта гораздо болѣе имѣла вліянія на Бульбу. Она выражалась пожирающимъ пламенемъ въ его глазахъ.

«Пойдемъ!» сказалъ онъ вдругъ, какъ бы встряхнувшись: «пойдемъ на площадь! Я хочу посмотрѣть, какъ его будутъ мучить».

«Ой, панъ, зачѣмъ ходитъ? Вѣдь намъ этимъ не помочь уже».

«Пойдемъ!» упрямо сказалъ Бульба, и жидъ, какъ нянька, вздыхая, побрелъ вслѣдъ за нимъ.

Площадь, на которой долженствовала производиться казнь, не трудно было отыскать: народъ валилъ туда со всѣхъ сторонъ. Въ тогдашней грубой вѣкъ это составляло одно изъ занимательнѣйшихъ зрѣлищъ не только для черни, но и для высшихъ классовъ. Множество старухъ, самыхъ набожныхъ, множество молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ, самыхъ трусливыхъ, которымъ послѣ всю ночь грезились окровавленные трупы, которыя кричали спросонья такъ громко, какъ только можетъ крикнуть пьяный гусарь, не пропускали, однакоже, случая полюбопытствовать. «Ахъ, какое мученье!» кричали изъ нихъ многія съ истерическою лихорадкою, закрывая глаза и отворачиваясь; однакожъ, простаивали иногда довольное время. Иной, и ротъ разинувъ, и руки вытянувъ, лѣзъ впередъ и желалъ бы вскочить всѣмъ на головы, чтобы оттуда посмотрѣть повиднѣе. Изъ толпы узкихъ, небольшихъ и обыкновенныхъ головъ высовывалъ свое толстое лицо мясникъ, наблюдалъ весь процессъ съ видомъ знатока и разговаривалъ односложными словами съ оружейнымъ мастеромъ, котораго называлъ кумомъ, потому что въ праздничный день напивался съ нимъ въ одномъ шинкѣ. Иные разсуждали съ жаромъ, другіе даже держали пари; но большая часть была такихъ, которые на весь міръ и на все, что ни случается въ свѣтѣ, смотрять, ковыряя пальцемъ въ своемъ носу.

На переднемъ планѣ, возлѣ самыхъ усачей, составлявшихъ городовую гвардію, стоялъ молодой шляхтичъ, или казавшійся шляхтичемъ, въ военномъ костюмѣ, который надѣлъ на себя рѣшительно все, что у него ни было, такъ что на его квартирѣ оставалась только изодранная рубашка да старые сапоги. Двѣ цѣпочки, одна сверхъ другой, висѣли у него на

шеѣ съ какимъ-то дукатомъ. Онъ стоялъ съ коханкою своею, Юзысею, и безпрестанно оглядывался, чтобы кто-нибудь не замаралъ ея шелкового платья. Онъ ей растолковалъ совершенно все, такъ что уже рѣшительно не можно было ничего прибавить. «Вотъ это, душечка Юзыся», говорилъ онъ: «весь народъ, что вы видите, пришелъ затѣмъ, чтобы по-смотреть, какъ будутъ казнить преступниковъ. А вотъ тотъ, душечка, что вы видите, держитъ въ рукахъ сѣкиру и другіе инструменты, то палачъ, и онъ будетъ казнить. И какъ начнетъ колесовать и другія дѣлать муки, то преступникъ еще будетъ живъ; а какъ отрубятъ голову, то онъ, душечка, тотчасъ и умретъ. Прежде будетъ кричать и двигаться, но какъ только отрубятъ голову, тогда ему не можно будетъ ни кричать, ни ѣсть, ни пить, оттого, что у него, душечка, уже больше не будетъ головы». И Юзыся все это слушала со страхомъ и любопытствомъ.

Крыши домовъ были усеѣны народомъ. Изъ слуховыхъ оконъ выглядывали престранныя рожи въ усахъ и въ чемъ-то похожемъ на чепчики. На балконахъ, подъ балдахинами, сидѣло аристократство. Хорошенькая ручка смѣющейся, блистающей, какъ бѣлый сахаръ, панны держалась за нерилы. Ясновельможные паны, довольно плотные, глядѣли съ важнымъ видомъ. Холопъ, въ блестящемъ убранствѣ, съ откидными назадъ рукавами, разкосилъ тутъ же разные напитки и съѣстное. Часто шалуныя съ черными глазами, схвативши снѣжною ручкою своею пирожное и плоды, кидала въ народъ. Толпа голодныхъ рыцарей подставляла на подхватъ свои шанки, и какой-нибудь высокій шляхтичъ, высунувшійся изъ толпы своею головою, въ подпоясѣ красномъ кунтушѣ, съ почернѣвшими золотыми шнурками, хваталъ первый, съ помощью длинныхъ рукъ, цѣловалъ полученную добычу, прижималъ ее къ сердцу и потомъ клалъ въ ротъ. Соколъ, висѣвшій въ золотой клѣткѣ подъ балкономъ, былъ также зрителемъ: перегнувши на-бокъ носъ и поднявши лапу, онъ, съ своей стороны, разсматривалъ также внимательно народъ.

Но толпа вдругъ замумѣла, и со всѣхъ сторонъ раздался голоса: «Ведутъ! ведутъ!.. Козаки!»

Они шли съ открытыми головами, съ длинными чубами. Бороды у нихъ были отпущены; они шли ни боязливо, ни угрюмо, но съ какою-то тихою горделивостью; ихъ платья,

изъ дорогого сукна, износились и болтались на нихъ ветхими лоскутьями; они не глядѣли и не кланялись народу. Впереди всѣхъ шелъ Остапъ.

Что почувствовалъ старый Тарасъ, когда увидѣлъ своего Остапа? Что было тогда въ его сердцѣ? Онъ глядѣлъ въ него изъ толпы и не проронилъ ни одного движенія его. Они приблизились уже къ лобному мѣсту. Остапъ остановился. Ему первому приходилось выпить эту тяжелую чашу. Онъ глянулъ на своихъ, поднялъ руки вверхъ и произнесъ громко: «Дай же, Боже, чтобы всѣ, какіе тутъ ни стоятъ еретики, не слышали, нечестивые, какъ мучится христіанинъ! Чтобы ни одинъ изъ насъ не промолвилъ ни одного слова!» Послѣ этого онъ приблизился къ эшафоту.

«Добре, сынку, добре!» сказалъ тихо Бульба и устави́лъ въ землю свою сѣдую голову.

Палачъ сдернулъ съ него ветхія лохмотья; ему увязали руки и ноги въ нарочно сдѣланные стайки и... Я не стану смущать читателей картиною адскихъ мукъ, отъ которыхъ дыбомъ поднялись бы ихъ волосы. Онѣ были порожденіе тогдашняго грубаго, свирѣпаго вѣка, когда человѣкъ вѣлъ еще кровавую жизнь однихъ воинскихъ подвиговъ и закалился въ ней душою до такой степени, что сдѣлался глухъ для человѣколюбія. Должно, однакожь, сказать, что король всегда почти являлся первымъ противникомъ этихъ ужасныхъ мѣръ. Онъ очень хорошо видѣлъ, что подобная жестокость наказаній можетъ только разжечь мщеніе козачьей націи. Но король не могъ сдѣлать ничего противъ дерзкой воли государственныхъ магнатовъ, которые непостижимою неадаптированностью, дѣтскимъ самолюбіемъ, гордостью и неосновательностью, превратили сеймъ въ сатиру на правленіе.

Остапъ выносилъ терзанія, какъ исполнить, съ невообразимою твердостью, и когда начали перебивать ему на рукахъ и ногахъ кости, такъ что ужасный хряскъ ихъ слышался среди мертвой толпы отдаленными зрителями, когда паненки отворотили глаза свои,—ничто, похожее на стонъ, не вырвалось изъ устъ его; лицо его не дрогнуло.

Тарасъ стоялъ въ толпѣ съ потупленною головою и съ поднятыми, однакожь, глазами и одобрительно только говорилъ: «Добре, сынку, добре!»

Наконецъ, сила его, казалось, начала подаваться. Когда онъ увидѣлъ новыя адскія орудія казни, которыми готови-

лись вытягивать изъ него жилы, губы его начали шевелиться. «Батько!» произнесъ онъ все еще твердымъ голосомъ, показывавшимъ желаніе пересилить муки: «батько! гдѣ ты? слышишь ли ты?»

«Слышу!» раздалось среди всеобщей тишины, и весь миллионъ народа въ одно время вздрогнулъ. Часть военныхъ всадниковъ бросилась заботливо разсматривать толпы народа. Янкель поблѣднѣлъ, какъ смерть, и когда они немного отдалились отъ него, онъ со страхомъ оборотился назадъ; но Тараса уже возлѣ него не было: его и слѣдъ простылъ.

IX.

Слѣдъ Тарасовъ отыскался: тридцать тысячъ козацкаго войска показалось на границахъ Украины. Это уже не былъ какой-нибудь отрядъ, выступившій для добычи или своей отдѣльной цѣли: это было дѣло общее. Это цѣлая нація, которой терпѣніе уже переполнилось, поднялась мстить за оскорбленныя права свои, за униженную религію свою и обычаи, за вѣроломныя убійства гетьмановъ своихъ и полковниковъ, за насилія жидовскихъ арендаторовъ и за все, въ чемъ считалъ себя оскорбленнымъ угнетенный народъ.

Верховнымъ начальникомъ войскъ былъ гетьманъ Острица, еще молодой, кипѣвшій желаніемъ скорѣе сбросить угнѣснительный деспотизмъ, наложенный самоуправіемъ государственныхъ магнатовъ, и очистить Украину отъ жидовства, уни и посторонняго сброда. Возлѣ него былъ виденъ престарѣлый и опытный товарищъ и совѣтникъ его Гуня. Сорокъ тысячъ лошадей нетерпѣливо ржали подъ сѣдоками и безъ сѣдоковъ. Восемь полковъ, изъ которыхъ половина конныхъ и половина пѣшихъ, въ суконныхъ алыхъ, синихъ и желтыхъ кафтанахъ, выступали браво и горделиво. Восемь опытныхъ полковниковъ правили ими и хладнокровнымъ движеніемъ бровей своихъ ускоряли или останавливали нетерпѣливый походъ ихъ.

Однимъ изъ нихъ начальствовалъ Бульба. Преклонныя лѣта, слава и опытность давали ему значительный перевѣсъ въ совѣтѣ; но неумолимая и свирѣпая жестокость его казалась ужасною даже для глубокого оскорбленныхъ защитниковъ. Его совѣтъ дышалъ только однимъ истребленіемъ, и сѣдая голова его опредѣляла только огонь и вихрицу.

Не буду описывать тѣхъ битвъ, гдѣ отличились казаки, ни постепеннаго хода всей великой кампаніи: это принадлежитъ исторіи. Тамъ изображено подробно, какъ бѣжали польскіе гарнизоны изъ освобождаемыхъ городовъ, какъ были перевѣшаны безсовѣстные арендаторы-жиды, какъ слабъ былъ коронный гетьманъ Николай Потоцкій съ многочисленною своею арміею противъ этой непреодолимой силы, какъ, разбитый, преслѣдуемый, перетопилъ онъ въ небольшой рѣчкѣ лучшую часть своего войска, какъ облегли его въ небольшомъ мѣстечкѣ Полонномъ грозные козацкіе полки, и какъ приведенный въ крайность польскій гетьманъ клятвенно обѣщалъ полное удовлетвореніе во всемъ козакамъ, со стороны короля и государственныхъ чиновъ, и возвращеніе всѣхъ прежнихъ правъ и преимуществъ; но казаки, наученные прежнимъ вѣроломствомъ, были неумолимы, и Потоцкій не красовался бы болѣе на шеститысячномъ своемъ аргамакѣ, привлекая взоры знатныхъ паннъ и зависть дворянства, если бы не спасло его находившееся въ мѣстечкѣ русское духовенство. Торжественная процессія съ образами и крестами и мольбы священника-старца тронули козаковъ, еще чувствовавшихъ узы, привязывавшія ихъ къ королю. Гетьманъ и полковники рѣшились отпустить Потоцкаго не прежде, какъ заключивши трактатъ, обезпечившій бы во всемъ козаковъ.

Но непреклонный Тарасъ вырвалъ изъ бѣлой головы своей клокъ волосъ, когда увидѣлъ такое, по словамъ его, бабье малодуніе полковниковъ. «Не попусти, полковники, чтобы вы учинили такое дѣло» вскричалъ онъ твердо. Но на этотъ разъ совѣтъ его былъ отвергнутъ. «Эй, не вѣрьте, паны, ляхамъ!» повторилъ онъ опять тѣмъ же голосомъ, помахивая нагайкою и хлещущи ею по пушкѣ. Когда же полковой писарь подаль уже написанное условіе подписать гетьману, онъ махнулъ рукою и сказалъ: «Оставайтесь же себѣ, паны! Меня вы больше не увидите. Глядите, паны: вы вспомните меня!» И голосъ его имѣлъ въ себѣ что-то пророческое. «Вы думаете, что купили этимъ спокойствіе и будете теперь пановать—увидите, что не будетъ сего! Сдерутъ съ твоей головы, гетьманъ, кожу, набьютъ ее гречаною половою, и долго будутъ видѣть ее по ярмаркамъ! Да и у васъ, паны, у рѣдкаго уцѣлѣетъ голова! Пропадете вы въ сырыхъ погребяхъ, замурованные въ

каменные стѣны, если не сварятъ васъ живыхъ въ котлахъ, какъ барановъ!»

«А вы, хлопцы, хотите умирать?» продолжалъ онъ, обращаясь къ своему полку: «умирать такъ, какъ умирають честные козаки? А, можетъ-быть, вы думаете еще пожить, да залечь дома на печь, да и лежать тамъ, покамѣсть не приберетъ врагъ? Чтѣ-жъ лучше, спрашиваю я васъ, молодцы: воротиться ли до дому, чтобы каждый день колотила васъ жинка, и, напившись, пропасть гдѣ-нибудь подъ тыномъ, какъ собака, или всѣмъ, какъ вѣрнымъ лыцарямъ, какъ братьямъ роднымъ, лечь вмѣстѣ на полѣ и оставить по себѣ славу навѣки?»

«За тобою, пане полковнику, за тобою всѣ!» отвѣчали передніе въ полку.—«Веди насъ! Ий-Богу, веди!»

«Добре, паны молодцы!» сказалъ Тарасъ, взявши свою шапку въ руки и потомъ опять надѣвши ее на голову. Глаза его сверкнули. «Вырѣжемъ все католичество, чтобы его и духу не было! Пусть пропадутъ нечестивые! Гайда, хлопцы!»

Сказавши это, изступленный сѣдой фанатикъ отправился съ полкомъ своимъ въ путь. Другіе козаки съ завистью глядѣли на удалявшихся сотоварищей, и только одно строгое повиновеніе къ полковникамъ, бывшее всегдашнюю ихъ добродѣтелью, препятствовало многимъ охотникамъ къ нимъ присоединиться.

Гетьманъ и полковники не остановили удалявшагося полка. Казалось, предсказаніе Тараса нѣсколько смутило ихъ,—по крайней мѣрѣ, они сидѣли нѣсколько времени молча и не глядя другъ на друга. Скоро, однакоже, пророческія слова Бульбы исполнились. Немного времени спустя послѣ вѣроломнаго поступка подъ Каневымъ, голова гетьмана вздернута была на колѣ вмѣстѣ со многими сановниками.

Но обратимся къ нашей исторіи. Чтѣ же дѣлалъ Тарасъ со своимъ полкомъ? А Тарасъ выжегъ восемнадцать мѣстечекъ, около сорока костеловъ и уже доходилъ до Кракова. Напрасно небольшіе отряды войскъ посылаемы были схватить его: онъ всегда почти разминался съ ними. Онъ поступалъ неожиданно, скрывая свои намѣренія, и когда одно селеніе или небольшой городокъ ожидалъ съ ужасомъ его прибытія, онъ вдругъ перемѣнялъ дорогу и несъ гибель туда, гдѣ его вовсе не ожидали. Никакая кисть не осмѣ-

лилась бы изобразить всѣхъ тѣхъ свирѣпствъ, которыми были означены разрушительныя его опустошенія. Ничто похожее на жалость не проникало въ это старое сердце, кипѣвшее только отмщеніемъ. Никому не оказывалъ онъ пощады. Напрасно несчастныя матери и молодыя жены и дѣвѣцы, изъ которыхъ нѣмныя были прекрасны и невинны, какъ ландышъ, думали спастись у алтарей: Тарасъ зажигалъ ихъ вмѣстѣ съ костеломъ. И когда бѣлыя руки, сопровождаемыя крикомъ отчаянія, подымались изъ ужаснаго потопа огня и дыма къ небу и растрепанные волосы сквозь дымъ разсыпались по плечамъ ихъ, а свирѣпыя козаки подымали копьями съ улицъ плачущихъ младенцевъ и бросали ихъ къ нимъ въ пламя, — онъ глядѣлъ съ какимъ-то ужаснымъ чувствомъ наслажденія и говорилъ: «Это вамъ, вражьи ляхи, поминки по Остапѣ!» И такія поминки по Остапѣ отправлялъ онъ въ каждомъ селеніи. Наконецъ, польское правительство увидѣло, что поступки Тараса были нѣсколько болѣе, нежели обыкновенное разбойничество, и тому же самому Потоцкому поручено было съ пятью полками поймать непременно Тараса.

Тарасъ понялъ опасность и повернулъ назадъ. Проселочными дорогами, ночью, скакалъ онъ со своими козаками во всю мочь, и одни только татарскіе кони, которыхъ онъ имѣлъ обычай держать цѣлый табунъ при своемъ войскѣ, могли вынести необыкновенную быстроту его бѣгства. Но на этотъ разъ Потоцкій былъ достоинъ возложеннаго на него порученія: онъ преслѣдовалъ его съ удивительною неутомимостью и, наконецъ, настигъ на берегу Днѣстра, гдѣ Бульба занялъ для небольшого роздыха оставленную, полуразвалившуюся крѣпость.

Крѣпость была на возвышенномъ мѣстѣ и оканчивалась къ рѣкѣ такую страшную, почти наклоненною стремниною, что, казалось, ежеминутно готова была обрушиться въ волны. Почти на двадцать сажень внизъ шумѣлъ Днѣстръ. Здѣсь то облегъ его Потоцкій своими войсками съ трехъ сторонъ, обращенныхъ къ полю и къ оврагамъ неровныхъ береговъ. Тарасъ съ помощью своей храбрости и упрямой воли, могъ сдѣлать тщетными всѣ усилія осаждающихъ; но онъ не имѣлъ въ опустѣлой крѣпости никакихъ средствъ для прокормленія, а козаки менѣе всего могли сносить голодъ, особливо когда видѣли, что онъ долженъ, наконецъ,

окончиться медленною смертью. Съ рѣкою невозможно было имѣть сообщенія: одна только половина узенькой дорожки висѣла вверх, остальная упала въ волны съ недавно отколовшеюся глыбою скалы, и вмѣсто нея осталась стремнина.

Тарасъ рѣшился оставить крѣпость, попробовать удачи прорваться сквозь ряды непріятелей и по берегу достигнуть такого мѣста, съ котораго бы можно было кинуться на лошадяхъ и пуститься съ ними вплавь. Онъ стремительно вышелъ изъ крѣпости, и уже козакъ пробрался сквозь непріятельскіе ряды, какъ вдругъ Тарасъ, остановившись и нагнувшись въ землю, сказалъ: «Стой, братцы! уронилъ люльку!» Въ это самое время онъ почувствовалъ себя въ дюжихъ рукахъ, былъ схваченъ набѣжавшимъ съ тыла отрядомъ и отрѣзанъ отъ своихъ. Онъ двинулъ своими членами, но уже не посыпались на землю, какъ бывало прежде, схватившіе его гайдуки. «Эхъ, старость, старость!» сказалъ онъ, почти-что не заплакавъ. Ему прикрутили руки, увязали веревками и цѣпями, привязали его къ огромному бревну, правую руку, для большей безопасности, прибили гвоздемъ и поставили это бревно рубомъ въ разсѣлину стѣны, такъ что онъ стоялъ выше всѣхъ и былъ виденъ всѣмъ войскамъ, какъ побѣдный трофей удачи. Вѣтеръ развѣвалъ его бѣлые волосы. Казалось, онъ стоялъ на воздухѣ, и это, вмѣстѣ съ выраженіемъ сильнаго безсилія, дѣлало его чѣмъ-то похожимъ на духа, представшаго воспрепятствовать чему-нибудь сверхъестественною своею властью и увидѣвшаго ея ничтожность. Въ лицѣ его не было замѣтно никакой заботы о себѣ. Онъ вперилъ глаза въ ту сторону, гдѣ отстрѣливались козакъ. Ему съ высоты все было видно, какъ на ладони. «Занимайте, хлопцы», кричалъ онъ: «занимайте, вражьи дѣти, говорю вамъ, скорѣе горку, чѣмъ за лѣсомъ: туда не подступать они!» Но вѣтеръ не донесъ его словъ. «Вотъ пропадутъ, пропадутъ ни за что!» говорилъ онъ съ бѣшенствомъ и взглянулъ внизъ, гдѣ блестѣлъ Днѣстръ. Чувство радости сверкнуло въ его глазахъ. Онъ увидѣлъ выдвинувшіяся изъ-за кустарника три кормы. Онъ собралъ всѣ усилія и закричалъ такъ, что едва не оглушилъ стоявшихъ близъ него: «Хлопцы, къ берегу, къ берегу! Подъ кручею, гдѣ крѣпость, стоятъ челны, а за ними въ двадцати шагахъ спускъ къ берегу! Да забирайте всѣ челны, чтобы не было погони!»

На этотъ разъ вѣтеръ дунулъ съ другой стороны, и всѣ слова были услышаны козаками. Но ударъ обухомъ по головѣ за такой совѣтъ переверотилъ въ его глазахъ все. Его опустили вмѣстѣ съ бревномъ ниже, чтобы онъ не могъ болѣе подавать своихъ наставленій.

Козаки поворотили коней и бросились бѣжать во всю прыть; но берегъ все еще состоялъ изъ стремнинъ. Они бы достигли пониженія его, если бы дорогу не преграждала пропасть сажени въ четыре шириною: однѣ только сваи разрушеннаго моста торчали на обоихъ концахъ; изъ недосыгаемой глубины ея едва доходило до слуха умиравшее журчаніе какого-то потока, низвергавшагося въ Днѣстръ. Эту пропасть можно было объѣхать, взявши вправо; но войска непріятельскія были уже почти на плечахъ ихъ. Козаки только одинъ мигъ ока остановились, подняли свои нагайки, свистнули — и татарскіе ихъ кони, отдѣлившись отъ земли, распластались въ воздухъ, какъ змѣи, и перелетѣли черезъ пропасть. Подъ однимъ только конь оступился, но зацѣпился копытомъ и, привыкшій къ крымскимъ стремнинамъ, выкарабкался съ своимъ сѣдокомъ. Отрядъ непріятельскихъ войскъ съ изумленіемъ остановился на краю пропасти. Начальствовавшій ими полковникъ, молодой, неустрашимый до безразсудности (онъ былъ братъ прекрасной полячки, обворожившей бѣднаго Андрія), безъ дальняго размышленія рѣшился повторить и себѣ то же и, желая подать примѣръ своему отряду, бросился впередъ съ конемъ своимъ; но острые камни изорвали его, пропавшаго среди пропасти, въ клочки, и мозгъ его, смѣшанный съ кровью, обрызгалъ росшіе по неровнымъ стѣнамъ провала кусты.

Когда Бульба очнулся немного отъ своего удара и глянулъ на Днѣстръ, онъ увидѣлъ подъ ногами своими козаковъ, сядившихся въ лодки. Глаза его сверкнули радостью. Градь пуль сыпался сверху на козаковъ, но они не обращали никакого вниманія и поспѣшно отчаливали отъ берега. «Прощайте, паны - братья товарищи!» говоритъ онъ имъ сверху: «вспоминайте иной часъ обо мнѣ! Объ участи же моей не заботьтесь! Я знаю свою участь: я знаю, что меня живо разнимутъ по кускамъ, и что кусочка моего тѣла не оставятъ на землѣ — да то уже мое дѣло... Будьте здоровы, пане-братья товарищи! Да глядите, прибывайте на

слѣдующее лѣто опять, да погуляйте хорошенько!...» Ударъ обухомъ по головѣ пресѣкъ его рѣчи.

Чортъ побери! да есть ли что на свѣтѣ, чего бы побоялся козакъ? Не малая рѣка Днѣстръ; а какъ погонить вѣтеръ съ моря, то валъ дохлестываетъ до самаго мѣсяца. Козаки плыли подъ пулями и выстрѣлами, осторожно миновали зеленые острова; хорошенько выправляли парусъ, дружно и мѣрно ударили веслами и говорили про своего атамана.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ЗАПИСКИ.

1836 года.

I.

....Въ самомъ дѣлѣ, куда забросило русскую столицу—на край свѣта! Странный народъ русскій: была столица въ Кіевѣ—здѣсь слишкомъ тепло, мало холоду; переѣхала русская столица въ Москву — нѣтъ, и тутъ мало холода: подавай Богъ Петербургъ! Зато какая дичь между матушкою и сыномъ! Чтѣ это за виды, чтѣ за природа! Воздухъ прoderнуть туманомъ; на блѣдной, сѣрозеленой землѣ обгорѣлые пни, сосны, ельникъ, кочки... Хорошо еще, что стрѣлою летящее шоссе да русскія поющія и звенящія тройки духомъ пронесутъ мимо. А какая разница, какая разница между ими двумя! Она еще до сихъ поръ русская борода, а онъ уже ловкій европеецъ. Какъ раскинулась, какъ расширилась старая Москва! Какъ сдвинулся, какъ вытянулся въ струнку щеголь-Петербургъ! Передъ нимъ со всѣхъ сторонъ зеркала: тамъ Нева, тамъ Финскій заливъ. Ему есть куда поглядѣться. Какъ только замѣтитъ онъ на себѣ перышко или пушокъ, ту-жъ минутой его прочь. Москва—старая домосѣдка, печетъ блины, глядитъ издали и слушаетъ разсказъ, не подымаясь съ кресель, о томъ, чтѣ дѣлается въ свѣтѣ; Петербургъ—разбитной малый, никогда не сидитъ дома, всегда одѣтъ и, охорашиваясь передъ Европою, раскланивается съ заморскимъ людомъ.

Петербургъ весь шевелится, отъ погребовъ до чердака; съ полночи начинается печь французскіе хлѣбы, которые на завтра всѣ стѣстъ разноплеменный народъ, и во всю

ночь то одинъ глазъ его свѣтится, до другой; Москва ночью вся спитъ, и на другой день, перекрестившись и поклонившись на всѣ четыре стороны, выѣзжаетъ съ калачами на рынокъ. Москва женскаго рода, Петербургъ мужскаго. Въ Москвѣ все невѣсты, въ Петербургѣ все женихи. Петербургъ наблюдаетъ большое приличіе въ своей одеждѣ, не любитъ пестрыхъ цвѣтовъ и никакихъ рѣзкихъ и дерзкихъ отступленій отъ моды; зато Москва требуетъ, если ужъ пошло на моду, то чтобы во всей формѣ была мода; если талія длинна, то она пускаетъ ее еще длиннѣе; если отвороты фрака велики, то у ней—какъ сарайныя двери. Петербургъ—аккуратный человѣкъ, совершенный нѣмецъ, на все глядитъ съ расчетомъ и прежде, нежели задумаетъ дать вечеринку, посмотритъ въ карманъ; Москва—русскій дворянинъ и если ужъ веселится, то веселится до упаду и не заботится о томъ, что уже хватаетъ больше того, сколько находится въ карманѣ: она не любитъ середины. Въ Москвѣ всѣ журналы, какъ бы учены ни были, но всегда къ концу книжки оканчиваются картинкою модъ; петербургскіе рѣдко прилагаютъ картинки, если же приложатъ, то съ непривычки взглянувшій можетъ перепугаться. Московскіе журналы говорятъ о Кантъ, Шеллингъ и проч., и проч.; въ петербургскихъ журналахъ говорятъ только о публикѣ и благонамѣренности... Въ Москвѣ журналы идутъ на ряду съ вѣкомъ, но опаздываютъ книжками; въ Петербургѣ журналы нейдутъ наравнѣ съ вѣкомъ, но выходятъ аккуратно, въ положенное время. Въ Москвѣ литераторы проживаются, въ Петербургѣ наживаются. Москва всегда ѣдетъ, завернувшись въ медвѣжью шубу, и большею частію на обѣдъ; Петербургъ, въ байковомъ сюртукѣ, заложивъ обѣ руки въ карманъ, летитъ во всю прыть на биржу или «въ должность». Москва гуляетъ до четырехъ часовъ ночи и на другой день не подымется съ постели раньше второго часа; Петербургъ тоже гуляетъ до четырехъ часовъ, но на другой день, какъ ни въ чемъ не бывало, въ девять часовъ спѣшитъ, въ своемъ байковомъ сюртукѣ, въ присутствіе. Въ Москву тащится Русь съ деньгами въ карманѣ и возвращается налегкѣ; въ Петербургъ ѣдутъ люди безденежные и развѣзжаются во всѣ стороны свѣта съ изряднымъ капиталомъ. Въ Москву тащится Русь въ зимнихъ кибиткахъ, по зимнимъ ухабамъ, сбывать и закупать; въ Петербургъ идетъ русскій народъ

пѣшкомъ лѣтнею порою строить и работать. Москва—кладовая, она наваливаетъ тюки да व्यюки, на мелкаго продавца и смотрѣть не хочетъ; Петербургъ весь расточился по кусочкамъ, раздѣлился, разложился на лавочки и магазины и ловить мелкихъ покупателей. Москва говоритъ: «коли нужно покупщику—сыщеть»; Петербургъ суетъ вывѣску подъ самый носъ, подкапывается подъ вашъ полъ съ «Ренскимъ погребомъ» и ставитъ извозничью биржу въ самыя двери вашего дома. Москва не глядитъ на своихъ жителей, а шлетъ товары во всю Русь; Петербургъ продаетъ галстуки и перчатки своимъ чиновникамъ. Москва—большой гостинный дворъ; Петербургъ — свѣтлый магазинъ. Москва нужна для Россіи, для Петербурга нужна Россія. Въ Москвѣ рѣдко встрѣтишь гербовую пуговицу на фракѣ; въ Петербургѣ нѣтъ фрака безъ гербовыхъ пуговицъ. Петербургъ любитъ подтрунить надъ Москвою, надъ ея неловкостью и безвкусіемъ; Москва кольнетъ Петербургъ тѣмъ, что онъ не умѣетъ говорить по-русски. Въ Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, гуляютъ въ два часа люди, какъ будто сошедшіе съ журнальных модныхъ картинокъ, выставленныхъ въ окна, даже старухи съ такими узенькими таліями, что дѣлается смѣшно; на гуляньяхъ въ Москвѣ всегда попадется, въ самой серединѣ модной толпы, какая-нибудь матушка съ платкомъ на головѣ и уже совершенно безъ всякой таліи. Сказалъ бы еще кое-что, но—

«Дистанція огромнаго размѣра!..»

II.

Трудно схватить общее выраженіе Петербурга. Есть что-то похожее на европейско-американскую колонію: такъ же мало коренной національности и такъ же много иностраннаго смѣшенія, еще не сливагося въ плотную массу. Сколько въ немъ разныхъ націй, столько и разныхъ слоевъ обществъ. Эти общества совершенно отдѣльны: аристократы, служащіе чиновники, ремесленники, англичане, нѣмцы, купцы—все составляютъ совершенно отдѣльные круги, рѣдко сливающиеся между собою, больше живущіе, веселящіеся невидимо для другихъ.

И каждый изъ этихъ классовъ, если присмотрѣться ближе, составленъ изъ множества другихъ маленькихъ кружковъ,

тоже неслитыхъ между собой. Напримѣръ, возьмите чиновниковъ. Молоденькіе помощники столоначальниковъ составляютъ свой кругъ, въ который ни за что не опустится начальникъ отдѣленія. Столоначальникъ, съ своей стороны, подымаетъ свою прическу нѣсколько выше въ присутствіи канцелярскаго чиновника. Нѣмцы-мастеровые и нѣмцы-служащіе тоже составляютъ два отдѣльные круга. Учителя составляютъ свой кругъ, актеры свой кругъ; даже литераторъ, являющійся до сихъ поръ двусмысленнымъ и сомнительнымъ лицомъ, стоитъ совершенно отдѣльно. Словомъ, какъ будто бы пріѣхалъ въ трактиръ огромный дилижансъ, въ которомъ каждый пассажиръ сидѣлъ во всю дорогу закрывшись и вошелъ въ общую залу потому только, что не было другого мѣста. Попытка на заведеніе публичныхъ обществъ доселѣ не имѣетъ успѣха. Въ клубъ петербургскій житель идетъ для того только, чтобы пообѣдать, а не провести время. Что Петербургъ не сдѣлался до сихъ поръ гостиницею, этому виною какая-то внутренняя стихія русскаго человѣка, до сихъ поръ глядящая оригинальностію даже въ вѣчной шлифовкѣ съ иностранцами. Чтобы говорить о каждомъ изъ этихъ круговъ и замѣтить жизнь, текущую между нихъ съ ея веселостями, наслажденіями, надеждами, печалами, нужно быть однимъ изъ тѣхъ, которые вовсе ничего не пишутъ, потому что у этихъ господъ, въ награду за ихъ дѣятельность, рѣшительно нѣтъ времени. Итакъ, мимо балы и вечеринки! Обращусь къ тѣмъ увеселеніямъ, послѣ которыхъ долѣе остается воспоминаніе и которыя приѣмлются всѣми классами. Театръ, концертъ—вотъ тѣ пункты, гдѣ сталкиваются классы петербургскихъ обществъ и имѣютъ время вдоволь насмотрѣться другъ на друга. Балетъ и опера—царь и царица петербургскаго театра. Они явились блестяще, шумнѣе, восторженнѣе прежнихъ годовъ, и упоенные зрители позабыли, что существуетъ величавая трагедія, вдыхающая невольнo высокія ощущенія въ согласныя сердца сей безмолвно слушающей толпы; что есть комедія, вѣрный списокъ общества, движущагося предъ нами, комедія, строго обдуманная, производящая глубокостію своей ироніи смѣхъ,—не тотъ смѣхъ, который порождается легкими впечатлѣніями, бѣглою остротою, каламбуромъ, не тотъ также смѣхъ, который движетъ грубою толпою общества, для котораго нужны конвульсіи и кар-

рикатурныя гримасы природы, но тотъ электрическій, животельный смѣхъ, который исторгается невольно, свободно и неожиданно, прямо отъ души, пораженной ослѣпительнымъ блескомъ ума, рождается изъ спокойнаго наслажденія и производится только высокимъ умомъ. Зрители правы, что были упоены балетомъ и оперой... На драматической сценѣ являлись мелодрама и водевиль, заѣзжіе гости, которые были хозяевами во французскомъ театрѣ, а на русскомъ играли чрезвычайно странную роль. Уже давно признано, что русскіе актеры нѣсколько странны, когда представляютъ маркизовъ, виконтовъ и бароновъ, какъ, вѣроятно, были бы смѣшны французы, вздумавъ поддѣлаться подъ русскихъ мужиковъ; а сцены баловъ, вечеровъ и модныхъ раутовъ являющихся въ русскихъ пьесахъ—каковы онѣ? А водевили?.. Давно уже пролѣзли водевили на русскую сцену, тѣшатъ народъ средней руки, благо смѣшливъ. Кто бы могъ думать, что водевиль будетъ не только переводный на русской сценѣ, но даже и оригинальный? Русский водевиль! право, немножко странно—странно потому, что эта легкая, безцвѣтная игрушка могла родиться только у французовъ, націи, не имѣющей въ характерѣ своемъ глубокой, неподвижной фізіогноміи; но когда русскій, еще нѣсколько суровый, тяжелый характеръ заставляютъ вертѣться петиметромъ... мнѣ такъ и представляется, что нашъ тучный и смѣтливый купецъ съ широкою бородою, не знаяши на ногѣ своей ничего другого, кромѣ тяжелаго сапога, надѣлъ вмѣсто него узенькій башмачокъ и чулки à jour, а другую ногу свою оставилъ просто въ сапогѣ и сталъ такимъ образомъ въ первую пару во французскомъ кадрилѣ.

Уже лѣтъ пять, какъ мелодрамы и водевили завладѣли театрами всего свѣта. Какое обезьянство! Даже нѣмцы—ну, кто бы могъ подумать, что нѣмцы, этотъ основательный, этотъ склонный къ глубокому эстетическому наслажденію народъ,—нѣмцы теперь играютъ и пишутъ водевили, передѣлываютъ и клеятъ надутыя и холодныя мелодрамы! И пусть бы еще повѣтріе это занесено было могуществомъ мановенія. генія! Когда весь міръ ладилъ подъ лиру Байрона, это не было смѣшно; въ этомъ стремленіи было даже что-то утѣшительное. Но Дюма, Дюканжъ и другіе стали всемірными законодателями!.. Клянусь, XIX вѣкъ будетъ стыдиться за эти пять лѣтъ. О, Мольеръ, великій Мольеръ!

ты, который такъ обширно и въ такой полнотѣ развивалъ свои характеры, такъ глубоко слѣдилъ всѣ тѣни ихъ, ты, строгій, осмотрительный Лессингъ, и ты, благородный, пламенный Шиллеръ, въ такомъ поэтическомъ свѣтѣ выказавшій достоинство человѣка! взгляните, что дѣлается послѣ васъ на нашей сценѣ; посмотрите, какое странное чудовище, подѣ видомъ мелодрамы, забралось между насъ! Гдѣ же жизнь наша? гдѣ мы со всѣми современными страстями и странностями? Хотя бы какое-нибудь отраженіе ея видѣли мы въ нашей мелодрамѣ! Но лжетъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ наша мелодрама...

Непостижимое явленіе: то, что всѣдневно окружаетъ насъ, что неразлучно съ нами, что обыкновенно, то можетъ замѣчать одинъ только глубокій, великій, необыкновенный талантъ. Но то, что случается рѣдко, что составляетъ исключенія, что останавливаетъ насъ своимъ безобразіемъ, нестройностью среди стройности, за то схватывается обѣими руками посредственность. И вотъ жизнь глубокаго таланта течетъ во всемъ своемъ разливѣ, со всею стройностью, чистая какъ зеркало, отражая съ одинаковою ясностью и темныя, и свѣтлыя облака: у посредственности она влечется мутною и грязною волною, не отражая ни яснаго, ни темнаго.

Странное сдѣлалось сюжетомъ нынѣшней драмы. Все дѣло въ томъ, чтобы разсказать какое-нибудь происшествіе, непременно новое, непременно странное, дотошъ неслыханное и невиданное: убійство, пожары, самыя дикія страсти, которыхъ нѣтъ и въ поминѣ въ теперешнихъ обществахъ! Какъ будто въ наши европейскіе фраки переодѣлись сыны палящей Африки! Палачи, яды—эффектъ, вѣчный эффектъ, и ни одно лицо не возбуждаетъ никакого участія! Никогда еще не выходилъ изъ театра зритель растроганный, въ слезахъ; напротивъ того, въ какомъ-то тревожномъ состояніи торопливо садился онъ въ карету и долго не могъ собрать и сообразить своихъ мыслей. И среди нашего утонченнаго, образованнаго общества такой родъ зрѣлища! Невольно передвигаются передъ глазами тѣ кровавыя ристалища, на которыя собирался смотрѣть весь Римъ въ эпоху величайшаго владычества своего и притупленнаго пресыщенія. Но, слава Богу, мы еще не римляне и не на закатѣ существованія, но только на зарѣ его! Если собрать всѣ мелодрамы,

какія были даны въ наше время, то можно подумать, что это кунсткамера, въ которую нарочно собраны уродливости и ошибки природы, или, лучше — календарь, въ которомъ записаны, съ календарною холодною, всѣ странныя происшествія, гдѣ противъ каждаго числа выставлено: сегодня было въ такомъ-то мѣстѣ такое-то мошенничество; сегодня отрубили головы такимъ-то разбойникамъ и зажигателямъ; такой-то ремесленникъ зарѣзалъ тогда-то жену свою... и тому подобное. Я воображаю, въ какомъ странномъ недоумѣніи будетъ потомокъ нашъ, вздумавшій искать нашего общества въ нашихъ мелодрамахъ.

Не удивительно, что балетъ и опера утѣшительнѣе и служить отдохновеніемъ: въ нихъ наслажденіе спокойно.— Опера принимается у насъ очень жадно. До сихъ поръ не прошелъ тотъ энтузіазмъ, съ какимъ бросился весь Петербургъ на живую, яркую музыку «Фенеллы», на дикую, проникнутую адскимъ наслажденіемъ, музыку «Роберта». «Семирамида», на которую за пять лѣтъ передъ симъ равнодушно глядѣла публика, «Семирамида» въ нынѣшнее время когда музыка Россини почти анахронизмъ, приводитъ въ совершенный восторгъ ту же самую публику. Объ энтузіазмѣ, произведенномъ оперою «Жизнь за Царя», и говорить нечего: онъ понятенъ и извѣстенъ уже цѣлой Россіи. Объ этой оперѣ надобно говорить много, или ничего не говорить.

А я не люблю говорить ни о музыкѣ, ни о пѣніи. Мнѣ кажется, что всѣ музыкальные трактаты и рецензіи должны быть скучны для самихъ музыкантовъ: въ музыкѣ огромнѣйшая часть ея невыразима и безотчетна. Музыкальные страсти — не житейскія страсти; музыка иногда только выражаетъ, или, лучше сказать, поддѣлывается подъ голосъ нашихъ страстей, для того, чтобы, опершись на нихъ, устремиться брызжущимъ и поющимъ фонтаномъ другихъ страстей въ другую сферу. Замѣчу только, что меломанія болѣе и болѣе распространяется. Люди такіе, которыхъ никто не подозрѣвалъ въ музыкальномъ образѣ мыслей, сидятъ неотлучно въ «Жизни за Царя», «Робертѣ», «Нормѣ», «Фенеллѣ» и «Семирамидѣ». Оперы даются почти два раза каждую недѣлю, выдерживаютъ несчетное множество представленій, и все-таки иногда трудно достать билетъ. Ужъ не наша ли славянская пѣвучая природа такъ дѣйствуетъ? И не есть ли это возвратъ къ нашей старинѣ послѣ путе-

шествія по чужой землѣ европейскаго просвѣщенія, гдѣ около насъ говорили все непонятнымъ языкомъ и мелькали все незнакомые люди, — возвратъ на русской тройкѣ, съ заливающимся колокольчикомъ, съ которымъ мы, привставъ на бѣгу и помахивая шляпой, говоримъ: «Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше!»

Какую оперу можно составить изъ нашихъ національных мотивовъ! Покажите мнѣ народъ, у котораго бы больше было пѣсенъ. Наша Украина звенитъ пѣснями. По Волгѣ, отъ верховья до моря, на всей вереницѣ влекущихся барокъ заливаются бурлацкія пѣсни. Подъ пѣсни рубятся изъ сосновыхъ бревенъ избы по всей Руси. Подъ пѣсни мечутся изъ рукъ въ руки кирпичи, и какъ грибы вырастаютъ города. Подъ пѣсни бабъ целенается, женится и хоронится русскій человѣкъ. Все дорожное, дворянство и недворянство, летитъ подъ пѣсни ямщиковъ. У Чернаго моря безбородый, смуглый, съ смолистыми усами козакъ, заряжая пищаль свою, поетъ старинную пѣсню; а тамъ, на другомъ концѣ, верхомъ на плывущей льдинѣ, русскій промышленникъ бьетъ острогой кита, затягивая пѣсню. У насъ ли не изъ чего составить своей оперы? Опера Глинки есть только прекрасное начало. Онъ счастливо умѣлъ слить въ своемъ твореніи двѣ славянскія музыки; слышишь, гдѣ говоритъ русскій и гдѣ полякъ: у одного дышитъ раздольный мотивъ русской пѣсни, у другого опрометчивый мотивъ польской мазурки.

Петербургскіе балеты блестятъ. Кстати о балетахъ вообще. Постановка балетовъ въ Парижѣ, Петербургѣ и Берлинѣ ушла очень далеко; но надо замѣтить, что совершенствуется въ нихъ только богатство костюмовъ и богатство декорацій; самая же сущность балета, изобрѣтеніе его, нейдетъ въ рядъ съ его постановкой; балетные композиторы очень мало новаго показываютъ въ танцахъ. До сихъ поръ мало характерности. Посмотрите, народные танцы являются въ разныхъ углахъ міра: испанецъ пляшетъ не такъ, какъ швейцарецъ, шотландецъ, какъ тенберовскій нѣмецъ, русскій не такъ, какъ французъ, какъ азіатецъ. Даже въ провинціяхъ одного и того же государства измѣняется танецъ. Сѣверный руссъ не такъ пляшетъ, какъ малороссіянинъ, какъ славянинъ южный, какъ полякъ, какъ финнъ: у одного танецъ говорящій, у другого безчувственный; у одного бѣ-

шенный, разгульный, у другого спокойный; у одного напряженный, тяжелый, у другого легкий, воздушный. Откуда родилось такое разнообразіе танцевъ? Оно родилось изъ характера народа, его жизни и образа занятій. Народъ, прошедшій горделивую и бранную жизнь, выражаетъ ту же гордость въ своемъ танцѣ; у народа безпечнаго и вольнаго та же безграничная воля и поэтическое самозабвеніе отражаются въ танцахъ; народъ климата пламеннаго оставилъ въ своемъ національномъ танцѣ ту же нѣгу, страсть и ревность. Руководствуясь тонкою разборчивостью, творецъ балета можетъ брать изъ нихъ, сколько хочетъ, для опредѣленія характеровъ пляшущихъ своихъ героевъ. Само собою разумѣется, что, схвативши въ нихъ первую стихію, онъ можетъ развить ее и улетѣть несравненно выше своего оригинала, какъ музыкальный геній изъ простой, услышанной на улицѣ, пѣсни создаетъ цѣлую поэму. По крайней мѣрѣ, танцы будутъ имѣть тогда болѣе смысла, и такимъ образомъ можетъ болѣе образнообразиться этотъ легкий, воздушный и пламенный языкъ, доселѣ еще нѣсколько стѣсненный и сжатый.

Петербургъ—большой охотникъ до театра. Если вы будете гулять по Невскому проспекту въ свѣжее морозное утро, во время котораго небо золотисто-розоваго цвѣта перемежается сквозными облаками подымающагося изъ трубъ дыма, зайдите въ это время въ сѣни Александринскаго театра: вы будете поражены упорнымъ терпѣніемъ, съ которымъ собравшійся народъ осаждастъ грудью раздавателя билетовъ, высовывающаго одну руку свою изъ окошка. Сколько толпится тамъ лакеевъ всякаго рода, начиная отъ того, который пришелъ въ сѣрой шинели и въ шелковомъ цвѣтномъ галстукѣ, но безъ шапки, до того, у котораго трехъэтажный воротникъ ливрейной шинели похожъ на пеструю суконную бабочку для вытиранія перьевъ. Тутъ протираются и тѣ чиновники, которымъ чистятъ сапоги кухарки и которымъ некого послать за билетомъ. Тутъ увидите, какъ прямо-русскій герой, потерявъ, наконецъ, терпѣніе, доходитъ, къ необыкновенному изумленію, по плечамъ всей толпы къ окошку и получаетъ билетъ. Тогда только вы узнаете, въ какой степени видна у насъ любовь къ театру. И что же дается въ нашихъ театрахъ?—какія-нибудь мелодрамы и водевили!... Сердить я на мелодрамы и водевили.

Положеніе русскихъ актеровъ жалко. Передъ ними трепещетъ и кипитъ свѣжее народонаселеніе, а имъ даютъ лица, которыхъ они и въ глаза не видали. Чтò имъ дѣлать съ этими странными героями, которые ни французы, ни нѣмцы, но какіе-то взбалмошные люди, не имѣющіе рѣшительно никакой опредѣленной страсти и рѣзкой фізіономіи? гдѣ выказаться? на чемъ развиться таланту? Ради Бога, дайте намъ русскихъ характеровъ, насъ самихъ дайте намъ, нашихъ плутовъ, нашихъ чудаковъ! на сцену ихъ, на смѣхъ всѣмъ! Смѣхъ—великое дѣло: онъ не отнимаетъ ни жизни, ни имѣнія, но передъ нимъ виновный — какъ связанный заяцъ... Мы такъ приглядѣлись къ французскимъ безцвѣтнымъ пьесамъ, что намъ уже боязливо видѣть свое. Если намъ представлять какой-нибудь живой характеръ, то мы уже думаемъ, не личность ли это, потому что представляемое лицо совсѣмъ не похоже на какого-нибудь пейзажа, театральнаго тирана, рюмошлета, судью и тому подобныя обношенныя лица, которыхъ таскаютъ беззубые авторы въ свои пьесы, какъ таскаютъ на сцену вѣчныхъ фигурантовъ, отплясывающихъ предъ зрителями, съ тою же улыбкою, свое лихо вытверженное, въ продолженіе сорока лѣтъ, па. Если, напримѣръ, сказать, что въ одномъ городѣ одинъ надворный совѣтникъ нетрезваго поведенія, то всѣ надворные совѣтники обидятся, а иной, совершенно другой совѣтникъ, даже скажетъ: «Какъ же это? у меня есть родственникъ надворный совѣтникъ, прекрасный человѣкъ! Какъ же можно сказать, что есть надворный совѣтникъ нетрезваго поведенія!» Какъ будто одинъ можетъ порочить все сословіе! И такая раздражительность у насъ рѣшительно распространена на всѣ классы. Нужны ли примѣры? Вспомните «Ревизора»...

Досадно. Право, пора знать уже, что одно только вѣрное изображеніе характеровъ, не въ общихъ вытверженныхъ чертахъ, но въ ихъ національно-вылившейся формѣ, поражающей насъ живостью, такъ что мы говоримъ: «Да это, кажется, знакомый человѣкъ»,—только такое изображеніе приноситъ существенную пользу. Изъ театра мы сдѣлали игрушку въ родѣ тѣхъ побрякушекъ, которыми заманиваютъ дѣтей, позабывши, что это такая каеэдра, съ которой читается разомъ цѣлой толпѣ живой урокъ, гдѣ, при торжественномъ блескѣ освѣщенія, при громѣ музыки, при единодушномъ смѣхѣ, показывается знакомый, прячущійся

порокъ и, при тайномъ голосѣ всеобщаго участія, выстав-
ляется знакомое, робко скрывающееся возвышенное чувство...

Но довольно о театрѣ. Я заговорился о немъ. Его зим-
ній карнаваль замыкаетъ шумная недѣля Петербурга, когда
онъ одною половиною своего народонаселенія летаетъ на
качеляхъ, мчится какъ вихоръ съ ледяныхъ горъ, а другою
превращается въ длинную цѣпь каретъ и едва движется,
равняемый жандармами, когда спектакли даются и днемъ,
и вечеромъ, и вся Адмиралтейская площадь засѣяна скор-
лупами орѣховъ...

Спокоенъ и грозенъ Великій постъ. Кажется, слышенъ
голосъ: «Стой, христіанинъ; оглянись на жизнь свою». На
улицахъ пусто. Каретъ нѣтъ. Въ лицѣ прохожаго видно
размышленіе. Я люблю тебя, время думы и молитвы! Сво-
боднѣе, обдуманнѣе потекутъ мои мысли. Весь пустой и
ничтожный народъ, вѣрно, пролежитъ заспанный и утомлен-
ный и позабудетъ зайти потревожить меня пошлымъ разго-
воромъ о вистѣ, о литературѣ, о наградахъ, о театрѣ.

Постъ въ Петербургѣ есть праздникъ музыкантовъ. Въ
это время они съѣзжаются изъ разныхъ сторонъ Европы.
Огромный концертъ въ пользу инвалидовъ всегда бываетъ
величественъ: четыреста музыкантовъ! это что-то могуще-
ственное. Когда согласный ропотъ четырехсотъ звуковъ
раздается подъ дрожащими сводами, тогда, мнѣ кажется,
самая мелкая душа слушателя должна вздрогнуть необыкно-
веннымъ содроганіемъ.

Въ продолженіе поста въ петербургскую атмосферу за-
глядываетъ солнце. Западная сторона съ моря дѣлается
яснѣе. Сѣверъ глядитъ съ меньшею суровостью изъ своей
Выборгской стороны. Экипажи чаще останавливаются на
улицѣ и высаживаютъ на тротуаръ гуляющихъ. Съ 1836 года
Невскій проспектъ, этотъ шумный, вѣчно шевелящійся, хло-
потливый и толкающій Невскій проспектъ, упалъ совер-
шенно: гулянье перенесено на Англійскую набережную. По-
койный императоръ любилъ Англійскую набережную. Она,
точно, прекрасна. Но тогда только, когда начались гулянья,
замѣтилъ я, что она немного коротка. Но гуляющіе все въ
выигрышѣ, потому что половину Невскаго проспекта всегда
почти занималъ народъ мастеровой и должностной, и оттого
на немъ можно было получить толчокъ цѣлою третью больше,
нежели гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ...

Къ чему такъ быстро летитъ нитѣмъ незамѣнимое наше время? Кто его кличетъ къ себѣ? Великій постъ — какой спокойный, какой уединенный его отрывокъ! Чего нельзя сдѣлать въ эти семь недѣль? Теперь, наконецъ, займусь я основательно трудомъ своимъ. Теперь совершу я, наконецъ, то, чего не дали совершить мнѣ шумъ и всеобщее волненіе. Но вотъ уже на исходѣ первая недѣля; не успѣлъ начать я, уже летитъ за нею вторая, уже середина третьей, уже четвертая, уже ярмарка въ Гостиномъ дворѣ, и цѣлая галлерей вербъ съ восковыми фруктами и цвѣтами зацвѣла подъ темными его арками. Когда я проходилъ мимо этой пестрой аллеи, подъ тѣнью которой были навалены топорныя дѣтскія игрушки, мнѣ сдѣлалось досадно. Я сердился и на краснощекихъ нянекъ, шатавшихся толпами, и на дѣтей, радостно останавливавшихся передъ кучами пріятнаго для нихъ сора, и на черномазаго, приземистаго и уса-таго грека, титуловавшаго себя молдаванскимъ кондитеромъ, съ его сомнительными и неопредѣленными вареньями. Лежавшія на столикахъ сапожныя щетки, оловянные обезьянки, ножи и вилки, пряники, маленькія зеркальца мнѣ казались противны. Народъ все такъ же пестрится, тѣснится; тѣ же чувства выражаются на лицѣ его; съ тѣмъ же любопытствомъ глядитъ онъ, съ какимъ глядѣлъ и годъ тому назадъ, два и три, и нѣсколько лѣтъ; — а я, и каждый человѣкъ изъ этого народа уже не тотъ: уже другія въ немъ чувства, нежели были за годъ предъ симъ; уже суровѣ мысли его; менѣе улыбается на устахъ душа его, и что-нибудь да отпадаетъ съ каждымъ днемъ отъ прежней его живости.

Нева вскрылась рано. Лѣды, не тревоженные вѣтрами, успѣли истаять почти до вскрытія, неслись уже рыхлые и разваливались сами собою. Ладожское озеро выслало и свои почти въ одно время. Столица вдругъ измѣнилась. И шипецъ Петропавловской колокольни, и крѣпость, и Васильевскій островъ, и Выборгская сторона, и Англійская набережная — все получило картинный видъ. Дымясь влетѣлъ первый пароходъ. Первые лодки съ чиновниками, солдатами, старухами-няньками, англійскими конторщиками понеслись съ Васильевского и на Васильевскій. Давно не помню я такой тихой и свѣтлой погоды. Когда взомель я на Адмиралтейскій бульваръ, — это было наканунѣ Свѣтлаго Воскресенія вечеромъ, — когда Адмиралтейскимъ бульваромъ достигъ я

пристани, передъ которою блестятъ двѣ яшмовыя вазы, когда открылась передо мною Нева, когда розовый цвѣтъ неба дымился съ Выборгской стороны голубымъ туманомъ, строенія стороны Петербургской одѣлись почти лилсыымъ цвѣтомъ, скрывшимъ ихъ неказистую наружность, когда церкви, у которыхъ туманъ одноцвѣтнымъ покровомъ своимъ скрылъ всѣ выпуклости, казались нарисованными или наклеенными на розовой матеріи, и въ этой лилово-голубой мглѣ блестѣлъ одинъ только шпичъ Петропавловской колокольни, отражаясь въ безконечномъ зеркалѣ Невы, — мнѣ казалось, будто я былъ не въ Петербургѣ: мнѣ казалось, будто я переѣхалъ въ какой-нибудь другой городъ, гдѣ уже я бывалъ, гдѣ все знаю, и гдѣ то, чего нѣтъ въ Петербургѣ... Вонъ и знакомый гребецъ, съ которымъ я не видался болѣе полугода, болтается со своимъ яликомъ у берега, и знакомыя раздаются рѣчи, и вода, и лѣто, которыхъ не было въ Петербургѣ.

Сильно люблю весну. Даже здѣсь, на этомъ дикомъ Сѣверѣ, она моя. Мнѣ кажется, никто въ мірѣ не любитъ ее такъ, какъ я. Съ нею приходитъ ко мнѣ моя юность; съ ней мое прошедшее болѣе чѣмъ воспоминаніе: оно передъ моими глазами и готово брызнуть слезою изъ моихъ глазъ. Я такъ былъ упоенъ ясными, свѣтлыми днями Христова Воскресенія, что не замѣчалъ вовсе огромной ярмарки на Адмиралтейской площади. Видѣлъ только издали, какъ качели уносили на воздухъ какого-то молодца, сидѣвшаго обѣ руку съ какой-то дамой въ щегольской шляпкѣ; мелькнула въ глаза вывѣска на угольномъ балаганѣ, на которомъ нарисованъ былъ пребольшой рыжій чортъ съ топоромъ въ рукѣ. Больше я ничего не видѣлъ.

Свѣтлымъ Воскресеніемъ, кажется, какъ будто оканчивается столица. Кажется, что все, что ни видимъ на улицѣ, укладывается въ дорогу. Спектакли, балы послѣ Свѣтлаго Воскресенія — больше ничего, какъ оставшіеся хвосты отъ тѣхъ, которые были передъ Великимъ постомъ или, лучше сказать, гости, которые расходятся позже другихъ и проговариваютъ у каминна еще нѣсколько словъ, прикрывая одною рукою зѣвающій ротъ свой. Городъ весь высушился, тротуары сухи. Петербургскіе джентльмены, въ однихъ сюртучкахъ, съ разными палками; вмѣсто громоздкой кареты, несутся по паркетной мостовой полуколяски и фаятоны.

Книги читаются лѣнивѣ. Уже въ окна магазиновъ, вмѣсто шерстяныхъ чулковъ, глядятъ кое-гдѣ лѣтнія фуражки и хлыстики. Словомъ, Петербургъ, во весь апрѣль мѣсяцъ, кажется на подлетѣ. Весело презрѣть сидячую жизнь и постоянство и помышлять о дальней дорогѣ подъ другія небеса, въ южныя зеленныя рощи, въ страны новаго и свѣжаго воздуха. Весело тому, у кого въ концѣ петербургской улицы рисуются подоблачныя горы Кавказа, или озера Швейцаріи, или увѣнчанная анемономъ и лавромъ Италія, или прекрасная и въ пустынности своей Греція... Но стой, мысль моя: еще съ обѣихъ сторонъ около меня громоздятся петербургскіе дома...

РЕЦЕНЗИИ,

ПОМѢЩЕННЫЯ ВЪ

„СОВРЕМЕННОКЪ“ А. С. ПУШКИНА.

Историческіе афоризмы Михайла Погодина. Москва Универс. тип. 1836 (8). VIII и 128 стр.

Г. Погодинъ во многихъ отношеніяхъ есть лицо примѣчательное въ нашей литературѣ. Онъ уединенно стоитъ среди писателей нашихъ, не привлекая благорасположенія большинства. Но изъ всѣхъ, посвятившихъ себя исторіи, онъ болѣе всего останавливаетъ на себѣ вниманіе. Онъ первый у насъ сказалъ, что «Исторія должна изъ всего рода человѣческаго сотворить одну единицу, одного человѣка, и представить біографію этого человѣка во всѣхъ степеняхъ его возраста; что многочисленные народы, жившіе и дѣйствовавшіе въ продолженіе тысячелѣтій, доставятъ въ такую біографію, можетъ-быть, по одной чертѣ. Черту сію узнаютъ великіе историки. Онъ первый говорилъ о великихъ писателяхъ, указавшихъ въ твореніяхъ своихъ на истинное значеніе исторіи. Онъ переводилъ изъ нихъ отрывки для своего журнала; наконецъ, онъ многихъ изъ нихъ перевелъ вполне, почти не заботясь о томъ, что важность ихъ еще мало у насъ чувствовали. Вотъ реестръ изданныхъ имъ сочиненій:

Исслѣдованіе о Кириллѣ и Меѳодіи, Іосифа Добровскаго.

О жилищахъ древнихъ руссовъ, собственное сочиненіе.

КРИТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ, Эверса.

НАЧЕРТАНІЕ ДРЕВНЕЙ ГЕОГРАФІИ, собств. соч.

ЛЕКЦІИ ПО ГЕРЕНУ.

НАЧЕРТАНІЕ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ, Бетигера.

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ИСТОРИЮ ДЛЯ ДѢТЕЙ А. Шлёцера.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ ДЛЯ УЧИЛИЩЪ.

КАРТЫ ЕВРОПЫ, Риттера.

ГЕЦЪ ФОНЪ-БЕРЛИХИНГЕНЪ, соч. Гёте.

МАРША ПОСАДНИЦА, драма.

ДИМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ, исторія въ лицахъ.

СЛАВЯНСКАЯ ГРАММАТИКА, Добровскаго, переведенная
вмѣстѣ съ г. Шевыревымъ.

Кромѣ того издавалъ онъ:

МОСКОВСКИЙ ВѢСТНИКЪ за 1827, 1828, 1829 и 1830 г.
УРАНІЮ, альманахъ на 1826.

Въ его историческихъ критикахъ видно много ума, обдуманная увѣренность, иногда юношескій порывъ вслѣдъ за собственной мыслию.

Изданная нынѣ книжка заключаетъ отдѣльныя мысли и замѣчанія, записанныя имъ въ разное время. Эти мысли помѣщены безъ всякаго порядка; выражены не всегда ясно. Но въ нихъ ощутительно стремленіе къ общимъ идеямъ. Границы, имъ начертанныя для исторіи, обширны. Онъ заключаетъ ее не въ однихъ явленіяхъ политическихъ; онъ видитъ ее въ торговлѣ, въ литературѣ, въ религіи, въ художественномъ развитіи, во всѣхъ многообразныхъ явленіяхъ, въ какихъ оказывается человѣчество. Вотъ его мысли объ исторіи вообще:

«Каждый человѣкъ дѣйствуетъ для себя, по своему плану, а выходитъ общее дѣйствіе, исполняется другой высшій планъ, и изъ суровыхъ, тонкихъ, гнилыхъ нитей біографическихъ сплетается каменная ткань исторіи».

«Исторія для насъ есть поэма на иностранномъ языкѣ, котораго мы не понимаемъ, и только примѣчаемъ значеніе нѣкоторыхъ словъ, много-много эпизодовъ. А сколько мѣстъ искаженныхъ въ нашей рукописи отъ невѣжества, ограниченности переписчиковъ! Исторію надо возстановлять (restaurare), какъ статую, найденную въ развалинахъ Афинъ, какъ текстъ Виргиліевъ въ монастырскомъ спискѣ».

«Представьте себѣ (я требую возможнаго только въ во-

ображеніи), что человекъ, не имѣющій понятія о музыкѣ, но одаренный отъ природы всѣми способностями, чтобъ чувствовать и понимать ее, получаетъ партитуру какой-нибудь огромной ораторіи и всѣ музыкальные инструменты, на коихъ она можетъ быть разыграна, съ голымъ извѣстіемъ, что условными знаками, имѣ видимыми (нотами), означаются разные звуки, производимые на данныхъ инструментахъ. Онъ хочетъ по симъ двумъ даннымъ представить себѣ исполненіе (*exécution*) сего великаго музыкальнаго произведенія. Ему должно, во-первыхъ, испытать всѣ инструменты и узнать всѣ ихъ возможные звуки, перемѣнить ихъ и привести въ порядокъ свои новыя ноты, отыскать посредствомъ соображеній, опытовъ, отношеніе своихъ нотъ къ даннымъ (какъ бы посредствомъ фальшиваго ариметическаго правила), узнать, такимъ образомъ, какой звукъ и на какомъ инструментѣ тою или другою данною нотою изображается, разыграть партитуры по частямъ и проч., и проч. Сколько усилій ума потребно, чтобы попасть на сіи средства, сколько потребно труда, чтобы воспользоваться сими средствами! Цѣлыя поколѣнія пройдутъ, пока, наконецъ, внуку внуковъ удастся достигнуть отдаленной цѣли прародителя и насладиться божественною гармоніею».

«Труднѣйшая задача задается историку: онъ самъ долженъ ловить всѣ звуки (лѣтописи, Несторы, Григоріи Турскіе), отличить фальшивыя отъ вѣрныхъ (историческая критика, Шлѣцеры, Круги), незначительные отъ важныхъ, сложить въ одну кучу (исторія, собранія дѣяній, Роллени), разобрать сіи кучи по родамъ исторіи (частныя исторіи религіи, торговли, Герены), провидѣть, что въ сей кучѣ и кучахъ должна быть система, какой-нибудь порядокъ, гармонія (Шлѣцеры, Гердеры, Шиллеры), доказать это положительно *a priori* (Шеллинги), дѣлать опыты, какъ найти сію систему (Асты, Штуцманы), наконецъ, найти ее и прочесть исторію такъ, какъ глухой Бетховенъ читалъ партитуры».

Въ имперіи византійской г. Погодинъ видитъ продолженіе исторіи древней Греціи. Геній Платона, Аристотеля воскресаеъ въ Іоаннѣ Златоустѣ и Григоріи Назіанзинѣ.

Францію онъ полгаеъ родникомъ всего общественнаго, гражданскаго и политическаго,—землей, гдѣ совершается

вѣчный опытъ. Подведенныя въ подтвержденіе событія доказываютъ большую наблюдательность. У франковъ, говоритъ онъ, прежде всего была принята христіанская католическая религія и раньше сдѣлалась государственною; у франковъ прежде началась и развилась феодальная система; коронованный франкъ Карлъ Великій первый возвысилъ папу; отозвавши папу въ Авиньонъ, Франція была отчасти виною его паденія; во Франціи были первыя попытки противъ папской власти (альбійцы); рыцарство развилось блистательнѣе во Франціи; крестовый походъ былъ подвинутъ французомъ, аміенскимъ пустынникомъ; разрушенный феодализмъ прежде всего организовался въ самодержавіе во Франціи; постоянныя войска начались во Франціи; постоянные налоги и королевскій судъ во Франціи; идея о равновѣсіи истекла изъ войнъ итальянскихъ, порожденныхъ Франціей; учрежденіе посольствъ, политическіе журналы, кофейные дома, энциклопедія, языкъ, мода, карты—все родилось во Франціи. Общественное мнѣніе нигдѣ такъ не сильно, какъ во Франціи; Франція остановила революціи своимъ ужаснымъ примѣромъ; виною нынѣшняго тѣснаго соединенія европейскихъ державъ между собою есть Франція и ея Наполеонъ.

Многіе афоризмы суть только сближенія сходныхъ и противоположныхъ происшествій, совершившихся въ разныхъ углахъ міра или на одной и той же землѣ; сближеніе отдаленной, почти сокровенной причины съ ея колоссальными слѣдствіями, отозвавшимися чрезъ нѣсколько вѣковъ, всегда разительно. Другіе афоризмы суть только вопросы на вопросы. Вездѣ видишь человека! обладаемаго величіемъ своего предмета. Это благоговѣйное изумленіе дышитъ на каждой страницѣ. Иногда, пораженный безконечностью науки, онъ какъ будто чувствуетъ безсиліе духа и восклицаетъ: «какъ мудрено распознать, отъ чего что происходитъ, что къ чему клонится. Какъ переплетаются причины и слѣдствія! Повторяю вопросъ: можно ли представить исторію? Гдѣ формы для нея? Исторію вполнѣ можно только чувствовать».

Читатель обыкновенный небрежно и разсѣяннo взглянетъ на эту книгу и, отыскавъ двѣ-три незначительныя мысли, дурно выраженныя, можетъ-быть, посмѣется надъ нею съ дѣтскимъ легкомысліемъ; но читатель, въ душѣ

котораго горить пламень любви къ наукѣ, а мысль постигаетъ глубокое значеніе ея, прочтеть эти страницы съ соучастіемъ, проникнется благодарностью за оживленные въ душѣ его размышленія, и скажетъ: этотъ человѣкъ видѣлъ и чувствовалъ въ исторіи то, что не всякому дано видѣть и чувствовать.

Плаваніе по Бѣлому морю въ Соловецкій монастырь, сочиненіе Я. Озерецковскаго. С.-П.-бургъ, 1836, въ тип. Н. Греча, въ 12 д. л., 54 стр.

Нѣсколько занимательныхъ замѣчаній о сѣверной природѣ. Желательно было бы слышать болѣе о семь утрюмомъ и знаменитомъ въ нашихъ лѣтописяхъ монастырѣ, гдѣ древле томились въ заточеніи наши опальные патріархи и святители.

Походныя записки артиллериста, съ 1812 по 1816 г., артиллеріи полковника И. Р... Москва, 1835—1836 г., въ 8 д. Четыре части. Стр. 296—348—354—375.

Когда возвратились наши войска изъ славнаго путешествія въ Парижъ, каждый офицеръ принесъ запасъ воспоминаній. Ихъ рассказы всѣ безъ исключенія были занимательны; все наблюдаемо было свѣжими и любопытными чувствами новичка; даже постой русскаго офицера на нѣмецкой квартирѣ составлялъ уже романъ. Донинѣ, если бывший въ Парижѣ офицеръ, уже ветеранъ, уже во фракѣ, уже съ просьбою на головѣ, станетъ рассказывать о прошедшихъ походахъ, то около него собирается любопытный кружокъ. Но ни одинъ изъ нашихъ офицеровъ до сихъ поръ не вздумалъ записать свои рассказы въ той истинѣ и простотѣ, въ какой они изливаются изустно. То, что случалось съ ними, какъ съ людьми частными, почитаютъ они слишкомъ неважнымъ, и очень ошибаются. Ихъ простые рассказы иногда вносятъ такую черту въ исторію, какой нигдѣ не дороешься. Возьмите, напримѣръ, эту книгу: она не отличается блестящимъ слогомъ и замашками опытнаго писателя; но все въ ней живо и вездѣ слышенъ очевидецъ. Ее прочтутъ и тѣ, которые читаютъ только для развлеченія, и тѣ, которые изъ книгъ извлекаютъ новое богатство для ума.

Письма леди Рондо, супруги англійскаго министра при руссійскомъ дворѣ въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны. Перевелъ съ англійскаго М. К. С.-П.-бургъ,

въ тип. III отдѣленія Собственной Е. И. В. канцеляріи, 1836, въ 8, стр. 128.

Книжка замѣчательная. Леди Рондо пишетъ къ пріятельницѣ своей о себѣ, о своихъ чувствахъ, о томъ, что занимательно для нея одной, но мимоходомъ задѣваетъ и исторію. Нѣсколько бѣглыхъ словъ о Петрѣ II, объ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, о Биронѣ, прибавляютъ новыя черты къ ихъ портретамъ.

Путешествіе вокругъ свѣта, составленное изъ путешествій и открытій Магеллана, Гасмана, Дамієра, Ансона, Байрона, Валлиса, Картере, Бугеньвиля, Кука, Лаперуза, Блейга, Ванкувера, Дантркасто, Вильсона, Бодена, Флиндерса, Крузенштерна, Головнина, Партера, Коцебу, Фрейсине, Беллингаузена, Галля, Деперре, Польдинга, Бичи, Дюмонъ-Дюрвиля, Литке, Диллона, Лапласа, Мореля и пр., издано подъ руководствомъ Дюмонъ-Дюрвиля, капитана французскаго королевскаго флота, съ картами и многочисленнымъ собраніемъ изображеній, гравированныхъ на мѣди, съ рисунковъ извѣстнаго г. Сенсона, рисовальщика, совершившаго путешествіе съ Дюмонъ-Дюрвилемъ. Изданіе А. Плюшара. Часть первая, С.-П.-бургъ, 1836, въ тип. А. Плюшара, въ 4.

Есть книги, пишущіяся для того общества, которое нужно, какъ дѣтей, заохочивать и принуждать къ чтенію. Въ этомъ случаѣ безкорыстнѣе дѣйствовали англичане, которые, при всей народной гордости, отличаются своею филантропіей, составляютъ общества для распространенія нравственности, воздержанія и проч., издають и распускають по свѣту безденежно, или по чрезвычайно низкой цѣнѣ, множество полезныхъ книгъ для народа. Что изобрѣтетъ англичанинъ, то углубить, расширить и разнесетъ по всему свѣту французъ. Едва появилось во Франціи одно дешевое изданіе, какъ уже на другой годъ нахлынулъ потопъ дешевыхъ изданій. Еще не успѣетъ Европа получить одно, какъ является другое. Къ числу множества такихъ изданій принадлежитъ и вышеозначенное. Оно замѣчательнѣе другихъ потому, что полезнѣе. Это сводъ всѣхъ путешествій, изображеніе всего міра въ его нынѣшнемъ географическомъ, статистическомъ и физическомъ состояніи, словомъ, книга, болѣе всего находящая себѣ читателей, потому что путешествіе и раз-

сказы путешествій болѣе всего дѣйствуютъ на развивающійся умъ. Свѣдѣнія, принесенныя новѣйшими путешественниками, въ этой книгѣ вложены въ уста одного. Быть-можетъ, слишкомъ взыскательному читателю станетъ досадно при мысли, что все это рассказываетъ ему человѣкъ не существующій: свѣжесть впечатлѣній, сохраняемыхъ очевидцемъ, ничѣмъ незамѣнима. Языкъ перевода ясенъ и живъ. Картинки очень хороши. Въ мѣсяцъ выходитъ довольно большая тетрадь въ 4, печатанная въ два столбца. Въ Москвѣ это же самое сочиненіе началъ переводить г. Полевой. Онъ выдалъ уже одинъ томъ; если выйдутъ остальные пять, то и его изданіе будетъ дешевое.

Атласъ космографіи, изд. Ободовскимъ. СПБ. 1836, въ 2, XVI чертежей.

Атласъ этотъ принадлежитъ къ вышедшей за два года предъ симъ космографіи г. Ободовскаго.

Мое новоселье. Альманахъ на 1836 годъ, В. Крыловскаго. СПБ., въ тип. издателя, 296 стр.

Это альманахъ! Какое странное чувство находитъ, когда глядимъ на чего: кажется, какъ будто на крышѣ опустѣлаго дома, гдѣ когда-то было весело и шумно, видимъ передъ собою тощаго мяукающаго кота. Альманахъ! Когда-то Дельвигъ издавалъ благоуханный свой альманахъ! Въ немъ цвѣли имена Жуковскаго, князя Вяземскаго, Баратынскаго, Языкова, Плетнева, Туманскаго, Козлова. Теперь все новое, никого не узнаешь: другіе люди, другія лица. Въ оглавленіи, приложенномъ къ началу, стоятъ имена гг. Куруты, Варгасова, Крыловскаго, Грена; кромѣ того написали еще стихи буква С., буква Ш., буква Щ. Читаемъ стихи — подобные стихи бывали и въ прежнее время; по крайней мѣрѣ въ нихъ все было равнѣе, теплѣе, сочинители лепетали вслѣдъ за талантами. Грустно по старымъ временамъ!..

Сорокъ одна повѣсть лучшихъ иностранныхъ писателей (Бальзака, Бальоль, Блюменбаха, доктора Гаррисона, Е. Гино, Гофмана, А. Дюма, Ж. Жанена, Ваш. Ирвинга, Кинда, Крузе, И. Мока, Сентина, Тика, Цшоке, Ф. Шали и другихъ); изданы Николаемъ Надеждинымъ. Москва, въ типогр. Степанова, 1836, въ 12, двѣнадцать

частей, стр. 287—261—259—287—275—276—262—263—
227—246—251—236.

Повѣсти, печатанныя въ разныхъ номерахъ «Теле-
скопа». Издатель, выбравъ ихъ оттуда, выпустилъ отдѣль-
ными книжками и хорошо сдѣлалъ. Здѣсь имъ лучше,
нежели тамъ. Собравшись вмѣстѣ, онѣ представляютъ
дѣйствительно что-то разнообразное. Ихъ развезутъ по
первой зимней дорогѣ русскіе разносчики во всѣ отда-
ленные города и деревни; онѣ пріятно займутъ въ дол-
гіе вечера и ночи нашихъ уѣздныхъ барышень, по край-
ней мѣрѣ, пріятнѣе, нежели наши самодѣльные романы.

РЕЦЕНЗІИ,
НАПИСАННЫЯ ДЛЯ
„СОВРЕМЕННОГО“ ПУШКИНА.

«Недовольные», комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, сочиненіе М. Н. Загоскина. Москва, въ тип. Степанова, 1836, въ 8, 147 стр.

Планъ задуманъ довольно слабо. Дѣйствія нѣтъ вовсе. (Стало-быть, условія сценическія не выполнены). Стихи (довольно легки) мѣстами хороши, вездѣ почти неприужденны, но комическаго [и это-то главное] почти нѣтъ. Лица не взяты съ природы.

Лѣтописи Русской славы со временъ воцаренія на русскомъ престолѣ Благословеннаго Дома Романовыхъ. С.-П.-бургъ, 1835, въ тип. Хр. Гинце, въ 16, 87 стр. съ портретами.

Памятная книжка въ родѣ календаря, въ которыхъ подъ каждымъ числомъ каждого мѣсяца означены случившіяся въ тотъ день сраженія и всѣ подвиги (русскаго) нашего побѣдоноснаго войска. При ней находятся портреты императоровъ и великихъ генераловъ.

Указатель губернскихъ и уѣздныхъ дорогъ въ Россійской имперіи, составленный по новѣйшему учрежденію почтовыхъ дорогъ и станцій г. Савинковымъ, съ приложеніемъ дорожной карты. С.-Пб., 1836, въ 6. осьмушку, 36 грав. страницъ.

Книжка издана довольно укладисто для дороги, хотя бы можно издать еще укладистѣе. Карту не нужно особенно

и въ большомъ видѣ. Въ дорогѣ нечего разворачивать—лучше придумать какъ-нибудь помѣстить ее въ страницахъ самой книги, хотя по частямъ, а еще лучше соединить (описаніе съ топографіею).

Правила построения мореходныхъ и рѣчныхъ пароходовъ. Перевелъ съ англійскаго мореходный мастеръ Василій Берковъ. С.-Пбг., 1836 года, въ тип. Вянгебера.

Довольно обстоятельное наставленіе въ строеніи пароходныхъ судовъ, (съ) небольшимъ взглядомъ на начало и усовершенствованіе этого искусства.

Дѣтскій Карамзинъ, или Русская исторія въ картинахъ, издаваемая Андреемъ Прево, Коммиссіонеромъ Общества Площренія художествъ, выходитъ тетрадами. С.-П-бургъ, въ тип. Гинце, 1836, въ 8 д. листа.

Издается періодически, въ мѣсяць до двухъ тетрадей. Литографія незavidная, но для дѣтей годится.

Онъ и она. Романъ. Москва, въ тип. Селивановскаго. 1835, въ 12, 4 части, 169—170, 183 стр.

Романы въ нашей литературѣ завелись теперь трехъ родовъ: романы пятнадцатирублевые, всегда почти толстые, длинные, солидные, въ 4-хъ частяхъ, по 300 страницъ въ каждой; другіе романы—средней руки, романы восьми-и шести-рублевые, тоже иногда въ четырехъ частяхъ, но бываютъ и въ двухъ: въ этихъ частяхъ бываетъ уже только по 160 страницъ, а иногда и меньше. Этого сорта дешевые романы пишутся обыкновенно людьми молодыми; въ нихъ много романтическаго, (сценическаго), не бываетъ недостатка въ восклицаніяхъ и чрезвычайно много точекъ.—Наконецъ, слѣдуютъ романы пяти и четырех-рублевые: эти состоятъ большею частію изъ трехъ частей, иногда изъ двухъ; но эти части уже никакъ не бываютъ больше 60 или 90 страницъ, а иногда иная часть удастся такъ странно, что въ ней всего бываетъ страницъ 35. Пишутъ большею частію люди пожилые, вовсе не должностные. Это русскій..... своего рода и предводитель сего послѣдняго инвалиднаго войска есть А. А. Орловъ, надъ которымъ очень любятъ подшучивать петербургскіе журналисты.

Разбираемый романъ принадлежитъ къ первому роду, то-есть къ романамъ пятнадцатирублевымъ, хотя авторъ, какъ видно изъ первыхъ страницъ, часто бываетъ очень

петерпѣливъ и никакъ не посидитъ на мѣстѣ и не займется долго однимъ лицомъ. Ничего не осталось въ головѣ послѣ прочтенія половины первой части. Помнится только, что какой-то графъ и какой-то студентъ таскаются по улицамъ въ какомъ-то городѣ, чуть-ли не въ Москвѣ, берутъ Катю и увозятъ; потомъ опять берутъ Катю и, кажется, опять увозятъ. Впрочемъ, кто охотникъ, тотъ можетъ прочесть самъ и узнать, что дѣлается дальше...

Описание Прусскаго государства въ географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ, составленное Ардаліономъ Ивановымъ, воспитателемъ и наставникомъ въ Императорскомъ Училищѣ Правовѣдѣнія. С.-Пб., въ тип. И. Глазунова. 1836, въ 8. Часть первая, стр. 201.

Книга въ родѣ тѣхъ географій, какихъ расходятся на Руси много, и по которымъ учатъ у насъ дѣтей. Кто захочетъ имѣть полное статистическое удовлетворительное понятіе о Пруссіи, тотъ его не отыщетъ въ этой книгѣ. Она что-то среднее: какъ книга для учащагося, она велика; для выучившагося (она) пахнетъ указкою.

Прекрасная Астраханка, или хижина на берегу Оки. Романъ, взятый изъ истиннаго происшествія. Россійское сочиненіе. Москва, въ Универ. тип., 1836, въ 12, двѣ части, стр. IV и 42+76.

Не романъ, а развѣ романчикъ, потому что въ I-й части 42 страницы, а во II-й—76.

Русскіе классики. Часть I. Кантемиръ. 1836, С.-Пб., въ тип. Гинце.

Намѣреніе очень хорошее—издать Кантемира и другихъ старыхъ писателей нашихъ. Но издается это очень странно: въ мѣсяцъ выходитъ одинъ или два печатныхъ листа. За эти два листа и за обертку къ нимъ, въ которой читателю рѣшительно нѣтъ никакой надобности, читатель платитъ рубль—довольно дорого и неудобно: дорого, потому что небольшой томъ Кантемира будетъ стоить гораздо дороже десяти рублей; неудобно, потому что у насъ не привыкли къ такому мелкому расчету, и всякій будетъ ожидать лучше всей книги, чтобы купить. На тетрадки обыкновенно разлагаются въ Европѣ огромныя изданія для того, чтобы облегчить взносъ денегъ для читателей, которые—NB всѣ почти люди бѣдные. Притомъ ливрезоны, выпускаемые французами, никогда не изда-

ются по одному листу, но за 1 рубль они представляют такое количество буквъ, какого не составитъ весь Кантемиръ. Плюшаръ издаетъ «Путешествіе вокругъ свѣта» Дюмонъ Дюрвиля: въ мѣсяцъ выходитъ тетрадь изъ 10 печатныхъ листовъ довольно густой печати; при нихъ (болѣе) множество картинокъ,—и вся тетрадь обходится по два рубля. Это можно назвать у насъ дешевымъ.

Притомъ издатели очень делятъ это изданіе. Кантемиръ, котораго можно отпечатать всего въ двѣ недѣли, будетъ печататься полгода: кому охота каждый мѣсяцъ (ждать) одного печатнаго листа.

Убийственная встрѣча. Повѣсть Я. А. С.-Пб., 1836 года, въ тип. Артил. Департ. Воен. Мин., въ 8, 113 стр.

(Такъ какъ романы бываютъ у насъ разныхъ родовъ, такъ точно и повѣсти). Эта книжечка вышла, стало-быть, гдѣ-нибудь сидитъ же на бѣломъ свѣтѣ и читатель ея.

Полная ручная кухмистерская книга, выбранная изъ книжекъ: 1) Прибавленіе къ опытному повару; 2) Полный Кухмистеръ и кандитеръ (sic.), и 3) Приложеніе къ книгѣ Полный Кухмистеръ и Кандитеръ; со многими прибавленіями; содержащая объясненіе поварскихъ терминовъ, и рисунковъ печи для Московскихъ калачей, составленная изъ собственныхъ опытовъ Герасимомъ Степановымъ. Москва, въ Универ. тип. 1835, въ 12, стр. VII и 310.

Если воспользоваться всѣми этими рецептами, наставленіями, то можно сварить такую кашу, на которую и охотника не найдешь.

Путешествіе къ святымъ мѣстамъ, совершенное въ XVII столѣтіи Іеродиакономъ Троицкой Лавры. Издано М. Коркуновымъ. Москва, въ Универ. тип., 1836, въ 8, стр. 39.

Путешествіе въ Іерусалимъ производитъ дѣйствіе магическое въ нашемъ народѣ. Это одна изъ тѣхъ книгъ, [которыя] больше всего и благоговѣйнѣе всего читаются. Почти такое производитъ на нихъ впечатлѣніе путешествіе въ Цареградъ,—какъ будто невольная признательная черта, сохранившаяся въ русскомъ элементѣ, за тотъ свѣтъ, который нѣкогда [истекалъ] оттуда. Нерѣдко русскій мѣщанинъ, промышленникъ, сколько-нибудь знающій, [бросалъ дѣла], отправлялся самъ въ Іерусалимъ и Царе-

градъ и даже издавалъ книгу, которую жадно покупали у разносчиковъ, пропуская множество картинъ, висящихъ на шнурочкѣ у него на плечахъ, несмотря на то, что многія изъ нихъ разрисованы всякими красками. Прочія книги русскій народъ (уже рѣшительно) читаетъ для того только, чтобы прочитатъ что-нибудь въ случаѣ показать себѣ и другимъ, что онъ можетъ прочесть по верхамъ то, что другой читаетъ по складамъ,—безъ малѣйшаго вниманія къ содержанію книги. И потому для народа нашего чрезвычайно трудно выбрать чтеніе.

Торговый Адресъ-Календарь, или Всеобщій Коммерческій указатель Россійскаго Государства на 1836 годъ, составленный Викентіемъ Жгерскимъ, чиновникомъ для особыхъ порученій въ Министерствѣ Финансовъ, разныхъ учебныхъ обществъ и иностранныхъ академій дѣйствительнымъ членомъ. Спб., 1836, въ тип. Вингебера, въ 8, стр. 128.

Торговый Адресъ-Календарь, какъ адресъ-календарь, очень (не полною) и неудовлетворительно составленъ. При этомъ сюда {вошли} статьи по части промышленности, представлены и даже проекты не безъ достоинствъ, но здѣсь представляющіеся совершенно отрывками, не показывающими именно плана въ изданіи. (Цѣна, 10 рублей, очень дорога для книжки, въ которой только 120 страницъ). Продается очень дорого по объему, [какой имѣетъ] книжка.

Исторія поэзіи. Чтеніе Адъюнкта Московскаго Университета Степана Шевырева. Томъ первый, содержащій въ себѣ Исторію поэзіи Индѣйцевъ и Евреевъ, съ приложеніемъ двухъ вступительныхъ чтеній о характерѣ образованія и поэзіи главныхъ народовъ Западной Европы. Москва, въ тип. Семена, 1835, въ 8, стр. 111—333.

Замѣчательное явленіе въ нашей литературѣ. Въ первый разъ является у насъ въ Россіи оригинальный курсъ Исторіи всемірной поэзіи, — курсъ, написанный мыслящимъ, исполненнымъ практическаго ума писателемъ. Изъ всѣхъ доселѣ исключительно занимавшихся у насъ критикою писателей нашихъ безспорно Шевыревъ—первый, котораго имя останется въ лѣтописяхъ нашей литературы. Въ слѣдующемъ томѣ помѣстимъ обстоятельный разборъ этого важнаго сочиненія.

ОСНОВАНІЕ МОСКВЫ, СМЕРТЬ БОЯРИНА СТЕПАНА ИВАНОВИЧА КУЧКИ. Историческій романъ, взятый изъ временъ княженія Изяслава Мстиславовича. Сочиненіе Н.... К.....ва. С.П.Б., въ типографіи Вингебера. 1836. Четыре части, стр. VII и 189—149—168—162.

Одинъ изъ тѣхъ романовъ, въ родѣ которыхъ выходитъ очень много, и особенно въ Москвѣ. Сюжетъ ихъ обыкновенно взятъ изъ отечественной исторіи. Они обыкновенно бываютъ худенькіе, тоненькіе, но раздѣлены на четыре части; продаются очень дешево. Авторы ихъ—часто робкіе, молодые, еще не обжегшіеся на огнѣ писатели, и потому выставляютъ часто однѣ только заглавныя литеры своего имени и оканчиваютъ его точками. Авторъ обыкновенно заставляетъ говорить своихъ героевъ слогомъ русскихъ мужичковъ и купцовъ, потому что у насъ въ продолженіе десяти послѣднихъ лѣтъ, со времени появленія романовъ въ русскомъ кафтанѣ, возникла мысль, что наши историческія лица и вообще всѣ герои прошедшаго должны непременно говорить языкомъ нынѣшняго простаго народа и отпускать какъ можно побольше пословицъ. Въ послѣдніе года два или три новая французская школа, выразившаяся у насъ во многихъ переводныхъ отрывкахъ и мелодрамахъ въ театрѣ, проявила замѣтное свое вліяніе даже и на нихъ. Отъ этого произошло чрезвычайно много самыхъ странныхъ явленій въ нашихъ романахъ. Иногда русскій мужичекъ отпуститъ такую театральную штуку, что и римлянинъ не сдѣластъ. Подымется съ палатей или съ своей печки и выступитъ такимъ... Какой-нибудь Василій Углицкій или Степанъ Ивановичъ Кучка, (брякнувши чисто русскую поговорку), послѣ какой-нибудь русской замашки, отпустивши народную поговорку, закричитъ вдругъ: «смерть и адъ!»

Въ другомъ мѣстѣ читатель приготовленъ къ тому, что эти мужики засучатъ рукава и потузятъ другъ друга, но вмѣсто того видятъ, что они кинули одинъ на друга мрачный взглядъ,—«и»... Тутъ обыкновенно авторъ поставитъ нѣсколько точекъ и прибавитъ: «и поняли другъ друга». (А) иногда даже прибавитъ: «и въ этомъ безмолвіи произошла страшная драма», и тому подобное. Въ этомъ уже и упрекать нельзя, что лицо немного похоже

на испанца, или француза (или кого-нибудь): этого грѣха не могли избѣгнуть и большіе наши романы и... Общій характеръ этихъ маленькихъ романовъ, которые въ такомъ изобиліи и такъ скоро вырастаютъ на Руси, есть совершенная дѣтскость. Это будетъ очень несправедливо, еслибъ мы сказали, что въ нихъ видна глупость [одна], въ чемъ часто упрекаютъ ихъ наши журналисты. Совсѣмъ нѣтъ: не глупость, но созданіе самаго незрѣлаго дитяти, котораго и то занимаетъ, и другое; и того хочется ему, и другаго: никакой постоянности! Оттуда у него на одной страницѣ столько несообразностей, сколько у другого въ цѣломъ томѣ. Каждая строчка у него (или) ниже цѣлой октавой, или выше другой. У безталаннаго, но опытнаго человѣка, набившаго руку на писаньи, несообразности становятся явны по прочтеніи только многихъ страницъ; у безталаннаго, но неопытнаго и молодаго, ихъ въ одной страницѣ наберется столько, что читатель по нимъ можетъ вывести безошибочно мнѣніе обо всемъ сочиненіи.

Если бы мы привели въ примѣръ оттуда нѣсколько страницъ, онѣ могли бы заставить читателей усмѣхнуться; но зачѣмъ наполнять листокъ нашего журнала плохимъ тогда, когда можно занять мѣсто выпискою чего-нибудь хорошаго? Во всѣхъ этихъ книгахъ видно невинное желаніе написать непременно какой-нибудь романчикъ. Да проститъ Богъ невольныя ихъ прегрѣшенія! Намъ нечего досадовать на нихъ и сердиться, что они неопратно изданы и тому подобное. И здѣсь потому только почтено необходимымъ сказать о нихъ нѣсколько словъ, чтобы (при) другомъ подобномъ романѣ имѣть случай не говорить о немъ вовсе и сослаться на сказанныя нами нынѣ слова.

Дѣтскій павильонъ. Книжка, содержащая въ себѣ черты изъ Русской Исторіи, разныя повѣсти, разговоры, анекдоты, стихотворенія, сказочки и проч., составленная на 1836 годъ Б. Федоровымъ. С. П. Б., въ тип. Гинце, 1835, въ 16, стр. 320.

Дѣтскій альманахъ, небольшой магазинъ, безъ сомнѣнія, очень пріятныхъ для нихъ вещей... Б. М. Федоровъ—одинъ изъ старыхъ нашихъ литераторовъ: писалъ трагедіи, романы, писалъ и переводилъ стихотворенія во многихъ родахъ; но, наконецъ, почувствовавши, что все

на свѣтъ суета и что нужно имѣть слишкомъ много, чтобы расшевелить взрослое наше поколѣніе, принялся издавать книжки для дѣтей. И изъ нашихъ писателей никто въ этомъ отношеніи не исполнялъ своего дѣла съ такимъ стараніемъ, какъ онъ: онъ издавалъ довольно исправно и постоянно дѣтскій журналъ, всегда къ новому году готовилъ намъ какой-нибудь подарокъ въ видѣ альманаха. Академія Россійская избрала его въ свои члены, хотя онъ и не написалъ такого ученаго разсужденія на шести страницахъ, въ которомъ говорится обыкновенно, что такой-то говоритъ вотъ то-то, такой-то вотъ то-то, а я полагаю, что этотъ предметъ требуетъ разъясненія. Но при всемъ томъ труды его были полезны и сочиненія его раскупались. Его имя не заслужило никакого упрека. Альманахъ его нынѣшній имѣетъ тѣ же (замѣчательныя) достоинства, какъ и предыдущіе, и дѣти могутъ всѣ изъ него составить себѣ пріятное чтеніе.

Обозрѣніе сельскаго хозяйства удѣльныхъ имѣній въ 1832 и 1833 годахъ, изданное Департ. Удѣловъ. С.-П.-бургъ, въ тип. Д. Внѣшней Торговли, 1836, въ 8, 138, съ 4 чер.

Книжка замѣчательная во многихъ отношеніяхъ тѣмъ, что проливаетъ нѣкоторый статистическій свѣтъ на среднія губерніи нашей Россіи. (Книжка для статистики замѣчательна въ томъ отношеніи, что подаетъ нѣкоторую идею о земледѣліи въ разныхъ нашихъ губерніяхъ и отчасти можетъ возродить вопросъ о причинахъ различнаго его положенія въ разныхъ полосахъ государства и, можетъ-быть, о средствахъ, какимъ образомъ эта статья должна разрабатываться). Всѣ удѣльныя имѣнія нынѣ округлены и заключены въ средней полосѣ; ихъ нѣтъ ни на югѣ, ни на сѣверѣ. Они большею частію начинаются узкимъ клиномъ отъ Москвы и тянутся на востокъ до Уральскаго хребта, захватывая земли губерній: московской, владимірской, костромской, нижегородской, казанской, симбирской, пензенской, саратовской, вятской, пермской и оренбургской. — Кромѣ того (на западѣ отъ Москвы) есть еще удѣльныя имѣнія въ губерніяхъ остзейскихъ.

Упомянемъ слова два о почвѣ этой земли (какъ о

главной основѣ всей промышленности), какъ первыхъ естественныхъ законахъ организациі государственнаго хозяйства. Центральныя земли, то-есть земли губерній московской, владимірской, отчасти земли костромской и нижегородской, содержатъ почву песчаную, глинистую, [пересѣкаемую] тундрами, [иломъ], кочками; черноземъ почти не встрѣчается,—земли, требующія болѣе всего воздѣлки. Далѣе на югъ-востокъ характеръ почвы измѣняется: южная часть имѣній костромской и нижегородской и сѣверная губерній казанской, симбирской и пензенской составляютъ другой отдѣлъ: въ почвѣ меньше глины, меньше тундръ, чаще черноземъ, и углубляется въ землю онъ несравненно далѣе, на шесть вершковъ. Эта почва менѣе требуетъ воздѣлки предыдущей. Южныя имѣнія губерній казанской, симбирской и пензенской и особенно вся саратовская составляютъ почти степныя пространства: почва уже чистый черноземъ, тучный, углубляющійся далеко въ землю; пески и солончаки уже исключенія и находятся только въ саратовской губерніи; земля производитъ почти безъ всякаго удобренія. Земли трехъ колоссальныхъ губерній: пермской, вятской и оренбургской представляютъ отличительный совершенно отдѣлъ почвы: въ пермской и вятской владычествуетъ лѣсъ, въ оренбургской сила растительной природы мечетъ дикія кормовыя травы по всему своему огромному пространству. Близость Урала и [разрушающаяся] горная природа даютъ новыя силы растительности. Большое количество мергеля представляетъ средство для удобренія. Почва, при небольшихъ трудахъ, можетъ [превзойти] ожиданія.

Но разсматривая въ этой замѣчательной (книгѣ) работающія силы людей, мы видимъ еще глубокое младенческое состояніе земледѣлія, несмотря на средства, доставляемые правительствомъ. Усилія рукъ безъ сравненія малы относительно пространства земли. Орудія еще много не облегчены; привычка и давность обыкновенія еще держитъ мѣсто испытующаго опыта. Плугъ еще донинѣ тяжелъ; лѣнивый, медленный серпъ, безсильный противъ такихъ огромныхъ пространствъ, еще не изгнанъ косою.

Усилія труда болѣе видны въ центральныхъ губер-

ніяхъ, гдѣ бѣднѣе почва; онѣ слабѣютъ, гдѣ почва богаче, и наконецъ почти не дѣйствуютъ въ губерніяхъ: пермской, вятской и оренбургской, гдѣ люда мало противъ земли, гдѣ дикая природа почвы кладетъ печать дикости и на [самого] человѣка.

Итакъ, что причина такого состоянія земледѣлія? Эта причина заключается, *во-первыхъ*, въ землѣ,—не въ почвѣ земли, но въ необыкновенномъ пространствѣ ея, еще несообразно [пересиливающимъ] населеніе. На тѣсномъ уголкѣ земли, хотя бы почва была безплодна, земледѣліе возникаетъ и развивается быстро; вначалѣ, вслѣдствіе первой необходимости, оно въ возрастающей степени дѣлается необходимо: его развиваютъ потребности. Какъ и человѣкъ идетъ въ ровной прогрессіи, земля, пробуя всѣ силы его, образуетъ и утворяетъ его развитіе; человѣкъ, получая посредствомъ ея новыя (средства), находитъ безпрестанно средства обогащать его. Итакъ, естественное дѣло, что земледѣліе въ Россіи еще долго будетъ итти медленно, несмотря на всѣ введенныя мѣры правительства, потому что это дѣло вѣковъ...

Вторая главная причина заключается въ людяхъ. Что же такое русскій крестьянинъ? Онъ раскинутъ, или, лучше сказать, разсѣянъ, какъ сѣмена, по обширному полю, изъ котораго (sic) будетъ густой хлѣбъ, но только не скоро. Онъ живетъ уединенно въ деревняхъ, отдѣленныхъ большими пространствами, удаленныхъ отъ городовъ, — и городовъ мало чѣмъ богатѣе иныхъ деревень. Лишенный живаго, быстрого сообщенія, онъ еще довольно грубъ, мало развитъ и имѣетъ самыя бѣдныя потребности. Возьмите жизнь земледѣльца — скверна и вредна. У него пища однообразна: ржаной хлѣбъ и щи, — однѣ и тѣ же щи, которыя онъ ѣстъ каждый день. Возлѣ дома его нѣтъ даже огорода. У него нѣтъ никакой потребности наслажденія. Много ли ему нужно трудовъ и усилій, чтобы достать такую пищу? И какое другое желаніе можетъ занять его по удовлетвореніи этой первой нужды, когда окружающая его глубокая простота никакой не можетъ подать идеи. Онъ способенъ перемѣнить [тотчасъ] свою жизнь, но только когда вокругъ его явятся улучшения, а побывавши въ городѣ, русскій поселянинъ уже бросаетъ земледѣліе и дѣлается промышленникомъ, и

тутъ вдругъ развивается его дѣятельность и оказывается его живая, хлопотливая природа; съ помощью живости и смѣливости онъ въ непродолжительное время дѣлается богачемъ. — Такимъ образомъ русскій мужикъ дѣлается рѣшительно гражданиномъ всей Руси, не укрѣпляясь ни въ какомъ мѣстѣ.

Итакъ, должно ли удивляться, что у насъ земледѣліе въ младенческомъ состояніи? Часто слышны вопросы: отъ чего у насъ хуже земледѣліе, нежели въ Европѣ, и [мнѣніи], какъ легко сравниться (въ этомъ скоро) съ Европой. Это легко сказать особливо тѣмъ, чей умъ не видитъ страшнаго преобладанія европейскаго населенія надъ землею и страшнаго преобладанія земли надъ жителями въ Россіи. Во всякомъ случаѣ правительство дѣйствуетъ, руководимое глубокою мудростью: оно обращаетъ преимущественное вниманіе на земледѣліе. Земледѣль — добрый, крѣпкій корень государства въ политическомъ и нравственномъ отношеніи. Купецъ человѣкъ продажный; всякій промышленникъ человѣкъ подвижный: сегодня здѣсь, завтра тамъ; но земледѣльческій неподвижный элементъ государства. Одно изъ лучшихъ дѣйствій правительства въ этомъ отношеніи есть издаваемые отъ него результаты хозяйственныхъ отчетовъ, къ какимъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, можно причислить и эту книгу. Онѣ всегда ясно покажутъ дѣло и наведутъ на мысли, что и какъ нужно предпринять для улучшенія дѣла.

Картины міра, или полезное и пріятное чтеніе для юношества. Часть 2. С.-Петербургъ, 1836 г. (?).

Заглавіе этой книги показываетъ, что она ошибкою попала въ [нынѣшнюю] литературу.

За нѣсколько лѣтъ предъ симъ на Руси, такъ же какъ и въ Европѣ, замѣтна была вообще охота къ чтеніямъ нравственнымъ, являвшимся въ видѣ длинныхъ разсужденій и трактатовъ. Психологическія сочиненія, печатавшіяся въ цѣлыхъ огромныхъ томахъ, имѣли значительный перевѣсъ надъ всѣмъ прочимъ. Читатели требовали назидательныхъ, питательныхъ сочиненій. Все прочее, все практическое, все легкое, взятое изъ жизни, считалось пустымъ и недостойнымъ. У насъ въ Россіи въ это время вышло чрезвычайное множество подобныхъ книгъ. Это былъ вѣкъ солидный. Впрочемъ замѣчательно

здѣсь то, что при всемъ этомъ нравственность этого вѣка была не очень чиста, и тѣ, которые читали питательныя книги, дѣлали подѣ рукою такія пашни и проказы, которыя теперь бы слишкомъ бросились всѣмъ въ глаза. Замѣчательно, что въ одно время съ такимъ множествомъ нравственныхъ сочиненій появлялись такія безнравственныя, что теперь даже отважнѣйшіе изъ французскихъ писателей посовѣстились бы написать. Всѣ старики тогда читали душеспасительныя книги; вся молодежь напротивъ читала Фоблазовъ и другихъ, и при внимательномъ разсмотрѣніи оказывалось даже, что едва ли старики не обгоняли молодежь въ своихъ домашнихъ дѣлахъ. Такой раздоръ теоріи съ практикою былъ явенъ, повсемѣстенъ въ концѣ 18 столѣтія. Въ 19 столѣтіи масонскія и другія секты, отвлеченныя мистицизмомъ, поддерживали существованіе подобныхъ философскихъ сочиненій, разсужденій, увѣщаній и трактатовъ, хотя облеченныхъ уже въ другія формы. Они, можно сказать, были виною такого распространенія охоты къ чтенію въ нашемъ обществѣ, потому что требовали постоянства вниманія, нѣкотораго напряженія ума, и потому были удѣломъ немногихъ. Когда Кантъ, Шеллингъ, Гегель, Оккенъ, какъ художники, обрабатывали науку, облакая ее точными опредѣлительными терминами, дробя, раздѣляя и соединяя въ единство великую область мышленія, ихъ мнѣнія распространялись только въ кругу небольшомъ ихъ слушателей, понимавшихъ трудный, немногословный, почти математическій языкъ ихъ. Но когда мысли ихъ начали [разсѣиваться], германскіе писатели, если можно такъ выразиться, средняго класса, люди бѣльшею частію довольно умные, но безъ орлиной мысли и таланта; когда начали они эти мысли плодить, одѣвать собственнымъ мѣриломъ пониманія; когда они облекли эти разсужденія краснорѣчивыми фразами, общеупотребительнымъ языкомъ, часто даже лирическимъ пыломъ души: то эти творенія ихъ распространились повсемѣстно между всѣмъ читающимъ кругомъ, и приученные мистицизмомъ читатели брались охотно за эти книги. — Въ нашъ вѣкъ почти общимъ сочувствіемъ была признана необходимость воплощенія всякой мысли практически. Они (?) всегда должны торжествовать, какъ прекрасную эпоху, это на-

чинающееся соединеніе теоріи съ практикою, слѣдую великой, но простой истинѣ, что дѣла болѣе значать, нежели слова. Живой примѣръ сильнѣе разсужденія, и никогда мысль не кажется намъ такъ высока, такъ поразительно высока, такъ оглушительна своимъ величіемъ, какъ когда облечена она (видимой формою, олицетворена), когда разрѣшается предъ нами живымъ, знакомымъ [міромъ], когда она, можно сказать, читается духовными нашими глазами изъ цѣлаго созданія поэта. Божественный Учитель и Спаситель нашъ первый открытъ (на землѣ) эту высокую тайну, облекши святыя, божественныя мысли свои въ притчи, которыя слушали и понимали тысячи народовъ. Итакъ, мы, сдѣлавши такіе великіе тысящелѣтніе (sic) обходы, наконецъ возвращаемся къ той истинѣ, которая была сказана еще въ глубинѣ младенческихъ сердецъ нашихъ. И вотъ уже исторія показываетъ усилія соединиться съ философіей и образуетъ великое зданіе. И вотъ уже вездѣ, во всѣхъ нынѣшнихъ попыткахъ романовъ и повѣстей, видно стремленіе осуществить, окрылить или доказать какую-нибудь мысль, и только посредственность [бываетъ] виною, что изысканная и неправильная мысль иногда предпочитается глубокой и простой.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

для тѣхъ, которые пожелали бы сыграть, какъ слѣдуетъ,
„Ревизора“.

1.

(Начальныя страницы, переписанныя самимъ Гоголемъ набѣло.)

Больше всего надобно опасаться, чтобы не впасть въ карикатуру. Ничего не должно быть преувеличеннаго или тривіальнаго даже въ послѣднихъ роляхъ. Напротивъ, нужно особенно стараться актеру быть скромнѣй, проще и какъ бы благороднѣй, чѣмъ какъ въ самомъ дѣлѣ есть то лицо, которое представляется. Чѣмъ меньше будетъ думать актеръ о томъ, чтобы смѣшнить и быть смѣшнымъ, тѣмъ болѣе обнаружится смѣшное взятой имъ роли. Смѣшное обнаружится само собою именно въ той серьезности, съ какою занято своимъ дѣломъ каждое изъ лицъ, выводимыхъ въ комедіи. Всѣ они заняты хлопотливо, суетливо, даже жарко своимъ дѣломъ, какъ бы важнѣйшею задачею своей жизни. Зрителю только со стороны виденъ пустякъ ихъ заботы. Но сами они совсѣмъ не шутятъ и уже никакъ не думаютъ о томъ, что надъ ними кто-нибудь смѣется. Умный актеръ, прежде чѣмъ схватить мелкія причуды и мелкія особенности виѣшнія доставшагося ему лица, долженъ стараться поймать общечеловѣческое выраженіе роли... Долженъ разсмотрѣть, зачѣмъ призвана эта роль, долженъ разсмотрѣть главную и преимущественную заботу каждого лица, на которую издерживается жизнь его, которая составляетъ постоянный предметъ мыслей, вѣчный гвоздь, сидящій въ головѣ. — Поймавши эту главную заботу выведеннаго лица,

актеръ долженъ въ такой силѣ исполниться ею самъ (чтобы) мысли и стремленія взятаго имъ лица и какъ бы усвоились ему самому и пребывали бы въ головѣ его неотлучно во все время представленія пьесы. О частныхъ сценахъ и мелочахъ онъ не долженъ много заботиться. Онъ выйдетъ само собою удачно и ловко, если только онъ не выброситъ ни на минуту изъ головы этого гвоздя, который засѣлъ въ голову его героя. Всѣ эти частности и разныя мелкія принадлежности, — которыми такъ счастливо умѣетъ пользоваться даже и такой актеръ, который умѣетъ дразнить и схватывать походку и движеніе, но не создавать цѣликомъ роли, — суть не болѣе какъ краски, которыя нужно класть уже тогда, когда рисунокъ сочиненія и сдѣланъ вѣрно. Они — платье и тѣло роли, а не душа ея. Итакъ, прежде слѣдуетъ схватить именно эту душу роли, а не платье ея.

Одна изъ главныхъ ролей есть городничій. Человѣкъ этотъ болѣе всего озабоченъ тѣмъ, чтобы не пропускать того, что плыветъ въ руки. Изъ-за этой заботы ему некогда было взглянуть поостроже на жизнь или же осмотрѣться получше на себя. Изъ-за этой заботы онъ сталъ притѣснителемъ и очерствѣлъ непримѣтно для самого себя, потому что злобнаго желанія притѣснять въ немъ нѣтъ; есть только (просто) желаніе прибирать все, что ни видятъ глаза. Просто онъ позабылъ, что это въ тягость другому и что отъ этого трещитъ у иного спина. Онъ вдругъ простилъ кунцовъ, замышлявшихъ погубить его, когда тѣ предложили заманчивое предложеніе, потому что эти заманчивыя блага жизни обуяли имъ и сдѣлали то, что въ немъ очерствѣло и огрубѣло чутье слышать положеніе и страданіе другого. Онъ чувствуетъ, что грѣшитъ; онъ ходитъ въ церковь; онъ думаетъ даже, что въ вѣрѣ твердъ. Онъ даже помышляетъ когда-нибудь потомъ покаяться. Но великъ соблазнъ всего того, что плыветъ въ руки, и (велика набившаяся привычка хватать все, не пропуская ничего).

Русскій человѣкъ — который не то, чтобы былъ извергъ, но въ которомъ извратилось понятіе правды, который сталъ весь ложь, уже даже и самъ того не замѣчая. Поэтому онъ и резонерствуетъ, степененъ и даже важенъ и даже не безъ одушевленія скажетъ иное слово. Можетъ-быть, онъ даже одинъ изъ тѣхъ людей, который, если бы

увидѣлъ, что всѣ вокругъ его стали честны, что честность—требов...

2.

(полный черновой текстъ.)

Больше всего надобно опасаться впасть въ карикатуру. Ничего не должно быть карикатурнаго. Чѣмъ больше простоты въ игрѣ, тѣмъ — — — Чѣмъ меньше будетъ думать актеръ о томъ, чтобы смѣшить и быть смѣшнымъ, тѣмъ болѣе самое лицо выйдетъ смѣшнымъ. Въ серьезности всѣхъ лицъ, съ какимъ каждое изъ нихъ занято само, своимъ, сдѣлается... Прежде чѣмъ схватить причуды и мелкія внѣшнія особенности всякаго лица, актеръ долженъ поймать общечеловѣческое выраженіе роли. (Прежде самаго характера лица) нужно разсмотрѣть призваніе, зачѣмъ оно призвано, въ чемъ состоитъ (sic!) заботы и хлопоты всякаго лица, на которые издерживается, около чего именно вращается его жизнь, къ чему и куда стремятся постоянно всѣ его мысли и стремленія. Поймавши эту главную заботу выведеннаго лица, актеръ долженъ самъ наполниться этою заботою, усвоить себѣ всѣ мысли и стремленья такъ, чтобы они были въ его головѣ неотлучно во все время представленія; о частныхъ сценахъ онъ не долженъ даже и думать. Онъ выльются сами собою хорошо, если только онъ будетъ занятъ серьезно и жарко тѣмъ самымъ дѣломъ, которымъ, не шутя, занято выведенное лицо.

Одна изъ главныхъ ролей есть городничій. Человѣкъ, больше всего озабоченный тѣмъ, чтобы не пропускать, что плыветъ въ руки. Изъ-за этой заботы ему некогда было взглянуть построже на жизнь или осмотрѣться на себя. Изъ-за этой заботы онъ, можетъ-быть, и самъ не чувствуя, какъ, сдѣлался притѣснителемъ, потому что злобнаго желанія притѣснять въ немъ нѣтъ. Въ немъ есть только желаніе прибирать въ руки все, что ни видятъ глаза. Онъ позабылъ, что отъ этого трещить спина у ближняго. Временами онъ однакожь чувствуетъ, что грѣшенъ, молится, ходитъ въ церковь, думаетъ даже, что въ вѣрѣ твердъ и думаетъ даже когда-нибудь покаяться. Но великъ соблазнъ того, что плыветъ въ руки и велика набившаяся привычка. Его поразилъ распространившійся слухъ о ревизорѣ, еще болѣе

поразило его то, что этот ревизоръ—incognito, неизвѣстно, когда будетъ, съ которой стороны подступить. Онъ находится отъ начала до конца пьесы въ положеніяхъ выше тѣхъ, въ которыхъ ему случалось бывать въ другіе дни жизни. Нервы его напряжены. Переходя отъ страха къ надеждѣ и радости, взглядъ его нѣсколько распаленъ отъ того, и онъ сталъ податливѣе на обманъ, и его, котораго въ другое время не скоро можно бы было..., обмануть становится возможнымъ. Увидѣвши, что ревизоръ въ его рукахъ, не страшень и даже съ нимъ вступилъ въ родню, онъ предается буйной радости при одной мысли о томъ, какъ понесется отнынѣ его жизнь среди пированій, пооекъ, какъ будетъ онъ раздавать мѣста, требовать на станціяхъ лошадей и заставлять ждать въ переднихъ городничихъ, важничать, задавать тонъ. Поэтому-то внезапное объявленіе о пріѣздѣ настоящаго ревизора для него больше, чѣмъ для всѣхъ другихъ, громовой ударъ, и положеніе становится истинно трагическимъ.

Судья человѣкъ меньше грѣшный во взяткахъ. Онъ даже не охотникъ творить неправду, но (велика) страсть ко псовой охотѣ... что-жъ дѣлать! у всякаго человѣка есть какая-нибудь страсть... *Изъ-за нея* (?) онъ надѣлаетъ множество разныхъ неправдъ, не подозрѣвая самъ того. Онъ занятъ собой и умомъ своимъ и единственно и потому только безбожникъ, что на этомъ поприщѣ просторъ ему выказать себя. Для него всякое событіе, даже и то, которое навело страхъ для другихъ, есть находка, потому что даетъ пищу его догадкамъ и соображеніямъ, которыми онъ доволенъ, какъ артистъ своимъ трудомъ. Это самоуслаждение должно выражаться на лицѣ актера. Онъ говоритъ и въ то же время смотритъ, какой эффектъ производить на другихъ его слова. Онъ ищетъ —

Земляника человѣкъ толстый, но плутъ тонкій. Несмотря на необъятную толщину свою, имѣетъ много увертливаго и льстиваго въ оборотахъ, поступкахъ. На вопросъ Хлестакова, какъ называлась съѣденная рыба, онъ подбѣгаетъ съ легкостью 22-лѣтняго франта, за тѣмъ, чтобы у самаго его носа сказать: «Лабарданъ-съ». Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые, желая вывернуться сами, не находятъ другого средства, топить другихъ и потому торопливы на всякія каверзничества и доносы, не принимая въ

•стр... ни кумовства, ни дружбы, помышляя только о томъ, какъ бы вынести себя. Несмотря на неповоротливость и толщину, всегда поворотливъ. А умный актеръ не пропуститъ всѣхъ тѣхъ случаевъ, гдѣ услуга толстаго человѣка будетъ особенно смѣшна въ глазахъ зрителей, безъ всякаго желанья сдѣлать изъ этого карикатуру.

Смотритель училищъ ничего болѣе, какъ только нану-ганный человѣкъ частыми ревизовками и выговорами, неизвѣстно за что; а потому боятся, какъ огня, всякихъ посѣщеній и трепещетъ, какъ листъ, при вѣсти о ревизорѣ, хотя не знаетъ самъ, въ чемъ грѣшенъ. Играющему это лицо актеру остается только выразить одинъ постоянный страхъ.

Почтмейстеръ простодушный до наивности человѣкъ, глядящій на жизнь, какъ на собраніе интересныхъ исторій для препровожденія времени, которыя онъ начитываетъ въ распечатываемыхъ письмахъ. Это лицо доступно съ перв...*) Ничего больше не остается дѣлать актеру, какъ быть простодушну, сколько возможно.

Но два городскіе болтуна, Бобчинскій и Добчинскій (требуютъ особенно, чтобы) были сыграны хорошо. Ихъ долженъ себѣ очень хорошо опредѣлить актеръ. Это люди, которыхъ жизнь заключилась вся въ бѣганьяхъ по городу съ засвидѣтельствованіемъ почтенія (всѣмъ до одинаго) и въ размѣнѣ вѣстей. Все у нихъ стало —... Страсть рассказать поглотила всякое другое занятіе. И эта страсть стала ихъ движущею страстью и стремленіемъ жизни. Нужно, чтобы видно было то удовольствіе, когда, наконецъ, добьется того, что ему позволятъ о чемъ-нибудь рассказать. Торопливость и суетливость у нихъ единственно отъ боязни, чтобы кто-нибудь не перебилъ и не помѣшалъ ему рассказать. Любопытны — отъ желанья имѣть о чемъ рассказать. Отъ этого Бобчинскій даже немножко заикается (отъ желанія пересказать скорѣе). Они оба низенькіе, коротенькіе, чрезвычайно похожи другъ на друга, оба съ небольшими брюшками. Оба круглолицы, одѣты чистенько съ приглаженными волосами. У Добчинскаго даже небольшая лысинка на срединѣ головы: видно, что онъ не холостой человѣкъ, какъ Бобчинскій, но уже женатый. Но при всемъ томъ Бобчинскій беретъ верхъ надъ нимъ по

*) Не дописано.

причинѣ болѣе живой и даже нѣсколько управляетъ его умомъ. (Всѣ мелкіе атрибуты долженъ) бросить въ сторону актеръ, если хочетъ хорошо исполнить эту роль, и представлять себѣ только то, что онъ самъ боленъ необыкновенной чесоткой языка. Словомъ, это люди, выброшенные судьбою для чужихъ надобностей, а не для своихъ собственныхъ.

Всѣ прочія лица: купцы, гости, полицейскіе и просители всѣхъ родовъ суть ежедневно проходящіе предъ нашими глазами лица, а потому могутъ быть легко схвачены всякимъ, умѣющимъ замѣчать особенности въ рѣчахъ и ухваткахъ человѣка всякаго сословія. То же самое можно сказать и о слугѣ, несморя на то, что эта роль значительнѣе прочихъ. Русскій слуга пожилыхъ лѣтъ, — который смотритъ нѣсколько внизъ, грубитъ барину, смекнувши, что баринъ щелкоперъ и дрянцъ, и который любитъ себѣ самому читать нравоученіе для барина, который молча плутъ, однако очень умѣетъ воспользоваться въ такихъ случаяхъ, когда можно мимоходомъ поживиться, — извѣстенъ всякому. Потому эта роль игралась всегда хорошо. Равномѣрно всякій можетъ почувствовать, какое впечатлѣніе способенъ пріѣздъ ревизора произвести на каждое изъ этихъ лицъ.

Не нужно только позабывать того, что въ головѣ всѣхъ сидитъ ревизоръ. Всѣ заняты ревизоромъ. Около ревизора кружатся страхи и надежды всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. У однихъ надежда (на правосудіе), на избавленіе отъ дурныхъ городничихъ и всякаго рода хапугъ. У другихъ паническій страхъ при видѣ того, что главнѣйшіе сановники и передовые люди общества въ страхѣ. У прочихъ же, которые смотрятъ на всѣ дѣла міра спокойно, чистя у себя въ носу, любопытство не безъ нѣкоторой тайной боязни увидѣть наконецъ то лицо, которое причинило столько тревогъ и, стало-быть, неминуемо должно быть слишкомъ необыкновеннымъ и важнымъ лицомъ.

Всѣхъ труднѣе роль того, который принятъ испуганнымъ городомъ за ревизора. Хлестаковъ самъ по себѣ ничтожный человѣкъ. Даже пустые люди называютъ его пустѣйшимъ. Никогда бы ему въ жизни не случилось сдѣлать дѣла, способнаго обратить чье-нибудь вниманіе. Но сила всеобщаго страха создала изъ него замѣчательное комическое лицо. Страхъ, отуманивши глаза всѣхъ, далъ ему по-

прише для комической роли. Обрываемый и обрѣзываемый доселѣ во всемъ, даже и въ замашкѣ пройтись козыремъ по Невскому проспекту, онъ почувствовалъ просторъ и вдругъ развернулся неожиданно для самого себя. Въ немъ все сюрпризъ и неожиданность (для него самого). Онъ даже весьма долго не въ силахъ догадаться, отчего къ нему такое вниманіе, уваженіе. Онъ почувствовалъ только пріятность и удовольствіе, видя, что его слушаютъ, угождаютъ, исполняютъ все, что онъ хочетъ, ловятъ съ жадностью все, что ни произноситъ онъ. Онъ разговорился, никакъ не зная въ началѣ разговора, куда поведетъ его рѣчь. Темы для разговоровъ ему даютъ вывѣдывающіе. Они сами какъ бы кладутъ ему все въ ротъ и создаютъ разговоръ. Онъ чувствуетъ только то, что вездѣ можно хорошо порисоваться, если ничто не мѣшаетъ. Онъ чувствуетъ, что онъ и въ литературѣ господинъ, и на балахъ не послѣдній, и самъ даетъ балы и, наконецъ, что онъ государственный человѣкъ. Онъ ни отъ чего не прочь, о чемъ бы ему ни — — . Обѣдъ со всякими лабарданами и винами далъ словоохотность и краснорѣчіе его языку. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе входитъ всѣми чувствами въ то, что говорить, и потому выражаетъ многое почти съ жаромъ. Не имѣя никакого желанія надуть, онъ позабываетъ самъ, что лжетъ. Ему уже кажется, что онъ дѣйствительно все это производилъ (о чемъ вретъ). Поэтому сцена, когда онъ говоритъ о себѣ, какъ о государственномъ человѣкѣ, (и навела такой) страхъ (на всякаго) чиновника. Вотъ отчего, особенно въ то время, когда онъ рассказываетъ, какъ распекалъ всѣхъ до единого въ Петербургѣ, является въ лицѣ важность и всѣ атрибуты и все, что угодно. Видя, какъ распекаютъ, испытавши и самъ это, потому что бывалъ неоднократно распекаемъ, онъ [*это долженъ мастерски изобразить въ рѣчахъ*]: онъ почувствовалъ въ это время особенное удовольствіе (распечь наконецъ и самому) другихъ, хотя въ (разсказахъ). Онъ бы и подальше добрался въ рѣчахъ своихъ, но языкъ его уже не оказался больше годнымъ, по какой причинѣ чиновники нашлись принужденными отвести его съ почтеніемъ и страхомъ на отведенный ночлегъ.

Проснувшись, онъ тотъ же Хлестаковъ, какимъ и былъ прежде. Онъ даже не помнитъ, чѣмъ напугалъ всѣхъ. Въ немъ попрежнему никакого соображенія и глупость во всѣхъ поступкахъ.

Влюбляется онъ и въ мать, и въ дочь почти въ одно.. Просить денегъ, потому что это какъ-то само собой срывается съ языка и потому, что уже у перваго онъ попросилъ и тотъ съ готовностью предложилъ. Только къ концу акта онъ догадывается, что его принимаютъ за кого-то по выше. Но если бы не Осипъ, которому кое-какъ удалось ему нѣсколько растолковать, что такой обманъ не долго можетъ продолжаться, онъ бы преспокойно дождался толчковъ и проводовъ со двора не съ честью. Словомъ, это фантазмагорическое лицо, которое, какъ лживый олицетворенный обманъ, унеслось вмѣстѣ съ тройкою, Богъ вѣсть куда. Но тѣмъ не менѣе нѣжно, чтобъ эта роль досталась лучшему актеру, какой ни есть, потому что она всѣхъ труднѣе. Этотъ пустой человѣкъ и ничтожный характеръ заключаетъ въ себѣ собраніе многихъ тѣхъ качествъ, которыя водятся и не за ничтожными людьми. Актеръ особенно не долженъ упустить изъ виду это желаніе порисоваться, которымъ болѣе или менѣе заражены всѣ люди и которое больше всего отразилось въ Хлестаковѣ, — желаніе ребяческое, но оно (бываетъ) у многихъ умныхъ и старыхъ людей, такъ что рѣдкому на вѣку своемъ не случилось въ какомъ-либо дѣлѣ от — — его. Словомъ, актеръ для этой роли долженъ имѣть очень многосторонній талантъ, который бы умѣлъ выражать разныя черты человѣка, а не какія-нибудь постоянныя однѣ и тѣ же. Онъ долженъ быть очень ловкимъ свѣтскимъ человѣкомъ, иначе не будетъ въ силахъ выразить наивно и простодушно ту пустую свѣтскую вѣтреность, которая несетъ человѣка во всѣ стороны поверхъ всего, которая въ такомъ значительномъ количествѣ досталась Хлестакову.

Послѣдняя сцена «Ревизора» должна быть особенно сыграна умно. Здѣсь уже не шутка, и положеніе многихъ лицъ почти трагическое. Положеніе городничаго всѣхъ разительнѣй. Какъ бы то ни было, но увидѣть себя вдругъ обманутымъ и притомъ пустѣйшимъ и ничтожнѣйшимъ мальчишкой, который даже видомъ и фигурой не взялъ, будучи похожъ на спичку (Хлестаковъ, какъ извѣстно, тоненькій, прочіе всѣ толсты), — быть имъ обманутымъ: это не шуточное. Обманутъ такъ грубо тому, который умѣлъ проводить умныхъ людей и даже искуснѣйшихъ плутовъ! Возвѣщеніе о пріѣздѣ, наконецъ, настоящаго ревизора для него

громовый ударъ. Онъ окаменѣлъ. Распростертыя его руки и закинутая назадъ голова остались неподвижны, и вокругъ него вся дѣйствующая группа составляетъ въ одно мгновеніе окаменѣвшую группу въ разныхъ положеніяхъ.

Вся сцена есть нѣмая картина, а потому должна быть такъ же составлена, какъ составляются живыя картины. Всякому лицу должна быть назначена поза, сообразная съ его характеромъ, со степенью боязни его и съ потрясеніемъ, которое должны произвести слова, возвѣстившія о пріѣздѣ настоящаго ревизора. Нужно, чтобы эти позы никакъ не встрѣтились между собою, и были бы разнообразны и различны; а потому слѣдуетъ, чтобы каждый помнилъ свою и могъ бы вдругъ ее принять, какъ только поразится его слухъ розовымъ извѣстіемъ. Сначала выйдетъ это принужденно и будетъ походить на автоматовъ; но потомъ, послѣ нѣсколькихъ репетицій, по мѣрѣ того, какъ каждый актеръ войдетъ поглубже въ положеніе свое, данная поза ему усвоится, станетъ естественной, принадлежащей ему. Деревянность и неловкость автоматовъ исчезнетъ, и покажется, какъ бы сама собой вышла онѣмѣвшая картина.

Сигналомъ перемѣны положеній можетъ послужить тотъ небольшой звукъ, который исходитъ изъ груди у женщинъ при какой-нибудь внезапности. Одни понемногу приходятъ въ положеніе, данное для нѣмой картины, начиная (переходить) въ него уже при появленіи вѣстника съ роковымъ извѣстіемъ: это, которые меньше; другіе вдругъ — это тѣ, которые больше поражены. Не дурно первому актеру оставить на время свою позу и посмотрѣть самому нѣсколько разъ на эту картину въ качествѣ зрителя для того, чтобы видѣть, что нужно ослабить, усилить, смягчить, дабы вышла картина естественнѣй.

Картина должна быть установлена почти такъ: Посрединѣ городничій, совершенно онѣмѣвшій и остолбенѣвшій. По правую его руку жена и дочь, обращенныя къ нему съ испугомъ на лицѣ. За ними почтмейстеръ, превратившійся въ вопросительный знакъ, обращенный къ зрителямъ. За нимъ Лука Лукичъ весь блѣдный, какъ мѣлъ. По лѣвую сторону городничаго Земляника съ приподнятыми вверхъ бровями и пальцами, поднесенными ко рту, какъ человѣкъ, который чѣмъ-то сильно обжегся. За нимъ судья, присѣвшій почти до земли и сдѣлавшій губами гримасу, какъ бы

говоря: «Вот тебѣ, бабушка, и»... За ними Добчинскій и Бобчинскій, уставивши глаза и разинувши ротъ, глядятъ другъ на друга. Гости раздѣляются на двѣ группы по обѣимъ сторонамъ: одна принимаетъ одно общее движеніе, (стараясь) заглянуть въ лицо городничаго. (Почти цѣлую минуту продолжается эта нѣмая сцена, покуда не опускается наконецъ занавѣсъ). Чтобы завязалась группа ловче и непринужденнѣй, всего лучше поручить (искусному) художнику, умѣющему сочинять группы, сдѣлать рисунокъ и держать рис...

Если только каждый изъ актеровъ вошелъ, хоть сколько-нибудь, во всѣ положенія ролей своихъ во все продолженіе представленія пьесы, то они выразятъ такъ же и въ этой нѣмой сценѣ положеніе разительное ролей своихъ, увѣнчая этой сценой еще болѣе совершенство игры своей. Если же они пребывали холодны и натянуты во время представленія, то останутся также холодны и натянуты, какъ здѣсь, съ тою разницею, что въ этой нѣмой сценѣ еще болѣе обнаружится ихъ неискусство.

ДОПОЛНЕНИЕ

къ

„РАЗВЯЗКЪ РЕВИЗОРА“.

Семень Семеновичъ. Что это, Михаль Михалчъ, что вы говорите, какой душевный городъ?

Михаль Михалчъ. Мнѣ такъ показалось. Мнѣ показалось, что это мой же душевный городъ, что послѣдняя сцена представляетъ послѣднюю сцену жизни, когда совѣсть заставитъ взглянуть вдругъ на самого себя во все глаза и испугаться самого себя. Мнѣ показалось, что этотъ настоящий ревизоръ, о которомъ одно возвышеніе въ концѣ комедіи наводитъ такой ужасъ, есть та настоящая наша совѣсть, которая встрѣчаетъ насъ у дверей гроба. Мнѣ показалось, что этотъ вѣтреникъ Хлестаковъ, плутъ, или какъ хотите назвать, есть та поддѣльная вѣтрена свѣтская наша совѣсть, которая, воспользовавшись страхомъ нашимъ, принимаетъ вдругъ личину настоящей и даетъ себя подкупить страстямъ нашимъ, какъ Хлестаковъ, чиновникамъ — и потомъ пропадаетъ, такъ же какъ онъ, неизвѣстно куда. Мнѣ показалось, что это безотраднo-печальное окончаніе, отъ котораго такъ возмущился и потрясся зритель, представило передъ меня въ напoминаніе, что и жизнь, которую привываемъ понемногу считать комедіей, можетъ имѣть такое же печально-трагическое окончаніе. Мнѣ показалось, какъ будто вся комедія совокупностью своею говоритъ мнѣ о томъ, что слѣдуетъ вначалѣ взять того ревизора, который встрѣчаетъ насъ въ концѣ, и съ нимъ такъ же, какъ правосудный государь ревизуетъ свое государство, оглядѣть свою

душу и вооружиться такъ же противъ страстей, какъ вооружается государь противу продажныхъ чиновниковъ; потому что они такъ же крадутъ сокровища души нашей, какъ тѣ грабятъ казну и достоянне государства, — съ настоящимъ ревизоромъ: потому что лицемѣрные наши страсти, и не только страсти, но даже малѣйшая пошлая привычка умѣть такъ искусно подѣхать къ намъ и ловко передъ нами изворотиться, какъ не изворотились передъ Хлестаковымъ проныры-чиновники, такъ что готовы даже принять ихъ за добродѣтели, готовы даже похвастаться порядкомъ душевнаго своего города, не принимая и въ мыслъ того, что можешь остаться обманутымъ, какъ городничій. Мнѣ такъ показалось.

Петръ Петровичъ. Михалъ Михалчъ! Все то, что вы говорите, краснорѣчиво; но гдѣ здѣсь вы нашли подобіе? Какое сходство Хлестакова съ вѣтреной свѣтской совѣстью или настоящаго ревизора съ настоящею совѣстью? Николай Николаичъ! скажите мнѣ поистинѣ: находите вы здѣсь какое-нибудь сходство?

Николай Николаичъ. Признаюсь, никакого.

Семень Семенчъ. И я тоже; какъ ни таращу свои глаза, но ничего не вижу.

Федоръ Федорычъ. Сознаюсь вамъ, Михалъ Михалчъ, откровенно: несмотря на то, мысль недурна и могла бы послужить даже предметомъ сочиненія художественнаго; но я не думаю, чтобы авторъ ее имѣлъ въ виду.

Николай Николаичъ (*рѣшительно*). Вздоръ! Онъ и въ помысленіи этого не имѣлъ!

Михалъ Михалчъ. Да развѣ я вамъ говорю, что авторъ имѣлъ ее въ виду. Я вамъ впередъ сказалъ: «Авторъ не давалъ мнѣ ключа, я вамъ предлагаю свой». Авторъ, если бы даже и имѣлъ эту мысль, то и въ такомъ случаѣ поступилъ бы дурно, если бы ее обнаружилъ ясно. Комедія тогда бы сбилась на аллегорію, могла бы изъ нея выйти какая-нибудь блѣдная, нравоучительная проповѣдь. Нѣтъ, его дѣло было изобразить просто ужасъ отъ безпорядковъ вещественныхъ не въ идеальномъ городѣ, а въ томъ, который на землѣ, — собрать въ кучку все, что есть похуже въ нашей землѣ, чтобы его поскорѣй увидали и не считали бы этого за то необходимое зло, которое слѣдуетъ допустить и которое такъ же необходимо среди добра, какъ тѣни въ кар-

тинѣ. Его дѣло изобразить это темное такъ сильно, чтобы почувствовали всѣ, что съ нимъ надобно сражаться, чтобы кинуло въ трепетъ зрителя, и ужасъ отъ безпорядковъ пронялъ бы его насквозь всего. Вотъ, что онъ долженъ былъ сдѣлать. А это ужъ наше дѣло выводить нравоученье. Мы, слава Богу, не дѣти. Я подумалъ о томъ, какое нравоученье могу вывести для самого себя, и напалъ на то, которое вамъ теперь разсказать.

Петръ Петровичъ. Михалъ Михалчъ! Комедія пишется для всѣхъ. Изъ нея должны вывести нравоученье всѣ,—нравоученье ближайшее, доступное всѣмъ, а не то отдаленное, которое можетъ вывести для себя какой-нибудь оригинальный, не похожій на прочихъ человѣкъ. Спрашиваю: зачѣмъ этого нравоученія никто не вывелъ, а только одни вы?

Николай Николаичъ (поспѣшно). Именно! вотъ настоящий вопросъ! Разрѣшите-ка прежде это: зачѣмъ одни вы это вывели, а не всѣ?

Семень Семенчъ. Да, Михалъ Михалчъ, зачѣмъ одни вы это вывели? Зачѣмъ одни вы это вывели?

Михалъ Михалчъ. Во-первыхъ, почему вы знаете, что это нравоученье вывелъ одинъ я? А во-вторыхъ, почему вы считаете его отдаленнымъ? Я думаю, напротивъ, ближе всего къ намъ собственная наша душа. Я имѣлъ тогда въ умѣ душу свою, думалъ о себѣ самомъ, потому и вывелъ это нравоученье. Если бы и другіе имѣли въ виду прежде себя, вѣроятно, и они вывели бы то же самое нравоученье, какое вывелъ и я.—Но развѣ всякъ изъ насъ приступаетъ къ произведенію писателя, какъ пчела къ цвѣтку?—зачѣмъ чтобъ извлечь изъ него нужное себѣ. Нѣтъ, мы ищемъ во всемъ нравоученья *другимъ*, а не для себя. Мы готовы радовать и защищать все общество, дорожа заботливо нравственностью другихъ и позабывши о своей. Вѣдь посмѣяться мы любимъ надъ другими, а не надъ собою; увидѣть недостатки вѣдь мы любимъ въ другихъ, а не въ себѣ. Какъ бы то ни было, но взгляните: три тысячи вѣдь людей пришло въ театръ; всѣ знаютъ, что пришли зачѣмъ, чтобы посмѣяться, и всякій изъ этихъ трехъ тысячъ увѣренъ, что придется надъ другимъ посмѣяться, а не надъ нимъ. Малѣйшій намекъ, что онъ можетъ быть похожъ самъ на того, надъ кѣмъ посмѣялся, можетъ привести его въ гнѣвъ, и

онъ готовъ уже въ бѣшенствѣ повторять: «да развѣ у меня рожа крива?»»

Семень Семенычъ. Михалъ Михалчъ, я говорю не въ томъ смыслѣ.

Михалъ Михалчъ (*прерывая*). Позвольте, Семень Семенычъ! Вы человѣкъ благородный, человѣкъ истинно-русскій въ душѣ, человѣкъ, наконецъ, который глядитъ уже глазами христіанина на жизнь—зачѣмъ вы произносите рѣчи, противныя вашему собственному образу мыслей? Прежде всего, зачѣмъ вы всякій разъ позабываете, что предметъ комедіи и вообще сатиры не достоинство человѣка, а презрѣнное въ человѣкѣ; что чѣмъ больше она выставила презрѣнное презрѣннымъ, чѣмъ больше имъ возмугила и привела отъ него въ содроганье зрителя, тѣмъ больше она выполнила свое значеніе. Зачѣмъ вы всякій разъ это позабываете и всякій разъ хотите сатиру навязать предмету, приличные трагедіи? Зачѣмъ не взглянете на произведение писателя также глазами христіанина? Нѣтъ, кто хочетъ правоученія, тотъ возьметъ его себѣ; кто глядитъ въ душу себѣ, тотъ изъ всего возьметъ то, что нужно, тотъ и въ этомъ вещественномъ городѣ увидитъ душевный свой городъ; тотъ увидитъ, что съ бѣльшей силой слѣдуетъ вооружиться противъ лицемерія. Нѣтъ, оставьте сатиру въ покоѣ: она дѣло свое дѣлаетъ. Дурного не слѣдуетъ щадить, гдѣ бы оно ни было. Но если хотите ужъ поступать христіански, обратите ту же сатиру на самого себя и приложите всякую комедію [къ самому себѣ], прежде чѣмъ замѣчать отношеніе ея къ цѣлому обществу. Ужъ ежели дѣйствовать по-христіански, такъ всякое сочиненіе, гдѣ ни поражается дурное, слѣдуетъ лично обратить къ самому себѣ, какъ бы оно прямо на меня было написано. Вы сами знаете, что нѣтъ порока, замѣченнаго нами въ другомъ, котораго хотя отраженія не присутствовало бы и въ насъ самихъ — не въ такомъ объемѣ, въ другомъ видѣ, въ другомъ платьѣ, поприличнѣй и поблагообразнѣй, принарядившись, какъ Хлестаковъ. Чего не отыщешь, если только заглянешь въ свою душу съ тѣмъ неподкупнымъ ревизоромъ, который встрѣтитъ насъ у дверей гроба! Сами это знаемъ, а знать не хотимъ! Кишитъ душа страстями, говоримъ всякій день, а гнать не хотимъ. И бить въ рукахъ, данный на то, чтобы гнать ихъ

[Семень Семенычъ]. Да гдѣ-жъ бичъ? Какой бичъ?

[Михалъ Михалчъ]. А смѣхъ развѣ не бичъ? Или, думаете, даромъ намъ данъ смѣхъ, когда его боится и послѣдній негодяй, котораго ничѣмъ не проймешь? боится даже и тотъ, кто ничего не боится! Значить, онъ данъ на доброе дѣло. Скажите: зачѣмъ намъ данъ смѣхъ, за тѣмъ ли, чтобы такъ, попусту смѣяться? Если онъ данъ намъ на то, чтобы поражать имъ все, позорящее высокую красоту человѣка, зачѣмъ же прежде всего не поразимъ мы то, что порочить красоту собственной души каждаго изъ насъ? Зачѣмъ не обратимъ его во внутрь самихъ себя—изъ государства не изгоняемъ собственныхъ нашихъ взяточниковъ? Зачѣмъ одинъ намекъ о томъ, что вы надъ собой смѣетесь, можетъ привести во гнѣвъ? Какъ бы то ни было, но всякая страсть, всякая низкая склонность наша все-таки хочетъ сыграть сколько-нибудь благородную роль, принять благородную наружность и только подъ этой личиной пробирается намъ въ душу, потому что благородна наша природа и не допустить ее къ себѣ въ безстыдной наготѣ. Но, повѣрьте, когда выставишь передъ самимъ собой ее на смѣхъ и, не пощади ничего, поразимъ такъ, что отъ стыда весь сгоришь, не зная, куда скрыть собственное лицо свое,—тогда эта страсть не посмѣетъ остаться въ душѣ нашей и убѣжитъ, такъ что и слѣда ея не отыщешь.

Семень Семенычъ. Признаюсь, ваши слова заставили меня задуматься. Вы думаете, возможенъ этотъ поворотъ смѣха на самого себя, противъ собственного [лица]?

Петръ Петровичъ. Я думаю только, что это возможно для человѣка, который почувствовалъ благородство природы и омерзѣніе къ своимъ недостаткамъ.

Михалъ Михалчъ. Я думаю только, что если онъ сверхъ [того] и русскій въ душѣ, тогда ему возможный. Согласитесь: смѣхъ у насъ есть у всѣхъ; свойство какого-то безпощаднаго сарказма разнеслось у насъ даже у простого народа. Есть также у насъ и отвага оторваться отъ самого себя и не пощадить даже самого себя. Стало-быть, у насъ однихъ только можетъ быть возможенъ поворотъ смѣха на его законную дорогу. Опровергните меня, докажите мнѣ, что я лгу; уничтожьте, разрушите убѣжденіе мое, и вмѣстѣ съ тѣмъ разрушите уже и меня, бѣднаго скомороха, который живетъ этимъ убѣжденіемъ, которое испробовалъ на соб-

ственнымъ своемъ тѣлѣ. Семень Семенычъ, развѣ у меня не такая же русская кровь, какъ и у васъ? Развѣ я могу почувствовать въ мои высшія минуты иное чтѣ, какъ не то же, чтѣ способны почувствовать и вы въ такія? Развѣ я не стою теперь передъ вами въ мою высшую минуту? Служба моя кончилась; я схожу съ театра, на которомъ служилъ 20 лѣтъ. Вы сами меня увѣнчали вѣнками, сами меня растрогали. Вы сами меня почти вынудили сказать то, чтѣ я теперь сказалъ. Смотрите: я плачу. Комическій актеръ, я прежде смѣшилъ васъ—теперь я плачу. Дайте же мнѣ почувствовать, что и мое поприще такъ же честно, какъ и всякаго изъ васъ; что я также служилъ землѣ своей, что не пустой я былъ скоморохъ, но честный чиновникъ великаго Божьяго Государства, и возбудилъ въ васъ не тотъ пустой смѣхъ, которымъ пересмѣхаетъ человѣкъ человѣка, но смѣхъ, родившійся отъ любви къ человѣку. Николай Николаичъ! Ѳедоръ Ѳедорычъ! Семень Семенычъ! и вы всѣ товарищи, съ которыми дѣлилъ я время труда, время наставительныхъ бесѣдъ, отъ которыхъ я многому поучился и съ которыми расстаюсь теперь! Друзья! публика любила талантъ мой, но вы любили меня самого. Отнимите, отнимите послѣ меня этотъ смѣхъ,—отнимите у тѣхъ, которые обратили его въ кошунство надъ всѣмъ, не разбирая ни хорошаго, ни дурного! Говорю вамъ: вѣрьте этимъ словамъ... Онъ добръ, онъ честенъ, этотъ смѣхъ. Онъ данъ именно на то, чтобы умѣть посмѣяться надъ собой, а не надъ другимъ. И въ комъ ужъ нѣтъ духа посмѣяться надъ собственными недостатками своими, лучше тому вѣкъ не смѣяться!.. Дастъ онъ за него отвѣтъ!..

НОЧИ НА ВИЛЛѢ.

Ночь 1-я.

Онѣ были сладки и томительны, эти безонныя ночи. Онѣ сидѣлъ больной въ креслахъ. Я при немъ. Сонъ не смѣлъ касаться очей моихъ. Онѣ безмолвно и невольно, казалось, уважалъ святыню ночного бдѣнія. Мнѣ было такъ сладко сидѣть возлѣ него, глядѣть на него. Уже двѣ ночи, какъ мы говорили другъ другу *ты*. Какъ ближе послѣ этого онѣ сталъ ко мнѣ! Онѣ сидѣлъ все тотъ же кроткій, тихій, покорный. Боже! съ какою радостью, съ какимъ бы веселіемъ я принялъ бы на себя его болѣзнь! И если-бъ моя смерть могла возвратить его къ здоровью, съ какою готовностью я бы кинулся тогда къ ней!

Я не былъ у него эту ночь. Я рѣшился, наконецъ, заснуть ее у себя. О! какъ пошла, какъ подла была эта ночь вмѣстѣ съ моимъ презрѣннымъ сномъ! Я дурно спалъ ее, несмотря на то, что всю недѣлю проводилъ ночи безъ сна. Меня терзали мысли о немъ. Мнѣ онѣ представлялся молящій, упрекающій. Я видѣлъ его глазами души. Я поспѣшилъ на другой день поутру и шелъ къ нему, какъ преступникъ. Онѣ увидѣлъ меня, лежащій въ постели. Онѣ усмѣхнулся тѣмъ же смѣхомъ ангела, которымъ привыкъ усмѣхаться. Онѣ далъ мнѣ руку. Пожалъ ее любовно. «Измѣнникъ!» сказалъ онѣ мнѣ: «ты измѣнилъ мнѣ». — «Ангель мой!» сказалъ я ему: «прости меня. Я страдалъ самъ твоимъ страданіемъ. Я терзался эту ночь. Не спокойствіе былъ мой отдыхъ: прости меня!» Кроткій! онѣ по-

жалъ мою руку! Какъ я былъ полно вознагражденъ тогда за страданія, нанесенныя мнѣ моею глупо проведенною ночью! — «Голова моя тяжела», сказалъ онъ. Я сталъ его обмахивать вѣткою лавра. «Ахъ! какъ свѣжо и хорошо!» говорилъ онъ. Его слова были тогда... что они были!.. Что бы я далъ тогда, какихъ бы благъ земныхъ, презрѣнныхъ, этихъ подлыхъ, этихъ гадкихъ благъ... нѣтъ! о нихъ не стоитъ говорить! Ты, кому попадутся, — если только попадутся, — въ руки эти нестройныя, слабыя строки, блѣдныя выраженія моихъ чувствъ, — ты поймешь меня. Иначе они не попадутся тебѣ. Ты поймешь, какъ гадка вся груда сокровищъ и почестей, эта звенящая приманка деревянныхъ куколъ, названныхъ людьми. О, какъ бы тогда весело, съ какою-бъ злостью растопталъ и подавилъ все, что сыплется отъ могучаго скиптра полночнаго царя, если-бъ только зналъ, что за это куплю усмѣшку, знаменующую тихое облегченіе, на лицѣ его!

«Что ты приготовилъ для меня такой дурной май?» сказалъ онъ мнѣ, проснувшись, сидя въ креслахъ, услышавъ шумѣвшій за стеклами оконъ вѣтеръ, срывавшій благовонія съ цвѣтшихъ дикихъ жасминовъ и бѣлыхъ акацій и клубившій ихъ вмѣстѣ съ листьями розъ.

Въ 10 часовъ я сошелъ къ нему. Я его оставилъ за 3 часа до этого времени, чтобъ отдохнуть немного и приготовить ему, чтобъ доставить какое-нибудь разнообразіе, чтобы мой приходъ потомъ былъ ему пріятнѣе. Я сошелъ къ нему въ 10 часовъ. Онъ уже болѣе часу сидѣлъ одинъ. Гости, бывшіе у него, давно ушли. Онъ сидѣлъ одинъ. Томленіе скуки выражалось на лицѣ его. Онъ меня увидѣлъ. Слегка махнулъ рукой. «Спаситель ты мой!» сказалъ онъ мнѣ. Они еще донинѣ раздаются въ ушахъ моихъ, эти слова. «Ангель ты мой! ты скучалъ?» — «О, какъ скучалъ!» отвѣчалъ онъ мнѣ. Я поцѣловалъ его въ плечо. Онъ мнѣ подставилъ свою щеку. Мы поцѣловались; онъ все еще жалъ мою руку.

Ночь 8-я.

Онъ не любилъ и не ложился почти вовсе въ постель. Онъ предпочиталъ свои кресла и то же свое сидячее поло-

женіе. Въ ту ночь ему докторъ велѣлъ отдохнуть. Онъ поднялся неохотно и, опираясь на мое плечо, шелъ къ своей постели. Душенька мой! Его уставшій взглядъ, его теплый пестрый сюртукъ, медленное движеніе шаговъ его — все это я вижу, все это передо мною. Онъ сказалъ мнѣ на ухо, прислонившись къ плечу и взглянувши на постель: «Теперь я пропавшій человѣкъ». — «Мы всего только полчаса останемся въ постели», сказалъ я ему: «потомъ перейдемъ вновь въ твои кресла». Я глядѣлъ на тебя, мой милый нѣжный цвѣтъ! Во все то время, какъ ты спалъ или только дремалъ на постели и въ креслахъ, я слѣдилъ твои движенія и твои мгновенія, прикованный непоситимою къ тебѣ силою.

Какъ странно-нова была тогда моя жизнь и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ я читалъ въ ней повтореніе чего-то отдаленнаго, когда-то давно бывшаго! Но, мнѣ кажется, трудно дать идею о ней: ко мнѣ возвратился летучій, свѣжій отрывокъ моего юношескаго времени, когда молодая душа ищетъ дружбы и братства между молодыми своими сверстниками и дружбы рѣшительно юношеской, полной милыхъ, почти младенческихъ, мелочей и наперерывъ оказываемыхъ знаковъ нѣжной привязанности; когда сладко смотрѣть очами въ очи, когда весь готовъ на пожертвованія, часто даже вовсе ненужныя. И всѣ эти чувства, сладкія, молодыя, свѣжія, — увы! жители невозвратимаго міра, — всѣ эти чувства возвратились ко мнѣ. Боже! зачѣмъ? Я глядѣлъ на тебя, милый мой молодой цвѣтъ. Зачѣмъ ли пахнуло на меня вдругъ это свѣжее дуновение молодости, чтобы потомъ вдругъ и разомъ я погрузился еще въ большую мертвящую остылость чувствъ, чтобы я вдругъ сталъ старѣе цѣлымъ десяткомъ, чтобы отчаяніе и безнадежіе я увидѣлъ исчезающую мою жизнь? Такъ угаснувшій огонь еще посылаетъ на воздухъ послѣднее пламя, озарившее трепетно мрачныя стѣны, чтобы потомъ скрыться навѣки.

НАБРОСКИ, ВЫПИСКИ, ОТРЫВКИ.

I.

Какъ нужно создать эту драму.

Облечь ее въ мѣсячную чудную ночь и ея серебряное сіяніе и въ (теплое) роскошное дыханіе Юга.

(Освѣтить) Облить ее сверкающимъ потокомъ солнечныхъ яркихъ лучей, и да исполнится она вся нестерпимаго блеска!

Освѣтить ее всю минувшимъ и вызваннымъ изъ строя удалившихся вѣковъ, полнымъ старины временемъ, обвить разгуломъ, козачкомъ и всѣмъ раздольемъ воли.

И въ потопъ рѣчей неугасимой страсти, и въ рѣшительный, отрывистый лаконизмъ силы и свободы, и въ ужасный, дышавшій дикимъ мщеніемъ порывъ, и въ грубыя, суровыя добродѣтели, и въ желѣзные несмягченные пороки, и въ самоотверженіе неслыханное, дикое и нечеловѣчески-великодушное.

И въ безпечность забубенныхъ вѣковъ.

Отвѣчаетъ сравн[еніемъ], иносказательно: «Правда, случается, что воля падалъ, издыхалъ, но подъ рукою чловека, которому Богъ далъ умъ на то, чтобы сдѣлать ножъ; но никогда еще не случилось, чтобы быкъ погибалъ отъ свиньи».

Дѣлаетъ распоряженія о продажѣ рыбы, о запасѣ на зиму, именно на такое-то время, потому что тогда хлопцы пьянствуютъ, о покушкѣ соли, о баштанахъ, хлѣбахъ, о порохѣ.

ружьяхъ, кунтушахъ для солдатъ. — «Войны, кажется, ожидать не нужно, потому что мужицкая и козацкая сноровка бунтовать — такъ, чтобы не побунтовать, не можетъ проклятый народъ: такъ вотъ у него рука чешется; дармоѣдничаетъ да повѣсничаетъ по шинкамъ да по улицамъ».

Разсказываютъ про клады и сокровища запорожцевъ. «Уйду на Запорожье, здѣсь всякой чортъ тебя колотить».

Монахинымъ такого-то монастыря купить вытканые и шитые утиральники.

Демянъ превращается въ кашевара, Самко въ.....

Мужики.

Разговоръ между мужиками. «Вздорожало все, дорого. За землю, ей-Богу, не длиннѣ вотъ этого пальца — 20 четвериковъ, 4 пары цыплятъ, къ Духову дню да къ Пасхѣ — пару гусей, да 10 съ каждой свиньи, съ меду, да и послѣ каждыхъ трехъ дѣтъ третьяго вола».

Улицы древней Варшавы.

Въ Старомъ мѣстѣ было домовъ 39.

Улица Новоміейская домовъ 12.

На Кривомъ Колѣ 18.

Улица S. Яна 6.

Гродская.

Рыцарскіе.

Не поединки, а раздѣлываются драками; набравши съ собою, сколько можно больше, слугъ и выѣхавши на поле, нападаетъ на своихъ противниковъ.

Вдохновенная, небесно ухающая, чудесная ночь! любишь ли ты меня? Попрежнему ли ты глядишь на своего любимца, не измѣнившася ни годами, ни тратами, и горишь, и блещешь ему въ очи, и цѣлуешь его въ уста и лобъ? Ты такъ же ли, попрежнему ли смѣешься, мѣсячный свѣтъ? О Боже, Боже, Боже! Такіе ли звуки, такіе снуются и дрожать въ тебѣ? (Я) Клянусь, я слышалъ эти звуки, и

слышалъ ихъ одинъ въ то время, когда я передъ окномъ: на груди рубашка раздернута и грудь, и шея моя — навстрѣчу освѣтителъному ночному вѣтру. Какой божественный, какой чудесный и обновляющій, утомительный, дышашій нѣгой и благовоиѣмъ, рай и небеса — вѣтеръ ночной, дышашій радостнымъ холодомъ вѣтеръ урывками обнималъ меня и обхватывалъ своими объятіями и убѣгалъ, и вновь возвращался обнимать меня, а черныя, угрюмыя массы лѣса, нагнувшись, издали глядѣли и... стоялъ торжественно несмущенный воздухъ. И вдругъ соловей... О, небеса! Какъ загорѣлось все! какъ вспыхнуло! У, какой громъ!... А мѣсяцъ, мѣсяцъ!... Отдайте, возвратите мнѣ, возвратите юность мою, молодую крѣпость силъ моихъ, меня, меня свѣжаго, того, который былъ! О, невозвратно все, что ни есть на свѣтѣ!

Сказавши монологъ, долго кричить. Выходить мать. «Дочь, ѿ тебя болитъ голова», и прочее.

«Нѣтъ, не голова. Болѣю я вся: болятъ мои руки, болятъ мои..., болятъ грудь моя, болятъ моя душа, болятъ мое сердце. Огонь во мнѣ. Воды, мать моя, матушка, мамуся! Дай такой воды, чтобы загасила жгущее меня пламя. О, проклята моя злодѣйка, и проклятъ родъ твой, и прокляты тѣ сво, что кричали! Мать моя, матушка! зачѣмъ ты меня породила такую несчастную? Ты, видно, не ходила въ церковь; ты, видно, не молилась Богу; ты, видно, въ нечистой водѣ искупала[сь], въ ядовитомъ зельѣ, на которомъ проползла гадина.

Входятъ, возвѣщаютъ и совѣтуютъ бѣжать. «Бѣгите и спасайтесь, жены и бабы! Ляхи за нами, и грабятъ и жгутъ». Въ этомъ положеніи находя... Углаживается старушка, плачетъ, разставался съ прежнимъ жилищемъ, гдѣ столько пробыла и откуда никуда не выходила.

«Внутри рветъ меня, все немило мнѣ: ни земля, ни небо, ни все, что вокругъ меня».

Отреченіе отъ міра совершенное. А между тѣмъ рисуется прежнее счастье и богатство, которое могло. Прощаніе слезное съ молодыми лѣтами, съ молодыми радостями, со всѣмъ и строгое покореніе судьбѣ. Обѣты, и какъ будетъ молиться, какъ припадать къ иконѣ: «и все буду плакать, и ничего, никакой лици бѣдному сердцу, не порадуя его никакимъ воспоминаніемъ».

И вдругъ... Здѣсь встрѣча съ соперницей въ уничтоженномъ состояніи, и все вспыхиваетъ вновь во всемъ огнѣ и силѣ. Потоки упрековъ и злобная радость. Потомъ опомнивается и воспоминаетъ объ обѣтахъ, бросается на колѣни и просить прощенія.

Выдумать, какъ запала мысль въ голову молодому дворянину. Чисто-козацкое изобрѣтеніе, какъ подговорить. Лукашъ говоритъ, что онъ ничего не значитъ, что нужно склонить полковниковъ. Народъ обступаетъ ихъ дома и вынуждаютъ... И сказать, какимъ же образомъ...

II.

Отрывокъ изъ неоконченной повѣсти.

Дѣвицы Чабловы, дочери бѣдныхъ родителей, вышли вмѣстѣ изъ института въ одно время и вдругъ очутились среди свѣта, огромнаго, великаго, со страхомъ и робостью въ душѣ. Онѣ были умны. Какимъ образомъ онѣ сдѣлались умны, никто не зналъ. Можетъ-быть, это было внушено имъ отъ рожденія, какъ инстинктъ, или, можетъ-быть, онѣ умѣли извлечь крупицы опытности и здраваго сужденія изъ книгъ, которыя имъ удавалось читать, изъ которыхъ не всякій умѣетъ извлекать что-либо. Дѣло въ томъ, что онѣ задумались о своемъ существованіи и, — въ то время, когда вѣтрена и малодушная бросается на свѣтъ безъ разсмотрѣнія, какъ бабочка на свѣчу, — онѣ уже захотѣли сдѣлать для себя планъ жизни и предначертать заранѣе для самихъ себя правила, въ законахъ которыхъ обращалась бы ихъ жизнь, — вещь, совершенно необыкновенная въ дѣвицахъ осьмнадцатилѣтнихъ.

III.

Начало неоконченной повѣсти.

Можно биться объ закладъ, что читатель, если ему случится только проѣзжать заштатный городишко Погарь, увидить, что изъ окна одного деревяннаго, весьма крѣпкаго, дома съ высокою крышею и двумя бѣлыми трубами, глядитъ весьма полное и безъ всякихъ рябинъ лицо, цвѣтомъ нѣсколько похожее на свѣжую, еще не поношенную подошву. Это—Семень Семеновичъ Батюшекъ, помѣщикъ, дворянинъ, губернскій секретарь. Онъ завелъ обыкновеніе глядѣть изъ окна рѣшительно на все, что ни есть на улицѣ. Ѣдетъ ли проѣзжій какой-нибудь дворянинъ, можетъ-быть, тоже губернскій секретарь, а можетъ-быть и повыше, въ коляскѣ покойной, глубокой какъ арбузъ, изъ которой смотрять хлѣбъ, няньки, подушки, или просто жидъ-извозчикъ на облучкѣ рогожаной..... *), съ узкою длинной бородой, въ которой оставили весьма немного волосъ разные господа, одѣтые въ военныя и партикулярныя платья; или пронесется вихремъ на тройкѣ разбойникъ и б...унъ ремонтёръ,—онъ все это разсмотреть. Если-жъ и никто не проѣдетъ — ничего: это не бѣда,—Семеновичъ посмотреть и на курицу, и на гусыню, которая пробѣжитъ передъ окномъ,—и весьма внимательно,—отъ головы до хвоста. Когда столкнутся два воза, онъ изъ окна, тутъ же, подастъ благоразумные совѣты: кому податься впередъ, кому [назадъ], и первому проходящему прикажетъ помочь. Если одинъ изъ очень быстрыхъ его глазъ завидитъ, что мальчишка лѣзетъ черезъ заборъ въ чужой огородъ или пачкаетъ углемъ на стѣнѣ неприличную фигуру, онъ подзываетъ очень ласковымъ голоскомъ къ себѣ, велитъ потомъ подвинуться ему ближе къ окну, потомъ еще ближе, потомъ, протянувши руку, хватъ его за ухо и отдеретъ этого бѣднаго такимъ образомъ за ухо, что тотъ унесетъ его домой висящее на одной ниточкѣ, какъ нерадиво пришитая пуговица къ сюртуку. Если подерутся два мужика, то онъ сію-жъ минуту, тутъ же изъ окна, надъ ними судъ: допросить, чьи они, велитъ позвать Петрушку и Павлушку,—повара и комнатнаго лакея въ узкой сѣрой курткѣ, неизвѣстно по какой причинѣ съ военнымъ

*) Пропущено какое-то слово, вѣроятно: «кибитки».

воротникомъ, — и тутъ же высѣчетъ обоихъ мужиковъ, а другимъ еще прикажетъ придерживать: ему нѣтъ нужды, что не его люди.

Только на два часа въ день прячется это лицо. Это случается во время и послѣ обѣда, когда онъ имѣетъ обыкновеніе отдыхать. Но и тутъ, случись только какое-нибудь происшествіе на улицѣ, Семеновичъ, какъ паукъ, къ которому попадается въ паутину муха, вдругъ выбѣжитъ изъ своего угла, и уже такъ знакомое заштатному городишкѣ лицо, цвѣта еще не ношенной подошвы, торчитъ у окна.

Объявленіе о выѣздѣ.

Нѣкто, не имѣющій собственнаго экипажа, ищетъ попутчика до Вѣны, имѣющаго собственный экипажъ, на половинныхъ издержкахъ; на Дѣвичьемъ полѣ, въ домѣ проф. Погодина; спросить Николая Васильева Гоголя*).

Черновой текстъ того же объявленія.

*) «Нѣкто, не имѣющій собственнаго экипажа, желаетъ прокатиться до Вѣны съ кѣмъ-нибудь, имѣющимъ собственный экипажъ, на половинныхъ издержкахъ. Оный нѣкто—человѣкъ смирный и незапасчивый—не будетъ дѣлать во всю дорогу никакихъ запросовъ своему попутчику и будетъ спать вплоть отъ Москвы до Вѣны. Спросить на Дѣвичьемъ полѣ, въ домѣ Погодина, Ник. Вас. Гоголи.

НАЧАЛО РЕЦЕНЗИИ,

НАПЕЧАТАННОЙ ВЪ «МОСКВИТАНИНЪ».

Утренняя Заря, альманахъ на 1842 г., изданный В. Владиславлевымъ. С.-Петербургъ. Въ типогр. III отдѣленія Собств. Е. И. В. канцеляріи. 1842 г., въ 16-ю, 369 стр.

Альманахъ украшенъ семью портретами. Портретъ ея императорскаго высочества великой княгини Маріи Александровны занимаетъ первое мѣсто. Выраженіемъ и мыслью сквозить черты его, и вѣрно русскій наканунъ Новаго года всмотрится въ нихъ внимательнѣе, какъ во что-то свѣтлое, пророческое. И всѣ прочіе портреты прекрасны; не безъ тайной внутренней гордости разсматриваешь ихъ, видя, что едва ли красавицы Сѣвера не возьмутъ верхъ надъ красавицами, украшающими европейскіе кипсеки. Портретъ графини Елены Михайловны Завадской блещетъ всею роскошью ея неувядаемой красоты. Свѣтлая ясность простоты отражается въ лицѣ графини Софьи Александровны Бенкендорфъ. Южной полнотой взгляда озарено лицо баронессы Екатерины Николаевны Менгенъ. Наконецъ, типъ чисто-славянской красоты виденъ въ профилѣ княжны Маріи Ивановны Барятинской. Помѣщеніе портретовъ сіяющихъ нашихъ современницъ есть у насъ дѣло еще новое. Ихъ будетъ разсматривать съ жадностью житель отдаленнаго угла Россіи, куда едва доходятъ слухи о столицѣ, и не одинъ, одаренный высокимъ художественнымъ вкусомъ, полюбуется ими,

Благоговѣя богомольно

Передъ святыней красоты,

какъ сказалъ Пушкинъ. И всякій на этотъ текуцій годъ будетъ еще радостнѣй дарить или получать «Утреннюю Зарю».

Жаль подвергнуть это блестящее издѣліе строгому перу суровой критики. Она передъ нимъ остановится, какъ передъ нѣжнымъ мотылькомъ или цвѣткомъ, боясь дуновеніемъ своимъ лишить его свѣжести. Содержаніе его вполне соотвѣтствуетъ своему значенію. Это легкое будuarное чтеніе красавицы. Свѣтскій слогъ, гладкость языка, строгое приличіе во многихъ повѣстяхъ и легкая граціозность нѣкоторыхъ стиховъ, словомъ — это сіяющая игрушка.

М Е Р И М Е.

Мериме безспорно замѣчательный писатель 19-го вѣка французской литературы. Пушкинъ уважалъ его много. Онъ называлъ его остроумнымъ и оригинальнымъ писателемъ, а сочиненія—замѣчательными въ нынѣшнемъ униженномъ, жалкомъ упадкѣ французской литературы (смотри: *Сочиненія Пушкина*, томъ IV, въ предисловіи къ «Пѣснямъ Западныхъ Славянъ»). Имя Мериме не было такъ часто на устахъ Европы, какъ другихъ, менѣе награжденныхъ дарами генія, но болѣе плодovitыхъ писателей, которые мѣтили на эффектъ и желаніе изумить, во что бы ни стало. Немного произведеній вышло изъ-подъ пера Мериме; но всѣ они носятъ яркую печать таланта. Много правды, много вѣрности и въ бѣглыхъ и, такъ сказать, мимоходомъ разбросанныхъ замѣткахъ, много познаній и опыта. Драматическія сцены, вышедшія подъ названіемъ «Театра Клары Газюль», блестятъ поэтическими чертами. Многое изъ среднихъ вѣковъ въ нихъ придвинуто чрезвычайнс близко и почти рисуется передъ глазами. Вездѣ заключена мысль, и является что-нибудь изъ сильныхъ и отличительныхъ движеній тогдашнихъ характеровъ.

Нынѣ (вышедшее) въ переводѣ: «Души въ чистилищѣ», безъ всякаго сомнѣнія, поразитъ читателя прекраснымъ поэтическимъ созданіемъ сюжета, живымъ, быстрымъ, увлекательнымъ рассказомъ, свѣжими красками Испаніи, тонкими наблюденіями, острыми и смѣлыми замѣчаніями. И сколько разсыпано ума на этихъ немногихъ страницахъ.

Мериме, какъ очень легко можно видѣть изъ всѣхъ , вовсе не былъ занятъ тѣмъ, чтобы угождать вкусу публики; онъ шелъ какъ-то совершенно въ сторонѣ; даже предметы избиралъ не тѣ, которыхъ требовала модная потребность (sic) читателей. Кажется, его не занимали покупатели и слава, какъ будто бы въ одинъ только минуты отдыха отъ жизни и бездѣльно-дѣловаго теченія дней ея писалъ онъ свои произведенія. И сама жизнь его какъ-то не сходится съ общемою жизнью Европы. Его имя не пошло въ современную политическую сферу; его не слышно въ палатѣ перовъ. Онъ не публицистъ; нѣтъ ни одной рѣчи, имъ произнесенной. Онъ взялъ себѣ должность инспектора памятниковъ и древностей, разсѣянныхъ по Франціи: ихъ обсматривать, доносить о состояніи ихъ, изслѣдовать и поддерживать—вотъ чтò опредѣлилъ онъ своимъ дѣйствіемъ. Мериме обладаетъ кромѣ того той способностью, которая не дается французу,—именно способностью схватывать вѣрно мѣстные краски, чувствовать народность и передать ее и даже поддѣлаться подъ нее. Всѣмъ извѣстно выданное имъ собраніе славянскихъ шѣсенъ, подъ именемъ: «Гусли». Собраніемъ ихъ онъ поддѣлъ даже самого Пушкина, который принялъ ихъ за подлинныя и съ такою вѣрною простотою передалъ ихъ въ полновѣсныхъ стихахъ своихъ. Почувствовать и угадать духъ славянскій—это уже слишкомъ много и почти невозможно для француза: по природѣ своей эти двѣ націи не сходятся между собою въ характерахъ; къ тому же французу трудно забыть на минуту, что онъ французъ. Съ этой-то стороны Мериме является въ своихъ созданіяхъ далеко выше своихъ писателей-соотечественниковъ.

ПРИМѢЧАНІЯ РЕДАКТОРА.

I.

Произведенія, не вошедшія въ первое изданіе „Сочиненій Гоголя“. (1834—1842),

Программа лекцій среднихъ вѣковъ. Составлена передъ началомъ курса въ петербургскомъ университетѣ въ 1834 г., куда Гоголь назначень былъ адъюнктомъ 24 іюля 1834 года; впервые напечатана, какъ и слѣдующіе труды Гоголя, относящіеся къ его университетскому преподаванію, въ десятомъ изданіи сочиненій Гоголя.

Библіографія среднихъ вѣковъ. Составлена приблизительно въ то же время, какъ и программа лекцій.

Выдержки изъ лекцій по исторіи среднихъ вѣковъ. Лекціи эти были читаны Гоголемъ въ петербургскомъ университетѣ въ 1834 и 1835 годахъ.

Альфредъ. Набросано въ первой половинѣ 1835 года.

Введеніе въ древнюю исторію — написано около 1834 года; впервые напечатано въ газетѣ «Новое Время» (1877, № 412, 24 мая).

Наброски изъ древней исторіи. Относятся, вѣроятно, къ 1835 году, когда Гоголь долженъ былъ принять на себя на короткое время чтеніе лекцій по древней исторіи; впервые напечатаны въ шестомъ томѣ десятиаго изданія сочиненій Гоголя.

Александръ. Эта статейка напечатана впервые въ шестомъ томѣ десятиаго изданія.

Тарасъ Бульба. См. примѣчанія къ этому произведенію въ первомъ томѣ настоящаго изданія.

Петербургскія записки 1836 года. Состоятъ изъ двухъ частей: первая написана въ концѣ 1835 года, вторая въ апрѣлѣ и маѣ 1836 года. Напечатаны были въ первый разъ въ «Современникѣ» Пушкина, изданномъ по смерти его, въ шестомъ томѣ, цензурное разрѣшеніе котораго помѣчено: «2 мая 1837 г.».

Рецензіи, помѣщенные въ «Современникѣ» Пушкина. Начаты и кончены въ февралѣ—мартѣ 1836 года.

Рецензіи, написанныя для «Современника», принадлежатъ, очевидно, къ тому же времени, какъ и предыдущія, и набросаны рядомъ съ ними въ тѣхъ же самыхъ записныхъ тетрадяхъ, но въ «Современникѣ» напечатаны не были.

Предувѣдомленіе для тѣхъ, которые хотѣли бы сыграть, какъ слѣдуетъ «Ревизора». Написано, вѣроятно, въ концѣ 1842 года.

Дополненіе къ „Развязкѣ Ревизора“. Написано во второй половинѣ 1847 года.

Ночи на виллѣ. Набросано въ маѣ 1839 года.

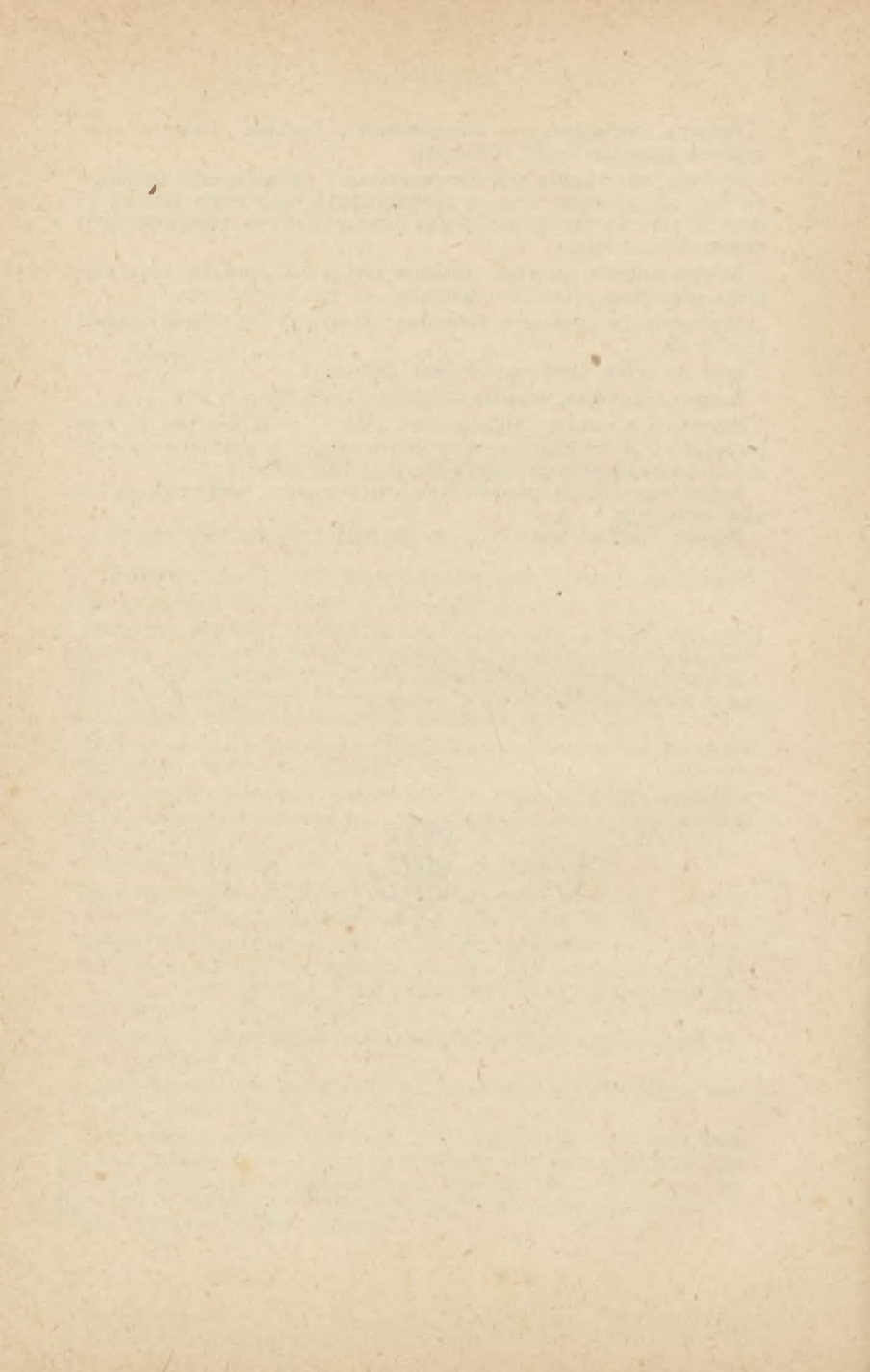
Наброски, выписки, отрывки—относятся къ 1839 году.

Объявленіе о выѣздѣ. Написано въ 1840 г. и напечатано въ прибавленіи къ № 28 «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (6 апрѣля, второе отдѣленіе, объявленія частныя, № 90, стр. 426).

Начало рецензіи, напечатанной въ «Мосвитянинѣ», относится къ началу этого года.

Мериме. Впервые напечатано въ шестомъ томѣ десятаго изданія.

Оглавленіе

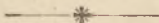
ОДИННАДЦАТАГО ТОМА.

I.

Произведенія, не вошедшія въ первое изданіе „Сочиненій Гоголя“.

	СТР
Программа лекцій среднихъ вѣковъ	5
Библиографія среднихъ вѣковъ	11
Выдержки изъ лекцій по исторіи среднихъ вѣковъ	15
Альфредъ (начало трагедіи изъ англ. исторіи)	53
Введеніе въ древнюю исторію	73
Наброски изъ древней исторіи	74
Александръ	78
Тарасъ Бульба (редакція, напечатанная въ «Миргородѣ».) (1835).	79
Петербургскія записки 1836 года	148
Рецензіи, помѣщенные въ «Современникѣ» Пушкина	162
Рецензіи, написанныя для «Современника»	170
Предувѣдомленіе для тѣхъ, которые хотѣли-бы сыграть, какъ слѣдуетъ, «Ревизора»	183
Дополненіе къ «Развязкѣ Ревизора»	193
Ночи на виллѣ	199
Наброски, выписки, отрывки	202
Объявленіе о выѣздѣ	207
Начало рецензій, напечатанной въ «Москвитинѣ»	208
Мериме	210
Примѣчанія редактора	212

СОЧИНЕНІЯ Н. В. ГОГОЛЯ

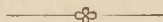

ИЗДАНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

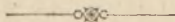
РЕДАКЦІЯ

Н. С. Тихонравова.

Съ біографією Н. В. Гоголя, составленной В. И. Шенрокомъ, двумя портретами Гоголя, гравированными на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ, двумя автографами и тремя собственноручными рисунками.

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1900 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1900.

Типографія А. Ф. Маркса, Измайлов. просп., 29.

СОЧИНЕНІЯ,

относящіяся ко второй половинѣ
40 годовъ,

изданныя послѣ смерти автора.

УЧЕБНАЯ КНИГА СЛОВЕСНОСТИ.

Проспектъ.

Въ двухъ большихъ томахъ: въ первомъ *часть поэтическая*, во второмъ—*часть прозаическая*. — Каждый томъ состоитъ изъ двухъ половинъ: въ первой половинѣ изложеніе правилъ, или теорія, во второй—примѣры. Первая половина, то-есть правила, должна быть напечатана большими четкими литерами всплошь (sic), не раздѣляя на столбцы, съ широкимъ бордюромъ вокругъ, дабы не слишкомъ велика была квадра,—съ пробѣлами и разстановками; вторая же половина, или примѣры, должна быть напечатана тѣсно въ два столбца мелкимъ шрифтомъ и вокругъ, вмѣсто бордюра, одна тоненькая линейка или черта. Заглавія тѣ же и въ правилахъ и въ примѣрахъ, и должны быть занумерованы тѣми же номерами,—дабы вдругъ можно было, по прочтеніи правила, найти ему соответствующіе и принадлежащіе примѣры.

О н а у к ѣ.

Наука у насъ еще не разрабатывается какъ полное цѣлое; еще не думаютъ о совокупленіи ея въ цѣльное крѣпкое ядро. Въ трудахъ нашихъ ученыхъ также раздаются не переварившіяся европейскія мнѣнія, и такими же торчатъ яркими заплатами ихъ собственныя мысли, какъ все это раздается въ нашихъ гостиныхъ спорахъ и разговорахъ: всего занесено и все не переварилось. А между тѣмъ

только въ одной русской головѣ (если только эта голова устоялась) возможно созданіе науки какъ науки, и русскій умъ войдетъ въ сокъ свой. Наука, окинутая русскимъ взглядомъ, всеозирающимъ, расторопнымъ, отрѣшившимся отъ всѣхъ стороннихъ вліяній...

Ибо русскій отрѣшился даже отъ самого себя, чего не случалось доселѣ ни съ однимъ народомъ. Нѣмцу, о чемъ бы онъ ни говорилъ, не отрѣшиться отъ нѣмца; французу, о чемъ бы онъ ни говорилъ, во всѣхъ его мнѣніяхъ и словахъ будетъ слышенъ французъ; англичанину и подавно болѣе всѣхъ нельзя отдѣлаться отъ своей природы. Стало-быть, полное безпристрастіе возможно только въ русскомъ умѣ, и всесторонность ума можетъ быть доступна одному только русскому, разумѣется, при его полномъ и совершенномъ воспитаніи. Къ этому нужно присовокупить нашу способность схватывать живо малѣйшіе оттѣнки другихъ націй и, наконецъ, живое и мѣткое наше слово, не *описывающее*, но *отражающее*, какъ въ зеркалѣ, предметъ. Наука у насъ непременно дойдетъ до своего высшаго значенія и поразитъ самымъ существомъ, а не красноречіемъ преподавателя, его даромъ рассказывать, или же примѣненіями къ тому, что интересуетъ [моду], и всякими другими нарумяниваніями и подслащиваніями, которыми стараются сдѣлать науку (заманчивою и) удобопроглотимою. Она поразитъ у (насъ всѣхъ) своимъ живымъ духомъ, изъ нея же исходящимъ, и симъ только станетъ доступною всѣмъ: и простолюди(му), и не простолюди(му) (*sic*). Ея сила будетъ въ ея многозначительномъ краткословіи, а краткословія этого, сколько мнѣ кажется, не добыть никому изъ народовъ кромѣ русскаго, ибо сама природа наша требуетъ его. Намъ не нужно то постепенное, медленное развитіе мыслей, не прерывающійся исходъ и выводъ одного изъ другого, безъ котораго нѣмецъ не ступитъ шаг(а) и не пойдетъ по дорогѣ. У насъ, напротивъ, всякій скучаетъ, начиная отъ образованнаго до простолюдина, когда ему дается [слишкомъ] долгая инструкція, и толкуютъ то, что онъ и самъ уже смекнулъ, и не можемъ идти шагъ за шагомъ, такъ, какъ идетъ нѣмецъ. Отсюда неуспѣхъ всякаго изложенія науки ходомъ нѣмецкой философіи. Прослѣди лучше нашъ ученый самъ въ себѣ науку, прежде чѣмъ сталъ ее проповѣдывать; проживи такъ въ бесѣдѣ съ нею, какъ монахъ

живетъ съ Богомъ, наложивъ молчаніе на уста свои. И когда уже совокупила въ тебѣ самомъ наука въ одно крѣпкое ядро, и содержишь ее въ головѣ всю въ неразрушаемой связи; тогда можешь проповѣдывать ее. И печего уже тогда [плестись]: не бойсь, нити не потеряешь, когда она въ головѣ. [Несись] ровными и мѣрными скачками, не усиливая и не замедляя, борзо, какъ добрый ямщикъ, который ни лошадей не горячитъ, ни самъ не горячится, несется не подлой рысцей, не во всю прыть, не сломя голову, а тѣмъ веселящимъ сердце летомъ, съ какимъ начать дорогу, и прилетаетъ на станцію, не заморивъ коней, ни себя самого. Иной ѣзды мы не любимъ. Смѣло поступи, какъ нашъ сказочный конь: мелкіе кусты и терновникъ промежъ ногъ пропускаетъ. Помни, что (говоришь ты русскимъ: смекнуть)! Не заботься: тебя поймутъ, — смѣлливость — наше свойство, и у насъ давно живетъ пословица: «умный пошъ хоть губами шевели, а мы, грѣшные, догадываемся».

Что такое слово и словесность?

Говорится все, записывается немногое, и только то, что нужно. Отсюда значительность литературы. Все, что должно быть передано отъ отцовъ къ сыновьямъ въ наученіе, а не то, что болтаетъ [модный людъ], то должно быть предметомъ словесности. Поэтому только тотъ, кто больше, глубже знаетъ [каждый] предметъ, кто имѣетъ сказать что-либо новое, тотъ только можетъ быть литераторомъ. Поэтому злоупотребленіе, если кто пишетъ безъ надобности или потребности внутренней передать свои (убѣжденія), кто пишетъ только затѣмъ, (чтобы писать). Поэтому для того, чтобы писать, нужно имѣть или очень много свѣдѣній и познаній не общихъ всѣмъ, — тогда писанья его будутъ принадлежать къ области науки; или же изобиліе ощущеній и опытности, — тогда онъ поэтъ, и его произведенія принадлежать области поэтической.

Тому и другому необходима способность воображать и живо представлять себѣ предметъ, о которомъ говорить.

Письменностью или словесностью называютъ сумму всего духовнаго образованія человѣка, которое передано было когда-либо словомъ или письмомъ. Но въ самомъ дѣлѣ словесность не есть сумма всѣхъ познаній человѣческихъ.

Она не есть также сама въ себѣ что-либо существенное. Она есть только *образъ*, которымъ передаетъ человѣкъ человѣку все имъ узнанное, найденное, почувствованное и открытое, какъ въ мірѣ внѣшнихъ явленій, такъ и въ мірѣ явленій внутреннихъ, происходящихъ въ собственной душѣ его. Ея дѣло въ томъ, чтобы передать это въ видѣ яснѣйшемъ, живѣйшемъ, способномъ остаться навѣки въ памяти. Открытіемъ тайны такого живого передаванія занимается *наука словесности*. Но научить этой тайнѣ не можетъ наука словесности никого, такъ же какъ никакой наукѣ и никакому искусству нельзя научиться въ такой степени, чтобы быть мастеромъ, а не ремесленникомъ,—если не даны къ тому способности и орудія въ насъ самихъ. Но при всемъ томъ наука словесности (такъ же нужна), какъ для всякаго другого знанія нужна наука. Нужно для того, чтобы ввести въ сущность дѣла, показать, въ чемъ дѣло, дабы, если точно есть въ насъ способности, силы, — навести ихъ на путь, вдвинуть ихъ въ надлежащую колею; дабы, какъ по углаженной дорогѣ, быстрѣе устремилось бы (sic) ихъ развитіе. Если жъ нѣтъ способностей, то чтобы зналъ учащійся, чего требуетъ предметъ этотъ; — видѣлъ бы всю великость того, чего онъ требуетъ, и не отважился бы вслѣдъ за другими приниматься за ея роды высокіе, или же просто несвойственные его свойству (sic), а выбралъ бы оружіе по рукѣ. Ибо словесность обширна, объемлетъ все, и нѣтъ человѣка, который не былъ бы способенъ для какого-нибудь ея рода, если только есть въ головѣ его разсудокъ и можетъ онъ о чемъ-нибудь порядочно размыслить.

Есть два языка словесности, двѣ одежды слова, два слишкомъ отличныхъ рода выраженій: одинъ слишкомъ возвышенный, весь гармоническій, который не только живымъ, картиннымъ представленіемъ всякой мысли, самыми чудными сочетаніями звуковъ усиливаетъ силу (sic) выраженій и тѣмъ живѣй выдаетъ жизнь всего выражаемаго, родъ доступный весьма немногимъ и симъ даже немногимъ доступный только въ минуты глубоко растроганнаго состоянія душевнаго (и гармоническаго) настроенія чувствъ, называемый поэтическимъ, высшимъ языкомъ человѣческимъ, или, какъ называли всѣ народы, языкомъ боговъ;—и другой, простой, не ищущій слишкомъ живыхъ образовъ, картинности выраженія, ни согласныхъ сочетаній въ звукахъ, пре-

дающій(ся) естественному ходу мыслей своихъ въ самомъ покойномъ расположеніи духа, въ какомъ способѣ находится всякій,—родъ прозаическій. Онъ все́мъ доступный, хотя между тѣмъ можетъ непримѣтно возвыситься до поэтическаго состоянія и гармоніи, по мѣрѣ (того), какъ доведется къ такому растроганному настроенію душевному, до котораго также можетъ достигнуть всякій человѣкъ въ душевныя, истинныя минуты. Само собою разумѣется, что какъ въ томъ родѣ, такъ и въ этомъ есть тысячи отгнѣнковъ и ступеней высшихъ и низшихъ, изъ которыхъ одніе даются въ удѣлъ только необыкновеннымъ геніямъ, другіе—счастливымъ талантамъ, и наконецъ третьи — почти все́мъ сколько-нибудь способнымъ людямъ. Само собою также разумѣется, что иногда тотъ и другой родъ врываются въ предѣлы другъ друга, и то, что иногда поэзія можетъ снисходить почти до простоты прозаической и проза возвышаться до величія поэтическаго. Но тѣмъ не менѣе они(?) составляютъ два отдѣльные рода человѣческой рѣчи. Отдѣлъ этотъ слишкомъ явственъ и рѣзокъ. Слова поэзіи и проза произносятся въ такомъ же противорѣчащемъ другъ другу значеніи, какъ слова день и ночь.

О поэзіи.

Родникъ поэзіи есть красота. При видѣ красоты возбуждается въ человѣкѣ чувство хвалить ее, пѣснословить и пѣть,—хвалить такими словами, чтобы и другой почувствовалъ красоту имъ восхваляемаго. Поэтъ только тотъ, кто болѣе другихъ способенъ чувствовать красоту творенія. Потребность подѣлиться своими чувствами воспламеняетъ его и превращаетъ въ поэта. (Въ минуту же такого превращенія она освящаетъ и очищаетъ самую душу, потому что самое желаніе заставить и другихъ восчувствовать красоту Божьяго творенія есть уже желаніе высокое, воспевающее его и дающее (ему) силу. Двумя путями передаетъ онъ другимъ ощущенія: или отъ себя самого лично,—тогда поэзія его лирическая; или выводитъ другихъ людей и заставляетъ ихъ дѣйствовать въ живыхъ примѣрахъ,—тогда поэзія его драматическая и повѣствующая. Третій родъ — такъ называемый описательный, или дидактическій,

можетъ входить равно въ оба рода, но не есть самъ по себѣ путь, которымъ передаетъ свои впечатлѣнія поэтъ.

О поэзіи лирической.

Поэзія лирическая есть портретъ, отраженіе и зеркало собственныхъ высшихъ движеній души поэта, его самолюбивѣйшія замѣтки, біографія его восторженностей. Она есть, начиная отъ самыхъ высшихъ до самыхъ низшихъ ея родовъ, не что иное, какъ отчетъ ощущеній самого поэта. Гремитъ ли онъ въ одѣ, поетъ ли въ пѣснѣ, жалуется ли въ элегіи, или же повѣствуетъ въ балладѣ, повсюду высказываетъ личныя тайны собственной души поэта. Словомъ, она есть чистая личность самого поэта и чистая правда. Ложь въ лирической поэзіи опасна, ибо обличить себя вдругъ надутостью: тотъ, кто имѣетъ чутье поэта, въ мигъ ее услышитъ и называетъ лжецомъ надѣвшего маску поэта. Она обширна и объемлетъ собою всю внутреннюю біографію человека, начиная отъ его высокихъ движеній, возвышающихъ (въ немъ небесное происхожденіе) въ одѣ (и до самыхъ обыкновенныхъ, обличающихъ его чувственное происхожденіе) въ пѣснѣ и въ мелкомъ антологическомъ сочиненіи, почти прозаическихъ и чувственныхъ въ мелкомъ антологическомъ стихотвореніи, въ которомъ онъ желаетъ отыскать сторону поэтическую.

Оды, гимны и лирическія воззванія.

Ода есть высочайшее, величественнѣйшее, полнѣйшее и стройнѣйшее изъ всѣхъ поэтическихъ созданій. Ея предметъ можетъ послужить только одно высокое: ибо одно высокое можетъ только внушить душѣ то лирическое, торжественное настроеніе души, какое для нея нужно и безъ какого не произвестъ оды поэту, какъ бы великъ онъ ни былъ. Посему и предметъ оды или самъ источникъ всего — Богъ, или то, что слишкомъ близко высокою чувствъ своихъ къ Божественному. Нужно слишкомъ быть проникнуту святыней предмета, нужно долго носить въ себѣ самомъ высокій предметъ, сродниться съ нимъ, облагоухаться имъ самому, — дабы быть въ силахъ произвести оду. Мгновенное же восторженіе святыней предмета можетъ произвести гимнъ,

а не оду. Ода требуетъ высокаго торжественнаго спокойствія, а не порыва. Она не летитъ вверхъ какъ гимнъ, но какъ бы пребываетъ все на равной высотѣ, паря, а не улетая. И потому всегда въ равносильныхъ и равномерныхъ строфахъ и при свободѣ своей сохраняетъ въ себѣ строгій порядокъ. Гимнъ не имѣетъ тѣхъ качествъ. Онъ есть первое изліяніе чувствъ, которыя просятся изъ души въ наружу (sic). Онъ беспорядоченъ, какъ самыя сильно возбужденныя въ насъ чувства, которыя стремятся только поскорѣй выразиться, не думая о томъ, откуда и съ чего приличнѣе начать: и начинается онъ и оканчивается, гдѣ ему вздумается, имѣя вожатаемъ одно вдохновеніе, которое внушило поэту на ту пору обнявшее его чувство. Онъ рѣдко сдерживаетъ себя границами разбѣренныхъ строкъ, но льется безстрофно, быстро, какъ ручьи возбужденныхъ чувствъ, и прекращается вдругъ, неожиданно, быстро. Поэтому это изліяніе благодаренія душевнаго, чаще всего его предметъ, или же восхваленіе того, что возбудило въ немъ такое чувство. Гимнъ и восхваленіе почти синонимы. Есть еще родъ лирическихъ стихотвореній, которыя составляютъ средину между одой и гимномъ: [только] пріобрѣтаютъ нѣкоторый порядокъ разбѣренные строфы и нѣкоторое спокойствіе,—хотя не имѣютъ еще той великой полноты и просторной рамы, какая принадлежитъ одѣ. Тогда ихъ называютъ поэты стансами, то-есть просто строфами. Наконецъ есть родъ, уступающій всѣмъ тремъ въ полнотѣ, который можно назвать лирическими воззваніями, которыя заключаютъ въ себѣ какъ бы одинъ только кличъ, вопль, возгласъ, приглашеніе или крикъ, возбуждающій къ чему-либо другихъ. Онъ бываетъ быстръ, кратокъ, но тѣмъ не менѣе возвышенъ, иногда даже слишкомъ высокъ своею лаконическою силою, и чрезъ то имѣетъ право причисляться къ высокому лирическому роду, становясь на ряду съ одою.

Пѣсня.

Пѣсня составляетъ самый богатѣйшій отдѣлъ поэзіи у народовъ славянскихъ. Преобладаніе поэтическаго элемента въ глубинѣ славянской души и особенное мелодическое расположеніе нашего языка были причиною происхожденія безчисленнаго множества пѣсенъ въ нашей словесности, которыя уже

и вдревлѣ (sic), когда слова не записывались, и словесность, не переходя въ письменность, оставалась въ буквальномъ смыслѣ словесностью, составляли наше достояніе. Впослѣдствіи, когда болѣе и болѣе наши поэты стали входить въ развитіе собственнаго поэтическаго духа, пѣсня явилась какъ необходимое выраженіе всѣхъ тѣхъ впечатлѣній, которыя обнимали душу самого поэта, пробуждали въ немъ лирическое чувство. Она сдѣлалась какъ бы исторіей поэтическихъ ощущеній поэта, которыя слишкомъ нѣжны для оды и не восходятъ до той превыспренности, — но зато ощущается гораздо чаще, нежели тѣ, которыя служатъ предметомъ оды. А потому рѣдкій изъ нашихъ поэтовъ не оставилъ прекрасныхъ образцовъ, не говоря уже о Пушкинѣ, который является какъ царь среди этой области и котораго всякое лирическое сочиненіе, какъ только появлялось въ свѣтъ, въ тотъ же мигъ перекладывалось на музыку и распѣвалось отъ необыкновеннаго обилія мелодіи въ звукахъ. Жуковский, Батюшковъ, Капнистъ, Нелединскій-Мелецкій, Языковъ, Козловъ, Баратынскій, Туманскій, Лермонтовъ подарили поэзію нашу множествомъ самыхъ мелодическихъ пѣсень. Пѣсня обнимаетъ все: всѣ чувства и ощущенія жизни, и потому можетъ дѣлиться на множество разныхъ родовъ; можетъ изображать уединеніе, внутреннія движенія и поэтическія мечты поэта, можетъ выражать страсть и любовь, можетъ быть застольной, и выражать веселье души и грусть; можетъ изображать картину или состояніе другого, какъ въ романсѣ, переходя отъ диѳирамба до тихой элегической задумчивости. Словомъ, все, что ни приводитъ къ настроенному состоянію духа, есть уже ея предметъ, — хотя это не есть та величавая, высокая восторженность, какъ въ одѣ, возвышенная уже самымъ величіемъ взятаго предмета. Въ пѣснѣ восторгъ какъ бы утишенный, — это ликованіе духа уже послѣ самаго дѣла, произведшаго великій восторгъ празднества во время отдыха. Какъ бы позабывъ самый предметъ своей радости, поющій хочетъ потеряться въ гармоническихъ звукахъ. Посему въ пѣснѣ почти музыкальная стройность строфъ, умѣстныя повторенія и счастливыя возвращенія къ тому же составляютъ необыкновенную прелесть пѣсни. Ея строфы гораздо короче, нежели строфы оды. Строфы длинныя или тяжеловѣсныя ей не приличны: чрезъ это пѣсня будетъ не удобна для пѣнья. Она никакъ

тоже не должна быть и длинна, потому, что и впечатлѣнья всѣ быстры.

Сочиняющій пѣсню долженъ какъ бы слышать въ то же время ея внутреннюю музыку, дающую тайный размѣръ и стихамъ и строфамъ. Лучшія пѣсни сочинялись въ самую минуту пляски, пиршества и вызывались ударомъ смычка, свистомъ волынки, звономъ стакановъ, мѣрнымъ ударомъ стопы. Отъ этого онѣ получаютъ то невыразимо-мелодическое свойство звуковъ, составляющее такую прелесть въ пѣсняхъ народныхъ.

Самыя поэтическія мечты и нѣжные внутренніе изгибы души своей тогда выражались хорошо и были достойны пѣсни, когда онѣ не мечтались въ его воображеніи, а какъ бы пѣлись въ самой душѣ поэта.

Элегія.

Элегія есть какъ бы покойное изложеніе чувствъ, постоянно въ насъ пребывающихъ, не тѣхъ великихъ и сильныхъ, которыя пробуждаются въ насъ мгновенно при воззрѣніи на предметы великіе, не тѣхъ, которыя, подобно святынь, сохранно пребывавъ въ глубинѣ души, стремятъ на великіе подвиги человѣка, — но тихихъ, болѣе ежедневныхъ, болѣе дружныхъ съ обыкновеннымъ состояніемъ человѣка. Это сердечная исторія то же, что дружеское откровенное письмо, въ которомъ выказываются сами собою излучины и состоянія внутреннія души. Въ сравненіи съ одой и гимномъ она слишкомъ отступила далеко въ лиризмѣ. Лирическій свѣтъ ея передъ свѣтомъ гимна, что свѣтъ луны передъ солнцемъ. Ее бы можно было назвать дидактич(ескимъ) и описательнымъ сочиненіемъ, если бы она не была изліяніемъ умягченнаго и слишкомъ нѣжнаго состоянія души, подвинутаго на тихую исповѣдь, которая не можетъ излиться безъ душевно(й) лирической теплоты. Все въ ней тихо. Чтѣ вызываетъ какъ бы громомъ гремящаго оркестра въ одѣ, поется въ пѣснѣ, — въ ней произносится речитативомъ. Подобно сердечному письму, (она) можетъ быть и коротка и длинна, скупа на слова и неистощимо-говорлива, можетъ обнимать одинъ предметъ и множество предметовъ, по мѣрѣ того, какъ близки эти предметы ея сердцу. Чаше всего носить она одежду меланхолическую,

чаще всего въ ней слышатся жалобы, потому что обыкновенно въ такія минуты ищетъ сердце высказаться и бываетъ говорливо.

Дума.

Дума есть родъ стихотвореній не заимствованный ни откуда, но образовавшійся у славянъ. Пѣсни сѣверныхъ конунговъ имѣютъ съ ней нѣкоторое сходство. Она не есть баллада, которой содержаніемъ избираются таинственныя поэтическія преданія, неясныя, шевеляція и мугающія воображеніе явленія. Въ ней ничего нѣтъ такого, что бы было не объяснено, неопредѣленно и заманивало бы самой поэтической своею неопредѣленностью. Напротивъ, въ ней все опредѣленно и ясно. Ея предметъ—происшествіе истинно историческое, дѣйствительно бывшее, или же преданіе, такъ живо хранящееся въ народѣ, что сама исторія внесла его въ свои страницы. Думы могутъ быть только объ однихъ историческихъ лицахъ. Этотъ родъ можно бы скорѣй причислить къ сочиненіямъ повѣствовательно-драматическимъ, если бы думы не распѣвались, подобно пѣснямъ, напими старцами-слѣпцами, хотя и речитативомъ, и если бы не писались мѣрными строфами, среди которыхъ многія есть отзывныя и повторяющія, дающія гармоническое округленіе піесѣ — свойство, составляющее неизъяснимую прелесть пѣсни.

Поэзія повѣствовательная или драматическая.

Поэзія повѣствовательная, въ противоположность лирической, есть живое изображеніе красоты предметовъ, движенія мыслей и чувствъ внѣ самого себя, отдѣльно отъ своей личности, до такой степени, что тѣмъ болѣе авторъ умѣетъ отдѣлиться отъ самого себя и скрыться самъ за лицами, имъ выведенными, тѣмъ больше успѣваетъ онъ, и становится сильнѣй и живѣй въ этой поэзіи; тѣмъ меньше умѣетъ скрыться и воздержаться отъ вмѣшиванья своей собственности, тѣмъ болѣе недостатковъ въ его твореніи, тѣмъ онъ безсильнѣй и вялѣе въ своихъ представленіяхъ. Значительность поэзіи повѣствовательной или драматической увеличивается по мѣрѣ того, какъ поэтъ стремится дока-

затѣ какую-нибудь мысль и, чтобы развить эту мысль, призываетъ въ дѣйствіе живыя лица, изъ которыхъ каждое своею правдивостью и вѣрнымъ сколкомъ съ природы увлекаетъ вниманіе читателя и, разыгрыва(я) роль свою, ему данную авторомъ, служитъ къ доказательству его мысли. По мѣрѣ(ѣ) того, чѣмъ совершается это естественнѣй, и все происшествіе кажется живымъ, естественнымъ случаемъ, недавно случившимся, — между тѣмъ какъ внутренно движуту глубокимъ логическимъ выводомъ ума. Тогда сочиненіе живое, драматическое (и) кипящее предъ очами всѣхъ становится съ тѣмъ вмѣстѣ въ высшей степени дидактическое и есть верхъ творчества, доступнаго однимъ только великимъ геніямъ.

Значительность поэзіи драматической или повѣствовательной уменьшается по мѣрѣ того, какъ авторъ теряетъ изъ виду значительную и сильную мысль, подвигающую его на творчество, и есть простой списыватель сценъ, передъ нимъ происходящихъ, не приводя ихъ въ доказательство чего-нибудь такого, что нужно сказать свѣту. Тогда значительность самаго происшествія имъ управляетъ, и онъ получаетъ только отъ него свою значительность, хотя она и не въ немъ, но въ происшествіи, и достоинство его въ чутѣ и умѣнѣ выбрать происшествіе.

Пространство и предѣлы этой поэзіи драматически-повѣствовательной велики. Она объемлетъ въ себѣ безчисленные роды, начиная съ самыхъ величайшихъ: эпопеи и драмы—до самыхъ мелкихъ: басни или притчи.

Эпопея.

Величайшее, полнѣйшее, огромнѣйшее и многостороннѣйшее изъ всѣхъ созданій драматическо-повѣствовательныхъ есть эпопея. Она избираетъ въ героя всегда лицо значительное, которое было въ связяхъ, въ отношеніяхъ и въ соприкосновеніи со множествомъ людей, событій и явленій, вокругъ котораго необходимо долженъ соиздаться весь вѣкъ его, и время, въ которое онъ жилъ. Эпопея объемлетъ не нѣкоторыя черты, но всю эпоху времени, среди котораго дѣйствовалъ герой съ образомъ мыслей, вѣрованій и даже познаній, какія сдѣлало въ то время человѣчество. Весь міръ на великое пространство освѣщается вокругъ самого

героя, и не одно частное лицо, но весь народъ, а (и) часто и многіе народы сокупаются въ эпопею, оживаютъ на мигъ и возстаютъ точно въ такомъ видѣ передъ читателемъ, въ какомъ представляетъ только намеки и догадки исторія. Поэтому-то эпопея есть созданіе всемірное, принадлежащее всѣмъ народамъ и вѣкамъ, долговѣчнѣйшее, не старѣющее и вѣчно живое, и потому вѣчно повторяющееся въ устахъ. — Высокое совершенство всѣхъ качествъ нужно соединить въ себѣ поэту сверхъ высочайшаго генія. Посему явленія эти слишкомъ рѣдки въ мірѣ и кромѣ одного Гомера, то-есть кромѣ двухъ эпопей «Иліады» и «Одиссеи», врядъ ли есть другія, выполнѣ вмѣщающія въ себѣ ту полноту, видимость и многосторонность, какой требуетъ эпопея. Сравнивая съ Гомеромъ всѣхъ другихъ эпиковъ, видимъ только, какъ входятъ они въ частности, и несмотря даже на явное желаніе захватить объять много, стѣсняють предѣлы свое(го) значенъ(я): всемірное уходитъ у нихъ изъ вида, и эпопея превращается даже въ явленіе частное. Съ тѣмъ вмѣстѣ пропадаетъ и та величавая безыскусственная простота, которая является у великаго патріарха всѣхъ поэтовъ, такъ что весь погаснувшій древній міръ является у него въ томъ же сіяніи, освѣщенный тѣмъ же солнцемъ, какъ бы не погасалъ вовсе, дабы сохраниться навѣки живымъ въ памяти всего человѣчества.

Меньшіе роды эпопей.

Въ новые вѣки произошелъ родъ повѣствовательныхъ сочиненій, составляющихъ какъ бы средину между романомъ и эпопеей, героемъ котораго бываетъ хотя частное и невидное лицо, но однакоже значительное во многихъ отношеніяхъ для наблюдателя души человѣческой. Авторъ ведетъ его жизнь сквозь цѣль приключеній и перемѣнъ, дабы представить съ тѣмъ вмѣстѣ живѣе вѣрную картину всего значительнаго въ чертахъ и нравахъ взятаго имъ времени, ту земную, почти статистически схваченную картину недостатковъ, злоупотребленій, пороковъ и всего, что замѣтилъ онъ во взятой эпохѣ и времени, достойнаго привлечь взглядъ всякаго наблюдательнаго современника, ищущаго въ быломъ, прошедшемъ живыхъ уроковъ для настоящаго. Такія явленія отъ времени до времени появлялись (sic) у мно-

гихъ народовъ. Многія изъ нихъ хотя писаны и въ прозѣ, но тѣмъ не менѣе могутъ быть причислены къ созданіямъ поэтическимъ. Всемирности нѣтъ, но есть и бываетъ полный эпическій объемъ, замѣчательный частными явленіями; по мѣрѣ того, какъ они поэтически (sic), поэтъ становится (и въ образѣ поэта) облакаетъ въ стихи.

Такъ Аріостъ изобразилъ почти сказочную страсть къ приключеніямъ и къ чудесному, которымъ была занята на время вся эпоха, а Сервантесъ посмѣялся надъ охотою къ приключеніямъ, оставшимся, какъ рококо, въ нѣкоторыхъ людяхъ, въ то время, когда уже самый вѣкъ вокругъ ихъ перемѣнился, тотъ и другой сжились съ взятою ими мыслью. Она наполняла неотлучно умъ ихъ, и потому пріобрѣла обдуманную, строгую значительность, сквозитъ повсюду и даетъ ихъ сочиненіямъ малый видъ эпопеи, несмотря на шушливый тонъ, на легкость и даже на то, что одна изъ нихъ писана въ прозѣ.

Эклога и Идиллія.

Есть родъ драматическихъ описательныхъ произведеній, которымъ издавна уже дано имя эклогъ и идиллій и которыя вообще называются пастушескими. Эти два рода соединяютъ весьма несправедливо вмѣстѣ и еще несправедливѣй смѣшиваютъ одно съ другимъ. Чтобы видѣть существенное различіе между ними, поговоримъ о каждомъ родѣ отдѣльно: сначала объ эклогѣ, потомъ—объ идилліи.

Эклога.

Эклога есть слово греческое и значить просто: «избранная піеса». Тѣ сочиненія, которыя называлъ Virgilій эклогами, имѣютъ только внѣшній видъ сельскихъ или пастушескихъ стихотвореній. Пастухи его препираются другъ съ другомъ въ пѣснопѣніи, и пѣснопѣнья такъ возвышенны, что пріемлютъ видъ одъ, гимновъ, ничуть не уступая въ возвышенности (содержанія) одамъ Горация, такъ что вслѣдствіе сего произвольно взятое имя эклога стало выражать въ нашихъ понятіяхъ состязаніе двухъ или многихъ между собою въ пѣснопѣніи или восхваленіи чего-либо. Словомъ, какъ бы это было лирическое произведеніе, но облеченное

въ драматическую форму. Лица берутся не для нихъ самихъ, но для того, что должны они рассказать. Ихъ собственное драматическое значеніе ничтожно. Они рисуютъ другъ другу, начертываютъ одинъ другому картину того, чего не захотѣлъ поэтъ сказать отъ себя собственно. Они не свои выражаютъ страсти, не сами дѣйствуютъ, но повѣствуютъ о событіяхъ другихъ, и восхваляютъ внѣ ихъ находящіеся предметы, иногда даже вовсе выходящіе изъ быта. Посему эклога есть скорѣй возвышенное стихотвореніе, чѣмъ скромное сельское. Эклогой можно назвать состязаніе Гомера съ Гезіодомъ, прекрасно передѣланное изъ Мильвуа Батюшковымъ. Эклогой можно назвать разговоръ двухъ шамановъ о завоеваніяхъ Ермака, Дмитріева. Эклогой можно назвать стихотворенія Катенина, гдѣ поэтъ грекъ и поэтъ славянинъ состязаются другъ съ другомъ въ пѣснопѣіи. Наконецъ эклогами можно назвать всѣ тѣ картинно-лирическія стихотворенія, которыя съ недавняго времени введены нашими поэтами, которыя имѣютъ наружный видъ прешираній, разговоровъ и споровъ между предметами неодушевленными, но которыхъ, однакоже, поэтъ одушевляетъ и заставляетъ ихъ рассказывать другъ другу въ картинномъ видѣ событіе, служащее къ проявленію той мысли, которая занимала самого поэта. Таковы напримѣръ «Споръ» у Лермонтова: Машукъ (sic) съ Шатъ-горою (спорять) о будущей судьбѣ Кавказа. Таковы споры городовъ и рѣкъ, пріемлющихъ на время видъ одушевленныхъ лицъ, которыми теперь весьма часто являются у нашихъ поэтовъ.

Идиллія.

Хотя съ мыслью объ идилліи соединяютъ мысль о пастушескомъ и сельскомъ бытѣ; но предѣлы ея шире и могутъ обнимать бытъ многихъ людей, если только съ такимъ бытомъ неразлучны простота и скромный удѣлъ жизни. Она живописуетъ до мельчайшихъ подробностей этотъ бытъ, и какъ, повидимому, ни мелка ея область, не содержитъ въ себѣ ни высокаго лирическаго настроенія, ни драматическаго интереса, ни сильнаго потрясающаго событія; хотя, повидимому, она не что иное, какъ все первое попадающее на глаза наши изъ обыкновенной жизни: но тотъ, однакожъ, ошибется, кто приметъ ее въ одномъ такомъ смыслѣ.

Поэтому почти всегда управляла (въ ней) какая-нибудь внутренняя мысль, слишкомъ близкая душѣ поэта, а быть и самую идиллію онъ употреблялъ какъ только удобнѣйшія формы. Лучшія идилліи имѣли какое-нибудь историческое значеніе и писались по какому-нибудь случаю. Такъ, Гнѣдича «Рыбаки» заключаетъ въ себѣ случай его собственной жизни, и въ баринѣ, о которомъ говоритъ рыбакъ, онъ изображаетъ русскаго вельможу, привѣтствовавшаго благосклонно первые труды поэта. Такъ, всякая идиллія Дельвига была писана по какому-нибудь поводу,—не говоря уже о прекрасной идилліи: «Изобрѣтеніе ваянія», которая съ перваго заглавія говоритъ о томъ. Идиллія «Купальницы» была написана по поводу понравившагося поэту эстампа, висѣвшаго въ его комнатѣ.

Идиллія не сказка и не повѣсть,—хотя и содержитъ въ себѣ что-то похожее на происшествіе, но живое представленіе тихаго, мирнаго быта, сцена, не имѣющая драматическаго движенія. Ее можно назвать въ истинномъ смыслѣ картиною; по предметамъ, ею изобрааемымъ, всегда простымъ,—картиной Фламандской.

Романъ.

Романъ, несмотря на то, что въ прозѣ, но можетъ быть высокимъ поэтическимъ созданіемъ. Романъ не есть эпосъ. Его скорѣй можно назвать драмой. Подобно драмѣ, онъ есть сочиненіе слишкомъ условленное (sic). Онъ заключаетъ также въ себѣ строгаго и умно обдуманную завязку. Всѣ лица, долженствующія дѣйствовать, или, лучше, между которыми должно завязаться дѣло, должны быть взяты заранѣе авторомъ; судьбою всякаго изъ нихъ озабоченъ авторъ и не можетъ ихъ пронести и передвигать быстро и во множествѣ, въ видѣ пролетающихъ мимо явленій. Всякій приходъ лица, вначалѣ, повидимому, не значительный, уже возвѣщаетъ о его участіи потомъ. Все, что ни является, является потому только, что связано слишкомъ съ судьбой самого героя. Здѣсь, какъ въ драмѣ, допускается одно только слишкомъ тѣсное соединеніе между собою лицъ; всякія же дальнія между ними отношенія, или же встрѣчи такого рода, безъ которыхъ можно бы обойтись, есть порокъ въ романѣ, дѣлаетъ его растянутымъ и скучнымъ. Оно (?) летитъ, какъ

драма, соединеннымъ живымъ интересомъ самыхъ лицъ главнаго происшествія, въ которое запутались дѣйствующі(я) лица, и которое кипящимъ ходомъ заставляетъ самыхъ дѣйствующихъ(ія) лица развивать и обнаруживать сильнѣй и быстро свои характеры, увеличивая увлеченье. Потому всякое лицо требуетъ окончательнаго поприща. Романъ не беретъ всю жизнь, но замѣчательное происшествіе въ жизни, такое, которое заставило обнаружиться въ блестящемъ видѣ жизнь, несмотря на условленное пространство.

Повѣсть.

Повѣсть избираетъ своимъ предметомъ случаи, дѣйствительно бывшіе или могущіе случиться со всякимъ человекомъ, случай почему-нибудь замѣчательный въ отношеніи психологическомъ, иногда даже вовсе безъ желанія сказать правдоу, но только остановить вниманіе мыслящаго или наблюдателя. Повѣсть разнообразится чрезвычайно. Она можетъ быть даже совершенно поэтической и получаетъ названіе поэмы, если происшествіе, случившееся само по себѣ, имѣетъ что-то поэтическое; или же придано ему поэтическое выраженіе отдаленностью времени, въ которое происшествіе случилось; или же самъ поэтъ взялъ его съ той поэтической стороны, съ какой можетъ взять только поэтъ, и которая только пребываетъ въ немъ. Такъ повѣсть «Бахчисарайскій Фонтанъ» есть уже поэма по тому теплому роскошному колориту, въ который съ начала до конца облечъ ее всю поэтъ. Она можетъ быть просто живою разсказъ, мастерски и живо разсказанный картинный случай, какова Жуковского «Матте(о) Фальк(оне)», Языкова «Сурминъ». Или же беретъ съ сатирической стороны какой-нибудь случай: тогда дѣлается значительнымъ созданиемъ, несмотря на мелочь взятаго случая; такова «Модная жена» (Дмитріева), «Графъ Нулинъ» Пушкина, который сверхъ того имѣлъ значительное выраженіе, какъ живая картина. Иногда даже само происшествіе не стоитъ вниманія и берется только для того, чтобы выставить какую-нибудь отдѣльную картину, живую, характеристическую черту условнаго времени, мѣста и нравовъ, а иногда и собственной фантазіи поэта.

Сказка.

Сказка можетъ быть созданіемъ высокимъ, когда служить аллегорическою одеждою, облекающею высокую духовную истину, когда обнаруживаетъ ощутительно и видимо даже простолюдину дѣло, доступное только мудрецу. Таковы отчасти двѣ повѣсти Жуковскаго о жизни человѣческой. Сказка можетъ быть созданье не высокое по своему содержанію, но въ высшей степени исполненное прелести поэтической, если поэтъ, взявъ народный мотивъ, возлелѣетъ ее воображеніемъ своимъ и усвоитъ вполнѣ себѣ и разовѣетъ какъ поэму, какъ наприимѣръ «Русланъ и Людмила». Наконецъ сказка можетъ быть созданье значительное, когда содержаніе хотя создано все поэтомъ, но въ духѣ народномъ отгаданы духъ и время, какова Лермонтова: «Про купца Калашникова», и, наконецъ, сказка можетъ быть просто пересказъ почти слово въ слово народной сказки,—созданье менѣе всего значительное, которое выигрываетъ только отъ того, когда поэтъ сумѣетъ привести ее въ лучший порядокъ, вычистить, удержавъ въ ней то, что есть въ ней ея характерное, и отстранивъ то, что прибавлено лишняго. Таковы сказки Жуковскаго (и) Пушкина о царѣ Султанѣ (sic), о царѣ Берендеѣ, и царѣ Салтанѣ, о Спящей царевнѣ и Семи братьяхъ.

Ученыя разсужденія и трактаты должны быть коротки и ясны, отнюдь не многословны. Нужно помнить, что наука для тѣхъ, которые еще не знаютъ ея. Въ послѣднее время стали писать разсужд(енія), начиная съ лединыхъ яницъ. Это большая погрѣшность. Думая черезъ(ъ) это болѣе раскрыть дѣло, болѣе темнать. Терминовъ нужно держаться только тѣхъ, которые принадлежать міру той науки, о которой дѣло, а не общихъ философскихъ, въ которыхъ (умъ) блуждаетъ, какъ въ лабиринтѣ, и отдаляется отъ дѣла. Приступъ долженъ быть не великъ и съ перваго же раза показать, въ чемъ дѣло. Заключение должно повторить дѣло трактата и въ сокращеніи обнять его снова, чтобы читатель могъ повторить самому себѣ.

II.
Примѣры.
Оды.

«Вечернее размышленіе», Ломоносова.

«Водопадъ», Держ(авина).

«Гимнъ Богу», Дмит(ріева).

» » Капниста.

«Землетрясеніе», Языков(а).

«Пастырь» (?), Пушкина.

«Подражаніе Іову», Ломонос(ова).

«Вельможа», Державин(а).

«Геній», Языкова.

Ода Ломоносова: «На Возстановленіе Дома Романовыхъ въ лицѣ родившагося Императора) Павла I»*).

«Осень во время осады Очаков(а)», (Державина).

«Императ(ору) Никола(ю)», Пушки(на).

«Давидову», Языкова.

«На переходъ Альпійскихъ горъ», Держав(ина).

«Поэту», Языкова.

«Благодарность Фелицѣ», Державина.

«Россіи», Хомякова.

» Капниста.

«Пророкъ», Пушкина.

«Фелица», Державина.

«Подражаніе псалму СXXXVI», Языкова.

«Благодарность Фелицѣ», Державин(а).

«На смерть Мещерскаго», Держав(ина).

«На смерть Орлова», Державин(а).

«Клеветникамъ Россіи», Пушкин(а).

«Къ нерусскимъ», Языкова.

«Зубову», Державина.

*) Вывоска къ одѣ Ломоносова на рожденіе Императора Павла I Рожденіе Императора Павла I было радостнѣйшимъ происшествіемъ: какое когда-либо запомнитъ Россія, по сказанію всѣхъ современниковъ. Всѣ единомысленно видѣли въ немъ возстановленіе Дому Романовыхъ, который, кажется, ежеминутно готовился угаснуть за неимѣніемъ наслѣдниковъ мужского пола. Всѣ слышали, что родился тотъ, который упрочилъ падшаго и домъ Царскій, подаривъ Россіи мужественное и сильное царское поколѣніе. Вотъ причина, почему вся эта ода у Ломоносова исполнена такого восторга и силы, и онъ пророчитъ младенцу все, что только можно пожелать совершеннѣйшему Государю.

- «Наполеонъ», Пушкина.
«Мой истуканъ», Державина.
«Пророкъ», Лермонтова.
«Къ XIX вѣку», Лермонтова.
«Къ » вѣку», М. Лихонина.
«Изображеніе Фелицы», Державина.
«Отвѣтъ Рафаэля пѣвцу Фелицы», Капниста.
«Елисаветѣ», Ломоносова.
«Лебедь», Державина.

Пѣсни.

- «Уже со тьмою ночи», Капниста.
«У кого душевны силы», Нелѣдинскаго (sic)-Мелецкаго).
«Талисманъ», Пушкина.
«Венеціанская ночь», Козлова.
«Кудри, кудри шелковые», Дельвига.
«Телѣга жизни», Пушкина.
«По дорогѣ зимней, скучной», Пушкина.
«Цѣпи», Державина.
Жуковского. «Отымаешь наши радости».
«Въ мѣстахъ, гдѣ Рона протекаетъ», Батюшкова.
§ «Гдѣ твоя родина, пѣвецъ молодой?» Языкова.
«Море близко; гуль, удары», Языкова.
«Ночь». «*Померкла неба синева*», Языкова.
«Я взлелѣянь югомъ, югомъ», В. Туманскаго.
«Ночь», Жуковского.
«Делибашъ», Пушкина.
Русская пѣсня: «*Гой, красна земля Володиміра*», Хомякова.
Дельвига, Пѣсня.
«Я ѣхалъ къ вамъ: живые сны...», Пушкина.
«Ночной зефиръ струитъ эфиръ», Пушкина(а).
«Повесть» («*Нелюдимо наше море*»), Языкова.
Козлова.
«Пѣснь Гаральда», Батюшкова.
«Мечта», Державина.
Двѣ вечернія думы, Хомякова:
1-я «*Вчерашняя ночь была такъ свѣтла*».
2-я «*Сумракъ вечерній тихо вошелъ*».
«Ты велишь мнѣ равнодушнымъ», Нелѣдинскаго (sic)-Мелецкаго.

- Лермонтова. «Молитва» («Одну молитву чудную»).
- Лермонтова. «Завѣщаніе» («Наединѣ съ тобою, братъ»).
- «Зима» («Что ты, муза, такъ печальна?»), Держав(ина).
- «Мотылекъ и цвѣты». | Жуков-
- (Къ нарисованному изображенію того и друг(ого), | скаго.
- «Два рыцаря передъ дѣвой», Испанск(ій) романс(ъ),
- Пушкина.
- «Пѣсня паж», Пушкина.
- «Старость и младость», Капниста.
- «Прости мнѣ дерзкое роптанье», Нелѣдинскаго (sic)-Мелецкаго.
- Карикатура. «Сними съ меня завѣсу, сѣдая старина»,
- Дмитріева.
- «Что мнѣ дѣлать въ тяжелой участи моей?» } Мерзлякова.
- (Тоска сельской дѣвушки). }
- «Многи лѣта, многи лѣта» (народная пѣсня), Жуковскаго.
- «Выйду я на рѣченьку», Нелѣдинскаго-Мелецкаго.
- «Ахъ, когда бъ я прежде знала», Дмитріева.
- «Уныніе», Капниста.
- «Дни отрады, гдѣ сокрылись?»
- «Ангель» («По небу полуночи ангель летѣлъ»), Лермонтова.
- «Таинственный посѣтитель», Жуковскаго.
- «Пятнадцать мнѣ минуло лѣтъ», Богдановича.
- «Когда веселій на крылахъ», Нелѣдинскаго (sic)-Мелецкаго.
- «Къ младенцу», Дмитріева.
- «Чувство въ разлукѣ» («Что не дѣвица въ теремѣ своемъ»),
- Мерзлякова.
- «Къ востоку, все востоку», Жуковскаго.
- «Полно льститься мнѣ слезами», Нелѣдинскаго-Мелецкаго.
- «Донскому воинству». («Грянулъ внезапно громъ надъ
- Москвою»), Шатрова.
- «Съ Миленой поздною порою», Капниста.
- «Къ мѣсяцу», Жуковскаго.
- «Весеннее чувство», Жуковскаго.
- «Сонъ» («Заснувъ на холмѣ луговомъ»), Жуковскаго.

Элегіи.

- «Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ», Пушкина.
- «Умирающій Тассъ», Батюшкова.

«На смерть королевы Виртембергск(ой)», Жуковского.

«Па воспоминанье кн. Одоевск(аго)», Лермонтова.

«Пожаръ», Языкова.

«На развалинахъ замка въ Швеціи», Батюшкова.

«Финляндія», Баратынскаго.

«Элегія», Давыдова.

«Ненастный день потухъ. }
Туманной ночи мгла. } Пушкина.

«Второй переводъ Греевой (элегіи)», Жуковского.

«Я берегъ покидалъ туманный Альбіона», Батюшкова.

Элегія, А. Крылова.

«Черепъ», Баратынскаго.

«Лицейская годовщина», Пушкина.

«Мивихъ», Плетнева.

Элегія, Баратынскаго.

Элегія («Тоска въ нѣмец(комъ) городкѣ»), Языкова.

Элегія, Пушкина.

» Пушкина.

«О сжальтесь надо мною, о дайте волю мнѣ», Хомякова.

«Арфа», Державина.

«Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день», Пушкина.

«Зима. Чтѣ дѣлать мнѣ въ деревнѣ? я встрѣчаю», Пушкина.

«Вечеръ», Жуковского.

Эклоги:

Идилліи:

«Гомеръ и Гезіодъ» Батюш- «Рыбаки», Гнѣдича.
(кова). «Купальницы», Дельвига.

«Ермакъ», Дмитріева. «Капризъ», Пушкина.

» Катенина. «Изобрѣтеніе ваянія», Дель-
вига,

«Споръ» (съ Шать-горой), Лер- Сцены изъ «Цыганъ», Пушкина.
монтова. Послѣднія стихот(воренія)

«Олеги», Языкова. Пушкина.

«Солдатъ», Дельвига.

«Сторожъ ночной», Жуков-
скаго.

Думы.

«Олеги», Пушкина.

«Евпатій», Языкова.

«Острогажскъ», Рылѣва.

«Пиръ на Певѣ», Пушкина.

«Кудесникъ», Языкова.

А Н Т О Л О Г И Ч Е С К І Я .

«Трудъ», Пушкина.

«Монастырь на Казбекѣ», Пушкина.

«Недугъ», Шевырева.

«Къ статуѣ Петра Великаго»: }

(«Гремящія по всѣмъ концамъ
земнымъ побѣды») } Ломоносова.

«Пиръ Потемкина, данный Екатеринѣ», Державина.

«Домикъ поэта въ Обуховкѣ», Калниста.

«Красавица передъ зеркаломъ», Пушкина.

«Домовому», Пушкина.

«Буря», Языкова.

«Птичкѣ», О. Туманскаго.

«Нереида», Пушкина.

«Вдохновеніе» (сонетъ), Дельвига.

«Красавицѣ», Пушкина.

«На спускъ корабля Златоуста», Ломоносова.

«Весна», Языкова.

«Къ статуѣ играющаго въ бабки», Пушкин(а).

«На переводъ Иліады», Пушки(на).

«Сонетъ при посылкѣ книги, воспоминанье объ искусствѣ»,
Батюшкова.

«О милыхъ призракахъ», Жуковского.

«Поэту». Сонетъ, Пушкина.

«Къ портрету Жуковского», Пушкина.

«Нимфа», Баратынскаго.

«Черта къ біографіи Державина», Державина.

«Послѣдніе стихи», Веневитинова.

Послѣдніе стихи Державина.

«Элегія болѣвшаго ногами поэта», Языкова.

«Сафо», Пушкина.

«Доридъ», Пушкина.

«Сожженное письмо», Пушкина.

«Риѣма», Пушкина.

«Мой голосъ для тебя и ласковый и томный», Пушкина.

«Ты и вы», Пушкина.

«Къ портрету Жуковского», Пушкина.

«На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла», Пушкина.

ПОХОЖДЕНІЯ ЧИЧИКОВА

ИЗЪ

МЕРТВЫЯ ДУШИ.

ПОЭМА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

(ВЪ ОДНОЙ ИЗЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХЪ РЕДАКЦІЙ).

MEPTBPIR DYTIN

IOSMA

THAT RYON

ГЛАВА I.

Зачѣмъ же выставять на показъ бѣдность нашей жизни и наше грустное несовершенство, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства? Чтѣ-жъ дѣлать, если такого свойства сочинитель и такъ уже заболѣлъ онъ самъ своимъ несовершенствомъ, и такъ уже устроенъ талантъ его, чтобы изображать ему бѣдность нашей жизни, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства! И вотъ опять попали мы въ глушь, опять наткнулись на закоулокъ. Зато какая глушь и какой закоулокъ!

На тысячу слишкомъ верстъ неслись, извиваясь, горныя возвышенія. Точно какъ бы исполинскій валъ какой-то безконечной крѣпости, возвышались они надъ равнинами то желтоватымъ отломомъ, въ видѣ стѣнъ, съ промонами и рытвинами, то зеленой кругловидной выпуклостью, покрытой, какъ мерлушками, молодымъ кустарникомъ, подымавшимся отъ срубленныхъ деревъ, то, наконецъ, темнымъ лѣсомъ, еще ущѣлѣвшимъ отъ топора. Рѣка, вѣрная своимъ высокимъ берегамъ, давала вмѣстѣ съ ними углы и колѣна по всему пространству; но иногда уходила отъ нихъ прочь, въ дуга, затѣмъ, чтобы, извившись тамъ въ нѣсколько извивовъ, блеснуть, какъ огонь, передъ солнцемъ, скрыться въ рощи березъ, осинъ и ольхъ и выбѣжать оттуда въ торжествѣ, въ сопровожденіи мостовъ, мельницъ и плотинъ, какъ бы гонявшихся за нею на всякомъ поворотѣ.

Въ одномъ мѣстѣ крутой бокъ возвышеній воздымался выше прочихъ и весь отъ низу до верху убирался въ зелень столпившихся густо деревъ. Тутъ было все вмѣстѣ: и

кленъ, и груша, и низкорослый ракитникъ, и чилига, и березка, и ель, и рябина, опутанная хмелемъ; тутъ... мелькали красныя крышки господскихъ строеній, коньки и гребни сзади скрывшихся избъ и верхняя надстройка господскаго дома, а надъ всей этой кучей деревь и крышъ старинная церковь возносила своихъ пять играющихъ верхушекъ. На всѣхъ ихъ были золотые прорѣзные кресты, золотыми прорѣзными цѣпами прикрѣпленные къ куполамъ, такъ что издали свергало какъ бы на воздухъ ни къ чему не прикрѣпленное, висѣвшее золото. И вся эта куча деревь, крышъ, вмѣстѣ съ церковью, опрокинувшись верхушками внизъ, отдавалась въ рѣкѣ, гдѣ картинно-безобразныя старыя ивы, одиѣ, стоя у береговъ, другія совсѣмъ въ водѣ, опустивши туда и вѣтви, и листья, точно какъ бы разсматривали это изображеніе, которымъ не могли налюбоваться во все продолженіе своей многолѣтней жизни.

Видъ былъ очень недуренъ, но видъ сверху внизъ, съ надстройки дома на равнины и отдаленія, былъ еще лучше. Равнодушно не могъ выстоять на балконѣ никакой гость и посѣтитель; у него захватывало въ груди, и онъ могъ только произнести: «Господи, какъ здѣсь просторно!» Пространства открывались безъ конца. За лугами, усѣянными рощами и водяными мельницами, зеленѣли и синѣли густые лѣса, какъ моря или туманъ, далеко разливавшійся. За лѣсами, сквозь мгlistый воздухъ, желтѣли пески. За песками лежали гребнемъ на отдаленномъ небосклонѣ мѣловыя горы, блиставшія ослѣпительной бѣлизной даже и въ ненастное время, какъ бы освѣщало ихъ вѣчное солнце *). Кое-гдѣ дымились по нимъ легкія туманно-сизыя пятна. Это были отдаленныя деревни; но ихъ уже не могъ разсмотрѣть чловѣческій глазъ,—только вспыхивавшая, подобно искрѣ, золотая церковная маковка давала знать, что это было люд-

*) Словами «вѣчное солнце» оканчивается первый полулистъ рукописи, подклеенный къ ней позднѣе; съ слѣдующей страницы начинается, какъ мы замѣтили уже, текстъ болѣе первоначальной редакціи; первыя строки этого текста зачеркнуты, для приведенія въ связь съ послѣдними строками предшествующей страницы. Зачеркнутое ставимъ въ скобкахъ: «(поворотѣхъ. За лугами пески, за песками мѣловыя (отлогимъ рядомъ) горы, отдаленнымъ рядомъ лежавшія на отдаленномъ небосклонѣ, нестерпимо блиставшія ослѣпительной бѣлизной даже и въ ненастное время, какъ бы освѣщало ихъ вѣчное солнце). Кое-гдѣ».

ное, большое селенье. Все это облечено было въ тишину невозмущаемую, которую не пробуждали даже чуть долежавшіе до слуха отголоски воздушныхъ пѣвцовъ, наполнявшихъ воздухъ. Словомъ, не могъ равнодушно выстоять на балкѣнѣ никакой гость и посѣтитель, и послѣ какого-нибудь двухчасового созерцанія издавалъ онъ то же самое восклицаніе, какъ и въ первую минуту: «Силы небесъ, какъ здѣсь просторно!»

Кто-жъ былъ жилецъ этой деревни, къ которой, какъ къ неприступной крѣпости, нельзя было и подъѣхать отсюда, а нужно было подъѣзжать съ другой стороны—полями, хлѣбами и, наконецъ, рѣдкой дубровой, раскинутой картинно по зелени, вплоть до самыхъ избъ и господскаго дома,—кто былъ жилецъ, господинъ и владѣтель этой деревни? Какому счастливцу принадлежалъ этотъ закоулокъ?

А помѣщику Тремалаханскаго уѣзда Андрею Ивановичу Тѣнтѣтникову, молодому, тридцатитрехлѣтнему господину, коллежскому секретарю, неженатому, холостому челоѣку.

Что же за челоѣкъ такой, какого нрава, какихъ свойствъ и какого характера былъ помѣщикъ Андрей Ивановичъ Тѣнтѣтниковъ?

Разумѣется, слѣдуетъ разспросить у сосѣдей. Сосѣдъ, принадлежавшій къ фамилии отставныхъ штабъ-офицеровъ, брандеровъ, выражался о немъ лаконическимъ выраженіемъ: «Естественнѣйшій скотина!» Генераль, проживавшій въ десяти верстахъ, говорилъ: «Молодой челоѣкъ не глупый, но много забралъ себѣ въ голову. Я бы могъ быть ему полезнымъ, потому что у меня и въ Петербургѣ, и даже при...» Генераль рѣчи не оканчивалъ. Капитанъ-исправникъ замѣчалъ: «Да вѣдь чинишка на немъ—дрянь; а вотъ и завтра же къ нему за недоимкой!» Мужикъ его деревни, на вопросъ о томъ, какой у нихъ баринъ, ничего не отвѣчалъ. Словомъ, общественное мнѣніе о немъ было скорѣй неблагопріятное, чѣмъ благопріятное.

А, между тѣмъ, въ существѣ своемъ Андрей Ивановичъ былъ не то доброе, не то дурное существо, а просто—коптитель неба. Такъ какъ уже не мало есть на бѣломъ свѣтѣ людей, копящихъ небо, то почему-жъ и Тѣнтѣтникову не коптить его? Впрочемъ, вотъ, въ немногихъ словахъ, весь журналъ его дня, и пусть изъ него судить читатель самъ, какой у него былъ характеръ.

Путру просыпался онъ очень поздно и, приподнявшись, долго еще сидѣлъ на своей кровати, протирая глаза. Глаза же, какъ на бѣду, были довольно маленькіе, и потому протиранье ихъ производилось необыкновенно долго. Во все это время у дверей стоялъ человекъ Михайло, съ рукомыникомъ и полотенцемъ. Стоялъ этотъ бѣдный Михайло часъ, другой, отправлялся вѣкъ на кухню, потомъ вновь приходилъ, — баринъ все еще протиралъ глаза и сидѣлъ на кровати. Наконецъ, подымался онъ съ постели, умывался, надѣвалъ халатъ и выходилъ въ гостиную затѣмъ, чтобы пить чай, кофей, какао и даже парное молоко, всего прихлебывая понемногу, накрошивая хлѣба безжалостно и насоривая повсюду трубочной золы безсовѣстно. Два часа просиживалъ онъ за чаемъ; этого мало: онъ бралъ еще холодную чашку и съ ней подвигался къ окну, обращенному на дворъ. У окна же происходила всякій день слѣдующая сцена.

Прежде всего ревѣлъ небритый буфетчикъ Григорій, относившійся къ Перфильевнѣ, ключницѣ, въ сихъ выраженіяхъ: «Душонка ты мелкопомѣстная! ничтожность этакая! Тебѣ бы, гнусной бабѣ, молчать да и только».

«Ужъ тебя-то не слушаюсь, ненасытное горло!» выкрикивала ничтожность или Перфильевна.

«Да вѣдь съ тобой никто не уживется: вѣдь ты и съ приказникомъ спѣшишься, мелочь ты анбарная!» ревѣлъ Григорій.

«Да и приказникъ—воръ такой же, какъ и ты!» выкрикивала ничтожность, такъ что было на деревнѣ слышно. «Вы оба піющіе, губители господскаго, бездонныя бочки! Ты думаешь, баринъ не знаетъ васъ? Вѣдь онъ здѣсь, вѣдь онъ все слышитъ».

«Гдѣ баринъ?»

«Да вотъ онъ сидитъ у окна; онъ все видитъ».

И, точно, баринъ сидѣлъ у окна и все видѣлъ.

Къ довершенію этого, кричалъ кричмя дворовый ребята, получившій отъ матери затрещину; визжалъ борзой кобель, присѣвъ задомъ къ землѣ, по поводу горячаго кипятка, которымъ обкатилъ его, выглянувши изъ кухни, поваръ; словомъ, все голосило и верещало невыносимо. Баринъ все видѣлъ и слышалъ, и только тогда, когда это дѣлалось до такой степени невыносимо, что даже мѣняло ба-

рину ничѣмъ не заниматься, высылалъ онъ сказать, чтобы шумѣли потише.

За два часа до обѣда Андрей Ивановичъ уходилъ къ себѣ въ кабинетъ затѣмъ, чтобы заняться серьезно и, дѣйствительно, занятіе было, точно, серьезное. Оно состояло въ обдумываніи сочиненія, которое уже издавна и постоянно обдумывалось. Сочиненіе это долженствовало обнять всю Россію со всѣхъ точекъ—съ гражданской, политической, религіозной, философической, разрѣшить затруднительные задачи и вопросы, заданные ей временемъ, и опредѣлить ясно ея великую будущность; словомъ, большого объема. Но покуда все оканчивалось однимъ обдумываніемъ: изгрызалось перо, являлись на бумагѣ рисунки и потомъ все это отодвигалось на сторону, бралась, намѣсто того, въ руки книга и уже не выпускалась до самаго обѣда. Книга эта читалась вмѣстѣ съ супомъ, соусомъ, жаркимъ и даже съ пирожнымъ, такъ что инныя блюда оттого стыли, а другія принимались вовсе нетронутыми. Потомъ слѣдовала прихлебка чашки кофею съ трубкой; потомъ игра въ шахматы съ самимъ собой. Что же дѣлалось потомъ до самаго ужина, право, уже и сказать трудно. Кажется, просто, ничего не дѣлалось.

И этакъ проводилъ время одинъ-одинѣшенекъ въ цѣломъ [мірѣ] молодой тридцатитрехлѣтній человѣкъ, сидень-сиднемъ, въ халатѣ, безъ галстука. Ему не гулялось, не ходилось, не хотѣлось даже подняться вверхъ—взглянуть на отдаленности и виды, не хотѣлось растворять окна затѣмъ, чтобы забрать свѣжаго воздуха въ комнату; и прекрасный видъ деревни, которымъ не могъ равнодушно любоваться никакой посѣтитель, точно не существовалъ для самого хозяина.

Изъ этого журнала читатель можетъ видѣть, что Андрей Ивановичъ Тѣнтѣтниковъ принадлежалъ къ семейству тѣхъ людей, которыхъ на Руси много, которымъ имена—увальни, лежебоки, байбаки и тому подобныя. Родятся ли уже сами собою такіе характеры, или создаются потомъ—это еще вопросъ. Я думаю, что лучше, вмѣсто отвѣта, рассказать исторію дѣтства и воспитанія Андрея Ивановича.

Въ дѣтствѣ былъ онъ остроумный, талантливый мальчикъ, то живой, то задумчивый. Счастливымъ или несчастнымъ случаемъ попалъ онъ въ такое училище, гдѣ былъ директо

ромъ человѣкъ, въ своемъ родѣ необыкновенный, несмотря на нѣкоторыя причуды. Александръ Петровичъ имѣлъ даръ слышать природу русскаго человѣка и зналъ языкъ, которымъ нужно говорить съ нимъ. Никто изъ дѣтей не уходилъ отъ него съ повиснувшимъ носомъ; напротивъ, даже послѣ строжайшаго выговора, чувствовалъ онъ какую-то бодрость и желанье загладить сдѣланную пакость и проступокъ. Толпа воспитанниковъ его была съ виду такъ шаловлива, развязна и жива, что можно было принять ее за необузданную вольницу; но онъ обманулся бы: власть одного слишкомъ была сильна въ этой вольницѣ. Не было проказника и шалуна, который бы не пришелъ къ нему самъ и не рассказалъ всего, что ни напроказилъ. Малѣйшее движеніе ихъ помышленій было ему извѣстно. Во всемъ поступалъ онъ необыкновенно. Онъ говорилъ, что прежде всего слѣдуетъ пробудить въ человѣкѣ честолюбіе, — честолюбіе называлъ онъ силою, толкающею впередъ человѣка, — безъ котораго не подвигнешь его на дѣятельность. Многихъ рѣзвостей и шалостей онъ не удерживалъ вовсе: въ первоначальныхъ рѣзвостяхъ видѣлъ онъ начало развитія свойствъ душевныхъ. Онѣ были ему нужны затѣмъ, чтобы видѣть, что такое именно таится въ ребенкѣ. Такъ умный врачъ глядитъ спокойно на появляющіеся временные припадки и сыпи, показывающіеся на тѣлѣ, не истребляетъ ихъ, но всматривается внимательно, дабы узнать достовѣрно *), что заключено внутри человѣка.

Учителей у него было немного: большую часть наукъ читалъ онъ самъ, и надо сказать правду, что, безъ всякихъ педантскихъ терминовъ, огромныхъ воззрѣній и взглядовъ, которыми любятъ пощеголять молодые профессора, онъ умѣлъ въ немногихъ словахъ передать самую душу науки, такъ что и малолѣтнему было очевидно, на что именно ему нужна наука. Онъ утверждалъ, что всего нужнѣе человѣку наука жизни, что, узнавъ ее, онъ узнаетъ тогда самъ, чѣмъ онъ долженъ заняться преимущественнѣе.

Эту-то науку жизни сдѣлалъ онъ предметомъ отдѣльнаго курса воспитанія, въ который поступали только одни самые отличные. Малоспособныхъ выпускалъ онъ на службу изъ

*) Шестая страница рукописи оканчивается на половинѣ этого слова: «досто»; съ слѣдующей страницы идетъ текстъ позднѣйшаго письма.

перваго класса, утверждая, что ихъ не нужно много мучить: довольно съ нихъ, если приучились быть терпѣливыми, работающими исполнителями, не приобретаая заносчивости и всякихъ видовъ вдалъ. «Но съ умниками, но съ даровитыми мнѣ нужно долго повозиться», обыкновенно говорилъ онъ. И становился въ этомъ курсѣ совершенно другой Александръ Петровичъ и съ первыхъ же разъ возвѣщалъ, что доселѣ онъ требовалъ отъ нихъ простого ума, теперь потребуетъ ума высшаго, — не того ума, который умѣетъ подтрунить надъ дуракомъ и посмѣяться, но умѣющаго вынести всякое оскорбленіе, спустить дураку, не раздражиться. Здѣсь-то сталъ онъ требовать того, что другіе требуютъ отъ дѣтей. Это-то называлъ онъ высшей степенью ума. Сохранить посреди какихъ бы то ни было огорченій высокий покой, въ которомъ вѣчно долженъ пребывать человѣкъ, — вотъ что называлъ онъ умомъ. Въ этомъ-то курсѣ Александръ Петровичъ показалъ, что знаетъ точно науку жизни. Изъ наукъ были избраны только тѣ, которыя способны образовать изъ человѣка гражданина земли своей. Большая часть лекцій состояла въ разсказахъ о томъ, что ожидаетъ впереди человѣка на всѣхъ поприщахъ и ступеняхъ государственной службы и частныхъ занятій. Всѣ огорченія и преграды, какія только воздвигаются человѣку на пути его, всѣ искушенія и соблазны, ему предстоящіе, собиралъ онъ предъ нимъ во всей наготѣ, не скрывая ничего. Все было ему извѣстно, точно какъ бы перебылъ онъ самъ во всѣхъ званьяхъ и должностяхъ. Словомъ, чертилъ онъ предъ ними вовсе не радужную будущность. Странное дѣло! оттого ли, что честолюбіе уже такъ сильно было въ нихъ возбуждено; оттого ли, что уже въ самыхъ глазахъ необыкновеннаго наставника было что-то говорящее юношѣ *впередъ!* — это чудное слово, производящее такіа чудеса падъ русскимъ человѣкомъ, — то ли, другое ли, но юноша съ самаго начала искалъ только трудностей, алча дѣйствовать только тамъ, гдѣ трудно, гдѣ нужно было показать большую силу души. Было что-то трезвое въ ихъ жизни. Александръ Петровичъ дѣлалъ съ ними всякіе опыты и пробы, наносилъ имъ то самъ чувствительныя оскорбленія, то посредствомъ ихъ же товарищей; но, проникнувши это, они становились еще осторожнѣй. Изъ этого курса вышло немного, но эти немногіе были крѣпыши, были обкуренные

порохомъ люди. Въ службѣ они удержались на самыхъ шаткихъ мѣстахъ, тогда какъ многіе, гораздо ихъ умнѣйшіе, не вытерпѣвъ, бросили службу изъ-за мелочныхъ личныхъ непріятностей, бросили вовсе, или же, не вѣдая ничего, очутились въ рукахъ взяточниковъ и плутовъ. Но воспитанные Александромъ Петровичемъ не только не пошатнулись, но умудренные познаньемъ челоѡѡка и души возымѣли высокое нравственное вліяніе даже на взяточниковъ и дурныхъ людей.

Но этого ученія не удалось попробовать бѣдному Андрею Ивановичу. Только-что онъ былъ удостоенъ перевода въ этотъ высшій курсъ, какъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ,—вдругъ несчастіе: необыкновенный наставникъ, котораго одно одобрительное слово уже бросало его въ сладкій трепетъ, скоропостижно заболѣлъ и умеръ. Все переимѣнилось въ училищѣ. На мѣсто Александра Петровича поступилъ какой-то Ѳеодоръ Ивановичъ, челоѡѡкъ добрый и старательный, но совершенно другого взгляда на вещи. Въ свободной развязности дѣтей перваго курса почудилось ему что-то необузданное. Началъ онъ заводить между ними какіе-то виѣшніе порядки, требовалъ, чтобы молодой народъ пребывалъ въ какой-то безмолвной тишинѣ, чтобы ни въ какомъ случаѣ иначе всѣ не ходили, какъ попарно; началъ даже самъ аршиномъ размѣрять разстояніе отъ пары до пары. За столомъ, для лучшаго вида, рассадилъ всѣхъ по росту, а не по уму, такъ что осламъ доставались лучшіе куски, умнымъ — оглодки. Все это произвело ропотъ, особенно, когда новый начальникъ, точно какъ наперекоръ своему предмѣстнику, объявилъ, что для него умъ и хорошіе успѣхи въ наукахъ ничего не значатъ, что онъ смотритъ только на поведеніе, что если челоѡѡкъ и плохо учится, но хорошо ведетъ себя, онъ предпочтетъ его умнику. Но именно того-то и не получилъ Ѳеодоръ Ивановичъ, чего добивался. Завелись шалости потаенныя, которыя, какъ извѣстно, хуже открытыхъ: все было въ струнку днемъ, а по ночамъ — кутежи.

Въ большомъ курсѣ онъ тоже все переверотилъ вверхъ дномъ. Съ самыми благими намѣреніями завелъ онъ всякія нововведенія — и все невпопадъ. Выписалъ новыхъ преподавателей, съ новыми взглядами и новыми точками воззрѣній. Читали они учено, забросали слушателей множествомъ по

выхъ терминовъ и словъ; была и ученость, и слѣдованье за новыми открытіями, но, увы! не было только жизни въ самой наукѣ. Мертвечиной стало все это казаться въ глазахъ уже начинавшихъ понимать слушателей. Все пошло навыоборотъ. Но хуже всего было то, что потерялось уваженіе къ начальству и власти: стали насмѣхаться и надъ наставниками, и надъ преподавателями, директора стали называть Оедькой, булкой и другими разными именами; завелись такія дѣла, что нужно было многихъ выключить и выгнать.

Андрей Ивановичъ былъ нрава тихаго. Онъ не участвовалъ въ ночныхъ оргіяхъ съ товарищами, которые, несмотря на строжайшій присмотръ, завели на сторонѣ любовницу,—одну на восемь человѣкъ,—ни даже въ другихъ шалостяхъ, доходившихъ до кощунства и насмѣшекъ надъ самою религіей изъ-за того только, что директоръ требовалъ частаго хожденія въ церковь. Но онъ повѣсилъ носъ. Честолюбіе было возбуждено въ немъ сильно, а дѣятельности и поприща ему не было. Лучше-бъ было и не возбуждать его! Онъ слушалъ горячившихся на кафедрѣ профессоровъ и вспоминалъ прежняго наставника, который, не горячася, умѣлъ говорить понятно. Онъ слушалъ и химію, и философію правъ, и профессорскія углубленія во всѣ тонкости политическихъ наукъ, и всеобщую исторію человечества въ такомъ огромномъ видѣ, что профессоръ въ три года успѣлъ только прочесть введеніе да развитіе общинъ какихъ-то нѣмецкихъ горцевъ; но все это оставалось въ головѣ его какими-то безобразными клочками. Благодаря природному уму, онъ чувствовалъ только, что не такъ должно преподаваться, а какъ — не зналъ. И вспоминалъ онъ часто объ Александрѣ Петровичѣ, и ему бывало такъ грустно, что не зналъ онъ, куда дѣться отъ тоски.

Но у молодости есть будущее. По мѣрѣ того, какъ приближалось время къ выпуску, сердце у него билось. Онъ говорилъ себѣ: «Вѣдь это еще не жизнь; это только приготовленіе къ жизни: настоящая жизнь на службѣ; тамъ подвиги». И, по обычаю всѣхъ честолюбцевъ, понесся онъ въ Петербургъ, куда, какъ извѣстно, стремится ото всѣхъ сторонъ Россіи наша пылкая молодежь—служить, блистать, выслуживаться, или же, просто, схватывать вершки без-

цвѣтнаго, холоднаго, какъ ледъ, общественнаго обманчиваго образованья. Честолюбивое стремленіе Андрея Ивановича осадилъ, однакоже, съ самаго начала его дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ Онуфрій Ивановичъ. Онъ объявилъ, что главное дѣло — въ хорошемъ почеркѣ, а не въ чемъ-либо другомъ, что безъ этого не попадешь ни въ министры, ни въ государственные люди *); а Тѣтѣтниковъ писалъ тѣмъ самымъ письмомъ, о которомъ говорятъ: «Писала сорока лапой, а не человѣкъ». Съ большимъ трудомъ и съ помощью дядиныхъ протекцій, проведя два мѣсяца въ каллиграфическихъ урокахъ, досталъ онъ, наконецъ, мѣсто списывателя бумагъ въ какомъ-то департаментѣ. Когда вошелъ онъ въ свѣтлый залъ, гдѣ за письменными лакированными столами сидѣли пинущіе господа, шумя перьями и наклоня голову на-бокъ, и когда посадили его самого, предложивъ ему тутъ же переписать какую-то бумагу, — необыкновенно странное чувство его проникнуло. Ему на время показалось, какъ бы онъ очутился въ какой-то мало-лѣтней школѣ, затѣмъ, чтобы сызнова учиться азбукѣ. Сидѣвшіе вокругъ его господа показались ему такъ похожими на учениковъ! Иные изъ нихъ читали романъ, засунувъ его въ большіе листы разбираемаго дѣла, какъ бы занимались они самымъ дѣломъ, и въ то же время вздрагивая при всякомъ появленіи начальника. Ему вдругъ представилось, какъ невозвратно-потерянный рай, школьное время его: такъ высокими сдѣлались вдругъ занятія ученіемъ передъ этимъ мелкимъ письменнымъ занятіемъ! Какъ это учебное приготовленіе къ службѣ казалось ему теперь выше самой службы! И вдругъ предсталъ въ его мысляхъ, какъ живой, его, ни съ кѣмъ несравненный, чудесный воспитатель, никѣмъ незамѣнимый Александръ Петровичъ, и въ три ручья потекли вдругъ слезы изъ глазъ его, закружилась комната, потемнѣли столы, перемѣшались чиновники,

*) Словомъ: «государственные люди» оканчивается десятая страница; слѣдующій послѣ нея листъ (страницы 11—14) писалъ другимъ почеркомъ и заключаетъ въ себѣ текстъ болѣе ранней редакціи. Одинадцатая страница и начинается зачеркнутыми строками этой редакціи: «нельзя попасть, не приобретя прежде порядочнаго, хорошаго, хорошаго подчерка». Слово «люди» переправлено, на стр. 10-й, въ «сов» (совѣтъ), но «государственныЕ» осталось безъ измѣненія при прежнемъ согласованіи съ словомъ «люди».

и чуть не упалъ онъ отъ мгновеннаго потемнѣнья. «Нѣтъ», сказалъ онъ въ себѣ, очнувшись: «примусь за дѣло, какъ бы оно ни казалось вначалѣ мелкимъ!» Скрѣпясь духомъ и сердцемъ, рѣшился онъ служить по примѣру прочихъ.

Гдѣ не бываетъ наслажденій? Живутъ они и въ Петербургѣ, несмотря на суровую, сумрачную его наружность. Трепещутъ по улицамъ сердитый тридцатиградусный морозъ, визжитъ отчаяннымъ бѣсомъ вѣдма-вьюга, нахлобучивая на голову воротники шубъ и шинелей, пудря усы людей и морды скотовъ; но привѣтливо свѣтитъ вверху окошко гдѣ-нибудь, даже и въ четвертомъ этажѣ; въ уютной комнатѣ, при скромныхъ стеариновыхъ свѣчкахъ, подъ шумокъ самовара, ведется согрѣвающий и сердце, и душу разговоръ, читается вдохновенная, свѣтлая страница поэта, какими наградила Богъ свою Россію, и такъ возвышенно-пылко трепещетъ молодое сердце юноши, какъ не случается нигдѣ въ другихъ земляхъ и подъ полуденнымъ роскошнымъ небомъ.

Скоро Тѣтѣтниковъ свыкнулся съ службою, но только она сдѣлалась у него не первымъ дѣломъ и цѣлью, какъ онъ полагалъ было вначалѣ, но чѣмъ-то вторымъ. Она служила ему лучшимъ распредѣленіемъ времени, заставивъ его болѣе дорожить остававшимися минутами. Дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ, начиналъ было думать, что въ племянникѣ будетъ прокъ, какъ вдругъ племянникъ подгадилъ. Надобно сказать, что въ числѣ друзей Андрея Ивановича попало два человѣка, которые были то, что называется, огорченные люди. Это были тѣ безпокойно-странные характеры, которые не могутъ переносить равнодушно не только несправедливостей, но даже и всего того, что кажется въ ихъ глазахъ несправедливостью. Добрые по началу, но безпорядочные сами въ своихъ дѣйствіяхъ, они исполнены нетерпимости къ другимъ. Пылкая рѣчь ихъ и благородный образъ негодованья подѣйствовали на него сильно. Разбудивши въ немъ нервы и духъ раздражительности, они заставили замѣчать всѣ тѣ мелочи, на которыя онъ прежде и не думалъ обращать вниманіе. Ѳедоръ Николаичъ *) Лѣницынъ, начальникъ того отдѣленія, въ ко-

*) Черезъ нѣсколько строкъ это лицо называется «Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ».

торомъ онъ числился, человѣкъ наипрѣятнѣйшей наружности, вдругъ ему не понравился. Онъ сталъ отыскивать въ немъ бездну недостатковъ и возненавидѣлъ его за то, будто бы онъ выражалъ въ лицѣ своемъ черезчуръ много сахара, когда говорилъ съ высшимъ, и тутъ же, оборотившись къ низшему, становился весь уксусъ. «Я бы ему простилъ», говорилъ Тѣтѣтниковъ: «если бы эта переменна происходила не такъ скоро въ его лицѣ; но какъ тутъ же, при моихъ глазахъ, и сахаръ, и уксусъ въ одно и то же время!» Съ этихъ поръ онъ сталъ замѣчать всякій шагъ. Ему казалось, что и важничалъ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ уже черезчуръ, что имѣлъ даже всѣ замашки мелкихъ начальниковъ, бралъ на замѣчанье тѣхъ, которые не являлись къ нему съ поздравленьемъ въ праздники, даже мстилъ всѣмъ тѣмъ, которыхъ имена не находились у швейцара на листѣ, и множество разныхъ тѣхъ грѣшныхъ принадлежностей, безъ которыхъ не обходится ни добрый, ни злой человѣкъ. Онъ чувствовалъ къ нему отвращенье нервическое. Какой-то злой духъ толкалъ его сдѣлать что-нибудь непрѣятное Ѳеодору Ѳеодоровичу. Онъ наискивался на это съ какимъ-то особымъ наслажденіемъ, и въ томъ успѣлъ. Разъ поговорилъ онъ съ нимъ до такой степени крупно, что ему объявлено было отъ начальства — или просить извиненія, или выходить въ отставку. Онъ подалъ въ отставку. Дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ, прѣхалъ къ нему перепуганный и умоляющій. «Ради самого Христа, помилуй, Андрей Ивановичъ! Чтѣ это ты дѣлаешь? Оставлятъ такъ выгодно начатый карьеръ изъ-за того только, что попался начальникъ не того!.. Чтѣ-жъ это? Вѣдь если на это глядѣть, тогда и въ службѣ никто бы не остался. Образумься, образумься... еще есть время. Отринь гордость, самолюбіе, поѣзжай и объяснись съ нимъ!»

«Не въ томъ дѣло, дядюшка», сказалъ племянникъ. «Мнѣ не трудно попросить у него извиненія, тѣмъ болѣе, что я, точно, виноватъ: онъ мнѣ начальникъ, и мнѣ ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало такъ говорить съ нимъ. Но дѣло вотъ въ чемъ: вы позабыли, что у меня есть другая служба: у меня триста душъ крестьянъ, имѣнье въ разстройствѣ, а управляющій — дуракъ. Государству утраты не много, если вмѣсто меня сядетъ въ канцелярію другой переписывать бумагу, но большая утрата, если триста человѣкъ не запла-

тятъ податей. Я помѣщикъ: званіе это также не бездѣльно. Если я позабочусь о сохраненіи, сбереженіи и улучшеніи ввѣренныхъ мнѣ людей и представлю государству триста трезвыхъ, работающихъ подданныхъ,—чѣмъ моя служба будетъ хуже службы какого-нибудь начальника отдѣленія Лѣницына?»

Дѣйствительный статскій совѣтникъ остался съ открытымъ ртомъ отъ изумленія: такого потока словъ онъ не ожидалъ. Немного подумавши, началъ онъ было въ такомъ родѣ: «Но всё же таки... но какъ же таки?.. какъ же запропастить себя въ деревнѣ? Какое же общество можетъ быть между мужичьемъ? Здѣсь все-таки на улицѣ пройдетъ мимо тебя генераль, или князь. Захочешь — и самъ пройдеши мимо какихъ-нибудь публичныхъ красивыхъ зданій, на Неву пойдеши взглянуть; а вѣдь тамъ, что ни попадетъся, — все это или мужикъ, или баба. За что-жь себя осудить на невѣжество на всю жизнь свою?»

Такъ говорилъ дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ. Самъ же онъ во всю жизнь свою не ходилъ по другой улицѣ, кромѣ той, которая вела къ мѣсту его службы, гдѣ не было никакихъ публичныхъ красивыхъ зданій; не замѣчалъ никого изъ встрѣчныхъ, былъ ли онъ генераль, или князь; не вѣдалъ никакихъ прихотей, какія дразнятъ въ столицахъ людей, падкихъ на невоздержанье, и даже отъ роду не былъ въ театрѣ. Все это онъ говорилъ единственно затѣмъ, чтобы затеребить честолюбіе и подѣйствовать на воображеніе молодого человѣка. Въ этомъ, однакоже, не успѣлъ: Тѣнтѣтниковъ стоялъ на своемъ упрямо. Департаменты и столица стали ему надоедать. Деревня начинала представляться какимъ-то привольнымъ пріютомъ, воспитательницею думъ и помышленій, единственнымъ поприщемъ полезной дѣятельности. Черезъ недѣли двѣ послѣ этого разговора былъ онъ уже въблизи тѣхъ мѣстъ, гдѣ протекло его дѣтство.

Какъ стало все припоминяться, какъ забилося его сердце, когда почувствовалъ, что онъ уже въблизи отцовской деревни! Онъ уже многія мѣста позабылъ вовсе и смотрѣлъ любопытно, какъ новичокъ, на прекрасные виды. Когда дорога понеслась узкимъ оврагомъ въ чащу огромнаго заглухнушаго лѣса и онъ увидѣлъ вверху, внизу, надъ собой и подъ собой, трехсотлѣтніе дубы, тремъ человѣкамъ въ об-

хватъ, попережку съ пихтой, вязомъ и осокоромъ, перераставшимъ вершину тополя, и когда на вопросъ: «чей лѣсъ?» ему сказали: «Тѣнтѣтнкова»; когда, выбравшись изъ лѣса, понеслась дорога лугами, мимо осиновыхъ рошъ, молодыхъ и старыхъ ивъ и лозъ, въ виду тянувшихся вдали возвышеній, и перелетѣла мостами въ разныхъ мѣстахъ одну и ту же рѣку, оставляя ее то вправо, то влѣво отъ себя, и когда на вопросъ: «чи луга и поѣмныя мѣста?» отвѣчали: «Тѣнтѣтнкова»; когда поднялась потомъ дорога на гору и пошла по ровной возвышенности—съ одной стороны мимо неснятыхъ хлѣбовъ, пшеницы, ржи и ячменя, съ другой же стороны мимо всѣхъ прежде проѣханныхъ имъ мѣстъ, которыя всѣ вдругъ и разомъ показались въ картинномъ отдаленіи, и когда, постепенно темнѣя, входила и вошла потомъ дорога подъ тѣнь широкихъ развилыстыхъ деревь, размѣстившихся вразсыпку по зеленому коври до самой деревни, и замелькали кирпичныя избы мужиковъ и крытыя красными крышами господскія строенія; когда пылко забившееся сердце и безъ вопроса знало, куда пріѣхало,—ощущенія и мысли, непрестанно накоплявшіяся, исторгнулись, наконецъ, почти такими словами: «Ну, не дуракъ ли я былъ доселѣ? Судьба назначила мнѣ быть обладателемъ земного рая, принцемъ, а я закабалить себя въ канцелярію писцомъ! Учившись, воспитавшись, просвѣтившись, сдѣлавши порядочный запасъ тѣхъ именно свѣдѣній, какія требуются для управленія людьми, улучшенія цѣлой области, для исполненія многообразныхъ обязанностей помѣщика, являющагося и судьей, и распорядителемъ, и блюстителемъ порядка, ввѣрить это мѣсто невѣжѣ-управителю! И выбрать вмѣсто этого чтѣ же? — переписываніе бумагъ, чтѣ можетъ несравненно лучше производить ничему не учившійся кантонистъ!» И еще разъ далъ себѣ названіе дурака Андрей Ивановичъ Тѣнтѣтниковъ.

А между тѣмъ его ожидало другое зрѣлище. Узнавши о пріѣздѣ барина, населеніе всей деревни собралось къ крыльцу. Пестрые платки, повязки, повойники, зипуны, бороды всѣхъ сортовъ: заступомъ, лопатой и клиномъ, рыжія, русыя и бѣлыя, какъ серебро, покрыли всю площадь. Мужики загремѣли: «Кормилецъ, дождались мы тебя!» Бабы заголосили: «Золото, серебро ты сердечное!» Стоявшіе подали даже подрались отъ усердія пробраться. Дряблая ста-

рушонка, похожая на сушеную грушу, прошмыгнула промеж ногъ другихъ, подступила къ нему, всплеснула руками и взвизгнула: «Сонлюнчикъ ты нашъ! да какой же ты жиденькій! изморила тебя окаянная нѣмтура!» — «Пошла ты, баба!» закричали ей тутъ же бороды заступомъ, лопатой и клиномъ: «ишь куда полѣзла, корявая!» Кто-то приворотилъ къ этому такое словцо, отъ котораго одинъ только русскій мужикъ могъ не засмѣяться. Баринъ не выдержалъ и разсмѣялся, но тѣмъ не менѣе онъ тронутъ былъ глубоко въ душѣ своей. «Столько любви! и за чтѣ?» думалъ онъ въ себѣ. «За то, что я никогда не видалъ ихъ, никогда не занимался ими! Отнынѣ же даю слово раздѣлить съ вами труды и занятія ваши! Употреблю все, чтобы помочь вамъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ вы должны быть, чѣмъ вамъ назначила быть ваша добрая, внутри васъ же самихъ заключенная природа ваша, — чтобы не даромъ была любовь ваша ко мнѣ, чтобы я, точно, былъ кормилецъ вашъ!»

И дѣйствительно, Тѣнтѣтниковъ не шутя принялся хозяйничать и распоряжаться. Онъ увидѣлъ на мѣстѣ, что приказчикъ былъ, точно, баба и дуракъ со всѣми качествами дрянного приказчика, то-есть, велъ аккуратно счетъ куръ и яицъ, пряжи и полотна, приносимыхъ бабами, но не зналъ ни бельмеса въ уборкѣ хлѣба и посѣвахъ и, въ прибавленіе ко всему, подозрѣвалъ всѣхъ мужиковъ въ покушеніи на жизнь свою. Дурака-приказчика онъ выгналъ, на мѣсто его выбралъ другого, бойкаго; оставилъ мелочи, обратилъ вниманіе на главныя части, уменьшилъ барщину, убавилъ дни работы на себя, прибавилъ времени мужикамъ работать на нихъ самихъ и думалъ, что теперь дѣла пойдутъ наотличнѣйшимъ порядкомъ. Самъ сталъ входить во все, показываться на поляхъ, на гумнѣ, въ овинахъ, на мельницахъ, у пристани, при грузкѣ и сплавкѣ барокъ и плоскодоновъ.

«Да онъ, вишь ты, востроногой!» стали говорить мужики и даже почесывать въ затылкахъ, потому что отъ долговременнаго бабьяго управленія они всѣ изрядно поизлѣнились. Но это продолжалось не долго. Русскій мужикъ смѣтливъ и уменъ: онъ понялъ скоро, что баринъ хотъ и притокъ, и есть въ немъ охота взяться за многое, но какъ именно, какимъ образомъ взяться, этого еще не смыслить, говоритъ какъ-то чрезчуръ грамотно и затѣйливо, мужику

не въ долбежъ и не въ науку. Вышло то, что баринъ и мужикъ какъ-то не то, чтобы совершенно не поняли другъ друга, но, просто, не спѣлись вмѣстѣ, не приспособились выводить одну и ту же ноту. Тѣнѣтниковъ сталъ замѣчать, что на господской землѣ все выходило какъ-то хуже, чѣмъ на мужичьей: сѣялось раньше, всходило позже. А работали, казалось, хорошо: онъ самъ присутствовалъ и приказалъ выдать даже по чапорухѣ водки за усердные труды. У мужиковъ давно уже колосилась рожь, высыпался овесъ, кустилось просо, а у него едва начиналъ только идти хлѣбъ въ трубку, пятка колоса еще не завязывалась. Словомъ, сталъ замѣчать баринъ, что мужикъ, просто, плутуетъ, не смотря на всѣ льготы. Попробовалъ было укорить, но получилъ такой отвѣтъ: «Какъ можно, баринъ, чтобы мы о господской, то-есть, выгудѣ не радѣли? Сами изволили видѣть, какъ старались, когда пахали и сѣяли: по чапорухѣ водки приказали подать». Чтѣ было на это возражать? — «Да отчего-жъ теперь вышло скверно?» допрашивалъ баринъ. — «Кто его знаетъ! Видно, червь подѣлъ снизу! Да и лѣто, вишь ты, какое: совсѣмъ дождей не было». Но баринъ видѣлъ, что у мужиковъ червь не подѣдалъ снизу, да и дождь шелъ какъ-то странно, полосую: мужику угодилъ, а на барскую ниву хотѣ бы каплю выронилъ. Еще труднѣй ему было ладить съ бабами. То и дѣло отпрашивались онѣ отъ работъ, жалуясь на тягость барщины. Странное дѣло! Онъ уничтожилъ вовсе всякіе приносы холста, ягодъ, грибовъ и орѣховъ, на половину сбавилъ съ нихъ другихъ работъ, думая, что бабы обратятъ это время на домашнее хозяйство, обошьютъ, одѣнутъ своихъ мужей, умножатъ огороды. Не тутъ-то было! Праздность, драка, сплетни и всякія ссоры завелись между прекраснымъ поломъ такіа, что мужья то и дѣло приходили къ нему съ такими словами: «Баринъ, уйми бѣса-бабу! Точно чортъ какой! житья нѣтъ отъ ней!» Нѣсколько разъ, скрѣпя свое сердце, хотѣлъ онъ приняться за строгость. Но какъ быть строгимъ? Баба приходила такой бабой, такъ развизгивалась, такая была хвора, больная, такихъ скверныхъ, гадкихъ наворачивала на себя тряпокъ! (Ужъ откуда она ихъ набирала, Богъ ее вѣсть). «Ступай, ступай себѣ только съ глазъ моихъ подальше!» говорилъ бѣдный Тѣнѣтниковъ и вослѣдъ за тѣмъ имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ баба тутъ же, вы-

шесть за ворота, схватывалась съ сосѣдкой за какую-нибудь рѣпу и, несмотря на свою хворость, такъ отламывала ей бока, какъ не сумѣть и здоровый мужикъ. Вздумалъ онъ было какую-то школу между ними завести, но отъ этого вышла такая чепуха, что онъ и голову повѣсилъ, — лучше было и не задумывать! Все это значительно охладило его рвеніе и къ хозяйству, и къ разбирательному судейскому дѣлу, и вообще къ дѣятельности. При работахъ онъ уже присутствовалъ почти безъ вниманія: мысли были далеко, глаза отыскивали посторонніе предметы. Во время покосовъ не глядѣлъ онъ на быстрое подыманье шестидесяти разомъ косъ и мѣрное паденье подъ ними, рядами, высокой травы; онъ глядѣлъ, вмѣсто того, на какой-нибудь въ сторонѣ извивъ рѣчки, по берегамъ которой ходилъ красноносый, красноногий мартынь—разумѣется, птица, а не человѣкъ; онъ глядѣлъ, какъ этотъ мартынь, поймавъ рыбу, держалъ ее вопрекъ въ носу, раздумывая, глотать или не глотать, и глядя въ то же время пристально вдоль рѣчки, гдѣ виденъ былъ другой мартынь, еще не поймавшій рыбы, но глядѣвшій пристально на мартына, уже поймавшего рыбу. Во время уборки хлѣбовъ не глядѣлъ онъ на то, какъ складывали снопы копнами, крестами, а иногда и просто шишомъ; ему не было дѣла до того, лѣниво или шибко метали стога и клали клады. Зажмуря глаза и приподнявъ голову кверху, къ пространствамъ небеснымъ, предоставлялъ онъ обонянію впитать запахъ полей, а слуху — поражаться голосами воздушнаго пѣвучаго населенія, когда оно отовсюду, отъ небесъ и отъ земли, соединяется въ одинъ хоръ, не переча другъ другу: бьетъ перепелъ, дергаетъ въ травѣ дергунъ, урчатъ и чиликаютъ перелетающія коноплянки, по невидимой воздушной лѣстницѣ сыплются трели жаворонковъ, и турлыканье журавлей, несущихся въ сторонѣ вереницею, — точный звонъ серебряныхъ трубъ, — слышится въ пустотѣ звонко сотрясающейся пустыни воздушной. Вблизи ли производилась работа—онъ былъ вдали отъ нея; была ли она вдали — его глаза отыскивали, что было поближе. И былъ онъ похожъ на того разсѣяннаго ученика, который глядитъ въ книгу, но въ то же время видитъ и фігу, подставленную ему товарищемъ. Наконецъ, и совсѣмъ пересталъ онъ ходить на работы, бросилъ совершенно и судъ, и всякія расправы, засѣлъ въ комна-

ты и пересталъ принимать къ себѣ даже съ докладами приказчика.

Временами изъ сосѣдей завернетъ къ нему, бывало, отставной гусарь-поручикъ, прокуренный насквозь трубочный куряка, или брандеръ-полковникъ, мастеръ и охотникъ на разговоры обо всемъ. Но и это стало ему надоѣдать. Разговоры ихъ начали ему казаться какъ-то поверхностными; живое, ловкое обращеніе, потрепки по колѣну и прочія развязности начали ему казаться уже черезчуръ прямыми и открытыми. Онъ рѣшился съ ними раззнакомиться и произвелъ это даже довольно рѣзко. Именно, когда представитель всѣхъ полковниковъ-брандеровъ, наипріятнѣйшій во всѣхъ поверхностныхъ разговорахъ обо всемъ, Варваръ Николаичъ Вишнепокрововъ, пріѣхалъ къ нему затѣмъ именно, чтобы наговориться вдоволь, коснувшись и политики, и философіи, и литературы, и морали, и даже состоянія финансовъ въ Англіи, онъ высказалъ сказать, что его нѣтъ дома, и въ то же время имѣлъ неосторожность показаться передъ окошкомъ. Гость и хозяинъ встрѣтились взорами. Одинъ, разумѣется, проворчалъ сквозь зубы: «скотина!» другой послалъ ему тоже нѣчто въ родѣ свиньи. Такъ и кончилось знакомство. Съ тѣхъ поръ не заѣзжалъ къ нему никто. Уединеніе полное водворилось въ домѣ. Хозяинъ залѣзъ въ халатъ безвыходно, предавши тѣло бездѣйствію, а мысль — обдумыванію большого сочиненія о Россіи. Какъ обдумывалось это сочиненіе, читатель уже видѣлъ. День приходилъ и уходилъ однообразный и безцвѣтный. Нельзя сказать, однакоже, чтобы не было минутъ, въ которыя какъ будто пробуждался онъ отъ сна. Когда привозила почта газеты, новые книги и журналы и попадалось ему въ печати знакомое имя прежняго товарища, уже преуспѣваемаго на видномъ поприщѣ государственной службы или приносившаго посильную дань наукамъ и образованію всемірному, тайная, тихая грусть подступала ему подъ сердце, и скорбная, безмолвно-грустная, тихая жалоба на бездѣйствіе свое прорывалась невольно. Тогда противной и гадкой казалась ему жизнь его. Съ необыкновенной силою воскресало предъ нимъ школьное минувшее время и предстала въ вдругъ, какъ живой, Александръ Петровичъ... Градомъ лились изъ глазъ его слезы, и рыданья продолжались почти весь день.

Что значили эти рыданья? Обнаруживала ли ими болѣющая душа скорбную тайну своей болѣзни, что не успѣлъ образоваться и окрѣпнуть начинавшій въ немъ строиться высокій внутренній человѣкъ; что, неиспытанный заранѣ въ борьбѣ съ неудачами, не достигнулъ онъ до высокаго состоянія возвышаться и крѣпнуть отъ преградъ и препятствій; что, растопившись, подобно разогрѣтому металлу, богатый запасъ великихъ ощущеній не принялъ послѣдней закалки, и теперь, безъ упругости, безсильна его воля; что слишкомъ для него рано умеръ (чудный) необыкновенный наставникъ и что нѣтъ теперь никого во всемъ свѣтѣ, кто бы былъ въ силахъ воздвигнуть и поднять шатаемые вѣчными колебаньями силы и лишенную упругости (или слабую), немощную волю,—кто бы крикнулъ живымъ, пробуждающимъ голосомъ,—крикнулъ душѣ пробуждающее слово: *впередъ!* котораго жаждетъ повсюду, на всѣхъ ступеняхъ стоящій, всѣхъ сословій, званій и промысловъ, русскій человѣкъ?

Гдѣ же тотъ, кто бы на родномъ языкѣ русской души нашей умѣлъ бы намъ сказать это всемогущее слово: *впередъ?* кто, зная всѣ силы, и свойства, и всю глубину нашей природы, однимъ чародѣйнымъ мановеньемъ могъ бы устремить на высокую жизнь русскаго человѣка? Какими слезами, какой любовью заплатилъ бы ему! Но вѣки проходятъ за вѣками; полмилліона сидней, увальней и байбаковъ дремлетъ непробудно, и рѣдко рождается на Руси мужъ, умѣющій произносить его, это всемогущее слово.

Одно обстоятельство чуть было, однакоже, не разбудило Тѣтѣтнкова и чуть было не произвело переворота въ его характерѣ. Случилось что-то въ родѣ любви, но и тутъ дѣло какъ-то свелось на ничего. Въ сосѣдствѣ, въ десяти верстахъ отъ его деревни, проживалъ генералъ, отзывавшійся, какъ мы уже видѣли, не совсѣмъ благосклонно о Тѣтѣтниковѣ. Генералъ жилъ генераломъ, хлѣбосольствовалъ, любилъ, чтобы сосѣди пріѣзжали изъяснять ему почтеніе; самъ, разумѣется, визитовъ не платилъ, говорилъ хрипло, читалъ книги и имѣлъ дочь, существо невиданное, странное, которую скорѣй можно было почестъ какимъ-то фантастическимъ видѣніемъ, чѣмъ женщиной. Иногда случается человѣку во снѣ увидѣть что-то подобное, и съ тѣхъ поръ онъ уже во всю жизнь свою грезить этимъ сновидѣніемъ.

дѣньемъ (дѣйствительность для него пропадаетъ навсегда),— и онъ рѣшительно ни на что не годится. Имя ей было Уленька. Воспиталась она какъ-то странно. Ее воспитывала англичанка-гувернантка, не знавшая ни слова по-русски. Матери лишилась она еще въ дѣтствѣ. Отцу было некогда. Впрочемъ, любя дочь до безумія, онъ могъ только избаловать ее. Необыкновенно трудно изобразить портретъ ея. Это было что-то живое, какъ сама жизнь. Она была милостивѣй, чѣмъ красавица; лучше, чѣмъ умъ; стройнѣй, воздушнѣй классической женщины. Никакъ бы нельзя было сказать, какая страна положила на ней свой отпечатокъ, потому что подобнаго профиля и очертанья лица трудно было гдѣ-нибудь отыскать, развѣ только на античныхъ камняхъ. Какъ въ ребенкѣ, воспитанномъ на свободѣ, въ ней было все своенравно. Если бы кто увидалъ, какъ внезапный гнѣвъ собиралъ вдругъ строгія морщины на прекрасномъ челѣ ея и какъ она спорила пылко съ отцомъ своимъ, онъ бы подумалъ, что это было капризнѣйшее созданье. Но гнѣвъ бывалъ у нея только тогда, когда она слышала о какой бы то ни было несправедливости или жестокомъ поступкѣ съ кѣмъ бы то ни было. Но какъ вдругъ исчезнулъ бы этотъ гнѣвъ, если бы она увидѣла того самаго, на кого гнѣвалась, въ несчастіи! Какъ бы вдругъ бросила она ему свой кошелекъ, не размышляя, умно ли это, или глупо, и разорвала на себѣ платье для перевязки, если-бъ онъ былъ раненъ! Было въ ней что-то стремительное. Когда она говорила, у ней, казалось, все стремилось вслѣдъ за мыслью: выраженье лица, выраженье разговора, движенье рукъ; самыя складки платья какъ бы летѣли въ ту же сторону, и, казалось, какъ бы она сама вотъ улетитъ во слѣдъ за собственными ея словами. Ничего не было въ ней утаеннаго. Ни предъ кѣмъ не побоялась бы она обнаружить своихъ мыслей, и никакая сила не могла бы ее заставить молчать, когда ей хотѣлось говорить. Ея очаровательная, особенная, принадлежавшая ей одной походка была до того безтрепетно-свободна, что все ей уступало бы неволью дорогу. При ней какъ-то смущался недобрый человѣкъ и нѣмѣлъ, а добрый, даже самыи застѣнчивый, могъ разговориться съ нею вдругъ, какъ съ сестрой, и— странный обманъ!—съ первыхъ минутъ разговора ему уже казалось, что гдѣ-то и когда-то онъ зналъ ее, что случи-

лось это во дни какого-то незапамятного младенчества, въ какомъ-то родномъ домѣ, веселымъ вечеромъ, при радостныхъ играхъ дѣтской толпы, и послѣ того какъ-то становился ему скучнымъ разумный возрастъ человѣка.

Андрей Ивановичъ Тѣнтѣтниковъ не могъ бы никакъ разсказать, какъ это случилось, что съ перваго же дня онъ сталъ съ ней такъ, какъ бы знакомъ былъ вѣчно. Непонятное, новое чувство вошло къ нему въ душу. Его жизнь на мгновенье озарилась. Халатъ на время былъ оставленъ, не такъ долго копался онъ на кровати, не такъ долго стоялъ Михайло съ рукомышкой въ рукахъ. Растворялись окна въ комнатахъ, и часто владѣтель картиннаго помѣстья долго ходилъ по темнымъ излучинамъ своего сада и останавливался по часамъ передъ плѣнительными видами на отдаленія. Генераль принималъ сначала Тѣнтѣтникова довольно хорошо и радушно, но совершенно сойтись они не могли. Разговоры у нихъ всегда оканчивались споромъ и какимъ-то неприятнымъ ощущеньемъ съ обѣихъ сторонъ. Генераль не любилъ противорѣчья и возраженія, хотя въ то же время любилъ поговорить даже и о томъ, чего не зналъ вовсе. Тѣнтѣтниковъ, съ своей стороны, тоже былъ человѣкъ щекотливый. Впрочемъ, ради дочери, прощалось многое отцу, и миръ у нихъ держался до тѣхъ поръ, покуда не пріѣхали гостить къ генералу родственницы, графиня Болдырева и княжна Юзякина: одна—вдова, другая—старая дѣвка, обѣ фрейлины прежнихъ временъ, отчасти болтуньи, отчасти сплетницы, не весьма обворожительныя любезностью своєю, но, однакоже, имѣвшія значительныя связи въ Петербургѣ, и передъ которыми генераль немножко даже подличалъ. Тѣнтѣтникову показалось, что, съ самаго дня пріѣзда ихъ, генераль сталъ къ нему какъ-то холоднѣе, почти не замѣчалъ его и обращался какъ съ лицомъ безсловеснымъ или съ чиновникомъ, употребляемымъ для переписки, самымъ мелкимъ. Онъ говорилъ ему то *братецъ*, то *любезнѣйшій*, и одинъ разъ сказалъ ему даже *ты*. Андрей Ивановича взорвало; кровь бросилась ему въ голову. Скрѣпя сердце и стиснувъ зубы, онъ, однакоже, имѣлъ присутствіе духа сказать необыкновенно учтивымъ и мягкимъ голосомъ, между тѣмъ какъ пятна выступили на лицѣ его и все внутри кипѣло: «Я долженъ благодарить васъ, генераль, за ваше

расположеніе. Вы приглашаете и вызываете меня словомъ *ты* на самую тѣсную дружбу, обязывая и меня также говорить вамъ *ты*. Но позвольте вамъ замѣтить, что я помню различіе наше въ лѣтахъ, совершенно препятствующее такому фамиллярному между нами обращенію». Генераль смутился. Собирая слова и мысли, сталъ онъ говорить, хотя нѣсколько несвязно, что слово *ты* было имъ сказано не въ томъ смыслѣ, что старику иной разъ позволительно сказать молодому человѣку *ты* (о чинѣ своемъ онъ не упомянулъ ни слова). Разумѣется, съ этихъ поръ знакомство между ними прекратилось. Любовь кончилась при самомъ началѣ; потухнулъ свѣтъ, на минуту было передъ нимъ блеснувшій, и послѣдовавшій за нимъ сумерки стали еще сумрачнѣй. Байбакъ сызнава залѣзъ въ халатъ свой. Все поворотило сызнава на лежанье и бездѣйствіе. Въ домѣ завелись гадость и безпорядокъ: половая щетка оставалась по цѣлому дню посреди комнаты вмѣстѣ съ соромъ; панталоны заходили даже въ гостиную; на щеголеватомъ столѣ, передъ диваномъ, лежали засаленныя подтяжки, точно угощенье гостю. И до того стала ничтожной и сонной его жизнь, что не только перестали уважать его дворовые люди, но даже чуть не клевали домашнія куры. Безсильно чертилъ онъ на бумагѣ, по цѣлымъ часамъ, рогульки, домики, избы, телѣги, тройки, или же выписывалъ *Милостивый Государи!* съ восклицательнымъ знакомъ всѣми почерками и характерами. А иногда же, все позабывши, перо чертило само собой, безъ вѣдома хозяина, маленькую головку, съ тонкими, острыми чертами, съ приподнятой легкой прядью волосъ, упавшей изъ-подъ гребня длинными тонкими кудрями, молодыми обнаженными руками, какъ бы летѣвшую,—и въ изумленнѣ видѣлъ хозяинъ, что выходилъ портретъ той, съ которой портрета не могъ бы написать никакой живописецъ. И еще грустнѣе становилось ему потомъ, и, вѣря тому, что нѣтъ на землѣ счастья, оставался онъ на цѣлый день скучнымъ и безотвѣтнымъ.

Таковы были обстоятельства Андрея Ивановича Тѣнтѣтникова. Вдругъ въ одинъ день, подходя къ окну обычнымъ порядкомъ, съ трубкой и чашкой въ рукахъ, замѣтилъ онъ во дворѣ движенье и нѣкоторую суету. Поварченокъ и поломойка бѣжали отворять ворота, и въ воротахъ показались кони, точь-въ-точь, какъ лѣпятъ иль рисуютъ ихъ на триум-

фальныхъ воротахъ: морда направо, морда налѣво, морда посерединѣ. Свыше ихъ, на козлахъ — кучеръ и лакей въ широкомъ скуртухѣ, подвязанный носовымъ платкомъ; за ними господинъ въ картузѣ и шинели, закутанный въ косынку радужныхъ цвѣтовъ. Когда экипажъ изворотился передъ крыльцомъ, оказалось, что былъ онъ не что другое, какъ рессорная легкая бричка. Господинъ необыкновенно приличной наружности соскочилъ на крыльцо съ быстротой и ловкостью почти военного человѣка.

Андрей Ивановичъ струсилъ. Онъ принялъ его за чиновника отъ правительства. Надобно сказать, что въ молодости своей онъ было замѣшался въ одно неразумное дѣло. Какіе-то философы изъ гусаръ, да недоучившійся студентъ, да промотавшійся игрокъ затѣяли какое-то филантропическое общество, подъ верховнымъ распоряженіемъ стараго плута и масона, и карточного игрока, пьяницы и краснорѣчивѣйшаго человѣка. Общество было устроено съ необыкновенно обширной цѣлью — доставить счастье всему человѣчеству. Касса денегъ потребовалась огромная, пожертвованья собирались съ великодушныхъ членовъ неимовѣрныя. Куда это все пошло — знали объ этомъ только одинъ верховный распорядитель. Въ общество это втянули его два пріятеля, принадлежавшіе къ классу огорченныхъ людей, добрые люди, но которые отъ частыхъ тостовъ во имя науки, просвѣщенія и прогресса сдѣлались потомъ горькими пьяницами. Тѣнѣтниковъ скоро спохватился и выбылъ изъ этого круга. Но общество успѣло уже запутаться въ какихъ-то другихъ дѣйствіяхъ, даже не совсѣмъ приличныхъ дворянину, такъ что потомъ завязались дѣла и съ полиціей... А потому не мудрено, что и вышедши, и разорвавши всякія сношенія съ благодѣтелемъ человѣчества, Тѣнѣтниковъ не могъ, однакоже, оставаться покоенъ: на совѣсти у него было не совсѣмъ ловко. И теперь не безъ страха глядѣлъ онъ на долженствовавшую раствориться дверь.

Страхъ его, однакоже, прошелъ вдругъ, когда гость раскланялся съ ловкостью неимовѣрной, сохраняя почтительное положеніе головы нѣсколько на-бокъ. Въ короткихъ, но опредѣлительныхъ словахъ изъяснилъ, что уже издавна ѣздитъ онъ по Россіи, побуждаемый и потребностями, и любознательностью; что государство наше препозобилуетъ предметами замѣчательными, не говоря ужъ о красотѣ мѣстъ,

объ обилии промысловъ и разнообразіи почвъ; что онъ увлекся картинностью мѣстоположенія его деревни; что, несмотря, однакоже, на картинность мѣстоположенія, онъ не дерзнулъ бы никакъ обезпокоить его неумѣстнымъ заѣздомъ своимъ, если бы не случилось что-то въ бричку его, требующее (искусной) руки помощи со стороны кузнецовъ и мастеровъ; что при всемъ томъ, однакоже, если бы даже и ничего не случилось въ его бричку, онъ бы не могъ отказать себѣ въ удовольствіи засвидѣтельствовать ему лично свое почтеніе. Окончивъ рѣчь, гость, съ обворожительной пріятностью подшаркнувъ ножкой, отпрыгнулъ тутъ же нѣсколько назадъ съ легкостью резиннаго мячика.

Андрей Ивановичъ подумалъ, что это долженъ быть какой-нибудь любознательный ученый профессоръ, который ѣздитъ по Россіи затѣмъ, чтобы собирать какія-нибудь растенія или даже предметы ископаемые. Онъ изъяснилъ ему всякую готовность споспѣшествовать; предложилъ ему своихъ мастеровъ, колесниковъ и кузнецовъ для поправки брички; просилъ расположиться у него какъ въ собственномъ домѣ; усадилъ обходительнаго гостя въ большія вольтеровскія [кресла] и приготовился слушать его разсказъ, безъ сомнѣнія, объ ученыхъ предметахъ и естественныхъ.

Гость, однакоже, коснулся больше событій внутренняго міра. Заговорилъ о превратностяхъ судьбы; уподобилъ жизнь свою судну посреди морей, гонимому отовсюду вѣтрами; упомянулъ о томъ, что долженъ былъ переимѣнить много мѣстъ и должностей, что много потерялъ за правду, что даже самая жизнь его была не разъ въ опасности со стороны враговъ, и много еще разсказалъ онъ такого, изъ чего Тѣн-тѣтниковъ могъ видѣть, что гость его былъ скорѣе практическій человѣкъ. Въ заключеніе всего, онъ высморкался въ бѣлый батистовый платокъ такъ громко, какъ Андрей Ивановичъ еще и не слыхивалъ. Подчасъ попадаетъ въ оркестръ такая пройдоха-труба, которая когда хватить, покажется, что крикнуло не въ оркестръ, но въ собственномъ ухѣ: точно такой же звукъ раздался въ пробужденныхъ покояхъ дремавшаго дома, и немедленно вслѣдъ за нимъ воспослѣдовало благоуханье одеколона, невидимо распространенное ловкимъ встряхнутомъ носового батистоваго платка.

Читатель, можетъ-быть, уже догадался, что гость былъ не

другой кто, какъ нашъ почтенный, давно нами оставленный Павелъ Ивановичъ Чичиковъ. Онъ немножко постарѣлъ: какъ видно, не безъ бурь и тревогъ было для него это время. Казалось, какъ бы и самый фракъ на немъ немножко поустарѣлъ, и бричка, и кучеръ, и слуга, и лошади, и упряжь какъ бы поистерлись и поизносились. Казалось, какъ бы и самые финансы не были въ завидномъ состояніи. Но выраженіе лица, приличье, обхожденіе остались тѣ же. Даже, казалось, какъ бы еще пріятнѣе сталъ онъ въ поступкахъ и оборотахъ. Еще ловче подвертывалъ подъ ножку ножку, когда садился въ кресла; еще болѣе было мягкости въ выговорѣ рѣчей, осторожной умѣренности въ словахъ и выраженіяхъ, болѣе умѣнья держать себя и болѣе такту во всемъ. Бѣлѣй и чище снѣговъ были на немъ воротнички и манишка, и, несмотря на то, что былъ онъ съ дороги, ни цупинки не сѣло къ нему на фракъ,—хоть на именинный обѣдъ! Щеки и подбородокъ выбриты были такъ ровно и гладко, что одинъ (развѣ только) слѣпой могъ не полюбоваться пріятной выпуклостью и круглотою ихъ.

Въ домѣ тотъ же часъ произошло преобразование. Половина его, дотолѣ пребывавшая въ слѣпотѣ, съ заколоченными ставнями, вдругъ прозрѣла и озарилась. Изъ брички стали выносить поклажу; все начало размѣщаться въ освѣтившихся комнатахъ и скоро все приняло такой видъ: комната, опредѣленная быть спальней, вмѣстила въ себѣ вещи, необходимыя для ночного туалета; комната, опредѣленная быть кабинетомъ... Но прежде необходимо знать, что въ этой комнатѣ было три стола: одинъ письменный — передъ диваномъ, другой ломберный—между окнами у стѣны, третій угольный—въ углу, между дверью въ спальню и дверью въ необитаемый залъ съ инвалидною мебелью. На этомъ угольномъ столѣ помѣстилось вынутое изъ чемодана платье, а именно: панталоны (старые и новые) подъ фракъ, панталоны подъ сюртукъ, панталоны сѣренкіе, два бархатныхъ жилета и два атласныхъ, сюртукъ и два фрака. (Жилеты же бѣлаго пике и лѣтнія брюки отошли къ бѣлью въ комодъ). Все это размѣстилось одинъ на другомъ пирамидкой и прикрылось сверху носовымъ шелковымъ платкомъ. Въ другомъ углу, между дверью и окномъ, выстроились рядкомъ сапоги: сапоги не совсѣмъ новые, сапоги со-

всѣмъ новыя, сапоги съ новыми головками и лакированные полусапожки. Они также стыдливо занавѣсились шелковымъ носовымъ платкомъ, — такъ, какъ бы ихъ тамъ вовсе не было. На столѣ предъ двумя окнами помѣстилась шкатулка. На письменномъ столѣ передъ диваномъ — портфель, банка съ одеколономъ, сургучъ, зубныя щетки, новый календарь и два какіе-то романа, оба вторые тома. Чистое бѣлье (все) помѣстилось въ комодѣ, уже находившемся въ спальнѣ: бѣлье же, которое слѣдовало прачкѣ, завязано было въ узелъ и подсунуто подъ кровать. Чемоданъ, по опростаньи его, былъ тоже подсунутъ подъ кровать. Сабля помѣстилась также въ спальнѣ, повиснувши на гвоздѣ, недалеко отъ кровати. Та и другая комната приняли видъ чистоты и опрятности необыкновенной: нигдѣ ни бумажки, ни перышка, ни соринки. Самый воздухъ какъ-то облагородился: въ немъ утвердился пріятный запахъ здороваго, свѣжаго мужчины, который бѣлья не занашиваетъ, въ баню ходитъ и вытираетъ себя мокрой губкой по воскреснымъ днямъ. Въ вестибюльной комнатѣ покушался было утвердиться на время запахъ слугителя Петрушки, но Петрушка скоро перемѣщенъ былъ на кухню, какъ оно и слѣдовало.

Въ первые дни Андрей Ивановичъ опасался за свою независимость, чтобы какъ-нибудь гость не связалъ его, не стѣснилъ какими-нибудь измѣненіями въ образѣ жизни, и не разрушился бы порядокъ дня его, такъ удачно заведенный. Но опасенія были напрасны. Гость показалъ необыкновенно гибкую способность приспособиться ко всему. Одобрилъ философическую неторопливость хозяина, сказавши, что она общаетъ столѣтнюю жизнь. Объ уединеніи (тоже) выразился весьма счастливо — именно, что оно питаетъ великія мысли въ человѣкѣ. Взглянувъ на библіотеку и отозвавшись съ похвалою о книгахъ вообще, замѣтилъ, что онѣ спасаютъ отъ праздности человѣка. Словомъ, выронилъ словъ не много, но значительныхъ. Въ поступкахъ же своихъ поступалъ еще болѣе кстати: въ-время являлся, въ-время уходилъ; не затруднялъ хозяина запросами въ часы неразговорчивости его; съ удовольствіемъ игралъ съ нимъ въ шахматы, съ удовольствіемъ молчалъ. Въ то время, когда первый пускалъ кудреватыми облаками трубочный дымъ, другой, не куря трубки, придумывалъ соотвѣтствовавшее тому занятіе: вынималъ, напримѣръ, изъ кармана

серебряную съ чернью табакерку и, утвердивъ ее между двухъ пальцевъ лѣвой руки, оборачивалъ ее быстро пальцемъ правой, въ подобіе того, какъ земная сфера обращается около своей оси, или же, просто, барабанилъ по ней пальцами, насвистывая какое-нибудь ни то, ни сѣ. Словомъ, онъ не мѣшалъ хозяину никакъ. «Я въ первый разъ вижу челоѡѡка, съ которымъ можно жить», говорилъ про себя Тѣнтѣтниковъ. «Вообще этого искусства у насъ мало. Между нами есть довольно людей и умныхъ, и образованныхъ, и добрыхъ, но людей постоянно пріятныхъ, людей постоянно ровнаго характера, людей, съ которыми можно прожить вѣкъ и не поссориться,—я не знаю, много ли у насъ можно отыскать такихъ людей! Вотъ первый, единственный челоѡѡкъ, котораго я вижу!» Такъ отзывался Тѣнтѣтниковъ о своемъ гостѣ.

Чичиковъ, съ своей стороны, былъ очень радъ, что поселился на время у такого мирнаго и смирнаго хозяина. Цыганская жизнь ему надоѣла. Пріотдохнуть, хотя на мѣсяцъ, въ прекрасной деревнѣ, въ виду полей и начинавшейся весны, полезно было даже и въ геморроидальномъ отношеніи.

Трудно было найти лучшій уголокъ для отдохновенія. Весна убрала его красотой несказанной. Чтѡ яркости въ зелени! Чтѡ свѣжести въ воздухѣ! Чтѡ птичьяго крику въ садахъ! Рай, радость и ликование всего! Деревня звучала и пѣла, какъ будто новорожденная.

Чичиковъ ходилъ много. То направлялъ онъ прогулку свою по плоской вершинѣ возвышеній (держась краевъ), въ виду разстилавшихся вдали долинъ, по которымъ вездѣ оставались еще большія озера отъ разлитія воды; или же вступалъ въ овраги, — гдѣ едва начинавшія убираться листьями, отягченныя птичьими гнѣздами дерева и узкая просинь чернѣли отъ перекрестнаго летанья, густыми стаями, воронъ, — оглушаемые карканьемъ воронъ, разговорами галокъ и граньями грачей *); или же спускался внизъ къ

*) Все это мѣсто въ рукописи перечеркнуто и не получило окончательной отдѣлки. Означая курсивомъ слова, написанныя позднѣе сверху строкъ, и заключая въ скобки зачеркнутыя, передаемъ это мѣсто въ близкомъ по возможности видѣ къ тому, какой оно имѣетъ въ рукописи: «или же вступая въ *овраги* въ лѣсныхъ овраги, *идя* (едва начинавшихся) убираться листьями (лѣсовъ, усѣянные воронья...) *деревя*,

поёмнымъ мѣстамъ и разорваннымъ плотинамъ — глядѣть, какъ съ оглушительнымъ шумомъ неслась повергаться вода на мельничныя колеса; или же пробирался далѣ къ пристани, откуда неслись, вмѣстѣ съ теченіемъ воды, первыя суда, нагруженныя горохомъ, овсомъ, ячменемъ и пшеницей; или отправлялся въ поля на первыя весеннія работы — глядѣть, какъ свѣжая оранъ черной полосой проходила по зелени, или же какъ ловкій сѣятель бросалъ изъ горсти сѣмена, ровно, мѣтко, ни зернышка не передавши на ту или другую сторону. Толковалъ и говорилъ и съ приказникомъ, и съ мужикомъ, и мельникомъ — что, и какъ, и каковыхъ урожаевъ нужно ожидать, и на какой ладъ идетъ у нихъ запашка, и на сколько хлѣба продается, и что выбираютъ весной и осенью за умолъ муки, и какъ зовутъ каждаго мужика, и кто съ кѣмъ въ родствѣ, и гдѣ купить корову, и чѣмъ кормитъ свинью, словомъ — все. Узналъ и то, сколько перемерло мужиковъ. Оказалось, немного. Какъ умный человѣкъ, замѣтилъ онъ вдругъ, что незavidно идетъ хозяйство у Тѣнтѣтнкова: повсюду упущенія, нерадѣнье, воровство, не мало и пьянства. И мысленно говорилъ онъ въ себѣ: «Какая, однакоже, скотина Тѣнтѣтнковъ! Запустить имѣніе, которое могло бы приносить, по малой мѣрѣ, пятьдесятъ тысячъ годового доходу!» И, не будучи въ силахъ удержать справедливаго негодованья, повторялъ онъ: «Рѣшительно скотина!» Не разъ, посреди такихъ прогулокъ, приходило ему на мысль сдѣлаться когда-нибудь самому, — т.-е., разумѣется не теперь, но послѣ, когда обдѣлается главное дѣло и будутъ средства въ рукахъ, — сдѣлаться самому мирнымъ владѣльцемъ подобнаго помѣстья. Тутъ обыкновенно представлялась ему молодая хозяйка, свѣжая, бѣлолицая бабенка, можетъ-быть, даже изъ купческаго сословія, впрочемъ, однакоже, образованная и воспитанная такъ, какъ и дворянка, — чтобы понимала и музыку, хотя, конечно, музыка и не главное, но почему же, если уже такъ заведено, зачѣмъ же идти противъ общаго мнѣнія? Представлялось ему и молодое поколѣніе, долженствовавшее увѣковѣчить фамилію Чичиковыхъ: рѣзвунчикъ-

отягченныя титчими гвѣздами (дерева и узкая просинь чернѣла отъ перекрестнаго летанья густыми стаями воронъ, оглушая оглушенными карканьемъ воронъ, разговорами галокъ и грачами (перекрестными летаньями, позрачавшими небо)».

Ред.

мальчишка и красавица-дочка, или даже два мальчугана, двѣ и даже три дѣвочки, чтобы было всѣмъ извѣстно, что онъ дѣйствительно жилъ и существовалъ, а не то, что пропелъ по землѣ какой-нибудь тѣнью или призракомъ, — чтобы не было стыдно и передъ отечествомъ. Представлялось ему даже и то, что не дурно бы и къ чину нѣкоторое приращеніе: статскій совѣтникъ, напримѣръ, чинъ почтенный и уважительный... И много приходило ему въ голову того, что такъ часто уноситъ человѣка отъ скучной настоящей минуты, теребитъ, дразнитъ, шевелитъ его и бываетъ ему любо даже и тогда, когда увѣренъ онъ самъ, что это никогда не сбудется.

Людямъ Павла Ивановича деревня тоже понравилась. Они такъ же, какъ и онъ, обжились въ ней. Петрушка сошелся очень скоро съ буфетчикомъ Григоріемъ, хотя сначала они оба важничали и дулись другъ передъ другомъ нестерпимо. Петрушка пустилъ Григорію пыль въ глаза тѣмъ, что онъ бывалъ въ Костромѣ, Ярославлѣ, Нижнемъ и даже въ Москвѣ; Григорій же осадилъ его сразу Петербургомъ, въ которомъ Петрушка не былъ. Послѣдній хотѣлъ было подняться и выѣхать на дальности разстояній тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ онъ бывалъ; но Григорій назвалъ ему такое мѣсто, какого ни на какой картѣ пельзя было отыскать, и насчиталъ тридцать тысячъ слишкомъ верстъ, такъ что Петрушка осовѣлъ, разинулъ ротъ и былъ поднятъ на смѣхъ тутъ же всею дворней. Впрочемъ, дѣло кончилось между ними самой тѣсной дружбой: дядя лысый Пимень держалъ въ концѣ деревни знаменитый кабакъ, которому имя было «Акулька»; въ этомъ заведеніи видѣли ихъ всѣ часы дня. Тамъ стали они свои друзья, или то, что называютъ въ народѣ—кабацкіе завсегдатели.

У Селифана была другого рода приманка. На деревнѣ, что ни вечеръ, пѣлись пѣсни, заплетались и расплетались хороводы. Породистыя, стройныя дѣвки, какихъ было трудно найти въ другомъ мѣстѣ, заставляли его по нѣсколькимъ часамъ стоять вороной. Трудно было сказать, которая лучше: всѣ блѣгрудыя, блѣошейныя; у всѣхъ глаза рѣной, у всѣхъ глаза съ поволокой, походка павлиномъ и коса до пояса. Когда, взявшись обѣими руками за бѣлыя руки, медленно двигался онъ съ ними въ хороводѣ или же выходилъ на нихъ стѣной, въ ряду другихъ парней, и погасалъ горячо

рабѣющій вечеръ, и тихо померкала вокругъ окольность, и далече за рѣкой отдавался вѣрный отголосокъ неизмѣнно грустнаго напѣва — не зналъ онъ и самъ тогда, что съ нимъ дѣлалось. Долго потомъ во снѣ и наяву, утромъ и въ сумерки, все мерещилось ему, что въ обѣихъ рукахъ его бѣлыя руки и движется онъ съ ними въ хороводъ... Махнувъ рукой, говорилъ онъ: «Проклятыя дѣзлы дѣвки!»

Конямъ Чичикова понравилось тоже новое жилище. И коренной, и пристяжной каурой масти, называемый Засѣдателемъ, и самый чубарый, о которомъ выражался Селифанъ: «подлецъ-лошадь», нашли пребываніе у Тѣтѣтникова совсѣмъ пескучнымъ, овесъ отличнымъ, а расположеніе конюшенъ необыкновенно удобнымъ: у всякаго стойло, хотя и отгороженное, но черезъ перегородки можно было видѣть и другихъ лошадей, такъ что, если бы пришла кому-нибудь изъ нихъ, даже самому дальнему, фантазія вдругъ заржать, то можно было ему отвѣтствовать тѣмъ же тотъ же часъ.

Словомъ, всѣ обжились, какъ дома. Читатель, можетъ-быть, изумляется, что Чичиковъ доселѣ не заикнулся по части извѣстныхъ душъ. Какъ бы не такъ! Павелъ Ивановичъ сталъ очень остороженъ насчетъ этого предмета. Если бы даже пришлось вести дѣло съ дураками круглыми, онъ бы и тутъ не вдругъ его началъ. Тѣтѣтниковъ же, какъ бы то ни было, читаетъ книги, философствуетъ, старается изъяснить себѣ всякія причины всего — и отчего, и почему... «Нѣтъ, чортъ его возьми! развѣ начать съ друтого конца?» Такъ думалъ Чичиковъ. Раздобарывая по часту съ дворовыми людьми, онъ, между прочимъ, отъ нихъ развѣдалъ, что баринъ ѣздилъ прежде довольно перѣдко къ сосѣду-генералу, что у генерала барышня, что баринъ было къ барышнѣ, да и барышня тоже къ барину... но потомъ вдругъ за что-то не поладили и разошлись. Онъ замѣтилъ и самъ, что Андрей Ивановичъ карандашомъ и перомъ все рисовалъ какія-то головки, одна на другую похожія. Одинъ разъ (скоро) послѣ обѣда, оборачивая, по обыкновенію, пальцемъ серебряную табакерку вокругъ ся оси, сказалъ онъ такъ: «У васъ все есть, Андрей Ивановичъ; одного только недостаетъ». — «Чего?» спросилъ тотъ, выпуская кудреватый дымъ. — «Подруги жизни», сказалъ Чичиковъ. Ничего не сказалъ Андрей Ивановичъ; тѣмъ разговоръ и

кончился. Чичиковъ не смутился, выбралъ другое время, уже передъ ужиномъ, и, разговаривая о томъ и о семъ, сказалъ вдругъ: «А право, Андрей Ивановичъ, вамъ бы очень не мѣшало жениться». Хоть бы слово сказалъ на это Тѣнѣтниковъ, точно какъ бы и самая рѣчь объ этомъ была ему непріятна. Чичиковъ не смутился. Въ третій разъ выбралъ онъ время, уже послѣ ужина, и сказалъ такъ: «А все-таки, какъ ни переверочу обстоятельства ваши, вижу, что нужно вамъ жениться: впадете въ ипохондрію». Слова ли Чичикова были на этотъ разъ такъ убѣдительны, или же расположеніе духа у Андрея Ивановича было какъ-то особенно настроено къ откровенности, — онъ вздохнулъ и сказалъ, пустивши кверху трубочный дымъ: «На все нужно родиться счастливымъ, Павелъ Ивановичъ». И рассказалъ все, какъ было, всю исторію знакомства съ генераломъ и разрыва.

Когда слышалъ Чичиковъ, отъ слова до слова, все дѣло и увидѣлъ, что изъ-за одного слова *ты* произошла такая исторія, онъ оторопѣлъ. Нѣсколько минутъ смотрѣлъ пристально въ глаза Тѣнѣтникова и заключилъ: «Да онъ, просто, круглый дуракъ!»

«Андрей Ивановичъ, помилуйте!» сказалъ онъ, взявши его за обѣ руки: «какое-жъ оскорбленіе? что-жъ тутъ оскорбительнаго въ словѣ *ты*?»

«Въ самомъ словѣ нѣтъ ничего оскорбительнаго», сказалъ Тѣнѣтниковъ: «но въ смыслѣ слова, но въ голосѣ, съ которымъ сказано оно, заключается оскорбленіе. *Ты!* — это значить: «помни, что ты дрянъ; я принимаю тебя потому только, что нѣтъ никого лучше, а пріѣхала какая-нибудь княжна Юзякина, — ты знай свое мѣсто, стой у порога». Вотъ что это значить!» Говоря это, смиренный и кроткій Андрей Ивановичъ засверкалъ глазами; въ голосѣ его слышалось раздраженіе оскорбленнаго чувства.

«Да хоть бы даже и въ этомъ смыслѣ, — что-жъ тутъ такого?» сказалъ Чичиковъ.

«Какъ?» сказалъ Тѣнѣтниковъ, смотря пристально въ глаза Чичикову: «вы хотите, чтобы [я] продолжалъ бывать у него послѣ такого поступка?»

«Да какой же это поступокъ? это даже не поступокъ!» сказалъ Чичиковъ.

«Какой странный человекъ этотъ Чичиковъ!» подумаль про себя Тѣнтѣтниковъ.

«Какой странный человекъ этотъ Тѣнтѣтниковъ!» подумаль про себя Чичиковъ.

«Это не поступокъ, Андрей Ивановичъ. Это, просто, генеральская привычка: они всѣмъ говорятъ *ты*. Да, впрочемъ, почему этого и не позволить заслуженному, почтенному человеку?»

«Это другое дѣло», сказалъ Тѣнтѣтниковъ. «Если бы онъ былъ старикъ, бѣднякъ, не гордъ, не чванливъ, не генераль, я бы тогда позволилъ ему говорить мнѣ *ты* и принялъ бы даже почтительно».

«Онъ совсѣмъ дуракъ!» подумаль про себя Чичиковъ. «Оборвышу позволить, а генералу не позволить!» И, вслѣдъ за такимъ размышленьемъ, такъ возразилъ ему вслухъ: «Хорошо; положимъ, онъ васъ оскорбилъ, за то вы и покупились съ нимъ: онъ вамъ, и вы ему. Но разставаться навсегда изъ пустяка,—помилуйте, на что же это похоже? Какъ же оставлять дѣло, которое только-что началось? Если уже избрана цѣль, такъ тутъ уже нужно идти на-проломъ. Что тутъ глядѣть на то, что человекъ плюется! Человекъ всегда плюется; да вы не отыщете теперь ни одного человека въ свѣтѣ, который бы не плевался».

Тѣнтѣтниковъ совершенно озадачился этими словами, оторопѣлъ, глядѣлъ въ глаза Павлу Ивановичу и думаль про себя: «Престранный, однакожъ, человекъ этотъ Чичиковъ!»

«Какой, однакоже, чудакъ этотъ Тѣнтѣтниковъ!» думаль между тѣмъ Чичиковъ. «Позвольте мнѣ какъ-нибудь обдѣлать это дѣло», сказалъ онъ вслухъ. «Я могу съѣздить къ его превосходительству и объясню, что случилось это съ вашей стороны по недоразумѣнію, по молодости и незнанью людей и свѣта».

«Подличать передъ нимъ я не намѣренъ!» сказалъ сильно Тѣнтѣтниковъ.

«Сохрани Богъ подличать!» сказалъ Чичиковъ и перекрестился. «Подѣйствовать словомъ увѣщанья, какъ благо-разумный посредникъ, но подличать... извините, Андрей Ивановичъ, за мое доброе желанье и преданность, я даже не ожидалъ, чтобы слова принимали вы въ такомъ обидномъ смыслѣ!»

«Простите, Павелъ Ивановичъ, я виноватъ!» сказалъ тронутый Тѣнтѣтниковъ, схвативши признательно обѣ его руки. «Ваше доброе участіе мнѣ дорого, клянусь! Но оставимъ этотъ разговоръ, не будемъ больше никогда объ этомъ говорить!»

«Въ такомъ случаѣ я поѣду, просто, къ генералу безъ причины», сказалъ Чичиковъ.

«Зачѣмъ?» спросилъ Тѣнтѣтниковъ, въ недоумѣніи смотря на Чичикова.

«Засвидѣтельствовать почтеніе», сказалъ Чичиковъ.

«Какой странный человѣкъ этотъ Чичиковъ!» подумалъ Тѣнтѣтниковъ.

«Какой странный человѣкъ этотъ Тѣнтѣтниковъ!» подумалъ Чичиковъ.

«Такъ какъ моя бричка», сказалъ Чичиковъ: «не пришла еще въ надлежащее состояніе, то позвольте мнѣ взять у васъ коляску. Я бы завтра же, такъ около десяти часовъ, къ нему съѣздить».

«Помилуйте, что за просьба! Вы — полный господинъ, выбирайте, какой хотите, экипажъ: все въ вашемъ распоряженіи».

Они простились и разошлись спать, не безъ разсужденія о странностяхъ другъ друга.

Чудная, однакоже, вещь: на другой день, когда подали Чичикову лошадей и вскочилъ онъ въ коляску, съ легкостью почти военного человѣка, одѣтый въ новый фракъ, бѣлый галстукъ и жилетъ, и покатился свидѣтельствовать почтеніе генералу, — Тѣнтѣтниковъ пришелъ въ такое волненіе духа, какого давно не испытывалъ. Весь этотъ ржавый и дремлющій ходъ его мыслей превратился въ дѣйтельно-безпокойный. Возмущеніе нервическое обуяло вдругъ всѣми чувствами доселѣ погруженнаго въ безпечную лѣнь байбака. То садился онъ на диванъ, то подходилъ къ окну, то принимался за книгу, то хотѣлъ мыслить. Безуспѣшное хотѣнье! Мысль не лѣзла къ нему въ голову. То старался ни о чемъ не мыслить. Безуспѣшное стараніе. Отрывки чего-то похожаго на мысли, концы и хвостики мыслей лѣзли и отовсюду наклевывались къ нему въ голову. «Странное состоянье!» сказалъ онъ и придвинулся къ окну — глядѣть на дорогу, прорѣзавшую дуброву, въ концѣ которой еще курилась, не успѣвшая улечься, пыль, подня-

тая уѣхавшей коляской. Но оставимъ Тѣтитѣвникова и по-
слѣдуемъ за Чичиковымъ.

ГЛАВА II.

Въ полчаса съ небольшимъ кони пронесли Чичикова
черезъ десятиверстное пространство—сначала дубовую, по-
томъ хлѣбами, начинавшими зеленѣть посреди свѣжей орани,
потомъ горной окраиной, съ которой поминутно открыва-
лись виды на отдаленія, — и наконецъ, широкою аллеєю
раскидистыхъ липъ внесли его въ генеральскую деревню.
Аллея липъ превратилась въ аллею тополей, огороженныхъ
снизу плетеными коробками, и уперлась въ чугунныя сквоз-
ныя ворота, сквозь которыя глядѣлъ кудряво-великолѣпный
рѣзной фронтонъ генеральскаго дома, опиравшійся на во-
семь колоннъ съ коринѣскими капителями. Пахнуло повсюду
масляной краской, которою непрерывно обновлялось все,
ничему не давая состарѣться. Дворъ чистотой подобенъ
былъ паркету. Подкативши къ подъѣзду, Чичиковъ съ по-
чтеньемъ соскочилъ на крыльцо, приказалъ о себѣ доло-
жить и былъ введенъ прямо въ кабинетъ.

Генераль поразилъ его величественной наружностью. Онъ
былъ на ту пору въ атласномъ малиновомъ халатѣ. Откры-
тый взглядъ, лицо мужественное, бакенбарды и большіе усы
съ просѣдью, стрижка низкая, а на затылкѣ даже подъ
гребенку, шея толстая, широкая, такъ-называемая въ три
этажа (въ три складки съ трещиной поперекъ), голосъ —
басъ съ нѣкоторою охрипью, движенія генеральскія. Гене-
раль Бетрищевъ, какъ и всѣ мы грѣшныя, былъ одаренъ
многими достоинствами и многими недостатками. То и дру-
гое, какъ случается въ русскомъ человѣкѣ, было набросано
въ немъ въ какомъ-то картинномъ безпорядкѣ: самопо-
жертвованье, великодушье, въ рѣшительныя минуты хра-
брость, умъ и ко всему этому—изрядная подмѣсь себялюбыя,
честолюбья, самолюбья, мелочной щекотливости личной и
многого того, безъ чего уже не обходится человѣкъ. Всѣхъ,
которые ушли впередъ его по службѣ, онъ не любилъ, вы-
ражался о нихъ ѣдко, въ сардоническихъ, колкихъ эниграм-
махъ. Всего больше доставалось отъ него его прежнему со-
товарищу, котораго считалъ онъ ниже себя и умомъ, и спо-
собностями, и который, однакоже, обогналъ его и былъ уже

генераль-губернаторомъ двухъ губерній, въ одной изъ которыхъ находились его помѣстья, такъ что онъ очутился какъ бы въ зависимости отъ него. Въ отместку, извиль онъ его при всякомъ случаѣ, критиковалъ всякое распоряженіе и видѣлъ во всѣхъ мѣрахъ и дѣйствіяхъ его верхъ неразумія. Несмотря на доброе сердце, генераль былъ насмѣшливъ. Вообще говоря, онъ любилъ первенствовать, любилъ энміамъ, любилъ блеснуть и похвастаться умомъ, любилъ знать то, чего другіе не знаютъ, и не любилъ тѣхъ людей, которые знаютъ что-нибудь такое, чего онъ не знаетъ. Воспитанный полуиностраннымъ воспитаньемъ, онъ хотѣлъ сыграть въ то же время роль русскаго барина. Съ такой неровностью въ характерѣ, съ такими крупными, яркими противоположностями, онъ долженъ былъ неминуемо встрѣтить по службѣ кучу непріятностей, вслѣдствіе которыхъ и вышелъ въ отставку, обвиняя во всемъ какую-то враждебную партію и не имѣя великодушія обвинить въ чемъ-либо себя самого. Въ отставкѣ сохранилъ онъ ту же картинную, величавую осанку. Въ сюртукѣ ли, во фракѣ ли, въ халатѣ — онъ былъ все тотъ же. Отъ голоса до малѣйшаго тѣлодвиженія въ немъ все было властительное, повелѣвающее, внушавшее въ низшихъ чинахъ если не уваженіе, то, по крайней мѣрѣ, робость.

Чириковъ почувствовалъ то и другое: и уваженіе, и робость. Наклоня почтительно голову на-бокъ, началъ онъ такъ: «Счелъ долгомъ представиться вашему превосходительству. Питая уваженіе къ доблестямъ мужей, спасавшихъ отечество на бранномъ полѣ, счелъ долгомъ представиться лично вашему превосходительству».

Генералу, какъ видно, не понравился такой приступъ. Сдѣлавши весьма милостивое движеніе головою, онъ сказалъ: «Весьма радъ познакомиться. Милости просимъ садиться. Вы гдѣ служили?»

«Попріще службы моей», сказалъ Чириковъ, сядя въ кресла не въ серединѣ, но наискось, и ухватившись рукою за ручку креселъ: «началось въ казенной палатѣ, ваше превосходительство; дальнѣйшее же теченіе оной продолжалъ въ разныхъ мѣстахъ: былъ и въ надворномъ судѣ, и въ комиссіи построенія, и въ таможнѣ. Жизнь мою можно уподобить судну среди волнъ, ваше превосходительство. На терпѣнны, можно сказать, выросъ, терпѣньемъ воспоень,

терпѣнъемъ спеленать, и самъ, такъ сказать, не что другое, какъ одно терпѣнъе. А ужъ сколько претерпѣлъ отъ враговъ, такъ ни слова, ни краски не сумѣютъ передать. Теперь же, на вечерѣ, такъ сказать, жизни своей, ищу уголка, гдѣ бы провести остатокъ дней. Пріостановился же, покуда, у близкаго сосѣда вашего превосходительства...»

«У кого это?»

«У Тынѣтникова, ваше превосходительство».

Генераль поморщился.

«Онъ, ваше превосходительство, весьма раскаивается въ томъ, что не оказалъ должнаго уваженья...»

«Къ чему уваженья?»

«Къ заслугамъ вашего превосходительства», сказалъ Чичиковъ. «Не находить словъ, (не знаетъ, какъ загладить проступокъ). Говорить: «Если бы я только могъ передъ его превосходительствомъ чему-нибудь... потому что, точно», говорить, «умѣю цѣнить мужей, спасавшихъ отечество...»

«Помилуйте, что-жъ онъ?.. Да вѣдь я не сержусь!» сказалъ смягчившійся генераль. «Въ дуплѣ моей я искренно полюбилъ его и увѣренъ, что со временемъ онъ будетъ преполезный человекъ».

«Преполезный!» подхватилъ Чичиковъ: «обладаетъ даромъ слова и владѣетъ перомъ».

«Но пишетъ, я чай, пустяки, какіе-нибудь стишки?»

«Нѣтъ, ваше превосходительство, не пустяки...»

«Что-жъ такое?»

«Онъ пишетъ... исторію, ваше превосходительство».

«Исторію! о чемъ исторію?»

«Исторію...» тутъ Чичиковъ остановился, и оттого ли, что передъ нимъ сидѣлъ генераль, или, просто, чтобы придать болѣе важности предмету, прибавилъ: «исторію о генералахъ, ваше превосходительство».

«Какъ о генералахъ? о какихъ генералахъ?»

«Вообще о генералахъ, ваше превосходительство, въ общности... то-есть, говоря собственно, объ отечественныхъ генералахъ».

«Извините, я не очень понимаю... что-жъ это? выходитъ, исторію какого-нибудь времени, или отдѣльныя біографіи, и притомъ всѣхъ ли, или только участвовавшихъ въ 12-мъ году?»

«Точно такъ, ваше превосходительство, участвовавшихъ въ 12-мъ году!»

«Такъ что-жь онъ ко мнѣ не пріѣдетъ? Я бы могъ собрать ему весьма много любопытныхъ матеріаловъ».

«Не смѣть, ваше превосходительство».

«Какой вздоръ! Изъ какого-нибудь пустого слова... Да я совсѣмъ не такой человѣкъ. Я, пожалуй, къ нему самъ готовъ пріѣхать».

«Онъ къ тому не допустить, онъ самъ пріѣдетъ», сказалъ Чичиковъ и въ то же время подумалъ въ себѣ: «Генералы пришлись, однакоже, кстати; между тѣмъ вѣдь языкъ совершенно болтулъ сдуру».

Въ кабинетѣ послышался шорохъ. Орѣховая дверь рѣзного шкафа отворилась сама собою. На обратной половинѣ растворенной двери, ухватившись чудесной ручкой за ручку двери, явилась живая фигурка. Если бы въ темной комнатѣ вдругъ вспыхнула прозрачная картина, освѣщенная сзади лампою, она бы не поразила такъ, какъ эта сіявшая жизнью фигурка, которая точно предстала за тѣмъ, чтобы освѣтить комнату. Казалось, какъ бы вмѣстѣ съ нею влетѣлъ солнечный лучъ въ комнату, озарившій вдругъ потолокъ, карнизъ и темные углы ея. Она казалась блистающаго роста. Это было обольщенье; происходило это отъ необыкновенной стройности и гармоническаго соотношенія между собою всѣхъ частей тѣла, отъ головы до пальчиковъ. Одноцвѣтное платье, на ней наброшенное, было наброшено съ такимъ [вкусомъ], что, казалось, швеи столицъ совѣщались между собой, какъ бы лучше убраться ея. Это былъ обманъ. Одѣлась она кое-какъ, сама собою; въ двухъ-трехъ мѣстахъ схватила неизрѣзанный кусокъ ткани, и онъ прильнулъ и расположился вокругъ нея въ такихъ складкахъ, что ваятель перенесъ бы ихъ тотчасъ же на мраморъ, и барышни, одѣтыя по модѣ, всѣ казались бы передъ ней какими-то пеструшками. Несмотря на то, что Чичикову почти знакомо было лицо ея по рисункамъ Андрея Ивановича, онъ смотрѣлъ на нее, какъ оторопѣлый, и потомъ уже замѣтилъ, что у нея былъ существенный недостатокъ, именно — недостатокъ толщины.

«Рекомендую вамъ мою баловницу!» сказалъ генералъ, обратясь къ Чичикову. «Однакожъ, я вашего имени и отчества до сихъ поръ не знаю».

«Впрочемъ, должно ли быть знаемо ими и отчество человека, не ознаменовавшаго себя доблестями?» сказалъ Чичиковъ.

«Все же, однакожъ, нужно знать...»

«Павелъ Ивановичъ, ваше превосходительство», проговорила Чичиковъ, съ легкимъ наклономъ головы на-бокъ.

«Улинька! Павелъ Ивановичъ сейчасъ сказалъ пренитесную новость. Сосѣдъ нашъ Тѣтѣтниковъ совсѣмъ не такой глупый человекъ, какъ мы полагали. Онъ занимается довольно важнымъ дѣломъ: исторіей генераловъ двѣнадцатаго года».

Улинька вдругъ какъ бы вспыхнула и оживилась. «Да кто же думалъ, что онъ глупый человекъ?» проговорила она быстро. «Это могъ думать развѣ одинъ только Вишнепокрововъ, которому ты вѣришь, нана, который и пустой, и низкій человекъ!»

«Зачѣмъ же низкій? Онъ пустовать, это правда», сказалъ генералъ.

«Онъ подловать и гадковать, не только что пустовать», подхватила живо Улинька. «Кто такъ обидѣлъ своихъ братьевъ и выгналъ изъ дому родную сестру, тотъ гадкій человекъ»...

«Да вѣдь это рассказываютъ только».

«Разсказывать не будутъ напрасно. У тебя, отецъ, добрейшая душа и рѣдкое сердце, но ты поступаешь такъ, что иной подумаетъ о тебѣ совсѣмъ другое. Ты будешь принимать человека, о которомъ самъ знаешь, что онъ дурень, потому что онъ только краснобай и мастеръ передъ тобой увиваться».

«Душа моя! вѣдь мнѣ-жъ не прогнать его», сказалъ генералъ.

«Зачѣмъ прогонять, зачѣмъ и любить?!»

«А вотъ и нѣтъ, ваше превосходительство», сказалъ Чичиковъ Улинькѣ, съ легкимъ наклономъ головы, съ пріятной улыбкой: «По христіанству, именно такихъ мы должны любить». И тутъ же, обратясь къ генералу, сказалъ съ улыбкой, уже нѣсколько плутоватой: «Изволили ли, ваше превосходительство, слышать когда-нибудь о томъ, что такое—*«полюби насъ черненькими, а блѣдненькими насъ всякій полюбитъ?»*»

«Нѣтъ, не слыхать».

«А это преказусный анекдотъ», сказалъ Чичиковъ съ плутоватой улыбкой. «Въ имѣніи, ваше превосходительство, у князя Гукзовскаго, котораго, безъ сомнѣнія, ваше превосходительство, изволите знать...»

«Не знаю».

«Быль управитель, ваше превосходительство, изъ нѣмцевъ, молодой человекъ. По случаю поставки рекрутъ и прочаго, имѣлъ онъ надобность пріѣзжать въ городъ и, разумѣется, подмазывать судейскихъ. Впрочемъ, и они тоже полюбили, угощали. Вотъ какъ-то одинъ разъ у нихъ на обѣдѣ говоритъ онъ: «Что-жъ, господа, когда-нибудь и ко мнѣ, въ имѣніе къ князю». Говорятъ: «Пріѣдемъ». Скоро послѣ того случилось выѣхать суду на слѣдствіе, по дѣлу, случившемуся во владѣніяхъ графа Трехметьева, котораго, ваше превосходительство, безъ сомнѣнія, тоже изволите знать».

«Не знаю».

«Самого-то слѣдствія они не дѣлали, а всѣмъ судомъ заворотили на экономическій дворъ, къ старику, графскому эконому, да три дня и три ночи безъ просыпу—въ карты. Самоваръ и пуншъ, разумѣется, со стола не сходятъ. Старик-то они ужъ и надѣли. Чтобы какъ-нибудь отъ нихъ отдѣлаться, онъ и говоритъ: «Вы бы, господа, заѣхали къ княжому управителю-нѣмцу: онъ недалеко отсюда».—«А и въ самомъ дѣлѣ», говорятъ, и съ-полупьяна, небритые и заспанные, какъ были, на телѣги да къ нѣмцу... А нѣмецъ, ваше превосходительство, надобно знать, въ это время только-что женился; женился на институткѣ, молоденькой, сублильной (Чичиковъ выразилъ въ лицѣ своемъ сублильность). Сидятъ они двое за чаемъ, ни о чемъ не думая, вдругъ отворяются двери—и ввалилось сонмище».

«Воображаю—хороши!» сказалъ генераль, смѣясь.

«Управитель такъ и оторопѣлъ, говоритъ: «Что вамъ угодно?»—«А!» говорятъ, «такъ вотъ ты какъ!» И вдругъ, съ этимъ словомъ, переменяя лицъ и фізіогноміи... «За дѣломъ! Сколько вина выкуривается по имѣнію? Покажите книги!» Тотъ сюды-туды. «Эй, понятыхъ!» Взяли, связали, да въ городъ, да полтора года и просидѣлъ нѣмецъ въ тюрьмѣ».

«Вотъ на!» сказалъ генераль.

Улинька всплеснула руками.

«Жена—хлопотать!» продолжалъ Чичиковъ. «Ну, что-жъ можетъ какая-нибудь неопытная молодая женщина? Спасибо, что случились добрые люди, которые посовѣтовали пойти на мировую. Отдѣлался онъ двумя тысячами да угостительнымъ обѣдомъ. И на обѣдѣ, когда всѣ уже развеселились, и онъ также, вотъ и говорятъ они ему: «Не стыдно ли тебѣ такъ поступить съ нами? Ты все бы хотѣлъ насъ видѣть прибранными, да выбритыми, да во фракахъ. Нѣтъ, *ты полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ*».

Генераль расхохотался; болѣзненно застонала Улинька.

«Я не понимаю, папа, какъ ты можешь смѣяться!» сказала она быстро. Гнѣвъ отемнилъ прекрасный лобъ ея... «Безчестнѣйшій поступокъ, за который, я не знаю, куда бы ихъ слѣдовало всѣхъ усадъ...»

«Другъ мой, я ихъ ничуть не оправдываю», сказалъ генераль: «но что-жъ дѣлать, если смѣшно? Какъ бишь: «полюби насъ бѣленькими?...»

«Черненькими, ваше превосходительство», подхватилъ Чичиковъ.

«Полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ. Ха, ха, ха, ха!» И туловище генерала стало колебаться отъ смѣха. Плечи, носившія иѣкогда густые эполеты, тряслись, точно, какъ бы носили и понынѣ густые эполеты.

Чичиковъ разрѣшился тоже междометіемъ смѣха, но, изъ уваженія къ генералу, пустилъ его на букву *с*: *хе, хе, хе, хе, хе!* И туловище его также стало колебаться отъ смѣха, хотя плечи и не тряслись, ибо не носили густыхъ эполетъ.

«Воображаю, хорошъ былъ небритый судъ!» говорилъ генераль, продолжая смѣяться.

«Да, ваше превосходительство, какъ бы то ни было, трехдневное бдѣніе безъ просыпу—тотъ же постъ: поизнурились, поизнурились!» говорилъ Чичиковъ, продолжая смѣяться.

Улинька опустила въ кресла и закрыла рукой прекрасные глаза; какъ бы досадуя на то, что не съ кѣмъ было подѣлиться негодованіемъ, сказала она: «Я не знаю, меня только беретъ одна досада».

Въ самомъ дѣлѣ, необыкновенно странны были своею противоположностью тѣ чувства, которыя происходили въ

сердцахъ троихъ бесѣдовавшихъ людей. Одному была смѣшна неповоротливая ненаходчивость нѣмца; другому смѣшно было оттого, что смѣшно изворотились плуты; третьему было грустно, что безнаказанно совершился несправедливый поступокъ. Не было только четвертаго, который бы задумался именно надъ этими словами, произведенными смѣхъ въ одномъ и грусть въ другомъ. Что значить, однакоже, что и въ паденьи своемъ гибнущій грязный человѣкъ требуетъ любви къ себѣ? Животный ли инстинктъ это? или слабый крикъ души, заглушенной (тяжелымъ) гнетомъ подлыхъ страстей, еще пробивающійся сквозь деревенящую кору мерзостей, еще вопіющій: «Братъ, спаси!» Не было четвертаго, которому бы тяжелѣй всего была погибающая душа его брата.

«Я не знаю», говорила Улинька, отнимая отъ лица руку: «меня одна только досада беретъ».

«Только, пожалуйста, не гнѣвайся на насъ», сказалъ генераль. «Мы тутъ ни въ чемъ не виноваты. Поцѣлуй меня и уходи къ себѣ, потому что я сейчасъ буду одѣваться къ обѣду. Вѣдь ты обѣдаешь у меня?» сказалъ генераль, вдругъ обратясь къ Чичикову.

«Если только ваше превосходительство...»

«Безъ церемоніи. Иди есть!»

Чичиковъ пріятно наклонилъ голову, и когда приподнялъ потомъ ее вверхъ, онъ уже не увидалъ Улиньки: она исчезнула. Намѣсто ея предсталъ, въ густыхъ усахъ и бакенбардахъ, великанъ-камердинеръ, съ серебряной лоханкой и рукомойникомъ въ рукахъ.

«Ты мнѣ позволишь одѣваться при себѣ?» сказалъ генераль, скидая халатъ и засучивая рукава рубашки на богатырскихъ рукахъ.

«Помилуйте, не только одѣваться, но можете совершать при мнѣ все, что угодно вашему превосходительству», сказалъ Чичиковъ.

Генераль сталъ умываться, брызгаясь и фыркая, какъ утка. Вода съ мыломъ летѣла во всѣ стороны.

«Какъ бишь?» сказалъ онъ, вытирая со всѣхъ сторонъ свою толстую шею: «полюби насъ бѣленькими?...»

«Черненькими, ваше превосходительство».

«Полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбятъ. Очень, очень хорошо!»

Чичиковъ былъ въ духѣ необикновенномъ; онъ чувствовалъ какое-то вдохновеніе. «Ваше превосходительство!» сказалъ онъ.

«Что?» сказалъ генераль.

«Есть еще одна исторія».

«Какая?»

«Исторія тоже смѣшная, но мнѣ-то отъ ней не смѣшно. Даже такъ, что если ваше превосходительство...»

«Какъ такъ?»

«Да вотъ, ваше превосходительство, какъ!..» Тутъ Чичиковъ осмотрѣлся и, увидя, что камердинеръ съ лоханкою вышелъ, началъ такъ: «Есть у меня дядя, дряхлый старикъ. У него триста душъ и, кромѣ меня, наслѣдниковъ никого. Самъ управлять имѣньемъ, по дряхлости, не можетъ, а мнѣ не передаетъ тоже. И какой странный приводитъ резонъ: «Я», говорить, «племянника не знаю; можетъ-быть, онъ мотъ. Пусть онъ докажетъ мнѣ, что онъ надежный человекъ, пусть пріобрѣтетъ прежде самъ собою триста душъ, тогда я ему отдамъ и свои триста душъ».

«Какой дуракъ!»

«Справедливо изволили замѣтить, ваше превосходительство. Но представьте же теперь мое положеніе...» Тутъ Чичиковъ, понизивши голосъ, сталъ говорить какъ бы по секрету: «У него въ домѣ, ваше превосходительство, есть ключница, а у ключницы дѣти. Того и смотри, все перейдетъ имъ».

«Выжилъ глупый старикъ изъ ума и больше ничего», сказалъ генераль. «Только я не вижу, чѣмъ тутъ я могу пособить».

«Я придумалъ вотъ что. Теперь, покуда новыя ревизскія сказки не поданы, у помѣщиковъ большихъ имѣній наберется не мало, на ряду съ душами живыми, отбывшихъ и умершихъ... Такъ, если, напримѣръ, ваше превосходительство передадите мнѣ ихъ въ такомъ видѣ, какъ бы они были живыя, съ совершеннымъ купчей крѣпости, я бы тогда эту крѣпость представилъ старику, и онъ, какъ ни вертись, а наслѣдство бы мнѣ отдалъ».

Тутъ генераль разразился такимъ смѣхомъ, какимъ врядъ ли когда смѣялся человекъ: какъ былъ, такъ и повалился онъ въ кресла; голову забросилъ назадъ и чуть не захлеб-

нулся. Весь домъ встревожился. Предсталъ камердинеръ. Дочь приближала въ испугѣ.

«Папа, что съ тобой случилось?»

«Ничего, мой другъ. Ха, ха, ха! Ступай къ себѣ, мы сейчасъ явимся обѣдать. Ха, ха, ха!»

И нѣсколько разъ, задохнувшись, вырывался съ новою силою генеральскій хохотъ, раздаваясь отъ передней до послѣдней комнаты, въ высокихъ, звонкихъ генеральскихъ покоехъ.

Чичиковъ съ безпокойствомъ ожидалъ конца этому необыкновенному смѣху.

«Ну, братъ, извини: тебя самъ чортъ угораздилъ на такую штуку. Ха, ха, ха! Попотчивать старика, подсунуть ему мертвыхъ! Ха, ха, ха, ха! Дядя-то, дядя! Въ какихъ дуракахъ дядя! Ха, ха, ха, ха!»

Чичиковъ находился нѣсколько даже въ конфузномъ положеніи: тутъ же стоялъ камердинеръ, разинувши ротъ и выпуча глаза.

«Ваше превосходительство, вѣдь смѣхъ этотъ выдумали слезы», сказалъ онъ.

«Извини, братъ! Ну, уморилъ. Да я бы пятьсотъ тысячъ дать за то только, чтобы посмотрѣть на твоего дядю въ то время, какъ ты поднесешь ему купчую на мертвые души. Да что, онъ слишкомъ старъ? Сколько ему лѣтъ?»

«Восемьдесятъ лѣтъ, ваше превосходительство. Но это келейное, я бы... чтобы...» Чичиковъ посмотрѣлъ значительно въ лицо генерала и въ то же время искоса на камердинера.

«Поди вонъ, братецъ. Придешь послѣ», сказалъ генералъ камердинеру. Усачъ удалился.

«Да, ваше превосходительство... Это, ваше превосходительство, дѣло такое, что я бы хотѣлъ поддержать его въ секретъ...»

«Разумѣется, я это очень понимаю. Экой дуракъ старикъ! Вѣдь придетъ же въ 80 лѣтъ этакая дурь въ голову! Да что онъ съ виду какъ? бодръ? держится еще на ногахъ?»

«Держится, но съ трудомъ».

«Экой дуракъ! И зубы есть?»

«Два зуба всего, ваше превосходительство».

«Экой осель! Ты, братецъ, не сердись... а вѣдь онъ осель».

«Точно такъ, ваше превосходительство. Хотя онъ мнѣ и родственникъ, и тяжело сознаваться въ этомъ, но дѣйствительно—оселъ». Впрочемъ, какъ читатель можетъ смекнуть и самъ, Чичикову не тяжело было въ этомъ сознаться, тѣмъ болѣе, что врядъ ли у него былъ когда-либо какой дядя. «Такъ если, ваше превосходительство, будете уже такъ добры...»

«Чтобы отдать тебѣ мертвыхъ душъ? Да за такую выдумку я ихъ тебѣ съ землей, съ жильемъ! Возьми себѣ все кладбище! Ха, ха, ха, ха! Старикъ-то, старикъ! Ха, ха, ха, ха! Въ какихъ дуракахъ! Ха, ха, ха, ха!» И генеральскій смѣхъ пошелъ отдаваться вновь по генеральскимъ покоемъ*).

ГЛАВА III.

«Нѣтъ, я не такъ», говорилъ Чичиковъ, очутившись опять посреди открытыхъ полей и пространствъ: «нѣтъ, я не такъ распоряжусь. Какъ только, дастъ Богъ, все покончу благополучно и сдѣлаюсь дѣйствительно состоятельнымъ, зажиточнымъ человѣкомъ, я поступлю тогда совсѣмъ иначе: будетъ у меня тогда и поварь, и домъ, какъ полная чаша, но будетъ и хозяйственная часть въ порядкѣ. Концы сведутся съ концами, да понемножку всякій годъ будетъ откладываться сумма и для потомства, если только Богъ пошлетъ женѣ плодородье»...—«Эй, ты дурачина!»

Селифанъ и Петрушка оглянулись оба съ козель.

«А куда ты ѣдешь?»

«Да какъ изволили приказывать, Павелъ Ивановичъ,—къ полковнику Копкареву», сказалъ Селифанъ.

«А дорогу разспросилъ?»

«Я, Павелъ Ивановичъ, изволите видѣть, такъ какъ все хлопоталъ около коляски, такъ оно-съ... генеральскаго ко-

*) Послѣ этого значительный пропускъ.

Въ первомъ изданіи второго тома «Мертвыхъ Душъ» С. П. Шевыревъ замѣтилъ: «Здѣсь пропущено примиреніе генерала Бетрищева съ Тѣнтѣтниковымъ; обѣдъ у генерала и бесѣда ихъ о двѣнадцатомъ годѣ; помолвка Улиньки за Тѣнтѣникова; молитва ея и плачь на гробѣ матери; бесѣда помолвленныхъ въ саду. Чичиковъ отправляется, по порученію генерала Бетрищева, къ родственникамъ его, для извѣщенія о помолвкѣ дочери, и ѣдетъ къ одному изъ этихъ родственниковъ, полковнику Копкареву». Ср. ниже въ «Примѣчаніяхъ». *Ред.*

ноха только видѣлъ... А Петрушка разспрашивалъ у бу-
чера».

«Вотъ и дуракъ! На Петрушку, сказано, не полагаться:
Петрушка—бревно».

«Вѣдь тутъ не мудрость какая», сказалъ Петрушка, глядя
искоса: «окромѣ того, что, спустясь съ горы, взять попря-
мѣй, ничего больше и нѣтъ».

«А ты, окромѣ сивухи, ничего больне, чай, и въ ротъ
не бралъ? Чай, и теперь налимонился?»

Увидя, что рѣчь повернула вона въ какую сторону, Пе-
трушка закрутилъ только носомъ. Хотѣлъ онъ было ска-
зать, что даже и не пробовать, да ужъ какъ-то и самому
стало стыдно.

«Въ коляскѣ - съ хорошо - съ ѣхать», сказалъ Селифанъ,
оборотившись.

«Что?»

«Говорю, Павелъ Ивановичъ, что въ коляскѣ - де вашей
милости хорошо-съ ѣхать, получше-съ, какъ въ бричкѣ —
не трясетъ».

«Пошелъ, пошелъ! Тебя вѣдь не спрашиваютъ объ этомъ».

Селифанъ хлыснулъ слегка бичомъ по крутымъ бокамъ
лошадей и поворотилъ рѣчь къ Петрушкѣ: «Слышь, му-
жика Кошкаревъ, баринъ, одѣлъ, говорятъ, какъ нѣмца;
поодаль и не распознаешь, — выступаетъ по журавлиному,
какъ нѣмецъ. И на бабѣ не то, чтобы платокъ повязуютъ
пирогомъ или кокошникъ на головѣ, а нѣмецкій капоръ
такой, какъ нѣмки ходятъ, знашь, въ канорахъ,—такъ ка-
поръ называется, знашь, капоръ—нѣмецкій такой капоръ».

«А тебя какъ бы нарядить нѣмцемъ да въ капоръ!» ска-
залъ Петрушка, острясь надъ Селифаномъ и ухмыльнув-
шись. Но что за рожа вышла отъ этой усмѣшки! И по-
добья не было на усмѣшку, а точно какъ бы человѣкъ, до-
ставши себѣ въ носъ насморкъ и силясь при насморкѣ чих-
нуть, не чихнулъ, но такъ и остался въ положеніи чело-
вѣка, собирающагося чихнуть.

Чичиковъ заглянулъ изъ-подъ низа ему въ рожу, желая
знать, что тамъ дѣлается, и сказалъ: «Хорошъ! а еще во-
ображаетъ, что красавецъ!» Надобно сказать, что Павелъ
Ивановичъ былъ серьезно увѣренъ въ томъ, что Петрушка
влюбленъ въ красоту свою, тогда какъ послѣдній време-
нами позабывалъ, есть ли у него даже вовсе рожа.

«Вотъ какъ бы догадались было, Павелъ Ивановичъ», сказалъ Селифанъ, оборотившись съ козелъ: «чтобы выпросить у Андрея Ивановича другого коня, въ обмѣнъ на чубараго; онъ бы, по дружественному расположенію къ вамъ, не отказать бы, а это конь-съ, право, подлець-лошадь и помѣха».

«Пошелъ, пошелъ, не болтай!» сказалъ Чичковъ и про себя подумалъ: «Въ самомъ дѣлѣ, напрасно я не догадался».

Легкимъ ходомъ неслась тѣмъ временемъ легкая на ходу коляска. Легко подымалась и вверхъ, хотя подчасъ и неровна была дорога; легко опускалась и подъ гору, хотя были спуски проселочныхъ дорогъ. Съ горы спустились. Дорога шла дугами черезъ извивы рѣки, мимо мельницъ. Вдали мелькали пески, выступали картинно одна изъ-за другой осиновыя рощи; вблизи же пролетали быстро кусты лозъ, тонкія ольхи и серебристыя тополи, ударявшіе вѣтвями сидѣвшихъ на козлахъ Селифана и Петрушку. Съ послѣдняго ежеминутно сбрасывали они картузь. Суровый служитель соскакивалъ съ козелъ, бранилъ глупое дерево и хозяина, который насадилъ его, но привязать картуза или даже придержать рукою не догадался, все надѣясь на то, что авось дальше не случится. Деревья же становились гуще: къ осинамъ и ольхамъ начала присоединяться береза, и скоро образовалась лѣсная гущина. Свѣтъ солнца сокрылся. Затемнѣли сосны и ели. Непробудный мракъ безконечнаго лѣса сгущался и, казалось, готовился превратиться въ ночь. И вдругъ промежъ деревьевъ свѣтъ, тамъ и тамъ промежъ вѣтвей и пней, точно живое серебро или зеркала. Лѣсъ сталъ освѣщаться, деревья рѣдѣть, слышались крики — и вдругъ передъ ними озеро. Водная равнина версты четыре въ поперечникѣ, вокругъ деревъ, позади ихъ избы. Человѣкъ 20, по поясъ, по плеча и по горло въ водѣ, тянули къ супротивному берегу неводъ. Посреди ихъ плаваютъ проворно, кричатъ и хлопоталъ за всѣхъ человѣкъ, почти такой же мѣры въ вышину, какъ и въ толщину, круглый кругомъ, точный арбузь. По причинѣ толщины, онъ уже не могъ ни въ какомъ случаѣ потонуть и какъ бы ни кувыркался, желая нырнуть, вода бы его все выносила наверхъ; и если бы сѣло къ нему на спину еще двое человѣкъ, онъ бы, какъ упрямый пузырь, остался съ ними на верхушкѣ воды.

слегка только подь ними побряхтывая да пуская носомъ и ртомъ пузыри.

«Этотъ, Павелъ Ивановичъ», сказалъ Селифанъ, оборотясь къ козелъ: «долженъ быть баринъ, полковникъ Кошкаревъ».

«Отчего?»

«Оттого, что тѣло у него, изволите видѣть, побѣлѣй, чѣмъ у другихъ, и дородство почтительное, какъ у барина».

Крики между тѣмъ становились явственнѣй. Скороговоркой и звонко выкрикивалъ баринъ-арбузъ: «Передавай, передавай, Денисъ, Козымъ! Козьма, бери хвостъ у Дениса! Тома большой, напирай туды жа, гдѣ и Тома меньшей! Заходи справа, справа заходи! Стой, стой, чортъ васъ побори обоихъ! Запутали меня самого въ неводъ! Зацѣпили, говорю, проклятые, зацѣпили за пупъ!»

Влачители праваго крыла остановились, увидя, что дѣйствительно случилась непредвидѣнная оказія: баринъ запутался въ сѣти.

«Видишь ты», сказалъ Селифанъ Петрункѣ: «потащили барина, какъ рыбу».

Баринъ барахтался и, желая выпутаться, перевернулся на спину, брюхомъ вверхъ, запутавшись еще въ сѣтку. Боясь оборвать сѣть, плылъ онъ вмѣстѣ съ пойманною рыбою, приказавши себя перехватить только впоперекъ веревкой. Перевязавши его веревкой, бросили конецъ ея на берегъ. Человѣкъ съ двадцать рыбаковъ, стоявшихъ на берегу, подхватили конецъ и стали бережно тащить его. Добравшись до мелкаго мѣста, баринъ сталъ на ноги, покрытый клѣтками сѣти, какъ въ лѣтнее время дамская ручка подъ сквозной перчаткой, — взглянулъ вверхъ и увидѣлъ гостя, въ коляскѣ въѣзжавшаго на плотину. Увидя гостя, кивнулъ онъ головой. Чичиковъ снялъ картузь и учтиво раскланялся съ коляски.

«Обѣдали?» закричалъ баринъ, подходя съ пойманною рыбою на берегъ, держа одну руку надъ глазами козырькомъ въ защиту отъ солнца, другую же — на манеръ Венеры Медицейской, выходящей изъ бани.

«Нѣтъ», сказалъ Чичиковъ.

«Ну, такъ благодарите же Бога».

«А что?» спросилъ Чичиковъ любопытно, держа надъ головою картузь.

«А вотъ что!» сказали баринъ, очутившійся на берегу вмѣстѣ съ карпами и карасями, которые бились у ногъ его и прыгали на аршинъ отъ земли. «Это ничего, на это не глядите а вотъ штука, вонъ гдѣ!... А покажите-ка, Оома большой, осетра». Два здоровыхъ мужика вытащили изъ кадушки какое-то чудовище. «Каковъ князекъ? изъ рѣки зашелъ!»

«Да это цѣлый князь!» сказалъ Чичиковъ.

«Вотъ то-то же. Побѣжайте-ка вы теперь впередъ, а я за вами. Кучеръ, ты, братецъ, возьми дорогу пониже, черезъ огородъ. Побѣги, телепень Оома меньшей, снять перегородку. А я за вами—какъ тутъ, прежде чѣмъ успѣете оглянуться».

«Полковникъ чудаковатъ», подумалъ [Чичиковъ], проѣхавши, наконецъ, безконечную плотину и подѣвжая къ избамъ, изъ которыхъ однѣ, подобно стаду утокъ, разсыпались по косогору возвышенья, а другія стояли внизу на сваяхъ, какъ цапли. Сѣти, невода, бредни развѣшаны были повсюду. Оома меньшей снялъ перегородку, коляска проѣхала огородомъ и очутилась на площади возлѣ устарѣвшей деревянной церкви. За церковью, подалѣе, видны были крыши господскихъ строеній.

«А вотъ я и здѣсь!» раздался голосъ сбоку. Чичиковъ оглянулся и увидѣлъ, что баринъ уже ѣхалъ [возлѣ него, одѣтый, на дрожкахъ—травяно-зеленый панковый сюртукъ, желтые штаны и шея безъ галстука, на манеръ кунидона! Бокомъ сидѣлъ онъ на дрожкахъ, занявши собою всѣ дрожки. Чичиковъ хотѣлъ было что-то сказать ему, но толстякъ уже исчезъ. Дрожки показались на другой сторонѣ и только слышался голосъ: «Щуку и семь карасей отнесите повару-телепню, а осетра подавай сюда: я его свезу самъ на дрожкахъ». Раздались снова голоса: «Оома большой да Оома меньшей! Козьма да Денисъ!» Когда же подѣхалъ онъ къ крыльцу дома, къ величайшему изумленью его, толстый баринъ былъ уже на крыльцѣ и принималъ его въ свои объятія. Какъ онъ успѣлъ такъ слетать, было непостижимо. Они поцѣловались троекратно навкрестъ.

«Я привезъ вамъ поклонъ отъ его превосходительства», сказалъ Чичиковъ.

«Отъ какого превосходительства?»

«Отъ родственника вашего, отъ генерала Александра Дмитриевича».

«Кто это Александръ Дмитриевичъ?»

«Генераль Бетрищевъ», отвѣчалъ Чичиковъ съ нѣкоторымъ изумленьемъ.

«Не знаю-съ, незнакомъ».

Чичиковъ пришелъ еще въ большее изумленіе.

«Какъ же это?.. Я надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что имѣю удовольствіе говорить съ полковникомъ Кошкаревымъ?»

«Петръ Петровичъ Пѣтухъ, Пѣтухъ Петръ Петровичъ!» подхватилъ хозяинъ.

Чичиковъ остолбенѣлъ. «Вотъ тебѣ на! Какъ же вы, дураки», сказалъ онъ, оборотившись къ Селифану и Петрушкѣ, которые оба разинули рты и выпучили глаза, одинъ сидя на козлахъ, другой стоя у дверецъ коляски: «какъ же вы, дураки? Вѣдь вамъ сказано — къ полковнику Кошкареву... А вѣдь это Петръ Петровичъ Пѣтухъ...»

«Ребяга сдѣлали отлично!» сказалъ Петръ Петровичъ. «За это вамъ по чашорухѣ водки и кулебяка въ придачу. Откладывайте коней и ступайте сей же часъ въ людскую!»

«Я совѣщусь», говорилъ Чичиковъ, раскланиваясь: «такая неожиданная ошибка...»

«Не ошибка», живо проговорилъ Петръ Петровичъ Пѣтухъ: «не ошибка. Вы прежде попробуйте, каковъ обѣдъ, да потомъ скажете: ошибка ли это? Покорнѣйше прошу», сказалъ [онъ], взявши Чичикова подъ руку и вводя его во внутренніе покои. Чичиковъ, чинясь, проходилъ въ дверь бокомъ, чтобъ дать и хозяину пройти съ нимъ вмѣстѣ; но это было напрасно: хозяинъ бы не прошелъ, да его уже и не было. Слышно было только, какъ раздавались его рѣчи по двору: «Да чтѣ-жъ, Ома большой? Зачѣмъ онъ до сихъ поръ не здѣсь? Ротозѣй Емельянь, бѣги къ повару-телепню, чтобы потрошилъ поскорѣй осетра. Молоки, икру, потроха и лещей въ уху, а карасей—въ соусъ. Да раки, раки! Ротозѣй Ома меньшей! гдѣ же раки? раки, говорю, раки?!» И долго раздавались все—раки да раки.

«Ну, хозяинъ захлопотался», сказалъ Чичиковъ, садясь въ кресла и осматривая углы и стѣны.

«А вотъ и я здѣсь», сказалъ, входя, хозяинъ и ведя за собой двухъ юношей, въ лѣтнихъ сюртукахъ,—тонкіе, точно

ивовые хлысты, выгнало ихъ вверхъ почти на цѣлый аршинъ выше Петра Петровича.

«Сыны мои, гимназисты. Приѣхали на праздники. — Николаша, ты побудь съ гостемъ, а ты, Алексаша, ступай за мною».

И снова исчезнулъ Петръ Петровичъ Пѣтухъ.

Чичиковъ занялся съ Николашей. Николаша былъ говорливъ. Онъ разсказалъ, что у нихъ въ гимназiи не очень хорошо учать, что больные благоволятъ къ тѣмъ, которыхъ маменьки шлютъ побогаче подарки; что въ городѣ стоитъ Ингерманландскій гусарскій полкъ; что у ротмистра Витвицкаго лучше лошадь, нежели у самого полковника, хотя поручикъ Взъёмцевъ ѣздитъ гораздо его почище.

«А что, въ какомъ состоянiи имѣнiе вашего батюшки?» спросилъ Чичиковъ.

«Заложено», сказать на это самъ батюшка, снова очутившійся въ гостинной: «заложено!»

Чичикову хотѣлось сдѣлать то же самое движенiе губами, которое дѣлаетъ человѣкъ, какъ дѣло идетъ на нуль и оканчивается ничѣмъ.

«Зачѣмъ же вы заложили?» спросилъ онъ.

«Да такъ. Всѣ пошли закладывать, такъ зачѣмъ же отставать отъ другихъ? Говорятъ, выгодно. Притомъ же все жилъ здѣсь, дай-ка еще попробую прожить въ Москвѣ».

«Дуракъ, дуракъ!» думалъ Чичиковъ: «промотаетъ все, да и дѣтей сдѣлаетъ мотышками. Оставался бы себѣ, кулебяка, въ деревнѣ».

«А вѣдь я знаю, что вы думаете», сказалъ Пѣтухъ.

«Что?» спросилъ Чичиковъ, смутившись.

«Вы думаете: «Дуракъ, дуракъ этотъ Пѣтухъ! зазвать обѣдать, а обѣда до сихъ поръ нѣтъ». Будетъ готовъ, почтеннѣйшiй. Не успѣетъ стриженная дѣвка косы заплести, какъ онъ поспѣетъ».

«Батюшка, Платонъ Михалычъ ѣдетъ!» сказалъ Алексаша, глядя въ окно.

«Верхомъ на гнѣдой лошади!» подхватилъ Николаша, нагибаясь къ окну. «Ты думаешь, Алексаша, нагнѣ чагравый хуже его?»

«Хуже не хуже, но выступка не такая».

Между ними завязался споръ о гнѣдомъ и чагравомъ. Между тѣмъ вопель въ комнату красавецъ — стройнаго

роста, свѣтлорусыя блестящія кудри и темные глаза. Гремя мѣднымъ ошейникомъ, мордатый песъ, собака-страшилище, вошелъ вослѣдъ за нимъ.

«Обѣдали?» спросилъ Петръ Петровичъ Пѣтухъ.

«Обѣдалъ», сказалъ гость.

«Что-жъ, вы смѣяться, что ли, надо мной пріѣхали?» сказалъ, сердясь, Пѣтухъ. «Что мнѣ въ васъ послѣ обѣда?»

«Впрочемъ, Петръ Петровичъ», сказалъ гость, усмѣхнувшись: «могу васъ утѣшить тѣмъ, что ничего не ѣлъ за обѣдомъ: совсѣмъ нѣтъ аппетита».

«А каковъ былъ уловъ, если бы вы видѣли! Какой осетрище пожаловалъ! Карасей и не считали».

«Даже завидно васъ слушать», сказалъ гость. «Научите меня быть такъ же веселымъ, какъ вы».

«Да отчего же скучать? помплуйте!» сказалъ хозяинъ.

«Какъ отчего скучать?—оттого, что скучно».

«Мало ѣдите, вотъ и все. Попробуйте-ка хорошенько пообѣдать. Вѣдь это въ послѣднее время выдумали скуку. Прежде никто не скучалъ».

«Да полно хвастать! Будто ужъ вы никогда не скучали?»

«Никогда! Да и не знаю, даже и времени нѣтъ для скуки. Поутру проснешься — вѣдь нужно пить чай, а тутъ вѣдь приказчикъ, а тутъ и на рыбную ловлю, а тутъ и обѣдъ. Послѣ обѣда не успѣешь всхрапнуть, а тутъ и ужинъ, а послѣ пришелъ поваръ — заказывать нужно на завтра обѣдъ. Когда же скучать?»

Въ все время разговора Чичиковъ разсматривалъ гостя.

Платонъ Михалычъ Платоновъ былъ Ахиллесъ и Парисъ вмѣстѣ: стройное сложеніе, картинный ростъ, свѣжесть — все было собрано въ немъ. Приятная усмѣшка, съ легкимъ выраженіемъ прони, какъ бы еще усиливала его красоту. Но, несмотря на все это, было въ немъ что-то неоживленное и сонное. Страсти, печали и потрясенія не прорѣзали морщины на дѣвственное, свѣжее его лицо, но съ тѣмъ вмѣстѣ и не оживили его.

«Признаюсь, я тоже», произнесъ Чичиковъ: «не могу понять, — если позволите такъ замѣтить, — не могу понять, какъ при такой наружности, какъ ваша, скучать. Конечно, могутъ быть причины другія: нестача денегъ, притѣсненія отъ какихъ-нибудь злоумышленниковъ, какъ есть

иногда такіе, которые готовы покуситься даже на самую жизнь».

«Въ томъ-то [и дѣло], что ничего этого нѣтъ», сказала Платоновъ. «Повѣрите ли, что иной разъ я бы хотѣлъ, чтобы это было, чтобы была какая-нибудь тревога и волненья, ну, хоть бы, просто, разсердилъ меня кто-нибудь. Но нѣтъ! Скучно—да и только». (Вотъ и все).

«Не понимаю. Но, можетъ-быть, имѣнье у васъ недостаточное, малое количество душъ?»

«Ничуть: у насъ съ братомъ земли на десять тысячъ десятинъ и при нихъ тысяча душъ крестьянъ».

«И при этомъ скучать — непонятно! Но, можетъ-быть, имѣнья въ безпорядкѣ? были неурожаи, много людей вымерло?»

«Напротивъ, все въ наилучшемъ порядкѣ, и братъ мой отличѣйшій хозяинъ».

«Не понимаю!» сказалъ Чичиковъ и пожалъ плечами.

«А вотъ мы скуку сейчасъ прогонимъ», сказалъ хозяинъ. «Бѣжи, Алексаша, проворнѣй на кухню и скажи повару, чтобы поскорѣй прислалъ намъ растегайчиковъ. Да гдѣ-жъ ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка? Затѣмъ не даютъ закуски?»

Но дверь растворилась. Ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка явились съ салфетками, накрыли столъ, поставили подносы съ шестью графинами разноцвѣтныхъ настоекъ. Скоро вокругъ подносовъ и графиновъ обстановка ожерелье тарелокъ—икра, сыры, соленые грузди, оленки, да новое принесли изъ кухни что-то въ закрытыхъ тарелкахъ, сквозь которыя слышно было ворчавшее масло. Ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка были народъ хороший и расторопный. Названья эти хозяинъ давалъ только потому, что безъ прозвищъ все какъ-то выходило прѣсно, а онъ прѣснаго не любилъ; самъ былъ добръ душой, но словцо любилъ приное. Впрочемъ, и люди за это не сердились.

Закуска послѣдовала обѣдъ. Здѣсь добродушный хозяинъ сдѣлался совершеннымъ разбойникомъ. Чуть замѣчалъ у кого одинъ кусокъ, подкладывалъ ему тутъ же другой, приговаривая: «Безъ пары ни человѣкъ, ни птица не могутъ жить на свѣтѣ». Съѣдалъ гость два—подваливалъ ему третій, приговаривая: «Что-жъ за число два? Богъ любитъ троицу». Съѣдалъ гость три — онъ ему: «Гдѣ-жъ бываетъ

телѣга о трехъ колесахъ? Кто-жъ строить избу о трехъ углахъ?» На четыре у него была опять поговорка, на пять—тоже.

Чичиковъ съѣлъ чего-то чуть ли не двѣнадцать ломтей и думалъ: «Ну, теперь ничего не приберетъ больше хозяинъ». Не тутъ-то было: хозяинъ, не говоря ни слова, положилъ ему на тарелку хребтовую часть теленка, жаренаго на вертелѣ, лучшую часть, какая ни была, съ почками, да и какого теленка!

«Два года воспитывалъ на молокѣ», сказалъ хозяинъ: «ухаживалъ, какъ за сыномъ!»

«Не могу!» сказалъ Чичиковъ.

«Да вы попробуйте, да потомъ скажите: *не могу!*»

«Не взойдетъ, нѣтъ мѣста».

«Да вѣдь и въ церкви не было мѣста, взошелъ городничій—нашлось; а вѣдь была такая давка, что и яблоку негдѣ было упасть. Вы только попробуйте: этотъ кусокъ — тотъ же городничій».

Попробовалъ Чичиковъ: дѣйствительно кусокъ былъ въ родѣ городничаго: нашлось ему мѣсто, а, казалось, ничего нельзя было помѣстить.

Съ винами была тоже исторія. Получивши деньги изъ ломбарда, Петръ Петровичъ запасаъ провизіей на десять лѣтъ впередъ. Онъ, то и дѣло, подливалъ да подливалъ; чего-жъ не допивали гости, давалъ допить Алексашъ и Николашъ, которые такъ и хлопали рюмка за рюмкой, а встали изъ-за стола—какъ бы ни въ чемъ не бывали, точно выпили по стакану воды. Съ гостями было не то: въ-силу, въ-силу перетаскились они на балконъ и въ-силу помѣстились въ креслахъ. Хозяинъ, какъ съѣлъ въ свое, какое-то четырехмѣстное, такъ тутъ же и заснулъ. Тучная собственность его превратилась въ кузнечный мѣхъ: черезъ открытый ротъ и носовыя ноздри началъ онъ издавать звуки, какіе не бываютъ и въ новой музыкѣ. Тутъ было все — и барабанъ, и флейта, и какой-то отрывистый звукъ, точно собачій лай.

«Экъ его насвистываетъ!» сказалъ Платоновъ. Чичиковъ разсмѣялся.

«Разумѣется, если этакъ пообѣдать», заговорилъ Платоновъ: «какъ тутъ притти скукѣ! тутъ сонъ придетъ».

«Да», говорилъ Чичиковъ лѣниво. Глазки стали у него

необыкновенно маленькіе. «А все-таки, однакожь, извините, не могу понять, какъ можно скучать. Противъ скуки есть такъ много средствъ».

«Какія же?»

«Да мало ли для молодого человѣка! Можно танцовать, играть на какомъ-нибудь инструментѣ... а не то — жечься».

«На комъ? скажите».

«Да будто въ окружности нѣтъ хорошихъ и богатыхъ невѣстъ?»

«Да нѣтъ».

«Ну, поискать въ другихъ мѣстахъ, поѣздить». Тутъ богатая мысль сверкнула въ головѣ Чичикова; глаза его стали побольше. «Да вотъ прекрасное средство!» сказалъ онъ, глядя въ глаза Платонову.

«Какое?»

«Путешествіе».

«Куда-жь ѣхать?»

«Да если вамъ свободно, такъ поѣдемъ со мной», сказалъ Чичиковъ и подумалъ про себя, глядя на Платонова: «А это было бы хорошо; тогда бы можно издержки пополамъ, а починку коляски отнести вовсе на его счетъ».

«А вы куда ѣдете?»

«Да какъ сказать — куда? Ъду я, покуда, не столько по своей надобности, сколько по надобности другого. Генералъ Ветрищевъ, близкій пріятель и, можно сказать, благодѣтель, просилъ навѣстить родственниковъ... Конечно, родственники-родственниками, но отчасти, такъ сказать, и для самого себя; ибо видѣть свѣтъ, коловращенье людей — кто что ни говори, есть какъ бы живая книга, вторая наука».

Платоновъ задумался.

Чичиковъ между тѣмъ такъ помышлялъ: «Право, было [бы] хорошо! Можно даже и такъ, что всѣ издержки будутъ на его счетъ. Можно даже сдѣлать и такъ, чтобы отплатиться на его лошадахъ, а мои покормятся у него въ деревнѣ, а въ дорогу взять его коляску».

«Что-жь? почему-жь не поѣздить?» думалъ между тѣмъ Платоновъ: «авось-либо будетъ повеселѣе. Дома же мнѣ дѣлать нечего, хозяйство и безъ того на рукахъ у брата; стало-быть, разстройства никакого. Почему-жь, въ самомъ дѣлѣ,

не проѣздиться?»—«А согласны ли вы», сказалъ онъ вслухъ: «погостить у брата денька два? Безъ этого онъ меня не отпустить».

«Съ большимъ удовольствіемъ, хоть три».

«Ну, если такъ — по рукамъ! ъдемъ!» сказалъ, оживясь, Платоновъ.

«Браво!» сказалъ Чичиковъ, хлопнувъ по рукѣ его: «ѣдемъ!»

«Куда? куда?» сказалъ хозяинъ, проснувшись и выпуча на нихъ глаза. «Нѣтъ, государи, и колеса приказано снять съ вашей коляски, а вашъ жеребецъ, Платонъ Михалычъ, отсюда теперь за пятнадцать верстъ. Нѣтъ, вотъ вы сегодня переночуйте, а завтра послѣ ранняго обѣда и поѣзжайте себѣ».

«Вотъ тебѣ на!» подумалъ Чичиковъ. Платоновъ ничего на это не сказалъ, зная, что Пѣтухъ держался обычаямъ своихъ крѣпко. Нужно было остаться.

Зато награждены они были удивительнымъ весеннимъ вечеромъ. Хозяинъ устроилъ гулянье на рѣкѣ. Двѣнадцать гребцовъ, въ двадцать четыре весла, съ пѣснями, понесли ихъ по гладкому хребту зеркальнаго озера. Изъ озера они пронеслись въ рѣку, безпредѣльную, съ пологими берегами по обѣ стороны. Хоть бы струйкой шевельнулись воды. На катерѣ они пили съ калачами чай, подходя ежеминутно подъ протянутые поперекъ рѣки канаты для ловли рыбы снастью. Еще до чаю [хозяинъ] успѣлъ раздѣться и выпрыгнуть въ рѣку, гдѣ барахтался и шумѣлъ съ полчаса съ рыбаками, покрикивая на Оому большого и Козьму, и, накричавшись, нахлопотавшись, намерзнувшись въ водѣ, очутился на катерѣ (съ аппетитомъ) и такъ пилъ чай, что было завидно. Тѣмъ временемъ солнце зашло; осталась небесная ясность. Крики отдавались звонко. Намѣсто рыбаковъ показались повсюду у береговъ группы купающихся ребятнишекъ: хлопанье по водѣ, смѣхъ отдавались далече. Гребцы, хвативши разомъ въ двадцать четыре весла, подымали вдругъ всѣ весла вверхъ, и катеръ самъ собой, какъ легкая птица, стремился по недвижной зеркальной поверхности. Здоровый, свѣжій дѣтина, третій отъ руля, загибалъ звонко одинъ, вырабатывая чистымъ голосомъ; пятеро подхватывало, шестеро выносило — и разливалась безпредѣльная, какъ Русь, пѣсня; и, заслонивши ухо рукой, какъ бы терялись сами пѣвцы въ ея безпредѣльности. Становилось

какъ-то льготно, и думалъ Чичиковъ: «Эхъ, право, заведу себѣ когда-нибудь деревеньку!»—«Ну, что тутъ хорошаго», думалъ Платоновъ, «въ этой заунывной пѣснѣ? отъ ней еще болѣшая тоска находить на душу».

Возвращались назадъ уже сумерками. Весла ударили впотѣмахъ по водамъ, уже не отражавшимъ неба. Едва видны были по берегамъ огоньки. Мѣсяцъ подымался, когда они пристали къ берегу. Повсюду на треногахъ варили рыбаки уху, все изъ ершей да изъ животрепещущихъ рыбъ. Все уже было дома. Гуси, коровы, козы уже давно были пригнаны, и самая пыль отъ нихъ уже давно улеглась, и пастухи, пригнавшие ихъ, стояли у воротъ, ожидая крынки молока и приглашенья къ ухѣ. Тамъ и тамъ слышались говоръ и гомонъ людской, громкое лаеніе собакъ своей деревни и отдаленное — чужихъ деревень. Мѣсяцъ подымался, и стали озаряться потемки; и все наконецъ озарилось — и озеро, и избы; поблѣднѣли огни; сталъ виденъ дымъ изъ трубъ, осеребренный лучами. Николаша и Алексаша пронеслись передъ ними на двухъ лихихъ жеребцахъ, въ обгонку другъ друга; пыль за ними — какъ отъ стада барановъ. «Эхъ, право, заведу себѣ когда-нибудь деревеньку!» думалъ Чичиковъ. Бабенка и маленькіе Чичиковы начали ему снова представляться. Кого-жъ не разогрѣетъ такой вечеръ?

А за ужиномъ опять объѣлись. Когда вошелъ Павелъ Ивановичъ въ отведенную комнату для сна и, ложась въ постель, поцѣловалъ животикъ свой: «Барабанъ!» сказалъ: «никакой городничій не взойдетъ!»—Надобно же было такому стеченью обстоятельствъ: за стѣной былъ кабинетъ хозяина, стѣна была тонкая, и слышалось все, что тамъ ни говорилось. Хозяинъ заказывалъ повару, подъ видомъ раннего завтрака, на завтрашній день, рѣшительный обѣдъ, и какъ заказывалъ! У мертваго родился бы аппетитъ. И губами подсасывалъ, и причвокивалъ. Раздавалось только: «Да поджарь, да дай взопрѣть хорошенько!» А поварь приговаривалъ тоненькой фистулой: «Слушаю-съ. Можно-съ. Можно-съ и такой».

«Да кулебяку сдѣлай на четыре угла. Въ одинъ уголъ положи ты мнѣ щеки осегра да вязигу, въ другой запусти гречневой кашицы, да грибочковъ съ лучкомъ, да молоко сладкихъ, да мозговъ, да еще чего знаешь тамъ этакого...»

«Слушаю-съ. Можно будетъ и такъ».

«Да чтобы съ одного боку она, — понимаешь? — зарумянилась бы, а съ другого пусти ее полегче. Да исподку-то, исподку — понимаешь? — пропеки такъ, чтобы разсыпалась. чтобы всю ее проняло, знаешь, сокомъ, чтобы и не услышала ее во рту — какъ снѣгъ бы растаяла».

«Чортъ побери!» думалъ Чичиковъ, ворочаясь: «просто, не дасть спать!»

«Да сдѣлай ты мнѣ свиной сычугъ. Положи въ середину кусочекъ льду, чтобы онъ взбухнулъ хорошенько. Да чтобы къ осетру обкладка, гарниръ-то, гарниръ-то чтобы были побогаче! Обложи его раками да поджаренной маленькой рыбкой, да проложи фаршеномъ изъ сняточковъ, да добавь мелкой сѣчки, хрѣнку, да груздочковъ, да рѣпушки, да морковки, да бобковъ, да нѣтъ ли еще тамъ какого коренья?»

«Можно будетъ подпустить брюкву или свеклу звѣздочкой», сказалъ поваръ.

«Подпусти и брюкву, и свеклу. А къ жаркому ты сдѣлай вотъ какую обкладку...»

«Пропалъ совершенно сонъ!» сказалъ Чичиковъ, переворачиваясь на другую сторону, закуталъ голову въ подушки и закрылъ себя всего одѣяломъ, чтобы не слышать ничего. Но сквозь одѣяло слышалось безпрестанно: «Да поджарь, да подпеки, да дай взопрѣть хорошенько». Заснулъ онъ уже на какомъ-то индюкѣ.

На другой день до того объѣлись гости, что Платоновъ уже не могъ ѣхать верхомъ; жеребецъ былъ отправленъ съ конюхомъ Пѣтуха. Они сѣли въ коляску. Мордатый пѣсь лѣниво пошелъ за коляской: онъ тоже объѣлся.

«Нѣтъ, это уже слишкомъ», сказалъ Чичиковъ, когда выѣхали они со двора. «Это даже по-свински. Не спокойно ли вамъ, Платонъ Михайлычъ? Препокойная была коляска, и вдругъ стало беспокойно. Петрушка, ты, вѣрно, по глупости, сталъ перекладывать? отовсюду торчатъ какія-то коробки!»

Платоновъ усмѣхнулся. «Это, я вамъ объясню», сказалъ онъ: «Петръ Петровичъ насовалъ въ дорогу».

«Точно такъ», сказалъ Петрушка, оборотаясь съ козелъ: «приказано было все поставить въ коляску — пашкеты и пироги».

«Точно-съ, Павелъ Ивановичъ», сказалъ Селифанъ, оборотясь съ козелъ, веселый: «очень почтенный баринъ, угостительный помѣщикъ! По рюмкѣ шампанскаго выслать, точно-съ, и приказалъ отъ стола отпустить блюда, — очень хорошія блюда, деликатнаго скусу. Такого почтительнаго господина еще и не было».

«Видите ли? онъ всѣхъ удовлетворилъ», сказалъ Платоновъ. «Однакоже, скажите просто: есть ли у васъ время, чтобы заѣхать въ одну деревню, отсюда верстъ десять? Мнѣ бы хотѣлось проститься съ сестрой и зятемъ».

«Съ большимъ удовольствіемъ», сказалъ Чичиковъ.

«Отъ этого вы не будете въ накладѣ: зять мой — весьма замѣчательный человѣкъ».

«По какой части?» спросилъ Чичиковъ.

«Это первый хозяинъ, какой когда-либо бывалъ на Руси. Онъ въ десять лѣтъ съ небольшимъ, купивши разстроенное имѣніе, едва дававшее двадцать тысячъ, возвелъ его до того, что теперь получаетъ двѣсти тысячъ».

«А, почтенный человѣкъ! Вотъ этакого человѣка жизнь стоить того, чтобы быть переданной въ поученье людямъ! Очень, очень будетъ пріятно познакомиться. А какъ по фамиліи?»

«Скудронжогло».

«А имя и отчество».

«Константинъ Ѳедоровичъ».

«Константинъ Ѳедоровичъ Скудронжогло. Очень пріятно познакомиться. Поучительно узнать этакого человѣка». И Чичиковъ пустился въ расспросы о Скудронжоглѣ, и все, что онъ узналъ о немъ отъ Платонова, было, точно, изумительно.

«Вотъ смотрите, въ этомъ мѣстѣ уже начинаются его земли», говорилъ Платоновъ, указывая на поля. «Вы увидите тотчасъ отличье отъ другихъ. Кучеръ, здѣсь возьмешь дорогу налѣво. Видите ли этотъ молодникъ-лѣсъ? Это — сѣянный. У другого въ пятьдесятъ лѣтъ не поднялся [бы] такъ, а у него въ восемь выросъ. Смотрите, вотъ лѣсъ и кончился, начались уже хлѣба; а черезъ пятьдесятъ десятинъ опять будетъ лѣсъ, тоже сѣянный, а тамъ опять. Смотрите на хлѣба, во сколько разъ они гуще, чѣмъ у другого».

«Вижу. Да какъ же онъ это дѣлаетъ?»

«Ну, разспросите у него, вы увидите, что ни нѣтъ у него. Это всезнай, такой всезнай, какого вы нигдѣ не найдете. Онъ мало того, что знаетъ, какую почву чтѣ любить, знаетъ, какое сосѣдство для кого не нужно, по близости какого лѣса нужно сѣять какой хлѣбъ. У насъ у всѣхъ земля трескается отъ засухъ, а у него нѣтъ. Онъ разсчитываетъ, насколько нужно влажности, столько и дерева разведетъ: у него все играетъ двѣ роли: лѣсъ лѣсомъ, а полю удобренье отъ листьевъ да отъ тѣни. И это во всемъ такъ».

«Изумительный человѣкъ!» сказалъ Чичиковъ и съ любопытствомъ поглядывалъ на поля.

Все было въ порядкѣ необыкновенномъ. Лѣса были обгороженные; попадались скотные дворы, тоже не безъ причины обстроеныя, завидно содержимые; хлѣбныя клады росту великанскаго. Обильно и хлѣбно было повсюду. Видно было вдругъ, что живетъ тузъ-хозяинъ. Поднявшись на небольшую возвышенность, [увидѣли] на сунротивной сторонѣ большую деревню, разсынающуюся на трехъ горныхъ возвышеніяхъ. Все тутъ было богато: торныя улицы, крѣпкія избы; стояла гдѣ телѣга — телѣга была крѣпкая и новѣшенькая; попадался ли конь — конь былъ откормленный и добрый; рогатый скотъ — какъ на отборъ, даже мужичья свинья глядѣла дворяниномъ. Такъ и видно, что здѣсь именно живутъ тѣ мужики, которые гребутъ, какъ поется въ пѣснѣ, серебро лопатой. Не было тутъ аглицкихъ парковъ, бесѣдокъ и мостовъ съ затѣями и разныхъ проспектовъ передъ домомъ; отъ избъ до господскаго двора потянулись рыбацкіе дворы. На крышѣ большой фонарь, не для видовъ, но для разсматриванья, гдѣ, и въ какомъ мѣстѣ, и какъ производились работы.

Они подъѣхали къ дому. Хозяина не было; встрѣтила ихъ жена, родная сестра Платонова, бѣлокурая, бѣлолицая, съ прямо русскимъ выраженіемъ, также красавица, но такъ же полусонная, какъ онъ. Кажется, какъ будто ее мало заботило то, о чемъ заботятся, или оттого, что всепоглощающая дѣятельность ничего не оставила на ея долю, или оттого, что она принадлежала, по самому сложенію своему, къ тому философическому разряду людей, которые, имѣя и чувства, и мысли, и умъ, живутъ какъ-то вполонину, на жизнь глядя въ-полглаза и, видя возмутитель

ныя тревоги и борьбы, говорятъ: «[Пусть] ихъ, дураки, бѣсятся! Имъ же хуже».

«Здравствуй, сестра!» сказалъ Платоновъ. «Гдѣ-жъ Константинъ?»

«Не знаю. Ему уже слѣдовало быть давно здѣсь. Вѣрно, захлопотался».

Чичиковъ на хозяйку не обратилъ [вниманія]. Ему было интересно разсмотрѣть жилище этого необыкновеннаго чело-вѣка. Онъ оглянулъ въ комнатѣ все: думалъ онъ отыскать въ ней слѣды свойства самого хозяина, — какъ по раковинѣ можно судить, какого рода сидѣла въ ней устрица или улитка; но этого-то и не было. Комнаты были безхарактерны совершенно — просторны, и ничего больше. Ни фресковъ, ни картинъ по стѣнамъ, ни бронзы по столамъ, ни этажерокъ съ фарфоромъ и чашками, ни вазъ, ни цвѣтовъ, ни статуекъ, — словомъ, какъ-то голо. Простая обыкновенная мебель да рояль стоялъ въ сторонѣ, и тотъ покрытъ: какъ видно, хозяйка рѣдко за него садилась. Изъ гостиной отворена [была дверь въ кабинетъ хозяина]; но и тамъ было такъ же голо, — просто и голо. Видно было, что хозяинъ приходилъ въ домъ только отдохнуть, а не то, чтобы жить въ немъ; что для обдумыванія своихъ плановъ и мыслей ему [не] надобно было кабинета съ пружинными креслами и всякими покойными удобствами и что жизнь его заключалась не въ очаровательныхъ грѣзахъ у пылающаго камина, но прямо въ дѣлѣ: мысль исходила вдругъ изъ самихъ обстоятельствъ, въ ту минуту, какъ они представлялись, и обращалась вдругъ въ дѣло, не имѣя никакой надобности въ томъ, чтобы быть записанной.

«А! вотъ онъ! Идетъ, идетъ!» сказалъ Платоновъ. Чичиковъ тоже устремился къ окну. Къ крыльцу подходилъ лѣтъ сорока чело-вѣкъ, живой, смуглой наружности. На немъ былъ триковый картузь. По обѣимъ сторонамъ его, снявъ шапки, шли двое нижняго сословія, — шли, разговаривая и о чемъ-то съ [нимъ] толкуя. Одинъ, казалось, былъ простой мужикъ; другой, въ синей сибиркѣ, какой-то заѣзжій кулакъ и пройдоха.

«Такъ ужъ прикажите, батюшка, приняты!» говорилъ мужикъ, кланяясь.

«Да нѣтъ, братецъ, я ужъ двадцать разъ вамъ повторялъ:

не возите больше. У меня матеріалу столько накопилось, что дѣвать некуда».

«Да у васъ, батюшка Константинъ Ѳеодоровичъ, весь пойдетъ въ дѣло. Ужъ этакого умнаго человѣка во всемъ свѣтѣ нельзя сыскать. Ваше здоровье всяку вещь въ мѣсто поставитъ. Такъ ужъ прикажите принять».

«Мнѣ, братецъ, руки нужны; мнѣ работниковъ доставляй, а не матеріалъ».

«Да ужъ въ работахъ не будете имѣть недостатку. У насъ цѣлыя деревни пойдутъ въ работы: безхлѣбье такое, что и не запомнимъ. Ужъ вотъ бѣда-то, что не хотите насъ совсѣмъ взять, а отслужили бы вѣрою вамъ, ей-Богу, отслужили. У васъ всякому уму научись, Константинъ Ѳеодоровичъ. Такъ прикажите принять въ послѣдній разъ».

«Да вѣдь ты и тогда говорилъ: *въ послѣдній разъ*, а вѣдь вотъ опять привезъ».

«Ужъ въ послѣдній разъ, Константинъ Ѳеодоровичъ. Если вы не возьмете, то у меня никто не возьметъ. Такъ ужъ прикажите, батюшка, принять».

«Ну, слушай, этотъ разъ возьму, и то изъ сожалѣнія только, чтобы не провозилъ напрасно. Но если ты привезешь въ другой разъ, хоть три недѣли канючь—не возьму».

«Слушаю-съ, Константинъ Ѳеодоровичъ; ужъ будьте покойны, въ другой разъ ужъ никакъ не привезу. Покорнѣйше благодарю». Мужикъ отошелъ, довольный. Вретъ, однакоже, привезетъ: *авось*—великое слово.

«Такъ ужъ того-съ, Константинъ Ѳеодоровичъ, ужъ сдѣлайте милость... побавьте», говорилъ шедшій по другую сторону заѣзжій кулакъ въ синей сибиркѣ.

«Вѣдь я тебѣ на первыхъ порахъ объявилъ. Торговаться я не охотникъ. Я тебѣ говорю опять: я не то, что другой помѣщикъ, къ которому ты подѣлешь подъ самый срокъ уплаты въ ломбардъ. Вѣдь я васъ знаю всѣхъ. У васъ есть списки всѣхъ, кому когда слѣдуетъ уплачивать. Чтѣ-жъ тутъ мудренаго? Ему приспичитъ, онъ тебѣ и отдастъ за полцѣны. А мнѣ чтѣ твои деньги? У меня вещь хоть три года лежи: мнѣ въ ломбардъ не нужно уплачивать».

«Настоящее дѣло, Константинъ Ѳеодоровичъ. Да вѣдь я того-съ... оттого только, чтобы и впредь имѣть съ вами касательство, а не ради какого корыстья. Три тысячи задаточку извольте принять». Кулакъ вынулъ изъ-за пазухи

пукъ засаленныхъ ассягнацій. Скудронжогло прехладнокровно взялъ ихъ и, не считая, сунулъ въ задній карманъ своего сюртука.

«Гм», подумалъ Чичиковъ: «точно какъ бы носовой платокъ!»

Минуту спустя, Скудронжогло показался въ дверяхъ гостиной.

«Ба, братъ, ты здѣсь!» сказалъ онъ, увидѣвъ Платонова. Они обнялись и поцѣловались. Платоновъ рекомендовалъ Чичикова. Чичиковъ благоговѣйно подступилъ къ хозяину, лобызнулъ его въ щеку, принявши и отъ него впечатлѣніе поцѣлуя.

Лицо Скудронжогла было очень замѣчательно. Въ немъ было замѣтно южное происхожденіе. Волосы на головѣ и на бровяхъ темны и густы, глаза говорящіе, блеску сильнаго. Умъ сверкалъ во всякомъ выраженіи лица, и ужъ ничего не было въ немъ соннаго. Но замѣтна, однакоже, была примѣсь чего-то желчнаго и озлобленнаго. Онъ былъ не совсѣмъ русскаго происхожденія. Есть много на Руси русскихъ не русскаго происхожденія, въ душѣ, однакоже, русскіе. Скудронжогло не занимался своимъ происхожденіемъ, находя, что это нейдетъ въ дѣло; притомъ не зналъ и другого языка, кромѣ русскаго.

«Знаешь ли, Константинъ, что я выдумалъ?» сказалъ Платоновъ.

«А что?»

«Выдумалъ я проѣздитья по разнымъ губерніямъ; авосьли это выльчить отъ хандры».

«Что-жь? это очень можетъ быть».

«Вотъ вмѣстѣ съ Павломъ Ивановичемъ».

«Прекрасно! Въ какія же мѣста», спросилъ Скудронжогло, привѣтливо обращаясь къ Чичикову: «предполагаете теперь ѣхать?»

«Признаюсь», сказалъ Чичиковъ, наклоня голову набокъ и взявшись рукою за ручку кресель: «вѣдь я, покаместъ, не столько по своей нуждѣ, сколько по нуждѣ другого. Генералъ Бетрищевъ, близкій пріятель и, можно сказать, благотворитель, просилъ навѣстить родственниковъ. Родственники, конечно, родственникамъ, но отчасти, такъ сказать, и для самого себя; потому что, точно, не говоря уже о пользѣ, которая можетъ быть въ геморoidalномъ отно-

шеніи, одно уже то, чтобъ увидать свѣтъ, коловращеніе людей... кто что ни говори, есть, такъ сказать, живая книга, та же наука».

«Да, заглянуть въ иные уголки не мѣшаетъ».

«Превосходно позволили замѣтить», отнесся Чичиковъ. «точно, не мѣшаетъ. Видишь вещи, которыхъ бы не видѣлъ; встрѣчаешь людей, которыхъ бы не встрѣтилъ. Разговоръ съ инымъ тотъ же червонецъ. Научите, почтеннѣйшій Константинъ Ѳеодоровичъ, научите, къ вамъ прибѣгаю. Жду, какъ манны, сладкихъ словъ вашихъ».

Скудронжогло смутился. «Чему же, однако?... чему научиться? Я и самъ учился на мѣдные деньги».

«Мудрости, почтеннѣйшій, мудрости! мудрости управлять хозяйствомъ, подобно вамъ; подобно вамъ умѣть извлекать изъ него (не мечтательные, но) существенные доходы; приобрѣсть, подобно вамъ, имущество не воображаемое, но существенное, дѣйствительное, и тѣмъ, исполни долгъ гражданина, заслужить уваженіе соотечественниковъ».

«Знаете ли что?» сказалъ Скудронжогло: «останьтесь денекъ у меня. Я покажу вамъ все управленіе и расскажу обо всемъ. Мудрости тутъ, какъ вы увидите, никакой нѣтъ».

«Братъ, оставайся этотъ день», сказала хозяйка, обращаясь къ Платонову.

«Мнѣ все равно», произнесъ тотъ равнодушно: «какъ Павелъ Ивановичъ?»

«Я съ большимъ удовольствіемъ... Но вотъ обстоятельство—нужно посѣтить родственника генерала Бетрищева. Есть нѣкто полковникъ Кошкаревъ...»

«Да вѣдь онъ... знаете ли вы это? Вѣдь онъ дуракъ и помѣшанъ».

«Объ этомъ я уже слышалъ. Мнѣ къ нему и дѣла нѣтъ. Но такъ какъ генераль Бетрищевъ — близкій пріятель и, такъ сказать, благотворитель... такъ уже какъ-то и не ловко».

«Въ такомъ случаѣ знаете ли что», сказалъ [Скудронжогло]: «поѣзжайте къ нему теперь же. У меня стоятъ готовые пролетки. Къ нему и десяти верстъ [нѣтъ], такъ вы слетаете духомъ. Вы даже раньше ужина возвратитесь назадъ».

Чичиковъ съ радостью воспользовался предложеніемъ.

Пролетки были поданы, и онъ поѣхалъ тотъ же часъ къ полковнику, который изумилъ его такъ, какъ еще никогда ему не случалось изумляться. Все было у полковника необыкновенно. Вся деревня была въ разброску: постройки, перестройки, кучи извести, кирпичу и бревенъ по всѣмъ улицамъ. Выстроены были какіе-то дома, въ родѣ присутственныхъ мѣстъ. На одномъ было написано золотыми буквами: *Дено земледѣльческихъ орудій*, на другомъ: *Главная счетная экспедиція*, на третьемъ: *Комитетъ сельскихъ дѣлъ*; *Школа нормальнаго просвѣщенія поселянъ*; словомъ, чортъ знаетъ, чего не было! Онъ думалъ, не вѣхалъ ли въ губернский городъ. Самъ полковникъ былъ какой-то чопорный. Лицо какое-то чинное въ видѣ треугольника. Бакенбарды по щекамъ его были протянуты въ струнку; волосы, прическа, носъ, губы, подбородокъ—все какъ бы лежало дотолъ подъ прессомъ. Началъ онъ говорить, какъ бы и дѣльный чловѣкъ. Съ первыхъ началъ началъ онъ ему жаловаться на необразованность окружающихъ помѣщиковъ, на великіе труды, которые ему предстоятъ *). Принялъ онъ Чичикова ласково и радушно, и ввелъ его совершенно въ довѣренность и рассказалъ съ самоуслажденіемъ, сколькихъ и сколькихъ стоило ему трудовъ возвестъ имѣнье до нынѣшняго ***) благосостоянія; какъ трудно было дать понять простому мужику, что существуютъ высшія побужденія, которыя составляютъ чловѣку просвѣщенная роскошь, что есть искусство; сколько нужно было бороться съ невѣжествомъ русскаго мужика, чтобы одѣть его въ нѣмецкіе штаны и заставить почувствовать, хотя сколько-нибудь, высшее достоинство чловѣка; что бабъ, несмотря на всѣ усилія, онъ

*) Сверху строкъ Гоголь написалъ новый текстъ этого мѣста: «не вѣхалъ ли онъ въ губернский городъ. Всею непонятнѣй то, что самъ полковникъ вовсе не походилъ на сумасшедшаго чловѣка. Онъ былъ на видъ пределикатный. Манеры и обхожденіе деликатное, какъ бы у поряч... Принялъ Чичикова» (не дописано). Передѣлка не была доведена до конца. Слова: «Манеры и обхожденіе деликатное», потомъ были зачеркнуты и вмѣсто нихъ приписаны потомъ слова: «пределикатный и преобходительный чловѣкъ».

**) Слова: «тудовъ возвестъ имѣнье до нынѣш» представляютъ позднѣйшую прибавку; они приписаны въ концѣ 65-й страницы для связи послѣдней фразы, которая была недописана: «и рассказалъ съ самоуслажденіемъ, сколькихъ и сколькихъ стоило ему.....» Для приписки конца оставлено пустое мѣсто.

до сихъ [поръ] не могъ заставить надѣть корсетъ, тогда какъ въ Германіи, гдѣ онъ стоялъ съ полкомъ въ 14-мъ году, дочь мельника умѣла играть даже на фортепіано, говорила по-французски и дѣлала книксенъ. Съ соболѣзнованіемъ разсказывалъ онъ, какъ велика необразованность сосѣдей-помѣщиковъ; какъ мало думаютъ они о своихъ подвластныхъ; какъ они даже смѣялись, когда онъ старался изъяснить, какъ необходимо для хозяйства устроеніе письменной конторы, конторъ, комиссій и даже комитетовъ, чтобы тѣмъ предохранить [отъ] всякой кражи и всякая вещь была бы извѣстна, чтобы писарь, управитель и бухгалтер образовались бы не какъ-нибудь, но оканчивали бы университетское воспитаніе; что, несмотря на всѣ убѣжденія, онъ не могъ убѣдить помѣщиковъ въ томъ, что какая бы выгода была ихъ имѣніямъ, если бы каждый крестьянинъ былъ воспитанъ такъ, чтобы, идя за плугомъ, могъ читать въ то же время книгу о громовыхъ отводахъ.

На это Чичиковъ [подумалъ]: «Ну, врядъ ли выберется такое время. Вотъ я выучился грамотѣ, а «Графиня Лавальеръ» до сихъ поръ еще не прочитана».

«Ужасное невѣжество!» сказалъ въ заключеніе полковникъ Кошкаревъ: «тѣмъ среднихъ вѣковъ, и нѣтъ средствъ помочь... Повѣрьте, нѣтъ! А я бы могъ всему помочь; я знаю одно средство, вѣрнѣйшее средство».

«Какое?»

«Одѣтъ всѣхъ до одного въ Россіи, какъ ходятъ въ Германіи. Ничего больше, какъ только это, и я вамъ ручаюсь, что все пойдетъ, какъ по маслу: науки возвысятся, торговля подымется, золотой вѣкъ настанетъ въ Россіи».

Чичиковъ глядѣлъ на него пристально и думалъ: «Что-жъ? съ этимъ чиниться нечего». Не отлагая дѣла въ дальній ящикъ, онъ объяснилъ полковнику тутъ же, что такъ и такъ: имѣется надобность вотъ въ какихъ душахъ, съ совершенствомъ такихъ-то крѣпостей и всѣхъ обрядовъ.

«Сколько могу видѣть изъ словъ вашихъ, это просьба; не такъ ли?»

«Такъ точно».

«Въ такомъ случаѣ, изложите ее письменно. Она пойдетъ въ комиссію всякихъ прошеній. Комиссія всякихъ прошеній, помѣтивши, препроводить ее ко мнѣ. Отъ меня поступитъ она въ комитетъ сельскихъ дѣлъ, тамъ сдѣлаютъ вся-

кія справки и выправки по этому дѣлу. Главноуправляющій вмѣстѣ съ конторою въ самоскорѣйшемъ времени положить свою резолюцію, и дѣло будетъ сдѣлано».

Чичиковъ оторопѣлъ. «Позвольте», сказалъ: «этакъ дѣло затянется».

«А!» сказалъ съ улыбкой полковникъ: «вотъ тутъ-то и выгода бумажнаго производства! Оно, точно, нѣсколько затянется, но зато уже ничто не ускользнетъ: всякая мелочь будетъ видна».

«Но позвольте... Какъ же трактовать объ этомъ письменно? Вѣдь это такого рода дѣло... Души вѣдь нѣкоторымъ образомъ... мертвыя».

«Очень хорошо. Вы такъ и напишите, что души нѣкоторымъ образомъ мертвыя».

«Но вѣдь какъ же—мертвыя? Вѣдь этакъ же нельзя написать. Онѣ хотя и мертвыя, но нужно, чтобы казались, какъ бы были живыя».

«Хорошо. Вы такъ и напишите: *но нужно, или требуется, чтобы казалось, какъ бы живыя*».

Что было дѣлать съ полковникомъ? Чичиковъ рѣшился отправиться самъ поглядѣть, что это за комиссія и комитеты; и что нашелъ онъ тамъ, то было не только изумительно, но превышало рѣшительно всякое понятие. Комиссія всякихъ прошеній существовала только на вѣвѣскѣ. Предсѣдатель ея, прежній камердинеръ, былъ переведенъ во вновь образованный комитетъ сельскихъ построекъ. Мѣсто его заступилъ конторщикъ Тимошка, откомандированный на слѣдствіе—разбирать пьяницу-приказчика со старостой, мошенникомъ и плутомъ. Чиновника—нигдѣ.

«Да гдѣ-жъ тутъ?... да какъ добиться какого-нибудь толку?» сказалъ Чичиковъ своему спутнику, чиновнику по особеннымъ порученіямъ, котораго полковникъ далъ ему въ проводники.

«Да никакого толку не добьетесь», сказалъ проводникъ: «у насъ безтолковицина. У насъ всѣмъ, извольте видѣть, распоряжается комиссія построенія, отрываетъ всѣхъ отъ дѣла, посылаетъ, куда угодно. Только и выгодно у насъ, что въ комиссіи построенія (онъ, какъ видно, былъ недоволенъ на комиссію построенія). У насъ такъ заведено, что всѣ водятъ за носъ барина. Онъ думаетъ, что все-съ какъ слѣдуетъ, а вѣдь это название только одно».

«Это, однакоже, нужно ему сказать», подумалъ Чичиковъ и, пришедши къ полковнику, объявилъ, что у него каша и никакого толку нельзя добиться, и комиссія построеній воюетъ напропалую.

Полковникъ воскипѣлъ благороднымъ негодованьемъ; тутъ же написалъ восемь строжайшихъ запросовъ: на какомъ основаніи комиссія построеній самоуправно распорядилась съ неподвѣдомственными ей чиновниками? какъ могъ допустить главноуправляющій, чтобы предсѣдатель, не сдавши своего поста, отправился на слѣдствіе? и какъ могъ видѣть равнодушно комитетъ сельскихъ дѣлъ, что даже не существуетъ комиссіи прошеній?

«Ну, пойдетъ кутерьма», подумалъ Чичиковъ, и началъ раскланиваться.

«Нѣтъ, я васъ не отпущу. Въ два часа, не болѣе, вы будете удовлетворены во всемъ. Ваше дѣло поручу теперь особенному человѣку, который только-что окончилъ университетскій курсъ. Посидите у меня въ библіотекѣ. Тутъ все, что для васъ нужно—книги, бумага, перья, карандаши—все. Пользуйтесь, пользуйтесь всѣмъ—вы господинъ».

Такъ говорилъ Коншкаревъ, отворяя дверь въ книгохранилище. Это былъ огромный залъ, снизу доверху уставленный книгами. Были тамъ даже и чучела животныхъ. Книги по всѣмъ частямъ—по части лѣсоводства, скотоводства, свиноводства, садоводства, тысячи всякихъ журналовъ, руководствъ и множество журналовъ, представлявшихъ самыя позднѣйшія развитія и усовершенствованія по коннозаводству и естественнымъ наукамъ. Были и такія названія: «Свиноводство, какъ наука». Видя, что здѣсь все вещи непріятнаго препровожденія [времени], онъ обратился къ другому шкафу. Изъ огня — въ полымя: тутъ были все книги философскія. На одной было заглавіе: «Философія, въ смыслѣ науки»; шесть томовъ въ рядъ, подъ названіемъ: «Предуготовительное вступленіе къ теоріи мышленія въ ихъ общности, совокупности и въ примѣненіи къ уразумѣнію органическихъ началъ (общества) обоюднаго раздвоенія общественной производительности». Что ни разворачивалъ Чичиковъ книгу, на всякой страницѣ — *проявленіе, развитіе, абстрактъ, замкнутость и сомкнутость*, и чортъ знаетъ, чего тамъ не было. «Нѣтъ, это (все) не по мнѣ», сказалъ Чичиковъ, и оборотился къ третьему шкафу, гдѣ

были книги все по части искусствъ. Тутъ вытащилъ какую-то огромную книгу съ нескромными мифологическими картинками и началъ ихъ разсматривать. Это было по его вкусу. Такого рода картинки нравятся холостякамъ среднихъ [лѣтъ]. Говорятъ, что въ послѣднее время стали онѣ нравиться даже и старичкамъ, изощрившимъ вкусъ на балетахъ. Что-жъ дѣлать! пряные корни любить человѣкъ. Окончивши разсматриванье этой книги, Чичиковъ вытащилъ уже было и другую, въ томъ же родѣ, какъ вдругъ появился полковникъ Кошкаревъ, съ сіяющимъ видомъ и бумагою.

«Все сдѣлано, и сдѣлано отлично. Человѣкъ этотъ рѣшительно понимаетъ одинъ за всѣхъ. За это я его — выше всѣхъ: заведу особенное, высшее управленіе и поставлю его президентомъ. Вотъ что онъ пишетъ...»

«Ну, слава те, Господи!» подумалъ Чичиковъ, и приготовился слушать.

«Приступая къ обдумыванью возложеннаго на меня вашимъ высокородіемъ порученія, честь имѣю симъ донести на оное: 1) Въ самой просьбѣ господина коллежскаго совѣтника и кавалера Павла Ивановича Чичикова есть уже нѣкоторое недоразумѣніе: въ изъясненіи того, что требуются ревизскія души, постигнутыя всякими внезапностями, вставлены и умершія. Подъ симъ, вѣроятно, они изволили разумѣть близкія къ смерти, а не умершія; ибо умершія не приобретаются. Что-жъ и приобретать, если ничего нѣтъ? Объ этомъ говоритъ и самая логика, да и въ словесныхъ наукахъ они, какъ видно, не далеко уходили...» Тутъ на минуту Кошкаревъ остановился и сказалъ: «Въ этомъ мѣстѣ, плуть... онъ немножко кольнулъ васъ. Но судите, однакоже, какое бойкое перо—статсъ-секретарскій слогъ; а вѣдь всего три года побывъ въ университетѣ, даже не кончилъ курса». Кошкаревъ продолжалъ: «...въ словесныхъ наукахъ, какъ видно, не далеко... ибо выразились о душахъ *умершихъ*, тогда какъ всякому, изучавшему курсъ познаній человѣческихъ, извѣстно заподлинно, что душа безсмертна.—2) Оныхъ упомянутыхъ ревизскихъ душъ, пришлыхъ или прибылыхъ, или, какъ они неправильно изволили выразиться, умершихъ, нѣтъ на-лицо таковыхъ, которыя бы не были въ залогѣ, ибо всѣ въ совокупности не только заложены безъ изъятія, но и перезаложены, съ прибавкой по полтораста рублей

на дуну, кромѣ небольшой деревни «Гурмайловка», находящейся въ спорномъ положеніи по случаю тяжбы съ помѣщикомъ Предищевымъ, и потому ни въ продажу, ни въ залогъ поступить не можетъ».

«Такъ зачѣмъ же вы мнѣ этого не объявили прежде? Зачѣмъ изъ пустяковъ держали?» сказалъ съ сердцемъ Чичиковъ.

«Да вѣдь какъ же я могъ знать объ этомъ сначала? Въ этомъ-то и выгода бумажнаго производства, что вотъ теперь все, какъ на ладони, оказалось ясно».

«Дуракъ ты, глупая скотина!» думалъ про-себя Чичиковъ. «Въ книгахъ копался, а чему выучился?» Мимо всякихъ учтивствъ и приличій, схватить онъ шапку—изъ дома. Кучеръ стоялъ съ пролеткой наготовѣ и лошадей не откладывать: о кормѣ пошла бы письменная просьба, и резолюція—выдать овесъ лошадямъ вышла бы только на другой день. Какъ ни былъ Чичиковъ грубъ и неучтивъ, но Кошкаревъ, несмотря на все, былъ съ нимъ необыкновенно учтивъ и деликатенъ. Онъ насильно пожалъ ему руку и прижалъ ее къ сердцу (уже въ то время, какъ тотъ садился), и благодарилъ его за то, что онъ далъ ему случай увидѣть на дѣлѣ ходъ производства; что передригу и гонку нужно дать необходимо, потому что способно все задремать и пружины сельскаго управленія заржавѣютъ и ослабѣютъ; что, вслѣдствіе этого событія, пришла ему счастливая мысль — устроить новую комиссію, которая будетъ называться комиссіей наблюденія за комиссіею построенія, такъ что уже тогда никто не осмѣлится украсть.

«Осель! дуракъ!» думалъ Чичиковъ, сердитый и недовольный во всю дорогу. Ъхалъ опъ уже при звѣздахъ. Ночь была на небѣ. Въ деревняхъ были огни. Подъѣзжая къ крыльцу, онъ увидѣлъ въ окнахъ, что уже столъ былъ накрытъ для ужина.

«Что это вы такъ запоздали?» сказалъ Скудронжогло, когда онъ появился въ дверяхъ.

«О чемъ вы это такъ долго съ нимъ толковали?» сказалъ Платоновъ.

«Уморилъ!» сказалъ Чичиковъ. «Этакого дурака я еще отъ роду не видывалъ».

«Это еще ничего!» сказалъ Скудронжогло. «Кошкаревъ—утѣшительное явленіе. Онъ нуженъ зачѣмъ, что въ немъ

отражаются карикатурно и видный глупости умных людей. Завели конторы и присутствия, и управителей, и мануфактуры, и фабрики, и школы, и комиссию, и чортъ ихъ знаетъ что такое, точно какъ будто бы у нихъ государство какое! Какъ вамъ это нравится? я спрашиваю. Помѣщикъ, у котораго пахатныя земли и недостаетъ крестьянъ обрабатывать, а онъ завелъ свѣчной заводъ, изъ Лондона мастеровъ выписалъ свѣчныхъ, торгашомъ сдѣлался! Вонъ другой дуракъ еще лучше: фабрику шелковыхъ матерій завелъ!»

«Да вѣдь и у тебя же есть фабрики», замѣтилъ Платоновъ.

«А кто ихъ заводилъ?—Сами завелись: накопилось шерсти, сбыть некуда, я и началъ ткать сукна, да и сукна толстыя, простыя; по дешевой цѣнѣ ихъ тутъ же на рынкахъ у меня и разбираютъ. Рыбью шелуху, напимѣръ, сбрасывали на мой берегъ шесть лѣтъ сряду; ну, куда ее дѣвать?—я началъ изъ нея варить клей, да сорокъ тысячъ и взялъ. Вѣдь у меня все такъ».

«Экой чортъ!» думалъ Чичиковъ, глядя на него въ оба глаза: «загребистая какая лапа!»

«Да я и строеній для этого не строю; у меня нѣтъ зданій съ колоннами да фронтонами. Мастеровъ я не выписываю изъ-за границы, а ужъ крестьянъ отъ хлѣбопашества ни за что не оторву; на фабрикахъ у меня работаютъ только въ голодный годъ, все пришлые, изъ-за куска хлѣба. Этакихъ фабрикъ у меня, братъ, наберется много. Разсмотри только попристальнѣ свое хозяйство, ты увидишь—всякая тряпка пойдетъ въ дѣло, всякая дрянъ дастъ доходъ, такъ что послѣ отталкиваешь только да говоришь: не нужно!»

«Это изумительно», сказалъ Чичиковъ, исполнившись участія: «изумительно! изумительно! Изумительнѣе же всего то, что всякая дрянъ даетъ доходъ».

«Гм! да не только это!...» Рѣчи Скудронжогло не кончили: желчь въ немъ пробудилась, и ему хотѣлось побранить соседей-помѣщиковъ. «Вонъ опять одинъ умникъ — что, вы думаете, у себя завелъ?—Богоугодныя заведенія, каменное строеніе въ деревнѣ! Христолюбивое дѣло!... Ужъ хочешь помогать, такъ ты помогай всякому мужику исполнить этотъ долгъ, а не отрывай его отъ христіанскаго долга. Помог

сыну пригрѣть у себя больного отца, а не давай ему возможности сбросить его съ плечъ своихъ. Дай лучше ему возможность пріютить у себя въ дому ближняго и брата, дай ему на это денегъ, помощи всѣми силами, а не отлучай его: онъ совсѣмъ отстанетъ отъ всякихъ христіанскихъ обязанностей. Донъ-Кихоты, просто, по всѣмъ частямъ!... Двѣсти рублей выходитъ на человѣка въ годъ въ богоугодномъ заведеніи!... Да я на эти деньги буду у себя въ деревнѣ десять человѣкъ содержать!» Скудронжогло разсердился и плюнулъ.

Чичиковъ не интересовался богоугоднымъ заведеніемъ: онъ хотѣлъ повести рѣчь о томъ, какъ всякая дрянъ даетъ доходъ. Но Скудронжогло уже разсердился, желчь въ немъ закипѣла, и слова полились.

«А вотъ другой Донъ-Кихоть просвѣщенія: завелъ школы! Ну, что, напримѣръ, полезнѣе человѣку, какъ знанье грамоты? А вѣдь какъ распорядился? Вѣдь ко мнѣ приходятъ мужики изъ его деревни. «Что это», говорятъ: «батюшка, такое? сыновья наши совсѣмъ отъ рукъ отбились, помогать въ работахъ не хотятъ, всѣ въ писаря хотятъ, а вѣдь писарь нуженъ одинъ». Вѣдь вотъ что вышло!»

Чичикову тоже не было надобности до школъ, но Платоновъ подхватилъ этотъ предметъ: «Да вѣдь этимъ останавливаться не нужно, что теперь не надобны писаря: послѣ будетъ надобность. Работать нужно для потомства».

«Да будь, братецъ, хоть ты уменъ! Ну, что вамъ далось это потомство? Всѣ думаютъ, что они какіе-то Петры Великіе. Да ты смотри себѣ подъ ноги, а не гляди въ потомство; хлопочи о томъ, чтобы мужика сдѣлать достаточнымъ, да богатымъ, да чтобы было у него время учиться по охотѣ своей, а не то, что съ палкой въ рукѣ говорить: «Учись!» Чортъ знаетъ, съ котораго конца начинаютъ!.. Ну, послушайте: ну, вотъ я вамъ на судъ...» Тутъ Скудронжогло подвинулся ближе къ Чичикову и, чтобы заставить его по-лучше вникнуть въ дѣло, взялъ его на бордажъ, другими словами—засунулъ палецъ въ петлю его фрака. «Ну, что можетъ быть яснѣе? У тебя крестьяне затѣмъ, чтобы ты имъ покровительствовалъ въ ихъ крестьянскомъ быту. Въ чемъ же быть? въ чемъ же занятія крестьянина?—Въ хлѣбопашествѣ? Такъ старайся, чтобы онъ былъ хорошимъ хлѣбопашцемъ. Ясно? Нѣтъ, нашлись умники, говорятъ:

«Изъ этого состоянія его можно вывести. Онъ ведетъ слишкомъ грубую, простую жизнь: нужно познакомить его съ предметами роскоши». Что сами, благодаря этой роскоши, стали тряпки, а не люди, и болѣзней, чортъ знаетъ, какихъ набрались, и ужъ нѣтъ ни одного осмнадцатилѣтняго мальчишки, который бы не испробовалъ всего: и зубовъ у него нѣтъ, и плѣшивъ,—такъ хотятъ теперь и этихъ заразить. Да слава Богу, что у насъ осталось хотя одно еще здоровое сословіе, которое не познакомилось съ этими прихотями! За это мы, просто, должны благодарить Бога. Да, хлѣбопашцы для меня всѣхъ почтеннѣе. Дай Богъ, чтобы всѣ были хлѣбопашцы!»

«Такъ вы полагаете, что хлѣбопашествомъ всего выгоднѣе заниматься?» спросилъ Чичиковъ.

«Законнѣе, а не то, что выгоднѣе. Воздѣлывай землю въ потѣ лица своего—это намъ всѣмъ сказано; это не даромъ сказано. Опытномъ вѣкомъ доказано, что въ земледѣльческомъ званіи человѣкъ чище нравами. Гдѣ хлѣбопашество легло въ основаніе быта общественнаго, тамъ изобиліе и довольство; бѣдности нѣтъ, роскоши нѣтъ, а есть довольство. Воздѣлывай землю—сказано человѣку, трудись... что тутъ хитрить! Я говорю мужику: «Кому бы ты ни трудился, мнѣ ли, себѣ ли, сосѣду ли, только трудись. Въ дѣятельности я твой первый помощникъ. Нѣтъ у тебя скотины, вотъ тебѣ лошадь, вотъ тебѣ корова, вотъ тебѣ телѣга. Всѣмъ, что нужно, готовъ тебя снабдить, но трудись. Для меня смерть, если хозяйство у тебя не въ устройствѣ и вижу у тебя безпорядокъ и бѣдность. Не потерплю праздности: я затѣмъ надъ тобой, чтобы ты трудился». Гм! думаютъ увеличить доходы заведеніями да фабриками! Да ты подумай прежде о томъ, чтобы всякій мужикъ былъ у тебя богатъ, такъ тогда ты и самъ будешь богатъ безъ фабрикъ и безъ заводовъ, и безъ глупыхъ [затѣй].»

«Чѣмъ больше слушаешь васъ, почтеннѣйшій Константинъ Ѳедоровичъ», сказалъ Чичиковъ: «тѣмъ большее получаешь желаніе слушать. Скажите, досточтимый мною: если бы, напримѣръ, я возымѣлъ намѣреніе сдѣлаться помѣщикомъ, положимъ, здѣшней губерніи, на что именно слѣдуетъ обратить вниманіе? какъ быть, какъ поступить, чтобы въ непродолжительное [время] разбогатѣть, тѣмъ исполнивъ, такъ сказать, въ виду отечества обязанность гражданина?»

«Какъ поступить, чтобы разбогатѣть? А вотъ какъ...» сказалъ Скудронжоголо.

«Пойдемъ ужинать!» сказала хозяйка, поднявшись съ дивана, и выступила на середину комнаты, закутывая въ шаль молодые продрогнувшіе свои члены.

Чичиковъ схватился со стула съ ловкостью почти военнаго человѣка, подлетѣлъ къ хозяйкѣ съ мягкимъ выраженіемъ, въ.... деликатнаго штатскаго человѣка, коромыслою подставилъ ей руку и повелъ ее парадно черезъ двѣ комнаты въ столовую, сохраняя во все время пріятное наклоненіе головы нѣсколько на-бокъ. Служитель снялъ крышку съ суповой чашки; всѣ со стульями придвинулись ближе къ столу, и началось хлебанье супа.

Отдѣлавши супъ и заливши рюмкой наливки (наливка была отличная), Чичиковъ сказалъ такъ Скудронжоголу: «Позвольте, почтеннѣйшій, вновь обратить васъ къ предмету прекращеннаго разговора. Я спрашивалъ васъ о томъ, какъ быть, какъ поступить, какъ лучше приняться...»

.....*.)
«Имѣнье, за которое если бы онъ запросилъ и 40 тысячъ, я бы ему тутъ же отсчиталъ».

«Гм!» Чичиковъ задумался. «А отчего же вы сами», проговорилъ онъ съ нѣкоторою робостью: «не покупаете его?»

«Да нужно знать, наконецъ, предѣлы. У меня и безъ того много хлопотъ около своихъ имѣній. Притомъ, у насъ дворяне и безъ того уже кричатъ на меня, будто я, пользуясь крайностями и разоренными ихъ положеніями, скушаю земли за безцѣнокъ. Это мнѣ ужъ, наконецъ, надоѣло».

«Дворянство способно къ злословью!» сказалъ Чичиковъ.

«А ужъ у насъ, въ нашей губерніи... Вы не можете себѣ представить, что они говорятъ обо мнѣ. Они меня иначе и не называютъ, какъ сквалыгой и скупердяемъ первой степени. Себя они во всемъ извиняютъ. «Я», говоритъ, «конечно, промотался, но потому, что жилъ высшими потребностями жизни. Мнѣ нужны книги, я долженъ жить рос-

*) После этого утрачена изъ тетради одна четвертка, или двѣ страницы. Въ первомъ изданіи второго тома «Мертвыхъ Духъ» С. И. Шевыревъ сдѣлалъ къ этому мѣсту такое примѣчаніе: «Здѣсь въ разговорѣ между Костанжоголо и Чичиковымъ пропускъ. Должно полагать, что Костанжоголо предложилъ Чичикову приобрести покупкою имѣнье сосѣда его, помѣщика Хлобуева».

кошину, чтобы промышленность поощрять; а этакъ, пожалуй, можно прожить и не разорившись, если бы жить такой свиньей, какъ Скудронжогло». — «Вѣдь вотъ какъ!»

«Желалъ бы я быть этакой свиньей!» сказалъ Чичиковъ.

«И вѣдь это все оттого, что не задаю обѣдовъ, да не занимаю имъ денегъ. Обѣдовъ я потому не даю, что это меня бы тяготило, я къ этому не привыкъ; а пріѣзжай ко мнѣ ѣсть то, что я ѣмъ,—милости просимъ! Не даю денегъ взаймы—это вздоръ. Пріѣзжай ко мнѣ въ самомъ дѣлѣ нуждающійся, да расскажи мнѣ обстоятельно, какъ ты распорядишься моими деньгами: если я увижу изъ твоихъ словъ, что ты употребишь ихъ умно и деньги принесутъ тебѣ лишнюю прибыль,—я тебѣ не откажу и не возьму даже процентовъ. Но бросать денегъ на вѣтеръ я не стану. Ужъ пусть меня въ этомъ извинятъ! Онъ затѣваетъ какой-нибудь обѣдъ своей любовницѣ или на сумасшедшую ногу убираетъ мебелими домъ, а ему давай деньги взаймы!»...

Здѣсь Скудронжогло плюнулъ и чуть-чуть не выговорилъ нѣсколько неприличныхъ и бранныхъ словъ въ присутствіи супруги. Суровая тѣнь темной ипохондріи омрачила его живое лицо. Вдоль лба и поперекъ его собрались морщины, обличители гнѣвнаго движенія, взволнованной желчи.

Чичиковъ вынулъ рюмку малиновки и сказалъ такъ: «Позвольте мнѣ, досточтимый мною, обратить васъ вновь къ предмету прекращеннаго разговора. Если бы, положимъ, я приобрѣлъ то самое имѣніе, о которомъ вы изволили упомянуть, то во сколько времени и какъ скоро можно разбогатѣть въ такой степени...»

«Если вы хотите», подхватилъ сурово и отрывисто Скудронжогло, еще полный нерасположенія дужа: «разбогатѣть скоро, такъ вы никогда не разбогатѣете; если же хотите разбогатѣть, не спрашивая о времени, то разбогатѣете скоро».

«Вотъ оно какъ!» сказалъ Чичиковъ.

«Да», сказалъ Скудронжогло отрывисто, точно какъ бы онъ сердился на самого Чичикова. «Надобно имѣть любовь къ труду; безъ этого ничего нельзя сдѣлать. Надобно полюбить хозяйство, да! И, повѣрьте, это вовсе не скучно. Выдумали, что въ деревнѣ тоска... Да я бы умеръ отъ тоски, если бы хотя одинъ день провелъ въ городѣ такъ, какъ проводятъ они! Хозяину нѣтъ времени скучать. Въ

жизни его нѣтъ пустоты—все полнота. Нужно только рассмотреть весь этотъ многообразный кругъ годовыхъ занятій—и какихъ занятій! занятій, истинно возвышающихъ духъ, не говоря уже о разнообразіи. Тутъ человѣкъ идетъ рядомъ съ природой, съ временами года, соучастникъ и собесѣдникъ всему, что совершается въ твореньи. Еще не появилась весна, а ужъ начинаются работы: подвозы и дровъ, и всего на время распутицы; подготовка сѣмянъ; переборка, перемѣрка по амбарамъ хлѣба и пересушка; установление новыхъ тяголъ. Прошли снѣга и рѣки,—работы такъ вдругъ и закипѣли: тамъ нагрузки на суда, здѣсь расчистка деревъ по лѣсамъ, пересадка деревъ по садамъ, и пошли взрывать повсюду землю. Въ огородахъ работаетъ заступъ, въ поляхъ—соха и борона. И начинаются посѣвы—бездѣлица: грядущій урожай сѣютъ! Наступило лѣто — покосы, первѣйшій праздникъ хлѣбопашца, — бездѣлица! Пойдутъ жатва за жатвой: за рожью пшеница, за ячменемъ овесъ, а тутъ и дерганье конопли. Мечутъ стога, кладутъ кладни. А тутъ и августъ перевалилъ за половину — пошла свозка всего на гумна. Наступила осень—запаски и посѣвы озимыхъ хлѣбовъ, чинка амбаровъ, ригъ, скотныхъ дворовъ, хлѣбный опытъ и первый умолотъ. Наступитъ зима — и тутъ не дремлютъ работы: первые подвозы въ городъ, молотьба по всѣмъ гумнамъ, перевозка перемолотаго хлѣба изъ риги въ амбары, по лѣсамъ рубка и пиленье дровъ, подвозъ кирпичу и матеріалу для весеннихъ построекъ. Да, просто, я и обнять всего не въ состояніи. Какое разнообразіе работъ! Сюда и туда взглянуть идешь: и на мельницу, и на рабочій дворъ, и на фабрики, и на гумна; идешь и къ мужику взглянуть, какъ онъ на себя работаетъ,—бездѣлица! Да для меня праздникъ, если плотникъ хорошо владѣетъ топоромъ; я два часа готовъ передъ нимъ простоять: такъ веселитъ меня работа! А если видишь еще, съ какой цѣлью все это творится, какъ вокругъ тебя все множится да множится, принося плодъ да доходъ, да я и рассказать вамъ не могу, какое удовольствіе. И не потому, что растутъ деньги,—деньги деньгамъ,—но потому, что все это—дѣло рукъ твоихъ; потому, что видишь, какъ ты всему причина и творецъ всего, и отъ тебя, какъ отъ какого-нибудь мага, сыплется изобиліе и добро на все. Да гдѣ вы найдете мнѣ равное наслажденіе?» сказалъ Скудронжогло, и

лицо поднялось кверху, всѣ морщины исчезнули. Какъ царь въ день торжественнаго вънчавья своего, сіялъ онъ. — «Да въ цѣломъ мірѣ не отыщете вы подобнаго наслажденья! Здѣсь, именно здѣсь, подражаютъ Богу человѣкъ: Богъ предоставилъ Себѣ дѣло творенья, какъ высшее наслажденье, и требуетъ отъ человѣка также, чтобы онъ былъ творцомъ благоденствія и стройнаго теченья дѣлъ. И это называютъ скучнымъ дѣломъ!»

Какъ пѣнья райской птички, заслушался Чичиковъ сладкозвучныхъ хозяйскихъ рѣчей. Глотали слюнку его уста. Глаза умаслились и выражали сладость, и все бы онъ слушалъ.

«Константинъ! пора вставать», сказала хозяйка, приподнявшись со стула. Платоновъ приподнялся, Скудронжогло приподнялся, Чичиковъ приподнялся, хотя хотѣлось ему все сидѣть да слушать. Подставивъ руку коромысломъ, повелъ Чичиковъ обратно хозяйку. Но голова его не была склонена привѣтливо на-бокъ, недоставало ловкости въ оборотахъ. Его мысли были заняты существенными оборотами и соображеньями.

«Что ни рассказывай, а все, однакоже, скучно», говорилъ, идя позади ихъ, Платоновъ.

«Гость, кажется, очень неглупый человѣкъ», думалъ хозяинъ: «степененъ въ словахъ и не шелкоперъ». И, подумавши, сталъ онъ еще веселѣе, точно какъ бы самъ разогрѣлся отъ своего разговора, точно какъ [бы] праздноу, что нашелъ человѣка, готоваго слушать умные совѣты.

Когда потомъ помѣстились они всѣ въ маленькой, уютной комнаткѣ, озаренной свѣчками, насупротивъ большой стеклянной двери въ садъ, Чичикову сдѣлалось такъ пріятно, какъ не бывало давно, точно какъ бы послѣ долгихъ странствованій приняла его родная крыша и, по совершеніи всего, получила онъ желаемое и бросилъ скитальческій посохъ, сказавши: «довольно!» Такое обаятельное расположение навелъ ему на душу разумный разговоръ хозяина. Есть для всякаго сердца такіа рѣчи, которыя какъ бы ближе и родственнѣе ему другихъ рѣчей; и часто неожиданно, въ глухомъ, забытомъ захолустьи, на безлюдьи безлюдномъ, встрѣтишь человѣка, котораго грѣющая бесѣда заставитъ позабыть тебя и бездорожье дороги, и безпріютность ночлеговъ, и современный свѣтъ, полный глупостей

людей, обмановъ, обманывающихъ человѣка; и живо потому, навсегда и навѣки останется проведенный такимъ образомъ вечеръ, и все, что тогда случилось и было, удержать вѣрная память: и кто соприсутствовалъ, и кто на какомъ мѣстѣ стоялъ, и что было въ рукахъ его, — стѣны, углы и всякую бездѣлушку.

Такъ и Чичикову замѣтилось все въ тотъ вечеръ: и эта малая, неприхотливо убранная комнатка, и добродушное выраженіе, воцарившееся въ лицѣ умнаго хозяина, и подаренная Платонову трубка съ янтарнымъ мундштукомъ, и дымъ, который онъ сталъ пускать въ толстую морду Ярбу, и фырканье Ярба, и смѣхъ миловидной хозяйки, прерываемый словами: «Полно, не мучь его», и веселыя свѣчки, и сверчокъ въ углу, и стеклянная дверь, и весенняя ночь, которая оттолѣ на нихъ глядѣла, облокотясь на вершины деревьевъ, изъ чащи которыхъ высвистывали весенніе соловьи.

«Сладки мнѣ ваши рѣчи, досточтимый мною Константинъ Федоровичъ», произнесъ Чичиковъ. «Могу сказать, что не встрѣчалъ во всей Россіи человѣка, подобнаго вамъ по уму».

Скудронжоголо улыбнулся. «Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ», сказалъ онъ: «ужъ если хотите знать умнаго человѣка, такъ у насъ, дѣйствительно, есть одинъ, о которомъ, точно, можно сказать—«умный человѣкъ». Котораго я и подметки не стою».

«Кто это?» съ изумленіемъ спросилъ Чичиковъ.

«Это нашъ откупщикъ Муразовъ».

«Въ другой разъ уже про него слышу!» вскрикнулъ Чичиковъ.

«Это человѣкъ, который не то, что имѣньемъ помѣщика—цѣлымъ государствомъ управлять. Будь у меня государство, я бы его сей же часъ сдѣлалъ министромъ финансовъ».

«Слышалъ. Говорятъ, человѣкъ, превосходящій мѣру всякаго вѣроятія: десять милліоновъ, говорятъ, нажилъ».

«Какое десять! перевалило за сорокъ. Скоро половина Россіи будетъ въ его рукахъ».

«Что вы говорите!» вскрикнулъ Чичиковъ, оторопѣвъ.

«Всенепремѣнно. У него теперь приращеніе должно идти съ быстротой невѣроятной. Это ясно. Медленно богатѣетъ только тотъ, у кого какія-нибудь сотни тысячъ; а у кого милліоны, у того радіусъ великъ: что ни захватить, такъ

вдвое и втрое противъ самого себя. Поле-то, поприще слишкомъ просторно. Тутъ ужъ и соперниковъ нѣтъ: съ нимъ некому тягаться. Какую цѣну чему ни назначить, такая и останется: некому перебить».

Вытаращивъ глаза и разинувъ ротъ, какъ вкопанный, смотрѣлъ Чичиковъ въ глаза Скудронжогло. Захватило духъ въ груди ему. «Уму непостижимо!» сказалъ онъ, приходя немного въ себя: «каменѣть мысль отъ страха. Изумляются мудрости Промысла въ разсматриваньи букашки; для меня болѣе изумительно, когда въ рукахъ смертнаго могутъ обращаться такія громадныя суммы! Позвольте предложить вамъ вопросъ насчетъ одного обстоятельства: скажите, вѣдь это, разумѣется, въ началѣ приобрѣтено не безъ грѣха?»

«Самымъ безукоризненнымъ путемъ и самыми справедливыми средствами».

«Не повѣрю, почтеннѣйшій, извините, не повѣрю. Если-бъ это были тысячи, еще бы такъ, но миллионы... извините, не повѣрю».

«Напротивъ, тысячи трудно безъ грѣха, а миллионы наживаются легко. Миллионщику нечего прибѣгать къ кривымъ путямъ. Прямой-таки дорогой такъ и ступай, все бери, что ни лежитъ передъ тобой. Другой не подыметъ: всякому не по силамъ».

«Уму непостижимо! И что всего непостижимѣй, это то, что дѣло вѣдь началось изъ копѣйки!»

«Да иначе и не бываетъ. Это законный порядокъ вещей», сказалъ Скудронжогло. «Кто воспитался на тысячахъ, тотъ уже не приобрѣтетъ: у того уже завелись и прихоти, и мало ли чего нѣтъ! Начинать нужно съ начала, а не съ середины. Снизу, снизу нужно начинать. Тутъ только узнаешь хорошо людъ и быть, среди которыхъ придется потомъ изворачиваться. Какъ вытерпишь на собственной кожѣ то да другое, да какъ узнаешь, что всякая копѣйка алтыннымъ гвоздемъ прибита, да какъ перейдешь всѣ мытарства, тогда тебя умудритъ и вышkolитъ такъ, что ужъ не дашь промаха ни въ какомъ предпріятіи и не обоврешься. Повѣрьте, это правда. Съ начала нужно начинать, а не съ середины. Кто говорить мнѣ: «Дайте мнѣ 100 тысячъ, я сейчасъ разбогачу», я тому не повѣрю: онъ бьетъ на удачу, а не навѣрняка. Съ копѣйки нужно начинать!»

«Въ такомъ случаѣ я разбогачу», сказалъ Чичиковъ:

«потому что начинаю почти, такъ сказать, съ ничего»^{*} Онъ разумѣлъ мертвыя души.

«Константинъ, пора дать Павлу Ивановичу отдохнуть и поспать», сказала хозяйка: «а ты все болтаешь».

«И непременно разбогатеете», сказали Скудронжогло, не слушая хозяйки. «Къ вамъ потекутъ рѣки, рѣки золота. Не будете знать, куда дѣвать доходы».

Какъ очарованный, сидѣлъ Павелъ Ивановичъ въ золотой области возрастающихъ грѣзъ и мечтаній. Закружились его мысли...

«Право, Константинъ, Павлу Ивановичу пора спать».

«Да что-жь тебѣ? Ну, и ступай, если захотѣлось!» сказалъ хозяинъ и остановился: громко, по всей комнатѣ, раздалось храпѣнье Платонова, а вслѣдъ за нимъ Ярбъ захрапѣлъ еще громче. Уже давно слышался отдаленный стукъ въ чугунныя доски. Дѣло потянуло за полночь. Скудронжогло замѣтилъ, что въ самомъ дѣлѣ пора на покой. Всѣ разберлись, пожелавъ спокойнаго сна другъ другу, и не замедлили имъ воспользоваться.

Одному Чичикову только не спалось. Его мысли бодрствовали. Онъ обдумывалъ, какъ сдѣлаться помѣщикомъ не фантастическаго, но существеннаго имѣнія. Послѣ разговора съ хозяиномъ все становилось такъ ясно; возможность разбогатѣть казалась такъ очевидной. Трудное дѣло хозяйства становилось теперь такъ легко и понятно и такъ казалось свойственно самой его натурѣ, что началъ помышлять онъ серьезно о приобрѣтеніи не воображаемаго, но дѣйствительнаго помѣстья; онъ опредѣлилъ тутъ же на деньги, которыя будутъ выданы ему изъ ломбарда за фантастическія души, приобрѣсть помѣстье уже не фантастическое. Уже онъ видѣлъ себя дѣйствующимъ и правящимъ именно такъ, какъ поучалъ Скудронжогло, — расторопно, осмотрительно, ничего не заводя новаго, не узнавши насквозь всего стараго, все высмотрѣвши собственными глазами, всѣхъ мужиковъ узнавши, всѣ излишества отъ себя оттолкнувши, отдавши себя только труду да хозяйству... Уже заранѣе предвкушалъ онъ то удовольствіе, которое будетъ онъ чувствовать, когда заведется стройный порядокъ и бойкимъ ходомъ двинутся всѣ пружины хозяйства, дѣятельно толкая другъ друга. Трудъ закипитъ, и подобно тому, [какъ] въ ходкой мельницѣ шибко вымалывается изъ

зерна мука, пойдеть вымалываться изъ всякаго дразгу и хламу чистаганъ да чистаганъ. Чудный хозяинъ такъ и стоялъ предъ нимъ ежеминутно. Это былъ первый человекъ во всей Россіи, къ которому почувствовалъ онъ уваженіе личное: досель уважать онъ человека или за хорошій чинъ, или за большіе достатки; собственно за умъ онъ не уважалъ еще ни одного человека. Скудронжогло былъ первый. Чичиковъ понялъ и то, что съ такимъ нечего толковать о мертвыхъ душахъ и самая рѣчь объ этомъ будетъ неумѣстна. Его занималъ теперь другой прожектъ — купить имѣнье Хлобуева. Десять тысячъ у него было; другія десять тысячъ предполагалъ онъ призанять у Скудронжогло, такъ какъ онъ самъ объявилъ уже, что готовъ помочь всякому, желающему разбогатѣть и заняться хозяйствомъ. Остальныя десять тысячъ можно было обязаться потомъ, по заложеніи души. Заложить всѣ накупленныя души еще нельзя было, потому что не было еще земель, на которыя слѣдовало переселить ихъ. Хотя [увѣрялъ] онъ, что въ Херсонской губерніи есть у него земли, но онѣ существовали больше въ предположеніи. Предполагалось еще и скупить ихъ въ Херсонской губерніи, потому что онѣ тамъ продавались за безцѣнокъ и даже отдавались даромъ, лишь бы только на нихъ селились. Думалъ онъ также и о томъ, что надобно торопиться закупать, у кого какіе остались бѣглецы и мертвецы, ибо помѣщики другъ передъ другомъ спѣшнать закладывать имѣнія и скоро во всей Россіи можетъ не остаться и угла, не заложеннаго въ казну. Всѣ эти мысли попеременно наполняли его голову и мѣшали ему [спать]. Наконецъ сонъ, который уже цѣлые четыре часа держалъ весь домъ, какъ говорится, въ своихъ объятіяхъ, принялъ въ объятія и Чичикова. Онъ заснулъ крѣпко...

ГЛАВА IV.

На другой день все обдѣлалось, какъ нельзя лучше. Скудронжогло далъ съ радостью десять тысячъ безъ процентовъ, безъ поручительства, — просто, подъ одну росписку: такъ былъ онъ готовъ помогать всякому на пути къ приобрѣтенію. Этого мало: онъ самъ взялся сопровождать Чичикова къ Хлобуеву, съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть вмѣстѣ съ

нимъ имѣніе. Постѣ сытнаго завтрака всѣ они отправились, сѣвши всѣ трое въ коляску Павла Ивановича; пролетки хозяина слѣдовали за ними порожнякомъ. Ярбъ бѣжалъ впереди, сгоняя съ дороги птицъ. Въ полтора часа съ небольшимъ, сдѣлали они восемнадцать верстъ и увидѣли деревушку съ двумя домами: одинъ большой и новый, недостроенный и остававшійся вчернѣ нѣсколько лѣтъ; другой маленький и старенькій. Хозяина нашли они растрепаннаго, заспаннаго, недавно проснувшагося; на сюртукѣ у него была заплата, а на сапогѣ дырка.

Пріѣзду гостей онъ обрадовался, какъ Богъ вѣсть чему: точно какъ бы увидѣлъ онъ братьевъ, съ которыми надолго разставался.

«Константинъ Ѳеодоровичъ! Платонъ Михайловичъ!» вскринулъ онъ: «отцы родные! вотъ одолжили пріѣздомъ! Дайте протереть глаза! А ужъ, право, думать, что ко мнѣ никто не заѣдетъ. Всякъ бѣгаетъ меня, какъ чумы: думаетъ—попрошу взаймы. Охъ, трудно, трудно, Константинъ Ѳеодоровичъ! Вижу — самъ всему виной! Чтò дѣлать? свинья свиньей зажилъ. Извините, господа, что принимаю васъ въ такомъ нарядѣ: сапоги, какъ видите, съ дырами. Да чѣмъ васъ потчевать? скажите».

«Пожалуйста безъ околичностей. Мы къ вамъ пріѣхали за дѣломъ», сказала Скудронжогло. «Вотъ вамъ покупищикъ, Павелъ Ивановичъ Чичиковъ».

«Душевно радъ познакомиться. Дайте прижать мнѣ вашу руку».

Чичиковъ далъ ему обѣ.

«Хотѣлъ бы очень, почтеннѣйшій Павелъ Ивановичъ, показать вамъ имѣніе, стоящее вниманія... Да чтò, господа, позвольте спросить, вы обѣдали?»

«Обѣдали, обѣдали», сказалъ Скудронжогло, желая отдѣлаться. «Не будемъ мѣшкать и пойдемъ теперь же».

«Въ такомъ случаѣ пойдемъ».

Хлобуевъ взялъ въ руки картузь. Гости надѣли на головы картузы, и всѣ отправились пѣшкомъ осматривать деревню.

«Пойдемъ осматривать безпорядки и безпутство мое», говорилъ Хлобуевъ. «Конечно, вы сдѣлали хорошо, что пообѣдали. Повѣрите ли, Константинъ Ѳеодоровичъ, курицы

нѣтъ въ домѣ,—до того дожилъ. Свиньей себя веду, просто свиньей!»

Глубоко вздохнувъ и какъ бы чувствуя, что мало будетъ участія со стороны Константина Ѳедоровича и жестковато его сердце, подхватилъ подъ руку Платонова и пошелъ съ нимъ впередъ, прижимая крѣпко его къ груди своей. Скудронжогло и Чичиковъ остались позади и, взявшись подъ руки, слѣдовали за ними въ отдаленіи.

«Трудно, Платонъ Михалычъ, трудно!» говорилъ Хлобуевъ Платонову. «Не можете вообразить, какъ трудно! Безденежье, безхлѣбье, безсапожье! Трынъ-трава бы это было все, если бы былъ молодъ и одинъ. Но когда всѣ эти невзгоды станутъ тебя ломать подъ старость, а подъ бокомъ жена, пятеро дѣтей,—сгрустнется, поневолѣ сгрустнется...»

Платонову стало жалко. «Ну, а если вы продадите деревню, это васъ поправитъ?» спросилъ онъ.

«Какое поправить!» сказалъ Хлобуевъ, махнувши рукой. «Все пойдетъ на уплату необходимѣйшихъ долговъ, а затѣмъ для себя не останется и тысячи».

«Такъ чтò-жъ вы будете дѣлать?»

«А Богъ знаетъ», говорилъ Хлобуевъ, пожимая плечами.

Платоновъ удивился. «Какъ же вы ничего не предпринимаете, чтобы вынутаться изъ такихъ обстоятельствъ?»

«Чтò-жъ предпринять?»

«Будто нѣтъ уже средствъ?»

«Никакихъ».

«Ну, ищите должности, возьмите какое-нибудь мѣсто».

«Вѣдь я губернской секретарь. Какое-жъ мнѣ могутъ дать выгодное мѣсто? Жалованье дадутъ ничтожное, а вѣдь у меня жена, пятеро дѣтей».

«Ну, частную какую-нибудь должность. Пойдите въ управляющіе».

«Да кто-жъ мнѣ повѣритъ имѣніе? Я промоталъ свое».

«Ну, да если голодъ и смерть грозятъ, нужно же что-нибудь предпринимать. Я спрошу, не можетъ ли братъ мой черезъ кого-либо въ городѣ, выхлопотать какую-нибудь должность».

«Нѣтъ, Платонъ Михайловичъ», сказалъ Хлобуевъ, вздохнувши и сжавши крѣпко его руку: «не гожусь я теперь никуда. Одряхлѣлъ прежде старости своей, и поясница бо-

лить отъ прежнихъ грѣховъ, и ревматизмъ въ плечѣ. Куда мнѣ! Что разорять казну! И безъ того теперь завелось много служащихъ ради доходныхъ мѣстъ. Храни Богъ, чтобы изъ-за доставки мнѣ жалованья прибавлены были подати на бѣдное сословіе: и безъ того ему трудно при этомъ множествѣ сосущихъ. Нѣтъ, Платонъ Михайловичъ, Богъ съ нимъ».

«Вотъ положеніе!» думалъ Платоновъ. «Это хуже моей спячки».

Тѣмъ временемъ Скудронжогло и Чичиковъ, идя позади ихъ на порядочномъ разстояніи, такъ между собою говорили:

«Вонъ запустилъ какъ все!» говорилъ Скудронжогло. «Довелъ мужика до какой бѣдности! Когда случился падежъ, такъ ужъ тутъ нечего глядѣть на свое добро. Тутъ все свое продай, да снабди мужика скотиной, чтобы онъ не оставался и одного дня безъ средствъ производить работу. Теперь и годами не поправишь: и мужикъ уже излѣнился, и загулялъ, и сталъ пьяница».

«Такъ, стало-быть, теперь не совсѣмъ выгодно и покупать такое имѣніе?» спросилъ Чичиковъ.

Тутъ Скудронжогло взглянулъ на Чичикова такъ, какъ бы хотѣлъ ему сказать: «Ты что за невѣжа! съ азбуки, что ли, нужно съ тобой начинать?» — «Невыгодно! да черезъ три года я буду получать двадцать тысячъ годового дохода съ этого имѣнія, — вотъ оно какъ невыгодно! Въ пятнадцати верстахъ—бездѣлица! А земля-то какова? разглядите землю! Все поѣмныя мѣста. Да я засѣю льну, да тысячъ на пять одного льну отпущу; рѣпой засѣю—на рѣпѣ выручу тысячи четыре. А вонъ смотрите — рожь поднялась; вѣдь это все падалъ. Онъ хлѣба не сѣялъ—я это знаю. Да этому имѣнію полтора ста тысячъ, а не сорокъ».

Чичиковъ сталъ опасаться, чтобы Хлобуевъ не услышалъ, и потому отсталъ еще подальше.

«Вонъ сколько земли оставилъ впустѣ!» говорилъ, начиная сердиться, Скудронжогло. «Хоть бы повѣстилъ впередъ, такъ набрали бы охотники. Ну, ужъ если нечѣмъ пахать, такъ копай подъ огородъ, — огородомъ бы взялъ. Мужика заставилъ пробыть четыре года безъ труда—бездѣлица! Да вѣдь этимъ однимъ ты уже его развратилъ и навѣки погубилъ; ужъ онъ успѣлъ привыкнуть къ лохмотью и бро-

дьянничеству!» Сказавши это, плюнулъ Скудронжогло, и желчное расположеніе осынило сумрачнымъ облакомъ его чело...

«Я не могу здѣсь больше оставаться: мнѣ смерть глядѣть на этотъ безпорядокъ и запустѣнье! Вы теперь можете съ нимъ покончить и безъ меня. Отберите у этого дурака поскорѣ сокровище. Онъ только безчеститъ Божій даръ!» И, сказавши это, Скудронжогло простился съ Чичиковымъ и, нагнавши хозяина, сталъ также прощаться.

«Помилуйте, Константинъ Ѳедоровичъ», говорилъ удивленный хозяинъ: «только-что пріѣхали—и назадъ!»

«Не могу. Мнѣ крайняя надобность быть дома», сказалъ Скудронжогло, простился, сѣлъ и уѣхалъ на своихъ пролеткахъ.

Казалось, какъ будто Хлобуевъ понялъ причину его отъѣзда. — «Не выдержалъ Константинъ Ѳедоровичъ», сказалъ онъ. «Чувствую, что не весело такому хозяину, каковъ онъ, глядѣть на такое безпутное управленье. Вѣрите ли, что не могу, Павелъ Ивановичъ...: что почти вовсе не сѣялъ хлѣба въ этомъ году! Какъ честный человѣкъ, сѣмянъ не было, не говоря ужъ о томъ, что нечѣмъ пахать. — Вашъ братецъ, Платонъ Михайловичъ, говорятъ, необыкновенный хозяинъ; а Константинъ Ѳедоровичъ, что ужъ говорить! это Наполеонъ своего рода. Часто, право, думаю: «Ну, зачѣмъ столько ума дается въ одну голову? ну, что бы хоть каплю его въ мою глупую, хоть бы на то, чтобы сумѣлъ домъ свой держать! Ничего не умѣю, ничего не могу». Ахъ, Павелъ Ивановичъ, [возьмите] въ свое распоряженіе! Жаль больше всего мнѣ мужичковъ бѣдныхъ. Чувствую, что не умѣлъ быть....., не могу быть взыскательнымъ и строгимъ. Да и какъ приучить ихъ къ порядку, когда самъ безпорядоченъ! Я бы ихъ отпустилъ сей же часъ на волю всѣхъ, да какъ-то устроенъ русскій человѣкъ, какъ-то не можетъ безъ покупателя... Такъ и задремлетъ, такъ и залпеснетъ».

«Вѣдь это, точно, странно», сказалъ Платоновъ: «отчего это у насъ такъ, что если не смотришь во всѣ глаза за простымъ человѣкомъ, сдѣлается и пьяницей, и негодяемъ?»

«Отъ недостатка просвѣщенія», замѣтилъ Чичиковъ.

«Ну, Богъ вѣсть отъ чего. Вотъ мы и просвѣтились, а вѣдь какъ живемъ? Я и въ университетѣ былъ, и слушалъ

лекціи по всѣмъ частямъ, а искусству и порядку жить не только не выучился, а еще какъ бы больше выучился искусству побольше издерживать деньги на всякія новыя утонченности да комфорта, больше познакомился съ такими предметами, на которые нужны деньги. Оттого ли, что я безтолково учился? Только нѣтъ: вѣдь такъ и другіе товарищи. Можетъ-быть, два-три человѣка извлекли себѣ настоящую пользу, да и то оттого, можетъ-быть, что и безъ того были умны, а прочіе вѣдь только и стараются узнать то, что портитъ здоровье, да и выманиваетъ деньги. Ей-Богу! Вѣдь приходили только загѣмъ, чтобы аплодировать профессорамъ, раздавать имъ награды, а не самимъ отъ нихъ получать. Такъ изъ просвѣщенія-то мы все-таки выберемъ то, что погаже; наружность его схватимъ, а его самого [не] возьмемъ. Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ, не умѣемъ мы жить отъ чего-то другого, а отъ чего, ей-Богу, я не знаю».

«Причины должны быть», сказалъ Чичиковъ.

Вздохнувъ глубоко бѣдный Хлобуевъ и сказалъ такъ: «Иной разъ, право, мнѣ кажется, что будто русскій человѣкъ—какой-то пронацій человѣкъ. Нѣтъ силы воли, нѣтъ отваги на постоялство. Хочешь все сдѣлать—и ничего не можешь. Все думаешь—съ завтрашняго дня начнешь новую жизнь, съ завтрашняго дня примешься за все, какъ слѣдуетъ, съ завтрашняго дня сядешь на діету; ничуть не бывало: къ вечеру того же дня такъ объѣшься, что только хлопаешь глазами и языкъ не ворочается,—право; и этакъ всѣ».

«Нужно въ запасѣ держать благоразуміе», сказалъ Чичиковъ: «ежеминутно совѣщаться съ благоразуміемъ, вести съ нимъ дру[жескую] бесѣду».

«Да что!» сказалъ Хлобуевъ. «Право, мнѣ кажется, мы совсѣмъ не для благоразумія рождены. Я не вѣрю, чтобы изъ насъ былъ кто-нибудь благоразумнымъ. Если я вижу, что иной даже и порядочно живетъ, собираетъ и копитъ деньги,—не вѣрю я и тому: на старости и его чортъ попутаетъ—спуститъ потомъ все вдругъ! И всѣ у насъ такъ: и благородные, и мужики, и просвѣщенные, и непросвѣщенные. Вонъ какой былъ умный мужикъ: изъ ничего нажилъ сто тысячъ, а какъ нажилъ сто тысячъ, пришла въ голову дурь сдѣлать ванну изъ шампанскаго, и выкупался

въ шампанскомъ. Но вотъ мы, кажется, и все осмотрѣли Больше ничего нѣтъ. Хотите развѣ взглянуть на мельницу? Впрочемъ, въ ней нѣтъ колеса, да и строенье никуда не годится».

«Что-жь и разсматривать ее!» сказали Чичиковъ.

«Въ такомъ случаѣ пойдемъ домой». И они всѣ направивъ шаги къ дому.

На возвратномъ пути были виды тѣ же. Неопрятный безпорядокъ такъ и выказывалъ отовсюду безобразную свою наружность. Все было опущено и залущено. Сердитая баба, въ замасленной дерюгѣ, приблиа до полусмерти бѣдную дѣвчонку и ругала на всѣ бока... всѣхъ чертей. Какая-то философическая борода глядѣла съ равнодушіемъ стонческимъ изъ окошка на гнѣвъ пьяной бабы; другая борода зѣвала. Одинъ чесалъ у себя пониже спины, другой зѣвалъ. Зѣвота видна была на стросніяхъ (и на всемъ): крыши также зѣвали. Платоновъ, глядя на нихъ, зѣвнулъ. «Мое-то будущее достоянье — мужики», подумалъ Чичиковъ: «дыра на дырѣ и заплата на заплатѣ!» И точно, на одной избѣ, вмѣсто крыши, лежали цѣликомъ ворота; провалившіяся окна подперты были жердями, сташенными съ господскаго амбара. Словомъ, въ хозяйство введена была, кажется, система Тришкина кафтана: отрѣзывались обшлага и фалды на заплату локтей.

Они вошли въ комнаты. Чичикова нѣсколько поразило смѣшеніе нищеты съ нѣкоторыми блестящими бездѣлушками позднѣйшей роскоши. Посреди изорванной утвари и мебели — новенькія бронзы. Какой-то Шекспиръ сидѣлъ на чернильницѣ; на столѣ лежала какая-то ручка слоновой кости для почесыванья себѣ самому спины. Хлобуевъ откомендовалъ имъ хозяйку-жену. Она была хоть куда; въ Москвѣ не ударила бы лицомъ въ [грязь]. Платье на ней было со вкусомъ, по модѣ. Говорить любила больше о городѣ да о театрѣ, который тамъ завелся. По всему было видно, что деревню она любила еще меньше, чѣмъ мужъ, и что зѣвала она еще больше Платонова, когда оставалась одна. Скоро комната наполнилась дѣтьми, прелестными дѣвочками и мальчиками. Ихъ было пятеро; шестое принеслось на рукахъ. Всѣ были прекрасны: мальчики и дѣвочки — заглядѣнье. Они были одѣты мило и со вкусомъ, были рѣзвы и веселы, и отъ этого самаго было еще груст-

нѣе глядѣть на нихъ. Лучше бы одѣты они были уже дурно, въ простыхъ пестрядевыхъ юбкахъ и рубашкахъ, бѣгали себѣ по двору и ничѣмъ не отличались отъ простыхъ крестьянскихъ дѣтей! Къ хозяйкѣ пріѣхала гостя. Дамы ушли на свою половину. Дѣти убѣжали вслѣдъ за ними. Мужчины остались одни.

Чичиковъ приступилъ къ покупкѣ. По обычаю всѣхъ покупщиковъ, сначала онъ охаялъ покупаемое имѣніе и, охаявши его со всѣхъ сторонъ, сказалъ: «Какая же будетъ ваша цѣна?»

«Видите ли что?» сказалъ Хлобуевъ. «Запрашивать съ васъ дорого не буду, да и не люблю: это было бы съ моей стороны и безсовѣстно. Я отъ васъ не скрою также и того, что въ деревнѣ моей изъ ста душъ, числящихся по ревизіи, и пятидесяти нѣтъ на-лицо: прочіе или померли отъ эпидемической болѣзни, или отлучились безпаспортно, такъ что вы почитайте ихъ какъ бы умершими. Поэтому-то я и прошу съ васъ всего только тридцать тысячъ».

«Ну, вотъ — тридцать тысячъ! Имѣнье запущено, люди мертвы, и тридцать тысячъ! Возьмите 25 тысячъ».

«Павелъ Ивановичъ, я могу его заложить въ ломбардъ въ 25 тысячъ; понимаете ли это? Тогда я получаю 25 тысячъ и имѣніе при мнѣ. Продаю я единственно затѣмъ, что мнѣ нужны скоро деньги, а при закладкѣ была бы проволочка, надобно бы платить приказнымъ, а платить нечѣмъ».

«Ну, да все-таки возьмите 25 тысячъ».

Платонову сдѣлалось совѣстно за Чичикова. «Покупайте, Павелъ Ивановичъ», сказалъ [онъ]. «За имѣнье можно всегда дать эту [цѣну]. Если вы не дадите за него тридцати тысячъ, мы съ братомъ складываемся и покупаемъ».

Чичиковъ испугался... «Хорошо!» сказалъ онъ: «даю 30 тысячъ. Вотъ двѣ тысячи задатку даю вамъ теперь, 8 тысячъ чрезъ недѣлю, а остальные 20 тысячъ черезъ мѣсяцъ».

«Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ, только на томъ условіи, чтобы деньги, какъ можно скорѣе. Теперь вы мнѣ дайте пятнадцать тысячъ по крайней мѣрѣ, а остальные никакъ не дальше, какъ черезъ двѣ недѣли».

«Да нѣтъ пятнадцати тысячъ! Десять тысячъ у меня

всего теперь. Дайте соберу». То-есть, Чичиковъ лгалъ: у него было двадцать тысячъ.

«Нѣтъ, пожалуйста, Павелъ Ивановичъ! я говорю, что необходимо нужны пятнадцать тысячъ».

«Да, право, недостаетъ пяти тысячъ. Не знаю самъ откуда взять».

«Я вамъ займу», подхватилъ Михайловъ.

«Развѣ этакъ!» сказалъ Чичиковъ и подумалъ про себя: «А это, однакоже, кстати, что онъ даетъ займы: въ такомъ случаѣ завтра можно будетъ привезти». Изъ коляски была принесена шкатулка и тутъ же было изъ нея вынуто десять тысячъ Хлобуеву; остальные же пять тысячъ обѣщано было привезти ему завтра: то-есть, обѣщано; предполагалось же привезти три; другія потомъ, денька черезъ два или три; а если можно, то и еще нѣсколько просрочить. Павелъ Ивановичъ какъ-то особенно не любилъ выпускать изъ рукъ деньги. Если-жъ настояла крайняя необходимость, то все-таки, казалось ему, лучше выдать деньги завтра, а не сегодня. То-есть, онъ поступалъ, какъ всѣ мы: вѣдь намъ пріятно же поводить просителя. Пусть его натретъ себѣ спину въ передней! Будто ужъ и нельзя подождать ему! Какое намъ дѣло до того, что, можетъ-быть, всякій часъ ему дорогъ и терпѣть оттого дѣла его! «Приходи, братецъ, завтра, а сегодня мнѣ какъ-то некогда».

«Гдѣ-жъ вы послѣ этого будете жить?» спросилъ Платоновъ Хлобуева. «Есть у васъ другая деревушка?»

«Деревушки нѣтъ, а я переѣду въ городъ. Все же равно это было нужно сдѣлать не для себя, а для дѣтей. Имъ нужны будутъ учителя Закону Божію, музыкѣ, танцованью. Вѣдь этого въ деревнѣ нельзя достать!»

«Куска хлѣба нѣтъ, а дѣтей хочетъ учить танцованью!» подумалъ Чичиковъ.

«Странно!» подумалъ Платоновъ.

«Что-жъ? нужно намъ чѣмъ-нибудь вспрыснуть сдѣлку», сказалъ Хлобуевъ. «Эй, Кирюшка! принеси, братъ, бутылку шампанскаго».

«Куска хлѣба нѣтъ, а шампанское есть!» подумалъ Чичиковъ.

Платоновъ не зналъ, что и думать.

Шампанское было принесено. Они выпили по три бокала и развеселились. Хлобуевъ развязался, сталъ уменъ и милъ:

остроты и анекдоты сыпались у него непрерывно. Въ рѣчахъ его оказалось столько познанія людей и свѣта! Такъ хорошо и вѣрно видѣлъ онъ многія вещи, такъ мѣтко и ловко очерчивалъ въ немногихъ словахъ сосѣдей-помѣщиковъ, такъ видѣлъ ясно недостатки и ошибки всѣхъ, такъ хорошо зналъ исторію разорившихся баръ — и почему, и какъ, и отчего они разорились; такъ оригинально и мѣтко умѣлъ передавать малѣйшія ихъ привычки, что они оба были совершенно обворожены его рѣчами и готовы были признать его за умнѣйшаго человѣка.

«Послушайте», сказалъ Платоновъ, схвативши его за руку: «какъ вамъ, при такомъ умѣ, опытности и познаніяхъ житейскихъ, не найти средствъ выпутаться изъ вашего затруднительнаго положенія?»

«Средства-то есть», сказалъ Хлобуевъ, и вслѣдъ за тѣмъ выгрузилъ имъ цѣлую кучу прожектовъ. Всѣ они были до того нелѣпы, такъ странны, такъ мало истекали изъ познанія людей и свѣта, что оставалось только пожимать плечами да говорить: «Господи Боже! какое необъятное разстоянье между знаньемъ свѣта и умѣньемъ пользоваться этимъ знаньемъ!» Почти всѣ прожекты основывались на потребности вдругъ достать откуда-нибудь сто или двѣсти тысячъ. Тогда, казалось ему, все бы устроилось, какъ слѣдуетъ, и хозяйство бы пошло, и прорѣхи всѣ бы заплатались, и доходы можно бы учетверить, и себя привести въ возможность выплатить всѣ долги. И оканчивалъ онъ рѣчь свою: «Но что прикажете дѣлать? Нѣтъ, да и нѣтъ такого благодѣтеля, который бы рѣшился дать двѣсти или хоть сто тысячъ взаймы! Видно, ужъ Богъ не хочетъ».

«Еще бы», подумалъ Чичиковъ: «этакому дураку послалъ Богъ двѣсти тысячъ!»

«Есть у меня, пожалуй, трехмилліонная тетушка», сказалъ Хлобуевъ: «старушка богомольная: на церкви и монастыри даетъ, но помогать ближнему тугенька. А старушка очень замѣчательная,—прежнихъ временъ тетушка, на которую бы взглянуть стоило. У ней однѣхъ канареекъ сотни четыре; москы и приживалки, и слуги, какихъ ужъ теперь нѣтъ. Меньшому изъ слугъ будетъ лѣтъ 60, хоть она и зоветъ его: «Эй, малый!» Если гость какъ-нибудь себя не такъ поведетъ, такъ она за обѣдомъ прикажетъ обнести его блюдомъ. И обнесутъ, право».

Платоновъ усмѣхнулся.

«А какъ ея фамилія и гдѣ она проживаетъ?» спросилъ Чичиковъ.

«Живетъ она у насъ же въ городѣ — Александра Ивановна Ханасарова».

«Отчего-жъ вы не обратитесь къ ней?» сказалъ съ участіемъ Платоновъ. «Мнѣ кажется, если бы она только поближе вошла въ положеніе вашего семейства, она бы не въ силахъ была отказать вамъ, какъ бы ни была туга».

«Ну, нѣтъ, въ силахъ! У тетюшки натура крѣпковата. Это старушка-камень, Платонъ Михайлычъ! Да къ тому-жъ есть и безъ меня угодники, которые около нея увиваются. Такъ есть одинъ, который мѣтитъ въ губернаторы. Прилепился ей въ родню... Богъ съ нимъ! можетъ-быть, и успѣетъ. Богъ съ ними со всѣми! Я подбѣзжать и прежде не умѣлъ, а теперь и подавно: спина ужъ не гнется».

«Дуракъ!» подумалъ Чичиковъ. «Да я бы за такою тетюшкой ухаживалъ, какъ нянька за ребенкомъ!»

«Что-жъ, вѣдь такъ разговаривать сухо», сказалъ Хлобуевъ. «Эй, Кирюшка! принеси-ка еще другую бутылку шампанскаго».

«Нѣтъ, нѣтъ, я больше не могу пить», сказалъ Платоновъ.

«Я также», сказалъ Чичиковъ, и оба отказались они рѣшительно.

«Ну, такъ, по крайней мѣрѣ, дайте мнѣ слово побывать у меня въ городѣ: 8-го іюня я даю маленький обѣдъ нашимъ городскимъ сановникамъ».

«Помилуйте!» вскрикнулъ Платоновъ. «Въ такомъ состояніи, разорившись совершенно—и еще обѣдъ».

«Что-жъ дѣлать? нельзя: это долгъ», сказалъ Хлобуевъ. «Они меня также угощали».

«Что съ нимъ дѣлать?» подумалъ Платоновъ. Онъ еще не зналъ того, что на Руси, въ Москвѣ и другихъ городахъ, водятся такіе мудрецы, которыхъ жизнь—необъяснимая загадка. Все, кажется, прожилъ, кругомъ въ долгахъ, ни откуда никакихъ средствъ, и обѣдъ, который задается, кажется, послѣдній; и думаютъ обѣдающіе, что завтра же хозяина потащутъ въ тюрьму. Проходитъ послѣ того 10 лѣтъ—мудрецъ все еще держится на свѣтѣ; еще больше прежняго кругомъ въ долгахъ и такъ же задаетъ обѣдъ, и

все думаютъ, что онъ послѣдній, и все увѣрены, что завтра же потащутъ хозяина въ тюрьму.

Почти такой же мудрецъ былъ Хлобуевъ. Только на одной Руси можно было существовать такимъ образомъ. Не имѣя ничего, онъ угощалъ и хлѣбосольничалъ, и даже оказывалъ покровительство, поощрялъ всякихъ артистовъ, приѣзжавшихъ въ городъ, давалъ имъ у себя пріютъ и квартиру. Если [бы] кто заглянулъ въ домъ его, находившійся въ городѣ, онъ бы никакъ не узналъ, кто въ немъ хозяинъ. Сегодня попъ въ ризахъ служилъ тамъ молебенъ; завтра давали репетицію французскіе актеры; въ иной день какой-нибудь, неизвѣстный никому почти въ домѣ, поселялся въ самой гостиной съ бумагами и заводилъ тамъ кабинетъ, и это не смущало и не беспокоило никого въ домѣ, какъ бы было житейское дѣло. Иногда по цѣлымъ днямъ не бывало крохи въ домѣ, иногда же задавали въ немъ такой обѣдъ, который удовлетворилъ бы вкусу утонченѣйшаго гастронома, и хозяинъ являлся праздничный, веселый, съ осанкой богатаго барина, съ походкой человѣка, котораго жизнь протекаетъ въ избыткѣ и довольствѣ. Зато временами бывали такія тяжелыя минуты, что другой давно бы, на его мѣстѣ, повѣсился или застрѣлился. Но его спасало религиозное настроеніе, которое страннымъ образомъ совмѣщалось въ немъ вмѣстѣ съ безпутною его жизнью. Въ эти горькія, тяжелыя минуты развертывалъ онъ книгу и читалъ житія страдальцевъ и тружениковъ, воспитывавшихъ духъ свой быть превыше страданій и несчастій. Душа его въ это время вся размягчалась, умилялся духъ и слезами исполнялись глаза его. И, — странное дѣло! — почти всегда приходила къ нему въ то время откуда-нибудь неожиданная помощь: или кто-нибудь изъ старыхъ друзей его вспоминалъ о немъ и присылалъ ему деньги; или какая-нибудь проѣзжая незнакомая барыня, христоролюбивая, великодушная душа, нечаянно услышавъ о немъ исторію и тронувшись, съ стремительнымъ великодушіемъ женскаго сердца, присылала ему богатую подачу; или выигрывалось гдѣ-нибудь въ пользу его дѣло, о которомъ онъ никогда и не слыхалъ. Благоговѣяно, благодарно признавалъ онъ въ это время необъятное милосердіе Провидѣнія, служилъ благодарственный молебенъ и — вновь начиналъ безпутную жизнь свою.

«Жалокъ онъ мнѣ, право. жалокъ!» сказать Чичикову Платоновъ, когда они вышли отъ него.

«Блудный сынъ!» сказалъ Чичиковъ. «О такихъ людяхъ и жалеть нечего».

И скоро они оба перестали о немъ думать: Платоновъ — потому, что лѣниво и полусонно смотрѣлъ на положенія людей, такъ же, какъ и на все въ мірѣ. Сердце его сострадало и щемило при видѣ страданій другихъ, но впечатлѣнія не впечатлѣвались глубоко въ его душѣ. Онъ потому не думалъ о Хлобуевѣ, что и о себѣ самомъ не думалъ. Чичиковъ потому не думалъ о Хлобуевѣ, что всѣ мысли были заняты пріобрѣтенною покупою. Онъ исчислялъ, рассчитывалъ и соображалъ всѣ выгоды купленнаго имѣнія. И какъ ни разсматривалъ, на какую сторону ни оборачивалъ дѣло, видѣлъ, что во всякомъ случаѣ покупка была выгодна. Можно было поступить и такъ, чтобы заложить имѣніе въ ломбардъ. Можно было поступить и такъ, чтобы заложить однихъ только мертвецовъ и бѣглыхъ. Можно было поступить и такъ, чтобы прежде выпродать по частямъ всѣ лучшія земли, а потомъ уже заложить въ ломбардъ. Можно было распорядиться и такъ, чтобы заняться самому хозяйствомъ и сдѣлаться помѣщикомъ, по образцу Попонжогла, пользуясь его совѣтами, какъ сосѣда и благодѣтеля. Можно было поступить даже и такъ, чтобы перепродать въ частныя [руки] имѣніе (разумѣется, если не захочется самому хозяйничать), оставивши при себѣ бѣглыхъ и мертвецовъ. Тогда представлялась и другая выгода: можно было вовсе улизнуть изъ этихъ мѣстъ и не заплатить Скудронжоглѣ денегъ, взятыхъ у него займы. Словомъ, всячески, какъ ни оборачивать онъ это дѣло, видѣлъ, что во всякомъ случаѣ покупка была выгодна. Онъ почувствовалъ удовольствіе, — удовольствіе отъ того, что сталъ теперь помѣщикомъ, помѣщикомъ не фантастическимъ, но дѣйствительнымъ помѣщикомъ, у котораго есть уже и земли, и угоды, и люди, — люди не мечтательные, не въ воображеніи пребываемые, но существующіе. И понемногу началъ онъ и подпрыгивать, и потирать себѣ руки, и подпѣвать, и приговаривать, и вытрубить на кулакѣ, приставивши его себѣ ко рту, какъ бы на трубѣ, какой-то маршъ, и даже выговорилъ вслухъ нѣсколько поощрительныхъ словъ и названій себѣ самому, въ родѣ мордашки и каплунчика. Но потомъ, вспомнивши, что онъ

не одинъ, притихнулъ вдругъ, постарался кое-какъ замить неумѣренный порывъ восторгновенья, и когда Платоновъ, принявши кое-какіе изъ этихъ звуковъ за обращенную къ нему рѣчь, спросилъ у него: «Чего?» онъ отвѣчалъ: «Ничего».

Тутъ только, оглянувшись вокругъ себя, онъ замѣтилъ, что они ѣхали прекрасною рощей. Миловидная березовая ограда тянулась у нихъ справа и слѣва. Между деревъ показалась бѣлая каменная церковь. Въ концѣ улицы показался господинъ, шедшій къ нимъ навстрѣчу, въ картузъ, съ суковатой палкой въ рукѣ. Аглицкій пестъ, на высокихъ ножкахъ, бѣжалъ передъ нимъ.

«Стой!» сказалъ Платоновъ кучеру и выскочилъ изъ коляски. Чичиковъ вышелъ вслѣдъ за нимъ также изъ коляски. Они пошли пѣшкомъ навстрѣчу господина. Ярбъ уже успѣлъ облобызаться съ аглицкимъ псомъ, съ которымъ, какъ видно, былъ знакомъ уже давно, потому что принялъ равнодушно въ свою толстую морду живое лобызанье Азора (такъ назывался аглицкій пестъ). Проворный пестъ, именемъ Азоръ, облобызавши Ярба, подбѣжалъ къ Платонову, вскочилъ къ нему съ намѣреніемъ лизнуть его въ губы, но не досталъ и, оттолкнутый имъ, вскочилъ на Чичикова, лизнулъ его въ ухо, побѣжалъ снова къ Платонову, пробуя лизнуть его хоть въ ухо.

Платонъ и господинъ, шедшій навстрѣчу, въ это время сошлись и обнялись.

«Помилуй, Платонъ! что это ты со мною дѣлаешь?» живо спросилъ господинъ.

«Какъ, что?» равнодушно отвѣчалъ Платоновъ.

«Да какъ же въ самомъ дѣлѣ? три дня отъ тебя ни слуху, ни духу! Конюхъ отъ Пѣтуха привелъ твоего жеребца. «Поѣхалъ», говорить, «съ какимъ-то бариномъ». Ну, хоть бы слово сказалъ: куда, зачѣмъ, на сколько времени? Помилуй, братецъ, какъ же можно этакъ поступать? А я, Богъ знаетъ, чего не передумалъ въ эти дни!»

«Ну, что-жъ дѣлать? позабылъ», сказалъ Платоновъ. «Мы заѣхали къ Константину Федоровичу... Онъ тебѣ кланяется, сестра также. Рекомендую тебѣ Павла Ивановича Чичикова.—Павелъ Ивановичъ,—братъ Василій. Прошу полюбить его такъ же, какъ и меня».

Братъ Василій и Чичиковъ, снявши картузы, поцѣловались.

«Кто бы такой былъ этотъ Чичиковъ?» думалъ братъ Василій. «Братъ Платонъ на знакомства неразборчивъ и, вѣрно, не узналъ, что онъ за человѣкъ». И оглянулъ онъ Чичикова, насколько позволяло приличіе. Чичиковъ стоялъ, нѣсколько наклонивши голову и сохранивъ пріятное выраженіе въ лицѣ.

Съ своей стороны Чичиковъ оглянулъ также, насколько позволяло приличіе, брата Василія. Онъ былъ ростомъ пониже Платона, волосомъ темнѣй его и лицомъ далеко не такъ красивъ; но въ чертахъ его лица было много жизни и одушевленія. Видно было, что онъ не пребывалъ въ дремотѣ и спячкѣ.

«Знаешь ли, Василій, что я придумалъ?» сказалъ братъ Платонъ.

«Что?» спросилъ Василій.

«Проѣздиться по святой Руси, вотъ именно съ Павломъ Ивановичемъ: авось-либо это размычетъ и растеребитъ хандру мою».

«Какъ же такъ вдругъ рѣшился?..» началъ было говорить Василій, озадаченный не на шутку такимъ рѣшеніемъ, и чуть было не прибавилъ: «И еще замыслилъ ѣхать съ человѣкомъ, котораго видишь въ первый разъ, который, можетъ-быть, и дрянъ, и чортъ знаетъ что!» И, полный недо вѣрія, сталъ онъ разсматривать искоса Чичикова и увидѣлъ, что онъ держался необыкновенно прилично, сохраняя все то же пріятное наклоненіе головы нѣсколько на-бокъ и почтительно-привѣтное выраженіе въ лицѣ, такъ что никакъ нельзя было узнать, какого рода былъ Чичиковъ.

Въ молчаніи они пошли всѣ трое по дорогѣ, по лѣвую руку которой находилась мелькавшая промежъ деревь бѣлая каменная церковь, по правую—начинавшія показ[ыв]аться, также промежъ деревь, строенія господскаго двора. Наконецъ показались и ворота. Они вступили на дворъ, гдѣ былъ старинный господскій домъ подъ высокой крышей. Двѣ огромныя липы, росшія посреди двора, покрывали почти половину его своею тѣнью. Сквозь опущенныя внизъ развѣсистыя ихъ вѣтви едва сквозили стѣны дома. Подъ липами стояло нѣсколько длинныхъ скамеекъ. Братъ Василій пригласилъ Чичикова садиться. Чичиковъ сѣлъ, и Платоновъ сѣлъ. По всему двору разливалось благоуханье цвѣтущихъ сиреней и черемухъ, которыя, нависши отовсюду

изъ сада въ дворъ черезъ миловидную березовую ограду, кругомъ его обходящую, казались цвѣтущею цѣпью или бисернымъ ожерельемъ, его короновавшимъ.

Ухватливый и ловкій дѣтина лѣтъ 17, въ красивой рубашкѣ розовой ксандрейки, принесъ и поставилъ передъ ними графины съ водой и разноцвѣтными квасами всѣхъ сортовъ, шипѣвшими, какъ газové лимонады. Поставивши предъ ними графины, онъ подошелъ къ дереву и, взявши прислоненный къ нему заступъ, отправился въ садъ. У братьевъ Платоновыхъ вся дворня работала въ саду, всѣ слуги были садовники, или, лучше сказать, слугъ не было, но садовники исправляли иногда эту должность. Братъ Василій все утверждалъ, что безъ слугъ можно даже и вовсе обойтись: подать что-нибудь можетъ всякій, и для этого не стоить заводить особаго сословія; что будто русскій человѣкъ по тѣхъ поръ только хорошъ и расторопенъ, и красивъ, и развязенъ, и много работаетъ, покуда онъ ходитъ въ рубашкѣ и зипунѣ; но что, какъ только заберется въ нѣмецкій сюртукъ, станетъ и неуклюжъ, и некрасивъ, и нерасторопенъ, и лѣнтяй. Онъ утверждалъ, что и чистоплотность у него содержится по тѣхъ поръ, покуда онъ еще носитъ рубашку и зипунъ, и что, какъ только заберется въ нѣмецкій сюртукъ — и рубашки не перемѣняетъ, и въ баню не ходитъ, и спитъ въ сюртукѣ, и заведутся у него подъ сюртукомъ и клопы, и блохи, и чортъ знаетъ что. Въ этомъ, можетъ-быть, онъ былъ и правъ. Въ деревнѣ ихъ народъ одѣвался какъ-то особенно щеголеватъ и опрятно, и такихъ красивыхъ рубашекъ и зипуновъ нужно было далеко поискать.

«Не угодно ли вамъ прохладиться?» сказалъ братъ Василій Чичикову, указывая на графины. «Это квасы нашей фабрики; ими издавна славится домъ нашъ».

Чичиковъ налилъ стаканъ изъ перваго графина — точно кипецъ, который онъ нѣкогда пивалъ въ Польшѣ: игра лакъ у шампанскаго, а газъ такъ и шибнулъ пріятнымъ крючкомъ изъ рта въ носъ. «Нектаръ!» сказалъ Чичиковъ. Выпилъ стаканъ отъ другого графина — еще лучше.

«Въ какую же сторону и въ какія мѣста предполагаете преимущественно ѣхать?» спросилъ братъ Василій.

«Ѣду я», сказалъ Чичиковъ, потирая себя рукой по колѣну, въ сопровожденіи легкаго покачиванія всего туловища

и пріятнаго наклона головы на-бокъ: «не столько по своей нуждѣ, сколько по нуждѣ другого. Генераль Бетрищевъ, близкій пріятель и, можно сказать, благотворитель, просилъ извѣстить родственниковъ. Родственники, конечно, родственниками, но отчасти, такъ сказать, и для самого себя, ибо— не говоря уже о пользѣ въ геморoidalномъ отношеніи,— видѣть свѣтъ и коловращеніе людей — есть уже само по себѣ, такъ сказать, живая книга и вторая наука».

Братъ Василій задумался. «Говорить этотъ человекъ нѣсколько витіевато, но въ словахъ его есть правда», думалъ [онъ].—«Брату моему Платону недостаетъ познанія людей, свѣта и жизни». Нѣсколько помолчавъ, сказалъ такъ вслухъ: «Знаешь ли что, Платонъ?—что путешествіе можетъ, точно, расшевелить тебя. У тебя душавная спичка. Ты, просто, заснулъ, и заснулъ не отъ пресыщенія или усталости, но отъ недостатка живыхъ впечатлѣній и опущеній. Вотъ я совершенно напротивъ. Я бы очень желалъ не такъ живо чувствовать и не такъ близко принимать къ сердцу все, что ни случается».

«Вольно-жъ принимать все близко къ сердцу!» сказалъ Платонъ. «Ты выискиваешь себѣ безпокойства и самъ сочиняешь себѣ тревоги».

«Какъ сочинять, когда и безъ того на всякомъ шагу неприятность?» сказалъ Василій. «Слышалъ ты, какую безъ тебя сыгралъ съ нами штуку Лѣницынъ?—Захватилъ пустошь нашу, гдѣ красная горка».

«Не знаетъ, потому и захватилъ», сказалъ Платонъ: «человекъ новый, только-что пріѣхалъ изъ Петербурга. Ему нужно объяснить, растолковать».

«Знаетъ, очень знаетъ. Я посылалъ ему сказать, но онъ отвѣчалъ грубостью».

«Тебѣ нужно было съѣздить самому растолковать. Переговори съ нимъ самъ».

«Ну, нѣтъ. Онъ черезчуръ уже заважничалъ. Я къ нему не поѣду. Поѣзжай, если хочешь, ты».

«Я бы поѣхалъ, но вѣдь я не мѣшаюсь. Онъ можетъ меня и провести, и обмануть».

«Да если угодно, такъ я поѣду», сказалъ Чичиковъ.

Василій взглянулъ на него и подумалъ: «Экой охотникъ ѣздить!»

«Вы мнѣ подайте только понятіе, какого рода онъ чело-вѣкъ», сказалъ Чичиковъ: «я въ чемъ дѣло».

«Мнѣ совѣстно наложить на васъ такую непріятную комиссію, потому что одно изъясненіе съ такимъ чело-вѣкомъ для меня уже непріятная комиссія. Надобно вамъ сказать, что онъ изъ простыхъ, мелкопомѣстныхъ дворянъ нашей губерніи, выслужился въ Петербургъ, вышелъ кое-какъ въ люди, женившись тамъ на чьей-то побочной дочери, и за-важничалъ. Задастъ здѣсь тоны. Да у насъ въ губерніи, слава Богу, народъ живетъ не глупый. Мода намъ не указъ, а Петербургъ—не церковь».

«Конечно», сказалъ Чичиковъ: «а дѣло въ чемъ?»

«А дѣло, по-настоящему, вздоръ. У него нѣтъ достаточно земли, — ну, онъ и захватилъ чужую пустошь, т.-е. онъ разсчитывалъ, что она не нужна, и о ней хозяева, а у насъ, какъ нарочно, уже испоконъ вѣка собираются крестьяне праздновать тамъ красную горку. По этому-то поводу я готовъ пожертвовать лучше другими, лучшими землями, чѣмъ отдать ее. Обычай для меня—святыня».

«Стало-быть, вы готовы уступить ему другія земли?»

«То-есть, если бы онъ не такъ со мной поступилъ; но онъ хочетъ, какъ я вижу, знаться судомъ. Пожалуй, по-смотримъ, кто выиграетъ. Хоть на планъ и не такъ ясно, но свидѣтели-старики еще живы и помнятъ».

«Гм!» подумалъ Чичиковъ: «оба-то, какъ вижу, съ душ-комъ». И сказалъ вслухъ: «А мнѣ кажется, что это дѣло обдѣлать можно миролюбиво. Все зависитъ отъ посредника. Письмен *)

.
. «что и для васъ самихъ будетъ очень выгодно перевести, напри-мѣръ, на мое имя всѣхъ умершихъ душъ, какія по сказкамъ послѣдней ревизіи числятся въ имѣніяхъ вашихъ, такъ, чтобы я за нихъ платилъ подати. А чтобы не подать какого соблазна, то передачу эту вы совершите посредствомъ кучей крѣпости, какъ бы эти души были живыя».

*) Здѣсь оканчивается 96-я страница рукописи; затѣмъ утрачены двѣ страницы. Въ первомъ изданіи второго тома «Мертвыхъ Душъ» С. П. Шевыревъ сдѣлалъ къ этому мѣсту слѣдующее примѣчаніе: «Здѣсь пропускъ, въ которомъ, вѣроятно, содержался разсказъ о томъ, какъ Чичиковъ отправился къ поэтичку Лѣницыну». Ред.

«Вотъ тебѣ на!» подумалъ Лѣницынъ: «это что-то странное». И нѣсколько даже отодвинулся со стуломъ назадъ, потому что совершенно озадачился.

«Я никакъ въ томъ не сомнѣваюсь, что вы на это дѣло совершенно будете согласны», сказалъ Чичиковъ: «потому что это дѣло совершенно въ томъ родѣ, какъ мы сейчасъ говорили. Совершенно оно будетъ между солидными людьми втайнѣ, и соблазна никому».

(Что тутъ дѣлать?) Лѣницынъ очутился въ затруднительномъ положеніи. Онъ никакъ не могъ предвидѣть, чтобы мнѣніе, имъ незадолго изъявленное, привело его къ такому быстрому осуществленію на дѣлѣ. Предложеніе было до крайности неожиданно. Конечно, ничего вредоноснаго ни для кого не могло быть въ этомъ поступкѣ: помѣщики, все равно, заложили бы также эти души наравнѣ съ живыми; стало-быть, казнѣ убытку не можетъ быть никакого; разница въ томъ, что онѣ были бы въ однѣхъ рукахъ, а тогда были бы въ разныхъ. Но тѣмъ не менѣе онъ затруднился. Онъ былъ законникъ и дѣлецъ, и дѣлецъ въ хорошую сторону. Неправо не рѣшилъ бы онъ дѣла ни за какіе подкупы. Но тутъ онъ остановился, не зная, какое имя дать этому дѣйствию — правое ли оно, или неправое. Если бы кто-нибудь другой обратился къ нему съ такимъ предложеніемъ, онъ могъ бы сказать: «Это вздоръ, пустяки! Я не хочу играть въ куклы, или дурачиться». Но гость уже такъ ему понравился, такъ они сошлись во многомъ насчетъ успѣховъ просвѣщенія и наукъ, — какъ отказать? Лѣницынъ находился въ презатруднительномъ положеніи.

Но въ это время, точно какъ будто затѣмъ, чтобы помочь горю, вошла въ комнату молодая курносенькая хозяйка, супруга Лѣницына, и блѣдная, и худенькая, какъ всѣ петербургскія дамы, и одѣтая со вкусомъ, какъ всѣ петербургскія дамы! За нею былъ вынесенъ мамкой на рукахъ ребенокъ-первенецъ, плодъ нѣжной любви недавно бракосочетавшихся супруговъ. Чичиковъ, разумѣется, подошелъ тотъ же часъ къ дамѣ и, не говоря уже о приличномъ привѣтствіи, однимъ пріятнымъ наклоненіемъ головы на-бокъ много расположилъ ее въ свою пользу. Затѣмъ подбѣжалъ къ ребенку. Тотъ было разревѣлся; но, однакоже, Чичикову удалось словами: «Агу, агу, душенька!» прищел-

киваньемъ пальцевъ и сердоликовой печаткой отъ часовъ переманить его на руки къ себѣ. Взявши его къ себѣ на руки, началъ онъ приподымать его кверху и тѣмъ возбудилъ въ ребенкѣ пріятную усмѣшку, которая очень обрадовала обонхъ родителей.

Но отъ удовольствія ли, или отъ чего-нибудь другого, ребенокъ вдругъ повелъ себя нехорошо. Жена Лѣницына закричала: «Ахъ, Боже мой! онъ вамъ испортилъ весь фракъ».

Чичиковъ посмотрѣлъ: рукавъ новѣшенькаго фрака былъ весь испорченъ. «Пострѣлъ бы тебя побралъ, чертенокъ проклятый!» пробормоталъ онъ въ-сердцахъ про себя.

Хозяинъ и хозяйка, и мамка—все побѣжали за одеколономъ; со всѣхъ сторонъ принялись его вытирать.

«Ничего, ничего, совершенно ничего», говорилъ Чичиковъ. «Можетъ ли что-нибудь невинный ребенокъ?» И въ то же время думалъ про себя: «Да вѣдь какъ мѣтко обдѣлалъ, канальченокъ проклятый!» — «Золотой возрастъ!» сказалъ онъ, когда уже его совершенно вытерли и пріятное выраженіе возвратилось на его лицѣ.

«А вѣдь точно», сказалъ хозяинъ, обратившись къ Чичикову, тоже съ пріятной улыбкой: «что можетъ быть завиднѣй ребяческаго возраста? никакихъ заботъ, никакихъ мыслей о будущемъ...»

«Состоянье, на которое можно сей же часъ помѣняться», сказалъ Чичиковъ.

«За глаза», сказалъ Лѣницынъ.

Но, кажется, оба соврали: предложи имъ такой обмѣнъ, они бы тутъ же на попятный дворъ. Да и что за радость сидѣть у мамки на рукахъ да портить фракъ!

Молодая хозяйка и первенецъ удалились съ мамкой, потому что и на немъ требовалось кое-что поправить: наградивъ Чичикова, онъ и себя не позабылъ (наградить).

Это, повидимому, незначительное обстоятельство склонило еще болѣе хозяина на сторону Чичикова. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, отказать такому пріятному, обходительному гостю, который столько ласкъ оказалъ его малюткѣ и такъ великодушно поплатился за то собственнымъ фраккомъ? Лѣницынъ думалъ такъ: «Почему-жъ, въ самомъ дѣлѣ, не исполнить его просьбы, если ужъ такое его желаніе?»

ГЛАВА... *).

Въ то самое время, когда Чичиковъ въ персидскомъ новомъ халатѣ изъ золотистой термаламы, развалился на диванѣ, торговался съ заѣзжимъ контрабандистомъ-купцомъ, жидовскаго происхожденія и нѣмецкаго выговора, и передъ ними уже лежали купленная штука первѣйшаго голландскаго полотна на рубашки и двѣ бумажныя коробки съ отличнѣйшимъ мыломъ первостатейнѣйшаго свойства (это мыло было то самое, которое онъ нѣкогда приобрѣталъ на радзивилловской таможнѣ; оно имѣло, дѣйствительно, свойство сообщать непостижимую нѣжность и бѣлизну щекамъ изумительную), — въ то время, когда онъ, какъ знатокъ, покупалъ эти необходимые для воспитаннаго человѣка продукты, раздался громъ подъѣхавшей кареты, отозвавшийся легкимъ дрожаньемъ комнатныхъ оконъ и стѣнъ, и вошелъ его превосходительство Алексѣй Ивановичъ Лѣвицынъ.

«На судъ вашего превосходительства представляю: каково полотно, и каково мыло, и какова эта вчерашняго дня купленная вещичка!» При этомъ Чичиковъ надѣлъ на голову ермолку, вышитую золотомъ и бусами, и очутился, какъ персидскій шахъ, исполненный достоинства и величія.

Но его превосходительство, не отвѣчая на вопросъ, сказалъ:

«Мнѣ нужно съ вами поговорить объ дѣлѣ». Въ лицѣ его замѣтно было разстройство. Почтенный купецъ нѣмецкаго выговора былъ тотъ же часъ высланъ, и они остались [одни].

«Знаете ли вы, какая непріятность? Отыскалось другое завѣщаніе старухи, сдѣланное назадъ тому пять [лѣтъ]. Половина имѣнья отдастся на монастырь, а другая—объѣмъ воспитанницамъ пополамъ, и ничего больше никому».

Чичиковъ оторопѣлъ.

*) Въ рукописи нѣтъ надписанія: «Глава». Уже это обстоятельство указываетъ на то, что этотъ отдѣлъ представляетъ остатокъ одной изъ *первоначальныхъ редакцій* этой части второго тома «Мертвыхъ Душъ», написанной въ то время, когда еще нельзя было опредѣлить, какая это будетъ глава по счету. Дѣйствительно, эта глава написана въ особой тетради, явно отличающейся отъ всѣхъ остальныхъ и качествомъ бумаги, и желтыми чернилами, и даже самымъ характеромъ почерка. (См. «Примѣчанія»).

«Но это завѣщаніе—вздоръ. Оно ничего не значить; оно уничтожено вторымъ».

«Но вѣдь это не сказано въ послѣднемъ завѣщаніи, что имъ уничтожается первое».

«Это само собою разумѣется: послѣднее уничтожаетъ первое. Это вздоръ. Это первое завѣщаніе никуда не годится. Я знаю хорошо волю покойницы. Я былъ при ней. Кто его подписалъ? кто были свидѣтели?»

«Засвидѣтельствовано оно, какъ слѣдуетъ, въ судѣ. Свидѣтелями былъ бывший совѣстный судья Бурмиловъ и Хавановъ».

«Худо», подумалъ Чичиковъ: «Хавановъ, говорятъ, честенъ; Бурмиловъ—старый ханжа, читаетъ по праздникамъ апостола въ церквахъ».—«Но вздоръ, вздоръ», сказалъ онъ вслухъ и тутъ же почувствовалъ рѣшимость на всѣ штуки. «Я знаю это лучше: я участвовалъ при послѣднихъ минутахъ покойницы. Мнѣ это лучше всѣхъ извѣстно. Я готовъ присягнуть самолично».

Слова эти и рѣшимость на минуту успокоили Лѣвицына.

Онъ былъ очень взволнованъ и уже начиналъ было подозрѣвать, не было ли со стороны Чичикова какой-нибудь фабрикаціи относительно завѣщанія (хотя онъ и представить себѣ не могъ, чтобы дѣло было, какъ оно было дѣйствительно). Теперь укорилъ себя въ подозрѣніи. Готовность присягнуть была явнымъ доказательствомъ, что Чичиковъ... Не знаемъ мы, точно ли достало бы духа у Павла Ивановича присягнуть на святомъ, но сказать это достало духа.

«Будьте покойны (и не заботьтесь ни о чемъ, я отпра-
вляюсь) и переговорю объ этомъ дѣлѣ съ нѣкоторыми юрис-
консультами. Съ вапей стороны тутъ ничего не должно
прилагать; вы должны быть совершенно въ сторонѣ. Я же
теперь могу жить въ городѣ, сколько мнѣ угодно».

Чичиковъ тотъ же часъ приказалъ подать экипажъ и отправился къ юрисконсульту. Этотъ юрисконсультъ былъ опытности необыкновенной. Уже пятнадцать лѣтъ, какъ онъ находился подъ судомъ, и такъ умѣлъ распорядиться, что никакъ нельзя было отрѣшиться отъ должности. Всѣ знали, что его, за подвиги его, слѣдовало бы, шесть разъ слѣдовало послать на поселенье. Кругомъ и со всѣхъ сторонъ былъ онъ въ подозрѣніяхъ, но никакихъ нельзя было воз-

вести явныхъ и доказанныхъ уликъ. Тутъ было дѣйствительно что-то таинственное, и его бы можно было смѣло признать колдуномъ, если бы исторія, нами описанная, принадлежала временамъ невѣжества.

Юрисконсультъ поразилъ холодною своею вида, замасленностью своего халата, представлявшаго совершенную противоположность (весьма) хорошимъ мебелимъ краснаго дерева, золотымъ часамъ подъ стекляннымъ колпакомъ, люстрѣ, сквозившей сквозь кисейный чехоль, ее сохранявшій, и вообще всему, что было вокругъ и носило на себѣ яркую печать блистательнаго европейскаго просвѣщенія.

Не останавливаясь, однакожъ, скептической наружностью юрисконсульта, Чичиковъ объяснилъ затруднительные пункты дѣла и въ заманчивой перспективѣ изобразилъ необходимо послѣдующую благодарность за добрый совѣтъ и участие.

Юрисконсультъ отвѣчалъ на это изображеніемъ невѣрности всего земного и далъ тоже искусно замѣтить, что журавль въ небѣ ничего не значить, а нужно синицу въ руку.

Нечего дѣлать: нужно было дать синицу въ руки. Скептическая холодность философа вдругъ исчезла. Оказалось, что это былъ наидобродушнѣйшій человѣкъ, напразговорчивый и наипрѣятнѣйшій въ разговорахъ, не уступавшій ловкостью оборотовъ самому Чичикову.

«Позвольте вамъ вмѣсто того, чтобы заводить длинное дѣло,—вы, вѣрно, не хорошо разсмотрѣли самое завѣщаніе: тамъ, вѣрно, есть какая-нибудь приписочка. Вы возьмите его на время къ себѣ. Хотя, конечно, подобныхъ вещей на домъ брать запрещено, но если хорошенько попросить нѣкоторыхъ чиновниковъ... Я съ своей стороны употреблю мое участие».

«Понимаю», подумалъ Чичиковъ и сказалъ: «Въ самомъ дѣлѣ, я, точно, хорошо не помню, есть ли тамъ приписочка, или нѣтъ», — точно какъ будто и не самъ писалъ это завѣщаніе.

«Лучше всего вы это посмотрите. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ», продолжалъ онъ весьма добродушно: «будьте всегда покойны и не смущайтесь ничѣмъ, даже если бы и хуже что произошло. Никогда и ни въ чемъ не отчаивайтесь: нѣтъ дѣла несправимаго. Смотрите на меня: я всегда покоенъ. Какіе бы ни были возводимы на меня казусы, спо-

койствіе мое непоколебимо». Лицо юрисконсульта-философа пребывало дѣйствительно въ необыкновенномъ спокойствіи, такъ что Чичиковъ много.....

«Конечно, это первая вещь», сказали [онъ]. «Но согласитесь, однакожь, что могутъ быть такіе случаи и дѣла, такіа дѣла и такіе поклепы со стороны враговъ, и такіа затруднительныя положенія, что отлетитъ всякое спокойствіе».

«Повѣрьте мнѣ, это малодушіе», отвѣчалъ очень покойно и добродушно философъ-юристъ. «Старайтесь только, чтобы производство дѣла было все основано на бумагахъ, чтобы на словахъ ничего не было. И какъ только увидите, что дѣло идетъ къ развязкѣ и удобно къ рѣшенью, старайтесь—не то, чтобы оправдывать и защищать себя,—нѣтъ, просто спутать новыми вводными, и такъ.....»

«То-есть, чтобы...»

«Спутать, спутать — и ничего больше», отвѣчалъ философъ: «ввести въ это дѣло постороннія, другія обстоятельства, которыя запутали [бы] сюда и другихъ; сдѣлать сложнымъ—и ничего больше. И тамъ пусть пріѣзжій петербургскій чиновникъ разбираетъ, пусть разбираетъ, пусть его разбираетъ!» повторилъ онъ, смотря съ необыкновеннымъ удовольствіемъ въ глаза Чичикову, какъ смотритъ учитель ученику, когда объясняетъ ему заманчивое мѣсто изъ русской грамматики.

«Да, хорошо, если подберешь такіа обстоятельства, которые способны пустить въ глаза мглу», сказалъ Чичиковъ, смотря тоже съ удовольствіемъ въ глаза философа, какъ ученикъ, который понялъ заманчивое мѣсто, объясняемое учителемъ.

«Подберутся обстоятельства, подберутся! Повѣрьте: отъ частаго упражненія и голова сдѣлается находчивою. Прежде всего помните, что вамъ будутъ помогать. Въ сложности дѣла выиграешь многимъ: и чиновниковъ нужно больше, и жалованья имъ больше... Словомъ, втиснуть въ дѣло побольше лицъ. Нѣтъ нужды, что иные напрасно попадутъ: да вѣдь имъ же оправдаться....., имъ нужно отвѣчать на бумаги, имъ нужно окупиться... Вотъ ужъ и хлѣбъ... Повѣрьте мнѣ, что, какъ только обстоятельства становятся критическія, первое дѣло спутать. Такъ можно спутать,

такъ все перепутать, что никто ничего не пойметъ. Я почему спокоенъ?—Потому что знаю: пусть только дѣла мои пойдутъ похуже, да я всѣхъ впутая въ свое — и губернатора, и вице-губернатора, и полицеймейстера, и казначея, — всѣхъ запутаю. Я знаю всѣ ихъ обстоятельства: и кто на кого сердится, и кто на кого дуется, и кто кого хочетъ унечь. Тамъ, пожалуй, пусть ихъ выпутываются. Да куда они выпутаются, другіе успѣютъ нажиться. Вѣдь только въ мутной водѣ и ловятся раки. Всѣ только ждутъ, чтобы запутать». Здѣсь юристъ-философъ посмотрѣлъ Чичикову въ глаза опять съ тѣмъ наслажденіемъ, съ какимъ учитель объясняетъ ученику еще заманчивѣйшее мѣсто изъ русской грамматики.

«Нѣтъ, этотъ человѣкъ, точно, мудрецъ», подумалъ про себя Чичиковъ, и разстался съ юрисконсультѣмъ въ наилучшемъ и въ наилучшемъ расположеніи духа.

Совершенно успокоившись и укрѣпившись, онъ съ небрежною ловкостью бросился на эластическія подушки коляски, приказалъ Селифану откинуть кузовъ назадъ (къ юрисконсульту онъ ѣхалъ съ поднятымъ кузовомъ и даже застегнутой кожей) и расположился, точь-въ-точь, какъ отставной гусарскій полковникъ, или самъ Вишнепокрововъ, ловко повернувши одну ножку подъ другую, обратя съ пріятностью ко встрѣчному лицу, сіявшее изъ-[подъ] шелковой новой шляпы, надвинутой нѣсколько на ухо. Селифану было приказано держать направленіе къ гостинному двору. Купцы, и пріѣзжіе, и туземные, стоя у дверей лавокъ, почтительно снимали шляпы, и Чичиковъ, не безъ достоинства, приподнималъ имъ въ отвѣтъ свою. Многіе изъ нихъ уже были ему знакомы; другіе, были хоть пріѣзжіе, но очарованные ловкимъ видомъ умѣющаго держать себя господина, пріѣтствовали его, какъ знакомые. Ярмарка въ городѣ Тьфу-славѣ не прекращалась: отошла конная и земледѣльческая, началась — съ красными товарами для господъ просвѣщенія высшаго. Купцы, пріѣхавшіе на колесахъ, располагали назадъ не иначе возвращаться, какъ на саняхъ.

«Пожалуйте-съ, пожалуйста-съ!» говорилъ у суконной лавки, учтиво рисуясь, съ открытою головою, нѣмецкій сюртукъ московскаго шитья, съ шляпой въ рукѣ на отлетѣ, только чуть державшій круглый подбородокъ и выраженіе тонкости просвѣщенія въ лицѣ.

Чичиковъ вошелъ въ лавку. «Покажите-ка мнѣ, любезнѣйшій, суконца».

Благопріятный купецъ тотчасъ приподнялъ вверхъ открывавшуюся доску у стола и, сдѣлавши такимъ образомъ себѣ проходъ, очутился въ лавкѣ, спиною къ товару и лицомъ къ покупателю. Ставши спиной къ товарамъ и лицомъ къ покупателю, купецъ, съ обнаженной головой и шляпой на отлетѣ, еще разъ привѣтствовалъ Чичикова. Потомъ надѣлъ шляпу и, пріятно нагнувшись, обѣими же руками упершись въ столъ, сказалъ такъ: «Какого рода суконъ-съ? англійскихъ мануфактуръ, или отечественной фабрикаціи предпочитаете?»

«Отечественной фабрикаціи», сказалъ Чичиковъ: «но только лучшаго сорта, который называется аглицкимъ».

«Какихъ цвѣтовъ пожелаете имѣть?» спросилъ купецъ, все такъ [же] пріятно колеблясь на двухъ, упершихся въ столъ, рукахъ.

«Цвѣтовъ темныхъ, оливковыхъ или бутылочныхъ съ искрою, приближающихся, такъ сказать, къ брусникѣ», сказалъ Чичиковъ.

«Могу сказать, что получите первѣйшаго сорта, какое-съ можете въ обихѣ столицахъ», говорилъ купецъ, полѣзши доставать сверху штуку; бросилъ ее ловко на столъ, развернулъ съ другого конца и поднесъ къ свѣту. «Каковъ отливъ-съ! Самаго моднаго, послѣдняго вкуса!» Сукно блистало, какъ шелковое. Купецъ чутьемъ пронюхалъ, что предъ нимъ стоитъ знатокъ суконъ, и не захотѣлъ начинать съ десятирублеваго.

«Порядочное», сказалъ Чичиковъ, слегка погладивши. «Но знаете ли, почтеннѣйшій? покажите-ка мнѣ сразу то, что вы напоследѣ показываете, да и цвѣту больше того... больше искрасна».

«Понимаю-съ: вы истинно желаете такого цвѣта, какой поньче въ..... входитъ. Есть у меня сукно отличнѣйшаго свойства. Предувѣдомляю, что высокой цѣны, но и высокого достоинства».

Штука упала сверху. Купецъ ее развернулъ еще съ большимъ искусствомъ, поймалъ другой конецъ и развернулъ точно шелковую матерію, поднесъ ее Чичикову такъ, что [тотъ] имѣлъ возможность не только рассмотреть его,

но даже понюхать, сказавши только: «Вотъ-съ сукно-съ! цѣту наваринскаго дыму съ пламенемъ».

О цѣнѣ условились. Желѣзный аршинъ, подобный жезлу чародѣя, отхваталъ тутъ же Чичикову на фракъ [и] на панталоны. Сдѣлавши пожницами нарэзку, купецъ произвелъ обѣими руками ловкое дранье сукна во всю его ширину, при окончаніи котораго поклонился Чичикову съ наибольшительнѣйшею пріятностью. Сукно тутъ же было свернуто и ловко заверчено въ бумагу; свертокъ завертѣлся подъ легкой бичевкой. Чичиковъ хотѣлъ было лѣзть въ карманъ, но почувствовалъ пріятное окруженіе своей поясицы чьей-то весьма деликатной рукой, и уши его услышали: «Что вы здѣсь покупаете, почтеннѣйшій?»

«А, пріятнѣйше-неожиданная встрѣча!» сказалъ Чичиковъ.

«Пріятное столкновеніе», сказалъ голосъ того же самаго, который окружилъ его поясицу. Это былъ Вишнепокрововъ.

«Готовился было пройти лавку безъ вниманія, вдругъ вижу знакомое лицо—какъ отказать отъ пріятнаго удовольствія! Нечего сказать, сукна въ этомъ году несравненно лучше. Вѣдь это стыдъ, срамъ! Я никакъ не могъ, бывало, отыскать... Я готовъ сорокъ рублей... возьми пятьдесятъ даже, но дай хорошаго. По мнѣ, или имѣть вещь, которая бы, точно, была уже отличнѣйшая, или ужъ лучше вовсе не имѣть. Не такъ ли?»

«Совершенно такъ!» сказалъ Чичиковъ. «Зачѣмъ же трудиться, какъ не затѣмъ, чтобы, точно, имѣть хорошую вещь?»

«Покажите мнѣ сукна среднихъ цѣнъ», раздался позади голосъ, показавшійся Чичикову знакомымъ. Онъ оборотился: это былъ Хлобуевъ. По всему видно было, что онъ покупалъ сукно не для прихоти, потому что сюртучекъ былъ больно протертъ.

«Ахъ, Павелъ Ивановичъ! позвольте мнѣ съ вами наконецъ поговорить. Васъ нигдѣ не встрѣтишь. Я былъ нѣсколько разъ—все васъ нѣтъ и нѣтъ».

«Почтеннѣйшій, я такъ былъ занятъ, что, ей-ей, нѣтъ времени». Онъ поглядѣлъ по сторонамъ, какъ бы отъ объясненія улизнуть, и увидѣлъ входящаго въ лавку Муразова. «Аѳанасій Васильевичъ! Ахъ, Боже мой!» сказалъ Чичиковъ: «вотъ пріятное столкновеніе!» И вслѣдъ за нимъ

повторилъ Вишненокромовъ: «Аѳанасій Васильевичъ!» [Хлобуевъ] повторилъ: «Аѳанасій Васильевичъ!» И, наконецъ, благовоспитанный купецъ, отнеся шляпу отъ головы настолько, сколько могла рука, и, весь подавшись впередъ, произнесъ: «Аѳанасію Васильевичу, наше нижайшее почтеніе!» (У всѣхъ) на лицахъ напечатлѣлась та собачья услужливость, какую оказываетъ грѣшный людъ миллионщикамъ.

Старикъ раскланялся со всѣми и обратился прямо къ Хлобуеву: «Извините меня: я, увидѣвши издали, какъ вы вошли въ лавку, рѣшился васъ побеспокоить. Если вамъ будетъ черезъ..... свободно и по дорогѣ мимо моего дома, такъ сдѣлайте милость, зайдите на малость времени. Мнѣ съ вами нужно будетъ переговорить».

Хлобуевъ сказалъ: «Очень хорошо, Аѳанасій Васильевичъ».

И старикъ, раскланявшись снова со всѣми, вышелъ.

«У меня просто голова кружится», сказалъ Чичиковъ: «какъ подумаешь, что у этого чловѣка 10 миллионовъ. Это, просто, даже невѣроятно».

«Противозаконная, однакожъ, вещь», сказалъ Вишненокромовъ: «капиталы не должны быть въ однѣхъ [рукахъ]. Это теперь предметъ трактатовъ во всей Европѣ. Имѣешь деньги,—ну, сообщай другимъ: угощай, давай балы, производи благодѣтельную роскошь, которая даетъ хлѣбъ мастерамъ, ремесленникамъ».

«Это я не могу понять», сказалъ Чичиковъ. «Десять миллионовъ—и живетъ какъ простой мужикъ! Вѣдь это съ десятью миллионами, чортъ знаетъ что, можно сдѣлать. Вѣдь это можно такъ завести, что и общества другого у тебя не будетъ, какъ генералы да князья».

«Да-съ», прибавилъ купецъ: «дѣйствительно, это непре-свѣдѣтельность. Если купецъ почетный, такъ ужъ онъ не купецъ: онъ нѣкоторымъ образомъ есть уже негоціантъ. Я ужъ тогда долженъ себѣ взять и ложу въ театрѣ, и дочь ужъ я за простого полковника — нѣтъ-съ, не выдамъ: я за генерала, иначе ее не выдамъ. Что мнѣ полковникъ? Обѣдъ мнѣ ужъ долженъ кондитеръ поставлять, а не то что кухарка...»

«Да что говорить! помилуйте!» сказалъ Вишненокромовъ: «съ десятью миллионами чего не сдѣлать? Дайте мнѣ десять миллионовъ,—вы посмотрите, что я сдѣлаю!»

«Нѣтъ», подумалъ Чичиковъ: «ты-то не много сдѣлаешь толку съ десятью милліонами. А вотъ если бы мнѣ десять милліоновъ, я бы, точно, кое-что сдѣлалъ».

«Да, если бы мнѣ десять милліоновъ!» подумалъ Хлобуевъ: «я бы не такъ теперь поступилъ, какъ прежде,— не прожилъ бы такъ безумно. Послѣ такого страшнаго опыта узнаешь цѣну всякой копѣйки. Э, теперь бы я не такъ...» И потомъ, нѣсколько минутъ подумавши, спросилъ себя внутренно: «точно ли бы теперь умнѣй распорядился?» и, махнувши рукой, прибавилъ: «Кой чортъ! я думаю, такъ же бы растратилъ, какъ и прежде», и вышедши изъ лавки, отправился къ Муравову, желая знать, что объявить ему Муравовъ.

«Васъ жду, Петръ Петровичъ!» сказалъ Муравовъ, увидѣвши входящаго Хлобуева. «Пожалуйте ко мнѣ въ комнату». И онъ повелъ Хлобуева въ комнату, уже знакомую читателю, неприхотливѣе которой нельзя было найти и у чиповника, получающаго семьсотъ рублей въ годъ жалованья.

«Скажите, вѣдь теперь, я полагаю, обстоятельства ваши получше? Послѣ тетушки все-таки вамъ досталось кое-что».

«Да какъ вамъ сказать, Аванасій Васильевичъ? Я не знаю, лучше ли мои обстоятельства. Мнѣ досталось всего пятьдесятъ душъ крестьянъ и тридцать тысячъ денегъ, которыми я долженъ былъ расплатиться съ частью моихъ долговъ,—и у меня вновь ровно ничего. А главное дѣло, что дѣло по этому завѣщанію самое нечистое. Тутъ, Аванасій Васильевичъ, завелись такія мошенничества! Я вамъ сейчасъ расскажу, и вы подивитесь, что такое дѣлается. Этотъ Чичиковъ...»

«Позвольте, Петръ Петровичъ; прежде чѣмъ говорить объ этомъ Чичиковѣ, позвольте поговорить собственно о насъ. Скажите мнѣ: сколько, по вашему заключенію, было бы для васъ удовлетворительно и достаточно затѣмъ, чтобы совершенно выпутаться изъ обстоятельствъ?»

«Да чтобы выпутаться изъ обстоятельствъ, расплатиться совсѣмъ и быть въ возможности жить самымъ умѣреннымъ образомъ, мнѣ нужно, по крайней мѣрѣ, 100 тысячъ, если не больше».

«Ну, если бы это у васъ было, какъ бы вы тогда повели жизнь свою?»

«Ну, я бы тогда нанялъ себѣ квартирку, занялся бы воспитаніемъ дѣтей, потому что мнѣ самому ужъ не служить: я ужъ никуда не гоюсь».

«А почему-жъ вы никуда не ходите?»

«Да куда-жъ мнѣ? сами посудите: мнѣ нельзя начинать съ канцелярскаго писца. Вы позабыли, что у меня семейство. Мнѣ сорокъ, у меня ужъ и поясница болитъ, я облылся; а должности мнѣ поважнѣе не дадутъ; я вѣдь не на хорошемъ счету. Я признаюсь вамъ: я бы и самъ не взялъ наживной должности. Я человѣкъ хоть и дрянной, и картежникъ, и все, что хотите, но взятокъ брать я не стану. Мнѣ не ужиться съ Красноносовымъ, да Самосвитовымъ».

«Но все, извините-съ, я не могу понять, какъ же быть безъ дороги; какъ идти не по дорогѣ; какъ ѣхать, когда нѣтъ земли подъ ногами; какъ плыть, когда челикъ не на водѣ? А вѣдь жизнь — путешествіе. Извините, Петръ Петровичъ, господа вѣдь, про которыхъ вы говорите, все же они на какой-нибудь дорогѣ, все же они трудятся. Ну, положимъ, какъ-нибудь своротили, какъ случается со всякимъ грѣшнымъ; да есть надежда, что опять набредутъ. Кто идетъ—нельзя, чтобъ не пришелъ; есть надежда, что и набредетъ. Но какъ тому попасть на какую-нибудь дорогу, кто останется праздно? Вѣдь дорога не придетъ ко мнѣ».

«Повѣрьте мнѣ, Аванасій Васильевичъ, я чувствую совершенно справедливость....; но говорю вамъ, что во мнѣ рѣшительно погибла всякая дѣятельность; не вижу я, что могу сдѣлать какую-нибудь пользу кому-нибудь на свѣтѣ. Я чувствую, что я рѣшительно бесполезное бревно. Прежде, покамѣстъ былъ помоложе, такъ мнѣ казалось, что все дѣло въ деньгахъ, что если бы мнѣ въ руки сотни тысячъ, я бы осчастливилъ множество: помогъ бы бѣднымъ художникамъ, завелъ бы библіотеки, полезныя заведенія, собралъ бы лекціи. Я человѣкъ не безъ вкуса и, знаю, во многомъ могъ бы гораздо лучше распорядиться тѣхъ нашихъ богатей, которые все это дѣлаютъ безтолково. А теперь вижу, что и это суета, и въ этомъ не много толку. Нѣтъ, Аванасій Васильевичъ, никуда не гоюсь, ровно никуда, говорю вамъ. На малѣйшее дѣло неспособенъ».

«Послушайте, Петръ [Петровичъ]! Но вѣдь вы же молитесь, ходите въ церковь, не пропускаете, я знаю, ни

Утрени, ни вечерни. Вамъ хотѣ и не хочется рано вставать, но вѣдь вы встаете же и идете, — идете въ четыре часа утра, когда никто не подымется».

«Это—другое дѣло, Аѳанасій Васильевичъ. Я это дѣлаю для спасенія души, потому что убѣжденъ, что этимъ хотѣ сколько-нибудь заглажу праздную жизнь, что какъ я ни (скверенъ самому себѣ) дуренъ, но смиренныя молитвы и нѣкоторое насиліе себя что-нибудь значать у Бога. Скажу вамъ, что я молюсь,—даже и безъ вѣры, но все-таки молюсь. Слышится только, что есть Господинъ, отъ Котораго все зависитъ, какъ лошади и скотина домашнія слышать господина, имѣющаго право».

«Стало-быть, вы молитесь затѣмъ, чтобы угодить Тому, Которому молитесь, чтобы спасти свою душу, и это даетъ вамъ силы и заставляетъ васъ подыматься рано съ постели. Повѣрьте, что если вы взяли за должность свою такимъ образомъ, какъ бы вы ею служили Тому, Кому вы молитесь, у васъ бы появилась дѣятельность, и васъ никто изъ людей не въ силахъ охладить».

«Аѳанасій Васильевичъ! вновь скажу вамъ — это другое. Въ первомъ случаѣ я вижу, что я все-таки дѣлаю. Говорю вамъ, что я готовъ пойти въ монастырь и самыя тяжкія, какіе на меня ни наложатъ, труды и подвиги я буду исполнять, потому что я вижу, для кого я дѣлаю. Не мое дѣло разсуждать. Тамъ я увѣренъ, что взыщется [съ тѣхъ], которые заставили меня дѣлать; тамъ я повинуюсь и знаю, что Богу повинуюсь».

«А зачѣмъ же такъ вы не разсуждаете и въ дѣлахъ свѣта? Вѣдь и въ свѣтѣ мы должны служить Богу, а не кому иному. Если и другому служимъ, мы потому только служимъ, будучи увѣрены, что такъ Богъ велитъ, а безъ того мы бы и не служили. Что-жъ другое всѣ способности и дары, которые розныя у всякаго? Вѣдь это орудія моленья нашего: то—словами, а это дѣломъ. Вѣдь вамъ же въ монастырь нельзя идти: вы прикрѣплены къ міру, у васъ семейство».

Здѣсь Муравовъ замолчалъ. Хлобуевъ тоже замолчалъ.

«Такъ вы полагаете, что если бы, напримѣръ, у [васъ] было двѣсти тысячъ, такъ вы [бы] могли упрочить жизнь и повести отнынѣ жизнь разсчетливѣе?»

«То-есть, по крайней мѣрѣ, я займусь тѣмъ, что можно

будеть сдѣлать, — займусь воспитаніемъ дѣтей, буду имѣть въ возможности доставить имъ хорошихъ учителей».

«А сказать ли вамъ на это, Петръ Петровичъ, что чрезъ два года будете опять кругомъ въ долгахъ, какъ [въ] шнуркахъ?»

Хлобуевъ нѣсколько помолчалъ и началъ съ разстановкою: «Однакожь, послѣ этакихъ опытовъ»...

«Да что-жь тутъ толковать!» сказалъ Муразовъ. «Вы человекъ съ доброй душой: къ вамъ придетъ пріятель, попроситъ взаймы — вы ему дадите; увидите бѣднаго человека — вы захотите помочь; пріятный гость придетъ къ вамъ — захотите получше угостить, да и покоритесь первому доброму движенію, а расчетъ и позабываете. И позвольте вамъ, наконецъ, сказать по искренности, что дѣтей-то своихъ вы не въ состояніи воспитать. Дѣтей своихъ воспитать можетъ только тотъ отецъ, который ужъ самъ выполнилъ долгъ свой. Да и супруга ваша... она и доброй души... она совсѣмъ не такъ воспитана, чтобы дѣтей воспитать. Я даже думаю, — извините меня, Петръ Петровичъ, — не во вредъ ли дѣтямъ будетъ даже и быть съ вами!»

Хлобуевъ призадумался; онъ началъ себя мысленно осматривать со всѣхъ сторонъ и наконецъ почувствовалъ, что Муразовъ былъ правъ отчасти.

«Знаете ли, Петръ Петровичъ? отдайте мнѣ на руки это — дѣтей, дѣла; оставьте и семью вашу, и дѣтей: я ихъ приберегу. Вѣдь обстоятельства ваши таковы, что вы въ моихъ рукахъ; вѣдь дѣло идетъ къ тому, чтобы умирать съ голоду. Тутъ уже на все нужно рѣшаться. Знаете ли вы Ивана Потапыча?»

«И очень уважаю, даже несмотря на то, что онъ ходитъ въ сибиркѣ».

«Иванъ Потапычъ былъ миллионщикъ, выдалъ дочерей своихъ за чиновниковъ, жилъ какъ царь; а какъ обанкротился — что-жь дѣлать? — пошелъ въ приказчики. Не весело-то было ему съ серебрянаго блюда перейти за простую миску: казалось-то, что и руки ни къ чему не подымались. Теперь Иванъ Потапычъ могъ бы хлебать съ серебрянаго блюда, да ужъ не хочетъ. У него ужъ набралось бы опять, да онъ говоритъ: «Нѣтъ, Аѳанасій Ивановичъ, служу я теперь ужъ не себѣ, и для себя, а потому, что Богъ такъ... По своей волѣ не хочу ничего дѣлать. Слушаю васъ, по-

тому что Бога хочу слушаться, а не людей, и такъ какъ Богъ иначе не говоритъ, какъ устами лучшихъ людей только говоритъ. Вы умѣе меня, а потому не я отвѣчаю, а вы».—Вотъ что говоритъ Иванъ Потапычъ; а онъ, если сказать по правдѣ, въ нѣсколько разъ умѣе меня».

«Аеанасій Васильевичъ! вашу власть и я готовъ надъ собою... вашъ слуга и что хотите; отдаюсь вамъ. Но не давайте работы свыше силъ: я не Потапычъ, и говорю вамъ, что ни на что доброе не гожусь».

«Не я-съ, Петръ Петровичъ, наложу-съ [на] васъ, а такъ какъ вы хотѣли бы послужить, какъ говорите сами, такъ [вотъ] вамъ богоугодное дѣло. Строится въ одномъ мѣстѣ церковь добροхотнымъ дательствомъ благочестивыхъ людей. Денегъ не стааетъ, нуженъ сборъ. Надѣньте простую сибирку... вѣдь вы теперь простой человѣкъ, разорившійся дворянинъ и тотъ же нищій: что-жь тутъ чиниться?—да съ книгой въ рукахъ, на простой телѣжкѣ, и отправляйтесь по городамъ и деревнямъ. Отъ архіерея вы получите благословенье и шнуровую книгу, да и съ Богомъ».

Петръ Петровичъ былъ изумленъ этой совершенно новой должностью. Ему, все-таки дворянину нѣкогда древняго рода, отправиться съ книгой въ рукахъ просить на церковь, трастись на телѣгѣ! А вывернуться и уклониться нельзя: дѣло богоугодное.

«Приздумались?» сказалъ Муразовъ. «Вы здѣсь двѣ службы сослужите: одну службу Богу, а другую—мнѣ».

«Какую же вамъ?»

«А вотъ какую. Такъ какъ вы отправитесь по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ я еще не былъ, такъ вы узнаете-съ на мѣстѣ все: какъ тамъ живутъ мужички, гдѣ побогаче, гдѣ терпятъ нужду и въ какомъ состояніи всѣ. Скажу вамъ, что мужичковъ люблю оттого, можетъ-быть, что я и самъ изъ мужиковъ. Но дѣло въ томъ, что завелось межъ ними много всякой мерзости. Раскольники тамъ и всякіе-съ бродяги смущаютъ ихъ, иные и противъ властей ихъ возстаютъ, а если человѣкъ притѣсненъ, такъ онъ легко возстааетъ. Что-жь, будто трудно подстрекнуть человѣка, который, точно, терпитъ. Да дѣло въ томъ, что не снизу должна начинаться расправа. Дѣло плохо, когда пойдутъ на кулаки: ужъ тутъ никакого толку не будетъ—только ворами пожива. Вы—человѣкъ умный, вы рассмотрите, узнаете, гдѣ дѣй-

ствительно терпитъ человѣкъ отъ другихъ, а гдѣ отъ собственного неспокойнаго права, да и расскажете мнѣ потомъ все это. Я вамъ на всякій случай небольшую сумму дамъ на раздѣчу тѣмъ, которые уже и дѣйствительно терпятъ безвинно. Съ вашей стороны будетъ также полезно утѣшить ихъ словомъ и получше истолковать имъ то, что Богъ велитъ переносить безропотно, и молиться въ это время, когда несчастливъ, а не буйствовать и расправляться самому. Словомъ, говорите имъ, никого не возбуждая ни противъ кого, а всѣхъ примиряя. Если увидите въ комъ противу кого бы то ни было ненависть, употребите все усиліе».

«Аѳанасій Васильевичъ! дѣло, которое вы мнѣ поручаете», сказалъ Хлобувевъ: «святое дѣло; но вы вспомните, кому вы его поручаете. Поручить его можно человѣку почти святой жизни, который бы и самъ уже [умѣлъ] прощать другимъ».

«Да я и не говорю, чтобы все это вы исполнили, а по возможности, что можно-съ. Дѣло-то въ томъ, что вы все-таки придете съ большими познаніями тѣхъ мѣстъ, и будете имѣть понятіе, въ какомъ положеніи находится тотъ край. Чиновникъ никогда не столкнется съ лицомъ, да и мужикъ-то съ нимъ не будетъ откровененъ. А вы, прося на церковь, заглянете ко всякому — и къ мѣщанину, и къ купцу, и будете имѣть случай разспросить всякаго. Говорю-съ вамъ это по той причинѣ, что генераль-губернаторъ особенно теперь нуждается въ такихъ людяхъ; и вы, мимо всякихъ канцелярскихъ повышеній, получите такое мѣсто, гдѣ не бесполезна будетъ ваша жизнь».

«Попробую, приложу старанья, сколько хватитъ силъ», сказалъ Хлобувевъ. И въ голосъ его было замѣтно ободреніе, спина распрямилась и голова приподнялась, какъ у человѣка, которому свѣтитъ надежда. «Вижу, что васъ Богъ наградилъ разумньемъ, и вы знаете иное лучше насъ, близорукихъ людей».

«Теперь позвольте васъ спросить», сказалъ Муразовъ: «что-жъ Чичиковъ и какого рода [дѣло]?»

«А [про] Чичикова я вамъ расскажу вещи неслыханныя. Дѣлаетъ онъ такія дѣла... Знаете ли, Аѳанасій Васильевичъ, что завѣщаніе вѣдь ложное? Отыскалось настоящее, гдѣ все имѣніе принадлежитъ воспитанникамъ»

«Что вы говорите? Да ложное-то завѣщаніе кто смастерилъ?»

«Въ томъ-то и дѣло, что премерзѣйшее дѣло! Говорятъ: Чичиковъ, и что подписано завѣщаніе уже послѣ смерти: нарядили какую-то бабу, намѣсто покойницы, и она ужъ подписала. Словомъ, дѣло соблазнительнѣйшее. Подозрѣваютъ въ участіи и чиновниковъ. Ужъ говорятъ, и генералъ-губернаторъ знаетъ. Говорятъ, тысячи просьбъ поступило съ разныхъ сторонъ. Къ Марьѣ Еремѣевнѣ теперь подѣзжаютъ женихи; двое ужъ чиновныхъ лицъ изъ-за нея дерутся. Вотъ какого рода дѣло, Аѳанасій Васильевичъ!»

«Не слышалъ я объ этомъ ничего, а дѣло, точно, не безъ грѣха. Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, признаюсь, для меня презагадочный [человѣкъ]», сказалъ Муразовъ.

«Я подаю отъ себя также просьбу, затѣмъ, чтобы напомнить, что существуетъ ближайшій наслѣдникъ...»

«А мнѣ пусть ихъ всѣ передерутся», думалъ Хлобуевъ, выходя.—«Аѳанасій Васильевичъ не глупъ. Онъ далъ мнѣ это порученіе, вѣрно, обдумавши. Исполнить его — вотъ и все». Онъ сталъ думать о дорогѣ, въ то время, когда Муразовъ все еще повторялъ въ себѣ: «Презагадочный для меня человѣкъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ! Вѣдь если бы съ этакой волей и настойчивостью да на доброе дѣло!»

А между тѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, по судамъ или просьбѣ за просьбой. Оказались родственники, о которыхъ и не слышалъ никто. Какъ птицы слетаются на мертвечину, такъ все налетѣло на несмѣтное имущество, оставшееся послѣ старухи: доносы на Чичикова, на подложность послѣдняго завѣщанія, доносы на подложность и перваго завѣщанія, улики въ покражѣ и въ утаеніи суммъ. Явились даже улики на Чичикова въ покупкѣ мертвыхъ душъ, въ провозѣ контрабанды во время бытности его еще при таможенѣ. Выкопали все, разузнали его прежнюю исторію. Богъ вѣсть, откуда все это пронюхали и знали. Только были улики даже и въ такихъ дѣлахъ, объ которыхъ, думалъ Чичиковъ, кромѣ его и четырехъ стѣнъ, никто не зналъ. Покаместъ все это было еще судейская тайна и до ушей его не дошло, хотя вѣрная записка юрисконсультъ, которую онъ вскорѣ получилъ, нѣсколько дала ему понять, что каша заварится. Записка была краткаго содержанія: «Спѣшу васъ увѣдомить, что по дѣлу будетъ возня; но помните, что тревожиться

никакъ не слѣдуетъ. Главное дѣло—спокойствіе. Обдѣлаемъ все». Записка эта успокоила рѣшительно Чичикова. «Этотъ человекъ—рѣшительный геній», сказалъ онъ (по прочтеніи записки).

Въ довершеніе хорошаго, портной въ это время принесъ платье. Чичиковъ получилъ желаніе сильное посмотрѣть на самого себя въ новомъ фракѣ наваринскаго пламени съ дымомъ. Натянулъ штаны, которые обхватили его чудеснымъ образомъ со всѣхъ сторонъ, такъ что хотъ рисуй. Ляжки такія..... славно обтянуло, икры тоже, сукно обхватило всѣ малости, сообщая имъ еще бѣльшую упругость. Какъ затянулъ онъ позади себя пряжку, животъ сталъ точно барабанъ. Онъ ударилъ по немъ тутъ щеткой, прибавивъ: «Вѣдь какой дуракъ, а въ цѣломъ онъ составляетъ картину!» Фракъ, казалось, былъ сшитъ еще лучше штановъ: ни морщинки, всѣ бока обтянулъ, выгнулся на перехватѣ, показавъ его ловкій перегибъ. На замѣчаніе Чичикова, [что] подъ правой мышкой немного жало, портной только улыбался: отъ этого еще лучше прихватывало на талии. «Будьте покойны, будьте покойны насчетъ работы», повторялъ онъ съ нескрытымъ торжествомъ. — «Кромѣ Петербурга, нигдѣ такъ не сошьютъ». Портной былъ самъ изъ Петербурга и на вывѣскѣ выставилъ: *Иностранецъ изъ Лондона и Парижа*. Шутить онъ не любилъ и двумя городами разомъ хотѣлъ заткнуть глотку всѣмъ другимъ портнымъ, такъ, чтобы впредь никто не появился съ такими городами, а пусть себѣ пишеть изъ какого-нибудь «Карлсеру» или «Копенгага».

Чичиковъ великодушно расплатился съ портнымъ и, оставшись одинъ, сталъ разсматривать себя на досугѣ въ зеркалѣ, какъ артистъ, съ эстетическимъ чувствомъ и соплаго. Оказалось, что все какъ-то было еще лучше, чѣмъ прежде: щечки интереснѣе, подбородокъ заманчивѣй, бѣлые воротнички давали тонъ щекѣ, атласный синій галстукъ давалъ тонъ воротничкамъ; новомодныя складки манишки давали тонъ галстуку, богатый бархатный [жилетъ] давалъ [тонъ] манишкѣ, а фракъ наваринскаго дыма съ пламенемъ, блистая, какъ шелкъ, давалъ тонъ всему. Поворотился направо—хорошо! Поворотился налево—еще лучше! Перегибъ такой, какъ у камергера или у чиновника, служащаго въ иностранной коллегіи, или у такого господина, который такъ

чешетъ по-французски, что передъ нимъ самъ французъ—ничего, который, даже и разсердясь, не срамитъ себя русскимъ словомъ, а выругаетъ по-французски. Деликатность такая! Онъ попробовалъ, склоня головку нѣсколько на-бокъ, принять позу, какъ бы адресовался къ дамѣ среднихъ лѣтъ и послѣдняго просвѣщенія: выходила, просто, картина. Художникъ, бери кисть и пиши! Въ удовольствіи, онъ совершилъ тутъ же легкій прыжокъ, въ родѣ антраша. Вздригнулъ комодъ и упала на землю стеклянка съ одеколономъ; но это не причинило никакого помѣшательства. Онъ назвалъ, какъ и слѣдовало, глупую стеклянку душой и подумалъ: «Къ кому теперь прежде всего явиться? Всего лучше...»

Какъ вдругъ въ передней—въ родѣ нѣкотораго бряканья сапоговъ со шпорами и жандармъ въ полномъ вооруженіи, какъ [будто] въ лицѣ его было цѣлое войско. «Приказано сей же часъ явиться къ генералъ-губернатору!» (Вотъ тебѣ на!) Чичиковъ такъ и обомлѣлъ. Передъ нимъ торчало страшилище съ усами, лошадиный хвостъ на головѣ, черезъ плечо перевязь, черезъ другое перевязь, огромнѣйшій палашъ привѣшенъ къ боку. Ему показалось, что при другомъ боку висѣло и ружье, и чортъ знаетъ что: цѣлое войско въ одномъ только! Онъ началъ было возражать, (страшило) грубо заговорило: «Приказано сей же часъ!» Сквозь дверь въ переднюю онъ увидѣлъ, что тамъ мелькало и другое страшило, взглянулъ въ окошко—и экипажъ. Что тутъ дѣлать? Такъ, какъ былъ во фракѣ наваринскаго пламени съ дымомъ, долженъ былъ сѣсть и, дрожа всѣмъ тѣломъ, отправился къ генералъ-губернатору, и жандармъ съ нимъ.

Въ передней не дали даже и опомниться ему. «Ступайте! васъ князь уже ждетъ», сказалъ дежурный чиновникъ. Передъ нимъ, какъ въ туманѣ, мелькнула передняя, съ курьерами, принимавшими пакеты, потомъ зала, черезъ которую онъ прошелъ, думая только: «Вотъ какъ схватить, да безъ суда, безъ всего, прямо въ Сибирь!» Сердце его забилося съ такой силою, съ какой не бьется даже у наибѣшеннѣйшаго любовника. Наконецъ, растворилась предъ нимъ дверь: предсталъ кабинетъ, съ портфелями, шкафами и книгами, и князь гнѣвный, какъ самъ гнѣвъ.

«Губитель, губитель!» сказалъ Чичиковъ. «Погубить онъ

мою душу» (и чуть не упалъ въ обморокъ): «зарѣжетъ, какъ волкъ агнца!»

«И васъ пощадилъ, я позволить вамъ остаться въ городѣ, тогда какъ вамъ слѣдовало бы въ острогъ; а вы запятнали себя вновь безчестнѣйшимъ мошенничествомъ, какимъ когда-либо запятналъ себя человекъ». Губы князя дрожали отъ гнѣва.

«Какимъ же, ваше сіятельство, безчестнѣйшимъ поступкомъ и мошенничествомъ?» спросилъ Чичиковъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

«Женщина», произнесъ князь, подступая нѣсколько ближе и смотря прямо въ глаза Чичикову: «женщина, которая подписывала, по вашей диктовкѣ, завѣщаніе, схвачена и станеть съ вами на очную ставку».

Чичиковъ сдѣлался блѣденъ, какъ полотно. «Ваше сіятельство! Скажу всю истину дѣла. Я виноватъ; точно, виноватъ; но не такъ виноватъ: меня обнесли враги».

«Васъ не можетъ никто обнести, потому что въ васъ мерзостей въ нѣсколько разъ больше того, что можетъ [выдумать] послѣдній лжець. Вы во всю свою жизнь, я думаю, не дѣлали небезчестнаго дѣла. Всякая копѣйка, добытая вами, добыта безчестнѣй[шимъ образомъ], есть воровство и безчестнѣйшее дѣло, за которое кнутъ и Сибири! Нѣтъ, теперь полно! Съ сей же минуты будешь отведенъ въ острогъ и тамъ, на ряду съ послѣдними мерзавцами и разбойниками, ты долженъ [ждать] разрѣшенія участи своей. И это милостиво еще, потому что хуже ихъ въ нѣсколько [разъ]: они въ армякѣ и тулупѣ, а ты...» Онъ взглянулъ на фракъ наваринскаго пламени съ дымомъ и, взявшись за шнурокъ, позвонилъ.

«Ваше сіятельство», вскрикнулъ Чичиковъ: «умилосердитесь! Вы отецъ семейства. Не меня пощадите — старухамать!»

«Врешь!» вскрикнулъ гнѣвно князь. «Такъ же ты меня тогда умолялъ дѣтьми и семействомъ, которыхъ у тебя никогда не было, теперь — матерью!»

«Ваше сіятельство! я мерзавецъ и послѣдній негодяй», сказалъ Чичиковъ голосомъ.... «И дѣйствительно лгалъ, я не имѣлъ ни дѣтей, ни семейства; но, вотъ Богъ свидѣтель, я всегда хотѣлъ имѣть жену, исполнить долгъ человека и гражданина, чтобы дѣйствительно потомъ заслужить

уваженіе гражданъ и начальства... Но что за бѣдственные стеченія обстоятельствъ! Кровью, ваше сіятельство, кровью нужно было добывать насущное существованіе. На всякомъ шагу соблазны и искушеніе... враги, и губители, и похитители. Вся жизнь была—точно судно среди волнъ морскихъ. Я—человѣкъ, ваше сіятельство!»

Слезы вдругъ хлынули ручьями изъ глазъ его. Онъ повалился въ ноги князю, такъ, какъ былъ, во фракѣ наваринскаго пламени съ дымомъ, въ бархатномъ жилетѣ съ атласнымъ галстукомъ, въ чудесно сшитыхъ штанахъ и причесанныхъ волосахъ, изливавшихъ запахъ одеколона.

«Поди прочь отъ меня! Позвать, чтобы его взяли, солдаты!» сказалъ князь взошедшимъ.

«Ваше сіятельство!» кричалъ [Чичиковъ] и обхватилъ обѣими руками сапогъ князя.

Чувство содроганія пробѣжало по всѣмъ жиламъ [князя].

«Подите прочь, говорю вамъ!» сказалъ онъ, усиливаясь вырвать свою ногу изъ объятія Чичикова.

«Ваше сіятельство! не сойду съ мѣста, покуда не получу милости!» говорилъ [Чичиковъ], не выпуская, сжимая сапогъ князя къ груди и проѣхавшись, вмѣстѣ съ ногой, по полу во фракѣ наваринскаго пламени и дыма.

«Подите, говорю вамъ!» говорилъ онъ съ тѣмъ неизъяснимымъ чувствомъ отвращенія, какого чувствуетъ человѣкъ при видѣ безобразнѣйшаго насккомаго, котораго нѣтъ духу раздавить ногой. Онъ встряхнулъ такъ, что Чичиковъ почувствовалъ ударъ сапога въ щеку, пріятно округленный подбородокъ и зубы; но онъ не выпустилъ сапога и еще съ бѣльшей силой держалъ ногу въ своихъ объятіяхъ. Два дюжихъ жандарма въ силахъ оттащили его и, взявши подъ руки, повели черезъ всѣ комнаты. Онъ былъ блѣдный, убитый, въ томъ безчувственно-страшномъ состояніи, въ какомъ бываетъ человѣкъ, видящій передъ собою черную, неотвратимую смерть, это страшное, противное естеству нашему...

Въ самыхъ дверяхъ на лѣстницу навстрѣчу — Муразовъ. Лучъ надежды вдругъ скользнулъ. Въ одинъ мигъ, съ силой неестественной, вырвался онъ изъ рукъ обоихъ жандармовъ и бросился въ ноги изумленному старику.

«Батюшка, Павелъ Ивановичъ, что съ вами?»

«Спасите! ведутъ въ острогъ, на смерть...» Жандармы схватили его и повели, не дали даже и услышать.

Промзглый, сырой чуланъ съ запахомъ сапоговъ и онучъ гарнизонныхъ солдатъ, некрашенный столъ, два скверныхъ стула, съ желѣзною рѣшеткой окно, дряхлая печь, сквозь щели которой только дымило, а тепла не давало — вотъ обиталище, гдѣ помѣщенъ былъ нашъ [Чичиковъ], уже начинавшій вкушать сладость жизни и привлекать вниманіе соотечественниковъ, въ тонкомъ новомъ фракѣ наваринскаго пламени и дыма. Не дали даже ему распорядиться взять съ собой необходимыя вещи, взять шкатулку, гдѣ были деньги (чемоданъ, заключавшій гардеробъ). Бумаги, крѣпости на мертвыя [души] — все было теперь въ [рукахъ] чиновниковъ! Онъ повалился на землю и плотоядный червь грусти страшной, безнадежной обвился около его сердца. Съ возрастающей быстротой стала точить она это сердце, ничѣмъ не защищенное. Еще день такой, день такой грусти, и не было бы Чичикова вовсе на свѣтѣ. Но надъ Чичиковымъ не дремствовала чья-то всеспасающая рука. Часъ спустя (послѣ этого страшнаго состоянія) двери тюрьмы растворились: взмошелъ старикъ Муразовъ.

Если бы терзаемому палящей жаждой влилъ кто въ засохнувшее горло струю ключевой воды, то онъ бы не оживился такъ, какъ оживился бѣдный Чичиковъ.

«Спаситель мой!» сказалъ Чичиковъ, вдругъ схватившись съ полу, на который бросился въ разрывающей... печали, вдругъ его руку быстро подѣловалъ и прижалъ къ груди. «Богъ да наградитъ васъ за то, что посѣтили несчастнаго!»

Онъ залился слезами.

Старикъ глядѣлъ на него скорбно-болѣзненнымъ взоромъ и говорилъ только: «Ахъ, Павелъ, Павелъ Ивановичъ! Павелъ Ивановичъ, что вы сдѣлали?»

«Сдѣлалъ все, что свойственно подлѣйшему челоѣку. Но посудите, посудите, развѣ можно такъ поступать? Я — дворянинъ. Безъ суда, безъ слѣдствія, бросить въ тюрьму, отобрать все отъ меня: вещи, шкатулка... тамъ деньги, тамъ все имущество, тамъ все мое имущество, Аѳанасій Васильевичъ, — имущество, которое кровнымъ потомъ приобрѣлъ...»

И, не въ силахъ будучи удерживать порыва вновь под-

ступившей къ сердцу грусти, онъ громко зарыдалъ голосомъ, проникнувшимъ толщу стѣнъ острога и глухо отозвавшимся въ отдаленіи, сорвалъ съ себя атласный галстукъ и, схвативши (себя) рукою около воротника, разорвалъ на себѣ фракъ наваринскаго пламени съ дымомъ.

«Павелъ Ивановичъ, все равно, и съ имуществомъ, и со всѣмъ, что ни есть на свѣтѣ, вы должны проститься: вы подпали подъ неумолимый законъ, а не подъ власть какого человѣка».

«Самъ погубилъ самого себя, чувствую, что погубилъ — не умѣлъ во-время остановиться. Но за что же такая страшная [гара], Аѳанасій Васильевичъ? Я развѣ разбойникъ? Отъ меня развѣ пострадалъ кто-нибудь? Развѣ я сдѣлалъ несчастнымъ человѣка? Трудомъ и потомъ, кровавымъ потомъ добывалъ копѣйку. Зачѣмъ добывалъ копѣйку?—Зачѣмъ, чтобы въ довольствѣ прожить остатокъ дней, непрожитое оставить женѣ, дѣтямъ, которыхъ намѣревался приобрести для блага, для службы отечеству. Покривилъ, не спорю, покривилъ... что-жъ дѣлать? но вѣдь покривилъ, увидя, что прямой дорогой не возьмешь и что косою дорогой больше напрямикъ. Но вѣдь я трудился, я изощрялся. А эти мерзавцы, которые по судамъ, берутъ тысячи и не то, чтобы съ казны, — небогатыхъ людей грабятъ, послѣднюю копѣйку сдираютъ съ того, у кого нѣтъ ничего!.. Аѳанасій Васильевичъ, я не блудничалъ, я не пьянствовалъ. [Я развѣ не выкупилъ?].... Да вѣдь сколько трудовъ, сколько желѣзнаго терпѣнья! Да я, можно сказать, выкупилъ всякую добытую копѣйку страданьями, страданьями! Пусть ихъ кто-нибудь выстрадаетъ то, что я! Вѣдь что вся жизнь моя?—Лютая борьба, судно среди волнъ. И лишиться вдругъ всего, что выработалъ, Аѳанасій Васильевичъ, того, что приобрѣлъ такой борьбой...»

Онъ не договорилъ и зарыдалъ громко отъ нестерпимой боли сердца, и упалъ на стулъ, и оторвалъ совсѣмъ висѣвшую разорванную полу фрака, и швырнулъ ее прочь отъ себя и, запустивши обѣ руки себѣ въ волосы, обѣ укрѣпленіи которыхъ прежде такъ старался, безжалостно рвалъ ихъ, услаждаясь болью, которою хотѣлъ заглушить нестерпимую боль сердца.

«Ахъ, Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ!» говорилъ [Муравовъ], скорбно смотря на него и качая [головой]. «Я

все думаю о томъ, какой бы изъ васъ былъ человекъ, если бы такъ же, и силою и терпѣньемъ, да подвизались бы на добрый тр[удъ] и для лучшей [цѣли]! Если бы хоть кто-нибудь изъ тѣхъ людей, которые любятъ добро, да употребили бы столько усилій для него, какъ вы для добыванья своей копѣйки!... да сумѣли бы такъ пожертвовать для добра и собственнымъ самолюбіемъ, и честолюбіемъ, не жалѣя себя, какъ вы не жалѣли для добыванья своей копѣйки!...»

«Авванасій Васильевичъ!» сказалъ бѣдный Чичиковъ и схватилъ его обѣими руками за руки. «О, если бы удалось мнѣ освободиться, возвратить мое имущество! клянусь вамъ, повелѣть бы огнинь совсѣмъ другую жизнь! Спасите, благодѣтель, спасите!»

«Что-жъ могу я сдѣлать? Я долженъ воевать съ закономъ. Положимъ, если бы я даже и рѣшился на это; но вѣдь князь справедливъ,—онъ ни за что не отступитъ».

«Благодѣтель! вы все можете сдѣлать. Не законъ меня устрашаетъ, — я передъ закономъ найду средства, — но то, что... я брошенъ въ тюрьму, что я пропаду здѣсь, какъ собака, и что мое имущество, бумаги, шкатулка.. спасите!»

Онъ обнялъ ноги старика, облилъ ихъ слезами.

«Ахъ, Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ!» говорилъ старикъ Муразовъ, качая [головою]: «какъ васъ ослѣпило это имущество! Изъ-за него вы и бѣдной души своей не слышите!»

«Подумаю и о душѣ, но спасите!»

«Павелъ Ивановичъ!» сказалъ старикъ Муразовъ и остановился. «Спаси васъ не въ моей власти: вы сами видите. Но приложу старанье, какое могу, чтобы облегчить вашу участь и освободить. Не знаю, удастся ли это сдѣлать, но буду стараться. Если же, паче чаянія, удастся, Павелъ Ивановичъ,—я попрошу у васъ награды за труды: бросьте всѣ эти поползновенья на эти приобрѣтенія. Говорю вамъ по чести, что если бы я и всего лишился моего имущества, — а у меня его больше, чѣмъ у васъ, — я бы не заплакалъ. Ей, ей, [дѣло] не въ этомъ имуществѣ, которое могутъ у меня конфисковать, а въ томъ, котораго никто не можетъ украсть и отнять! Вы ужъ пожили на свѣтѣ довольно. Вы сами называете жизнь свою судномъ среди

волнь. У васъ есть уже чѣмъ прожить остатокъ дней. Поселитесь себѣ въ тихомъ уголкѣ, поближе къ церкви и простымъ, добрымъ людямъ; или, если знобиѣтъ сильное желанье оставить по себѣ потомковъ, женитесь на небогатой, доброй дѣвушкѣ, привыкшей къ умеренности и простому хозяйству (и, право, вы не пожалѣете потомъ). Забудьте этотъ шумный міръ и всѣ его оболъстительныя прихоти; пусть и онъ васъ позабудетъ. Въ немъ нѣтъ успокоенья. Вы видите: все въ немъ врагъ, искушитель, или предатель».

Чичиковъ задумался. Что-то странное, какія-то невѣдомыя дотолѣ, незнаемыя чувства, ему самому необъяснимыя, пришли къ нему: какъ будто хотѣло въ немъ что-то пробудиться, что-то подавленное изъ-дѣтства суровымъ, мертвымъ поученьемъ, безпривѣтностью скучнаго дѣтства, пустышностью родного жилища, безсемейнымъ одиночествомъ, нищетой и бѣдностью первоначальныхъ впечатлѣній, и какъ будто то, что..... суровымъ взглядомъ судьбы, взглянувшей на него скучно, сквозь какое-то мутно-занесенное зимней вьюгой окно, хотѣло вырваться на волю.

«Спасите только, Аѳанасій Васильевичъ!» вскричалъ онъ: «поведу другую жизнь, послѣдую вашему совѣту! Вотъ вамъ мое слово!»

«Смотрите же, Павелъ Ивановичъ, отъ слова не отступитесь», сказалъ Муразовъ, держа его руку.

«Отступился бы, можетъ-быть, если бы не такой страшный урокъ», сказалъ, вздохнувши, бѣдный Чичиковъ и прибавилъ: «Но урокъ тяжелъ; тяжелъ, тяжелъ урокъ, Аѳанасій Васильевичъ!»

«Хорошо, что тяжелъ. Благодарите за это Бога, помолитесь. Я пойду стараться». Сказавши это, старикъ вышелъ.

Чичиковъ уже не плакалъ, не рвалъ на себѣ фрака и волосъ: онъ успокоился.

«Нѣтъ, полно!» сказалъ онъ наконецъ: «другую, другую жизнь! Пора, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлаться порядочнымъ. О, если бы мнѣ какъ-нибудь только выпутаться и уѣхать хоть съ небольшимъ капиталомъ, поселись вдали отъ... Если, однакожь, получу назадъ бумаги... А купчія?...» Онъ подумалъ: «Что-жь? зачѣмъ оставить это дѣло, столькимъ трудомъ пріобрѣтенное?... Больше не стану покупать, но заложить тѣ нужно. Вѣдь пріобрѣтеніе это стоило трудовъ! Это

я заложу, заложу съ тѣмъ, чтобы купить на деньги помѣстье. Сдѣлаюсь помѣщикомъ, потому что тутъ можно сдѣлать много хорошаго». И въ мысляхъ его пробудились тѣ чувства, которыя овладѣли имъ, когда онъ былъ [у] Горбожогло, и милая, при грѣющемъ свѣтѣ вечернемъ, умная бесѣда хозяина о томъ, какъ плодотворно и полезно занятіе помѣстьемъ. Деревня такъ вдругъ представилась ему прекрасною, точно какъ бы онъ въ силахъ былъ почувствовать всѣ прелести деревни.

«Глуши мы, за суетой гоняемся!» сказалъ онъ наконецъ. «Право, отъ бездѣлья! Все близко, все подъ рукой, а мы бѣжимъ за тридевять. Чѣмъ не жизнь, если займешься хоть бы и въ глуши? Вѣдь удовольствіе, дѣйствительно, въ трудѣ. Горбожогло правъ. И ничего нѣтъ слаще, (точно,) какъ плодъ собственныхъ трудовъ... Нѣтъ, займусь трудомъ, поселюсь въ деревнѣ, и займусь честно, такъ, чтобы имѣть доброе вліяніе и на другихъ. Чтò-жъ, въ самомъ дѣлѣ, будто я уже совсѣмъ негодный? У меня есть способности къ хозяйству; я имѣю качества и бережливости, и расторопности, и благоразумія, даже постоянства. Стоить только рѣшиться. Теперь только истинно и ясно чувствую, что есть какой-то долгъ, который нужно исполнять человѣку на землѣ, не отрываясь отъ того мѣста и угла, на которомъ онъ поставленъ».

И трудолюбивая жизнь, удаленная отъ шума городовъ и всѣхъ соблазновъ, которые отъ праздности выдумалъ, позабывши трудъ, человѣкъ, такъ сильно стала передъ нимъ рисоваться, что онъ уже почти позабылъ весь ужасъ своего положенія и, можетъ-быть, готовъ былъ даже возблагодарить Провидѣніе за этотъ тяжелый....., если только выпустить его и отдадутъ хотя часть. Но... одностворчатая дверь его нечистаго чулана растворилась, вошла чиновная особа — Самосвитовъ, эпикуреецъ, отличный товарищъ, кутила и продувная бестія, какъ выражались о немъ сами товарищи. Въ военное время человѣкъ этотъ надѣлалъ бы чудесъ: его бы послать куда-нибудь пробраться сквозь непроходимыя, опасныя мѣста, украсть передъ носомъ у самого непріятеля пушку,—это его бы дѣло. Но, за неизмѣнимъ военнаго поприща, подвизался на штатскомъ и, намѣсто подвиговъ, за которые былъ [бы] не даромъ украшенъ, онъ пакостилъ и гадилъ. Непостижимое

дѣло! съ товарищами онъ былъ хорошъ, никого не продавать никому и, давши слово, держать; но вышее надъ собою начальство онъ считалъ чѣмъ-то въ родъ непріятельской батареи, сквозь которую нужно пробиваться, пользуясь всякимъ слабымъ мѣстомъ, проломомъ или упущеніемъ...

«Знаемъ все объ вашемъ положеніи, все услышали!» сказалъ онъ, когда увидѣлъ, что дверь за нимъ плотно затворилась. «Ничего, ничего! Не робѣйте: все будетъ поправлено. Всѣ будемъ работать за васъ и—ваши слуги! Тридцать тысячъ на всѣхъ—и ничего больше».

«Будто?» вскрикнулъ Чичиковъ: «и я буду совершенно оправданъ?»

«Кругомъ! еще и вознагражденіе получите за убытки».

«И за трудъ?...»

«Тридцать тысячъ. Тутъ уже все вмѣстѣ—и нашимъ, и генераль-губернаторскимъ, и секретарю».

«Но позвольте, какъ же я могу? Мои всѣ вещи... никатулка... все это теперь запечатано, подъ присмотромъ...»

«Черезъ часъ получите все. По рукамъ, что-ли?»

Чичиковъ далъ руку. Сердце его билось, и онъ не довѣрялъ, чтобы это было возможно...

«Пока прощайте! Поручилъ вамъ [сказать] нашъ общій пріятель, что главное дѣло — спокойствіе и присутствіе духа»,

«Гм!» подумалъ Чичиковъ: «понимаю—юрисконсульты!»

Самосвитовъ скрылся. Чичиковъ, оставшись, все еще не довѣрялъ словамъ, какъ не прошло часа послѣ этого разговора, какъ была принесена никатулка: бумаги, деньги—все въ наилучшемъ порядкѣ. Самосвитовъ явился въ качествѣ распорядителя: выбранилъ поставленныхъ часовыхъ за то, что небдительны, смотрителю приказалъ приставить еще лишнихъ солдатъ для усиленія присмотра, взялъ не только шкатулку, но отобралъ даже всѣ такія бумаги, которыя могли бы чѣмъ-нибудь компрометировать Чичикова; связалъ все это вмѣстѣ, запечаталъ и повелѣлъ самому солдату отнести немедленно къ самому Чичикову, въ видѣ необходимыхъ ночныхъ и спальныхъ вещей, такъ что Чичиковъ, вмѣстѣ съ бумагами, получилъ даже и все теплое, что нужно было для покрытія брэннаго его тѣла. Это скорое доставленіе обрадовало его несказанно. Онъ возымѣлъ сильную надежду, и уже начали ему вновь грезиться кое-какія вещи:

вечеромъ театръ, плясунья, за которою онъ волочился. Деревня и мирная жизнь стали казаться блѣднѣй, городъ и шумъ—опять ярче, яснѣй... О, жизнь!

А между тѣмъ завязалось дѣло размѣра безпредѣльнаго въ судахъ и палатахъ. Работали перья писцовъ, и, понюхивая табакъ, трудились казусныя головы, съ чувствомъ художника любясь собственной крючковой строкой. Юрис-консультъ, какъ скрытый магъ, незримо ворочалъ всѣмъ механизмомъ; всѣхъ онуталъ рѣшительно, прежде чѣмъ кто успѣлъ осмотрѣться. Путаница увеличилась. Самосви-товъ превзошелъ самого себя отважностью распоряженій и дерзостью неслыханною. Узнавши, гдѣ караулилась схваченная женщина, онъ явился прямо и вошелъ такимъ молодцомъ и начальникомъ, что часовой сдѣлалъ ему честь и вытянулся въ струнку. «Давно ты здѣсь стоишь?» — «Съ утра, ваше благородіе!» — «Долго до смѣны?» — «Три часа, ваше благородіе!» — «Ты мнѣ будень нуженъ. Я скажу офицеру, чтобы намѣсто тебя отрядилъ другого». — «Слушаю, ваше благородіе!» И, уѣхавъ домой, ни минуты не медля, самъ нарядился жандармомъ, явился въ домъ, гдѣ былъ Чичиковъ, схватилъ первую бабу, какая попалась, и сдать ее двумъ чиновнымъ молодцамъ, докамъ тоже, а самъ прямо явился, въ усахъ и съ ружьемъ, какъ слѣдуетъ, къ часовымъ: «Ступай къ мо, меня прислалъ командиръ выстоять, намѣсто тебя, смѣну.» Обмѣнился съ часовымъ ружьемъ. Только этого было и нужно. Въ это время, намѣсто прежней бабы очутилась другая, ничего не знавшая и не понимавшая. Прежнюю запрятали куда-то такъ, что и потомъ не узнали, куда она дѣлась. Въ то время, когда Самосвитовъ подвизался въ лицѣ воина, юрисконсультъ произвелъ чудеса на гражданскомъ поприщѣ: губернатору далъ знать стороною, что прокуроръ на него пишетъ доносъ; жандармскому чиновнику далъ знать, [что] секретно проживающій чиновникъ пишетъ на него доносы; секретно проживающаго чиновника увѣрилъ, что есть еще секретнѣйшій чиновникъ, который на него доносить,—и всѣхъ привелъ въ такое положеніе, что къ нему должны были обратиться за совѣтами. Произошла такая безтолковщина: доносъ сѣлъ верхомъ на доносъ, и пошли открываться такія дѣла, которыхъ и солнце не видывало, и даже такія, которыхъ и не было. Все пошло въ работу и въ

дѣло: и кто незаконнорожденный сынъ, и какого рода и званія, и у кого любовница, и чья жена за кѣмъ волочится. Скандалы, соблазны и все такъ замѣшалось и сплелось вмѣстѣ съ исторіей Чичикова, съ мертвыми душами, что никоимъ образомъ нельзя было понять, которое изъ этихъ дѣлъ было главнѣйшая чепуха: оба казались равнаго достоинства. Когда стали, наконецъ, поступать бумаги къ генераль-губернатору, бѣдный князь ничего не могъ понять. Весьма умный и расторопный чиновникъ, которому поручено было сдѣлать экстрактъ, чуть не сошелъ съ ума: никакимъ образомъ нельзя было поймать нити дѣла. Князь былъ въ это время озабоченъ множествомъ другихъ дѣлъ, одно другого непрятнѣйшихъ. Въ одной части губерніи оказался голодъ. Чиновники, посланные раздать хлѣбъ, какъ-то не такъ распорядились, какъ слѣдовало. Въ другой части губерніи расшевелились раскольники. Кто-то пропустилъ между ними, что народился антихристъ, который и мертвымъ не даетъ покоя, скупая какія-то мертвыя души. Каялись и грѣшили, и, подъ видомъ изловить антихриста, укокошили неантихристовъ. Въ другомъ мѣстѣ мужики взбунтовались противъ помѣщиковъ и капитанъ-исправниковъ. Какіе-то бродяги пропустили между ними слухи, что наступаетъ такое время, что мужики должны [быть] помѣщики и нарядиться во фраки, а помѣщики нарядятся въ армяки и будутъ мужики,—и цѣлая волость, не размысливъ того, что слишкомъ много выйдетъ тогда помѣщиковъ и капитанъ-исправниковъ, отказалась платить подать. Нужно было прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ. Бѣдный князь былъ въ самомъ разстроенномъ состояніи духа. Въ это время доложили ему, что пришелъ откупщикъ. «Пусть войдетъ», сказалъ князь. Старикъ взмошелъ...

«Вотъ вамъ Чичиковъ! Вы стояли за него и защищали. Теперь онъ попался въ такомъ дѣлѣ, на какое послѣдній воръ не рѣшится».

«Позвольте вамъ доложить, ваше сіятельство, что я не очень понимаю это дѣло, (въ которомъ онъ попался)».

«Подлогъ завѣщанія, и еще какой!... Публичное наказаніе плетью за такое дѣло!».

«Ваше сіятельство, скажу не съ тѣмъ, чтобы защищать Чичикова,—но вѣдь это—дѣло не доказанное: слѣдствіе еще не сдѣлано».

«Улыба: женщина, которая была наряжена на мѣсто умершей, схвачена. Я ее хочу разспросить нарочно при васъ». Князь позвонилъ и далъ приказъ позвать ту женщину, — («которая взята» — сказалъ онъ вошедшему).

Муравовъ замолчалъ.

«Безчестнѣйшее дѣло! И, къ стыду, замѣшались первые чиновники города, самъ губернаторъ. Онъ не долженъ быть тамъ, гдѣ воры и бездѣльники!» сказалъ князь съ жаромъ.

«Вѣдь губернаторъ — наслѣдникъ; онъ имѣетъ право на притязанія; а что другіе-то со всѣхъ сторонъ прицѣпились, такъ это-сь, ваше сіятельство, человѣческое дѣло. Умерла-сь богатая, распоряженія умнаго и справедливаго не сдѣлала; слетѣлись со всѣхъ сторонъ охотники поживиться — человѣческое дѣло...»

«Но вѣдь мерзости зачѣмъ же дѣлать?.. Подлецы!» сказалъ князь съ чувствомъ негодованія. «Ни одного чиновника нѣтъ у меня хорошаго; всѣ — мерзавцы!»

«Ваше сіятельство! да кто-жъ изъ насъ, какъ слѣдуетъ, хорошъ? Всѣ чиновники нашего города — люди, имѣютъ (свои) достоинства и многіе очень знающіе въ дѣлѣ, а отъ грѣха всякъ близокъ».

«Послушайте, Аванасій Васильевичъ: скажите мнѣ, — я васъ одного знаю за честнаго человѣка, — что у васъ за страсть защищать всякаго рода мерзавцевъ?»

«Ваше сіятельство», сказалъ Муравовъ: «кто бы ни былъ человѣкъ, котораго вы называете мерзавцемъ, но вѣдь онъ человѣкъ. Какъ же не защищать человѣка, если онъ половину золь дѣлаетъ отъ грубости и невѣдѣнія? Вѣдь мы дѣлаемъ несправедливости на всякомъ шагу даже и не съ дурнымъ намѣреніемъ. Вѣдь, ваше сіятельство, сдѣлали также большую несправедливость».

«Какъ!» воскликнулъ въ изумленіи князь, совершенно пораженный такимъ нежданномъ оборотомъ рѣчи.

Муравовъ остановился, помолчалъ, какъ бы соображая что-то, и, наконецъ, сказалъ: «Да вотъ хоть бы по дѣлу Дѣрпѣнникова».

«Какъ, развѣ я несправедливъ? преступленіе противъ коренныхъ государственныхъ законовъ, равное измѣнѣ землѣ своей!...»

«Я не оправдываю его. Но справедливо ли то, если

юношу, который, по неопытности своей, былъ обольщенъ и сманенъ другими, осудить такъ, какъ и того, который былъ одинъ изъ зачинщиковъ? Вѣдь участь постигла равная и Дѣрпѣникова, и какого-нибудь Вороного-Дрянного; а вѣдь преступленія ихъ не равны».

«Ради Бога...» сказали князь съ замѣтнымъ волненіемъ: «вы что-нибудь знаете объ этомъ? скажите. Я именно недавно послалъ еще прямо въ Петербургъ объ смягченіи его участи».

«Нѣтъ, ваше сіятельство, я не насчетъ того говорю, чтобы я зналъ что-нибудь такое, чего вы не знаете. Хотя, точно, есть одно такое обстоятельство, которое бы послужило въ его пользу, да онъ самъ не согласится, потому что чрезъ это пострадать бы другой. А я думаю только то, что не изволили-ль вы тогда слишкомъ поспѣшить. Извините, мнѣ кажется по моему слабому разуму, слѣдовало бы тоже принять во вниманіе и прежнюю жизнь человека, потому что, если не размотришь все хладнокровно, а накричишь съ перваго раза, — запугаешь только его, да и признанья настоящаго не добьешься; а какъ съ участіемъ его разспросишь, какъ братъ брата—самъ все выскажетъ и даже не просить о смягченіи, и ожесточенья ни противъ кого нѣтъ, потому что ясно видить, что не я его наказываю: а законъ».

Князь задумался. Въ это время вошелъ чиновникъ и почтительно остановился съ портфелемъ. Забота, трудъ выражались на его молодомъ и еще свѣжемъ лицѣ. Видно было, что онъ не даромъ служилъ по особымъ порученіямъ. Это былъ одинъ изъ числа тѣхъ немногихъ, который занимался дѣлопроизводствомъ сопъ амое. Не стора я ни честолюбіемъ, ни желаніемъ прибытковъ, ни подражаніемъ другимъ, онъ занимался только потому, что былъ убѣжденъ, что ему нужно быть здѣсь, а не на другомъ мѣстѣ, что для этого дана ему жизнь. Слѣдить, разобрать по частямъ и, поймавши всѣ нити запутаннѣйшаго дѣла, разъяснить его—это было его дѣло. И труды, и старанія, и безсонныя ночи вознаграждались ему изобильно, если дѣло, наконецъ, начинало предъ нимъ объясняться, сокровенныя причины обнаруживаться, и онъ чувствовалъ, что можетъ передать его все въ немногихъ словахъ, отчетливо и ясно, такъ что всякому будетъ очевидно и понятно. Можно сказать, что

не столько радовался ученикъ, когда предъ нимъ раскрывалась какая-нибудь труднѣйшая фраза и обнаруживается настоящій смыслъ мысли великаго писателя, какъ радовался онъ, когда предъ нимъ распутывалось запутаннѣйшее дѣло. Зато... *)

«...хлѣбомъ въ мѣстахъ, гдѣ голодъ; я эту часть получше знаю чиновниковъ: разсмотрю самолично, что кому нужно. Да, если позволите, ваше сіятельство, я поговорю и съ раскольниками. Они то съ нашимъ братомъ, съ простымъ человекомъ, охотнѣе разговаряются, такъ, Богъ вѣсть, можетъ-быть, помогу уладить[ся] съ ними миролюбно. А денегъ-то отъ васъ я не возьму, потому что, ей-Богу, стыдно въ такое время думать о своей прибыли, когда умираютъ съ голода. У меня есть въ запасѣ готовый хлѣбъ; я и теперь еще послалъ въ Сибирь, и къ будущему лѣту вновь подвезутъ».

«Васъ можетъ только наградить одинъ Богъ за такую службу, Аѳанасій Васильевичъ. А я вамъ не скажу ни одного слова, потому что,—вы сами можете чувствовать,—всякое слово тутъ безсильно. Но позвольте мнѣ одно сказать насчетъ той просьбы. Скажите сами: имѣю ли я право оставить это дѣло безъ вниманія, и справедливо ли, честно ли съ моей стороны будетъ простить мерзавцевъ».

«Ваше сіятельство, ей-Богу, этакъ нельзя называть, тѣмъ болѣе, что изъ [нихъ] есть многіе весьма достойные. Затруднительны положенія человека, ваше сіятельство, очень, очень затруднительны. Бываетъ такъ, что кажется кругомъ виноватъ человекъ; а какъ войдешь—даже и не онъ».

«Но что скажутъ они сами, если оставлю? Вѣдь есть изъ нихъ, которые послѣ этого еще больше подымутъ носъ и будутъ даже говорить, что они налугали. Они первые будутъ не уважать...»

«Ваше сіятельство, позвольте мнѣ вамъ дать свое мнѣніе: соберите ихъ всѣхъ, дайте имъ знать, что вамъ все извѣстно, и представьте имъ ваше собственное положеніе точно такимъ самымъ образомъ, какъ вы его изволили изобразить сейчасъ передо мной, и спросите у нихъ совѣта: что [бы] изъ нихъ каждый сдѣлалъ на вашемъ положеніи?»

*) На этомъ словѣ обрывается 132 страница рукописи; затѣмъ значительный пропускъ.

«Да, вы думаете, имъ будутъ доступны движенія благороднѣйшія, чѣмъ каверзничать и наживаться? Повѣрьте, они надо мной посмѣются».

«Не думаю-съ, ваше сіятельство. У [русскаго] человѣка, даже и у того, кто похуже другихъ, все-таки чувство справедливо. Развѣ жидъ какой-нибудь, а не русскій. Нѣтъ, ваше сіятельство, вамъ нечего скрываться. Скажите такъ точно, какъ изволили передо мной. Вѣдь они васъ поносятъ, какъ человѣка честолюбиваго, гордаго, который и слышать ничего не хочетъ, увѣренъ въ себѣ,—такъ пусть же увидятъ все, какъ оно есть. Что-жъ вамъ (ихъ бояться)? Вѣдь ваше дѣло правое. Скажите имъ такъ, какъ бы вы не предъ ними, а предъ Самимъ Богомъ принесли свою исповѣдь».

«Аванасій Васильевичъ», сказалъ князь въ-раздуми: «я объ этомъ подумаю, а покуда благодарю васъ очень за совѣтъ».

«А Чичикова, ваше сіятельство, прикажите отпустить».

«Скажите этому Чичикову, чтобы онъ уѣзжалъ отсюда какъ можно поскорѣй, и чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. Его-то уже я бы никогда не простилъ».

Муравовъ поклонился и прямо отъ князя отправился къ Чичикову. Онъ нашелъ Чичикова уже въ духѣ, весьма покойно занимавшагося довольно порядочнымъ обѣдомъ, который былъ ему принесенъ въ файнсовыхъ судкахъ изъ какой-то весьма порядочной кухни. По первымъ фразамъ разговора старикъ замѣтилъ тотчасъ, что Чичиковъ уже успѣлъ переговорить кое съ кѣмъ изъ чиновниковъ-казусниковъ. Онъ даже понялъ, что сюда вмѣшалось невидимое участіе знатока-юрисконсульта.

«Послушайте-съ, Павелъ Ивановичъ», сказалъ онъ: «я привезъ вамъ свободу на такомъ условіи, чтобы сейчасъ васъ не было въ городѣ. Собирайте всѣ пожитки свои—да и съ Богомъ, не откладывая ни минуты, потому что дѣло еще хуже. Я знаю-съ, васъ тутъ одинъ человѣкъ настраиваетъ; такъ объявляю вамъ по секрету, что такое еще дѣло одно открывается, что ужъ никакія силы не спасутъ этого. Онъ, конечно, радъ другихъ топить, чтобы не скучно, да дѣло къ раздѣлкѣ. Я васъ оставилъ въ расположеніи хорошемъ, — лучшемъ, нежели въ какомъ теперь. Совѣтую вамъ-съ не въ шутку. Ей, ей, дѣло не въ этомъ имуществѣ,

изъ-за котораго спорятъ люди, и рѣжутъ другъ друга люди, точно, какъ можно завести благоустройство въ здѣшней жизни, не помысливши о другой жизни. Повѣрьте-съ, Павелъ Ивановичъ, что покамѣстъ, броса все, изъ-за чего грызутъ и ѣдятъ другъ друга на землѣ, не подумаютъ о благоустройствѣ душевнаго имущества, — не установится благоустройство и земного имущества. Наступятъ времена голода и бѣдности, какъ во всемъ народѣ, такъ и порознь во всякомъ... Это-съ ясно. Чтò ни говорите, вѣдь отъ души зависить тѣло. Какъ же хотѣть, чтобы [шло] какъ слѣдуетъ. Подумайте не о мертвыхъ душахъ, а [о] своей живой душѣ, да и съ Богомъ на другую дорогу! Я тожъ выѣзжаю завтрашній день. Поторопитесь! не то — безъ меня бѣда будетъ».

Сказавши это, старикъ вышелъ. Чичиковъ задумался. Значеніе жизни опять показалось немаловажнымъ. «Муразовъ правъ», сказалъ онъ: «пора на другую дорогу!» Сказавши это, онъ вышелъ изъ тюрьмы. Часовой потащилъ за нимъ шкатулку..... Селифанъ и Петрушка обрадовались, какъ Богъ знаетъ чему, освобожденію барина. «Ну, любезные», сказалъ Чичиковъ, обратившись [къ нимъ] милостиво: «нужно укладываться, да ѣхать».

«Покатимъ, Павелъ Ивановичъ», сказалъ Селифанъ. «Дорога, должно-быть, установилась: снѣгу выпало довольно. Пора ужъ, право, выбратъ изъ города. Надоѣлъ онъ такъ, что и глядѣть на него не хотѣлъ бы».

«Ступай къ каретнику, чтобы поставилъ коляску на полозки», сказалъ Чичиковъ, а самъ пошелъ въ городъ, но ни [къ] кому не хотѣлъ заходить отдавать прощальныхъ визитовъ. Послѣ всего этого событія было и неловко, — тѣмъ болѣе, что о немъ множество ходило въ городѣ самыхъ неблагопрістойныхъ исторій. Онъ избѣгалъ (даже) всякихъ встрѣчъ и зашелъ потихоньку только къ тому купцу, у котораго купилъ сукна наваринскаго пламени съ дымомъ, взялъ вновь четыре аршина на фракъ и на штаны и отправился самъ къ тому же портному. За двойную [цѣну] мастеръ рѣшился усилить рвеніе и засадилъ всю ночь работать при свѣчахъ портное народонаселеніе иглами, утюгами и зубами, и фракъ на другой день былъ готовъ, хотя и немножко поздно. Лошади всѣ были запряжены. Чичиковъ, однакожъ, фракъ примѣрилъ. Онъ былъ хорошъ,

точь-въ-точь какъ прежній. Но, увы! онъ замѣтилъ, что въ головѣ уже было что-то гладкое, и примолвилъ грустно: «И зачѣмъ было предаваться такъ сильно сокрушенію? А рвать волосъ не слѣдовало бы и подавно». Расплатившись съ портнымъ, онъ выѣхалъ наконецъ изъ города въ какомъ-то странномъ положеніи. Это былъ не прежній Чичиковъ; это была какая-то развалина прежняго Чичикова. Можно было сравнить его внутреннее состояніе души съ разобраннымъ строеніемъ, которое разобрано съ тѣмъ, чтобы строить изъ него же новое; а новое еще не начиналось, потому что не пришелъ отъ архитектора опредѣлительный планъ, и работники остались въ недоумѣніи. Часомъ прежде его отправился старикъ Муразовъ, въ рогоженной кибиткѣ, вмѣстѣ съ Потапычемъ, а часомъ послѣ отъѣзда Чичикова пошло приказаніе, что князь, по случаю отъѣзда въ Петербургъ, желаетъ видѣть всѣхъ чиновниковъ до едина.

Въ большомъ залѣ генераль-губернаторскаго дома собралось все чиновное сословіе города, начиная отъ губернатора до (секретаря) титулярнаго совѣтника: правители канцелярій и дѣль, совѣтники, ассессоры, Киселовъ, Красноносъ, Самосвитовъ, не бравшіе, бравшіе, кривившіе душой, полукривившіе и вовсе не кривившіе, — все ожидало съ любопытствомъ, не совѣмъ спокойнымъ, выхода. Князь вышелъ ни мрачный, ни ясный: спокойной твердостью былъ вооруженъ его шагъ и взоръ. Все чиновное собраніе поклонилось, многие — въ поясъ. Отвѣтивъ легкимъ поклономъ, князь началъ:

«Уѣзжая въ Петербургъ, я почелъ приличнымъ повидаться съ вами со всѣми и даже объяснить вамъ отчасти причину. У насъ завязалось дѣло очень соблазнительное. Я полагаю, что многіе изъ предстоящихъ знаютъ, о какомъ дѣлѣ я говорю. Дѣло это повело за собою открытіе и другихъ, не менѣе безчестныхъ дѣлъ, въ которыхъ замѣшались даже, наконецъ, и такіе люди, которыхъ я доселѣ почиталъ честными. Извѣстна мнѣ даже и сокровенная цѣль спутать такимъ образомъ все, чтобы оказалась полная невозможность рѣшить формальнымъ порядкомъ. Знаю даже, и кто главная пружина, и чѣмъ сокровеннымъ....., хотя онъ и очень искусно скрылъ свое участіе. Но дѣло въ томъ, что я намѣренъ это слѣдить не формальнымъ слѣдованіемъ по бумагамъ, а военнымъ быстрымъ судомъ

какъ въ военное [время], и надѣюсь, что государь мнѣ дастъ это право, когда я изложу все это дѣло. Въ такомъ случаѣ, когда нѣтъ возможности произвести дѣло гражданскимъ образомъ, когда горятъ шкафы съ [бумагами] и наконецъ излишествомъ лживыхъ постороннихъ показаній и ложными доносами стараются затемнить и безъ того довольно темное дѣло, — я полагаю военный судъ единственнымъ средствомъ и желаю знать мнѣніе ваше».

Князь остановился, какъ [бы] ожидая отвѣта. Все стояло, потупивъ глаза въ землю. Многіе были блѣдны.

«Извѣстно мнѣ также еще одно дѣло, хотя производившіе его въ полной увѣренности, что оно никому не можетъ быть извѣстно. Производство его уже пойдетъ не по бумагамъ, потому что истцомъ и челобитчикомъ я буду уже самъ и представлю очевидныя доказательства».

Кто-то вздрогнулъ среди чиновнаго собранія; нѣкоторые изъ боязливѣйшихъ тоже смутились.

«Само по себѣ, что главнымъ зачинщикамъ должно послѣдовать лишеніе чиновъ и имущества, прочнымъ отрѣшеніе отъ мѣстъ. Само собою разумѣется, что въ числѣ ихъ пострадаетъ и множество невинныхъ. Чтѣ-жъ дѣлать? дѣло слишкомъ безчестное и вопіетъ о правосудіи. Хотя я знаю, что это будетъ даже и не въ урокъ другимъ, потому что на мѣсто выгнанныхъ явятся другіе, и тѣ самые, которые дотолѣ были честны, сдѣлаются безчестными, и тѣ самые, которые удостоены будутъ довѣренности, обманутъ и продадутъ, — несмотря на все это, я долженъ поступить жестоко, потому что вопіетъ правосудіе. Итакъ, вы всѣ должны на меня глядѣть, [какъ] на безчувственное орудіе правосудія».

Содроганіе невольно пробѣжало по всѣмъ лицамъ.

Князь былъ спокоенъ. Ни гнѣва, ни возмущенія душевнаго не выражало его лицо.

«Теперь тотъ самый, у котораго въ рукахъ участь многихъ и котораго никакія просьбы не въ силахъ были умолиť, тотъ самый бросается теперь къ ногамъ вашимъ, васъ всѣхъ просить. Все будетъ позабыто, изглажено, прощено; я буду самъ ходатаемъ за всѣхъ, если исполните мою просьбу. Вотъ моя просьба. Знаю, что никакими средствами, никакими страхами, никакими наказаніями нельзя искоренить неправды: она слишкомъ уже глубоко вкорени-

лась. Безчестное дѣло брать взятки сдѣлалось необходимою и потребностью даже и для такихъ людей, которые и не рождены быть безчестными. Знаю, что уже почти невозможно многимъ идти противъ всеобщаго теченія. Но я теперь долженъ, какъ въ рѣшительную и священную минуту, когда приходится спасать свое отечество, когда всякій гражданинъ несетъ все и жертвуетъ всѣмъ,—я долженъ сдѣлать кличъ, хотя къ тѣмъ, у которыхъ еще есть въ груди русское сердце и понятно сколько-нибудь слово *благородство*. Что тутъ говорить о томъ, кто болѣе изъ насъ виноватъ! Я, можетъ-быть, больше всѣхъ виноватъ; я, можетъ-быть, слишкомъ сурово васъ принялъ вначалѣ; можетъ-быть, излишней подозрительностью я оттолкнулъ изъ васъ тѣхъ, которые искренно хотѣли мнѣ быть полезными, хотя и я съ своей стороны могъ бы также сдѣлать.....*) Если они уже дѣйствительно любили справедливость и добро своей земли, не слѣдовало бы имъ оскорбиться и надменностью моего обращенія, слѣдовало бы имъ подавить въ себѣ собственное честолюбіе и пожертвовать своей личностью. Не можетъ быть, чтобы я не замѣтилъ ихъ самоотверженія и высокой любви къ добру и не принялъ бы наконецъ отъ нихъ полезныхъ и умныхъ совѣтовъ. Все-таки скорѣй подчиненному слѣдуетъ примѣняться къ нраву начальника, чѣмъ начальнику къ нраву подчиненнаго. Это законнѣй по крайней мѣрѣ и легче, потому что у подчиненныхъ одинъ начальникъ, а у начальника сотня подчиненныхъ. Но оставимъ теперь въ сторонѣ, кто кого больше виноватъ. Дѣло въ томъ, что пришло намъ спасать нашу землю; что гибнетъ уже земля наша не отъ нашествія двадцати иноплемennыхъ языковъ, а отъ насъ самихъ; что уже, мимо законнаго управленія, образовалось другое правленіе, гораздо сильнѣйшее всякаго законнаго. Установились свои условія, все оцѣнено, и цѣны даже приведены во всеобщую извѣстность. И никакой правитель, хотя бы онъ былъ мудрѣе всѣхъ законодателей и правителей, не въ силахъ поправить зла, какъ [ни] ограничивай онъ въ дѣйствіяхъ дурныхъ чиновниковъ приставленіемъ въ надзиратели другихъ чиновниковъ. Все будетъ безуспѣшно, куда не почувствовалъ изъ насъ всякъ, что онъ такъ же,

*) Фраза не дописана.

какъ въ эпоху (всеобщаго) возстанія народовъ вооружался противъ....., такъ долженъ возстать противъ несправды. Какъ русскій, какъ связанный съ вами единокровнымъ родствомъ, одной и тою же кровью, я теперь обращаюсь [къ] вамъ. Я обращаюсь къ тѣмъ изъ васъ, кто имѣетъ понятіе какое-нибудь о томъ, что такое благородство мыслей. Я приглашаю вспомнить долгъ, который на всякомъ мѣстѣ предстоитъ человѣку. Я приглашаю разсмотрѣть ближе свой долгъ и обязанность земной своей должности, потому что это уже намъ всѣмъ темно представляется, и мы едва...»

СТРАНИЦЫ, ПЕРЕДѢЛАННЫЯ АВТОРОМЪ ПО ВЫХОДѢ ВЪ СВѢТЪ ПЕРВАГО ТОМА „МЕРТВЫХЪ ДУШЪ“.

1. Отрывки изъ седьмой главы.

Проснувшись, Чичиковъ и не вспомнилъ о помѣщикахъ. У него вылетѣли изъ головы всѣ эти странные образы, которые постепеннымъ появляемъ, можетъ-быть, навели грусть на читателя. Въ головѣ его [ворочались] мужики, то-есть тѣ самыя фантастическія души, которыя онъ пріобрѣлъ. Онъ такъ былъ доволенъ пріобрѣтеніемъ, что отхваталъ по всей комнатѣ какой-то танецъ изъ мазурки и трепака на цыганскій образецъ (съ прилепкой себя самого), весьма ловко прилепывалъ себя самого пяткой собственной своей ноги. Скоро, однакожь, почувствовалъ онъ, что дѣлаетъ дурачество, неприличное человѣку среднихъ лѣтъ; надѣлъ тотъ же чашъ халатъ, узорчатые сафьянные сапоги изъ множества кусочковъ всѣхъ цвѣтовъ, которыми снабжаетъ городъ Торжокъ всю Русь; вынулъ изъ шкатулки списки всѣхъ пріобрѣтенныхъ мужиковъ, купція, — словомъ, отработалъ всю канцелярскую часть, которую онъ знаетъ и [...], чтобы поменьше платить въ судъ. Ему хотѣлось, не откладывая, все кончить въ тотъ [же день]: совершить, занести, внести и потомъ вспрыснуть всю продѣлку шинучимъ подѣ

серебряной головой, безъ которой Фемида не обходится. Но какъ разложили онъ передъ собою списки, какъ сталъ разсматрив(ать) весь этотъ народъ, который готовилъ укрѣпить за собой навсегда крѣпостями, чувство странное имъ овладѣло. Ему показалось на мигъ, какъ бы этотъ народъ дѣйствительно, къ довершенію очарованья, на спискѣ, сдѣланномъ Собакевичемъ . . .

Половой поднесъ ему чай, [весь] изворот(ясь) съ подносомъ, подъ самымъ его носомъ [звоня] чашками. Чичиковъ сталъ пить чай надлежащимъ образомъ, какъ пьютъ по утрамъ: съ кренделям(и) и сливками, а все думалъ о крѣпо(стныхъ) мужик(ахъ). Сталъ потомъ бриться, но и подпирая языкомъ [лѣвую] щеку, все думалъ о крѣпостныхъ мужикахъ...

Но не мѣшаетъ увѣдоми(ть) читателя, что это размечтался не Чичиковъ. Сюда нѣсколько впутался самъ (авторъ) и, какъ весьма часто случается, вовсе не кстати. Чичиковъ, напротивъ, думалъ вотъ что: «Ну что, если бы эти мужики были, точно, живы. Бездѣлица! Тогда можно навсегда остаться въ деревнѣ. При тысячѣ душъ мож(но) получить тысячъ двадцать доходу,—впрочемъ, какова губернія иногда! Можно усовершенствоваться, завести мануфактурность. Можно получать и до пятидесяти... быть въ почтеніи у всего дворянства, пустить его въ потомственное владѣніе, въ майоратъ, назвать его Павлушкино, Чичиково тожъ;—или же можно даже и такъ поступить: землю, по продажѣ душъ всѣхъ, заложить въ ломбардъ, а потомъ все имѣніе пожертвовать на заведеніе кадетскаго корпуса и за великодушный поступокъ получить генеральскій чинъ!» Отъ честолюбивыхъ покушеній онъ, впрочемъ, тутъ же отказался, спохватясь, что души были мертвыя и что пора было отправляться въ судъ. Иначе дѣло могло и не кончиться въ тотъ [же день], ибо [власти] губерни(скаго) города NN соизмѣряли время сидѣнія съ требованьями желудка, который варилъ у всѣхъ скоро, хорошо. Бумаги были собраны, и туда же, въ карманъ, былъ засунутъ бумажникъ... Набрисалъ шинель на медвѣд(яхъ), не затѣмъ, чтобы на дворѣ было холодно, но чтобы внушить страхъ канцелярской мелюзгѣ. Едва-только вышелъ онъ на улицу, какъ-вдругъ на встрѣчу человѣкъ, тоже въ медвѣдяхъ, картузь съ ушами и назадъ откинуть затыльникъ, какъ у [женщинъ], дел-

катныя перчатки на рукахъ и улыбка на устахъ. Улыбка раздвигалась болѣе, лицо засвѣтилось, глаза исчезнули [вовсе]; (раздалось) восклицанье: «Павелъ Ивановичъ!» Это былъ Маниловъ. Оба пріятеля такъ крѣпко поцѣловались, что у обоихъ болѣли весь (день) передніе зубы.

Въ это время, когда происходила наша исторія, лакирова(нныхъ) столовъ и паркетовъ еще не было въ присутствіи(яхъ): Оемида принимала гостей запросто, на распашку, чуть не въ халатѣ. Въ коридорахъ вояло сторожами, у которыхъ рубахи мылись три раза въ годъ. Во внутреннихъ чертогахъ было мало тѣмъ лучше. Стѣны приняли темноватый видъ — снизу отъ спинъ канцелярскихъ чиновник(овъ), сверху отъ паутины, отъ пыли. Бумаги безъ коробокъ: въ связкахъ одна на другой, какъ дрова; [...] служила только ширмой, куда заглядывалъ (чиновникъ), чтобы на себѣ что-нибудь поправить, если развязалось; вмѣсто чернильницъ иногда торчало дно разбитой бутылки. У иныхъ чиновниковъ даже и табакерокъ не было—табакъ держался просто въ бумажкѣ и засовывался куда-то подъ мышку. Взгляды у всѣхъ были какіе-то косые. Поджарыхъ было немного. Всѣ были большею частью изъ семинаріи, народъ дюжій, точно Бруты (?) римскихъ временъ, и у иного была такая губа, что можно изъ нея выкроить шесть нынѣшнихъ губъ. Обхожденіе было простое, прежнихъ временъ; слово: «изволили» не употреблялось; сотоварищъ сотоварищу говорилъ: «куда ты [затащилъ]...», а «чортъ ее (знаетъ!)» отвѣчалъ товарищъ. Голосъ начальника тоже раздавался сурово: «Вотъ я прикажу съ тебя сапоги снять!». Маниловъ, какъ человѣкъ деликатный и военный, оскорб(ился), а Чичиковъ, какъ человѣкъ штатскій, и не дивил(ся),... и достигнули залы присутствія, гдѣ было, по крайней мѣрѣ, простор(нѣе): столъ, на немъ зеркало. Въ креслахъ председатель съ доброй и простой наружностью и возлѣ него плутъ Собакевичъ, совершенно закрывшись зеркаломъ.

Потомъ засѣли въ вистъ. Играли, играли. Потомъ приня(сь) за пуншъ, потомъ опять за вистъ. Потомъ вновь пили, потомъ вновь играли. Пили, пили, пили; играли, играли, играли. Давно и пѣтухи прокри(чали) и рынокъ отошелъ, нищіе и салопницы возвращались отъ ранней

обѣдни: народъ успѣлъ вновь опохмѣлиться въ кабакахъ. Низшіе чины [испивали] по мосту кругомъ и награждали [носы] паями березинскаго табака. А они все игра(ли). Еле-еле (около) осьми часовъ кончилось дѣло, и кучера развезли ихъ по домамъ...

2. Орывки изъ восьмой главы.

Дамы находили, что Чичиковъ, какъ слѣдуетъ, — точно въ немъ была какая-то середина. (Въ немъ было) что-то и военное и штатское. Временами подлеталъ какъ-то этакъ, ловко подшаркнувши ножкой, встряхивался, какъ военный, или, по крайней (мѣрѣ), такой человѣкъ, у котораго чувству(ется), что у него стройн(ыя) ноги и штаны со штрипками. Временами же пріятнымъ наклономъ голов(ы) на бокъ и мягкостью рѣчей подобился онъ штатскому хорошо воспитанному человѣку. Предметы разговоровъ его больше изъ 18 столѣтія, но образъ выраженія... нѣсколько къ 19 столѣтію; выходило попури, которое губернскимъ (дамамъ), особенно замужнимъ, очень нравилось. Притомъ надобно сказать, что ни заносчивости, ни насмѣшливости, не было совсѣмъ въ рѣчахъ: онѣ были совершенно безобидны и не могли [никакъ] поссорить... Извѣстно, что мужчинѣ придаетъ больше бодрости ободрительный отзывъ дамъ на счетъ красоты. Это возводитъ въ такое свѣтлое настроеніе духъ, что онъ дѣйствительно дѣлается красавцемъ; какъ извѣстно, утка турухтанъ, когда приходитъ время любви, расцвѣтаетъ вдругъ такими яркими цвѣтами, как(ихъ) прежде не был(о). Минна у Чичикова сдѣлалась гораздо пріятнѣе, чѣмъ прежде, обороты и повороты развязнѣе и самыя воротнички рубашки какъ-то бѣлѣе [на немъ] и тщательнѣе прилегали къ щекамъ. Явилась новая цѣпочка. Онъ сталъ соблазнительнѣе.

«Кто что ни говори! а балы хорошая вещь!» думалъ Чичик(овъ). «Холодъ ли, неурожай, или какой иной случай, отъ которыхъ..., а какъ соберешься вмѣстѣ, позабудешь обо [всемъ]. Всѣмъ есть что-нибудь: танцы для молодыхъ, карты для почтенныхъ людей. Можно и на танцующихъ поглядѣть, и въ вистъ нанграться, и много значить этакъ общество, толпа. Все это веселит(ся), пестр(о). Притомъ и ужинъ: губернаторскій поваръ, я думаю, глядѣл(ъ). Будетъ

майонезъ съ рябчиками. Можетъ быть, еще холодныхъ двѣ осетринки (свѣжей) съ трюфелями, каперсами, кореньями и травкой и мелкой [крошкой] (?); потомъ зальемъ шипучкой, выстоявшейся на льду! Чортъ возьми, какъ въ жизни много есть всего! Люблю пріятное, безобидное общество!..

Всѣ жуки онъ хотѣлъ подобрать къ мотылькамъ. Продвинувшись сквозь эту черную тучу враговъ, онъ увидѣлъ передъ собою покой, (такъ) сверкающій изъ мотыльк(овъ) всѣхъ цвѣтовъ, что на время прижмури(лъ) глаза отъ этого блеска, — почти какъ рисуютъ иногда на вымѣскахъ рогъ изобилія, изъ котораго сыплются и банмаки, и подвязки, и конфекты, и драгоцѣнн(ые) кам(ни). Точно то же было и здѣсь. Въ то время мотыльки въ губер(ніи) не разнуздались, какъ въ нынѣшнее разнузданное время, и только во время танцевъ мѣшались съ жуками. Отработавши дѣло ногами, каждый полъ отходилъ на свою сторону, и дамы всѣ строемъ лѣпили(сь) у одной стѣны. Къ нимъ подход(лъ) только изрѣдка какой-нибудь служившій по особеннымъ порученьямъ мужчина, блиставшій благообразност(ю) лица, и ловкій, [рѣзвый] кавалеристъ, сіявшій побѣдоносн(ми) эполетами, и то къ такой только, которая уже очень хорошо говоритъ по-французски. Прочее все перешептывалось между собою и даже конфузилось, если приступалъ какой-нибудь жукъ. Жукъ тоже приступалъ не прежде, какъ, сочинивши и заготов(ивши) впередъ фразу, которая бросала въ потъ бѣдную неприготовленную даму: *отвѣта никакъ нельзя сочинить впередъ*, и потому все почти краснѣло и потѣло, имѣя надобность непрерывную прохлаждаться морожеными и лимонадами. Которые были поблагодаримѣе, тѣ положили себѣ впередъ не отвѣчать ничего, а забира(ть) только усердно конфекты къ себѣ въ ридикюли.

Чичиковъ раскланялся [самымъ] ловкимъ образомъ: близко къ тому, какъ раскланивается пріѣхавшій изъ Петербурга чиновникъ. Обмѣнявшись привѣтствіями съ хозяйкой, (Чичиковъ) обрати(лся) къ дамамъ, сидѣвшимъ впереди. Предсѣдательша, почтмей(стерша) и даже прокурорша съ нимъ заговорили, а прочія молча обратили глаза. Онъ думалъ, какъ бы узнать, которая изъ (нихъ) была сочинительница. Трудно: глаза у всѣхъ такъ были выразительны! При этомъ ему открылось такое множество круглыхъ плечей и полненькихъ рукъ (на многихъ изъ нихъ даже лопнули длин-

ныя перчатки), что почти невозможно было смотрѣть собственнo въ одни глаза. А глаза всѣхъ были, точно, загадочны. Онъ оглянулъ еще разъ весь пвѣтникъ. Кажется, значительнѣе всѣхъ глядѣли председат(ель)ша, почтмейстерша и даже прокурорша, а впрочемъ, Богъ вѣсть. Пахнетъ сильно резедой, фіалками и даже гвоздикой. Чичиковъ, поворотивъ, отправился было къ жукамъ, чтобы засѣсть за вистъ, какъ вдругъ передъ нимъ губернаторша и съ ней стройная дѣвица, лѣтъ шестнадцати, стройная, какъ молодой тростникъ. «Павелъ Ивановичъ!» сказала губернаторша съ пріятнымъ потряхиваньемъ головы. «Вотъ вамъ моя дочь, только-что изъ института и въ первый (разъ) является въ свѣтъ; прошу принять благосклон(но)». Чичиковъ, разумѣется, уже хотѣлъ подшаркнуть ножкой и отнустить ей самое поощритель(ное) и ласковое привѣтств(іе); но, взглянувши ей въ лицо, вдругъ остановился: предъ нимъ стояла та самая [дѣвчонка]. Опять то же странное чувство... Матовое бѣлое платьеце, тончайшее воздуха, обнимало одинъ ея станъ; руки же, грудь, не взволнованныя ни одни(мъ) вздохомъ, и голубиная шейка, которую обнимало простое тюлевое бѣлое ожерелье,—все было открыто и соста(вляло) что-то единое съ платьемъ. Онъ (оторопѣлъ и позабылъ все и остался) нѣсколько минутъ совершенно неподвиженъ. Было ли это чувство любви? Кажется, онъ до сихъ поръ на счетъ любви былъ не очень податливъ. Имѣлъ, по мнрѣ надобности, обращеніе съ женщиною, но влюбиться не влюблял(ся). Было что-то разъ, когда-то, въ давней юности, что-то въ родѣ мгновен(ной) встрѣчи съ какой-то крѣпостной служанкой; но влюблять(ся) онъ не влюблял(ся): это была игра лѣтъ, молодой крови. Но теперь онъ коллежскій совѣтникъ. Ему почти за сорокъ. Два раза онъ уже наживался, два раза [проживался]... два раза былъ подъ судомъ, два раза «пострадалъ» за правду»; испытано и узнано имъ почти все. Все подвергалъ онъ благоразум(ному)... Что жъ это такое? Почему же онъ сталъ впервые истуканомъ? Или есть что-(то) въ чистомъ, ясномъ дѣвичествѣ еще не развившейся женщины что-то такое, что, мимо ума, мимо искусства, мимо всѣхъ качествъ, дѣйствуетъ на всѣхъ, даже (на) инвалидовъ, вооруженныхъ холодомъ безстрастія... и которыхъ никакая штука не своротитъ и не расшевелитъ. И больше всего обворожительна та, которая не знаетъ, что

она обворожительна, и сокрушительный всѣхъ красавицъ та, которая еще не знаетъ, что она красавица. Чтѣ бы то ни было, но герой нашъ почти такъ же былъ пораженъ, какъ юноша.

Онъ видѣлъ, что ее умчалъ кавалерійскій франтъ, перетянутый, какъ оса, съ усиками, съ тонкими, золотыми лепешками на плечахъ и рядомъ пуговицъ на круто выгнутой (груди)... и [небрежно] прочесанными волосами. Онъ видѣлъ, какъ она, чуть упираясь атласнымъ башмачкомъ, летала, и бѣлый пухъ ея аэирной одежды леталъ вокругъ какъ бы кружилась она въ какомъ-то тонкомъ облакѣ, показывая всю себя, какъ выточенную игрушку, въ которой ни малѣйшаго недостатка. Во всемъ тѣлѣ—ножка, ручка, шея, всяка(я) кость, съ такой соразмѣрностью одн(а) къ другой и ко всему тѣлу, что, казалось, ея фигурка чуть не пѣла отъ согласной стройн(и) ти. Гармонія летала въ виду всѣхъ. Всѣ женщины (сдѣлались передъ ней вдругъ какія-то) коровницы. Взглянулъ онъ нечаянно на другихъ женщ(и)нъ)...

На мѣсто ногъ и рукъ повсюду оказались ножницы, ручищи, плечища; [корсеты] у однѣхъ дамъ стали толстыя, выгнутыя безъ толку круто, подушки, у другихъ—неуклюжія доски, и почтмейстеръ понялъ это. Даже всѣ—и старые и толстые чиновники остановили глаза глядѣть, — не только почтмейстеръ, которы(й) былъ волокита, но деликатный прокуроръ пришелъ [поглядѣть] и моргалъ только бровью. Даже многіе женатые и почтенны(е) люди, которые были доселѣ увѣрены, что красавѣй ихъ женъ ничего не можетъ быть (на свѣтѣ, стали находить, что жены ихъ какъ-то не такъ сложены хорошо, какъ слѣдуетъ. Съ (ея) появленіемъ женщ(и)на(мъ) еще болѣе стало замѣтно бревно въ глазу. И рѣдкая не сказала: «какіе у насъ уроды въ губерніи!» — себя, разумѣется, выключила. Всякой показалось, что только (у) одной губернаторской дочки да у нея порядочныя руки и ноги, а у всѣхъ ручищи... Точно какъ будто бы (она) разомъ пролетѣла по залу, чтобы всѣ почувствовали, чтѣ такое стройность и кра(сота)...

Черезъ нѣсколько минутъ, однакожъ, чувство зависти стало входить въ серд(ца) всѣхъ, особенно когда увидали [именно], что все молодое, военное, чтѣ ни было лучшаго, поворотилось къ шестнадцатилѣтней дѣвчонкѣ, и весь дамскій цвѣтникъ остался безъ всякаго нюханья. Почтмей-

сторша показала необыкновенное искусство въ танцахъ и, наклонивъ голову на бокъ, стар(алась) выразить [каплю] неземнаго чувства, но никто этого не замѣча(лъ). Всякъ, кто былъ получше, танцевалъ съ своей дамой, точно съ подуш(кой), и глазами, какъ подсолнечникъ къ солнцу, обращался къ той сторонѣ, гдѣ танцевала та, которая даже и не думала о томъ, что она хорошо танцуетъ, и кружилась такъ потому, что [ей было] пріятно кружиться, [какъ стрекозѣ поверхъ воды]. Онъ поскорѣй тотъ же часъ занялъ стулъ и помѣстил(ся) около нея. Но странное дѣло! не могъ завязать разговора; говорилъ много, но какъ-то не впалъ въ настоящую ноту: или выше, или ниже. Сначала заговорилъ было о томъ, что Россія очень большое государство, что даже больше древней Римской Имперіи; но, замѣтивши, что (дѣвчонка) начинаетъ зѣвать, спустился на такой разговоръ, который годенъ для тѣхъ, которые, только начали играть въ куклы. Извѣстно, что человѣкъ среднихъ лѣтъ и умѣющій занимать съ пріятностью дамъ не находится, что говорить съ дѣвками. «Что это, въ самомъ дѣлѣ, я какъ будто сталъ дураковать!» подумалъ Чичиковъ: «съ дамами могу говорить, даже съ пріятностью, и [далеко] не схожу въ карманъ [за словомъ], а теперь вотъ и голову ломаю и обдумываю, а что-то выходитъ похожее на глупость». Онъ не зналъ, что люди благонамѣренныхъ лѣтъ и благоразумнаго возраста не всегда бываютъ годны на разговоры съ дѣвками и что на этомъ полѣ берутъ люди безумныхъ лѣтъ и безтолковаго образа мыслей.

Дамы на Чичикова разсердились. Надулась председательш(а), почтмейстерша и даже прокурорша. Онъ взглянулъ на (весь) цвѣтникъ: весь цвѣтникъ глядитъ на нихъ обо(ихъ), но уже въ глазахъ что-то похожее на негодование и нерасположеніе. «Вотъ еще Боже сохрани!» подумалъ со страхомъ Чичиковъ: «еще разсердятся, пожалуй. Это будетъ очень непріятно! Я, точно, въ [разсѣянности] поступилъ совсѣмъ неучтиво. Вотъ, что значитъ на одинъ мигъ только увлечься и всѣ первѣйшія обязанности чловѣка, отношенія—все позаб(удешь). Дѣйствительно, на меня сердиты,—это я вижу...» Только-что онъ сказалъ себѣ эти слова, какъ вдругъ видитъ — навстрѣчу валить къ нему Ноздревъ. Сердце его [точно] предчувствовало, что не

быть добру. Онъ хотѣлъ было [ускользнуть], но тотъ уже увид(аль)...

Въ этотъ вечеръ всѣ дамскія приготова(е)н(а), всѣ вкусы, тонкія умѣнья одѣваться, все [встрихнуто] было на воздухъ; всѣ обдуманн(ы) фразы, духи, помада, фіалка, гвоздика, резеда — всѣ пахнул(и) даромъ. Въ выигрышѣ остались однѣ только тѣ дамы, которыя, не думая ни о чемъ, набивали себѣ конфектами ридикюли. Стало-быть, въ этотъ вечеръ больше обыкновен(наго) отъ досады у многихъ пер-вокласныхъ дамъ пропалъ а(ппетитъ)...

3. Отрывокъ изъ конца восьмой главы.

...«Выдумали балы! Чортъ бы ихъ побралъ (и) тѣхъ, кто выдумалъ. На три часа сойдутся вмѣстѣ, а на три года пойдетъ потомъ сплетней. Никто [потомъ] дѣла не дѣлае(тъ), во всемъ... мужъ дуракъ въ присутствіи только [горюетъ](?) или дуетъ въ карты до пѣтуховъ, а баба дура зѣваетъ передъ окномъ [весь день]. Ну, шила бы рубахи! по крайней мѣрѣ ткала бы ковры! Все бы не пришла дурь въ голову! Натуральн(о) отъ бездѣлья придутъ въ голову балы! Чортъ побери!» Такъ думалъ Чичиковъ, (говоря съ сердцовъ), точно какъ бы (и) самъ никогда не игралъ до пѣтуховъ.

«Балы! балы!.. Сколько на платьѣ да тришки денегъ усадятъ! Сколько мужъ ни дѣлаетъ каналь(ства), бездѣлничества и мерзостей, изъ-за того, чтобъ женѣ достать денегъ на нарядъ, а жена ридится затѣмъ, чтобы мужу же поставить рога!.. Балы!.. Чортъ побери, такъ перепутались всѣ, что не знаешь теперь, кто съ кѣмъ и живетъ... Все стало родня! Балы!.. Подумаешь, человѣкъ разумное животное, и этакъ проводить время! Одѣнется, какъ прилично взрослому человѣку, а ногою дрыгъ, дрыгъ! (Видно, что весельчакъ!) Народъ, по крайней мѣрѣ, если веселится, то вскрикиваетъ и присѣдастъ. Видно, что веселится! А здѣсь (точно идетъ въ присутствіе), выступ(аетъ) мелочно. Дуракъ! — глядитъ сова-совою, а ногою дрыгъ, точно какъ будто блохи кусаютъ его за ногу! Говорятъ другъ съ другомъ о сурьезномъ, а ногою—дрыгъ, дрыгъ!.. Развѣ это веселосты!.. Балы!.. На мѣсто, чтобъ сидѣть по деревнямъ), (заботиться о крестьянахъ), объ обработыван(іи) земли,

разводить лѣсъ для (внуковъ), садъ воспитывать, крестьянъ учить, поучать народъ — они вонъ соберутся всѣ въ городѣ!.. Балы! Въ губерніи голодъ, а они — балы! Вѣдь имѣнья небось вѣдь (sic) или закладываетъ, или продаетъ! (Всякъ лѣзетъ въ чиновники, чтобы на счетъ всѣхъ жить, а не на свой, чтобы кутить да пьянствовать!) Такъ говорилъ Чичиковъ, какъ будто самъ былъ вовсе не охотникъ кутить и какъ будто тоже не хотѣлъ попить на счетъ другихъ).

Такъ бранилъ Чичиковъ съ досады балы.

ВНОВЬ НАЙДЕННЫЯ СТРАНИЦЫ ИЗЪ 2 ЧАСТИ „МЕРТВЫХЪ ДУШЪ“.

...«Всѣмъ жить на счетъ казны, сдѣлать себѣ доходныя мѣста изъ службы, изъ государства обратить въ богадѣльню (sic), долженствующую ихъ всѣхъ кормить!.. Это устремленіе въ ихъ ряды чиновниковъ и правителей, — вѣдь это(жъ, наконецъ, позвольте)!.. рассмотримъ же, кто же тогда останется въ рядахъ управляемыхъ? И станетъ ли средствъ управляемы(мъ) содержать громаду своихъ управляющихъ? Край (лишается) работающихъ рукъ. Земля не воздѣлыва(ется). Россія остается до сихъ поръ въ первоначальномъ пустынномъ видѣ. Нѣтъ, не возможно это — обратиться въ рыбарей и удить рыбу. Слѣдуетъ оставить заботу о частной и личной [жизни] и нужно вспомнить о бѣдной Россіи. Если мы сами не вспомнимъ, если мы сами дружнымъ усиленіемъ не подыдемъ... то никакія, геніальныя соображенія свыше... ни на какія средства и силы... Нѣтъ, слѣдуетъ обратить вниманіе, откуда всему начало злу... Нѣтъ, слѣдуетъ, наконецъ, не шутя подумать о томъ, какъ повести простую жи(знъ), которая... Всѣ видятъ, даже и слѣпые, что взятки изъ желанія жить получше, сколько-нибудь соор(азно)..., пользоваться всѣми удобствами и про-свѣщенными прихотями вынѣшнихъ... Изъ-за этого и кражи, изъ-за этого и всѣ побужденія установить мѣста, будто бы необходимыя, будто обмануть немудрено! [Какіе] были

представлены проекты объ установленіи новыхъ мѣстъ и какъ была опутительно показана ихъ необходимость, что и я ихъ утвердилъ и представилъ на утвержд(еніе), я употребилъ во зло довѣріе, и послѣ уже нескоро увидѣлъ, что (sic) обманулъ своего благодѣтеля Государя, и я сталъ обманщикомъ! Сколько такихъ явленій на всякомъ шагу!..

Нѣтъ, нельзя! Нужно положить, наконецъ, это(му) конецъ (sic), нужно бросить эту жизнь, [кото...] что, наконецъ, съ кражами и взятками не могутъ дойти до того, чтобы исполнить всѣ эти прихоти, условія, положеніе свѣта. Ради несчастныхъ своихъ дочерей и со взятками и съ кражами вы теперь едва имѣете силы доставить это глупое несчастное воспитаніе, котораго требуютъ(тъ) условія этой глупой жи(зни), которой никому изъ насъ не хочется бросить. Прежде всего обращаюсь къ богатымъ и состоятельнымъ(мъ). Вамъ слѣдуетъ (показать) примѣръ. Уничтожьте мебели и всѣ прихоти. Заведите прост(о), хоть на нѣкоторое время, покуда не поправятся обстоятельства...—всѣ вы будете въ барышахъ; у васъ денегъ останется столько, что вы мог(ли) (бы) помочь и благотворить,—чего вы теперь, я знаю, не въ состояніи,—ни добраго дѣла не можете сдѣлать, потому что все [пошло на себя]. Что до меня, даю слово не заводить у себя никакого щегольского экипажа и на сам(омъ) парад(номъ) гуля(ньѣ) не буду иначе являться, какъ на извозчикѣ, и жена не надѣн(етъ) другого, кромѣ самаго обыкновеннаго, и на дочеряхъ моихъ не будетъ никогда платья свыше десяти рублей ассигн(аціями) и будетъ ими носиться до сносу, какія (бы) ни являлись картинки, хотя бы мода выворотила все наизуворотъ. А вамъ, Петръ Николаевичъ, поручаю завести клубъ вовсе другого рода, такой, чтобы, всѣмъ можно было войти [въ него], не разорившись. Объ этомъ посоветуйтесь съ Муразовымъ. Онъ найдетъ честнаго ресторана (sic). Стыдно въ провинціи, гдѣ припасы продаются на рынокъ за безпѣнокъ[...] обѣды со стола, чтобы не свыше... съ стола рубля ассигнаціями. Я очень знаю, что на эти деньги три, даже четыре блюда изъ свѣж(ей) провизіи изъ этого, что подъ рукой, безъ выписныхъ приправъ... А француза прошу выгнать вонъ. Это для него еще благодѣяніе: если онъ проживетъ, онъ, дуракъ, обанкр(утится). Ему никто долговъ не заплатитъ. Самъ виноватъ—брать десятирную цѣну! Мнѣ нѣтъ дѣла до того, что ему

нужно составить капиталъ, на который можно ему будетъ потомъ хорошо (жить) въ Парижѣ. Онъ можетъ подкупать полицію..., но, какъ начальникъ, я этого не позволю, чтобъ это было на счетъ несчастной невоздержн(ости). Да и вообще прошу васъ употребл(ять) всѣ силы, чтобы дать возможность всѣмъ мастеров(ымъ) производить работы дешевле. Объ этомъ прошу васъ переговорить съ Муразовымъ. Онъ тепе(рь) особенно занятъ классомъ мѣщанъ и ремесленнико(въ), и многихъ уже образовалъ. Я увѣренъ, что если только уничтожить кое-какіе сборы, не позволить сборы, которые платятъ въ полицію, то все будетъ гораздо... Не лучше, если полицейскіе, не дожидая(сь), ограничатъ свои поборы, потому что и къ нимъ теперь взываю, какъ русскимъ (по) сердцу, которымъ, полагаю, такъ близка Россія. Жертва потребна общая отъ всѣхъ насъ, а не отъ одного кого-либо. Притомъ цѣны и дороговизна неминуемо д(олжны) упасть, стало быть, содержанье каждаго станетъ дешевле. Наконецъ, я умоляю прекращать всѣ тяж(бы) между (собою миромъ), не вмѣши(ва)ть правительства (и) не давать пицци ябедѣ, размноженію дѣлъ и вмѣстѣ съ ними новыхъ должностей и нов(ыхъ) чиновниковъ, которые, бѣдные, противъ воли должны быть чужездными растеніями. Лучше прибѣгать, по старому русскому обычаю, къ простому третейскому суду и, выбравши изъ себя людей, извѣстныхъ честностью и справедливостью, предоставить на ихъ судъ, какъ они рѣшатъ теи(ерь),—тогда во всякомъ случаѣ даже и тотъ, кто проиграетъ, будетъ въ барышахъ, въ сравненіи съ тѣмъ(ъ), что онъ издержитъ по судамъ и всякимъ мытарс(твамъ), которыя могутъ проволочить его до глубокой старости и отравить на(вѣчно) всю его жизнь. Но я надѣюсь, что судъ будетъ безобиденъ. Если же въ затруднительномъ дѣлѣ,—то я вамъ совѣтую [предоставить (дѣло)] на судъ человека, котораго я не назову, но вы его угадаете,—чья безукоризненная жизнь и дѣятельность, полная добрыхъ подвиговъ, скажетъ самом... Очень можетъ быть, что мы этимъ нечувствит(ельно) достигнемъ до того, до чего нельзя достигнуть никакими мудрѣйшими распоряженіями правительства, то есть до уничтоженія всѣхъ этихъ временныхъ комиссій и комитетовъ, которые мы вся(кими) происками постарались обратить въ непремѣнные. По крайней мѣрѣ, это долгъ нашъ; мы должны объ (этомъ) всѣ ста-

ратся до единого, какъ сыны земли, какъ преданные и присягнувшіе именемъ Бога служить вѣрно землѣ. Очень можетъ быть, что и теперь, послѣ твердой нашей рѣшимости, уменьшится количество дѣлъ и всякихъ бумажныхъ производствъ. Но тѣмъ не менѣе прошу всѣхъ исполнить въ точности: въ свое время быть въ присутствіи и въ свое время выходить изъ присутствія. Только прошу всѣхъ правителей канцеляріи не заводить этого педантства, этого наружнаго лицемѣрства, то-есть, чтобы каждый казался занимающимся дѣломъ. Нѣтъ! достаточно, если онъ присутству(етъ). Нѣтъ, если нѣтъ дѣла, онъ можетъ читать полезную книгу и пусть это будетъ его ученый кабинетъ, пусть хоть здѣсь прочтутс(я) тѣ книги, которыя дѣлаютъ человѣка степеннымъ, разсудительнымъ, приготавливаютъ изъ него будущаго государственна(го) мужа и сына земли своей. Съ завтрашня(го) же дни будетъ доставлено отъ меня во всѣ отдѣленія присутствія по экземпляру Библ(и), по экземпляру русскихъ лѣтописей и три, четыре классика, первыхъ всемірныхъ поэт(овъ), вѣрныхъ лѣтописцевъ своей жизни. Я радъ, что имѣю сдѣлать это пожертвованье отъ себя насчетъ нѣкоторыхъ ограничен(ій). Чувствую, что это важно. Въ послѣднее время головы всѣхъ насъ вывѣтрились отъ это(го) пустого чтенія минутныхъ романовъ [и отъ] водевилей, (которое) извращало на изнанку жизнь, мысли, мнѣнья и понятія. Чтò, право, пора прочесть то, что прежде всего слѣдуетъ). Къ стыду, у насъ, можетъ быть, едва отыщется цело(вѣкъ), который бы прочелъ Библію, тогда какъ эта книга (существуетъ) затѣмъ, чтобы читаться вѣчно, — не въ какомъ-либо религіозномъ отношеніи, нѣтъ! — изъ любопытства), какъ памятникъ народа, всѣхъ превзошедшаго въ мудрости, поэзіи, законодательствѣ, котор(ую) и невѣрующіе, и язычники считаютъ высш(имъ) созданьемъ ума, учителемъ жизни и мудрости. Какъ же намъ требовать еще, чтобы изъ насъ выходили мужи, способные дѣйств(овать) обдуманно и поступать! какъ удивляются, что безпрестанно выходятъ скороспѣлки, выскочки, непостоянные, легкіе люди, неугомонные коверкатели, опрометчивые нововводители, безсильные владѣтели страстей!..

Нѣтъ, я обращаюсь къ вамъ. Не о себѣ пожалѣемъ, но пожалѣемъ о дѣтяхъ, которыхъ мы, бросивъ въ [чужія] руки... и которыхъ знать не хотимъ, тогда какъ кто луч-

шимъ бы могъ быть воспитателемъ сына, какъ не отецъ? Да, ничего болѣе, кромѣ только разумное чтеніе съ ними этихъ книгъ, сочиненій, образующихъ уже измлада сильный характеръ, познанье жизни, познанье земли своей. Уже было (бы) въ нѣсколько разъ полезнѣе всей этой истрачиваемой кучи денегъ на учителей съ ра(з)ными взглядами... понятіями, со всѣхъ сторонъ загружающими до того голову, что онъ, наконецъ, не узнаетъ до поздней старости, было ли въ немъ какое-нибудь собственное мнѣніе или мысль, и готовъ, какъ послушная овца, послѣдов(ать) за первымъ крикуномъ, за первой необдуманной брошюр(ой). И будто бы уже отецъ, который самъ учился и (въ корпусѣ), и въ университетѣ), не могъ самъ пригото(вить) своего сына въ заведеніе, когда и программа и (все) напечатано повсюду въ извѣстность... Времени нѣтъ! Но вѣдь для картъ есть у насъ время! Да въ два вечера посреди своей семьи безъ книги можно дать понятіе о всей наукѣ, то есть все содер(жаніе), въ чемъ она состоитъ и для чего намъ нужна,—словомъ, дать ее почувствовать, такъ что и жена и дочери выслушаютъ, а въ сынѣ возродится жела(нье) и любопытство прочесть и пополнить самому... И ничего собствен(но) кромѣ собственнаго удовольствія и собственнаго на[шего] вразумленья не доставили бы намъ такіе вечера. Нѣтъ, мы... страшнымъ оскорбительнымъ упрекомъ оскорбитъ насъ негодующее потомство и праведный гнѣвъ пора(зить), что еще..., играя, какъ игрушкой, святымъ словомъ просвѣщенія, правились швеями, парикма(херами), модами, дерзали поставить выше мужественныхъ (предковъ). Я это говорю, потому что такъ чувствую и считаю долгомъ сказать вамъ все, что чувствую(ю). Въ минуту прощанія, которая все-таки торжественна,—можетъ быть, увидимся, а, можетъ быть, и не увидим(ся),—не слѣдуетъ говорить пустыхъ вещей. Могутъ надъ моимъ словомъ и надо мной посмѣяться, у кого дост(анетъ) духу посмѣяться. Но я знаю, что тѣ, которы(мъ) дорого счастье земли, которые еще русскіе въ глубинѣ и не успѣли вывѣтриться,—тѣ согласятся со многи(мъ) изъ того, что я говорю. Повторяю еще разъ: «я буду о всѣхъ хлопотать и всѣмъ до единого буду старать(ся) испросить прощеніе»,—стало быть, я имѣю нѣкоторое право потребовать отъ васъ взвѣсить ихъ (?) хорошенько и подумать объ это(мъ).

Стривокъ, касающійся второй части «Мертвыхъ Душъ».

(Изъ письма къ А. П. Толстому).

Васъ удивляетъ, почему я съ такимъ стараніемъ стараюсь (sic) опредѣлить всякую должность въ Россіи, почему я хочу узнать, въ чемъ ея существо? Говорю вамъ: мнѣ это нужно для моего сочиненія, для этихъ самыхъ «Мертвыхъ душъ», которыя начались мелочами и секретарями и должны кончить(ся) дѣлами покрупнѣе, и должностями повыше, и это познаніе точное и вѣрное должностей въ томъ... въ какомъ онѣ должны у насъ въ Россіи быть. Мнѣ бы не хотѣлось дать промаха и погрѣшнить противъ правды, тѣмъ болѣе, (что) характер(ы) и люди въ остальныхъ двухъ частяхъ выходятъ покрупнѣе обыкновенныхъ и въ значительныхъ должностяхъ. Я васъ очень благодарю, что вы объяснили должности генераль-губернатора; я только съ вашихъ словъ узнать, въ чемъ она истинно можетъ быть важна и нужна въ Россіи. Прежде мнѣ казалось, что и безъ нея организмъ управленія губерніи совершенно полонъ. Кстати рассмотримъ этотъ организмъ, чтобы видѣть, такъ ли точно я его понимаю, какъ есть. Мнѣ кажется, что онъ очень умно соображенъ въ частяхъ, соответствуетъ духу земли и обнаружива(еть) въ Государынѣ Екатеринѣ большое пониманье потребностей нашихъ...

РАЗМЫШЛЕНИЯ АВТОРА О НѢКОТОРЫХЪ ГЕРОЯХЪ ПЕРВАГО ТОМА „МЕРТВЫХЪ ДУШЪ“.

...Онъ даже и не задалъ себѣ(ѣ) вопроса, зачѣмъ эти люди попал(и) ему на глаза, какъ вообще всѣ мы никогда не спрашиваемъ себя: «зачѣмъ насъ окружили такія-то обстоятельства, а не другія?» «зачѣмъ вокругъ насъ стали такіе-то люди, а не другіе»,—тогда какъ ни малѣйшее событіе въ жизни не [произошло] даромъ, и все вокругъ въ наше наученіе и вразумленіе. Но слова, что «свѣтъ есть живая книга» повторяются нами ужъ какъ-то особенно безтолково и глупо, такъ что невольно хочешь сказать даже дурака тому, кто это произноситъ... Онъ даже и не задумался надъ тѣмъ, отъ чего это такъ, что Маниловъ, по природѣ добрый, даже благородн(ый), бесплодно прожилъ въ деревнѣ, ни на грошъ никому не доставилъ пользы, опозилъ, сдѣлался приторнымъ своею добр(отою), а плутъ Собак(евичъ), ужъ вовсе не благородный по духу и чувствамъ, однакожъ, не разорилъ мужиковъ, не допустилъ ихъ быть ни пьяницами, ни праздношатайками? и отъ чего коллежская регистраторша Коробочка, не читавшая и книгъ никакихъ, кромѣ часослова, да и то еще съ грѣхомъ пополамъ, не выучась никакимъ(ь) изящнымъ искусствамъ, кромѣ развѣ гаданія на картахъ, умѣла, однакожъ, наполнить рублевишками сундучки и коробочки, и сдѣлать это [такъ], что порядокъ, какой онъ тамъ себѣ ни былъ, на деревнѣ все-таки уцѣлѣлъ: души въ ломбардъ не заложены, а церковь(ь), хоть и небогатая, была поддержана, и правилась и

заутрени и обѣдни исправно, — тогда какъ иные, живущіе по столицамъ, даже и генералы по чину, образованные и начитанные, и тонкаго вкуса и [примѣрно] человѣколюб(и-вые), безпрестанно заводящіе всякія филантропическія заведенія, требуютъ, однакожъ, отъ своихъ управителей все денегъ, не принима(я) никакихъ извиненій, что голодъ и неурожай, — и всѣ крестья(не) заложены въ ломбардъ и перезаложены, и во всѣ магазины до единого и всѣмъ ростовщикамъ до послѣдняго въ городѣ должны. Такъ надъ эти(мъ) Чичиковъ не задумался, такъ же, какъ и многіе жители просвѣщенныхъ городовъ, которые обыкновенно любятъ въ этомъ случаѣ повторять извѣст(ное) изреченіе: «трудно даже и повѣрить, какіе у насъ живутъ(тъ) оригиналы во многихъ губерніяхъ и уѣздахъ!» Помѣщики вылетѣли изъ головы Чичикова, даже и самъ Поздревъ. Онъ позабылъ то, что наступилъ ему тотъ роковой возрастъ жизни, когда все становится лѣнивѣй въ человѣ(кѣ), когда нужно его будить, будить, чтобъ не заснулъ навѣки. Онъ не чувствовалъ того, что еще не такъ страшно (для) молодого (ретивый пылъ юности, гибкость, не успѣвш(ей) застыть и окрѣпнуть природы, бурлять и не дають мельчать чувствамъ), — какъ начинающему старѣть, котораго нечувствительно обхватываютъ, совсѣмъ почти незамѣтно, пошлыя привычки свѣта, условія, приличія безъ дѣла движущагося обще(ства), которыя до того, наконецъ, всего опутаютъ и облекутъ человѣ(ка), что и не останется въ немъ его само(го), а только куча оди(хъ) принадлежащихъ свѣту условій и привычекъ. А какъ попробуешь добратся до души, ея уже и нѣтъ: окременѣвшій кусокъ и весь превратившійся человѣкъ въ страшнаго Плюшкина, у котораго если и выпороснетъ иногда что похожее на чувство, то это похоже на послѣднее усиліе утопающаго человѣка...

1846 годъ.

Господи, благослови на сей грядущій годъ! Обрати его весь въ плодъ и въ трудъ многотворный и благотворный, весь на служенье Тебѣ, весь на спасенье душъ. Буди милостивъ и разрѣши руки и разумъ, осѣнивъ его свѣтомъ высшимъ Твоимъ и прозрѣньемъ пророческимъ великихъ чудесъ Твоихъ. Да Святый Духъ снидетъ на меня и двиг-

неть устами моими и да освятить во мнѣ все, испепеливъ и уничтоживъ грѣховность и нечистоту и гнусность мою и обративъ меня въ святой и чистый храмъ, достойный, Господи, Твоего пребыванія. Боже! Боже! не отлучайся отъ меня! Боже! Боже! вспомни древнюю любовь. Боже! благоволити Тебя, и возвести всѣхъ къ хваленію Святаго Имени Твоего.

О сословіяхъ въ государствѣ.

Прошло то время, когда идеализировали и мечтали о разнаго рода правленіяхъ, и умные люди, обольщенные формами, бывшими у другихъ народовъ, горячо проповѣдывали: одни — совершенную демократію, другіе — монархію, третьи — аристократію, четвертые — смѣсь всего вмѣстѣ, пятые — потребность двухъ борющихся силъ въ государствѣ и на бореньи ихъ основывали Наступило время, когда всякій болѣе или менѣе чувствуетъ, что правленіе не есть вещь, которая сочиняется въ головѣ нѣкоторыхъ, что она образуется нечувствительно, сама собой, изъ духа и свойствъ самого народа, изъ мѣстности — земли, на которой живетъ народъ, изъ исторіи самого народа, которая показыва(етъ) человѣку глубокомысленному, когда и въ какихъ случаяхъ успѣвалъ народъ и дѣйствовалъ хорошо и умно, и требуетъ — внимательно все это обсудить и взвѣсить.

Исторія государства Россіи начинается добровольнымъ приглашеніемъ верховной власти. «Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ: придите княжить и владѣть нами», — слова эти были произнесены людьми вольныхъ городовъ. Добровольнымъ разумнымъ сознаніемъ вольныхъ людей установленъ монархъ въ Россіи. Всѣ сословія, дружно требуя защиты отъ самихъ себя, а не отъ сосѣднихъ враговъ, утвердили надъ собой высшую власть съ тѣмъ, чтобы (нелицензіально) разсудить самихъ себя — потребность чисто (естественная), понятная среди такого народа, въ которомъ никто не хочетъ уступить одинъ другому, и гдѣ только въ минуты величайшей опасности, когда приходится спасать родную землю, все соединяется въ одинъ человѣкъ (sic) и дѣлается однимъ тѣломъ. Симъ опредѣлена высокая законность монарха-самодержца.

Итакъ въ самомъ началѣ, во время, когда не пробуждается еще потребность организаціи стройной, во время (еще) [неразвитости], когда легко ужиться съ безначаліемъ, уже все потребовало одного такого лица, которое, стоя выше всѣхъ, не будучи связано личною выгодною ни съ какимъ сословіемъ преимущественно, внимало бы всему равно и держало бы сторону каждаго сословія въ государствѣ. Во всю исторію нашу прошла эта потребность третейской власти старцевъ, потребность суда посторонняго человѣка. Великій князь или, просто, умный князь уже требуется, какъ примиритель другихъ князей. Духовенство является какъ примиритель между князей или даже между народомъ, и самъ государь судится народомъ не иначе, какъ верховный примиритель между собою. Стало-быть, законность главы была признана всѣми единогласно.

Вопросъ: какія начала правленія слышатся и слышались въ исторіи народа?

Если правленіе переходило сколько-нибудь въ народное, это обнаруживалось совершенною анархіей и полнымъ отсутствіемъ всякаго правленія: ни одного человѣка не бывало согласнаго, все спорило между собою.

Если правленіе переходило совершенно въ монархическое, то-есть, въ правленіе чиновниковъ отъ короля, воспитавшихся на служебномъ письменномъ поприщѣ, государство наполнялось взяточниками, для ограниченія которыхъ требовались другіе чиновники; черезъ года два слѣдовало и тѣхъ ограничивать, и образовывалась необыкновенная сложность, тоже близкая къ анархіи.

Стало-быть, вопросъ: гдѣ, въ какихъ случаяхъ слѣдуетъ допустить демократическое, народное участіе и гдѣ въ какихъ случаяхъ участіе короны и правительствующаго корпуса? То и другое въ рукахъ монарха—и аристократія и демократія; тому и другому онъ господинъ; та и другая ему равно близка. Каковы же и въ чемъ отношенія монарха къ подданнымъ? Это—лицо, которое уже должно жить другою жизнью, нежели обыкновенный червь: онъ долженъ отречься отъ себя и отъ своей собственности, какъ монахъ; его пищей должно быть одно благо его — счастье всѣхъ до единого въ государствѣ; его лицо не иначе, какъ священно. Гдѣ особенно и въ какихъ случаяхъ полезна мірская сходка? Тогда, когда уже рѣшенное [опредѣленіе] слѣдуетъ привести

въ исполненіе. Никто лучше міра не умѣетъ, какъ разложить и сколько на кого, потому что они знаютъ и свои состоянья и свои силы. Поэтому кто..... наложить на каждого заплатить по рублю, будетъ несправедливъ; но, сложивши сумму, какая должна выйти, если положить рубль на чело-вѣка, — потребовать эту сумму со всего міра. Это можно примѣнить ко многому и въ другихъ сословіяхъ. Верховный совѣтъ государства предполагается состоящимъ изъ лицъ, знающихъ нужды своего государства, которыя достигнули этого званія не однимъ письменнымъ поприщемъ и повышеньемъ за выслугу лѣтъ, но имѣя по службѣ, на многихъ поприщахъ внутри государства, случай стоять лицомъ (къ тому), какъ тамъ происходитъ внутри государства. Стало-быть, опредѣленія такого совѣта относительно всего государства могутъ быть менѣе всѣхъ другихъ ошибочны.

Опредѣленіе расходится по лицу Россіи; его требуется исполнить и примѣнить (къ) дѣлу. Вотъ тутъ дѣло упирается на совѣтъ (sic) тѣхъ, которые должны исполнить и примѣнить къ дѣлу: какъ удобнѣй, какъ возможнѣй, какъ необременительнѣй ни для кого исключительно исполнить. Здѣсь необходимость вѣча, или совѣщанія всего того сословія, къ которому относится дѣло.

Правительство не имѣетъ дѣла (ни съ кѣмъ) порознь изъ сословій, но съ цѣлымъ сословіемъ вмѣстѣ. Все сословіе отвѣчаетъ. Сословіе имѣетъ (право) употребить и полицію, и насильственныя мѣры, къ приведенію въ послушаніе того ослушника, который бы воспротивился.

Вездѣ, гдѣ только примѣнены къ дѣлу постановленія, тамъ необходимо совѣщанье самихъ тѣхъ, на которыхъ должны примѣнять его. Сами они должны изъ себя избрать для того и чиновниковъ, блюстителей и ускорителей, не требовать отъ правительства никакого для этого жалованья и не обременять этимъ сложность государственнаго механизма.

Но гдѣ дѣло касается до опредѣленія постановленій, тамъ совѣщаются одни испытанные въ дѣлахъ государственные мужи, и опредѣленье уже непреложно, если скрѣплено рукой монарха. Сословія могутъ посылать своихъ депутатовъ, которые могутъ предъявлять справедливыя причины упущенія или необходимыя требованія; но они принимаются только къ соображенію и усмотрѣнію. Если они будутъ отвергнуты,

сословіе не имѣетъ права на апелляцію. Само собою разумѣется, что правда должна быть на сторонѣ тѣхъ людей, которыхъ... всѣ стороны государства,—особенно, если правда эта узаконена тѣмъ, кто стоитъ выше всѣхъ въ государствахъ и которому равно близки выгоды всѣхъ.

Дѣло въ томъ, чтобы организовались сословія, чтобы почувствовало всякое сословіе свои границы, предѣлы, обязанности, и знали, гдѣ ихъ дѣло и дѣятельность, а потому въ воспитанье человѣка, съ самаго начала, должны войти обязанности того сословія, къ которому онъ принадлежитъ, чтобы онъ съ самаго начала почувствовалъ, что онъ гражданинъ и не безъ мѣста въ своемъ государствѣ.

Взглянемъ на наши сословія отъ высшихъ до низшихъ. Начнемъ съ дворянства.

Дворянство наше должно было непремѣнно (имѣть) другой характеръ, чѣмъ дворянства другихъ краевъ. Во всѣхъ другихъ земляхъ дворянство образовалось изъ пришельцевъ, изъ народовъ, захватившихъ земли туземцевъ и обратившихъ народъ силою въ своихъ вассаловъ. Оно установило насильственно отдѣльну(ю) касту аристократіи, въ которую уже не допускали никого. У насъ дворянство есть цвѣтъ нашего же нас[еленія]. Большею частью заслуги передъ царемъ, народомъ и всей землей русской возводили у насъ въ знатный родъ людей изъ всѣхъ рѣшительно сословій. Право надъ другими, если разсмотрѣть глубже, въ основаніи, основано на разумѣ: они не что иное, какъ управители государства. Въ награду за доблести, за испытанную честную службу даются ему въ управленіе крестьяне, даются ему, какъ просвѣщеннѣйшему, какъ ставшему выше предъ другими,—въ предположеніи, что такой человѣкъ, кто лучше другихъ понялъ высокія чувства и назначеніе, можетъ лучше править, чѣмъ какой-нибудь простой чиновникъ, выбираемый въ засѣдатели или капитанъ-исправники. Вольно было помѣщикамъ, позабывши эту высокую обязанность, глядѣть на крестьянъ, какъ на предметъ только дохода для своей роскоши и увеселеній. Этимъ они ничуть не доказали, что государи были неправы, а доказали только, что они сами уронили званье помѣщика.

Итакъ дворянству нашему досталась прекрасная участь заботиться о благосостояніи низшихъ... (Монархъ подѣлился съ ними своимъ попеченьемъ). Вотъ первое, что должно

чувствовать это сословіе съ самаго начала. Изъ-за этой самой.... они должны составить между собою одно цѣлое; совѣщанье они должны имѣть между собою объ управленіи крестьянами. Они не должны попустить между собой присутствіе такого помѣщика, который жестокъ или несправедливъ: онъ дѣлаетъ имъ всѣмъ пятно. Они должны заставить его переимѣнить образъ обращенія; они должны поступить такъ же, какъ въ полку общество благородныхъ офицеровъ поступаетъ съ тѣмъ, который обезчеститъ подлымъ поступкомъ ихъ общество: они приказываютъ ему вытти изъ круга, и онъ не осмѣливается преступить этого, ничѣмъ уже не смягчаемаго опредѣленія. Дворянство должно быть сосудомъ и хранилищемъ) высокаго нравственнаго чувства всей націи, рыцарями чести и добра, которые должны сторожить сами за собою. Такъ должны быть они въ Россіи, гдѣ не хвастаютъ ни родомъ, ни происхожденіемъ, ни *point d'honneur*, но какимъ-то нравственнымъ благородствомъ, которое, къ сожалѣнію, обнаруживается только во дни высокихъ самопожертвованій. Это отъ самой юности должно быть внушаемо, какъ въ первую принадлежность (*sic*).

Послѣдній въ государствѣ и многочисленный классъ,—крестьяне составляютъ также сословіе и имѣютъ много, о чемъ совѣщаться между собою. Состоя подъ управленіемъ помѣщика, они имѣютъ тоже, о чемъ совѣщаться. Установленный сборъ,—повинность, положенную на каждого чело-вѣка, помѣщикъ долженъ предоставить [принести] (совѣмъ) міру, который самъ долженъ и собрать, и принести, потому что они лучше себя знаютъ относительно всякихъ состояній, и помѣщику никогда не... Онъ также долженъ лучше чувствовать свое сословіе, что имѣетъ право законно требовать помѣщикъ, за что долженъ заплатить ему и нанимать, какъ вольнаго чело-вѣка, и переговариваться съ помѣщикомъ цѣлымъ міромъ.

Сословіе гражданъ, самое разнохарактерное, меньше всего получившее опредѣленное выраженіе, отъ неопредѣленности занятій и отъ нѣкотораго безвластія, должно непременно возвыситься до понятія... Оно должно помнить, что они стражи и хранители благосостоянія и должны сами изъ себя избирать чиновниковъ. Полиція тогда только не будетъ брать взятковъ (*sic*) и грабить, когда сами граждане будутъ

исполнять.... Лучшая полиція въ Англіи, по признанію всѣхъ, въ Англіи (sic), и то потому, что этимъ занимается городъ, выбирая для этого чиновника и платя ему жалованье отъ себя. Правитель города долженъ требовать отъ магистрата, чтобы сдѣлано было такъ же точно; а магистратъ уже самъ размыслить, какъ это сдѣлать такъ, чтобы тягость упала на все сословіе.

Объявленіе объ изданіи русскаго словаря.

Въ продолженіе многихъ лѣтъ занимаясь русскимъ языкомъ, поражаясь болѣе и болѣе мѣткостью и разумомъ словъ его, я убѣждался болѣе и болѣе въ существенной необходимости такого объяснительнаго словаря, который бы выставилъ, такъ сказать, лицомъ русское слово въ его прямомъ значеніи, освѣтилъ бы ощутительнѣй его достоинство, такъ часто незамѣчаемое, и обнаружилъ бы отчасти самое происхожденіе. Тѣмъ болѣе казался мнѣ необходимымъ такой словарь, что посреди чужеземной жизни нашего общества, такъ мало свойственной духу земли и народа, извращается прямое, истинное значеніе коренныхъ русскихъ словъ: однимъ приписывается другой смыслъ, другія позабываются вовсе. Академія Наукъ, тремя изданьями своего Словаря, теперь проложила путь къ этому подвигу, безъ того бы неудобноисполнимому и почти невозможному. Последнее изданье, полнѣйшее всѣхъ предыдущихъ (по значительному умноженію собранныхъ словъ), опустило, къ сожалѣнію, ту объяснительную часть, которою были такъ примѣчательны первыя изданія; но, принимая въ уваженіе то, что это (?) было бы невозможно для общества, въ которомъ каждый членъ имѣетъ свой взглядъ, нельзя упрекнуть Академію. Напротивъ, она поступила благоразумно и добросовѣстно. Объяснительный словарь есть дѣло лингвиста, который бы для этого уже родился, который бы заключилъ въ своей природѣ къ тому преимущественныя, особенныя способности, носилъ бы въ себѣ самомъ внутреннее ухо, слышащее гармонію языка. Явленія такихъ лингвистовъ всегда и повсюду бывали рѣдки. Ими отличались какъ-то преимущественно славянскія земли. Словари Линде и Юнгмана останутся всегда безсмертными памятниками ихъ не-

обыкновенныхъ лингвическихъ (sic) способностей. Они будутъ умножаемы, пополняемы, совершенствуемы обществами ученыхъ издателей; но разъ утвержденныя мѣткія опредѣленія коренныхъ словъ останутся навсегда. Это дѣло ихъ созданья.

Не потому, чтобы я чувствовать въ себѣ большія способности къ языкознательному дѣлу; не потому, чтобы надѣялся на свои силы претерпѣть подобное имѣ; нѣтъ! другая побудительная причина заставила меня заняться объяснительнымъ словаремъ: ничего болѣе, (какъ) любовь, просто—одна любовь къ русскому слову, которая жила во мнѣ отъ младенчества и заставила меня останавливаться надъ внутреннимъ его существомъ и выраженіемъ. Для меня было наслажденіемъ давать самому себѣ отчетъ, опредѣлять самому собою — и я принялся за перо. Приступая же къ печатанью словаря моего, рѣшился не столько съ намѣреніемъ принести пользу другимъ, сколько самому себѣ. Издавая его выпусками, какъ опытъ, какъ пробныя листки, я могу услышать мнѣніе и судъ другихъ, необходимые въ дѣлѣ такого предпріятія; могу увидѣть всѣ свои недостатки, погрѣшности труда, стало быть, могу получить чрезъ то самое возмoжность продолжать его въ удовлетворительнѣйшемъ и полнѣйшемъ видѣ.

Всѣ замѣчанія, какія угодно будетъ сдѣлать соотечественникамъ на мой Словарь, будутъ мною приняты съ благодарностью.

Замѣтка о сельскомъ хозяйствѣ.

Почему нужно хозяйство? Потому что отъ этого зависитъ благосостояніе всего государства, потому что устроится лучше собств(енная) жизнь всякаго человѣка, потому что занятія и безпрестанное движеніе укрѣпляютъ тѣло и здоровье, потому что отъ того самыя умственные способности въ свѣжести; потому, наконецъ, что этимъ исполняетъ человѣкъ свой долгъ и назначеніе, данное отъ Бога:—«въ потѣ лица снискивать хлѣбъ».

Что происходитъ отъ пренебреженія хозяйствомъ? Отъ пренебреженія хозяйствомъ происходятъ несчастія всей земли,

конечное обѣднѣніе ея и разстройство. Засухи без
временъ разстройство.

Какимъ образомъ?

Тѣмъ, что бросили имѣнья, отдали земли въ руки управителей и наемниковъ, которые заботятся только о своихъ выгодахъ, о доставленіи временныхъ доходовъ, не обращая вниманія на будущее, все вывозя и ничего не насаждая, какъ уже и случилось въ Россіи, что вырубили множество лѣсовъ; отъ этого обмелѣли рѣки и меньше стали давать нужной влаги, земля стала суше и безплоднѣе, перестали дожди, которые привлекаются обыкновенно лѣсистыми мѣстами.

На что преимущественно нужно обращать въ хозяйствѣ вниманіе?

На то, чтобы не упустить времени. Поэтому нужно знать время, когда что дѣлать.

Что нужно дѣлать весной? . . .

Помѣщики.

Помѣщики... они позабыли свою обязанность? Зачѣмъ ты вмѣсто того, чтобы имъ напоминать весь долгъ и приводить въ знанье и себя самого въ....., сталъ ограничивать ихъ мелочными чиновник(ами) и ограниченьями, завелъ новую сложность дѣлъ, такъ что и у нихъ самихъ закружилось и все перепуталось, и они уже сами позабыли свое выг[оды]. Или нельзя было на нихъ подѣйствова(ть), или они не лучше другихъ воспитали (понятѣе о чести)? Или не воспріимчивѣе [была] ихъ душа, чѣмъ необразованнаго человѣка? Или на голосъ отчизны [не откликнутся дѣла] ихъ? Или не изъ среды ихъ [мелькнули] Сувор(овы), Мордвиновы, Чичаговы, Орловы, Румянцовы и ряды героевъ самоотверженія, которыхъ не умѣстить на страницахъ своихъ подробнѣйшая лѣтопись.

Нѣтъ власти: дѣйствуй прямо! Укажи намъ весь нашъ долгъ, но не связывай въ то же время и рукъ нашихъ и не безчесть насъ обиднымъ подозрѣньемъ. Говори съ нами благороднымъ голосомъ, и будетъ благороденъ отвѣтъ.

...«Зачѣмъ же ты не вспомнилъ обо мнѣ,—что я на тебя гляжу, что я твой?! Зачѣмъ же ты отъ людей, а не отъ меня ожидать награды и вниманья, и поощренья? Какое бы тогда было тебѣ дѣло обра(щать вниманіе), какъ издержитъ твои деньги земной помѣщикъ, когда у тебя Небесный Помѣщикъ?!.. Кто знаетъ, чѣмъ бы кончилось, если бы (ты) до конца дошелъ, не устранившись?. Ты бы удивилъ величіемъ характ(ера), ты бы наконецъ взялъ верхъ и заставилъ изумиться; ты бы оставилъ имя, какъ вѣчный памятникъ доблести, [дабы] и роняли бы ручьи слезъ [потоки]... и, какъ вихорь, ты бы развѣвалъ въ сердцахъ пламень добра.»

Потупилъ голову, устыдился управитель, и не зналъ, куда ему дѣться.

И много [вслѣдъ за нимъ] чиновниковъ и благородныхъ, прекрасныхъ людей, начавшихъ служить и потомъ бросившихъ..., печально понурили головы.

Трудъ.

Человѣкъ рожденъ на то, чтобы трудиться. «Въ потѣ лица съѣси хлѣбъ свой», сказалъ Богъ по изгнаньи человека за непослушанье изъ рая, и съ тѣхъ поръ это стало заповѣдью человѣку, и кто уклоняется отъ труда, тотъ грѣшитъ и передъ Богомъ. Всякую работу дѣлай такъ, какъ бы ее заказалъ тебѣ Богъ, а не человѣкъ. Если бъ и не наградилъ тебя человѣкъ здѣсь—не ропщи (sic!); зато больше наградить тебя Богъ. Важнѣе всѣхъ работъ—работа землѣдѣльца. Кто обрабатываетъ землю, тотъ больше другихъ угоденъ Богу. Сѣй и для себя, сѣй и для другихъ, сѣй, хоть бы ты и не надѣялся, что [пожнешь] самъ: пожнутъ твои дѣти; скажетъ спасибо тотъ, кто воспользуется твоимъ трудомъ,—вспоманетъ имя твое и помолится о душѣ твоей. Во всяк(омъ) случа(ѣ) тебѣ выгода: всякая молитва у Бога значить. Только трудись съ той мыслью, что трудишься для Бога, а не (для) человѣка, и не смотри ни на какія неудачи: хоть бы все то, чтò ты нараб(оталъ), и пропало, побито было градомъ,—не унывай и снова принимайся за работу. Богу не нужно, чтобы ты выработалъ много денегъ на этомъ свѣтѣ; деньги останутся здѣсь. Ему нужно, чтобы (ты) не былъ въ праздности и работалъ. Потому, работая

здѣсь, вырабатываетъ себѣ Царствіе Небесное, особенно если работаетъ съ мыслью, что онъ работаетъ Богу. Работа—святое дѣло. Когда дѣлаешь работу, говори въ себѣ: «Господи, помоги!» и за всякимъ разомъ говори: «Господи, помилуй!» Заступомъ ли коннешь или ударишь топоромъ, говори: «Господи, удостой меня быть въ раю съ праведниками». Когда дѣлаешь работу, старайся быть такъ благочинну въ мысляхъ, какъ бы ты былъ въ церкви, чтобы отъ тебя никто не услышалъ браннаго слова, чтобы и грубаго не усл(ышалъ) отъ тебя товарищъ; чтобы во взаимной любви всѣхъ совершалось дѣло: тогда работа—святое дѣло. Тогда такая работа спасетъ твою душу. Також работою здѣсь—заработаешь ты себѣ Царствіе Небесное тамъ. Аминь.

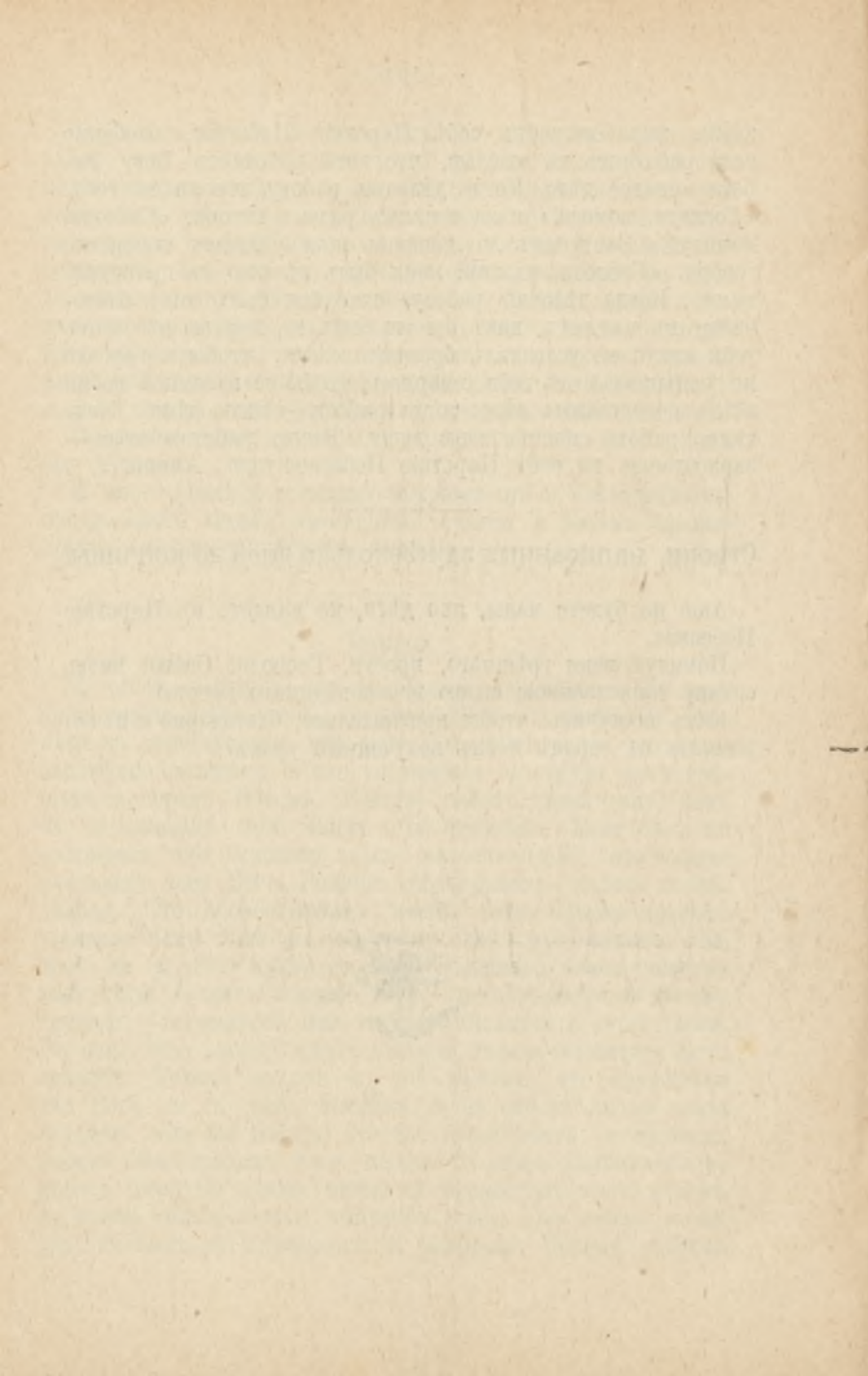
Строки, написанныя за нѣсколько дней до кончины.

Аще не будете малы, яко дѣти, не внидете въ Царствіе Небесное.

Помилуй меня грѣшного, прости, Господи! Свяжи вновь сатану таинственною силою несповѣдимаго креста!

Какъ поступить, чтобы признательно, благодарно и вѣчно помнить въ сердцѣ моемъ полученный урокъ?

ПРИЛОЖЕНІЯ.

СГАНАРЕЛЬ

или

МУЖЪ, ДУМАЮЩІЙ, ЧТО ОНЪ ОБМАНУТЬ ЖЕНОЮ.

Комедіа въ одномъ дѣйствіи,

Мольера.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ:

Горгибусъ, мѣщанинъ.

Целія, дочь его.

Лелій, влюбленный въ Целію.

Гро-Рене, слуга Лелія.

Сганарель, мѣщанинъ.

Жена его.

Виллебрекенъ, отецъ Валеріа.

Горничная Целіи.

Родственникъ жены Сганареля.

ДѢЙСТВІЕ 1-е.

Горгибусъ, Целія и горничная.

Целія (*выходя въ слезахъ*). Нѣтъ, нѣтъ! не думайте, чтобъ я согласилась!

Горгибусъ. Что ты тамъ бормочешь? Дерзкая дѣвчонка! Идти противъ моей воли! Да развѣ я не имѣю надъ тобой полной власти? Да кто изъ насъ двухъ знаетъ, что кому полезно, ты или я? Глупая, неужели ты лучше меня знаешь, что для тебя полезнѣе? Берегись, не раздражай меня, а то я, пожалуй, покажу, что рука моя еще не совсѣмъ обезси-лѣла. Лучше всего, госпожа своевольница, безъ дальнихъ околичностей, идти за человѣка, котораго я назначаю. «Да какъ же, папенька», говоришь ты: «я не знаю-сь его ха-рактера, надобно подумать». Чортъ возьми, что тутъ обду-

мывать, и какъ не любить? Да какія еще прелести надобно, когда у него наслѣдство? Ручаюсь, что съ двадцатью тысячами дукатовъ онъ прекраснѣйшій человѣкъ.

Целія. Ахъ!

Горгибусъ. Ну, что «ахъ!» Что значитъ этотъ «ахъ»? Посмотрите, пожалуйста, какіе она отпускаетъ прекрасные ахи! Послушай, если ты меня взбѣсишь, то я тебя поставлю ахать другимъ порядкомъ. Вотъ плоды этихъ проклятыхъ романовъ, которыми изволишь забавляться и дни, и ночи! Голова твоя набита любовными фразами; ты больше думаешь о Клеліи, чѣмъ о Богѣ. Нѣтъ, сударыня, въ огонь, въ огонь всѣ эти вредныя книги, которыя съ каждымъ днемъ развращаютъ больше и больше умовъ! Читайте-ка лучше четверостишія Пибрака да ученія «Таблицы» со-вѣтника Матѣ; эти назидательныя сочиненія стоитъ выучить наизусть. Не худо бы заняться и «Путеводителемъ грѣшниковъ»: изъ него можно научиться, какъ должно жить. И если бъ ты занималась только такими твореніями, такъ не стала бы противорѣчить моимъ желаніямъ.

Целія. Какъ, папенька, вы думаете, что я могу забыть Лелію? Конечно, я не могла бы рѣшиться ни на что безъ вашего согласія, но вѣдь вы сами дали за меня слово.

Горгибусъ. Да если бъ я далъ двадцать словъ, такъ какое до того дѣло, когда явился человѣкъ, котораго деньги дороже всякаго слова? Правда, Леліи недурень собой, но, милая, состояніе важнѣе всего: золото придаетъ даже и уроду какую-то прелесть, съ нимъ нельзя не понравиться; а безъ золота все остальное — нуль. Конечно, ты нелюбишь Валера; это ничего: полюбишь, когда будешь за нимъ замужемъ. Въ словѣ *мужъ* есть что-то увлекательное, и любовь часто бываетъ плодомъ женитьбы. Да впрочемъ, что жъ я это за дуракъ, пустился въ разсужденія, когда могу приказывать? Прошу не беспокоить меня глупыми вздохами. Мой будущій зять явится сегодня вечеромъ. Прошу принять его хорошенько, и Боже тебя избави дѣлать ему кислыя рожицы. Ни слова, ни слова болѣе! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Прежнія безъ Горгибуса.

Горничная. Какъ, сударыня, и вы еще колеблетесь, когда вамъ предлагаютъ мужа? И вы боитесь произнести это оча-

ровательное *да*? Ахъ, Боже мой, что это меня никто не постарается выдать замужъ? Въмѣсто того, чтобы плакать надъ однимъ *да*, сію же минуту наговорила бы ихъ дюжину. Учитель вашего братца говоритъ правду, что женщина—точно плющъ, который хорошъ только, когда вьется около дерева, и не значитъ рѣшительно ничего, отъ него когда отдѣлится. Ахъ, я, бѣдная грѣшница, очень чувствую, какъ это справедливо! Бѣдный мой Мартынъ, упокой Богъ его душу! При немъ я была такая полненькая, такая румяная, на душѣ было такъ весело! Теперь совсѣмъ не то. Когда онъ былъ живъ, я, бывало, зимой лягу въ не-топленной комнатѣ, а теперь дрожу въ іюлѣ. О, сударыня, вы себѣ и представить не можете, что такое имѣть возлѣ себя мужа, хоть бы только для того, чтобы сказать: «здравствуй!» когда чихнетъ.

Целія. Какъ? и ты можешь мнѣ совѣтовать оставить, забить Лелія? взять такой грѣхъ на душу?

Горничная. Да помилуйте, что жъ онъ за уродъ,—нашелъ время путешествовать! Право, мнѣ что-то сдается, что онъ забылъ васъ.

Целія (*показывая портретъ Лелія*). О, не убивай меня такимъ ужаснымъ предсказаніемъ! Вглядиись хорошенько въ это лицо: ну, можетъ ли оно измѣнить? А этотъ портретъ такъ похожъ! Нѣтъ, онъ не можетъ обманывать.

Горничная. Да, онъ не дурень: конечно, нельзя не любить его.

Целія. А между тѣмъ надобно... Ахъ, поддержи меня! (*Роняетъ портретъ*).

Горничная. Боже мой! что съ вами? Какъ она поблѣднѣла! Помогите! помогите!

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Тѣ же и Сганарель.

Сганарель. Что, что тутъ такое?

Горничная. Барышня умираетъ.

Сганарель. Только-то? Я думалъ, что и Богъ знаетъ, что случилось. Впрочемъ, посмотримъ. Сударыня! А? Вы умерли?... Она не говоритъ ни слова.

Горничная. Пойдите, я сбѣгаю за людьми, а вы пока мѣстъ поддержите ее. (*Убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Целія, Сганарель и жена Сганареля.

Сганарель (*прикладывая руку къ груди Целіи*). Она холоднехонька. Что тутъ дѣлать? (*Нагибается щекой къ губамъ ея*). Однакожь, чортъ возьми, кажется, она дышитъ! Рѣшительно—дышитъ.

Жена Сганареля (*выглядываетъ съ окна*). Это что такое? Мой мужъ въ объятіяхъ женщины! Вѣроломный! теперь-то я подстерегу тебя.

Сганарель. Надобно бы помочь ей. Право, я не знаю ничего глупѣе, какъ умирать, тогда какъ и здѣсь можно еще пристроиться какъ нельзя лучше. (*Уноситъ ее въ домъ Горгибуса*).

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Жена Сганареля (*одна*).

Жена Сганареля. Куда же онъ пропалъ? Теперь все ясно: онъ измѣняетъ мнѣ. Теперь я не удивляюсь холодности, которой онъ отвѣчаетъ на мою цѣломудренную страсть. Злодѣй! онъ бережетъ свои ласки для другой. Вотъ таковы-то всѣ мужья! Позволенное надоѣдаетъ имъ какъ-разъ; они скоро относятъ въ другое мѣсто то, что должно бы оставаться дома. Сначала покорные рабы, готовы для васъ на все, а тамъ вы имъ прискучили. О, какъ это досадно, что нельзя мѣнять мужей, какъ рубашки! Швырнула вонъ — и концы въ воду! Какъ бы это было покойно, особливо теперь для меня! (*Поднимаетъ портретъ, уроненный Целіей*). Это что такое? Медальонъ! Какая прекрасная эмаль! Откроemy!

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Сганарель и жена его.

Сганарель (*не замѣчая жены*). Живехонька! Здоровехонька! Какъ ни въ чемъ не бывало. А, жена!

Жена Сганареля (*не видя его*). Ахъ, Боже мой, какой хорошенькій мужчина!

Сганарель (*въ сторону, глядя черезъ плечо жены*). Что это она рассматриваетъ съ такимъ вниманіемъ? Портретъ мужчины, и молодого, и не дурного! Тутъ ничего я не вижу хорошаго для моей чести.

Жена Сганареля (*не видя мужа*). Я никогда не видала лица красивѣе. И какъ онъ славно пахнетъ!

Сганарель. Чортъ возьми, да она цѣлуетъ его! О, варварка, зарѣзала!

Жена Сганареля (*все еще не видя мужа*). Чтò ни говори, а надобно признаться, что пріятно быть любимой такимъ красавцемъ, что искушеніе такъ сладко, такъ непреодолимо. Ахъ! зачѣмъ я не имѣю такого прекраснаго мужа намѣсто моего плѣшиваго урода!

Сганарель (*вырывая портретъ изъ ея рукъ*). А, сударыня, попались! Попались въ злоумышленіи на мою личность! Попались въ злоумышленіи на мою честь! Такъ, по вашему расчету, моя дорогая половина, супругъ вашъ не стоитъ васъ? Да, — тысячи чертей, которымъ бы не худо принять васъ въ свои объятія, — когда же бы вы могли составить лучшую партію? А чтò во мнѣ есть такого, чтò бы было, напримѣръ сказать, нехорошо? Этотъ, напримѣлъ, станъ; эта походка, которой всѣ удивляются; это лицо, невольно внушающее любовь, отъ котораго вздыхала не одна особа и почище васъ. А весь я развѣ такой кусокъ, которымъ можно быть недовольной? И, чтобъ насытить вашъ волчій аппетитъ, вамъ мало мужа—подавай вамъ еще волокиту!

Жена Сганареля. Понимаю, понимаю! Ты думаешь этой хитростью...

Сганарель. Дурачъ другихъ! Все ясно: въ рукахъ моихъ доказательство...

Жена Сганареля. Мое негодованіе и безъ того сильно; тутъ не къ чему еще его усиливать. Отдай мнѣ мой медальонъ и подумай лучше...

Сганарель. Думаю, сударыня, думаю сломить вамъ шею. О, если бъ вмѣсто портрета попался мнѣ въ руки самъ подлинникъ!

Жена Сганареля. Для чего?

Сганарель. Такъ, моя милая; ни для чего. Я виноватъ, что такъ раскричался, я долженъ благодарить тебя за пріятное украшеніе моего чела. (*Смотря на портретъ*). А, вотъ и онъ, прелестный сотрудникъ, съ которымъ...

Жена Сганареля. Съ которымъ?... Продолжай!

Сганарель. Съ которымъ... А я, между тѣмъ, чуть не тресну отъ гнѣва!

Жена Сганареля. Что хочет мнѣ этимъ сказать этотъ пьяница?

Сганарель. Не прикидывайся! Ты меня хорошо понимаешь. Отнынѣ Сганарель — это такое имя, которое ты не должна смѣть произносить, а называть меня просто «господинъ Корнеліусъ». Я постою за свою честь, а тебѣ я за нее попробую пересчитать ребра.

Жена Сганареля. И ты можешь говорить мнѣ такія дерзости?

Сганарель. А ты можешь шутить со мною такими шутками?

Жена Сганареля. Да что же я сдѣлала? Говори яснѣе!

Сганарель. Да бездѣлица! Вовсе не стоитъ жаловаться! Произвела въ олені! Вотъ, что называется: придите — посмотрите!

Жена Сганареля. Безстыдный! ты наносишь мнѣ оскорбленіе, какое когда-либо могла вынести женщина, да еще прикидываешься разсерженнымъ, выдумываешь басни, чтобы предупредить мое негодованіе. Вотъ истинно прекрасный способъ: самъ же оскорбитель хочетъ сдѣлаться обвинителемъ!

Сганарель. Прошу покорно! Глядя на это гордое, обиженное лицо, подумаешь, что честная женщина!...

Жена Сганареля. Ступай, ухаживай за своими прелестницами, носи имъ свои нѣжности! А мнѣ портретъ отдай! (*Вырываетъ и убѣгаетъ*).

Сганарель. Э, нѣтъ, постой! Я могу и отнять его. (*Убѣгаетъ за ней*).

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Лелій и Гро-Рене.

Гро-Рене. Наконецъ, мы пріѣхали. Но скажите же, сударь: если вы позволите, я бы спросилъ васъ объ одномъ.

Лелій. Говори.

Гро-Рене. Что за дьяволъ сидитъ въ вашемъ тѣлѣ? Вы какъ будто ни въ чемъ не бывало. Цѣлыхъ восемь дней тряслись мы на проклятыхъ кляченкахъ—у меня всѣ члены одеревенѣли. Я уже не говорю ничего, что случилось съ чувствительнѣйшей частью моего тѣла отъ проклятой тряски. А съ васъ—какъ съ гуся вода: вы ни на минуту не прилегли отдохнуть, ни кусочка не съѣли.

Лелій. Меня встревожили слухи о бракѣ Целіи. Ты знаешь,

какъ я ее люблю. Какъ тутъ думать объ отдыхѣ, объ пищѣ? Прежде всего мнѣ надобно развѣдать. справедливы ли эти слухи.

Гро-Рене. Да, но все-таки покушать-то бы вамъ не мѣшало, прежде чѣмъ пуститесь вы развѣдывать. Ей-Богу! Когда въ желудкѣ у человѣка хорошо, такъ и смѣлость откуда берется, и крѣпость, и лучше какъ-то все дѣлается. Я сужу по себѣ: когда со мной приключится какое-нибудь несчастіе натошакъ, то оно такъ меня и растормошитъ; но когда я хорошенько поѣмъ, душа у меня становится такъ крѣпка, что бей по ней хоть молоткомъ — ничего! Право, послушайте меня. А чтобъ горю не дать подраться до сердца, сдѣлайте вокругъ себя ограду изъ двадцати стакановъ вина.

Лелій. Я теперь не въ состояніи ни пить, ни ѣсть...

Гро-Рене (*въ сторону*). Ну вотъ, прошу покорно, а я умираю съ голоду. (*Громко.*) А вашъ обѣдъ поспѣлъ бы въ нѣсколько минутъ.

Лелій. Молчи—я тебѣ приказываю.

Гро-Рене. О, Боже мой! Какое безчеловѣчное приказаніе!

Лелій. Меня мучить неизвѣстность, а не голодъ.

Гро-Рене. А меня голодъ и неизвѣстность—когда будемъ обѣдать.

Лелій. Не надоѣдай мнѣ своими глупостями и убирайся ѣсть, если хочешь.

Гро-Рене. Я не смѣю противиться вашимъ приказаніямъ. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Лелій (*одинъ*).

Нѣтъ, нѣтъ, это вздоръ! Отецъ далъ мнѣ слово; а она, я не сомнѣваюсь, она меня любитъ!

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Лелій и Сганарель.

Сганарель (*не видя Лелія, съ портретомъ въ рукахъ*). Онъ въ моихъ рукахъ. Теперь я могу вдоволь насмотрѣться на рожу мерзавца, вздумавшаго срамить меня. Лицо рѣшительно незнакомое.

Лелій (*въ сторону*). Боже! чтѣ я вижу! Кажется, это мой портретъ! Чтѣ это значить?

Сганарель. Бѣдный, бѣдный Сганарель! Вотъ тебѣ твое честное имя, твоя репутація! Недостаетъ... (*Замѣтивъ, что Лелій смотритъ на него пристально, отворачивается въ другую сторону*).

Лелій. Какъ попалъ залогъ моей любви въ руки этого челявѣка?

Сганарель. Недостаетъ только, чтобъ на тебя показывали пальцами, чтобъ тебя помѣстили въ какую-нибудь неблагопристойную пѣсню, чтобъ тебѣ подносили подъ носъ твое же безчестіе!

Лелій (*въ сторону*). Но не ошибаюсь ли я?

Сганарель (*въ сторону*). Гнусная женщина! Подарить меня рогами въ цвѣтѣ лѣтъ! Промѣнять меня, почти красавца, на этого поджараго молокососа!

Лелій (*не спуская глазъ съ портрета*). Нѣтъ, я не ошибаюсь: это мой портретъ.

Сганарель (*оборачиваясь къ нему спиной*). Чтò за странное любопытство!

Лелій. Я внѣ себя отъ удивленія!

Сганарель. Чтò ему надобно?

Лелій. Я подойду къ нему. Позвольте! (*Сганарель хочетъ уйти*). Ради Бога, одно слово!

Сганарель. Чтò вамъ угодно?

Лелій. Скажите, какимъ образомъ попался въ ваши руки этотъ портретъ?

Сганарель (*въ сторону*). Чтò ему за нужда до этого портрета? Э, э! Чтò это? (*Посматриваетъ то на портретъ, то на Лелія*). Вотъ тебѣ на! Ну, чтò жъ тутъ удивительнаго, что онъ смутился! Это онъ—мой почтеннѣйшій другъ, или, лучше, любезнѣйшій другъ моей жены.

Лелій. Бога ради, отвѣчайте мнѣ: откуда?..

Сганарель. Мы, слава Богу, знаемъ, чтò васъ такъ беспокоитъ. Это портретъ вашъ; онъ былъ въ знакомыхъ вамъ рукахъ. Любовь ваша для насъ не тайна. Не знаю, извѣстна ли вамъ моя особа, но осмѣливаюсь просить васъ избавить меня (отъ) чести, которую дѣлаете мнѣ своей любовью. Прошу васъ вспомнить, что священные узы брака...

Лелій. Какъ? Та, отъ которой вы получили этотъ залогъ...

Сганарель. Моя жена, а я—мужъ ея.

Лелій. Ея мужъ?

Сганарель. Да, мужъ, мужъ, говорю, — и мужъ, который

духомъ не дюжъ. А почему, вы знаете: я сію же минуту объявлю объ этомъ ея родственникамъ. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Лелій (*одинъ*).

Что я слышалъ? Все правда; меня не обманули. Измѣнить мнѣ, и для кого же? для урода! Неблагодарная! И какая причина?... Голова кружится. Дорога и этотъ уредъ потрясли все существо мое. Я едва держусь на ногахъ.

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Лелій и жена Сганареля.

Жена Сганареля (*не видя Лелія*). Несмотря ни на что, вѣроломный... (*Замытисши Лелія*). Что съ вами? Вы едва держитесь на ногахъ.

Лелій. Такъ... дурнота...

Жена Сганареля. Вы можете упасть здѣсь. Взойдите (*sic*) въ нашъ домъ, побудьте у насъ, пока пройдетъ этотъ припадокъ.

Лелій. Я воспользуюсь вашимъ позволеніемъ на двѣ, на три минуты. (*Уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Сганарель и родственникъ его жены.

Родственникъ. Я понимаю, что все это можетъ обезпокоить мужа; но, любезнѣйшій другъ, изъ вашего разсказа я еще не вижу, чтобъ она въ самомъ дѣлѣ была виновата. Дѣла такого рода чрезвычайно деликатны: необходимы ясныя доказательства.

Сганарель. Ясныя доказательства — то-есть, надо быть очевидцемъ?

Родственникъ. Поспѣшность часто вводитъ въ заблужденіе. Вѣдь вы еще не знаете, какъ попался въ ея руки этотъ портретъ; можетъ быть, самый подлинникъ ей совсѣмъ неизвѣстенъ. Убѣдитесь прежде во всемъ, и тогда будьте увѣрены, что мы первые дадимъ ей почувствовать всю низость ея поступка. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Сганарель (*одинъ*).

Нельзя ничего лучше сказать! Въ самомъ дѣлѣ, нужно приняться за это, какъ можно тише. Можетъ быть, совер-

шенно безъ всякой причины, пришло мнѣ въ голову это рогатое привидѣніе, и меня слишкомъ рано бросило въ поть?... Что жъ портретъ?—портретъ еще ничего не доказываетъ. Портретъ — и есть портретъ. Лучше жъ мы постараемся...

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Сганарель и жена его, въ дверяхъ, провожая Леліа.

Сганарель (*въ сторону*). Боже! что это такое? Умираю! Нѣтъ, чортъ возьми, тутъ ужъ не портретъ, а самый подлинникъ.

Жена Сганареля. Вы напрасно такъ спѣшите! Отдохните еще немного: вамъ опять можетъ сдѣлаться дурно.

Лелій. Благодарю, благодарю, сударыня! Все прошло. Я вамъ очень обязанъ за вашу помощь.

Сганарель. Какъ разсыпается въ вѣжливостяхъ! (*Его жена уходитъ въ домъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Сганарель и Лелій.

Сганарель (*въ сторону*). Онъ замѣтилъ меня; посмотримъ, что-то онъ мнѣ скажетъ.

Лелій (*въ сторону*). Душа кипитъ при взглядѣ на него... Но кто жъ виноватъ тутъ? Моя судьба! (*Проходя мимо Сганареля*). О, какъ счастливъ, кто владѣетъ такой прелестной женой!

ЯВЛЕНІЕ 16-е.

Сганарель и Целія (*смотрятъ въ окно вслѣдъ уходящему Лелію*).

Сганарель. Ну, ужъ это совсѣмъ недвусмысленно. Это восклицаніе, признаюсь, смутило меня такъ, какъ будто бы здѣсь въ самомъ дѣлѣ.... (*Потираетъ рукою лобъ и смотритъ въ слѣдъ Лелію*). Признаюсь, въ этомъ, кажется, нѣтъ ничего, что бы пахло честью.

Целія (*въ сторону, выходя*). Что это значить? Здѣсь сейчасъ прошелъ Лелій, и отъ меня скрыли, что онъ пріѣхалъ.

Сганарель (*не видя Целіи*). «О, какъ счастливъ тотъ, кто владѣетъ такой прелестной женой!» А счастье-то въ чемъ? Вѣроломная! безстыдница! Проводить честнаго гражданина, какъ дурака — и это счастье? И я позволяю ему покойно удалаться прочь и смотрю ему въ слѣдъ, сложа руки, какъ

болванъ? Я долженъ бы, по крайней мѣрѣ, сшибить съ него шляпу, бросить въ него камнемъ съ мостовой, разодрать его шинель, закричать: «разбой, грабежъ!»

Целія (*подходившая къ нему постепенно въ ожиданіи окончанія монолога*). Скажите, вы знаете молодого человѣка, который сейчасъ къ вамъ подходилъ?

Сганарель. Нѣтъ, сударыня, его знаетъ моя жена.

Целія. Что съ вами? Вы такъ разстроены.

Сганарель. Не обременяйте меня еще болѣе огорченіями и позвольте мнѣ испускать вздохи.

Целія. Отъ чего такая необыкновенная печаль?

Сганарель. Если я огорченъ, то ужъ, навѣрно, не изъ бездѣлицы; а на несчастіе ближняго я поглядѣлъ бы равнодушіе, чѣмъ на собственное мое. О! Вы видите передъ собой модель несчастнѣйшихъ мужей. У бѣднаго Сганареля крадутъ, грабятъ его честь,—да этого еще мало, что честь: репутацію, репутацію, доброе имя, репутацію крадутъ.

Целія. Какъ это?

Сганарель. Негодяй, говоря просто, сдѣлалъ меня мужемъ, надъ которымъ... вы понимаете, сударыня... въ народѣ смѣются, и сдѣлалъ съ неслыханною дерзостью!...

Целія. Тотъ, что сейчасъ ушелъ?

Сганарель. Да, да, безчестить, срамить меня! Онъ обожаетъ мою жену, моя жена обожаетъ его.

Целія. Такъ вотъ что значить этотъ секретный пріѣздъ? Недаромъ я затрепетала, увидѣвъ его: это было предчувствіе.

Сганарель. Благодарю, благодарю отъ души за ваше отрадное участіе въ моемъ бѣдственномъ положеніи! Ахъ! не всѣ такъ добры, какъ вы. Многіе вмѣсто того, чтобы принять должное участіе, еще подымутъ на смѣхъ.

Целія. Можетъ ли быть что-нибудь ужаснѣе, чернѣе твоего поступка? Кто бы подумалъ, повѣрилъ?...

Сганарель. Это очень вѣрно.

Целія. Измѣнникъ, предатель! Двуличная, коварная душа!

Сганарель. О, добрая душа!

Целія. Всѣ наказанія, какія только есть въ аду, для тебя только еще маленькое наказаніе.

Сганарель. Вотъ что называется—хорошо говорить!

Целія. Обмануть такимъ образомъ самую чистѣйшую невинность!

Сганарель (*глубоко вздыхая*). Охъ, правда!

Целія. Сердце, которое никогда не подало повода къ такому оскорбленію!

Сганарель. Охъ, правда!

Целія. Который вмѣсто... но это ужасно, и сердце не можетъ объ этомъ помыслить, не разорвавшись огъ горести.

Сганарель. Успокойтесь немного, сударыня, вы принимаете во мнѣ такое сильное участіе, что я готовъ плакать.

Целія. Не воображайте, однакожь, чтобъ я стала плакать, рыдать — нѣтъ! Я знаю, какъ отомстить. О, я отомщу! Въ этомъ никто не можетъ мнѣ воспрепятствовать. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 17-е.

Сганарель (*одинъ*).

Да сохранить ее Богъ отъ всякой энасности! Посмотрите, какая доброта! За меня хочетъ мстить! Однакожь, негодование, возбужденное въ ней моимъ несчастіемъ, научаетъ меня, что я долженъ дѣлать. Нѣтъ, такихъ оскорбленій нельзя и не должно выносить безропотно; если есть во лбу хоть крошка мозгу! Скорѣй отыщемъ негодя и покажемъ нашу храбрость, какъ нужно отмщать безчестье; отучимъ тѣшиться на нашъ счетъ и безъ должнаго почтенія дѣлать насъ мужьями... мужьями... извѣстно, какими. Потихе, однакожь! Этотъ человѣкъ по виду, кажется, долженъ имѣть кровь нѣсколько горячую и нравъ, я полагаю, даже взбалмошный. Онъ можетъ, пожалуй, прибавлять оскорбленіе къ оскорбленію, похлопотать и около моей спины такъ же, какъ позаботился около моего лба. Отъ души ненавижу людей холерическаго сложенія и чувствую большую привязанность къ людямъ кроткимъ. Я вовсе не такой человѣкъ, чтобы бить другихъ, ибо это кончится тѣмъ, что побьютъ тебя же. Кроткій нравъ — это мой добродѣтель. Но честь мнѣ говорить, что подобныя оскорбленія требуютъ непремѣннаго отмщенія. Боже мой! Оставимъ говорить честь такъ, какъ она хочетъ! Впрочемъ, чортъ поberi и того, кто не думаетъ о ней! Но скажите, милостивая государыня—честь: если я расхрабрюсь и за все удалство негодйяй меня проколетъ, какъ крысу, и по городу пойдетъ шумъ о моихъ похоронахъ... вы развѣ растолсѣете отъ этого? Гробъ былъ всегда постелью меланхолическою и нездоровою для людей, которые боятся колики. Нѣтъ, взвѣсивъ все хорошенько, я, право,

нахожу, что быть рогатымъ все-таки сноснѣе, чѣмъ мертвымъ. Да если разсудить, въ чемъ тутъ несчастіе? Развѣ отъ этого будетъ у меня кривая нога, или не такъ хороша талія? Проклятіе первому, кто выдумалъ возмущать разумъ этими химерами, прицѣпить честь умнѣйшаго изъ мужей къ тому, что дѣлаетъ вѣтреная женщина! Ну, что за безуміе отвѣчать за проступки другихъ? Что жена тамъ себя напакоститъ, все это взваливать на спину мужа! Онѣ будутъ дѣлать глупости, а мы оставаться въ дуракахъ! Это злоупотребленіе — и полицейскіе люди должны поправить его неперемѣнно. Развѣ мы не имѣемъ и безъ того заботъ, неприятностей? То ссора, то процессъ, то голодь, то жажда, то болѣзнь,—нѣтъ, вѣдь этого еще мало: поди, оскорбляйся еще чортъ знаетъ чѣмъ! Посмѣмся же надъ этимъ и попремъ ногами вздохи и слезы! Моя жена прогрышилась—ну, и плачь! Но зачѣмъ мнѣ плакать, когда я невиноватъ? Да и что жъ я за выскочка? Мало ли людей, и получше меня, смотреть, какъ ухаживаютъ за ихъ женами—и помалчиваютъ! Не будемъ заводить ссоры изъ-(за) такой дряни. Меня назовутъ глупцомъ за то, что не отмстилъ, но вѣдь я буду больше дуракъ, когда умру. (*Кладетъ руку на грудь*). Однакожъ, я чувствую, что желчь моя шевелится, подстрекаетъ меня на этакое мужественное дѣяніе. Да, я начинаю приходить въ ярость! Это ужъ слишкомъ — быть трусомъ! Мщеніе! рѣшительно мщеніе! И чтобы еще болѣе укрѣпиться въ ярости, сейчасъ говорю встрѣчному и поперечному самъ, что онъ въ связи съ моей женой. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 18-е.

Горгибусъ, Целія и горничная.

Целія. Да, батюшка, я покоряюсь вашей волѣ: располагайте мною, я готова подписать контрактъ хоть сію минуту.

Горгибусъ. Вотъ это прекрасно! Я такъ радъ, что готовъ танцовать и, право, протанцовалъ бы, если бъ мы были одни, а то осмѣютъ вѣдь старика. Ну, подойди же ко мнѣ, дай мнѣ поцѣловать тебя. Отецъ вѣдь всегда можетъ поцѣловать дочь свою: тутъ нѣтъ никакого соблазна. Удовольствіе, которое ты мнѣ доставила своимъ послушаніемъ, сбросило съ плечъ моихъ, по крайней мѣрѣ, десять лѣтъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 19-е.

Целія и горничная.

Горничная. Скажите, что значитъ эта удивительная пере-
мѣна?

Целія. О, если бъ ты знала, ты похвалила бы меня!

Горничная. Очень можетъ быть.

Целія. Лелій измѣнилъ мнѣ. Онъ былъ здѣсь...

Горничная. Да вотъ и онъ самъ.

ЯВЛЕНИЕ 20-е.

Тѣ же и Лелій.

Лелій. Прежде, чѣмъ я оставлю навсегда этотъ городъ, я
хочу упрекнуть васъ на этомъ самомъ мѣстѣ.

Целія. Какъ? и вы еще такъ дерзки, что рѣшаетесь го-
ворить со мной?

Лелій. О, конечно, я ужасно дерзокъ! Какъ смѣть упре-
кать васъ, когда вашъ выборъ такъ прекрасенъ! Нѣтъ ни
одного упрека. Живите, живите счастливо, презирайте па-
мять обо мнѣ вмѣстѣ съ вашимъ достойнымъ супругомъ.

Целія. Да, вѣроломный, (и) буду счастлива,—буду счаст-
лива тебѣ на зло. И моя величайшая радость, если это тебѣ
доставитъ досаду.

Лелій. Но, скажите, кто возбудилъ вашъ гнѣвъ противъ
меня?

Целія. Какъ? и ты можешь еще разыгрывать роль уди-
вленнаго? спрашивать, что ты сдѣлалъ?

ЯВЛЕНИЕ 21-е.

Тѣ же и Сганарель (*вооруженный съ ногъ до головы*).

Сганарель. Война, смертельная война похитителю, кото-
рый безжалостно ограбилъ нашу честь!

Целія (*показывая Лелію на Сганареля*). Обернись лучше—
вмѣсто отвѣта.

Лелій. А!

Целія. Этотъ предметъ достаточенъ, чтобъ тебя смутить.

Лелій. Но онъ еще болѣе достаточенъ заставитьъ васъ
краснѣть.

Сганарель (*въ сторону*). Я теперь достаточно сердитъ: те-
перь я могу дѣйствовать. Моя храбрость доходитъ до бѣшен-
ства. Только бы съ нимъ встрѣтиться — кровопролитіе, рѣ-

нительно кровопролитіе! Я поклялся убить его, и ничто меня не остановитъ. Смерть, смерть, гдѣ бы я ни отыскалъ его! (*Вытаскивая шпагу до половины, подходитъ къ Лелію*). Нужно, чтобъ я попалъ ему въ самую середину сердца.

Лелій (*оборачиваясь*). Кому это?

Сганарель. Никому.

Лелій. Къ чему же это вооруженіе?

Сганарель. Такъ—отъ дождя. (*Въ сторону*). Ужъ какое же я получу удовольствіе, его убивши! Бодрѣй, бодрѣй!

Лелій (*снова оборачиваясь*). А? чтѣ?

Сганарель. Ничего, ничего. (*Бьетъ себя по щекамъ, чтобы придать себѣ храбрости, и говоритъ про себя*). Да ну же, смѣлѣй! Приободрись, трусь, куриное сердце!

Целія (*Лелію*). И глядя на этого человѣка, вы не узнаете?

Лелій. О, нѣтъ, сознаю ясно, что вы измѣнили мнѣ ужаснѣйшимъ образомъ.

Сганарель (*въ сторону*). Ну, если бы хоть крошечку храбрости!...

Целія. Неблагодарный! и ты еще можешь оскорблять меня такъ жестоко?

Сганарель (*въ сторону*). А! Сганарель, смотри, она за тебя заступается. Да соберись же съ духомъ, мой милый! Будь похрабрѣе—смѣлѣй, смѣлѣй! Коли его великодушно, когда онъ обернется къ тебѣ спиной.

Лелій (*ненамечая сдѣлавъ два или три шага, заставляетъ отступить Сганареля, который хотѣлъ его заколоть*). Если мои слова возбуждаютъ вашъ гнѣвъ, я очень радъ—и отъ души хвалю вашъ выборъ.

Целія. Да, да, мой выборъ такой, котораго никто не можетъ отмѣнить.

Лелій. Прекрасно, и какъ не защищать вамъ его?

Сганарель. Безъ сомнѣнія, прекрасно! Она хорошо дѣлаетъ, что защищаетъ мои права. Такой поступокъ, милостивый государь, совершенно не въ сообразность законамъ. Я имѣю право жаловаться, и если бъ я не былъ такъ благоразуменъ, то не обошлось бы безъ самаго сверхъестественнаго кровопролитія.

Лелій. Это чтѣ такое? Откуда это неумѣстное негодованіе?

Сганарель. Довольно! Вы знаете, въ какомъ мѣстѣ у меня болятъ. По совѣсти и для спасенія души вы должны со-

знаться, что моя жена — моя жена, и ваша претензія сдѣлать ее въ моихъ глазахъ вашимъ достояніемъ—вовсе не христіанская.

Лелій. Такое подозрѣніе и подло, и смѣшно. На этотъ счетъ вы можете быть совершенно покойны: я знаю, что она ваша, и вмѣсто того, чтобъ такъ сердиться...

Целія. А, измѣнникъ, какъ ты хорошо умѣешь притворяться!

Лелій. Такъ вы подозрѣваете, что я замышлялъ на честь этого господина? Я не думалъ, чтобы вы могли такъ дурно обо мнѣ думать.

Целія. Поговори, поговори съ нимъ самимъ: онъ объяснить тебѣ.

Сганарель (*Целіи*). Нѣтъ, для чего же? Вы защищаете меня лучше, чѣмъ я самъ; продолжайте, продолжайте; я вамъ очень благодаренъ.

ЯВЛЕНІЕ 22-е.

Тѣ же и жена Сганареля.

Жена Сганареля. Я не хочу, сударыня, ревновать къ вамъ, однакожъ, и не такъ простодушна, чтобы не видѣть, что здѣсь дѣлается. Замѣчу только, что вы могли бы заняться чѣмъ-нибудь получше, а не отнимать у меня сердца, которое мнѣ одной принадлежить.

Целія. Объясненіе довольно замысловатое.

Сганарель (*женѣ*). Ну, кто тебя здѣсь спрашиваетъ? Пришла съ ней браниться, тогда какъ она меня защищаетъ! Испугалась, чтобъ у тебя не отняли любовника.

Целія. Полноте, не воображайте, чтобъ кто-нибудь вамъ завидовалъ. (*Лелію*.) Ну, что же, права я? Неужели и теперь вы станете притворяться? О, какъ я рада!

Лелій. Что все это значить?

Горничная. Право, не знаю, когда кончится вся эта путаница. Слушаю, слушаю — и ничего не понимаю. Видно, придется мнѣ вмѣшаться. (*Становится между Леліемъ и Целіею*.) Позвольте мнѣ сдѣлать вамъ нѣсколько вопросовъ; но только не перебивайте. (*Лелію*.) Въ чемъ упрекаете вы мою барышню?

Лелій. Въ томъ, что она измѣнила мнѣ. Услышавъ о ея несчастномъ сговорѣ, я лечу къ ней, полный любви, не думая, чтобы она меня забыла,—и нахожу ее замужемъ.

Горничная. Замужемъ? Да за кѣмъ же?

Лелій (*показывая на Сганареля*). За нимъ.

Горничная. Какъ—за нимъ?

Лелій. Да, за нимъ.

Горничная. Кто жъ вамъ это сказалъ?

Лелій. Онъ самъ сегодня.

Горничная (*Сганарелю*). Въ самомъ дѣлѣ?

Сганарель. Я? Я ему сказалъ, что я женатъ на моей женѣ.

Лелій. Да вы давеча въ ужасномъ волненіи смотрѣли на мой портретъ.

Сганарель. Правда; вотъ онъ.

Лелій (*Сганарелю*). Вы мнѣ сказали, что женаты на той, у которой взяли этотъ портретъ.

Сганарель (*показывая на свою жену*). Совершенная правда, и если бъ я не вырвалъ его у ней изъ рукъ, никогда не открылъ бы преступленія.

Жена Сганареля. Помилуй, что жъ тутъ за преступленіе? Я нашла его здѣсь, и даже не узнала по немъ этого господина (*показывая на Лелія*), когда впустила его больного къ намъ въ домъ, послѣ того, какъ ты взбѣсился на меня, Богъ знаетъ за что.

Целія. Да это я всему виною: я уронила его, когда упала въ обморокъ.

Горничная. Видите, безъ меня вы бы и теперь были въ обморокѣ; все моя чемерница!

Сганарель. Что жъ въ самомъ дѣлѣ, такъ, стало-быть, все это вздоръ? Однакожъ, этотъ вздоръ заставилъ меня попотѣть порядкомъ.

Жена Сганареля. Все хорошо, однакожъ я все-таки не совсѣмъ тебѣ вѣрю.

Сганарель (*женѣ*). Ну, полно же, мой ангелъ, оставимъ всѣ эти вздоры. Вѣдь все-таки я рисковалъ больше, чѣмъ ты! Ну, ланку!

Жена Сганареля. Пожалуй; но смотри, если я что-нибудь узнаю!

Целія (*Лелію, поговоривъ съ нимъ потихоньку*). Боже мой! если такъ, что жъ это я надѣлала? Я думала, что вы мнѣ измѣнили, и чтобъ отомстить, общалась отдать руку ненавистному Валерію. Что теперь дѣлать? Вотъ и напенька!

Лелій. Онъ сдержитъ данное мнѣ слово.

ЯВЛЕНИЕ 23-е.

Тѣ же и Горгибусъ.

Лелій. Милостивый государь! я возвратился съ тою жъ пламенной любовью къ вашей прелестной дочери и надѣюсь, что вы не измѣните вашему слову и, наконецъ, согласитесь соединить насъ.

Горгибусъ. Милостивый государь, возвратившійся съ тою же пламенной любовью къ моей дочери и обольщающій себя напрасною надеждою къ соединенію съ ней! честь имѣю пребыть вашимъ покорнѣйшимъ слугой.

Лелій. Что это значить, милостивый государь? Вы отказываетесь?

Горгибусъ. Точно такъ, милостивый государь: такъ исполняя свой долгъ, и дочь моя повинуется...

Целія. Обязанности исполнить, батюшка, данное вами обѣщаніе.

Горгибусъ. Какъ? это что за новая перемѣна? Давно ли ты соглашалась выйти за Валера, а теперь... Но вотъ отецъ его! Онъ, вѣрно, спѣшитъ кончить дѣло.

ЯВЛЕНИЕ 24-е.

Прежніе и Виллебрекенъ.

Горгибусъ. Ну, что скажете, любезнѣйшій Виллебрекенъ?

Виллебрекенъ. Чрезвычайная оказія! Я долженъ нарушить наше условіе. Нынѣ я узналъ, что мой сынъ уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ женатъ, и я пришелъ...

Горгибусъ. Довольно! И я долженъ вамъ открыть, что я давно уже общалъ руку моей дочери г. Лелію, котораго при семъ случаѣ честь имѣю представить.

Виллебрекенъ. Очень, очень радъ.

Лелій. О, какъ я счастливъ!

Горгибусъ. Ну, пойдемъ же и назначимъ день свадьбы. *(Всѣ уходятъ, кромѣ Станареля).*

Станарель *(одинъ)*. Ну, скажите пожалуйста, случилось ли кому-нибудь изъ васъ быть, подобно мнѣ, въ такой твердой увѣренности, что голова ваша увѣнчана украшеніемъ, ей-Богу, совѣмъ нелестнымъ? Однакожь, вы видѣли сами, что самыя ужасныя видимости часто обманываютъ. Припомните же иногда этотъ случай и, если увидите что — не вѣрьте! Право, не вѣрьте!

ДЯДЬКА

ВЪ ЗАТРУДНИТЕЛЬНОМЪ ПОЛОЖЕНІИ.

Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ Джіованни Жиро.

Переведена съ итальянскаго подъ редакціею Н. В. ГОГОЛЯ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Маркизь Джуліо Антиквати.

Маркизь Энрико, его сынъ.

Госпожа Джильда Онорати, жена Энрико.

Бернардино, грудной ребенокъ, ихъ сынъ.

Маркизь Пиппетто, второй сынъ Джуліо.

Донъ Грегоріо Кордебоно, дядька, гувернеръ въ домѣ маркиза.

Леонарда, старая служанка.

Симонъ, слуга маркиза.

Дѣйствіе въ Римѣ въ домѣ маркиза.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Комната со многими дверями.

Маркизь Джуліо и Леонарда.

Маркизь. Оставя всю эту болтовню въ сторону, — сказала ли ты донъ Грегоріо, что я хочу съ нимъ поговорить?

Леонарда. Да, сударь.

Маркизь. Ну, и довольно; вотъ и все.

Леонарда. Но такъ какъ онъ до сихъ поръ нейдетъ, то я хотѣла... потому что вы думаете, что я...

Маркизь. Придетъ, придетъ.

Леонарда. Мнѣ кажется, однакожъ, что это пренебреженіе со стороны дядьки—заставлять себя дожидаться тогда, какъ самъ господинъ дома зоветъ его.

Маркизь. Пожалуйста, объ этомъ не заботься. Ты славная женщина; но не хочешь, вотъ во все время, что ни живешь въ моемъ домѣ, бросить прескверную привычку—болтать и мѣшаться не въ свои дѣла.

Леонарда. Что до меня, то я... Можетъ быть, вы воображаете... Напротивъ, я говорю такъ, какъ... а впрочемъ...

Маркизь. Довольно! Ступай, тебѣ говорю.

Леонарда. Слушаю. (*Про себя.*) Это донъ Грегорио поссорилъ его со мною, и такимъ образомъ, что я не замѣтила когда, и ничего не могла этого предвидѣть... Но я постарѣе его... то есть, я хотѣла сказать: я похитрѣе его. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Маркизь и донъ Грегорио.

Маркизь. Дай только этой женщинѣ волю, не перестанетъ вѣчно болтать, ворча то на одного, то на другого.

Донъ Грегорио. Извините, маркизь, что замедлилъ: письмо, которое...

Маркизь. Помилуйте, донъ Грегорио, напротивъ, простите меня, что васъ побеспокоилъ. Я къ вамъ имѣю нужду, любезнѣйшій донъ Грегорио.

Донъ Грегорио. Приказывайте, маркизь.

Маркизь. Признаюсь, меня смущала всегда ипохондрія, овладѣвшая съ недавняго времени сыномъ моимъ Энрико; но сегодня, когда онъ вошелъ ко мнѣ сказать добраго утра, онъ показался мнѣ въ такомъ положеніи, какъ и никогда не видалъ... Я за него боюсь.

Донъ Грегорио. И на это вы имѣете полную причину.

Маркизь. Почему?

Донъ Грегорио. Почему!

Маркизь. Я не могу этого себѣ представить.

Донъ Грегорио. И я также.

Маркизь. Онъ говоритъ, что совершенно здоровъ; докторъ утверждаетъ тоже, что у него нѣтъ лихорадки.

Донъ Грегорио. Это такъ.

Маркизь. Если бы, положимъ, за мальчикомъ меньше было смотрѣнія, какъ бы въ домѣ моемъ меньше было строгости, я бы могъ подозрѣвать; но съ моей системой...

Донъ Грегоріо. Вы меня извините, маркизь, но насчетъ этого я вамъ скажу то, что уже сто разъ повторялъ. Вы называете мальчиками вашихъ двухъ сыновей, а между тѣмъ маркизу Энрико уже двадцать пять лѣтъ, а вашему Пиппетто исполнилось девятнадцать.

Маркизь. Хорошо, но какое же отсюда вліяніе можетъ быть на здоровье?

Донъ Грегоріо. Сказать вамъ откровенно, я думаю, что молодой человекъ впалъ въ ипохондрію, видя себя въ такіа лѣта содержамаго съ такою строгостію. Не доставить ему ни разу случая быть на балѣ, въ театрѣ, ни разу не поговорить съ женщинами...

Маркизь. Охъ, не говорите мнѣ о женщинахъ!

Донъ Грегоріо. Ни разу не позволили ему, такъ сказать, высунуть носа изъ дому.

Маркизь. Это не отъ того. Къ тому жъ вы знаете мой образъ мыслей. Молодые люди, пока не достигнутъ по крайней мѣрѣ двадцати пяти лѣтъ, не должны знать ничего другого, кромѣ своего дома и учебныхъ занятій. (*Начиная горячиться.*) Боже сохрани, если бы я замѣтилъ въ нихъ какой-нибудь свѣтскій капризъ или свѣтскую потребность! Вы понимаете меня?

Донъ Грегоріо. Успокойтесь! Десять лѣтъ я живу въ вашемъ домѣ, не беру за это никакого жалованья и только изъ дружбы принялъ на себя эту должность. Если донинѣ сохраняю званіе дядьки вашихъ сыновей, то единственно изъ любви къ нимъ. Вы должны быть послѣ этого твердо увѣрены во мнѣ.

Маркизь. Такъ, но ваши правила...

Донъ Грегоріо. Дѣлайте, что вамъ угодно. Хотите держать вашихъ сыновей въ тюрьмѣ, держите; но будьте увѣрены, что сыновья поступятъ такъ, какъ собака, которая, если на свободѣ и не привязана, ходитъ, обнюхиваетъ, узнаетъ, бѣгаетъ осторожно, словомъ — дѣлаетъ все, какъ слѣдуетъ; но будучи содержана вѣчно на цѣпи — посчастливится ей только когда-нибудь сорваться съ этой цѣпи: мечется, ворчитъ, кусается и, если попадетъ въ какую на-

возную кучу, то вымается въ ней хуже всякой другой собаки.

Маркизь. Вы человѣкъ, который хочетъ словамъ дать болѣе силы, чѣмъ разсудку, и придерживаетесь нынѣшнихъ правилъ. Я такъ воспитанъ и хочу, чтобъ такъ же воспитывались мои дѣти.

Донъ Грегорио. Итакъ, не жалуйтесь, если одинъ изъ нихъ погибнетъ, а другой, одаренный и безъ того не щедро природою, останется дуракомъ, не будучи въ состояніи отличить солнца отъ луны.

Маркизь. При всемъ томъ, вы меня никогда не увѣрите, чтобъ это была единственная причина болѣзни Энрико. Донъ Грегорио, вы должны всячески узнать это дѣло. Это правда, что я его нѣсколько отталкиваю отъ себя своею строгостью, и онъ, натурально, не будетъ со мною такъ откровененъ, какъ съ вами. Я васъ прошу, займитесь серьезно этимъ. Съ недавняго времени Энрико больше, нежели когда-либо, разстроено.

Донъ Грегорио. Будьте спокойны, маркизь. Употреблю всѣ средства, чтобъ узнать, есть ли какая другая неизвѣстная причина. Но до сихъ поръ...

Маркизь. Я поручаю себя вамъ, донъ Грегорио. Теперь я ухожу изъ дому отдать визитъ министру. Статься можетъ, что я долженъ буду остаться тамъ обѣдать. И потому, если къ тремъ часамъ не возвращусь, можете садиться за столъ безъ меня.

Донъ Грегорио. Очень хорошо.

Маркизь. Вамъ поручаю это дѣло, какъ самое близкое моему сердцу. (*Уходитъ*).

Донъ Грегорио (одинъ). Какое упрямое убѣжденіе имѣютъ эти старикашки съ своими деревянными головами! Держать молодыхъ людей взаперти половину жизни! И вѣдь для чего? Именно съ тѣмъ, чтобы послѣ, какъ выйдутъ въ свѣтъ безъ малѣйшаго познанія свѣта, ихъ одурачилъ первый, какой попадется, мошенникъ, или поддѣла первая плутовка. Положеніе, однакожъ, маркиза Энрико внушаетъ состраданіе. Но успѣю ли я открыть?.. По крайней мѣрѣ постараюсь... А между тѣмъ узнаемъ, чтѣ дѣлаетъ нашъ дурачокъ. (*Кличетъ*). Пиппетто! Маркизь Пиппетто!

ЯВЛЕНИЕ III.

Донъ Грегорио и маркизь Пиппетто.

Пиппетто. Что вамъ угодно, донъ Грегорио?

Донъ Грегорио. Изъ какой комнаты вы теперь пришли?

Пиппетто. Я былъ у Леонарды.

Донъ Грегорио. За какимъ дѣломъ?

Пиппетто. Она мнѣ показывала, какъ метать петли и шить.

Донъ Грегорио. Ну, къ чему вамъ можетъ послужить это?

Пиппетто. Всѣ науки полезны.

Донъ Грегорио (*въ сторону*). Наука шить! Бѣдныя попеченія, брошенные на вѣтеръ! И отецъ воображаетъ, что голова этого сорта въ двадцать пять лѣтъ годна занять роль въ обществѣ.

Пиппетто. Чтѣ вамъ угодно отъ меня?

Донъ Грегорио. Скажите, хотите ли идти со мной прогуливаться?

Пиппетто. Извините, мнѣ теперь не хочется.

Донъ Грегорио. Ну, оставайтесь. Только не будьте такъ часто съ служителями: говоря все съ Леонардой и съ лакеями, вы уже успѣли научиться такимъ словамъ и фразамъ—онѣ ужъ чересчуръ тривіальны.

Пиппетто. Но съ кѣмъ же вы хотите, чтобъ я говорилъ, если я никого другого не вижу?..

Донъ Грегорио (*про себя*). Вотъ то самое, что я говорю всегда маркизу. (*Къ Пиппетто*). Ну, довольно. По крайней мѣрѣ старайтесь подражать разговору вашего отца, учителей, а не слугъ.

Пиппетто. Постараюсь. Впрочемъ, Леонарда, мнѣ кажется, говорить недурно.

Донъ Грегорио. Это правда, что въ эти годы пора бы ей уже выучиться.

Пиппетто (*про себя*). А мнѣ она совсѣмъ не кажется стара.

Донъ Грегорио. А между прочимъ потрудитесь сказать Энрико, не хочетъ ли идти изъ дому; я черезъ минуту буду здѣсь: зайду только къ себѣ запечатать кое-какія письма и сейчасъ возвращусь. (*Про себя*). Тупоуміе этого молодца, положеніе Энрико, упрямство стараго маркиза заставляютъ меня просто потерять голову! (*Уходитъ*).

Пиппетто. Теперь я вижу, что Леонарда говоритъ правду,

что донъ Грегорио сдѣлался ея врагомъ. Выходить тоже правда, что онъ покушался соблазнить ея невинность. Гадкій старичишка! Нужно позвать брата, чтобъ сказать, не хочетъ ли онъ идти. (*Ключетъ*). Энрико! Энрико!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Энрико и Пиппетто.

Энрико (*за сценой*). Что тебѣ нужно?

Пиппетто. Слушай!

Энрико (*за сценой*). Да что тебѣ нужно, говори!

Пиппетто. Ступай сюда и ты услышишь.

Энрико (*за сценой*). Какъ ты несносенъ! (*Входя*). Ну, что?

Пиппетто. О, какъ ты не въ духѣ сегодня!

Энрико. Оставь меня въ покоѣ!

Пиппетто. Донъ Грегорио говоритъ, не хочешь ли идти изъ дома. Онъ сейчасъ придетъ, чтобъ идти съ тобой.

Энрико. Нѣтъ.

Пиппетто. Ну, такъ останься покамѣстъ здѣсь и, если донъ Грегорио возвратится, скажи, что хочешь остаться дома.

Энрико (*съ поникшими глазами*). Хорошо.

Пиппетто. Но отчего ты всегда такъ печаленъ? Знаешь, что я тебѣ скажу? Если будешь ты такъ продолжать, то скоро умрешь.

Энрико (*хладнокровно*). Правда.

Пиппетто. Берегись: когда умрешь, это тебѣ будетъ очень непріятно. Дѣлай потомъ себѣ, что хочешь. (*Про себя*). Пойду къ Леонардѣ, которая теперь меня ожидаетъ, и скажу ей, что донъ Грегорио сказалъ, что она старуха. Но съ которой стороны онъ ни заходи и какія ни пробуй дороги, а Леонардушка во всякомъ случаѣ любить только своего Пиппетто. (*Уходитъ*).

Энрико (*одинъ*). Я теперь въ рѣшительномъ отчаяніи. Нѣтъ никакихъ средствъ! Суровый характеръ моего отца... Тогда, какъ онъ воображаетъ, что я никогда не выходилъ изъ дому — и быть принуждену признаться, что я имѣю жену! При одной мысли объ этомъ, морозъ обхватываетъ меня. Правда, что званія почти равны, что качества душевныя достойны всякаго уваженія, что я не могъ бы желать больше... но характеръ, характеръ отца моего, его

неукротимый характеръ... его система... Я трепещу при одномъ взглядѣ на свое положеніе. Пока еще было можно хранить тайну, сердце мое успокоивалось разнообразными льстивыми мечтами; но теперь, когда все должно непремѣнно открыться,—теперь, когда Джильда не имѣетъ никого у себя, кромѣ меня, когда я... О, какая мука! какъ свирѣпо мое горе! (*Печаль сильными чертами выражается на лицѣ его*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Энрико и донъ Грегорио.

Донъ Грегорио (*про себя*). Вотъ онъ въ своемъ обыкновенномъ положеніи. Бѣдный молодой человекъ! Онъ возбуждаетъ слишкомъ мое состраданіе. (*Къ нему*). Маркизь!

Энрико. Господинъ донъ Грегорио!

Донъ Грегорио. Хотите сдѣлать небольшую прогулку?

Энрико. Ахъ, увольте меня отъ нея, я васъ прошу.

Донъ Грегорио. Какъ хотите. Я вижу, что вы нѣсколько взволнованы.

Энрико. Ахъ!.. Не сомнѣвайтесь, донъ Грегорио... (*Слезы льются изъ глазъ его*).

Донъ Грегорио. Что вы говорите? Изъ глазъ вашихъ падаютъ слезы, какъ капли дождя. Сынъ мой милый! къ чему послужить скрывать? Въ душѣ вашей есть горе, убивающее ваше здоровье. Энрико мой милый, мой прекрасный Энрико! бросься въ объятія твоего Грегорио! Не стыдись обнаружить тайную причину, ввергающую тебя въ это несчастное состояніе. Сердце мое открыто для тебя. Въ эту минуту я не дядька твой, я твой нѣжный другъ. Клянусь сохранить свято тайну и обещаю тебѣ всякую помощь, какъ отецъ самый нѣжнѣйшій, который прижимаетъ тебя къ груди своей. (*Обнимая его, про себя*). Если не подвигнется отъ этихъ словъ, то больше ничѣмъ не подвигнется.

Энрико. Донъ Грегорио, вы клянетесь?..

Донъ Грегорио (*съ стороны*). А! вотъ наконецъ поддается! (*Къ нему*). Да, мой Энрико!

Энрико. Ахъ, вы видите, въ какое положеніе я приведенъ!

Донъ Грегорио. Несчастный! Вы исхудали, вы сдѣлались блѣдны.

Энрико. Я не ѣмъ... я терплю... я мучусь... ночью сны мои... Ахъ! я слишкомъ заслуживаю состраданья; но вы, донъ Грегорио, вы не можете пособить моему горю.

Донъ Грегорио. Да, да, есть средства пособить всякому горю. Подойдите ко мнѣ, скажите, исповѣдайтесь, откройтесь — донъ Грегорио запечатаетъ уста свои; слова ваши останутся окаменѣвшими въ ушахъ его. Скажите, скажите мнѣ: какого рода ваше горе? какая причина произвела болѣзнь вашу?

Энрико. Донъ Грегорио, горе... Нѣтъ, у меня недостаетъ присутствія духа! Моя болѣзнь... Боже! гдѣ я? О, женщины! женщины!

Донъ Грегорио. Женщины! какъ? (*Хвативши себя руками по лбу*). О, несчастный малый! И какъ это возможно?.. Не выходявши никогда изъ дому?.. Чтò, вы влюблены? а? Ну, что такое вамъ приключилось?

Энрико. Донъ Грегорио, молчите, ради самого Неба!.. Я въ вашихъ рукахъ... Да, вы можете вообразить... Женщина привела меня въ то состоянiе, въ какомъ меня видите.

Донъ Грегорио. О, мошенница!.. Потъ проступилъ на лицѣ моемъ... я внѣ себя.. Сынъ мой, объяснитесь!

Энрико. О, Боже! я не нахожу словъ... Дайте мнѣ минуту времени... стыдъ... Отецъ мой гдѣ?

Донъ Грегорио. Отецъ вашъ вышелъ. Не бойтесь, онъ, можетъ-быть, не возвратится и къ обѣду.

Энрико (*весь озъ волненiи*). Тòчно ли такъ?

Донъ Грегорио. Въ этомъ я могу васъ увѣрить.

Энрико. Итакъ... (*въ размысленiи, потомъ про себя*). Вотъ наконецъ минута! (*Вслухъ*). Вы клянетесь помочь мнѣ?

Донъ Грегорио. Да, отъ всего моего сердца.

Энрико. Хорошо. Итакъ, теперь... (*Въ мучительной не-
тъши-мостии*). Небо, дай мнѣ силы!.. Рѣшусь... Я вамъ покажу все.

Донъ Грегорио. Да, да, сынъ мой!

Энрико. Заприте эту дверь, чтобы Пиппетто и Леонарда не могли войти сюда... Слуга, который теперь въ столовой — ради Бога ушлите его куда-нибудь изъ дому...

Донъ Грегорио. Да, Энрико; все сдѣлаю, чтò тебѣ хочется.

Здѣсь мы запремъ. (*Занираетъ дверь*). Отправляю за какимъ-нибудь дѣломъ слугу. Смѣлѣе, смѣлѣе, Энрико!

Энрико. Сейчасъ... Иду... Увидите все... Вы подвигнетесь участіемъ... Боже, не оставь меня въ эту сильную минуту! (*Уходитъ въ свою комнату*).

Донъ Грегорио. Бѣдный мальчикъ!.. Никакъ не могу объяснить... Разбойница! (*Кличетъ*). Симонъ!.. Постѣ такого бдительнаго надзора.. Но что я говорю! Все бесполезно!.. Симонъ!.. Но какимъ образомъ?.. Кто-нибудь долженъ помогать ему... Симонъ! Симонъ! Симонъ!

ЯВЛЕНИЕ VI.

Симонъ и донъ Грегорио.

Симонъ. Что прикажете?

Донъ Грегорио. Ступай на почту, узнай, нѣтъ ли мнѣ писемъ...

Симонъ. Я ужъ былъ тамъ; писемъ вамъ нѣтъ никакихъ.

Донъ Грегорио (*въ сторону*). Чортъ возьми! (*Ему*). Сходилъ бы ты, между прочимъ, къ книгопродавцу: не переплелъ ли онъ мнѣ тѣ два тома, которые я ему говорилъ.

Симонъ. Да, сударь; онъ уже ихъ принесъ; я ихъ положилъ на столъ въ вашей комнатѣ.

Донъ Грегорио (*въ сторону*). Прошу покорно! Смотрите, нарочно какъ этотъ бестія—дьяволъ всюду тычетъ хвостъ свой! (*Ему*). Хорошо; такъ какъ ты теперь ничѣмъ не занятъ, то сходи къ цырюльнику и приведи его сюда: я хочу побриться.

Симонъ. Очень хорошо (*готовясь идти*).

Донъ Грегорио (*въ сторону*). Недостаетъ только, чтобъ онъ сказалъ, что я уже брился.

Симонъ (*возвращаясь*). Вѣдь я и позабылъ, что сегодня всѣ лавки закрыты: у цырюльниковъ праздникъ.

Донъ Грегорио (*въ сторону*). Тьфу ты, сатана!.. (*Плюетъ*). Очень хорошо. (*Въ сторону*). Сегодня черный день! (*Къ Симону*). Ступай за мною въ мою комнату, я тебѣ дамъ отнести на почту кое-какія письма.

Симонъ. Какъ прикажете.

Донъ Грегорио (*въ сторону*). Слава Богу! Я ужъ думалъ что почтовый ящикъ, куда бросаютъ письма, закрытъ. Бѣдъ

ный мальчик! Какъ только подумаю объ этомъ, хочется плакать. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ VII.

Энрико и потомъ Джильда.

Энрико. Правосудное Небо, помоги мнѣ въ этомъ смѣломъ предпріятіи! Ахъ, если бы никто не увидалъ ее! Бѣденъка! Едва только я подаль изъ окна знакъ ей прійти сюда, мнѣ показалось, что она сама воодушевилась смѣлостью необыкновенною: вскочила со стула, отняла отъ груди бѣднаго ребенка... (*Слышенъ легкій шорохъ шаговъ*). Она уже тутъ, а между тѣмъ слуга еще... (*Дрожитъ*).

Джильда (*на цыпочкахъ*). Энрико, я здѣсь. Такъ ли? Ты этого хотѣлъ?

Энрико. Ты никого не встрѣтила?

Джильда. Нѣтъ.

Энрико. Отдыхаю.

Джильда. Чтò новаго? Чтò ты хочешь дѣлать? Безопасны ли мы здѣсь?

Энрико. Смѣлѣе, моя милая Джильда! Тебѣ предстоитъ важное дѣло.

Джильда. Энрико мой драгоцѣнный! все, чтò хочешь,— все сдѣлаешь твоя Джильда.

Энрико. Слушай. За нѣсколько минутъ предъ симъ обняло меня отчаяніе, какъ вдругъ дядька, увидя меня въ слезахъ, съ помощію убѣжденій своихъ, заставилъ ему открыть причину несчастнаго моего положенія. Я отчасти кое-что уже сказалъ, но не имѣлъ еще духу открыть ему, что мы супруги. Ты знаешь, что, когда я долженъ наконецъ выговорить нѣкоторыя слова, уста мои запираются. И потому, чтобъ довершить это дѣло, мнѣ внушило Само Небо, теперь, когда отецъ мой ушелъ со двора, призвать тебя сюда,—тебя, которая обладаешь такою силою и разумомъ рѣчей, чтобы отвѣчать на все то, чтò будетъ говорить донъ Грегоріо, услыша подобныя вещи.

Джильда. Сдѣлаю все, чтò только могу. Ты знаешь, что я, какъ только чувствую, что недостаетъ у меня словъ, въ ту жъ минуту пускаю въ дѣло страницу изъ романа, который читала. Я тебя, однакожъ, предупреждаю, что этотъ

твой дядька имѣть наружность, которая не предвѣщаетъ хорошаго.

Энрико. Ты обманываешься; у донъ Грегорио не дурное сердце.

Джильда. Джильда станетъ дѣлать все, что ты прикажешь.

Энрико. Какъ ты добра! Какъ я люблю тебя! Твой характеръ уже есть мое оправданье.

Джильда. Когда же я увижу его, этого донъ Грегорио?

Энрико. Вотъ онъ.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Тѣ же и донъ Грегорио.

Донъ Грегорио (*остолбенѣвши отъ изумленія при видѣ женщины, про себя*). Чортъ побери! Что я вижу!

Энрико. Донъ Грегорио, вотъ она.

Донъ Грегорио. Возможно ли? Вы?

Джильда. Ахъ, сударь!

Донъ Грегорио. Или я обманываюсь, или вы та дѣвица, что живетъ противъ нашего дома, со стороны, обращенной въ переулокъ?

Джильда. Такъ точно.

Донъ Грегорио. Дочь полковника...

Джильда. Таллемани.

Донъ Грегорио. Который, сказывали, умеръ въ послѣднюю войну?

Джильда. Къ несчастію.

Донъ Грегорио. И вы привели въ такое состояніе...

Джильда. Да, я не отрицаюсь: я привела въ такое состояніе моего Энрико.

Донъ Грегорио. Тише, тише; что вы говорите?... Стыдитесь, стыдитесь!

Энрико. Донъ Грегорию, не начинайте упреками!

Донъ Грегорио. Но какъ это?... какъ это?... (*Въ сторону*). Теряю голову! (*Вслухъ*). Какъ вы дѣлали, чтобъ между собою видѣться?

Джильда. Скажи ему, какъ мы дѣлали.

Энрико. Нѣтъ, Джильда, скажи ты. Что? или ты потеряла свое присутствіе духа?

Донъ Грегорио (*про себя, въ величайшемъ безпокойствіи и неръзительности*). Я дурью, вотъ просто чувствую, что

дурью... Кто бы могъ это подумать? (*Бслухъ*). Но объясните, говорите!

Джилда. Итакъ, знайте же, что по отъѣздѣ бѣднаго отца моего, мать моя содержала меня подѣ строжайшимъ надзоромъ. Энрико, какъ вы знаете, тоже...

Донъ Грегорио. О! что до него, то ему невозможно было отлучиться изъ дому.

Джилда. Хорошо. И такъ, мы стояли у оконъ, которые, какъ нарочно, были одно противъ другого. Энрико смотрѣлъ на меня, я смотрѣла на него; онъ смѣялся, и я смѣялась; онъ мнѣ дѣлалъ знаки, я ему отвѣчала на это другими... Сегодня смѣялся, завтра дѣлалъ знаки, послѣ завтра вздыхалъ, такъ что наконецъ...

Донъ Грегорио. Такъ что, наконецъ, вамъ удалось?..

Джилда. Да, наконецъ, удалось. Но знаете ли, сколько времени прошло, пока посчастливилось намъ въ первый разъ поговорить?

Энрико. Да, прошло очень много времени.

Донъ Грегорио (*про себя*). Я ничего не понимаю. Я не въ своей тарелкѣ. Я чортъ знаетъ гдѣ!

Джилда. Наконецъ, въ одну ночь удалось Энрико ускользнуть изъ дома и взлѣзть на нашу лѣстницу. Я тремя вязальными спицами, связанными вмѣстѣ, поворотила пружинку въ замкѣ дверей нашего дома. Онъ вошелъ, тренера, и я, дрожа всѣмъ тѣломъ, заперла его.

Донъ Грегорио. Правосудный Боже! Что слышу! Я умираю.

Джилда. Едва только переступилъ Энрико порогъ моей комнаты (*показывая рукою*)—онъ стоялъ здѣсь, а я здѣсь,—какъ вдругъ показалась моя мать: вскрикнула, увидѣвши насъ, и бросилась на меня; но потомъ вдругъ остановилась и обратилась къ Энрико, не зная сама, на кого перваго излить гнѣвъ свой. Находясь такимъ образомъ между изумленіемъ и негодованіемъ, она подверглась вдругъ сильнымъ конвульсіямъ и упала безъ чувствъ...

Донъ Грегорио. Ну, далѣе...

Джилда. Произнося со страху безсвязные звуки, я вцѣпилась за ея, пораженную отчаяніемъ, шею; рыдая, Энрико бросился къ ея ногамъ. На крикъ нашъ приближала старая служанка, и мать пришла въ себя... Чтобы загладить безразсудный шагъ, чтобы спасти честь мою, было только одно

средство; Энрико предложилъ его, я его приняла, а мать благословила его.

Донъ Грегорио (*со страхомъ*). Какъ!

Джилда. Мы дали другъ другу руки, какъ супруги, и, день послѣ, былъ освященъ и утвержденъ тайно союзъ нашъ.

Донъ Грегорио (*крича*). Что вы говорите? Супруги! Супруги? Вправду? Безъ согласія отца! Такъ вотъ ваше несчастіе! Я думалъ просто какое-нибудь несчастіе въ любовныхъ дѣлшкахъ... (*Въ отчаяніи*). Идите прочь! Пусть дѣлаетъ отецъ вашъ, что хочетъ!.. Онъ васъ убьетъ! Я васъ оставляю...

Энрико. Донъ Грегорио, дѣло уже сдѣлано.

Джилда. Даже слишкомъ—нѣтъ никакого средства исправить.

Донъ Грегорио. Не говорите мнѣ, не говорите... я ничего не знаю... Безчестные! измѣнить мнѣ... (*Въ ярости*). Но какъ ты сдѣлалъ, какъ ты могъ выйти изъ дому?

Энрико. Бастиано, слуга, который мѣсяца два назадъ тому умеръ, помогалъ мнѣ и заказалъ мнѣ поддѣльный ключъ...

Донъ Грегорио (*въ гнѣвъ*). Недостойные, недостойные! (*обращаясь къ Джильдѣ*). А ты какъ сдѣлала, что онъ влюбился въ тебя?

Джилда. Какъ дѣлаютъ всѣ другія.

Донъ Грегорио (*въ гнѣвъ*). Предательница! предательница! (*Въ отчаяніи*). Но точно ли законно ваше соединеніе?

Энрико. Сдѣлано въ присутствіи нотариуса.

Джилда. И свидѣтелей.

Энрико. Узаконено и скрѣплено.

Джилда. По всѣмъ формамъ.

Донъ Грегорио. Я не знаю, гдѣ я нахожусь... Маркизь умеръ отъ печали. Здѣсь ничего нельзя поправить. Я не могу помочь вамъ; ступайте, отправляйтесь! Сколько времени, какъ вы супруги?

Джилда. Одинъ годъ.

Донъ Грегорио. И въ продолженіе одного года...

Джилда. Мы доставили себѣ одного сына.

Донъ Грегорио (*вскрикиваетъ*). Сына!

Энрико. Одного только, душенька Донъ Грегорио.

Донъ Грегорио. Оставьте меня въ покоѣ, дайте мнѣ уда-

литься; оставайтесь, бѣгите, дѣлайте, что хотите — я васъ предаю гнѣву вашего отца и его ярости. (*Готовъ уйти*).

Джилда. Какъ!

Энрико (*удерживая его за платье*). Ради самого Неба!

Донъ Грегоріо (*вырываясь*). Нѣтъ! Нѣтъ! Здѣсь нѣтъ жалости.

Джилда. Когда такъ, оставь его, Энрико. Оставь этого человѣка съ сердцемъ тирана. Я тебѣ говорила, что мнѣ не предвѣщала ничего другого его наружность.

Донъ Грегоріо (*останавливаясь*). Какъ! Что вы говорите? Я тиранъ?

Джилда. Да, вы тиранъ и вѣчно останетесь имъ; и, какъ кажется, вы этимъ довольны. Сердца наши связаны между собою союзомъ священнымъ, союзомъ чести, союзомъ законовъ и тысячами тысячъ другихъ нѣжнѣйшихъ отношеній, союзами страсти и клятвъ переплетены и вмѣщены одно въ другое и сжаты тѣсно. Отрѣшить наши сердца одно отъ другого нельзя, какъ развѣ изрубивши на части одно изъ нихъ или раздробивши оба. Вы насытитесь, сколько желается душѣ вашей, кровью и слезами; объ одномъ только молю васъ: насыщайтесь, сколько хотите, стenanьями и муками моими, но спасите моего Энрико отъ ярости суроваго отца. Если я была причиною несчастія этой фамиліи, отомстите и обрушьте все на несчастную Джилду, но да будетъ прощень мой Энрико! За эту цѣну я согласна нигдѣ скитаться бѣглянкой, изгнанницей, оставленной всѣми, сохранивши только у груди своей несчастный плодъ любви нашей.

Донъ Грегоріо (*который къ концу рѣчи этой разжалобенъ совершенно, говоритъ, про себя, навзрыдъ*). Сердце мое разрывается на части.

Энрико (*вполголоса*). Браво, Джилда!

Джилда (*рыдая*). Прощай, мой Энрико!... Прости мнѣ, если...

Донъ Грегоріо. Остановитесь... Что я дѣлаю? (*Осушая слезы и про себя*). Бѣдные молодые люди! Оставить ихъ въ добычу отчаянія... Зло сдѣлано... Они уже мужъ и жена... О Боже!... Званія ихъ почти равныя... (*съ нервышительностью*).

ЯВЛЕНИЕ IX.

Тѣ же и маркизъ Джулио (за сценой).

Голосъ маркиза. Донъ Грегорио возвратился?

Донъ Грегорио. Святые всего свѣта! Это маркизъ!

Энрико (съ испугъ). Донъ Грегорио, я погибъ!

Джилъда (къ донъ Грегорио). О Боже! Спасите меня!

Донъ Грегорио (съ сторону). Небо, подай совѣты!.. (Толкая ее въ комнату Энрико). Сюда, сюда войдите скорѣй!

Джилъда (входя). Не предайте Энрико!

Донъ Грегорио. Молчите, молчите! чш!...

Энрико. Ради Бога! Я долженъ идти?

Донъ Грегорио. Оставайтесь! (Запираетъ дверь на ключъ).

Маркизъ (сходя въ ту минуту, когда донъ Грегорио отскакиваетъ постынно отъ двери съ ключомъ въ рукахъ). Вы дома?

Энрико. Счастливаго возвращенія, папа! (Цѣлуетъ его руку).

Маркизъ (разматривая со вниманіемъ и недоверчивостію донъ Грегорио и ключъ, находящійся въ его рукахъ). Извините, донъ Грегорио, зачѣмъ вы съ такою поспѣшностію вынули ключъ отъ этой двери?

Донъ Грегорио (про себя). Холодный потъ проступаетъ у меня на лбу. (Вслухъ) Ничего...

Энрико (про себя). О Боже!

Маркизъ. Я располагалъ было не обѣдать сегодня дома, но министръ обѣдаетъ у маршала... Извините меня, донъ Грегорио, вы, кажется, въ больномъ замѣшательствѣ; что такое вы заперли въ этой комнатѣ?

Донъ Грегорио (про себя). Опять! (Вслухъ). Говорю вамъ: вздоръ, ничего...

Маркизъ. Однакожь?

Энрико (тихо донъ Грегорио). Донъ Грегорио, не измѣните!

Донъ Грегорио (про себя). Тутъ нуженъ умъ. (Вслухъ). Я вамъ сейчасъ скажу... мнѣ подарена... одна... собачонка. И потому я, чтобы не запачкала комнату, заперъ ее туда. Постѣ я отнесу ее въ свою комнату.

Маркизъ. Въ такомъ случаѣ я долженъ просить у васъ извиненія. Но вы говорите такимъ образомъ... Сдѣлайте одолженіе, дайте мнѣ ключъ!

Донъ Грегорио. Какъ!

Энрико (*про себя*). Я пропалъ!

Маркизь. Развѣ я не господинъ дома?

Донъ Грегорио. Вы, точно, онъ; и поэтому...

Маркизь. Я хочу видѣть, что тамъ заперто.

Донъ Грегорио. Я ужъ вамъ сказалъ... одна кудлашка.

Маркизь. Извините, я этому не вѣрю. Къ тому жъ этотъ домъ мой. Донъ Грегорио, отдайте мнѣ ключъ!

Энрико. Я умираю.

Донъ Грегорио. Вы этому не вѣрите? (*Про себя*). Чортъ поberi всѣхъ чертей! (*Вслухъ*). Господинъ маркизь! (*съ чувствомъ негодованія*) развѣ такимъ образомъ можно говорить мнѣ? Возьмите ключъ! Вотъ онъ! Отоприте, смотрите, и потомъ, покрытые стыдомъ за нанесенное мнѣ оскорбленіе, не имѣйте присутствія духа посмотрѣть мнѣ прямо въ глаза! Подозрѣвать, подозрѣвать, что донъ Грегорио можетъ обмануть! Нанести подобное оскорбленіе въ присутствіи этого молодого юноши!.. Отоприте, маркизь, сію же минуту! отоприте въ моемъ присутствіи—пусть увидятъ ваше безчестное подозрѣніе и честность донъ Грегорио, который съ этой минуты оставляетъ навсегда домъ вашъ.

Маркизь. Донъ Грегорио!

Донъ Грегорио. Отоприте! Не слушаю никакихъ резоновъ!

Маркизь. Донъ Грегорио! Вотъ ключъ!

Донъ Грегорио (*горячась*). Нѣтъ, маркизь, отоприте! Мнѣ подобное оскорбленіе!

Маркизь. Простите меня, говорю вамъ: на минуту я потерялъ рассудокъ; я виноватъ.

Донъ Грегорио. Подозрѣвать! дайте ключъ; ступайте, смотрите! (*готовясь оттирать*).

Маркизь. Остановитесь! Я не хочу.

Донъ Грегорио. Пустите меня! Увидите, увидите! Пусть объяснится...

Маркизь. Говорю вамъ, что не хочу. Прошу извиненія; простите меня, я виноватъ! (*Удерживаетъ его за полы*).

Донъ Грегорио (*представляя, что насильно хочетъ отпереть*). Нѣтъ, теперь нѣтъ.

Маркизь. Что же вы хотите, чтобъ я еще сдѣлалъ, чтобъ получить ваше прощеніе? Донъ Грегорио, простите меня. Я былъ дуракъ. Ничего не хочу видѣть. Я въ васъ увѣренъ.

Ради Бога, простите меня. (*Про себя*). Что я надѣлалъ! Я горю отъ стыда. (*Уходитъ*).

Донъ Грегорио. Мнѣ! меня! со мною! (*Про себя*). Отвязался наконецъ, старая дубовая банка!..

Энрико. Ухъ! какъ было страшно! Я вамъ долженъ...

Донъ Грегорио (*передразнивая*). Я долженъ вамъ... (*Въ отчаяніи*). Что вы заставили меня сдѣлать?

Энрико. Теперь...

Донъ Грегорио. Теперь я ничего не знаю... понишу... того... Вы вотъ что... это обстоятельство... Впрочемъ того... (*Даетъ ключъ, въ смущеніи, не зная и не понимая самъ, что говоритъ*). Нужно... нужно... Удалите ее отсюда прочь.

Энрико. То-есть...

Донъ Грегорио. То-есть, какъ то, что не стоитъ выѣденнаго яйца. Боже, какое затруднительное положеніе!.. Сдѣлайте такъ, чтобы никто не видалъ: я былъ бы компрометированъ... Ради Бога!.. Было бы хорошо такъ... Вы поняли все? Чортъ меня побери, если понимаю хоть одно слово изъ того, что говорю! (*Уходитъ*).

Энрико. Небо, помоги мнѣ! (*Уходитъ въ комнату, гдѣ жена*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Донъ Грегорио и Энрико.

Донъ Грегорио. Какъ! Вы до сихъ поръ еще не вывели ее отсюда?

Энрико. Нельзя было никакимъ образомъ. Въ столовой вѣчно кто-нибудь толкался. Потомъ мы пошли обѣдать...

Донъ Грегорио. Итакъ, она до сихъ поръ тамъ?

Энрико. Тамъ.

Донъ Грегорио. Прахъ побери! Какъ же?.. И она ничего не ѣла?

Энрико. Сейчасъ я вамъ скажу. Мнѣ удалось утащить за столомъ полкурицы и пару котлетъ, спрятать ихъ въ карманъ и отнести ей тотчасъ послѣ обѣда, чтобъ не умерла съ голоду.

Донъ Грегорио. Но что же она дѣлаетъ теперь?

Энрико. Плачетъ, опасаясь за ребенка, котораго теперь время кормить.

Донъ Грегорио. Но какъ же помочь этому? какъ? Зачѣмъ отвѣживались вы приводить ее сюда? Развѣ вы не могли открыть мнѣ все, не подвергая...

Энрико. Я не имѣлъ столько присутствія духа, чтобы открыть вамъ, милый донъ Грегорио! Покаместъ было возможно, я скрывалъ все; но теперь, когда Джильда осталась одна, отчаяніе заставило прибѣгнуть къ этому поступку.

Донъ Грегорио. А мать ея?

Энрико. Мать ея, которая условилась въ продолженіе года держать дочь у себя въ домѣ, имѣя нужду въ деньгахъ, должна была отправиться въ Миланъ, чтобы собрать кое-какое оставшееся имущество послѣ своего мужа, и уѣхала три дня тому назадъ, оставивши дочь на руки Провидѣнія и меня, ея мужа.

Донъ Грегорио. Итакъ, она никого больше не имѣетъ кромѣ васъ?

Энрико. По крайней мѣрѣ, сколько я знаю...

Донъ Грегорио. Но какъ же вы думаете содержать ее до тѣхъ поръ, пока отецъ?..

Энрико. Здѣсь-то и есть мое затрудненіе.

Донъ Грегорио. Отецъ вашъ даетъ ли вамъ деньги?

Энрико. Ничего кромѣ тридцати паоловъ (*15 рублей*) шестаго генваря, въ видѣ подарка на игрушки.

Донъ Грегорио (*въ сторону*). Да, посмотри-ка теперь, какихъ игрушекъ требуютъ эти дѣти! Какая лошадь этотъ маркизъ! (*Ударивши себя по лбу*). О Боже! И вотъ я замѣшался въ интригу... Но какъ, чортъ возьми, удалось вамъ все сдѣлать такъ, что никто не проникъ?..

Энрико. Бастіано...

Донъ Грегорио. Проклятый Бастіано! И я этого не могъ предвидѣть!

Энрико. Онъ наблюдалъ очень осторожно, чтобы изъ васъ кто-нибудь не проснулся, и подѣльнымъ ключомъ отпиралъ и запиралъ дверь. Въ то время, когда мы говорили и проводили время съ Джильдой, у насъ была стража, чтобы никто не могъ ничего узнать; такимъ образомъ...

Донъ Грегорио (*въ сторону*). Я говорилъ маркизу: «позвольте мнѣ, позвольте спать внизу!» — «а» говоритъ: «не

нужно; нѣтъ никакой опасности». Вотъ тебѣ нѣтъ никакой опасности! Вотъ тебѣ нѣтъ никакой опасности! Распорядился прекрасно! (*Вслухъ*). А потомъ, когда умеръ Бастіано?

Энрико. Тогда родился Бернардино...

Донъ Грегорио. Кто—Бернардино?

Энрико. Сынъ нашъ.

Донъ Грегорио. А! (*Въ сторону*). А между прочимъ, сколько есть такихъ, которые бы желали, чтобъ у нихъ родился сынъ, а нѣтъ, не родится.

Энрико. Послѣ рожденія его мы видѣлись очень рѣдко и съ большою предосторожностью.

Донъ Грегорио. Я просто безумѣю. И никто не могъ открыть ни супружества, не беременности дѣвушки, ни развѣщенія, ни сына?

Энрико. Никто, потому что синіора Бриджида, мать Джильды, заключила брачное наше условіе посредствомъ одного очень хорошаго человѣка, своего искренняго друга, съ которымъ она уѣхала въ Миланъ. Онъ же засвидѣтельствовалъ, какъ слѣдуетъ, рожденіе ребенка. Синіора Бриджида не выпускала дочь изъ дому во все время ея беременности. Синіора Бриджида присутствовала при ней и подавала помощь во всѣхъ припадкахъ, для того, чтобъ это дѣло было извѣстно только синіорѣ Бриджидѣ, ея другу, старушкѣ, служанкѣ дома, Джильдѣ и мнѣ.

Донъ Грегорио. А когда маркизь узнаетъ это дѣло, то разобьетъ голову синіорѣ Бриджидѣ, донъ Грегорио, который не зналъ объ этомъ, Джильдѣ и старушкѣ-служанкѣ. Это не шутка! Это интрига, интрига серьезная, роковая...

Энрико. Итакъ, вы хотите бросить насъ въ руки отчаянія? въ положеніи—сдѣлать какой-нибудь шагъ, внушенный послѣднею безнадежностью? Если вы имѣете столько на это духа и сердце, то сдѣлайте это. По крайней мѣрѣ, дайте возможность уйти только этой несчастной, чтобы избавить ее отъ взоровъ и ярости моего отца, какой предастся онъ, ее увидѣвши... (*съ слезами*).

Донъ Грегорио (*въ сторону*). Да, теперь бы я попросилъ васъ, грозные педанты, притти посмотреть, что дѣлать въ такомъ случаѣ! Они уже супруги; любятъ другъ друга, различія въ званіяхъ почти нѣтъ никакого, имѣютъ сына...

Энрико. Донъ Грегорио!

Донъ Грегорио (*горячася*). Донъ Грегорио, донъ Грегорио! Это обстоятельства отчаянныя... (*Въ сторону*). Но какъ же однакожь? Теперь, когда выстрѣлъ уже сдѣланъ, когда пуля вылетѣла, развѣ можно теперь оставить ихъ такъ?

Энрико. Донъ Грегорио!

Донъ Грегорио. Надоѣлъ съ этимъ «донъ Грегорио»... Слушай, прежде всего нужно ее вывести. Черезъ нѣсколько дней, можетъ быть, какъ-нибудь можно будетъ уладить это дѣло. Между тѣмъ я постараюсь до того времени твоего отца... Но какъ, какъ это сдѣлать?.. А, довольно! Скажи ей, чтобы не плакала, что я подумаю обо всемъ.

Энрико. Я вѣрюсь вамъ.

Донъ Грегорио. Ступай, запрись и не отпирай никому, пока не услышишь моего голоса.

Энрико. Милый мой донъ Грегорио!

Донъ Грегорио. Да перестань разъ навсегда! Я теперь, чортъ его знаетъ, въ такомъ положеніи, что не могу слышать даже собственнаго имени.

Энрико. Повинуюсь и предаюсь весь вамъ. Пойду утѣшить мою Джильду и провѣдать, не имѣетъ ли она въ чемъ нужды. (*Уходитъ*).

Донъ Грегорио (*одинъ*). Здѣсь нѣтъ никакого средства поправить. Происходи то, что должно произойти—я не долженъ оставить этихъ молодыхъ людей! Впрочемъ вѣдь зло могло бы быть въ десять разъ хуже. Она не имѣетъ въ себѣ ничего дурного, хорошей фамиліи; а если состояніе ея не большихъ доходовъ, то это еще ничего: маркизь не имѣетъ нужды въ деньгахъ. Да, смѣлѣе! (*Рѣшительно*). Молодымъ людямъ помочь! Такъ! Теперь нужно вывести молодую женщину такъ, чтобы никто не видалъ, и съ сегодня я приступаю располагать понемногу маркиза.

ЯВЛЕНИЕ II.

Маркизь и донъ Грегорио.

Маркизь. А! донъ Грегорио.

Донъ Грегорио. Синіоръ маркизь! (*Въ сторону*). Кстати пришелъ!

Маркизь. Прежде всего, повторяю, позабудьте объ оскорбленіи, которое сегодня поутру...

Донъ Грегорио. Вы меня поразили, я уже вамъ говорилъ...

Маркизь. Довольно! Обнимемся (*обнимаются*) и пусть это будетъ послѣднее напоминаніе о случившемся.

Донъ Грегорио. Въ этомъ будьте увѣрены. (*Въ сторону*). Вотъ хорошая минута!

Маркизь. Гдѣ Энрико?

Донъ Грегорио (*про себя*). Вотъ оно! (*Вслухъ*) Не знаю... можетъ быть, у своего брата.

Маркизь. Вы еще ничего не говорили съ нимъ?

Донъ Грегорио. Говорилъ... (*Про себя*). Да если бъ ты зналъ, о чемъ мы говорили!

Маркизь. Ну, что жъ онъ? по обыкновенію?..

Донъ Грегорио. То-есть, если хотите, чтобъ я вамъ сказалъ правду, то тѣмъ дальше, тѣмъ болѣе я утверждаюсь въ моемъ подозрѣніи.

Маркизь. То-есть?..

Донъ Грегорио. Что этотъ молодой человѣкъ имѣетъ нужду... (*Въ сторону*). Тихе, тихе, чинъ, донъ Грегорио! (*Вслухъ*) имѣетъ нужду дѣлать такъ, какъ дѣлаютъ молодые люди—гулять, разговаривать...

Маркизь. Вы вѣчно мѣтаете въ одно.

Донъ Грегорио. Чтѣ жъ дѣлать? такъ оно есть. Принимайте мои слова въ какомъ угодно смыслѣ, но нужно, чтобы я сказалъ вамъ то, что думаю. Маркизь, положимъ руку на сердце: чтѣ были, напримѣръ, вы?

Маркизь. Что хотите сказать вы этимъ?

Донъ Грегорио. Что былъ я въ молодости?

Маркизь. Не знаю.

Донъ Грегорио. Что такое всѣ люди тогда, какъ въ цвѣтѣ лѣтъ кишитъ кровь и когда весь—горящая Этна?

Маркизь. Фуриі, которыхъ нужно держать на цѣпяхъ.

Донъ Грегорио. Однакожъ цѣпями не излѣчить зла; лишеніе не уменьшаетъ желанія. Бѣшенство занимаетъ его мѣсто; яркая противоположность становится палачомъ, и юноша гибнетъ невозвратно.

Маркизь. Посмотримъ однакожъ, какой результатъ всего этого? Чтѣ, показалось вамъ, прочитали вы въ душѣ Энрико? Можетъ-быть, вы думаете, что его сердце... Вы обманываетесь: съ методой, которая введена въ моемъ домѣ, со строгостью...

Донъ Грегорио (*про себя*). Да, поди-ка, посмотри, отопрѣ эту дверь—и ты увидишь, какаѣ тамъ строгость сидѣть.

Маркизь. Любезный другъ! вы, должно-быть, въ юности были цѣлые дьяволъ.

Донъ Грегорио. Нѣтъ; я былъ въ юности молодъ, какъ и все другіе, съ движеніями и побужденіями, свойственными этимъ лѣтамъ, и я вижу, что они были бы гораздо хуже, если бы вмѣсто разсудка и совѣтовъ родители мои употребили замки и строгость. Повѣрьте наконецъ, маркизь, что свѣтъ и общество кажутся несравненно ослѣпительнѣе и прекраснѣе тому, кто слышитъ шумъ ихъ издалека, не видя ихъ, нежели тому, кто проникъ ихъ, имѣя ихъ предъ глазами, и видитъ ихъ въ настоящемъ видѣ. Да, сынъ вашъ наконецъ долженъ начать показываться на солнцѣ и выльзть изъ этого гроба, гдѣ онъ находится погребеннымъ съ той минуты, какъ родился...

Маркизь. Да, да, именно изъ одной глупой и, можетъ-быть, даже притворной его меланхоліи я ему позволю выходить, видѣть женщинъ, говорить съ ними...

Донъ Грегорио. Ну, такъ! Какъ только вы станете говорить о женщинахъ, кажется, какъ будто хотите назвать самого дьявола! Мнѣ женщины не представлялись никогда въ этомъ видѣ, и даже скажу вамъ, что я былъ (*въ сторону*),—отважился!—(*вслухъ*) очень часто ихъ партизаномъ и защитникомъ...

Маркизь. Bravo! прекрасныя правила... Оставимъ, оставимъ этотъ разговоръ. Вы, я вижу, хотите злоупотреблять мною.

Донъ Грегорио (*про себя*). Это я предвидѣлъ. (*Вслухъ*). Постойте! такъ какъ вы имѣете такого рода опасенія, то зачѣмъ не жените его?

Маркизь (*вспыхнувъ*). Женить, женить ребенка! Снѣиоръ донъ Грегорио, мы увидимся въ другое время. Извините, сегодня вы, мнѣ кажется, не похожи на самого себя.

Донъ Грегорио (*про себя*). Этого еще не доставало!.. (*Вслухъ*). Я говорю, чтобъ...

Маркизь. Женить Энрико! Мой отецъ согласился на мою свадьбу тогда только, когда ему было семьдесятъ два года, а мнѣ сорокъ семь...

Донъ Грегорио. И однакожъ вы теперь видите...

Маркизь. Довольно, довольно! Я не могу обратить ника

кого вниманія на предложеніе, сдѣланное мнѣ челоѣкомъ, который, не сгорѣвъ отъ стыда, назвалъ себя протекторомъ и партизаномъ женщины. Бы никогда еще до сихъ поръ не дѣлали мнѣ подобнаго предложенія. Если бъ я это прежде зналъ, я бы, можетъ-быть, судилъ о васъ иначе.

Донъ Грегоріо. Не думайте, что я...

Маркизъ. Я извиняю васъ, предполагая, что голова ваша сегодня не въ полномъ разсудкѣ...

Донъ Грегоріо. Вы...

Маркизъ. Не говорите мнѣ теперь, я васъ прошу. Не напоминайте мнѣ объ этомъ, если хотите, чтобъ мы остались друзьями. Не напоминайте мнѣ объ этомъ, или я приду въ бѣшенствѣ. (*Уходитъ*).

Донъ Грегоріо (*одинъ*). Теперь прошу посмотрѣть, въ какихъ я нахожусь обстоятельствахъ! Если стану упорствовать въ своихъ рѣчахъ, потеряю его уваженіе — и они тогда погибли... Я нахожусь въ положеніи напакостить себѣ же собственными руками... (*Крякнувъ*). А! терять времени нечего. Постараемся удалить людей изъ столовой, и улу-чивши первую минуту, вывести отсюда эту несчастную заключенную.

ЯВЛЕНІЕ III.

Леонарда и донъ Грегоріо.

Леонарда. Донъ Грегоріо, намъ нужны кой съ чѣмъ имѣть съ вами довольно длинный разговоръ.

Донъ Грегоріо. Въ другое время, любезная.

Леонарда. Я не прошу, чтобъ вы меня называли любезною.

Донъ Грегоріо. Любезная или целюбезная, какъ хотите, но теперь я занятъ.

Леонарда. Вы бѣжите?.. Стало-быть, уже знаете, что я должна вамъ сказать? Вы...

Донъ Грегоріо. Что касается до меня, то я не знаю, что вы говорите. Послѣ, немного позже, поговорю, когда вы хотите, но теперь не могу. (*Про себя*). Я и безъ того въ довольно хорошемъ расположеніи духа, недоставало еще этой съ длиннымъ разговоромъ. (*Вслухъ*). Увидимся послѣ! (*Уходитъ*).

Леонарда (*одна*). За кого меня принимаетъ донъ Гrego-

ріо? Нѣтъ, онъ не знаетъ Леонарды! Наговорить мальчику, что я не умѣю говорить, наговорить ему, что я пожилая, въ лѣтахъ... Развѣ онъ думаетъ, я не найду минуты поселить въ голову маркиза подозрѣніе насчетъ его? Я не буду женщина, если не отомщу.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Леонарда и Пиппетто.

Пиппетто. Ты здѣсь еще?

Леонарда. Оставьте меня въ покоѣ.

Пиппетто. Что такое съ тобою, Леонардушенька?

Леонарда. Оставьте меня, вамъ говорю. Всѣ, всѣ противъ меня! Не можете видѣть меня спокойно. Я вамъ — какъ язва какая... Останетесь довольны: я уйду отсюда. Вы меня больше не увидите.

Пиппетто. Послушай: ты дура! Развѣ и я?..

Леонарда. И вы тоже, и вы тоже.

Пиппетто. Какъ?

Леонарда. Если бѣ вы въ самомъ дѣлѣ любили меня, вы бы не могли потерпѣть, чтобы меня презирали и издѣвались надо мною.

Пиппетто. Но чего жѣ ты хочешь?

Леонарда. Вы видите, что донъ Грегоріо ищетъ всѣ средства оскорблять меня: поносить меня, насмѣхается, говорить, что я старуха, и вы не въ состояніи...

Пиппетто. Но скажи мнѣ, дорогой свѣтъ очей моихъ, — это любовное выраженіе я узналъ отъ тебя, — скажи: что ты хочешь, чтобы я сдѣлалъ?

Леонарда. Къ дѣлу! Если любовныя ощущенія ваши точно справедливы, если Леонарда вамъ дѣйствительно такъ дорога, какъ вы говорите, то нужно, чтобы вы соединились со мною на тотъ конецъ, чтобы выгнать его изъ этого дома...

Пиппетто. Я охотно, но какъ?..

Леонарда. Оставьте мнѣ все это сдѣлать. Вы только должны мнѣ помогать. Я уже съ нѣкотораго времени замѣчаю, что у него есть въ головѣ какой-то секретъ. Если только я его узнаю — прибавлю, выдумаю кой-что въ придатокъ. Мы его обвинимъ, уличимъ, сдѣлаемъ все. Ты это сдѣлаешь, Пиппетто?

Пиппетто. Довольно будетъ, если...

Леонарда. Сдѣлаешь ли ты это? Или ты больше меня никогда въ глаза не увидишь.

Пиппетто. Сдѣлаю, сдѣлаю все, что хочешь.

Леонарда. Клянись мнѣ въ томъ.

Пиппетто. Но клятва есть...

Леонарда. Не хочешь?

Пиппетто. Клянусь, клянусь!

Леонарда. Такъ теперь я тебя очень люблю. Теперь ты можешь владѣть моимъ сердцемъ.

Пиппетто. О моя Леонардушка!.. Леонардушка моя!..

ЯВЛЕНИЕ V.

Тѣ же и донъ Грегоріо.

Донъ Грегоріо (*за сценой*). Оставайтесь и не двигайтесь.

Леонарда. Уйдемъ: это онъ!

Пиппетто. Я вѣчно съ тобою.

Леонарда. Помни клятву.

Пиппетто. Да, моя Леонардушка.

Леонарда (*въ сторону*). Я тебѣ отомщу.

Пиппетто (*про себя*). Для Леонарды все сдѣлаю. (*Уходитъ*).

Донъ Грегоріо (*входитъ*). Именно потому, что хочу, чтобъ никого не было, — сегодня всѣ слуги ходятъ за мною по пятамъ. Вывести ее изъ комнаты невозможно; оставить ее до ночи въ этой комнатѣ есть большой рискъ. И потому нѣтъ другого средства, какъ развѣ... (*Говоритъ вполголоса, стуча въ дверь*). Энрико, отпирите! это я. (*Про себя*). Это, мнѣ кажется, лучше всего.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Донъ Грегоріо и Энрико.

Энрико. Что, можно ей теперь идти?

Донъ Грегоріо. Нѣтъ! никакъ нельзя.

Энрико. О Боже!

Донъ Грегоріо. Я думаю перевести ее сюда, отсюда по лѣстничкѣ въ мою комнату, а изъ моей комнаты, какъ только смеркнется, она можетъ пробѣжать по большой лѣстницѣ.

Энрико. Но она хотѣла идти домой...

Донъ Грегорио. Хотѣла! И я тоже хотѣлъ, но если нельзя? Лѣстница поминутно наполняется людьми. Сдѣлайте по-моему, ступайте. Я уже заперъ дверь въ залъ, чтобъ никто не вошелъ въ то время, какъ я съ Джильдою пробѣгу. Если вы не будете говорить, то это знакъ, что тамъ нѣтъ никого, и я заставлю Джильду пересѣсть въ мою комнату. Истомъ можете и вы также войти.

Энрико. Вы думаете, можно провести ее даже туда?

Донъ Грегорио. Думаю. Не сомнѣвайтесь, ступайте.

Энрико (*про себя*). Я усталъ, перебирая всѣ слова и утѣшенія, чтобъ успокоить Джильду. Я слышу, холодный потъ проступаетъ по мнѣ. (*Уходитъ*).

Донъ Грегорио. Сохрани насъ Боже отъ маркиза! Теперь, кажется, нечего бояться. Эта дверь заперта... Въ залѣ на стражѣ Энрико. Вызовемъ теперь ее, бѣдненькую. Я не имѣю даже духа подумать о положеніи, въ которое она меня привела. Съ другой стороны, чтѣ бы могла сдѣлать строгость? Привела бы только въ совершенное отчаяніе эти двѣ бѣдныя жертвы. Они вѣдь уже мужъ и жена. Нѣтъ никакого средства поправить это дѣло — да, совершенно никакого!.. Не станемъ терять времени. (*Говоритъ вполголоса въ дверь*). Джильда, идите сюда!

ЯВЛЕНИЕ VII.

Донъ Грегорио и Джильда.

Джильда (*изнутри комнаты*). Вы?

Донъ Грегорио. Скорѣе!

Джильда (*выходя*). Ради святого Неба, дайте мнѣ средство уйти, по крайней мѣрѣ, домой!

Донъ Грегорио. Имѣйте, любезнѣйшая, крошку терпѣнія. Сейчасъ никакъ нельзя...

Джильда. Но когда же? скажите, когда?

Донъ Грегорио. Съ маленькимъ терпѣніемъ можно все сдѣлать; будьте покойны.

Джильда. Я готова все дѣлать, чтѣ вы только мнѣ прикажете.

Донъ Грегорио. Дочь моя, здѣсь мы не безопасны... Скорѣе, скорѣе идите въ мою комнату!

Джильда. Но если маркизъ...

Донъ Грегорио. Маркизь тамъ не можетъ васъ увидать.

Джилда (*уходя на цыпочкахъ*). Я въ вашихъ рукахъ; дѣлаю все, что хотите.

Донъ Грегорио. Вечеромъ потомъ, при удобномъ случаѣ, мнѣ будетъ легко вывести васъ такъ, чтобы никто не замѣтилъ. (*Уходятъ.*)

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Леонарда и Пиппетто.

Леонарда (*отпирая тихо дверь*). Слышалъ?

Пиппетто. Видѣла?

Леонарда. Богъ услышалъ мои молитвы!

Пиппетто. Кажется даже невѣроятно!

Леонарда. Могъ ли бы ты повѣрить этому?

Пиппетто. Никогда въ жизни!

Леонарда. Но мы не видали, откуда она вышла.

Пиппетто. Нѣтъ. Я стоялъ передъ замочной скважиной, когда донъ Грегорио стоялъ тутъ и говорилъ: «Имѣйте крошку терпѣнія!» Но откуда она могла выйти? Изъ залы ей нельзя было.

Леонарда. Почему нельзя? Улучилъ минуту, когда тамъ никого не было изъ людей. Быть можетъ, онъ былъ принужденъ ввести ее въ эту комнату, потому что кто-нибудь проходилъ въ то время черезъ переднюю, а теперь ведетъ ее въ свою комнату.

Пиппетто. Да, вѣрно, что такъ.

Леонарда. Нужно, чтобъ вы сейчасъ же сказали вашему батюшкѣ.

Пиппетто. Я? Зачѣмъ не скажешь ему этого ты?

Леонарда. Нѣтъ, это принадлежитъ вамъ. Смотрите, если вы этого ему не скажете, больше не увидите Леонарды.

Пиппетто. Не сердись, не сердись, Леонардушка, скажу.

Леонарда. И скажите непременно все.

Пиппетто. Я помню слово въ слово все, что было ими сказано.

Леонарда. Слышу точно шаги маркиза. Это онъ. Все скажите, не пропуская ничего.

Пиппетто. Но...

Леонарда. Смотрите, если не скажете ему этого, то Лео-

нарда умерла для васъ. (*Про себя*). Ты теперь попался, гадкій старичишка. (*Уходитъ*).

Пиппетто. Выбранить меня отецъ, когда я донесу ему на ашего дядьку. Но вѣдь я говорю правду, стало быть, это доставить ему удовольствіе.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Маркизь и Пиппетто.

Маркизь. Зачѣмъ ты вѣчно въ праздности? Зачѣмъ не учишься? Зачѣмъ не улаждаешь себя чтеніемъ какой-нибудь книги или не отдыхаешь за произведеніемъ какого-нибудь ариометическаго счета? Донъ Грегоріо долженъ бы...

Пиппетто. Донъ Грегоріо... (*Въ сторону*). У меня дрожатъ колѣни.

Маркизь. Что дѣлаетъ донъ Грегоріо?

Пиппетто. Занятъ.

Маркизь. Съ кѣмъ? съ Энрико?

Пиппетто. Фи! совсѣмъ нѣтъ! (*Въ сторону*). У меня недостаетъ голоса, но для Леонардушечки на все рѣшусь.

Маркизь. Съ кѣмъ же?

Пиппетто (*съ усиліемъ и вскрикнувъ*). Не браните меня, не браните!.. съ одною женщиною, которая приведена въ его комнату.

Маркизь. Чтò ты смѣешь говорить, дерзкій? Это неправда!

Пиппетто. Убейте меня, если я говорю вамъ ложь.

Маркизь (*весь въ волненіи*). Скажи: какъ ты ее видѣлъ?

Пиппетто. Въ замочную скважину, къ которой я приставилъ глазъ изъ любопытства, услышавши голосъ женщины, говорившей шопотомъ.

Маркизь. Боже! возможно ли? Но откуда она вошла?

Пиппетто. Не знаю. Я только видѣлъ ее, когда она была въ этой комнатѣ.

Маркизь (*въ сильной тревогѣ*). Донъ Грегоріо гдѣ былъ?

Пиппетто (*показывая*). Здѣсь.

Маркизь. А женщина?

Пиппетто. Онъ держалъ ее подъ руку.

Маркизь. Можетъ быть, какая-нибудь старуха?

Пиппетто. О нѣтъ, самая молоденькая!

Маркизь (*въ сторону*). О, разбойникъ!.. Теперь понимаю: можетъ быть, даже сего утра... О, безъ сомнѣнія!.. Но ка-

кимъ образомъ? Я весь дрожу... И молодой мальчикъ былъ этому свидѣтель! (*Вслухъ*). Можетъ, это была какая-нибудь женщина, которая приходила за дѣломъ? Ты не слышалъ, что они говорили?

Пиппетто. Да. «Имѣйте, любезнѣйшая, крошку терпѣнія. Сейчасъ никакъ не могу»—такъ говорилъ донъ Грегоріо.

Маркизь (*про себя*). Недостойный!

Пиппетто. А она отвѣчала: «Но когда же? скажите, когда?» А онъ сказалъ: «Съ маленькимъ терпѣніемъ можно все сдѣлать».

Маркизь (*про себя*). Я не знаю, что меня удерживаетъ. Но какъ же однакожь?.. Въ продолженіе столькихъ лѣтъ, какъ онъ у меня живетъ, стало быть, онъ обманывалъ меня?.. притворялся?.. О, такъ издѣваться надо мною!.. (*Вслухъ*). А потомъ они ушли?

Пиппетто. Да, синьоръ, потому что донъ Грегоріо сказалъ: «Здѣсь мы не безопасны. Скорѣе, скорѣе въ мою комнату! тамъ маркизь не можетъ насъ увидѣть».

Маркизь (*про себя*). Чудовище, выскочившее изъ ада! Говорить въ моемъ домѣ подобныя вещи, гдѣ могли слышать эти дѣти... Охъ! (*хватается за сердце*) я боюсь, чтобы не разорвались мои жилы. (*Вслухъ*). И ушли?..

Пиппетто. Въ комнату донъ Грегоріо.

Маркизь. Сколько будетъ времени тому назадъ?

Пиппетто. Только что, въ эту самую минуту.

Маркизь (*про себя*). Я виѣ себя! Иду къ этому мерзавцу! (*Остановясь*). Но если произойдетъ какая-нибудь сцена, можетъ, даже очевидно скандальная... Можетъ быть, теперь она ушла уже прочь... Я рискую умереть отъ тоски, однакожь нужно немножко умѣрить себя, чтобъ не показать этимъ невиннымъ... (*Вслухъ*). Это ничего не значитъ: дѣвушка имѣла нужду о чемъ-нибудь поговорить... Ступай, ступай въ свою комнату; а объ этомъ и не думай. Тутъ нѣтъ ничего худого.

Пиппетто. Я вамъ сказалъ это, потому что вы любите, чтобъ вамъ говорили все, что дѣлается въ домѣ.

Маркизь. Хорошо. (*Про себя*). Я чувствую, что задыхаюсь отъ бѣшенства. (*Ему*). Ступай!

Пиппетто (*про себя*). Я думалъ, что это больше его взволнуетъ! Нужно сказать, что онъ говоритъ противъ женщины затѣмъ только, чтобы насъ напугать, а въ душѣ,

какъ видно, онъ напротивъ... Это мнѣ даетъ со временемъ надежду, что ему можно будетъ изъяснить любовь мою къ Леонардѣ. (*Ему*). Когда вамъ нужно меня, я буду въ этой комнатѣ. (*Уходитъ*).

Маркизь (*одинъ*). Возможно ли? Въ теченіе десяти лѣтъ... Но, впрочемъ, я ужъ начиналъ и безъ того имѣть подозрѣнія... Предложенія въ пользу женщинъ... кое-какія модныя правила, которыя онъ мнѣ безпрестанно началъ совѣтовать... Недостойный! Я внѣ себя! Счастье, что я самъ глядѣлъ въ оба за своими сыновьями. Но теперь чтò мнѣ дѣлать? Если я стану кричать, онъ будетъ отпираться, и невинныя дѣти... Попробовать съ помощью какой-нибудь хитрости узнать, есть ли женщина въ его комнатѣ... (*По некоторомъ молчаніи, громко*). Эй, позвать ко мнѣ донъ Грегорио!

ЯВЛЕНІЕ X.

Маркизь и донъ Грегорио.

Донъ Грегорио. Что прикажете?

Маркизь (*про себя*). А, предатель, ты здѣсь!

Донъ Грегорио (*про себя*). Теперь я покойнѣе, послѣ того, какъ удалось мнѣ провести ее ко мнѣ, такъ что никто не видѣлъ.

Маркизь. Синьоръ донъ Грегорио, я позабылъ попросить у васъ одного одолженія.

Донъ Грегорио. Приказывайте.

Маркизь. Я ожидаю на-дняхъ племянника моей сестры, котораго я бы хотѣлъ, желая доставить ему болѣе свободы, помѣстить въ вашихъ комнатахъ. Вы, я полагаю, уступите ему охотно на нѣсколько времени, а васъ я переведу на время въ комнату, чтò возлѣ меня.

Донъ Грегорио. Почему нѣтъ? Если только это вамъ удобно, вы имѣете полное право

Маркизь. Итакъ, я бы хотѣлъ, если вы позволите, на минуточку взойти и посмотреть, не нужно ли чего-нибудь поправить.

Донъ Грегорио (*про себя*). Вотъ тебѣ на! (*Вслухъ*). Любезнѣйшій маркизь, комната теперь въ беспорядкѣ; еще не убрано ничего.

Маркизь. Не бѣда. Между нами не нужно комплиментовъ.

Донъ Грегорио. Вы такъ думаете? Но постель еще не приведена въ порядокъ, платья разбросаны и скомканы, какъ попало, вездѣ на стульяхъ... (*Про себя*). Небо, помоги мнѣ!

Маркизь (*начиная горячиться*). Это ничего... Я хочу посмотреть одинъ, не нужно ли что привести въ порядокъ въ комнатахъ—занавѣсы, мебель...

Донъ Грегорио (*почти хватая его за руки*). Будьте увѣрены, что такъ, какъ будто новая.

Маркизь. Нужно будетъ побѣлить каминъ.

Донъ Грегорио. Я никогда не развожу въ немъ огня.

Маркизь. Паркетъ?

Донъ Грегорио. Превосходнѣйшій!

Маркизь. Окна?

Донъ Грегорио. Чисты чистѣйшимъ образомъ.

Маркизь (*про себя*). Нѣтъ никакого сомнѣнія. Развратникъ, ты уличенъ! (*Вслухъ*). Вижу, что вы желаете имѣть особенное удовольствіе принять меня въ убранныхъ комнатахъ. Хорошо, я приду завтра утромъ.

Донъ Грегорио. Съ охотою. Вы сдѣлаете мнѣ большую честь. (*Про себя*). О, благодареніе небу!

Маркизь (*про себя*). Ободришь, адская душа! Черезъ нѣсколько времени увидишь! Женщина не убѣжитъ. Я самъ буду караулить. (*Вслухъ*). Больше ничего не нужно.

Донъ Грегорио. Итакъ, пусть будетъ такъ.

Маркизь. Завтра... (*Про себя*). Я весь дрожу.

Донъ Грегорио (*про себя*). Ухъ, какъ я испугался! (*Вслухъ*). Я вижу, маркизь, что вы до сихъ поръ еще встревожены, потому что я вамъ говорилъ въ пользу...

Маркизь. Фи! ничуть. (*Про себя*). Недостойный боится однакожь!

Донъ Грегорио. Что касается до синьора Энрико...

Маркизь. Я васъ прошу, донъ Грегорио, теперь вы ему ничего не говорите... для этого будетъ время... (*Про себя*). Я опасаюсь, что одно дыханіе его заразитъ эту невинную душу.

Донъ Грегорио. Но повѣрьте, что...

Маркизь. Нѣтъ, нѣтъ, донъ Грегорио, отецъ стѣсняется за дѣтей, но дядька... Невинность можетъ быть заражена одною тѣнью только... Слова... но примѣръ... Если бъ въ эти лѣта, да уже на то... Довольно, Небо, Небо!..

Донъ Грегорио (*въ изумлении*). Какъ?

Маркизь (*удерживая себя*). Извините. Прощайте, донъ Грегорио..

Донъ Грегорио. Но...

Маркизь. Ничего, ничего, прощайте, мой любезный! Вашъ слуга. (*Про себя*). Гнѣвъ измѣнилъ мнѣ. (*Уходитъ*).

Донъ Грегорио (*одинъ*). Есть ли гдѣ на свѣтѣ такой взбалмошный старикъ?.. Изъ-за одного только слова, которое я сказалъ ему въ пользу женщинъ... Нѣтъ, я вижу, что нѣтъ никакой надежды въ этомъ дѣлѣ — нужно пока-мѣстъ объ этомъ и мысль отложить! И если бъ онъ захотѣлъ войти со мною въ мою комнату!..

ЯВЛЕНІЕ XI.

Донъ Грегорио и Пиппетто.

Пиппетто. Синьоръ донъ Грегорио!

Донъ Грегорио. Что хотите вы?

Пиппетто. Ничего, ничего! (*Проходя сцену*). Хотѣлъ... но не нужно.

Донъ Грегорио. Скажите, скажите однакожъ!

Пиппетто. Теперь у васъ есть дѣла... приду послѣ въ вашу комнату.

Донъ Грегорио. Да говорите здѣсь... Послушайте!

Пиппетто. Безъ комплиментовъ... послѣ, когда вамъ будетъ свободнѣе...

Донъ Грегорио. Но однакожъ...

Пиппетто. Послѣ, синьоръ донъ Грегорио, послѣ... (*Въ сторону, спѣша удалиться*). Хорошо, хорошо: онъ смутился; Леонарда будетъ довольна. (*Уходитъ*).

Донъ Грегорио. И просто съ досады убилъ бы себя. Никогда не привыкнуши притворяться, мнѣ кажется, что всѣ воображаютъ какой-то секретъ. Этотъ тоже хотѣлъ войти въ мою комнату!.. Нѣтъ, нечего терять времени; какъ только потемнѣетъ, сей же часъ ее вывести. Нѣтъ никакой надежды устроить это дѣло.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Леонарда и донъ Грегорио.

Леонарда. Слуга ваша, донъ Грегорио. Вы очень заняты?

Донъ Грегорио. Нужно не дать подозрѣнія. (*Вслухъ*). Нѣтъ, напротивъ...

Леонарда. Къ чему, къ чему это! Безъ церемоніи!

Донъ Грегорио. Я говорю вамъ...

Леонарда. Со мною вы не имѣете времени говорить.

Донъ Грегорио. Вы ошибаетесь...

Леонарда. Я это знаю, я это знаю... я старуха.

Донъ Грегорио. Я никогда...

Леонарда. Но кто напимѣрь молодъ...

Донъ Грегорио. Что такое вы говорите?

Леонарда. Гдѣ тонко, тутъ и рвется.

Донъ Грегорио. Какъ такъ.

Леонарда. А кто дольше пождетъ, тотъ послѣ возьметъ.

Донъ Грегорио. То есть, Леонарда?..

Леонарда. Ничего.

Донъ Грегорио (*съ сердцемъ*). Провались ты! (*Про себя*). Даже странно, право: всѣ со всѣхъ сторонъ доѣзжаютъ меня. Дьяволъ! кончится ли это? (*Уходитъ*).

Леонарда. А, попался! Ты наконецъ уничтоженъ! ты уничтоженъ! (*Уходитъ*).

Д Ъ Й С Т В І Е III.

ЯВЛЕНІЕ I.

Комната донъ Грегорио.

Донъ Грегорио, Энрико и Джильда.

Донъ Грегорио (*весь въ волненіи, прохаживаясь взадъ и впередъ*). Если бъ вы знали, какъ я весь дрожу!.. Провались самъ Вакхъ!

Джильда. Ради Бога, пустите меня, я уйду!

Донъ Грегорио. Но какъ хотите вы это сдѣлать? Теперь это не возможно?

Джильда. Клянусь, я умру съ тоски. (*Приставляя ухо*). Вонъ онъ! Я слышу, это его голосъ... Бернардинъ мой!

Донъ Грегорио. Это невозможно, это дѣло воображенія: окна мои обращены совершенно въ противоположную сторону.

Джильда. Да, я слышу плачь его...

Энрико. Исполните ея просьбу!

Донъ Грегорио (*съ сердцемъ*). Когда и вы еще съ своей стороны принимаетесь говорить то же, то достойны, чтобъ я вамъ на это отвѣчать рюмою. Какъ это сдѣлать, когда дверь залы отперта для всѣхъ, и когда слуги уходятъ и приходятъ безирестанно! Я уже вамъ сказала, что у маркиза этотъ вечеръ, кажется, огонь въ ногахъ: два раза встрѣтилъ я его, какъ онъ всходилъ взадъ и впередъ по лѣстницѣ, то въ гардеробъ, то въ библиотеку. Кажется, что этотъ вечеръ дьяволъ нашентываетъ ему на уши. Чтò бы могло произойти, если бѣ онъ увидѣлъ выходящую изъ моей комнаты женщину въ этотъ часъ! За кого онъ приметъ ее? Боже сохрани!

Джилъда (*плача*). Итакъ, бѣдное, невинное дитя должно умереть съ голоду? Сынъ мой, Бернардинъ мой, милый Бернардинъ мой, тебѣ отказываютъ въ пищѣ, которую звѣрямъ, даже самымъ презрѣннѣйшимъ твореніямъ природа даетъ въ груди матери.

Энрико. Мое сердце разрывается.

Донъ Грегорио. Не бойтесь, отъ этого онъ не умретъ. Здѣсь вы безопасны; но, рискуя открыть себя, вы погубите себя, своего мужа...

Джилъда (*въ тоскѣ*). Бернардинъ мой, сынъ мой!... Нѣтъ, это не мать твоя, нѣтъ, это не я отказываю тебѣ въ пищѣ! мать твоя терзается больше, чѣмъ ты. О, Боже!... тоска, бѣшенство!... Нѣтъ, я не могу. (*Вырывается*). Пустите! пустите! Происходи, чтò хочеть, — я слышу, онъ плачетъ... Пустите меня, или я закричу, я стану кричать.

Донъ Грегорио. Вы сумасшедшая!

Джилъда. И потому пустите меня!

Донъ Грегорио. Теперь возись съ этой!...

Энрико. Милый донъ Грегорио!

Джилъда. Если только есть у васъ сердце въ груди...

Донъ Грегорио. Но если...

Джилъда. Если бѣ вы знали когда-нибудь, что такое любить свое дитя.

Энрико. Милый донъ Грегорио.

Донъ Грегорио. Чтò долженъ я...

Джилъда. Ради этихъ слезъ матери...

Донъ Грегорио. Но какъ, какъ хотите вы, чтобъ я сдѣлалъ? Будетъ просто гибель.

Энрико (*приближаясь къ Джилъдѣ*). Бѣдная Джилъда!

Джилда (*въ тоскѣ*). Несчастное невинное твореніе!

Донъ Грегорио. Я чувствую, разрывается мое сердце... (*Думая*). Здѣсь нѣтъ другого средства... пусть говоритъ, что хочетъ, свѣтъ. Дѣло идетъ о любви матери... о помощи двумъ несчастнымъ...

Джилда. Итакъ...

Энрико. Милый донъ Грегорио!

Донъ Грегорио. Вы ничего не умѣете говорить, какъ только: донъ Грегорио, донъ Грегорио!... (*Въ отчаяніи*). Что вы мнѣ надѣлали! Пойдите... нужно будетъ... Но вы хотите имѣть своего сына?

Джилда. Да, отъ самаго утра онъ не имѣлъ никакой пищи. Я слышу плачь его, въ домѣ никого нѣтъ кромѣ Маделены, бѣдной старухи, которая больна. Изъ состраданія, изъ челоуѣколюбія я прошу у васъ сына...

Донъ Грегорио (*ударивши себя по лбу*). О Боже, что я принужденъ дѣлать! (*Про себя*). Но какъ же сдѣлать это иначе? какъ? (*Вслухъ*). Первый этажъ?

Джилда. Да.

Донъ Грегорио. Большая дверь?

Джилда. Да, по лѣвую руку.

Донъ Грегорио. Дайте мнѣ какой-нибудь знакъ.

Джилда (*снимая поспѣшно съ руки браслетъ*). Возьмите!

Энрико. Вы идете сами развѣ?

Донъ Грегорио. Имя ребенку Бернардино?

Джилда. Да: милый Бернардинъ мой!

Донъ Грегорио (*мѣшаясь*). Плащъ и шляпа тамъ внизу. Свѣчи не нужно. Въ случаѣ... Нѣтъ, не зачѣмъ... Да, здѣсь нужно присутствіе духа.

Энрико. Bravo! Bravo!

Джилда. Вы идете сами?.. О, какъ вы добры! Богъ да благословитъ васъ!

Донъ Грегорио. О, какой безразсудный поступокъ вы заставляете меня сдѣлать! (*Про себя*). Эта имѣетъ однакожь что-то такое въ себѣ, что, признаюсь, подвинуло бы меня еще на худшее, чѣмъ сдѣлать Энрико. (*Вслухъ*). Теперь иду... Запирите. Не отпирайте, если не назову васъ по имени. Вы останетесь съ ней... Я сію минуту возвращусь... Я не знаю, что говорю... Если маркизъ меня встрѣтитъ, я умру... (*Про себя*). Вотъ тебѣ—дядька сдѣлался нянькою!... Критикуйте, критикуйте вы, важные, любящіе нахмуривать брови!

Я бы желалъ посмотрѣть на васъ въ такомъ положеніи! (*Вслухъ*). Заприте, заприте! (*Уходитъ*).

Джилда. Энрико мой! Происходи, что хочеть, но когда я буду имѣть въ рукахъ своихъ сына, снесу съ большею твердостью всякое несчастіе.

Энрико. Теперь, когда донъ Грегорио, благодаря тебѣ, принялъ въ насъ участіе, я надѣюсь, что все устроится.

Джилда. Ахъ, если когда-нибудь мы достигнемъ того, что будемъ, наконецъ, свободны и покойны, какъ всѣ жены съ своими мужьями, я бы хотѣла, чтобы утро, вечеръ и всегда и еще всегда мы были вѣчно одинъ возлѣ другого, разговаривая и бесѣдуя между собою вѣчно.

Энрико. Наконецъ тебѣ бы это надоѣло.

Джилда. Я тебѣ клянусь, что чѣмъ больше тебѣ говорю, тѣмъ болѣе растеть во мнѣ желаніе говорить тебѣ. И потомъ, когда, кажется, я тебѣ пересказала и переговорила все, какъ только ты удалишься отъ меня, нахожу вѣчно, что позабыла тебѣ сказать еще много кое-какихъ вещей.

Энрико. И сердцамъ, которыя такъ созданы одно для другого, не даютъ жить вмѣстѣ!

Джилда. Но теперь будь покоенъ, скоро все уладится. Мое сердце говоритъ мнѣ это, а сердце мое не обманывается.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тъ же и маркизъ.

Маркизъ (*стуча въ дверь*). Отвори!

Джилда (*вскрикивая*). Ахъ!

Энрико. Не открывай: это отецъ мой! Я погибъ.

Маркизъ. Женищина, отвори! не производи шума!

Джилда (*рѣшительно*). Не бойся, Энрико; спрячься и оставь все мнѣ! Или уже твой отецъ знаетъ объ этомъ, или здѣсь есть какая-нибудь двусмысленность; во всякомъ случаѣ, позволю, обработаю это я.

Энрико (*въ отчаяніи*). Я погибъ!

Маркизъ. Чортъ побери, отопрѣ, или я разломаю дверь.

Джилда (*возвышая голосъ*). Синьоръ, кто вы?

Маркизъ. Господинъ дома.

Джилда (*принуждая Энрико спрятаться*). Не бойся, здѣсь я. Ступай, ступай, повинуйся твоей Джилдѣ!

Энрико. Я тебѣ повинуюсь... Смотри, подумай... Я виѣ себя. (*Уходитъ въ дверь*).

Маркизь (*кричитъ вполголоса*). Отвори, или я сейчасъ же выломаю дверь.

Джильда. Терпѣнья, синьоръ! Размыслите только о томъ, что я не знаю васъ вовсе; однакожъ, при всемъ томъ я хочу показать, что уважаю васъ... Я отопру вамъ дверь, но прошу васъ не употребить во зло моей довѣренности и не нарушить правъ гостепріимства (*отпираетъ*).

Маркизь (*въ интонаціи*). Безстыдная женщина!

Джильда. Типе, синьоръ! Вы знаете меня?

Маркизь. Молодая женщина, въ этотъ часъ въ комнатѣ донъ Грегоріо, даетъ очень хорошо знать, кто она: не нужно болѣе никакихъ изъясненій.

Джильда. Это меня изумляетъ, синьоръ! Вы почитаете меня за презрѣнную...

Маркизь. Увольте меня отъ этихъ словъ! Всѣ женщины вашего разбора обыкновенно говорятъ такимъ образомъ.

Джильда. Какъ? (*Про себя*). Онъ въ заблужденіи; тутъ нужна осторожность.

Маркизь. Прошу васъ знать, что я имѣю двухъ мальчиковъ, двухъ, можно сказать, голубей невинности. Вы видите по глазамъ моимъ и по лицу, какое усиліе я дѣлаю надъ самимъ собою, чтобы не произвести сцены, въ которую бы бросило меня мое негодованіе,—единственно только, чтобы не доставить соблазна дѣтямъ моимъ... Ступайте со мною.

Джильда. Но что вы хотите дѣлать?

Маркизь. Когда этотъ чудовище донъ Грегоріо возвратится, то онъ не долженъ васъ найти здѣсь. Но я васъ покажу ему потомъ, чтобы онъ не могъ отпереться.

Джильда. Синьоръ, успокойтесь на минуту, всмотритесь въ лицо мнѣ и разуверьтесь: я дочь полковника.

Маркизь. Кто бы вы ни были, стыдитесь говорить свое имя, пбо, такъ какъ вы уже впали въ безславіе, будучи обольщены...

Джильда. Но...

Маркизь. Молчите, я не въ силахъ...

Джильда. Но выслушайте!

Маркизь. Что вы хотите еще говорить? Я очень хорошо знаю свѣтъ... Я знаю все до послѣдняго слова, что вы говорили съ этимъ безнравственнымъ человѣкомъ.

Джилда. Синьоръ...

Маркизь. Что? извиненья? предлоги? Знаю, извѣстенъ обо всемъ этомъ. Все ложь!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и донъ Грегоріо.

Донъ Грегоріо (*стуча въ дверь*). Джильда, это я! это донъ Грегоріо!

Джилда. Любезный мой...

Маркизь (*вполголоса*). Молчите, если не хотите, чтобъ я взбѣсился.

Донъ Грегоріо. Отоприте, это я несу все съ собою.

Маркизь. Удалитесь, говорю вамъ, или я сдѣлаюсь звѣремъ.

Джилда (*про себя*). Не нужно сердить его... (*Вслухъ*). Синьоръ, не отъ страха, но чтобъ показать вамъ мое повиненіе, я удаляюсь. (*Про себя*). Боже! какая минута должна наконецъ произойти! (*Уходитъ*).

Донъ Грегоріо. Скорѣе, скорѣе!

Маркизь. Потише, не такъ горячись! (*Отпираетъ проворно дверь и становится такимъ образомъ, чтобъ донъ Грегоріо, вошедши, его не видѣлъ*).

Донъ Грегоріо (*входитъ съ ребенкомъ въ рукахъ подъ плащомъ*). Чортъ возьми! можно ли такъ долго не отворять! Боялся всякую минуту этого стараго сатира маркиза.

Маркизь (*голосомъ прерывающимся и дрожащимъ отъ гнѣва*). Вотъ онъ—старый сатиръ, здѣсь.

Донъ Грегоріо (*вскрикиваетъ, дрожитъ всѣмъ тѣломъ и ищетъ, куда бы спрятать ребенка*).

Маркизь. Развратный старикишка! Смотри, въ какое положеніе ты меня привелъ! Смотри: я въ параличъ отъ гнѣва.

Донъ Грегоріо (*про себя*). А я, если не пораженъ до сихъ поръ апоплексическимъ ударомъ, такъ это просто чудо. (*Не въ состояніи будучи произнести слова*) Синьоръ... мар...кизь...

Маркизь. Безстыдный! (*Приближаясь къ нему потихоньку, задыхающимся голосомъ, едва въ состояніи произнести слово*). Въ этотъ часъ молодая женщина... въ моемъ домѣ... гдѣ невинная... ничего еще не знающія мои дѣти... А, истинный волкъ, приставленный стеречь ягнятъ!...

Донъ Грегоріо (*не въ состояніи произнести одного слова*). Синьоръ... мар...кизь...

Маркизь (*приближаясь къ нему все поближе, почти наступая на него и наконецъ замѣтивъ, что тотъ хочетъ что-то скрыть подъ плащомъ*). Что тамъ такое? Чѣмъ подъ плащомъ?

Донъ Грегорио. Снѣборъ мар...кизь... совершенно ничего. Это ни сѣ, ни то... это вздоръ.

Маркизь (*гнѣвно*). Какъ, ни сѣ ни то?

Донъ Грегорио. Это пустякъ. (*Про себя*). Ухъ, я падаю въ обморокъ!

Маркизь. Покажите, или я потеряю къ вамъ послѣднее уваженіе.

Донъ Грегорио. Это дѣло мое частное...

Маркизь. Нѣтъ, вы отъ меня не закроете... (*Схватываетъ за одинъ конецъ плаща, открываетъ ребенка*).

Донъ Грегорио. Ахъ, любезный маркизь!

Маркизь (*дрожа*). Что вижу!

Донъ Грегорио (*минуты двѣ остается неподвижнымъ въ совершенной нерышительности, совершенно потерянный, съ открытымъ ребенкомъ, и смотря пристально въ глаза маркизу*). Это, маркизь, ничего.

Маркизь. И кто послѣ этого удержитъ меня, чтобъ я не потерялъ разсудка и чтобъ этими моими руками... (*Бросается на донъ Грегорио*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Джильда.

Джильда (*выхватывая сына изъ рукъ донъ Грегорио*). Маркизь, что вы дѣлаете? Это мой сынъ! это ваша кровь!

Маркизь. Это моя кровь! Ахъ, ты безстыдная!

Джильда. Да, и никто не въ силахъ исторгнуть его изъ рукъ моихъ. (*Про себя, прижимая и цѣлуя ребенка*). Тутъ нужно будетъ дѣйствіе занять изъ романа.

Маркизь. Безстыдная! моя кровь!

Донъ Грегорио (*про себя, крикнувъ*). А, будь то, что должно быть! (*Вслухъ*). Да, маркизь, все открыто. Это ваша кровь! (*Джильда уходитъ*).

Маркизь. Какъ, безстыдный!

Донъ Грегорио. Къ чему послужить отречься? Маркизь, бросьтесь въ мои объятія!

Маркизь (*отталкивая его*). Къ чорту ступай въ объятія!

Донъ Грегорио (*про себя*). Тутъ нужна каменная грудь... (*Вслухъ*). Выдѣте изъ заблужденія и не отнимайте изъ-за одной обманчивой наружности отъ меня того уваженія, которое я заслужилъ отъ васъ въ продолженіе десяти лѣтъ.

Маркизь. Какъ!

Донъ Грегорио. Знайте...

Маркизь. Что?

Донъ Грегорио (*крякнувъ, про себя*). А, все за однимъ разомъ!... (*Вслухъ*). Эта молодая женщина—жена, а этотъ ребенокъ—сынъ...

Маркизь. Чей?

Донъ Грегорио. Энрико, вашего сына.

Маркизь (*въ бѣшенствѣ*). Ахъ! Измѣна! Точно ли? Правда ли это? Я умерщвленъ... Предатели!.. Недостойные!.. Вы хотите гробъ мнѣ приготовить? Да, вы этого достигли. Да, вы успѣли въ этомъ. (*Въ совершенномъ отчаяніи*).

Донъ Грегорио (*въ сторону*). Нужно теперь дать ему испариться.

Маркизь. Сынъ неблагодарный! Но пѣтъ, если ты, точно, въ этомъ преступникъ, ты болѣе не сынъ мой. Но справедливо ли это?

Донъ Грегорио (*со страхомъ*). Справедливо. (*Про себя*). Послѣ того, какъ ударъ уже данъ, прилично дать время, чтобы стекла кровь.

Маркизь. Говорите мнѣ, говорите скорѣе, что лжете, а не то бѣшенство мое перейдетъ всѣ границы! Столько отеческой любви, столько стараній, столько заботы!.. Варвары, трепещите! Я покажу вамъ, кто я.

Донъ Грегорио. Испарьтесь немного, маркизь, испарьтесь, утишитесь, успокойтесь.

Маркизь. Какъ! еще оскорблять меня, еще оскорбленіе!

Донъ Грегорио. Нѣтъ, Боже сохрани отъ того! Право, нѣтъ!

Маркизь. Да, прежде всего я долженъ испарить свой гнѣвъ на тебѣ, который былъ гнуснымъ, безчестнымъ посредникомъ...

Донъ Грегорио. О! тише, маркизь!

Маркизь (*сраженный останавливается*). Я виѣ себя.

Донъ Грегорио. Донъ Грегорио не позволитъ наносить себѣ оскорбленій. Вы достойны извиненія, когда ослѣпляетъ васъ гнѣвъ; но не оскорбляйте чести человека честнаго,

каковъ я. Только сего утра Энрико, удрученный слезами и горемъ, открылъ мнѣ тайну. Молодая женщина, которую видите, пришла плакать тоже въ то время, какъ вы пришли сюда. Чтобъ избавить и пощадить васъ отъ подобной неожиданности, я скрылъ ее, не имѣя возможности дать ей уйти отсюда, въ моей комнатѣ. Необходимость кормить ребенка заставила меня идти взять его въ то время, когда вы, не знаю изъ какого подозрѣнія, пришли поймать меня. Клянусь всею святостью чести, что до самаго сего утра я ничего не зналъ объ этомъ. И Энрико удалось скрыть свое супружество въ теченіе цѣлаго года, какъ отъ вашихъ глазъ, такъ равномѣрно и отъ моихъ.

Маркизь. Измѣнникъ! предатель!

Донъ Грегорио. Все, что вамъ говорю—правда, и я тысячами клятвъ готовъ подтвердить ее. Зло сдѣлано; средства противъ него нѣтъ никакого. Дайте мѣсто разсудку и успокойте себя тѣмъ, что могло бы сдѣлаться хуже. Молодая женщина есть дочь полковника Таллемани, котораго вы знали очень хорошо и котораго званіе не ниже вашего. Если она не богата, то это замѣняютъ ея прекрасныя качества души, дѣлающія ее достойною любви вашего сына и вашего прощенія.

Маркизь (*въ бѣшенствѣ*). Прощенія! Слушайте, донъ Грегорио! Я виѣ себя. Я не увижу никогда сына моего!.. Безъ моего согласія... на позоръ мнѣ... Будь она дочь владѣтельнаго принца, короля... Имѣть жену!.. мой сынъ!.. пусть сію же минуту идутъ вонъ изъ моего дома! Пусть скитаются бродягами, умирая отъ голода! И на нихъ, и на дѣтей ихъ моя отческая рука наносить...

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Джильда (*съ сыномъ на рукахъ, сопровождаемая Энрикомъ*).

Джильда (*почти въ смѣломъ движеніи неистовства*). Окаменѣй при видѣ пораженной отчаяніемъ, которая, прежде чѣмъ поразить слова твои это невинное твореніе, хочетъ разодрать его на части сію же минуту! Смотри!.. (*Для движениіе убить его.*)

Маркизь (*въ страхѣ, останавливая ее*). Чинь! Чинь!.. Что ты дѣлаешь? Извергъ! развѣ ты не мать?

Джилда (*твердымъ голосомъ*). А ты что дѣлаешь? развѣ ты не отецъ?

Маркизь (*остановившись, про себя*). О, Небо! какой отвѣтъ!

Джилда (*продолжая*). Вы гоните, грозите, проклинаете— и послѣ всего этого вы отецъ? И развѣ эти молніи проклятій не хуже въ нѣсколько разъ неистовства матери противъ сына въ то время, когда она видитъ, какъ поражаетъ его проклетіе?

Энрико (*тихо*). Браво, Джилда!

Донъ Грегорио. Чортъ поberi, въ самомъ дѣлѣ!

Маркизь (*про себя*). О, какое потрясеніе произвела во мнѣ эта неожиданность!

Энрико. Я преступникъ, я заслужилъ всю силу гнѣва вашего, но я требую отъ васъ милосердія.

Джилда. Простите Энрика и поразите наказаніемъ меня: я виновна.

Маркизь (*про себя*). Ахъ, я чувствую, что заслуживаю упреки и что я отецъ.

Джилда. Это случилось не съ тѣмъ, чтобы оскорбить васъ.

Энрико. Меня принудила честь.

Джилда. Если вы отецъ...

Энрико. Я также отецъ.

Джилда. Любовь насъ побѣдила.

Энрико. Изъ любви я преступникъ.

Маркизь (*про себя*). И любовь, и долгъ берутъ верхъ.
(*Обращаясь къ донъ Грегорио.*) Точно ли она дочь Тампiani?

Донъ Грегорио. Она сама лично.

Маркизь. Вы точно законные супруги?

Энрико. Точно; въ этомъ вамъ клянусь.

Маркизь. И васъ благословило небо?

Джилда. Въ этомъ будьте увѣрены.

Маркизь (*послѣ нѣсколькихъ минутъ нерѣшительности и противоборства съ самимъ собою*). Хорошо, я васъ прощаю, обнимаю васъ и благословляю васъ, также вмѣстѣ съ тѣмъ и плодъ вашъ.

Донъ Грегорио. О! bravo, маркизь!

Энрико. Мой дражайшій родитель!

Джилда (*цѣлуя сына*). Я умираю отъ радости.

Донъ Грегорио. Дайте сюда это невинное твореніе. Такъ

какъ оно теперь заснуло, то, чтобы какъ-нибудь мы нашею радостію не потревожили, дайте его сюда мнѣ!

Джилда. Ахъ, да, я вамъ вѣрю его, донъ Грегорио.

Донъ Грегорио. Не сомнѣвайтесь. Я въ этомъ дѣлѣ опытенъ... Положимъ его въ люльку. (*Въ сторону.*) Какъ похожъ на отца! Точно двѣ капли воды. (*Уходитъ и возвращается*).

Маркизь. Я принесъ моимъ негодованьемъ жертву небу. Голосъ свыше говоритъ мнѣ и упрекаетъ меня въ излишней строгости, онъ же пророчитъ мнѣ счастливую будущность. Не обманите сладкихъ надеждъ моихъ!

Энрико. Нѣтъ, отецъ мой!

Джилда. Не бойтесь! Не думайте также, чтобы я въ самомъ дѣлѣ хотѣла убить Бернардино моего. Нѣтъ, я это сдѣлала только для того, чтобы потрясти и испугать васъ.

Маркизь. Понимаю. Послѣ вы мнѣ должны рассказать, какъ вы могли...

Джилда. Да, послѣ, когда вы успокоитесь совершенно.

Энрико. Все это знаетъ донъ Грегорио.

ЯВЛЕНІЕ VI и ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣ же, Леонарда и Пиппетто.

Пиппетто. Синьоръ отецъ, мы слышали все. И такъ какъ уже вы начали, то и продолжайте. Сдѣлайте также счастливыми навсегда эти двѣ любящія другъ друга души.

Маркизь. Что ты несешь за чертовщину? Я ничего не понимаю.

Донъ Грегорио. Вотъ тебѣ разъ! Проваль возьми!

Пиппетто. Любовь глубоко просверлила мое сердце.

Маркизь. Дуракъ! Что ты такое вообразилъ себѣ? Что ты задумалъ? (*Приходитъ съ нѣмъ*).

Пиппетто. Соедините наши руки такъ же, какъ нѣжно соединены наши сердца.

Маркизь (*про себя*). Во снѣ ли я, или просто въ бреду? (*Вслухъ*.) Ты говоришь серьезно?

Джилда. Могъ ли ты это думать, Энрико?

Энрико (*Джилдѣ*). Конечно, потому что Леонарда всегда водила его за носъ.

Маркизь. Донъ Грегорио!

Донъ Грегорио. Синьоръ маркизъ, я просто превратился въ камень.

Пиппетто. Итакъ... (*Тихо Леонардъ.*) Скажи теперь ты что-нибудь такое, какъ говорила эта. (*Указываетъ на Джильду.*)

Маркизъ. Ты смѣнешься что ли надо мною? (*Обращаясь къ Леонардъ.*) А ты, въ твои лѣта, глупая женщина! ты хочешь развѣ испытать мое терпѣніе?

Леонарда (*про себя*). Дѣло пошло плохо. По необходимости нужно теперь сыграть роль добродѣтельной. (*Вслухъ.*) Синьоръ, и вы могли думать, что я все это говорила серьезно? Я обманывала нарочно этого мальчика, представляя, будто сохраняю къ нему любовныя ощущенія, единственно на тотъ конецъ, чтобы онъ не искалъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ совратиться съ пути добродѣтели, а по правдѣ я даже и во снѣ не думала о немъ.

Пиппетто. Невѣрная! измѣнница! Итакъ, ты меня обманула? Итакъ, были ложны твои клятвы, притворны твои слезы? Любовники, любовники! Если эти прекрасныя уста тгали, какія же послѣ этого могутъ говорить правду?

Маркизъ (*ескрикивая на него*). Перестань! Замолчи, дуракъ!

Пиппетто. Да, отецъ мой! Небо наказываетъ меня за то, что я не слушалъ вашихъ наставленій. Повѣрьте мнѣ, что разлученіе съ этимъ сердцемъ стѣбитъ мнѣ горькихъ слезъ.

Маркизъ. Донъ Грегорио! и этого вы также не могли предвидѣть?

Донъ Грегорио. Но кто бы могъ предполагать, маркизъ, чтобы женщина въ эти лѣта...

Леонарда (*съ сердцемъ*). Прошу не оскорблять меня, донъ Грегорио.

Маркизъ. Ты ступай прочь и приготовься-ка отдать отчетъ въ твоемъ поведеніи; если только въ самомъ дѣлѣ въ немъ есть какой-нибудь соблазнъ, и ты, пользуясь слабоуміемъ этого мальчишки...

Леонарда. Что касается до меня, то вы убѣдитесь, что я чиста, какъ кристалль. Я повинуюсь вамъ, но не могу удержаться, чтобъ не сказать, что донъ Грегорио есть настоящая причина моей гибели и что ревность его виною, что со мною поступаютъ такимъ образомъ. (*Уходитъ.*)

Маркизъ. Донъ Грегорио!

Донъ Грегорио. И вы еще слушаете ее, маркизъ?

Маркизь. Вы правы. Она не заслуживаетъ никакого довѣрія. Изъ всего этого, что случилось, я вижу, что излишняя строгость и смотрѣніе не суть еще средства къ хорошему воспитанію дѣтей.

Донъ Грегоріо. И вы потомъ согласитесь со мною, что воспитаніе молодыхъ людей должно образоваться силою кротости, совѣтовъ, примѣра, и показывая имъ свѣтъ осторожно, съ благоразуміемъ, въ его настоящемъ видѣ, чуждомъ фанатизма его жаркихъ защитниковъ, такъ же, какъ и ложнаго о немъ понятія людей предубѣжденных...

Маркизь. Правда. Пиппетто, между тѣмъ, чрезъ нѣсколько дней отправится путешествовать и узнать немного людей.

Пиппетто. И скрыться изъ вида этой неблагодарной! (*Про себя.*) Кажется, даже невозможно: подъ такою наружностію и такая лживая душа.

Маркизь. Вы, донъ Грегоріо, будете сопровождать его, и пусть случившееся сдѣлаетъ васъ болѣе проникательнымъ въ подобныхъ случаяхъ.

Донъ Грегоріо. Я этимъ воспользуюсь. Никогда не позволю молодымъ неопытнымъ людямъ находиться возлѣ пожилыхъ женщинъ, хотя бы даже онѣ были старѣ дьявола.

Маркизь. Вы, дѣти мои, останетесь со мною. Любите меня и любите другъ друга.

Эрико. Это мы сдѣлаемъ отъ всѣхъ сердець нашихъ.

Джилда. Отъ всей души.

Маркизь. Я этого надѣюсь. И вотъ вдругъ и разомъ избавился я отъ долговременнаго заблужденія.

Эрико. А сынъ вашъ отъ страха.

Джилда. А жена его отъ горестей.

Донъ Грегоріо. А бѣдный дядька отъ своего затруднительнаго положенія.

ПРИМѢЧАНІЯ РЕДАКТОРА.

I.

Сочиненія, относящіяся ко второй половинѣ 40-хъ годовъ, изданныя послѣ смерти автора.

Учебная книга словесности. Составлена, вѣроятно, въ промежутокъ между 1844 и 1846 гг.; впервые напечатана въ шестомъ томѣ десятаго изданія.

Первоначальная редакція второго тома «Мертвыхъ Душъ». См. примѣчанія редактора къ первому тому.

Страницы, передѣланныя по выходѣ въ свѣтъ перваго тома «Мертвыхъ Душъ» — относятся ко второй половинѣ сороковыхъ годовъ и напечатаны впервые въ седьмомъ томѣ десятаго изданія.

Вновь найденныя страницы второго тома «Мертвыхъ Душъ». Этотъ отрывокъ представляетъ собою одинъ изъ вариантовъ къ самому окончанію второго тома — главѣ, гдѣ является генераль-губернаторъ, и долженъ быть отнесенъ ко второй половинѣ сороковыхъ годовъ; первоначально напечатанъ въ седьмомъ томѣ десятаго изданія.

Размышленія автора о нѣкоторыхъ герояхъ «Мертвыхъ Душъ». Относятся къ тому же времени, какъ и предыдущій отрывокъ, и напечатаны впервые тамъ же.

1846 годъ. Написано наканунѣ 1846 года.

О сословіяхъ въ государствѣ. Эта статья относится, вѣроятно, ко второй половинѣ сороковыхъ годовъ; впервые напечатана въ шестомъ томѣ десятаго изданія.

Объявленіе объ изданіи русскаго словаря — написано не ранѣе 1847 года и впервые напечатано въ «Сборникѣ Любителей Россійской Словесности» за 1891 годъ.

Замѣтки о сельскомъ хозяйствѣ. Время написанія неизвѣстно; впервые напечатаны въ шестомъ томѣ десятаго изданія.

Помѣщики. Этотъ отрывокъ относится ко второй половинѣ сороковыхъ годовъ; впервые напечатанъ въ шестомъ томѣ десятаго изданія.

Трудъ. См. предыдущее примѣчаніе.

Строки, написанныя за нѣсколько дней до кончины — впервые были напечатаны въ журналѣ «Царь-Колоколъ», 1892, III.

II.

Приложенія.

Сганарель. Эта комедія Мольера переведена подъ редакціей Гоголя въ 1839 году, на сцену поставлена въ началѣ 1840 года; впервые напечатана въ журналѣ «Царь-Колоколъ» (1892, III).

Дядька въ затруднительномъ положеніи. Пьеса эта, принадлежащая Джіованни Жиро, переведена съ итальянскаго подъ редакціей Гоголя въ началѣ августа 1840 г.; впервые напечатана въ «Извѣстіяхъ Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Института» (томъ VII).

Оглавленіе

ДВѢНАДЦАТАГО ТОМА.

I.

Сочиненія, относящіяся ко второй половинѣ 40-хъ годовъ,
изданныя послѣ смерти автора.

	СТР.
Учебная книга словесности	5
Первоначальная редакція второго тома «Мертвыхъ Душъ» . . .	27
Страницы, передѣланныя авторомъ по выходѣ въ свѣтъ перваго тома «Мертвыхъ Душъ»	164
Вновь найденныя страницы изъ второй части «Мертвыхъ Душъ».	174
Отрывокъ, касающійся второй части «Мертвыхъ Душъ» . . .	179
Размышленія автора о нѣкоторыхъ герояхъ перваго тома «Мертвыхъ Душъ»	180
1846-ой годъ	181
О сословіяхъ въ государствѣ	182
Объявленіе объ изданіи русскаго словаря	187
Замѣтка о сельскомъ хозяйствѣ	188
Помѣщики	189
Трудъ	190
Строки, написанныя за нѣсколько дней до кончины	191

II. Приложенія.

Станарель	195
Дядька въ затруднительномъ положеніи	213
Примѣчанія редактора	258

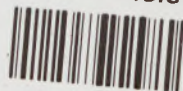

340

WYŻSZA SZKOŁA
PEDAGOGICZNA W KIELCACH
BIBLIOTEKA

109289

Biblioteka WSP Kielce

0152390

Рисунокъ утвержд. Правительствомъ